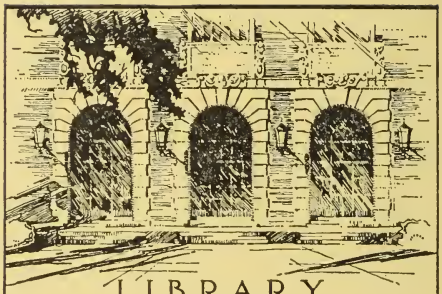
05
P-89
1, 1912
.91650



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1912
no.1

The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

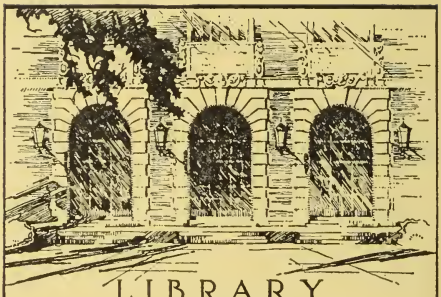
MAR 6 1971

MAY 16 1994

L161—O-1096

МОСКВА

1912



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1912
no.1

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ДУБЛЕТНАЯ КНИГА

ЯНВАРЬ

МОСКВА
1912

Открыта подписка на 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ I. Романъ. Часть третья. Записки князя Валерьяна Михайловича Голицына.—**Д. С. Мережковскаго.** *Продолженіе* . . . 1

II. ДОМЪ ЛИЛЬЕКРОНЫ. Романъ **Сельмы Лагерлефъ.** Перев. съ шведск. **М. П. Благовѣщенской** 23

III. АЛТАРЬ ПОБѢДЫ. Повѣсть IV вѣка. Книга вторая. Главы I—V.—**Валерія Брюсова.** *Продолженіе* 84

IV. НА ЯРМАРКѢ. Стихотвореніе.—**К. Д. Бальмонта** 111

V. ПОМѢЩИКЪ ГАЛДИНЪ. Повѣсть. Главы I—XIII.—**Ю. Л. Слезкина** . 113

VI. ЛЭДИ ГАМИЛЬТОНЪ И ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ. (По *H. V. Schumacher'у* и *Walter Sichel'ю.*) Очерки.—**Э. К. Пименовой** 150

VII. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. Гумилева** 199

VIII. СОСУДЪ ДЬЯВОЛА. Разсказъ.—**Ивана Странника** 201

IX. КРУШЕНІЕ ТЕОКРАТІИ ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ В. С. СОЛОВЬЕВА.—**Кн. Евгенія Трубецкого** 1

X. ВОСПОМИНАНІЯ О С. Я. НАДСОНѢ. Къ 25-лѣтію со дня кончины.—**М. А. Россійской-Кожевниковой** 36

XI. „ЭКОНОМИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ" КАКЪ ФИЛОСОФІЯ ХОЗЯЙСТВА.—**С. Н. Булгакова** 44

XII. ОБЩЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА И УКРАИНСКІЙ ПАРТИКУЛЯРИЗМЪ. Отвѣтъ Украинцу.—**Петра Струве** 65

XIII. О ПОСМЕРТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ТОЛСТОГО. Замѣтки.—**Любови Гуревичъ** 87

XIV. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Віардо 104

XV. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Политическая жизнь въ Россіи. **А. С. Изгоева.** — 2. О „единствѣ и нераздѣльности Россіи". **З. Д. Авалова.** — 3. Къ характеристикѣ польско-украинскихъ отношеній. **А. Ѳ. Саликовскаго.**—4. Русская внѣшняя политика за 1911 г. **Кн. Гр. Н. Трубецкого. II. Литература и искусство** 1. Что пишутъ. **Антона Крайняго.**—2. Александръ Блокъ. **Валерія Брюсова.**—3. Стасюлевичъ и его литературный архивъ. **А. А. Кизеветтера.**—4. Къ юбилею М. В. Ломоносова. **М. О. Гершензона.** — 5. О двухъ новыхъ книгахъ по искусству. **К. А. Эрберга.**—6. Письмо о французской поэзіи. **Ренэ Гиля. III. Историческая наука.** Опытъ библіографіи всеобщей исторіи. **Д. Н. Егорова. IV. Школа и воспитаніе.** Четырехгодичная народная начальная школа или четырехгодичное высшее начальное училище? **А. М. Обухова. V. Некрологъ** 1

XVI. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ.** I. Книги: Исторія литературы.—Философія.—Исторія.—Правовѣдѣніе.—Публицистика.—Политическая экономія.—Народное образованіе и педагогика. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" въ теченіе декабря 1911 г. . . . 1

XVII. ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ 122

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

БИБЛІОТЕКА.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1912 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

(годъ изданія 33-й).

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

При постоянномъ сотрудничествѣ: **К. Д. Бальмонта, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяева, В. Я. Богучарскаго, В. Я. Брюсова, С. Н. Булгакова, Андрея Бѣлаго, В. И. Вернадскаго, Л. И. Гальберштадта, М. О. Гершензона, В. Ф. Гефдинга, З. Н. Гиппіусъ, Л. Я. Гуревичъ, И. М. Гревса, Д. Н. Егорова, Д. Е. Жуковскаго, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, А. С. Изгоева, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, С. В. Лурье, В. А. Маклакова, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, П. И. Новгородцева, А. М. Обухова, А. М. Ремизова, А. М. Рыкачева, Ѳ. Сологуба, кн. Е. Н. Трубецкого, кн. Гр. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.**

Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе принимаетъ **В. Я. Брюсовъ.**

Въ отдѣлѣ естествознанія ближайшее участіе принимаетъ профессоръ-академикъ **В. И. Вернадскій.**

Въ 1912 г. журналъ будетъ издаваться по тому же плану, который былъ положенъ въ основу 1911 г.

Введенные въ этомъ году отдѣлы: **Въ Россіи и за границей** (Обзоры и замѣтки), **Письма о національностяхъ и областяхъ** и **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры** будутъ расширяемы и совершенствуемы, такъ какъ редакція убѣдилась, что эти отдѣлы отвѣчаютъ подлинной потребности и живѣйшему интересу читателей. Точно такъ же редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы **Критическое обозрѣніе** (Критико-библіографическій отдѣлъ „Русской Мысли") составлялось возможно полнѣе и давало отчетъ о всѣхъ самыхъ выдающихся книгахъ, выходящихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, поскольку эти книги не будутъ болѣе обстоятельно отмѣчаться на столбцахъ отдѣла **„Въ Россіи и за границей"**.

Романъ **Д. С. Мережковскаго „Александръ I"**, который „Русская Мысль" въ 1911 г. давала не отрывками (какъ это было указано нами въ объявленіи на этотъ годъ), а полностью, будетъ продолжаться въ 1912 г. **Всѣ вновь вступающіе подписчики на 1912 г. получатъ безплатно отдѣльными оттисками (которые въ отдѣльную продажу не поступятъ) тѣ главы романа Д. С. Мережковскаго, которыя появились въ 1911 году.**

Историческая повѣсть **В. Я. Брюсова „Алтарь побѣды"**, которую авторъ не смогъ закончить въ 1911 г., тоже будетъ перенесена на 1912 г., и **всѣ вновь вступившіе подписчики на 1912 г. получатъ отдѣльные оттиски напечатанныхъ въ 1911 г. главъ этого произведенія** (оттиски эти не поступятъ въ отдѣльную продажу).

Далѣе, по отдѣлу беллетристики будутъ даны въ 1912 г. три оригинальныхъ романа изъ современной русской жизни: **З. Н. Гиппіусъ „Романъ-Царевичъ", Ю. Л. Слезкина „Помѣщикъ Галдинъ"** и **Д. А. Абельдяева „Тѣнь вѣка сего"**, а также **нѣсколько** переводныхъ **романовъ** и разсказовъ. Намъ даны и обѣщаны кромѣ того романъ **Андрея Бѣлаго „Путники"** и разсказы: **Б. Садовского „Яблочный царекъ", Ив. Странника „Сосудъ діавола", С. Елеонскаго** „Волшебникъ", **Н. Анненковой-Бернаръ, гр. А. Н. Толстого, Ив. Бунина** и др., стихи **Валерія Брюсова, К. Бальмонта, Александра Блока, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, Ѳ. Сологуба** и др., переводъ трагедіи Софокла **„Аянтъ Биченосецъ" Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.**

По отдѣлу статей намъ даны и обѣщаны статьи: **Н. А. Бердяева** („Націонализмъ и антисемитизмъ предъ судомъ христіанскаго сознанія“), **С. Н. Булгакова** („Экономическій матеріализмъ, какъ философія хозяйства“), **В. И. Вернадскаго** („Очерки по исторіи естествознанія въ Россіи въ XVIII и XIX вв.“), **Л. Я. Гуревичъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго** („Идея возмездія въ греческой культурѣ“) **А. С. Изгоева** (публицистическія замѣтки подъ общимъ заглавіемъ **„На перевалѣ“**), **А. А. Кизеветтера** („Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. Очерки изъ жизни русскаго общества въ началѣ XIX вѣка“), **А. А. Корнилова** („Семейство Бакунинныхъ“), **С. А. Котляревскаго, В. А. Маклакова** (1. „Л. Н. Толстой какъ общественный дѣятель“, и 2. Характеристика П. А. Столыпина), **П. И. Новгородцева** („О кризисѣ соціализма“), **кн. В. А. Оболенскаго** („Очерки хуторской Россіи“), **А. М. Рыкачева, кн. Е. Н. Трубецкого** („Крушеніе теократіи въ философіи Влад. Соловьева“), **кн. Г. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, К. И. Чуковскаго** („Н. А. Некрасовъ“) и другихъ, а также рядъ **„Писемъ изъ-за границы“** нашихъ постоянныхъ заграничныхъ корреспондентовъ.

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ только для иногородн. внутри Россіи **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — **Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. № 3**, въ книжныхъ магазинахъ **„Образованіе“, М. О. Вольфа** и **Н. П. Карбасникова**, въ конторѣ **Н. Н. Печковской**; въ Спб.—въ книжн. магаз. **Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа** и кн. скл. **„Право“**; въ Вильнѣ и Варшавѣ въ книжн. магаз. **Н. П. Карбасникова**; въ Кіевѣ—въ книжн. магаз. **Н. Я. Оглоблина** „Трудъ“; въ Одессѣ—въ книжн. магаз. **„Трудъ“, „Одесскія Новости“** и **„Новаго Времени“** въ Саратовѣ—въ книжн. магаз. **„Новаго Времени“**; въ Харьковѣ—въ кн. магаз. Дредеръ; въ Баку—въ книжн. магаз. **„Сотрудникъ“**.

Изданія Д. Е. ЖУКОВСКАГО:

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

Въ числѣ статей, между прочимъ, напечатаны: „Великая Россія“, „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17 октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова). Стр. 619. **Цѣна 3 р.**

С. Л. Франкъ.

ФИЛОСОФІЯ И ЖИЗНЬ.

Этюды и наброски по философіи культуры.

Содержаніе: „Ницше и этика любви къ дальнему“.—„Проблема власти“.—„Философскія предпосылки деспотизма“.—„Личность и вещь“.—„Этика нигилизма“ и друг.

Страницъ 389. Цѣна **2** руб.

Складъ изданій: **Спб., т-во „Общественная Польза“**, Невскій, 40, кв. 43.
Москва, „Русская Мысль“, Ваганьковскій пер., 3.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Москва, Ваганьковскій пер., 3.

Въ декабрѣ 1911 г. вышла новая книга:

В. Я. Богучарскій.

Изъ исторіи политической борьбы въ 70–80 гг. XIX в.

Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель.

Стр. 472. Цѣна 3 рубля.

Въ этой книгѣ собраны въ переработанномъ и расширенномъ видѣ извѣстныя статьи, печатавшіяся въ *Русской Мысли* и въ документальномъ изложеніи развертывающія передъ читателями событія и отношенія политической борьбы въ Россіи въ концѣ XIX вѣка.

Осенью 1911 г. вышла новая книга:

Ф. Шлейермахеръ.

РѢЧИ О РЕЛИГІИ.

Къ образованнымъ людямъ, ее презирающимъ.

МОНОЛОГИ.

Перев. съ нѣмец. *С. Л. Франка* съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Впервые въ русскомъ переводѣ появляются „Рѣчи о религіи", классическое произведеніе, составившее эпоху въ развитіи философіи религіи. Къ „Рѣчамъ о религіи" присоединены „Монологи" — замѣчательный образецъ философской лирики въ прозѣ.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора **„Введеніе въ метафизику"**. Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** коп.

Анри Бергсонъ принадлежитъ съ числу немногихъ современныхъ классиковъ философіи и занимаетъ въ философской литературѣ нашихъ дней совершенно исключительное мѣсто по идейному значенію и литературной цѣнности своихъ произведеній.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** коп.

Классическій трудъ Джемса съ новой силой выдвинулъ психологическую проблему религіи и въ литературѣ религіозной философіи долженъ быть поставленъ рядомъ съ „Рѣчами о религіи" Шлейермахера.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Москва, Ваганьковскій пер., 3.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ современное политическое положеніе Россіи. Статьи „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посвящены террору и провокаціи, а статья „П. А. Столыпинъ" даетъ характеристику сошедшаго со сцены государственнаго дѣятеля, начиная съ первыхъ его шаговъ.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** коп., въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

Въ сжатыхъ очеркахъ авторъ рисуетъ время Александра II, обращая преимущественное вниманіе на политическія событія и общественныя теченія этой достопамятной эпохи.

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** коп.

Печатаются и готовятся къ печати:

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Опыты литературной критики.

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга.*

ЭД. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка.*

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій — при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

1. Высылаетъ по заказамъ **всѣ** существующія въ продажѣ русскія и иностранныя книги, опубликованныя въ газетахъ, журналахъ и каталогахъ книжныхъ магазиновъ и книгоиздательствъ.

2. Принимаетъ посредничество по составленію **домашнихъ, кружковыхъ, народныхъ, дѣтскихъ, школьныхъ** и т. п. библіотекъ на разныя суммы. Въ заказахъ на такія библіотеки просятъ обстоятельнѣе указать характеръ, составъ и степень подготовленности предполагаемыхъ читателей и какіе изъ отдѣловъ должны быть представлены наиболѣе полно.

3. Выполняетъ заказы на **учебники** для всѣхъ учебныхъ заведеній.

4. Выполняетъ заказы на ноты, учебныя и письменныя принадлежности, физическіе аппараты и для школъ, глобусы, карты, волшебные фонари и картины. При подобныхъ заказахъ слѣдуетъ прилагать задатокъ.

5. Производитъ подборъ и періодическую высылку **книжныхъ новостей** по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы.

6. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ редакціи.

При сношеніяхъ съ покупателями книжный складъ журнала „Русск. Мысль“ руководствуется слѣдующими правилами:

a) Всѣ поступающіе заказы исполняются аккуратно и быстро. Если бы какой-либо книги по требованію не оказалось въ наличности, то таковая выписывается отъ издателя и по полученіи немедленно высылается.

b) При выпискѣ книгъ слѣдуетъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспортн. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній складъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

c) Заказы частныхъ лицъ на сумму, не превышающую 25 р., исполняются безъ задатка съ наложеніемъ платежа на посланныя книги. При заказахъ на сумму больше 25 р. просятъ прилагать задатокъ въ размѣрѣ $^1/_4$ стоимости всего заказа.

d) Заказы учебныхъ заведеній, земскихъ и городскихъ управъ и прочихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и за подписью завѣдующаго учрежденіемъ.

e) Одновременно съ книгами высылается полный счетъ и объясненіе по вопросамъ, относящимся до заказа.

i) Обращающіеся въ складъ съ запросами благоволятъ прилагать марку для отвѣта.

Почтовый адресъ: Москва, Книжному складу журн. „Русская Мысль“. Телеграфный: Москва, Русская Мысль.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Контора редакціи **не отвѣчаетъ** за аккуратную доставку **по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.**

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — со своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи — Москва, Ваганьковскій пер., д. Куманина.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи **не позже,** какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо** прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) О **каждой** перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 20 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) За перемѣну адреса взимается **25** к., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **50** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ,

ВѢСТНИКЪ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ,

возобновляемый 1 октября тек. г. въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи проф. **М. М. Ковалевскаго** и **Р. М. Бланка.**

Въ программу „Запросовъ Жизни“ входятъ: 1) Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, литературной и научной жизни Россіи и Запада. 2) Обзоръ событій послѣдней недѣли. 3) Кореспонденціи. 4) Соціально-экономическое обозрѣніе. 5) Литературное обозрѣніе. 6) Научное и техническое обозрѣніе. 7) Русская и иностранная библіографія. 8) Журналъ журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ). 9) Театръ. 10) Искусство. 11) Фельетонъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на 1 годъ—5 руб., на $^1/_2$ г.—2 р. 75 к., на $^1/_4$ г.—1 р. 40 к., на 1 мѣс.—50 к., отд. № 15 коп. За границу: на 1 г.—7 р., на $^1/_2$ г.—3 р. 50 к., на $^1/_4$ г.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к.

Подписка принимается: Въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни“, С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, кв. 12, и въ книжныхъ магазинахъ.

841.905
R16
1912
no.1

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°“.

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Помидоры или томаты, Вил. Трэси, члена Департам. земледѣл. въ Соедин. Штат. Разведеніе ихъ съ промышлен. цѣлью и для домашн. употребл. Перев. съ англ. М. А. Л. Подъ ред. В. Н. Маракуева. Съ 46 рис. и указателемъ. Ц. 1 р.

Сборникъ статей. (Психологія и школа.) Проф. Г. Челпанова. Ц. 1 р. 25 к.

Этюды объ Островскомъ. Н. П. Кашина. Ц. 2 р.

Революція въ наукѣ (The Coming of evolution). Проф. Дж. Джудъ. Перев. М. А. Л. Ц. 50 к.

Элементы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Для инженеровъ, техниковъ и для изученія безъ помощи учителя. В. Гренвиля. Перев. съ англійск. Н. Н. Маракуева. Съ 236 чертежами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Вскрытіе живого трупа Л. Н. Толстого. Этюдъ. И. И. Бибикова. Ц. 1 р.

Матеріалистическое пониманіе исторіи. Что такое интеллигенція. На основѣ закона технической ренты. Цѣна предметовъ рѣдкихъ къ вопросу о голодѣ. Инженеръ-технолога А. И. Трофимова. Ц. 20 к.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Въ изданіи приним. участіе: проф. Д. В. Айналовъ, проф. М. М. Богословскій, проф. А. К. Бороздинъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. А. Л. Погодинъ, прив.-доц. В. И. Семевскій, проф. А. Н. Филипповъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и друг. Томъ I съ 43 рис. и картою древней Руси въ XI—XIII вв., ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к. и томъ II, ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. Первый томъ въ 1-мъ изданіи (подъ заглавіемъ „Книга для чтенія по русской исторіи“ и т. д.) допущенъ М. Н. Пр. въ библіотеки средн. учебн. завед. и въ безплатн. народн. библіот. и чит. Учен. ком. при Св. Синодѣ одобренъ для библ. семинарій и духовн. учил. Рекомендованъ для военно-учебн. заведен.

Объ измѣненіяхъ климата въ историческую эпоху. Л. С. Берга. Изъ „Землевѣдѣнія“ 1911 г. Ц. 75 к.

Золовый городъ. В. А. Обручева. Изъ „Землевѣдѣнія“ 1911 г. Съ 14 фотографич. снимк. и 2 картами. Ц. 75 к.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Потѣха за потѣху. Семъ Бенелли. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйств. (изъ временъ Лоренцо Медичи во Флоренціи), перев. М. Чайковскаго. Ц. 75 к.

Цвѣты зла. Ш. Бодлэра. Перев. Эллиса. Со вступительн. статьей Т. Готье и предисловіемъ В. Брюсова. Ц. 2 р. 50 к.

„Фейерверкъ“. Франка Ведекинда. Избранные разсказы. (Пожаръ въ Эглисвидѣ.—Жертва.—Старый женихъ.—Любовь по первому взгляду.—Княжна-русалка.—Предохранительная прививка.) Переводъ съ нѣмец. А. Ф. Л. Ц. 60 к.

Наполеонъ I въ Россіи. 1812 г. В. В. Верещагина, художника. Пожаръ Москвы. — Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Его же. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

„Литераторъ". Его же. Повѣсть. Ц. 1 р.

Дѣтство и отрочество. Его же. Т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. Его же. Ц. 1 р.

На Сѣверной Двинѣ по деревяннымъ церквамъ. Его же. Ц. 1 р.

Листки изъ записной книжки. Его же. Ц. 1 р.

Въ Севастополѣ. Его же. Разсказъ. Ц. 40 к.

Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Его же. Шіиты въ Карабахѣ. — Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи. — Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. Разсказы, съ рисунками автора. Ц. 60 к.

Стихотворенія С. Д. Дрожжина (1866—1888 г.). Новое 3-е, исправленное и дополненное, изд. Большой томъ въ 533 стр. съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ для наградъ и подарковъ. Ц. 2 р.

Демонъ. М. Лермонтова. Поэма. Иллюстриров. изданіе съ рисунками Врубеля, Васнецова, Полѣнова, Пастернака и Сѣрова. Ц. 50 к.

Пять пьесъ. С. Мамонтова. (Смерть Пушкина.—Въ сельцѣ Отрадномъ.—Цѣною крови.—Охота.) Ц. 1 р.

По бѣлу свѣту. Его же. (Африка.—Война.—Холера.—Турція и др.) Со многими рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Новое слово. Товарищескіе сборники. Книга I. Содержаніе: И. Бунинъ—Стихи и разсказъ „Цифры". Скиталецъ—„Манифестъ". А. Ѳедоровъ—Стихи и очеркъ „Азорскіе острова". Н. Крашенинниковъ—„Восемь лѣтъ". Е. Чириковъ „Соломонъ и Розалія". Н. Тимковскій—„Мечты". С. Юшкевичъ—„Панорама". С. Найденовъ—Дѣти Ванюшина. (Неизданный IV актъ.) М. Чеховъ—„Объ А. П. Чеховѣ". С. Глаголь—„И. И. Левитанъ" (съ неизданными иллюстраціями). Изд. 2-е. Ц. 1 р. Книга II. Содержаніе: А. Чеховъ—„Письма изъ Сибири". И. Бунинъ—Стихи. Н. Телешовъ — „Цвѣтокъ папоротника". С. Кречетовъ — Стихи. Н. Гаринъ „Встрѣча". В. Стражевъ — Стихи. П. Нилусъ — „Госпожа Милованова". А. Ѳедоровъ - Стихи. Н. Крашенинниковъ—„Проблески утра". Ю. Айхенвальдъ—„Левъ Толстой". Ц. 1 р. Книга III. Содержаніе: П. И. Вейнбергъ.—„Нильскія пѣсни". Н. Бунинъ.—Стихи. Н. Морозовъ.—Стихи. А. Ѳедоровъ.—„Снѣгъ". Ѳ. Сологубъ.—„Обыскъ". С. Елеонскій —„По-старому". Ѳ. Сологубъ.—Стихи. С. Кречетовъ.—Стихи. Т. Шевченко.—„Еретикъ или Иванъ Гусъ", перев. Ив. Бѣлоусова. А. Ѳедоровъ.—„Женщина". М. Чеховъ.—„Со вскрытія". Н. Крашенинниковъ.—„Двѣ жизни". „Повѣсть-сказка". Цѣна 1 руб.

Слово. Литературно-художественный сборникъ. Книга I. Содержаніе: Полонскій. Неизданное стихотвореніе.—Бунинъ. Зодіакальный свѣтъ. — Огаревъ. Первая женитьба. — Ѳедоровъ. Пѣсни о хлѣбѣ. — Стражевъ. То лѣто. — Чулковъ. Дама со змѣей.—Нилусъ. Сестры Ванъ-Ли. — Сологубъ. Стихи. — Стражевъ. Стихи.—Шихановъ. Жердочка. Ц. 1 р.

Не выдержалъ. И. Полякова. (Повѣсть изъ быта фельдшеровъ.) Ц. 1 р. 15 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, 2-е дополненное и пересмотрѣнное изданіе ред. журн. „Русская Мысль". 410 стр. Ц. 2 р., въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ тисненіемъ—2 р. 50 к. Въ книгѣ собраны лучшія стихотворенія 94-хъ поэтовъ.

Покрывало. Драма Ж. Роденбаха. Переводъ Эллиса. Ц. 50 к.

Сочиненія Генрика Сенкевича.

Повѣсти и разсказы. Та третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко-музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ - побѣдитель. Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. М. Лаврова съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Изд. 3-е, удешевленное. Ц. 1 р.

Повѣсти и разсказы. Томъ II. Эскизы углемъ. За хлѣбомъ. Изъ дневника познаньскаго учителя. Татарская неволя. Въ Маріенбадѣ. Селимъ Мирза. Органистъ изъ Пониклы. Lux in tenebris lucet. Два луча. На Олимпѣ. Я долженъ отдохнуть. Орсо. Переводъ съ предисловіемъ В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

КНИГА I

МОСКВА—1912

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., с. д
Москва — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ I. Романъ. Часть третья.—**Д. С. Мережковскаго.** *Продолженіе* 1

II. ДОМЪ ЛИЛЬЕКРОНЫ. Романъ **Сельмы Лагерлефъ.**—Перев. съ шведск. **М. П. Благовѣщенской** 23

III. АЛТАРЬ ПОБѢДЫ. Повѣсть IV вѣка.—**Валерія Брюсова.** *Продолженіе* 84

IV. НА ЯРМАРКѢ. Стихотвореніе.—**К. Д. Бальмонта** . . . 111

V. ПОМѢЩИКЪ ГАЛДИНЪ. Повѣсть.—**Ю. Л. Слезкина** . . 113

VI. ЛЭДИ ГАМИЛЬТОНЪ И ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ. (По *H. V. Schumacher'*у и *Walter Sichel'*ю). Очерки.—**Э. К. Пименовой** . 150

VII. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. Гумилева** 199

VIII. СОСУДЪ ДЬЯВОЛА. Разсказъ.—**Ивана Странника** . . . 201

IX. КРУШЕНІЕ ТЕОКРАТІИ ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ В. С. СОЛОВЬЕВА.—**Кн. Евгенія Трубецкого** 1

X. ВОСПОМИНАНІЯ О С. Я. НАДСОНѢ. Къ 25-лѣтію со дня кончины.—**М. А. Россійской-Кожевниковой** 36

XI. „ЭКОНОМИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ" КАКЪ ФИЛОСОФІЯ ХОЗЯЙСТВА.—**С. Н. Булгакова** 44

XII. ОБЩЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА И УКРАИНСКІЙ ПАРТИКУЛЯРИЗМЪ. Отвѣтъ Украинцу.—**Петра Струве** 65

XIII. О ПОСМЕРТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ТОЛСТОГО. Замѣтки.—**Любови Гуревичъ** . . . 87

XIV. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Віардо. 104

XV. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Политическая жизнь въ Россіи. **А. С. Изгоева.**—2. О „един-

Стр.

ствѣ и нераздѣльности Россіи". **З. Д. Авалова.** — 3. Къ характеристикѣ польско-украинскихъ отношеній. **А. Ѳ. Саликовскаго.**—4. Русская внѣшняя политика за 1911 годъ. **Кн. Гр. Н. Трубецкого. II. Литература и искусство.** 1. Что пишутъ. **Антона Крайняго.**—2. Александръ Блокъ. **Валерія Брюсова.**—3. Стасюлевичъ и его литературный архивъ. **А. А. Кизеветтера.**—4. Къ юбилею М. В. Ломоносова. **М. О. Гершензона.** — 5. О двухъ новыхъ книгахъ по искусству. **К. А. Эрберга.** — 6. Письмо о французской поэзіи. **Ренэ Гиля. III. Историческая наука.** Опытъ библіографіи всеобщей исторіи. **Д. Н. Егорова. IV. Школа и воспитаніе.** Четырехгодичная народная начальная школа или четырехгодичное высшее начальное училище? **А. М. Обухова. V. Некрологъ** 1

XVI. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Исторія литературы.—Философія.—Исторія.—Правовѣдѣніе.—Публицистика.—Политическая экономія.—Народное образованіе и педагогика. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" въ теченіе декабря 1911 г.** 1

XVII. ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ 122

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція для пріема и выдачи рукописей открыта по *средамъ* отъ 2—4 час. дня. (Москва, Ваганьковскій п., 3.)

2. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

3. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

4. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

5. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

6. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

АЛЕКСАНДРЪ I. [1])

Романъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Записки князя Валерьяна Михайловича Голицына.

Іюля 14. Коссовичъ разсказывалъ мнѣ о Духовномъ Союзѣ Татариновой.

— Я, говоритъ, буду хранить въ сердцѣ моемъ ясное свидѣтельство, что пророческое слово Екатерины Филипповны есть даръ Св. Духа Утѣшителя. Господь далъ ей надо мною власть: немощи мои несетъ, питаетъ и животворитъ меня. Истинно, мать моя, Богомъ данная. Чувствую, что въ отеческій домъ пришелъ, какъ дитя къ матери.

Катеринѣ Филипповнѣ былъ вѣщій сонъ обо мнѣ, грѣшномъ. Велѣла передать свое благословеніе.

Онъ зоветъ меня къ ней: „одно-де маменькино словцо исцѣлитъ васъ лучше всѣхъ лѣкарствъ“.

Можетъ быть, и пойду. Не все ли равно куда, въ Англійскій клобъ, на ужинъ къ Булгарину или въ Филадельфійское Общество?

Іюля 15. Ѣздили съ Коссовичемъ къ Татариновой.

На краю города, за Московской заставой, у сосноваго бора, три деревянныя дачи. Ворота на запорѣ, собаки на цѣпяхъ, высокій тынъ съ острыми бревнами; не то острогъ, не то скитъ. Внутри—темные переходы и лѣсенки. Комнаты имѣютъ видъ моленныхъ: иконы, хоругви, паникадила, ставцы со свѣчами. Въ большой залѣ—изображеніе Духа Св., въ видѣ голубя, на потолкѣ и Тайная вечеря во всю стѣну, картина академика Боровиковскаго.

Госпожа Татаринова приняла насъ въ спальнѣ, тѣсной ке-

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1911 г., кн. V, VI, X, XI и XII.

лійкѣ, гдѣ пахло лѣкарствами, ладаномъ и мускусомъ. Несмотря на іюль мѣсяцъ, натоплено, и народу множество. Кого тутъ только не было: тайный совѣтникъ, директоръ департамента въ бывшемъ дядюшкиномъ министерствѣ, Василій Михайловичъ Поповъ; статскій совѣтникъ, директоръ Человѣколюбиваго Общества, Мартынъ Степановичъ Пилецкій; штабсъ-капитанъ Гагинъ; отставной поручикъ, племянникъ генералъ-губернатора, мой бывшій соперникъ по танцовщицѣ Истоминой, Алеша Милорадовичъ; командиръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, генералъ-майоръ Головинъ; и какой-то старенькій приказный Лохвицкій въ сюртучкѣ мухояровомъ, такъ называемое кувшинное рыло; и дѣвица Пиперъ, госпожи Загряжской ключница; и прачка Лукерья; и Прасковья „убогая“, должно быть, нищенка съ церковной паперти.

Но любопытнѣе всѣхъ—Никитушка. Солдатъ, бывшій музыкантъ Перваго кадетскаго корпуса, а нынѣ титулярный совѣтникъ (въ сей чинъ возведенъ за пророчества), Никита Ивановичъ Ѳедоровъ—послѣ маменьки первый у нихъ наставникъ и пророкъ. Старичокъ плюгавый, въ засаленномъ фракѣ, со Станиславомъ въ петлицѣ и мѣдною серьгою въ ухѣ. Похожъ на стараго будочника. Малограмотенъ, буквы съ нуждою ставитъ, а музыкантъ отмѣнный: слагаетъ священные гимны на голосъ русскихъ пѣсенъ.

Никитушка сидѣлъ у маменькиныхъ ногъ на низенькой скамеечкѣ и перебиралъ тихонько струны на гуслицахъ.

Госпожа Татаринова полулежала, больная, въ спальныхъ кожаныхъ креслахъ. Лицо изможденное, сухое, смуглое. На верхней губѣ усики. Похожа не то на старую цыганку, не то на Божью Матерь Одигитрію, чей образъ тутъ же висѣлъ, въ головахъ надъ постелью. Глаза—прозрачно-желтые,—должно быть, въ темнотѣ, какъ у кошекъ, свѣтятся. Никогда я не видывалъ у женщины такихъ мужскихъ глазъ. И это мужское въ женскомъ весьма привлекательно.

Обращеніе свѣтское: урожденная баронесса Буксгевденъ, воспитанница Смольнаго. Говоритъ по-французски лучше, чѣмъ по-русски.

— Если вамъ не понравится въ нашемъ Филадельфійскомъ Обществѣ,—сказала мнѣ съ достоинствомъ,—покорнѣйше просимъ только не разсказывать: міръ имѣетъ и безъ того довольно предметовъ для осужденія.

И потомъ—на ухо, съ такимъ ласковымъ видомъ, какъ будто мы съ нею старые друзья:

— Я знаю, у васъ большое горе; но имѣйте надежду на Господа...

Я боялся, что заговоритъ о Софьѣ; кажется, тотчасъ же всталъ бы и ушелъ. Но, должно быть, поняла, что нельзя объ этомъ говорить, замолчала и потомъ прибавила:

— Сердце человѣческое подобно тѣмъ древамъ, кои не прежде испускаютъ цѣлебный бальзамъ свой, пока желѣзо имъ самимъ не нанесетъ язвы.

Наконецъ, спросила прямо, просто, почти грубо,—но и грубость сія мнѣ понравилась: вѣрю ли въ Бога? И когда я сказалъ, что вѣрю:

— Не знаю, говоритъ, какъ вы, князь, а я давно замѣтила, что никто не отвергаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, кому не нужно, чтобы существовалъ Онъ.

— Или, быть можетъ,—добавилъ я,—кому нужно, чтобы не существовалъ Онъ.

— Вотъ именно!—сказала, наклонивъ голову, какъ бы въ знакъ совершеннаго согласія нашего.

Замѣтивъ, что я удивляюсь, какъ Никитушка съ генераломъ Головинымъ обходится вольно, а тотъ съ нимъ—почтительно, сказала по-французски, не безъ тонкой усмѣшки:

— Не надобно удивляться тому, что дѣйствія духовныя открываются въ наше время преимущественно среди низшаго класса, ибо сословія высшія, окованныя прелестью европейскаго просвѣщенія, то-есть утонченнаго служенія міру и похотямъ его, не имѣютъ времени предаваться размышленіямъ душеспасительнымъ. Наконецъ, при самомъ началѣ христіанства, на комъ явились первые знаки дѣйствія Духа Божьяго? Не на малозначущихъ ли людяхъ въ народѣ презрѣнномъ и порабощенномъ, минуя старѣйшинъ, учителей и первосвященниковъ?

И заключила по-русски, положивъ руку на голову Никитушки съ материнскою нѣжностью:

— Непостижимый Отецъ Свѣтовъ избралъ нѣкогда рыбарей и простыхъ людей; такъ и нынѣ изволитъ Онъ обитать съ ними. Ты что̀ думаешь, Никитушка?

— Точно такъ, маменька. Ручку позвольте, ваше превосходительство! „Немудрое избралъ Богъ, дабы постыдить мудрыхъ вѣка сего“. Какъ и въ пѣсенкѣ нашей поется:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики,
Ровно съ медомъ бураки!
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ,—

запѣлъ вдругъ голоскомъ тонкимъ, перебирая струны на гусляхъ. И прачка Лукерья, и Прасковья Убогая, и дѣвица Пиперъ, и приказный, кувшинное рыло, и статскій совѣтникъ Пилецкій, и тайный совѣтникъ Поповъ, и генералъ-майоръ Головинъ—всѣ подпѣвали Никитушкѣ.

Вспомнились мнѣ слова Грибоѣдова о томъ, что простой народъ разрозненъ съ нами навѣки. А вѣдь вотъ не разрозненъ же тутъ? Полно, ужъ не это ли путь къ спасенію, къ соединенію несоединеннаго?

— Ну что, какъ?—спросилъ меня Коссовичъ, выходя отъ маменьки.

— Умна, говорю, чрезвычайно умна!

Старичокъ покачалъ головой.

— Вы, говоритъ, князь, приписываете уму то, что проистекаетъ изъ Премудрости Божественной.

Отъ Бога ли, не знаю, а только, и впрямь, вѣщая баба!

Іюля 19. Повадился я къ маменькѣ. Думалъ, будетъ смѣшно,—нѣтъ, жутко. И все еще не знаю, что это, мудрость или безуміе, святыня или бѣсовщина? А можетъ быть, то и другое вмѣстѣ? Какъ въ никитушкиныхъ пѣсенкахъ,—слова святыя, а музыка такая, что плясать бы вѣдьмамъ на шабашѣ. А вѣдь и маменькины дѣтки пляшутъ, *радѣютъ* подъ эту музыку.

— Радѣніе есть радованіе,—говоритъ Коссовичъ,—какъ бы духовный балъ, въ коемъ сердце предвкушаетъ тотъ брачный пиръ, гдѣ ликуютъ дѣвственныя души. Самъ царь Давидъ предъ Кивотомъ Завѣта плясалъ. Пляшемъ и мы, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные, попирая ногами всю мудрость людскую съ ея приличіями. И вотъ что̀ скажу вамъ, князь, какъ медикъ: святое плясанье, движеніе сіе, какъ бы въ нѣкоемъ духовномъ вальсѣ, укрѣпляетъ нарочито здравіе тѣлесное, ибо производитъ въ насъ такую транспирацію, послѣ коей чувствуемъ себя, какъ дѣтки малыя, рѣзвыми и легкими.

Такъ-то все такъ,—а всетаки жутко.

Престранную запѣлъ намедни Никитушка пѣсенку:

На седьмомъ на небеси
Самъ Спаситель закаталъ!
Ахъ, душкѝ, душкѝ, душкѝ!
У Христа-то башмачки
Сафіяненькіе,
Мелкостроченые!

Въ словахъ сихъ, почти безсмысленныхъ, нѣкій священный восторгъ сочетался съ кабацкою удалью. А у тайнаго совѣтника Василія Михайловича Попова, вижу, и руки, и ноги вдругъ зашевелились, задергались, — кажется, вотъ-вотъ пойдетъ плясать, какъ на Лысой горѣ.

И смѣхъ, и ужасъ напалъ на меня,—*хладъ мраза тонка,* какъ говорятъ мистики.

Іюля 21. Тайный совѣтникъ Поповъ намедни при всѣхъ объявилъ:

— Я, маменька, имѣю намѣренье сапоги чистить, что̀ принимаю за совершенную волю Божью,—только стыжусь...

— Чего же ты стыдишься, дружокъ?

— А Прошка что̀ скажетъ?

— А ты, Вася, смирись,—посовѣтовалъ Никитушка.

— Были мы въ субботу въ банькѣ съ Мартыномъ Степановичемъ,—продолжалъ Поповъ.—Окатились холодною водою трижды, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. А Мартынъ Степановичъ и говоритъ: „дай, говоритъ, Вася, я тебя еще разъ окачу“. Взялъ шайку и во имя Св. Дѣвы Маріи вылилъ на меня воду. И тотчасъ же какъ бы разверзлась нѣкая хлябь изъ внутренняго неба моего и чистѣйшею рѣкою всего меня потопила. И ощутилъ я, что Матерь Господа премѣняетъ звѣздное тѣло души моей на лунное свое тѣло и въ ночи Сатурна открываетъ свѣтъ премудрости...

И Мартынъ Степановичъ Пилецкій все это подтвердилъ въ точности.

А съ приказнымъ, кувшиннымъ рыломъ, тоже на-дняхъ было чудо.

— Сижу я, говоритъ, у именинника, головы купеческаго, Галактіона Ивановича, и вижу, штаны у меня худы, въ дырахъ. Устыдился, хотѣлъ закрыть. А внутренній гласъ говоритъ: „не закрывай, се слава твоя!“ И внезапно пріятнымъ ужасомъ духовнымъ исполнился я, такъ что все бытіе мое трепетало.

Потомъ о новоявленныхъ мощахъ преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго заговорили.

— Вотъ, — говоритъ штабсъ-капитанъ Гагинъ, — премудрый Невтонъ, соединившій математику съ физикой, умеръ и сгнилъ, а нашъ русскій простячокъ, двѣсти лѣтъ въ землѣ лежа, не сгнилъ!

Тутъ всѣ глумиться начали надъ суетнымъ разумомъ человѣческимъ, коего свѣтъ подобенъ-де свѣту гнилушки.

А Поповъ покосился въ мою сторону. Лицо у него безкровно

блѣдное, блѣдно-голубые глаза „издыхающаго теленка“ (какъ сказала одна дама о Сперанскомъ), а огоньки вѣдьмины въ нихъ такъ и прыгаютъ.

— Многіе, говоритъ, нынче стали смердѣть ученостью и самымъ смердѣніемъ симъ похваляться. Пяточки бы имъ поджарить, предать плоть во изможденіе, да спасется духъ.

Ужъ не заболѣлъ ли я и вправду бѣлой горячкой? Маменька—умная женщина. Какъ же терпитъ она? Или ей на-руку?

Дураки вы, дураки,
Ровно съ медомъ бураки.

Должно, однако, согласиться, что есть въ меду семъ ложка дегтю.

Іюля 21. Алеша Милорадовичъ изъяснялъ мнѣ таинственное ученье о безстрастномъ лобзаніи.

— Человѣкъ сообщаетъ въ ономъ лобзаніи магическую тинктуру для зачатія потомства, какъ нѣкогда Адамъ въ раю. И хотя уже нынѣ тинктура сія сообщается черезъ грубый каналъ, но въ небесной любви состояніе сверхнатуральное вновь достигается, въ коемъ дѣторожденіе происходитъ не по уставу естества, отъ плотскаго смѣшенія, а отъ лобзанія безстрастнаго.

Бѣдный Алеша! Сверхнатуральное состояніе довело его до злой чахотки.

Денщикомъ своимъ, рядовымъ Ѳедуломъ Петровымъ, обращенъ былъ въ скопчество, влюбился въ ихнюю Богородицу, дѣвку распутнаго поведенія, лебедянскую мѣщанку Катасанову, и самъ едва не оскопился.

Когда узнали о томъ при дворѣ,—взбеленились наши кумушки: лейбъ-гвардіи поручикъ, генералъ-губернатора племянникъ, красавецъ Алеша—скопецъ! Дѣло дошло до государя, и Кондратія Селиванова, учителя скопцовъ, изъ Петербурга выслали.

Филадельфійская церковь многое отъ нихъ заимствуетъ. Сама, говорятъ, маменька была у нихъ на выучкѣ. „Господи, если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками!“ говоритъ Поповъ о Селивановѣ.

Когда кончилъ Алеша о безстрастномъ лобзаніи:

— И вы,—говорю,—во все это вѣрите?

— Вѣрю. А что? Развѣ мало и въ христіанскихъ таинствахъ уму непостижнаго?

— Да, конечно. А помните, Алеша, Истомину? Помните балы у Вяземскихъ? Какъ чудесно танцовали вы мазурку!

— Что, говоритъ, вспоминать безумства?

Потупился, а потомъ вдругъ поднялъ глаза, улыбнулся прежней улыбкой, и на блѣдныхъ щекахъ зардѣли два алыя пятнышка.

— Нѣтъ, — говоритъ,—я не жалѣю о прошломъ. Вотъ, князь, вы говорите: балы, а знаете, радѣнья лучше всѣхъ баловъ!

Бѣдный Алеша!

Іюля 22. Не влюблены ли и мы всѣ въ маменьку, какъ Алеша въ свою Богородицу?

— Маменька! Голубица моя! Возьми къ себѣ!—стонетъ, какъ томная горлица, краснорожій и толстобрюхій, штабсъ-капитанъ Гагинъ.

— Малюточка моя, — утѣшаетъ маменька, — жалѣю и люблю тебя, какъ только мать можетъ любить свое дитятко. Да будетъ изъ нашихъ сердецъ едино сердце Іисуса Христа!

А генералъ-майоръ Головинъ, водившій нѣкогда фанагорійцевъ своихъ въ убійственный огонь Багратіоновыхъ флешей, теперь у маменькиныхъ ногъ,—левъ, укрощенный голубкою.

Старая, больная, изнуренная, болѣе на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка, похожая, — а я понимаю, что въ нее влюбиться можно. Страшно и сладостно сіе утонченное кровосмѣшеніе духовное: дѣтки, влюбленныя въ маменьку.

Только дай себѣ волю, — и затоскуешь о желтенькихъ кошачьихъ глазкахъ, какъ пьяница о рюмочкѣ.

Іюля 23. Хорошо сказалъ о мистикахъ мистикъ Лабзинъ: „господа сіи заходятъ къ Богу съ задняго крыльца“. И еще: „отъ ихней премудрости божественной *человѣчиною* пахнетъ“.

Іюля 24. Никитушкѣ было пророчество:

Что же дѣлать? Какъ же быть?
Надо кровью Русь омыть.

И Прасковьѣ Убогой тоже:

Я великаго царя
Въ сыру землю уложу.

Должно быть, замѣтилъ Коссовичъ, когда мнѣ сказывалъ о томъ, какъ я поблѣднѣлъ.

Какой царь? Какая кровь?

А что, если пророчество исполнится? Соединеніе двухъ Тайныхъ Обществъ?

Іюля 25. Говоря о гоненіяхъ, на Филадельфійскую церковь воздвигнутыхъ, генералъ-майоръ Головинъ объявилъ:

— Самъ дьяволъ поселился нынѣ въ сердцахъ всѣхъ лицъ высшаго правительства!

А у меня и ушки на макушкѣ: недаромъ, думаю, мечтали нѣкогда издатели *Сіонскаго Вѣстника* о конституціи Христовымъ именемъ.

Заговорилъ я о политикѣ. Но не тутъ-то было,—маменька остановила меня:

— Мы, говоритъ, надежды наши простираемъ за предѣлы сего ничтожнаго міра, гдѣ бѣдствія полезнѣе радостей, а посему и не входимъ ни въ какія сужденія о дѣлахъ политическихъ.

Изъ одного Тайнаго Общества—въ другое: въ одномъ—люди безъ Бога, въ другомъ—Богъ безъ людей. А я между сихъ двухъ безумствъ, какъ между двухъ огней.

Опять—*не соединено.*

Іюля 26. Жара, пыль, вонь. Скверно въ Петербургѣ лѣтомъ. Изъ лавочекъ кислою капустой несетъ, изъ строящихся домовъ—сыростью и нужникомъ: каменщики, гдѣ строятъ, тамъ и гадятъ. Ломовые везутъ желѣзныя полосы съ оглушающимъ грохотомъ. Съ лѣсовъ бѣлая известка сыплется. А голубое небо—какъ раскаленная мѣдь.

Брожу по улицамъ, точно во снѣ. Иногда очнусь и не знаю, гдѣ я, что я, куда и откуда иду. Голова кружится, ноги подкашиваются,—вотъ-вотъ свалюсь.

Намедни въ Шестилавочной, вижу, пьяный маляръ виситъ въ люлькѣ на веревкахъ, краситъ стѣну, поетъ что-то веселое, а когда опускаютъ люльку,—качается, вертится въ ней, точно пляшетъ. Гляжу на него и смѣюсь такъ, что прохожіе смотрятъ. Вспомнился тайный совѣтникъ Поповъ, подъ Никитушкину пѣсенку пляшущій:

Ай, душкй, душкй, душкй!
У Христа-то башмачки
Сафіяненькіе,
Мелкостроченые!

Смѣюсь, смѣюсь, а, пожалуй, и вправду досмѣюсь до бѣлой горячки.

Іюля 27. Художникъ Боровиковскій—старый добрый хохолъ, кажется, горькій пьяница. Затащилъ меня намедни въ рестораціо „пить съ ромомъ", то-есть чай съ ромомъ.

Подвыпивъ, доказывалъ, что „Божество есть высшая красота" и что онъ въ художествѣ красотѣ этой служитъ, да никто его не понимаетъ. На Филадельфійскихъ братьевъ жаловался.

— Ни одного нѣтъ искренняго ко мнѣ и любящаго, а гдѣ нѣтъ любви, тамъ все ничто... Да вотъ хоть Мартына Степано-

вича взять. Сей господинъ Пилецкій, какъ пилой, пилитъ сердце мое, отъ чего прихожу въ крайнее уныніе и безнадежность. А тайный совѣтникъ Поповъ...

Тутъ разсказалъ онъ такое, что не знаю, вѣрить ли. А вспомню желтенькіе глазки, что въ темнотѣ, какъ у кошки, свѣтятся,—и, пожалуй, вѣрить готовъ.

Дочь Попова, Любенька, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, чувствуетъ омерзѣніе къ Филадельфійскимъ таинствамъ и маменьку въ глаза ругаетъ старою вѣдьмою; а кроткій изувѣръ Поповъ, полагая, что дочь его одержима бѣсами, для изгнанія оныхъ, истязуетъ ее, запираетъ въ чуланъ, моритъ голодомъ и сѣчетъ розгами такъ, что стѣны чулана обрызганы кровью,—того и гляди засѣчетъ до смерти. И все это будто бы по приказанію маменьки, полученному отъ Бога.

Безъ Бога—цареубійство, съ Богомъ—дѣтоубійство. Отъ крови ушелъ я и къ крови пришелъ. Несоединеннаго соединеніе, двухъ Тайныхъ Обществъ основанье единое—кровь.

Нѣтъ, тутъ ужъ не *человѣчиной* пахнетъ!

Бѣлая горячка! Бѣлая горячка!

Полно, будетъ съ меня. Пока не поздно—бѣжать.

Іюля 28. Нельзя бѣжать, надо испить чашу до дна, понять чужое безуміе, хотя бы самому разсудка лишиться.

Алеша Милорадовичъ повѣдалъ мнѣ ученіе скопцовъ о Царѣ Христѣ.

Кондратій Селивановъ есть государь императоръ Петръ Третій; онъ же второй Христосъ, Царь надъ всѣми царями и Богъ надъ всѣми богами. Вскорѣ воцарится на россійскомъ престолѣ, и весь міръ признаетъ его Сыномъ Божьимъ.

Такъ вотъ что значитъ „государи россійскіе суть главою церкви“! Вотъ кого хотѣли мы убить изъ игрушечнаго пистолетика! Это уже не полотенце, которое привидѣніемъ кажется, а оно само.

Что въ парижскихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ видѣли мы смутно, какъ въ вѣщемъ снѣ, то наяву исполнилось. Завершено незавершенное, досказано недосказанное, замкнутъ незамкнутый кругъ.

Бѣжать отъ этого—бѣжать отъ истины.

Я попросилъ Алешу сводить меня къ скопцамъ.

Іюля 31. Былъ у нихъ. Спасибо дядюшкѣ Александру Николаевичу Голицыну: они считаютъ его своимъ благодѣтелемъ, и меня, какъ родного, приняли.

— Ну, князенька, да ты никакъ приведенъ? — сказалъ мнѣ уставщикъ ихній Гробовъ.

„Приведенъ“—значитъ обращенъ въ скопчество.

Когда же я отъ сей чести отказался, онъ усмѣхнулся лукаво.

— Я сквозь тебя вижу, ваше сіятельство: вамъ не скрыть, не стаить, за спиной не схоронить: вы, благодѣтели наши, того же хотите.

— Чего мы хотимъ?

— А чтобъ Господь на землѣ самодержавно царствовалъ.

Августа 1. На Васильевскомъ островѣ, на углу 13-й линіи и Малаго проспекта—трактиръ купца Ананьева. Въ нижнемъ этажѣ заведеніе или, попросту, кабакъ, а въ верхнемъ—горницы чистыя, хотя тоже довольно грязныя. Въ одной изъ нихъ происходятъ бесѣды наши.

Солнце бьетъ въ окна, мухи жужжатъ. На столѣ самоварище, паръ такой, что запотѣло зеркало. Скопцы любятъ чай: за одну бесѣду выпиваютъ самоваровъ полдюжины. А когда распарятся, пахнетъ отъ нихъ потомъ,—запахъ, напоминающій выхоль. Лица—желтыя, сморщенныя, точно водянкой раздутыя. Жутко мнѣ было сначала, а потомъ ничего, привыкъ. Люди какъ люди; безъ бородъ, безъ усовъ и безъ прочаго, но не безъ ума. Природные философы.

Еще бо́льшая здѣсь демократія, чѣмъ у маменьки. Самъ хозяинъ трактира, купецъ Ананьевъ, Милютинъ, Ненастьевъ, Солодовниковъ—все милліонщики. А тутъ же саечный разносчикъ, мѣщанинъ Курилкинъ; бѣглый солдатъ артиллерійскаго гарнизона, фейерверкеръ Иванъ Будылинъ; рядовой Ѳедулъ Петровъ, тотъ самый, что обратилъ Алешу въ скопчество; и канцеляристъ Душечкинъ, во фракѣ, съ медалью 12-го года. А самая важная особа—придворный лакей Кобелевъ. Сосланъ въ Соловецкій монастырь, бѣжалъ оттуда и проживаетъ въ столицѣ по фальшивому паспорту. Старичокъ слѣпенькій, глухенькій; шамкаетъ невразумительно. Въ Ропшѣ былъ въ 1762 году и „своими глазами видѣлъ все“. Свидѣтельствуетъ, что Кондратій Селивановъ есть государь императоръ Петръ Третій.

Мы съ Алешею сидимъ на диванѣ, скопцы на стульяхъ, по стѣнкѣ, а посерединѣ комнаты уставщикъ Гробовъ читаетъ наизусть, какъ дьячокъ, *Страданій свѣта истиннаго государя батюшки оглашеніе*, повѣсть о томъ, какъ россійскій самодержецъ „пошелъ волей на страды“.

Сынъ Пренепорочной Дѣвы, императрицы Елисаветы Петровны, воспитанъ и оскопленъ въ Голштиніи. Супруга его, императрица Екатерина Вторая, предавшись *лѣпости*—похоти, задумала убить мужа, когда узнала, что онъ неспособенъ къ сожи-

тельству брачному. Но тотъ бѣжалъ изъ Ропшинскаго дворца въ платьѣ убитаго за него часового. Въ Москвѣ схваченъ оберъ-полицейместеромъ Архаровымъ, битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на каторгу, гдѣ скованъ кандалами поножно съ разбойникомъ Иваномъ Блохою, первымъ исповѣдникомъ Сына Божьяго. Опять бѣжалъ; укрывался въ падежной ямѣ, во ржи, въ подпольѣ, въ свиномъ корытѣ: „такъ было мнѣ, Богу Всевышнему, небо — свиное корыто“, говоритъ Искупитель. Опять схваченъ, шейку желѣзомъ оковали, ротикъ рвали, били плетьми, окровянили рубашечку, изъ тюрьмы въ тюрьму волочили. „Я, — говоритъ,—сто тюремъ обошелъ и васъ, дѣтушекъ, нашелъ“.

— Такъ страдалъ Творецъ отъ твари!—заключаетъ Гробовъ, и слушатели всѣ вздыхаютъ:

— Столько-то нашъ государь батюшка изволилъ страдать, а мы за него не хотимъ!

Отъ умиленія плачутъ и еще больше потѣютъ,—такая въ воздухѣ выхухоль, что мнѣ почти дурно.

А изъ кабака снизу пьяныя пѣсни доносятся. „У меня-де, Отца, много дѣтушекъ еще за кабаками валяется, а мнѣ и пьяницъ-то жаль!“ говоритъ Искупитель.

Уставщикъ продолжаетъ читать Оглашеніе и открываетъ послѣднюю тайну Царя-Христа.

Бѣлый Царь—значитъ *убѣленный*, оскопленный:

Какъ Христова пелена,
Наша плоть убѣлена.

„Нынѣ-де порфира царская отъ крови алая, но кровью Агнца убѣлится паче снѣга,—тогда и будетъ Бѣлый Царь. Бѣлымъ станетъ красное солнышко,—и весь міръ убѣлится“.

„И тогда,—говоритъ Искупитель,—соберу я всѣхъ дѣтушекъ подъ единый кровъ. И вся земля мнѣ поклонится; всѣ цари земные повергнутъ скиптры и вѣнцы къ стопамъ моимъ, и будетъ царствіе мое на землѣ, какъ на небѣ“.

Безумство, бредъ,—а что-то знакомое слышится: не мечта ли императора Александра Благословеннаго — ѳеократія, царство Божье, монаршею волей объявленное, Священный Союзъ?

И еще иная мечта (объ этомъ никто не знаетъ, а я слышалъ отъ Софьи)—отреченіе государя отъ престола—не тѣ же ли *Страды?* Не мечта ли всей Россіи—страдающій Богъ?

Августа 2. „Въ русскомъ царѣ—самъ Богъ Саваоѳъ и съ ручками, и съ ножками“, говорятъ скопцы и смотрятъ невинно, какъ дѣти. Тоже растленіе дѣтей.

Кто это сдѣлалъ? Кто виноватъ?

Не всей ли Россіи вина на малыхъ сихъ и не дастъ ли отвѣтъ за нихъ Богу вся Россія?

Августа 3. Намедни бѣглый солдатъ Иванъ Будылинъ показывалъ старинный серебряный рубль и полтину:

— Знаете,—говоритъ,—дѣтушки, чьи портреты?

— Знаемъ: Батюшкинъ и Матушкинъ.

И крестясь, цѣловали на рублѣ изображеніе Петра Третьяго, а на полтинѣ—Елисаветы Петровны,—Христа и Божьей Матери.

Августа 4. Оскопляютъ себя, лишаютъ естества мужского, дабы пламенѣть любовью женственной къ Царю Жениху единому.

Августа 5. Не все у нихъ бредъ, не все сказка, есть и быль.

Въ 1805 году, осенью, передъ Аустерлицкимъ походомъ, императоръ Александръ I посѣтилъ Кондратія Селиванова, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, и тотъ, будто бы, предсказалъ ему неудачу похода.

О свиданіи томъ въ ихнихъ пѣсняхъ поется:

Какъ во Питерѣ, во градѣ,
Чудеса тутъ претворились:
Не два солнца сокатились,—
Пришелъ явный государь
Ко небесному въ алтарь.

„Я всего отрекся и все Алексашѣ отдалъ“, говоритъ Искупитель.

У дядюшки моего, министра, видѣлъ я секретную записку Магницкаго, поданную государю въ прошломъ 1823 году: „Планъ воспитанія народнаго“.—„Въ Россіи въ основное начало народнаго воспитанія должно положить двѣ религіи—перваго и второго величества“. Слова сіи тогда же, у дядюшки, я выписалъ. И далѣе: „вѣрный сынъ церкви православной истиннымъ помазанникомъ, Христомъ Божіимъ не можетъ признать никого, кромѣ Помазаннаго на царство церковью православною“.

Такъ вотъ что значитъ *религія двухъ величествъ:* одно величество — Христосъ, Царь Небесный, другое — Христосъ, царь земной, самодержецъ россійскій.

Пришелъ явный государь
Ко небесному въ алтарь.

Завершено незавершенное, досказано недосказанное, замкнутъ незамкнутый кругъ.

Августа 6. Алеша Милорадовичъ досталъ у придворнаго лакая Кобелева прожектъ скопца-камергера, статскаго совѣтника,

Алексѣя Михайловича Еленскаго объ учрежденіи въ Россіи ѳеократическаго образа правленія. Въ 1804 году, незадолго до свиданія „двухъ величествъ“, прожектъ поданъ государю черезъ товарища министра юстиціи, Николая Николаевича Новосильцева.

Для успѣшной борьбы съ Наполеономъ камергеръ Еленскій предлагалъ учредить *Божественную Канцелярію* изъ православныхъ іеромонаховъ и скопцовъ-пророковъ. Іеромонахи должны быть учеными, а пророки—„простячками“, потому что „вся благодать—въ простячкахъ“. По одному іеромонаху съ пророкомъ на каждый военный корабль и въ каждую дивизію дѣйствующей арміи, дабы секретно пророческимъ гласомъ совѣтъ предлагать. Самъ камергеръ Еленскій съ двѣнадцатью пророками обязанъ всегда находиться при главномъ военномъ штабѣ: „а нашъ Настоятель, Богодухновенный Сосудъ (Кондратій Селивановъ)—при лицѣ самого государя императора“. Когда все это будетъ исполнено, то „и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ Господь всѣхъ враговъ и защититъ возлюбленную Россію свою, да познаетъ весь міръ, яко съ нами Богъ“.

Камергеръ Еленскій заточенъ въ Суздальскую крѣпость, а черезъ десять лѣтъ прожектъ исполненъ, учреждена, подъ видомъ Священнаго Союза, Божественная Канцелярія.

Августа 7. Видѣлъ Рылѣева издали на улицѣ.

Какъ давно, какъ далеко, точно въ мірѣ иномъ!

Я перешелъ на другую сторону, какъ будто испугался, застыдился. Чего же? Развѣ я въ чемъ виноватъ передъ ними и развѣ не совсѣмъ ушелъ отъ нихъ?

А какъ бы имъ надо знать то, что я теперь знаю... Если бы поняли! Да нѣтъ, не поймутъ.

Августа 8. На радѣньи у скопцовъ—съ шести часовъ вечера до шести утра. Шатаюсь, какъ пьяный. Горячка, должно быть, начинается. Ну что-жъ, слава Богу! Надо же, чтобъ все это чѣмъ-нибудь кончилось.

Горній Сіонъ—домъ купца Солодовникова, въ Хлѣбномъ переулкѣ, Литейной части, у Лиговки, одноэтажный, деревянный, окруженный садомъ, съ горенкой вверху, гдѣ жилъ Искупитель. Надъ дверями горенки золотыми буквами надпись: *Святый Храмъ*. Стѣны выкрашены небесно-голубою краскою. Потолокъ расписанъ херувимами. На полу коверъ съ вытканными ангелами и архангелами. Высокое ложе съ кисейнымъ пологомъ и золотыми кистями. Здѣсь на пуховикахъ, какъ на облакахъ небесныхъ, возлежалъ нѣкогда Царь-Батюшка, самъ Богъ Саваоѳъ. Тутъ же на стѣнѣ—портретъ его: древній старикъ, похожій на бабу; на

головѣ и бородѣ волосы тонкіе, рѣдкіе; сѣдина съ желтизной, остриженъ по-крестьянски. Одѣтъ въ богатый левантиновый шлафрокъ. На колѣняхъ бѣлый съ голубыми и красными цвѣточками платокъ, „Божій покровъ“. Скопцы прикладываются къ портрету, какъ къ образу, крестясь и приговаривая: „здравствуй, государь батюшка, красное солнышко!“ Многіе чувствуютъ при семъ теплоту, какъ отъ живого тѣла, и благоуханіе.

Радѣнье происходило внизу, въ двухъ большихъ горницахъ съ гладкимъ липовымъ поломъ; одна—для мужчинъ, другая—для женщинъ. Комнаты раздѣлены узкимъ проходомъ съ двумя широкими и низкими, почти вровень съ поломъ, окнами-дверьми, одно противъ другого—въ мужскую половину и въ женскую. Здѣсь высокое царское ложе ставилось, съ коего батюшка благословлялъ радѣющихъ.

Мужчины въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ-саванахъ; женщины въ бѣлыхъ сарафанахъ сидѣли на лавкахъ чинно. Въ лѣвой рукѣ бѣлый платокъ, а въ правой зажженная восковая свѣча; ноги босы.

Среди женщинъ та самая лебедянская мѣщанка, дѣвица Катасанова, матушка Акулина Ивановна, Богородица, въ которую влюбленъ Алеша. Красавица, а по лицу видно, что могла сдѣлать то, что о ней говорятъ: дѣвкѣ Θеклѣ изъ ревности выжгла сосцы раскаленнымъ желѣзомъ „до косточки“

Запѣли голосами протяжными, глухими, какъ бы далекими:

Царство, ты царство, духовное царство,—

пѣсню, которою всегда начинается радѣнье.

Въ мужской половинѣ на середину комнаты вышелъ старичокъ благообразный, на скопца непохожій, отставной солдатъ инвалидной команды, Иванъ Плохой, вѣстникъ отъ заточеннаго въ Суздалѣ государя-батюшки. Всѣ встали, крестясь обѣими руками (птица не летаетъ объ одномъ крылѣ, а молитва есть полетъ бѣлаго голубя); поклонились ему трижды. Онъ отвѣтилъ земнымъ поклономъ и началъ раздавать изъ кулька батюшкины гостинцы: отъ царскаго стола корочки, сухарики, жамочки, финифтяные образки и „части живыхъ мощей“—ладонки съ волосами и обрѣзками ногтей, пузырьки съ водою, въ которой батюшка мылъ ноги, и лоскутки его, государевыхъ, подштаниковъ. По тому, какъ принимаются дары сіи, видно, что онъ для нихъ воистину Богъ, „и съ ручками, и съ ножками“.

Потомъ громкимъ голосомъ, такъ что слышно было въ обѣихъ горницахъ, вѣстникъ проговорилъ слова, которыя велѣлъ сказать батюшка:

— „Я,—говоритъ отецъ,—веселъ и только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда съ вами, дѣтушки. Не оставлю васъ; вы мои послѣдніе сироты!...“

Дальше старичокъ отъ умиленія говорить не могъ—заплакалъ. И всѣ начали плакать. Плачъ перешелъ въ вопль, въ рыданіе и въ пѣсню, пронзительно-унылую, подобную тѣмъ, коими причитаютъ бабы въ деревняхъ надъ покойникомъ:

Ахъ, ты, свѣтъ, наше красно солнышко,
Государь ты нашъ, родимый батюшка!
Укатило наше красно солнышко,
Ты во дальнюю сторонушку.

Разстройство ли нервовъ, дѣйствіе ли звуковъ сихъ, хватающихъ за сердце, но я едва удерживался отъ слезъ. Какъ бы истина во лжи мнѣ слышалась: все та же молитва:—adveniat regnum tuum—изъ преисподней возглашенная.

Наконецъ, рыданіе стихло. И зашептали всѣ другъ другу на ухо тайную вѣсть:

— Батюшка родимый отъ насъ недалече, изъ темницы выведенъ и скоро явится!

— Явится! Явится!—пронесся радостный шопотъ въ толпѣ, какъ въ лѣсу весенній шумъ.

Лица просвѣтлѣли, и вдругъ плясовая, веселая пѣсня грянула:

Какъ у насъ на Дону,
Самъ Спаситель во дому!

Пѣли и хлопали въ ладоши, ударяли себя по колѣнямъ, по ляжкамъ; топали ногами въ ладъ и тяжело, отрывисто дышали, всѣ вразъ, какъ одинъ человѣкъ.

Какъ у насъ на Дону,
Самъ Спаситель во дому,
И со ангелами,
Со архангелами.

Вдругъ смолкли, и въ тишинѣ зазвенѣлъ одинъ женскій голосъ, чудесный—сама Каталани позавидовала бы: то пѣла Катасанова:

Мой сладимый виноградъ—
Паче всѣхъ земныхъ отрадъ.
Соколъ съ неба сокатися,
Духъ небесный встрепенися!

Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ; раскаленное желѣзо, коимъ сосцы у дѣвки Ѳеклы выжжены, послышалось мнѣ въ этомъ голосѣ.

И опять всѣ голоса слились торжественно, дико и грозно, какъ голоса налетающей бури:

Претворилися такія чудеса,
Растворилися седьмыя небеса,
Соκатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.

И вдругъ что-то покатилось, закружилось, бѣлое. Трудно было повѣрить, что это человѣкъ: ни лица, ни рукъ, ни ногъ—только бѣлый вертящійся столбъ, какъ столбъ снѣга въ метели. А тамъ и другой, и еще, и еще, и еще. Вся комната наполнилась бѣлыми вихрями. Рубахи-саваны, вздувшись отъ воздуха, образовали эти столбы. Вертятся, вертятся, вертятся—и вѣтра вой, свистъ, визгъ, какъ отъ снѣжной бури въ степи.

Я глядѣлъ, и голова у меня кружилась. Иногда забывался, какъ будто терялъ сознаніе, и казалось мнѣ, что вмѣстѣ со всѣми лечу и я. Иногда опоминался и видѣлъ, какъ плясуны, изнеможенные, остановившись, выжимали мокрыя отъ пота рубахи, вытирали полотенцами лужи пота на полу, и знакомый острый запахъ душилъ меня, какъ выхухоль. Но тотчасъ же опять забывался я.

Испытывалъ чувство неизъяснимое: сквозь ужасъ—восторгъ, подобный тому, который я испыталъ уже разъ, много лѣтъ назадъ, когда на Лейпцигскомъ полѣ, передъ сраженіемъ, мимо нашей дивизіи проскакалъ на конѣ государь императоръ, и съ пятидесятитысячною громадою войскъ кричалъ я „ура!“ и готовъ былъ, умирая, сказать царю моему, Богу моему: „здравствуй, государь-батюшка, красное солнышко!“

Тогда—красное, а нынѣ—бѣлое. И съ бѣлой метелью къ бѣлому солнцу лечу...

Сентября 9. Возобновляю записки сіи черезъ мѣсяцъ, въ Царскомъ Селѣ, въ Китайскомъ домикѣ, куда перевезъ меня дядюшка.

Я былъ боленъ, дней десять лежалъ безъ памяти, едва живъ остался. Поправляюсь медленно, но все еще слабъ.

Дни тихіе, теплые, точно весенніе. Желтые листья кружатся, какъ золотыя бабочки. Паутинки летаютъ осеннія въ хрустальночистомъ воздухѣ. Томно блѣднѣютъ астры, ярко темнѣютъ георгины печальныя. А изъ голубого неба журавлей невидимыхъ крики доносятся, какъ будто зовутъ они въ страну, откуда путникъ не возвращается.

Сентября 10. Царское Село опустѣло. Государь уѣхалъ 16-го августа въ восточныя губерніи. Императрица Елисавета Алексѣевна живетъ во дворцѣ одна, ея почти не видно и не слышно.

Государь передъ отъѣздомъ обо мнѣ спрашивалъ дядюшку, желалъ видѣть меня и, когда узналъ, что я болѣю, послалъ ко мнѣ лейбъ-медика Штоффрегена, который, говорятъ, спасъ мнѣ жизнь: Коссовичъ залѣчилъ бы до смерти. Такъ вотъ отчего былъ такъ заботливъ дядюшка: не ему, а государю обязанъ я спасѣніемъ жизни.

Штоффрегенъ говоритъ: „скоро, князь, молодцомъ будете“. Да, тѣло здорово, живъ,—а жить нечѣмъ.

Сентября 12. Николай Михайловичъ Карамзинъ—мой сосѣдъ по Китайскому домику. Мы съ нимъ знакомцы давніе: встрѣчались у Олениныхъ и Вяземскихъ. Дядюшка поручилъ меня заботамъ Катерины Андреевны Карамзиной. Она ко мнѣ добра. Николай Михайловичъ тоже: знаетъ, конечно, и онъ о государевой милости. Намекаетъ на камергерство мое въ скоромъ будущемъ.

Милый старикъ—весь тихій, тишайшій, осенній, вечерній. Высокаго роста; полусѣдые волосы наверхъ плѣшивой головы зачесаны; лицо продолговатое, тонкое, блѣдное; около рта двѣ морщины глубокія: въ нихъ — Бѣдная Лиза — меланхолія и чувствительность. Смѣяться не умѣетъ: какъ маленькія дѣти, странно и жалобно всхлипываетъ. Зато улыбка всегдашняя,—скромная, старинно любезная,—такъ теперь уже никто не улыбается. Орденская звѣзда на длиннополой бекешѣ, тоже старинной; и пахнетъ отъ него по-старинному, табачкомъ нюхательнымъ да цвѣтомъ чайнаго деревца. Тихій голосъ, какъ шелестъ осеннихъ листовъ.

Гуляемъ въ паркѣ; Штоффрегенъ позволилъ мнѣ прогулки недолгія. Шагами тихими и ровными ходимъ, оба опираясь на палочки, какъ старики-ровесники.

Царскосельскія кущи въ багрецѣ и золотѣ осени; блѣдные мраморы статуй, какъ блѣдные призраки; желтые листья, подъ ногами шуршащіе; лебединые клики съ туманныхъ озеръ въ наступающихъ сумеркахъ—все наводитъ ту меланхолію сладкую, коей нѣкогда былъ Карамзинъ пѣвцомъ столь плѣнительнымъ.

А когда вижу императрицу издали въ вечерней тѣни, какъ тѣнь, проходящую, то кажется,—всѣ мы трое—тѣни, отошедшія въ царство тѣней, въ безмолвный Элизіумъ.

Сентября 18. Жизнь Карамзина единообразна, какъ маятника ходъ въ старинныхъ часахъ англинскихъ. Утромъ работа надъ XII томомъ Исторіи Государства Россійскаго. „Въ хорошіе часы мои,—говоритъ,—описываю ужасы Іоанна Грознаго“. Потомъ—про-

гулка пѣшкомъ или верхомъ, даже въ самую дурную погоду: „послѣ такой прогулки,—говоритъ,—лучше чувствуешь пріятность теплой комнаты". Обѣдъ непремѣнно съ любимымъ рисовымъ блюдомъ. Трубка табаку, не больше одной въ день. Нюхательный французскій—всегда у Дазера покупается, а чай съ Макарьевской ярмарки выписывается, каждый годъ по цыбику. На ужинъ—два печеныхъ яблока и стараго портвейна рюмочка.

Катерина Андреевна еще не старая женщина: прекрасна, холодна и бѣла, какъ снѣжная статуя, настоящая Муза важнаго исторіографа. Когда благонравныя дѣтки собираются вокругъ маменьки вечеромъ за круглымъ чайнымъ столомъ подъ уютною лампою, и она креститъ ихъ передъ сномъ: „Bonne nuit, papa! Bonne nuit, maman!"—залюбоваться можно, какъ на картинку Грёзову. Потомъ жена или старшая дочь читаетъ вслухъ усыпительные романы госпожи Сюза. Николай Михайловичъ садится спиной къ лампѣ, сберегая зрѣніе, и въ чувствительныхъ мѣстахъ плачетъ. А ровно въ десять, съ послѣднимъ ударомъ часовъ, всѣ отходятъ ко сну.

— Лѣта и характеръ,—говоритъ,—склоняютъ меня къ тихой жизни семейственной. День за день, нынче какъ вчера. Усердно благодарю Бога за всякій спокойный день.

— Ваше превосходительство,—говорю,—вы мастеръ жить!

А онъ улыбается тихой улыбкой.

— Счастье,—говоритъ,—есть отсутствіе золъ, а мудрость житейская—наслаждаться всякій день, чѣмъ Богъ послалъ. Въ тихихъ удовольствіяхъ жизни успокоенной, единообразной хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановись! Теперь главное мое желаніе—не желать ничего, ничего. Творца молю, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій оставилъ все какъ есть.

Можетъ быть, онъ и правъ. А только все мнѣ кажется, что мы съ нимъ давно уже умерли и въ царствѣ мертвыхъ о жизни бесѣдуемъ.

Сентября 19. Золотая осень кончилась. Дождь, слякоть, холодъ. Осенній Борей шумитъ въ оголенныхъ вѣтвяхъ, срываетъ и гонитъ послѣдній желтый листъ.

У Катерины Андреевны флюсъ; у Андрюши горло подвязано; у маленькой кашель—не дай Богъ, коклюшъ. Николай Михайловичъ на ревматизмы жалуется и брюзжитъ:

— Повара хорошаго купить нельзя, продаютъ однихъ несносныхъ пьяницъ и воровъ. Отослалъ намедни Тимошку въ полицію для наказанія розгами и велѣлъ отдать въ рекруты...

Я молчу. Онъ знаетъ, что я рѣшилъ отпустить на волю кре-

стьянъ моихъ, и не одобряетъ, хочетъ наставить меня на путь истины.

— Не знаю,—говоритъ,—дойдутъ ли люди до свободы гражданской, но знаю, что путь дальній и дорога не гладкая...

Я все молчу. А онъ смотритъ на меня исподлобья, нюхаетъ табакъ и тяжело вздыхаетъ.

— Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ русскій, но для истиннаго благополучія крестьянъ желаю единственно того, чтобы имѣли они добрыхъ господъ и средства къ просвѣщенію.

Всталъ, подошелъ къ столу, отыскалъ письмо къ своимъ крестьянамъ въ нижегородское имѣніе Бортное и, какъ будто для совѣта съ Катериной Андреевной, а на самомъ дѣлѣ для моего наставленія, прочелъ:

— „Я—вашъ отецъ и судья; я васъ всѣхъ люблю, какъ дѣтей своихъ, и отвѣчаю за васъ Богу. Мое дѣло знать, что справедливо и полезно. Пустыми просьбами не докучайте мнѣ, живите смирно, слушайтесь бурмистра, платите оброки, а если будете буянствовать, то буду просить содѣйствія военнаго генералъ-губернатора, дабы строгими мѣрами принудить васъ къ платежу исправному".

И въ заключеніе приказъ: „буяновъ, если не уймутся, высѣчь розгами".

А вечеромъ надъ романомъ госпожи Сюза опять будетъ плакать.

Сентября 20. Хвалитъ Аракчеева:

— Человѣкъ государственный,—замѣнить его другимъ не легко. Больше лицъ, нежели головъ, а душъ еще меньше.

Бранитъ Пушкина:

— Талантъ, дѣйствительно, прекрасный; жаль, что нѣтъ мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія. Ежели не исправится,—будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ.

Октября 10. Опротивѣлъ мнѣ Китайскій домикъ. Иногда хочется бѣжать куда глаза глядятъ отъ этого милаго старика, отъ любезной улыбки его и прилизанныхъ височковъ, отъ бѣлоснѣжной Катерины Андревны и благонравныхъ дѣтокъ, отъ черешневой трубки („не больше одной трубки въ день") и макарьевскихъ цыбиковъ чая, отъ слезливыхъ романовъ госпожи Сюза и писемъ бурмистру о розгахъ, и двѣнадцати томовъ Исторіи, въ коихъ онъ

Доказываетъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Николай Михайловичъ, кажется, знаетъ, что я—членъ Тайнаго Общества, и душу у меня выматываетъ разговорами о политикѣ.

— Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на-верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Не такъ ли?

Я соглашаюсь, а онъ продолжаетъ:

— Я хвалю самодержавіе, а не либеральныя идеи, то-есть, хвалю печи зимою въ сѣверномъ климатѣ. Свободу намъ даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощью Божьей. Я презираю либералистовъ нынѣшнихъ и люблю только ту свободу, которую никакой тиранъ у меня не можетъ отнять...

Я опять соглашаюсь, а онъ опять продолжаетъ:

— Пусть молодежь ярится; мы, старики, улыбаемся: будетъ чему быть—и все къ лучшему, когда есть Богъ. Моя политика—религія. Не зная для чего, знаю, что все должно быть, какъ есть...

А я молчу, молчу—мнѣ все равно, только бы отпустилъ душу на покаяніе.

Но иногда кажется, что этотъ старикъ, милый, умный, добрый, честный, опаснѣе самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ и разбойниковъ. Если погибнетъ Россія, то не отъ глада, труса и мора, а отъ этой тишайшей мудрости: „все должно быть, какъ есть“.

Октября 13. Николай Михайловичъ любитъ жить на дачѣ до перваго снѣга. Вотъ и дождались: сегодня зарѣяли тихія бѣлыя мухи, а къ вечеру повалилъ снѣгъ хлопьями и на черную землю опустился бѣлымъ саваномъ. Всѣ звуки заглохли, какъ подъ мягкой подушкою; только откуда-то далекій-далекій, точно похоронный, доносится колоколъ.

Сижу у камелька, гляжу на пепелъ гаснущій и вспоминаю о томъ, что было въ жизни,—какъ, должно быть, вспоминаютъ мертвые.

Я зналъ когда-то, что *все не должно быть, какъ есть;* я и теперь знаю, что тѣ, отъ кого я ушелъ, члены Тайнаго Общества, правы правотою вѣчною передъ людьми и передъ Богомъ. Бѣлой горячкой, которой больна вся Россія, мнѣ надо было самому переболѣть, чтобы это узнать. Зато знаю теперь, какъ никогда еще не зналъ, что правы они. И пусть все, что дѣлаютъ,—безумство, ничтожество, кровь и грязь; но все, чего хотятъ,—истина, и сейчасъ для Россіи иной истины нѣтъ, нѣтъ иного спасенія отъ буйнаго бреда бѣлой горячки и отъ оной тишайшей мудрости: „все должно быть, какъ есть“. И пусть ихъ подвигъ не свер-

шенье, а только возвѣщенье, пророчество, но если не будетъ оно услышано,—погибнетъ Россія.

Да, все это знаю, какъ знаютъ мертвые. Я измѣнилъ, ушелъ отъ крови и грязи. Вотъ и чистъ,—чистъ и мертвъ.

Черная земля подъ бѣлымъ саваномъ, тишина могильная, похоронный колоколъ. Конецъ всему: „не зная для чего, знаю, что все должно быть, какъ есть“.

Октября 14.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла.
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.
Нашла ли ихъ, сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья,
И знаю *здѣсь*, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.
Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ.
О, милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Стихи Жуковскаго, изъ новаго изданія 1824 года.

Зачѣмъ я ихъ выписалъ?

Я думалъ, Софья хочетъ, чтобъ я ушелъ изъ Тайнаго Общества, и когда уйду, она вернется ко мнѣ. Но вотъ не вернулась. И мнѣ теперь кажется, что, уходя отъ *нихъ*, я отъ нея ушелъ.

Октября 15. Что это было? Сонъ, призракъ, видѣнье—не знаю. Знаю только, что *было*. Исполнила она свое обѣщаніе предсмертное: „всегда съ тобою, и оттуда приходить буду“.

Проснувшись, я плакалъ отъ радости. Отчего эта радость, не помню; помню только, что Софья велѣла мнѣ вернуться къ *нимъ*, мои же слова мнѣ напомнила: „ничего не сдѣлаютъ, никого не спасутъ, только себя погубятъ, а всетаки правда Божья у *нихъ*. И пусть недостоинъ я, пусть беру не по силамъ, а отъ нихъ не уйду“.

Только теперь понялъ я, что̀ эти слова значатъ. И пусть будетъ опять страхъ, смѣхъ, унынье, отчаянье, кровь и грязь, но того, что понялъ, я уже никогда не забуду.

Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ:
О, милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Опять могу плакать, могу молиться, какъ сегодня я съ нею молился:

„Сохрани, помоги, помилуй насъ всѣхъ, Господи! Спаси, Матерь Пречистая!“

Октября 16. Переѣхалъ въ Петербургъ къ Одоевскому. Сказалъ Пущину, что хочу вернуться въ Тайное Общество: примутъ ли? не считаютъ ли измѣнникомъ, предателемъ? Онъ молча обнялъ меня и поцѣловалъ, какъ братъ.

Октября 17. Видѣлъ всѣхъ. Обрадовались мнѣ. Рылѣевъ кинулся на шею и заплакалъ. Кюхля замахалъ руками такъ, что опрокинулъ бутылку и разбилъ стаканъ. Батеньковъ возобновилъ разговоръ о монархическомъ и республиканскомъ правленіи, за шесть мѣсяцевъ начатый, какъ будто ничего не случилось. А Каховскій все такъ же стоялъ у печки, скрестивъ руки на груди по-наполеоновски, и усмѣхался презрительно.

Милые, родные. Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Хороши или плохи, они у меня единственные, и другихъ не будетъ.

Октября 24. Предлагаютъ мнѣ для переговоровъ съ Южными ѣхать въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву и въ Тульчинъ къ Пестелю. Я готовъ, хоть сейчасъ.

Октября 26. Нѣтъ, сейчасъ не поѣду. Вчера вернулся государь, и дядюшка говоритъ, что обо мнѣ спрашивалъ. Подожду свиданія съ государемъ: такъ Софья хочетъ.

Ноября 5. Пущинъ показывалъ *Православный Катехизисъ* для возмущенія войскъ и простого народа, Сергѣемъ Муравьевымъ составленный. Въ Катехизисѣ сказано:

— „Для чего русскій народъ и русское воинство несчастны?

. . . . . .

— „Что же святой законъ нашъ повелѣваетъ дѣлать русскому народу и воинству?

— „Раскаяться въ долгомъ раболѣпствіи и, ополчась противъ тиранства и несчастія, поклясться, да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли—Іисусъ Христосъ“.

Точнѣе, прямѣе нельзя сказать—и доколѣ этого не скажутъ всѣ,—въ Россіи свободы не будетъ.

Я думалъ, что я одинъ знаю; но вотъ уже не одинъ.

И пусть мы только знаемъ, только скажемъ другимъ, а сами ничего не сдѣлаемъ,—когда другіе сдѣлаютъ, то вспомнятъ и о насъ.

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОМЪ ЛИЛЬЕКРОНЫ.

Романъ **Сельмы Лагерлефъ.**

Ураганъ.

На второй день Рождества въ 1800 году въ уѣздѣ Левшё въ Вермландѣ бушевала такая буря, что Боже упаси. Казалось, будто страшный вѣтеръ задался опредѣленной цѣлью—вырвать съ корнемъ все, что росло на землѣ, смести и сравнять съ землей.

Напрасно ты будешь увѣрять, что бывали такія бури и до этого, и послѣ этого, и во всякомъ случаѣ не увѣряй въ этомъ никого изъ старожилъ Левшё, потому что они съ малыхъ лѣтъ всегда слышали, что такой бури никогда не бывало и не будетъ.

Они и сейчасъ еще могутъ пересчитать всѣ поваленные заборы, всѣ снесенныя соломенныя крыши, всѣ хлѣва, которые обрушились и на нѣсколько дней похоронили подъ собой скотъ. Они могутъ указать также всѣ тѣ мѣста, гдѣ сгорѣли цѣлые поселки, такъ какъ вслѣдствіе ужаснаго вѣтра невозможно было тушить пожаръ, начавшійся съ одной избы. Они укажутъ также всѣ вершины горъ и горные кряжи, гдѣ бурей скосило громадныя пространства лѣса и гдѣ такъ и остались съ тѣхъ поръ большія плѣши.

Народная пословица говоритъ, что всякій вѣтеръ кому-нибудь кстати, но никому бы въ голову не пришло отнести эту поговорку къ урагану, бушевавшему въ Левшё на второй день Рождества: всякій видѣлъ, что этотъ вѣтеръ приноситъ только одно несчастье за другимъ.

Меньше всѣхъ ожидала хорошаго отъ такой непогоды дѣвочка-подростокъ изъ Кольторпа. Не очень-то весело было у нея на душѣ, когда она въ эту бурю раннимъ утромъ стояла на опушкѣ лѣса и смотрѣла внизъ на долину, надъ которой проносились цѣлыя тучи дыма, снѣга, золы, мусора и всего, что только могъ подхватить вѣтеръ.

Никогда во всю свою жизнь, а ей пошелъ уже четырнадцатый годъ, не попадала она въ такую передрягу. Вообще она никогда не унывала и не падала духомъ, но это было уже слишкомъ.

Еще немного—и изъ ея большихъ, блестящихъ глазъ готовы были брызнуть слезы и покатиться по блѣднымъ, худымъ щечкамъ.

Дѣвочка вышла на нѣсколько шаговъ изъ-за опушки лѣса, чтобы посмотрѣть, не утихъ ли ураганъ; но вѣтеръ сейчасъ же подхватилъ концы ея платка и забарабанилъ ими по ея короткой бараньей шубкѣ, а ея платье изъ домотканной матеріи такъ плотно обкрутило вокругъ ея ногъ, что она чуть не упала.

Она была не одна, — съ ней были ея мать и маленькій братишка. Какъ мать, такъ и мальчикъ были одѣты совершенно такъ же, какъ и она: на нихъ были короткія бѣлыя бараньи шубки и черныя платья изъ жесткой домотканной матеріи. Да иначе и быть не могло, потому что дѣвочка получала свои платья въ наслѣдство отъ матери, а братишка наслѣдовалъ ихъ отъ сестры. Однако матери и братишкѣ не могло быть такъ холодно, какъ ей, потому что они стояли въ лѣсу, гдѣ было гораздо тише, а она стояла на самомъ вѣтру.

У матери и у мальчика были такія же худыя и изможденныя лица, какъ и у дѣвочки, и такіе же ясные и умные глаза, и оба они были такъ же огорчены, какъ и дѣвочка, и чуть не плакали съ досады на ужасную погоду.

Но они далеко не были въ такомъ отчаяніи, какъ дѣвочка.

Она стояла какъ разъ на той горѣ, знаете, которая находится сейчасъ же надъ усадьбой Беккъ въ приходѣ Бру, и она могла видѣть всю дорогу, которая извивалась до самой церкви въ Бру. И она увидала, что крестьяне, которые ѣхали въ церковь, поворачивали обратно. Она поняла, что не могло быть и мысли о томъ, чтобы мать и братишка въ такую бурю дошли до Нюгорда въ приходѣ Свартшё, куда оставалось еще цѣлыхъ двѣ мили и куда они шли на большой рождественскій пиръ.

Она невольно сжала кулачокъ въ варежкѣ, когда убѣдилась въ этомъ.

Ахъ, если бы не было такой тишины въ лѣсу, гдѣ они жили! Если бы только они могли предположить, что бушуетъ такая непогода раньше, чѣмъ дошли до опушки лѣса! Конечно, если бы они это знали, то никогда не рѣшились бы отправиться въ путь. И ей казалось, что лучше было бы сидѣть дома и не раздразнивать себя надеждой на веселый пиръ.

Для нея не было ничего ужаснѣе на свѣтѣ, какъ поворачивать обратно, разъ она уже собралась куда-нибудь. Это было такъ досадно.

Вѣдь она цѣлый годъ мечтала объ этомъ праздникѣ въ Нюгордѣ, куда они всегда ходили на второй день Рождества. Мысленно она уже видѣла большіе кипящіе котлы, отъ которыхъ распространялся такой вкусный запахъ, длинные столы, накрытые бѣлоснѣжными скатертями, и цѣлыя груды жареныхъ молодыхъ гусей. О, какъ часто они утѣшали другъ друга съ братишкой, когда у матери нечѣмъ было удовлетворить ихъ голодъ:

— Подожди, вотъ мы пойдемъ къ дядѣ въ Нюгордъ на рождественскій пиръ,—тамъ мы наѣдимся досыта.

И подумать только, что тамъ варится сладкій супъ съ изюмомъ, готовятъ вкусную рисовую кашу и пироги, приготовили студень, кофе, сдобное печенье... И она даже и не понюхаетъ всего этого!

Дѣвочкой овладѣла безсильная злоба, и ей даже захотѣлось на комъ-нибудь излить ее. Она находила, что урагану ничего не стоило бы выбрать какой-нибудь болѣе подходящій день. Вѣдь сегодня былъ праздникъ, вѣтру не надо было вертѣть крыльевъ мельницы; кромѣ того, была зима, и на озерѣ вѣтру также было нечего дѣлать, онъ могъ не дуть и ждать другого дня. Но безполезно было бы разговаривать съ ураганомъ.

Имъ оставалось пройти еще самую худшую часть дороги: спуститься къ Хельгесетеру, пройти гору возлѣ Брубю и затѣмъ спуститься въ Левенъ къ церкви и пройти мимо усадьбы священника. А всѣ эти мѣста были открыты и нигдѣ не было лѣса. Если бы имъ удалось только пройти эту часть дороги и добраться до Хедебю, то они были бы спасены, потому что дальше идетъ все время лѣсистая мѣстность.

Впрочемъ, это было вовсе ужъ не такъ далеко. Дѣвочка находила, что во всякомъ случаѣ можно сдѣлать попытку итти дальше. Хуже не будетъ.

Ее всетаки радовало хоть то, что мать стоитъ и раздумываетъ. Можетъ быть, она еще рѣшится итти дальше. Но тутъ она замѣтила, что мать повернула и пошла въ глубь лѣса, а братишка, конечно, послѣдовалъ за ней.

Тогда дѣвочка вдругъ рѣшила итти въ противоположную сторону, и она стала спускаться съ горы. Сперва она шла очень медленно, но потомъ все скорѣе и скорѣе, потому что ее сзади подгонялъ вѣтеръ; подъ конецъ она даже побѣжала. Она нарочно не оглядывалась назадъ, потому что боялась, что мать

и братишка дѣлаютъ ей знаки, чтобы она вернулась. Она была даже увѣрена въ томъ, что они кричатъ ей, но она рѣшила не обращать на это вниманія, потому что теперь, когда она вышла на самую бурю, вокругъ нея сталъ раздаваться такой грохотъ и гулъ, что она все равно не могла ничего разслышать.

Трудно было предположить, что мать побѣжитъ за ней и поймаетъ ее, потому что мать должна была держать за руку братишку, котораго иначе могло бы подхватить порывомъ вѣтра.

Конечно, дѣвочкѣ и въ голову не приходило изъ-за этого поворачивать обратно, но внутренно она должна была сознаться, что никакъ не ожидала такого ужаснаго урагана. Надъ ея головой проносились большія темныя птицы; онѣ размахивали крыльями и безпомощно летѣли по направленію вѣтра, который трепалъ ихъ съ такой силой и яростью, что отъ нихъ ничего не оставалось—ни перьевъ, ни тѣла. Дѣвочкѣ стало жутко, она никогда не видала ничего подобнаго, но наконецъ она разобрала въ этомъ хаосѣ, что это были снопы соломы, сорванные съ крышъ.

Когда она дѣлала попытку пойти противъ вѣтра, то ей казалось, будто передъ ней стала на дыбы лошадь и грозитъ сбить ее съ ногъ; а когда она дѣлала нѣсколько шаговъ по вѣтру, то ее начинало съ такой силой подталкивать сзади, что она сгибала колѣни и спину, чтобы не упасть. Она такъ устала отъ этой борьбы, будто тащила въ гору громадный возъ.

И этотъ ужасный вѣтеръ дулъ съ сѣвера, онъ леденилъ все, и казалось, будто онъ пляшетъ съ мертвецами. И онъ былъ такой рѣжущій и дулъ съ такой силой, что проникалъ подъ баранью шубку и толстое платье дѣвочки и обдавалъ ледянымъ дыханіемъ все ея тѣло. Правда, она не обращала на это вниманія, но ноги ея въ башмакахъ изъ смазной кожи стали мерзнуть, а пальцы на рукахъ окоченѣли; уши подъ шерстянымъ платкомъ тоже горѣли. Но она все шла впередъ, пока не спустилась совсѣмъ съ горы. Въ ложбинѣ она остановилась и стала поджидать мать и братишку.

Когда они подошли къ ней ближе, то она пошла къ нимъ навстрѣчу.

Она сказала имъ, что, конечно, лучше повернуть домой. Въ Нюгордъ, все равно, не попасть сегодня.

Но тутъ мать разсердилась на нее и братишка также, и они рѣшили, что не позволятъ дѣвочкѣ командовать собою и говорить, когда имъ надо итти впередъ и когда поворачивать назадъ.

— Ну, нѣтъ,—сказала мать,—мы не повернемъ обратно, тебѣ

придется итти на рождественскій праздникъ, разъ ты этого такъ добивалась.

— Да, да, пусть тебя обдуетъ вѣтромъ такъ, чтобы ты съ удовольствіемъ вспоминала его нѣсколько недѣль, — замѣтилъ братишка.

Сказавъ это, мать и братишка пошли впередъ, а дѣвочкѣ оставалось только слѣдовать за ними.

Дойдя до усадьбы Увгордъ, они встрѣтили странницу Лотту и нищаго Іона. Оба они, привыкшіе бродить по этой мѣстности въ праздникъ и будни во всякую погоду, приставили руки ко рту въ видѣ трубы и крикнули имъ, чтобы они, ради всего святого, шли домой, потому что дальше, на берегу озера, такъ холодно, что они замерзнутъ.

Однако, мать и братишка пошли всетаки дальше. Они были очень сердиты на дѣвочку и хотѣли, чтобы та, какъ слѣдуетъ, испытала на себѣ ужасную непогоду.

Черезъ нѣсколько времени имъ навстрѣчу попалась лошадь Эрика изъ Фалла,—лошадь тащила за собой пустыя сани. Вѣтромъ у Эрика съ головы снесло шапку, и пока онъ ловилъ ее и лазилъ черезъ заборы, ползалъ по канавамъ, лошади надоѣло стоять и мерзнуть на вѣтру, и она сама отправилась домой.

Но и тутъ мать и маленькій мальчикъ не сдались и сдѣлали видъ, будто въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, и пошли дальше.

Они съ трудомъ пробирались впередъ, и наконецъ дошли до горы, которая спускалась къ Брубю. Тутъ они попали въ толпу людей съ лошадьми и санями, которые не могли двигаться дальше. Дѣло въ томъ, что большая сосна, которая стояла у дороги и которую видно было такъ же далеко, какъ и скалу Гурлитта, лежала поперекъ дороги,—ее повалило бурей. А въ этотъ день была свадьба Яна изъ Гуллоса и Бритты изъ Крингоса, и они должны были вѣнчаться въ церкви въ Бру. И вотъ они также не могли двигаться дальше. Тутъ же былъ и старикъ Янъ-Янса изъ Гуллоса и старая хозяйка изъ Крингоса, родственники и сосѣди, музыкантъ Іенсъ, красивый Гуннаръ изъ Хегешё и много другихъ, приглашенныхъ на свадьбу. Всѣ стояли на мѣстѣ и не могли ѣхать дальше. Всѣ кричали и говорили, перебивая другъ друга, что уже раньше имъ приходилось на дорогѣ два раза останавливаться изъ-за поваленныхъ деревьевъ, но они убирали ихъ, тогда какъ съ этимъ деревомъ не справиться. Старый хозяинъ изъ Гуллоса ходилъ въ толпѣ и угощалъ водкой, но отъ этого было не легче: люди стояли на мѣстѣ. Невѣста вышла

изъ саней и плакала, потому что на пути въ церковь у нея было столько неудачъ. Вѣтеръ трепалъ красные бумажные цвѣты и зеленыя ленты, которыми было украшено ея платье. Люди, которые позже днемъ проѣзжали по этому мѣсту, могли подумать, что вѣтру удалось разыскать гдѣ-нибудь въ заколдованномъ лѣсу терновый кустъ, растрепать его и разсѣять листья и цвѣты по полю и краямъ канавъ.

Однако, и тутъ мать и маленькій мальчикъ не остановились, ихъ не удержала поваленная сосна, они пролѣзли подъ ея вѣтвями и продолжали путь. Имъ казалось, что дѣвочка еще недостаточно была проучена.

И подумать только,—они дошли до самаго перекрестка и до постоялаго двора въ Брубю.

Тамъ они повстрѣчались съ майоршей Самцеліусъ, которая ѣхала въ крытой повозкѣ, запряженной парой лошадей. Тутъ только они поняли, что погода была дѣйствительно ужасная, потому что майорша спряталась въ крытомъ возкѣ, а она была не изъ робкаго десятка. Майорша высунула изъ возка кулакъ и погрозила имъ. И она крикнула имъ такимъ громовымъ голосомъ, который заглушилъ ревъ бури: „Эй, Маритъ изъ Кольторпа, иди-ка лучше во-свояси“. Зачѣмъ ты бродишь по дорогамъ въ такую погоду съ твоими малышами? Вѣдь даже я принуждена ѣхать въ крытомъ возкѣ“.

Но матери и маленькому мальчику все еще казалось, что дѣвочкѣ не мѣшаетъ еще помучиться.

Когда они подошли къ мосту, перекинутому черезъ узкій проливъ, то должны были цѣпляться за перила моста. Вѣтеръ дулъ здѣсь съ такой невѣроятной силой, что ихъ сейчасъ же снесло бы въ озеро, если бы они шли посреди моста.

Перейдя мостъ, они очутились какъ разъ на полпути къ Нюгорду. Дѣвочкѣ уже начало казаться, что они въ концѣ-концовъ всетаки попадутъ на рождественскій пиръ.

Но едва она успѣла подумать объ этомъ, какъ явились новыя препятствія. Повидимому, ледяной вѣтеръ, которымъ ихъ обдавало во время перехода черезъ мостъ, доконалъ братишку. Онъ вдругъ какъ бы весь превратился въ ледяной комокъ. Онъ легъ на краю дороги и отказался итти дальше. Мать схватила его на руки и побѣжала съ нимъ въ ближайшую избу.

Не помня себя отъ страха, дѣвочка бросилась за матерью. Если мальчикъ замерзнетъ, то во всемъ будетъ виновата она. Вѣдь если бы не она, то мать, навѣрное, повернула бы и пошла бы домой.

Они попали въ такую избу, гдѣ жили очень добрые люди, которые сейчасъ же сказали, что и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы мать съ дѣтьми шла дальше. Они предложили подождать у нихъ, пока буря утихнетъ, и сказали, что самъ Богъ привелъ ихъ къ нимъ, такъ какъ если бы они пошли дальше, то возлѣ усадьбы священника навѣрное замерзли бы всѣ трое.

Повидимому, и мать радовалась тому, что очутилась подъ крышей. Она сидѣла довольная, счастливая и какъ будто и думать забыла о всѣхъ тѣхъ вкусныхъ яствахъ, которыя теперь готовили въ Нюгордѣ.

Когда хозяева вдоволь наговорились о томъ, какое счастье, что мать не пошла съ дѣтьми дальше, а зашла къ нимъ, они поинтересовались узнать, что заставило ихъ незваныхъ гостей выйти въ такую бурю. Можетъ быть, они шли въ церковь?

Тогда мать разсказала имъ, что она шла съ дѣтьми къ Перу Янса въ Нюгордъ. Онъ ея зять, и онъ настолько же богатъ, насколько бѣденъ былъ ея мужъ. У него каждый годъ большой пиръ на второй день Рождества, и она, въ качествѣ близкой родственницы, всегда тамъ желанная гостья. Конечно, она сейчасъ же замѣтила, что погода очень плохая, но вѣдь имъ приходилось только одинъ разъ въ году бывать на такомъ большомъ пиру.

Хозяева стали выражать искренное сочувствіе Маритъ изъ Кольторпа. Какая досада, что она не попадетъ къ Перу Янса,— вѣдь у него на Рождествѣ всегда пиръ горой. Но выйти снова въ этотъ ураганъ невозможно. Это значило бы рисковать жизнью.

Мать согласилась съ тѣмъ, что это невозможно, и видъ у нея былъ такой, будто ей ровно ничего не стоитъ спокойно сидѣть у этихъ бѣдняковъ, въ то время какъ ее ждало роскошное угощеніе въ другомъ мѣстѣ.

— Если бы у васъ не было съ собой дѣтей,— сказали хозяева,—то, можетъ быть, вамъ и удалось бы какъ-нибудь добраться туда.

Мать согласилась съ этимъ. Конечно, она попала бы на пиръ, если бы у нея не было съ собой дѣтей. Но въ такую бурю она уже не рѣшится больше выйти съ ними.

Да, ужъ тутъ ничего не подѣлаешь,—и хозяева и мать примирились съ этой мыслью. Но хозяевамъ всетаки было очень жаль мать, видно было, что они искренно огорчены за нее.

Но вдругъ хозяйкѣ пришло что-то въ голову, чему она очень обрадовалась.

— Господи!—воскликнула она,—да что же это мы... вѣдь вы можете оставить дѣтей у насъ, если только хотите итти.

Хозяинъ также очень обрадовался этому. И оба они удивлялись, какъ это раньше не пришло имъ въ голову.

Мать сперва церемонилась немного, но потомъ очень скоро сдалась. Было рѣшено, что дѣти останутся у добрыхъ хозяевъ весь этотъ день и переночуютъ у нихъ, а на слѣдующее утро мать придетъ за ними.

Мать ушла, а дѣвочка такъ и осталась въ избѣ.

Для нея пропала послѣдняя надежда попасть на рождественскую пирушку,—это она поняла. Но не стоило и разговора поднимать о томъ, что и она пойдетъ вмѣстѣ съ матерью, потому что хозяева были такіе добрые, что они ни за что не отпустили бы ее въ такую непогоду. Да и неудобно было имъ обѣимъ уйти и оставить братишку одного у чужихъ людей.

Хозяева болтали съ ней и старались развеселить ее, но она не могла принудить себя отвѣчать имъ. Наконецъ, она повернулась къ нимъ спиной, стала у окна и начала наблюдать надъ тѣмъ, какъ трепало вѣтромъ верхушки двухъ большихъ березъ на дворѣ.

И чего только ни проносилось у нея въ головѣ! Между прочимъ, она искренно желала, чтобы порывомъ вѣтра снесло крышу съ избы, гдѣ ее пріютили,—тогда она, по крайней мѣрѣ, была бы свободна.

Но что это? Что... Какъ это странно? Дѣвочка вдругъ замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ она стала наблюдать надъ березами, онѣ раскачивались все меньше и меньше. Она обратила вниманіе также на то, что завыванія бури и гулъ, которые доносились въ избу, становились все тише, а въ воздухѣ не носились больше ни солома, ни мусоръ.

Она боялась вѣрить своимъ глазамъ, но не было больше сомнѣнія въ томъ, что березы стояли почти неподвижно и только концы ихъ длинныхъ вѣтвей еще немного дрожали.

Хозяева весело болтали и шутили съ маленькимъ мальчикомъ и ничего не замѣчали, пока наконецъ дѣвочка радостно не сообщила имъ, что ураганъ пронесся.

Они были очень удивлены и сейчасъ же стали выражать сожалѣніе по поводу того, что буря не прошла раньше и дѣти должны были остаться съ ними и проскучать весь день, вмѣсто того, чтобы веселиться на рождественской пирушкѣ.

Тогда дѣвочка сказала, что если бы они только позволили, то она взяла бы съ собой братишку и пошла бы въ Нюгордъ. Итти туда надо все время по прямой дорогѣ, и она была увѣрена, что

не собьется съ пути, да ничего и не могло съ ними случиться среди бѣлаго дня.

Хозяева были добрые и сердечные люди, и у нихъ не хватило духу огорчить дѣтей, а потому они позволили имъ уйти.

Теперь все наладилось. Погода была тихая и хорошая, итти было легко, да къ тому же эта дѣвочка была не изъ такихъ, чтобы ее можно было заставить сидѣть спокойно, разъ она рѣшила итти.

Однако, одно обстоятельство нѣсколько безпокоило дѣвочку: ей казалось, что солнце какъ-то необыкновенно быстро садится на южномъ небосклонѣ. Она не знала, который часъ, но что, если такъ поздно, что въ Нюгордѣ уже сѣли за столъ! А имъ оставалось пройти еще цѣлую милю. Что, если они придутъ на пустые котлы и обглоданныя кости.

Братишкѣ было всего семь лѣтъ, и онъ не очень-то быстро подвигался впередъ, семеня своими ножками. Да къ тому же онъ усталъ отъ тяжелаго утренняго пути.

Когда они дошли до горы возлѣ поселка Хеде, то дѣвочка остановилась и стала смотрѣть на поверхность озера Лёвенъ, покрытаго гладкимъ сверкающимъ льдомъ.

Она спросила братишку, не помнитъ ли онъ, въ какой день мать, возвратясь вечеромъ домой, объявила имъ, что озеро стало. Мать тогда еще очень удивлялась, что озеро стало уже до Рождества, и говорила объ этомъ весь вечеръ.

— Да, да, это было наканунѣ сочельника,—отвѣтилъ мальчикъ.—Онъ это хорошо помнилъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ озеро стало,—сказала дѣвочка.—И я увѣрена, что ледъ настолько окрѣпъ, что выдержитъ насъ обоихъ.

Мальчикъ сейчасъ же оживился, когда догадался, что сестра собирается итти по льду.

— Мы будемъ съ разбѣга скользить по льду, и такъ незамѣтно добѣжимъ до самаго Нюгорда! — воскликнулъ онъ радостно.

— Конечно, намъ выгоднѣе всего перейти по льду, такъ какъ Нюгордъ какъ разъ на противоположномъ берегу,—замѣтила дѣвочка.

Впрочемъ, она еще раздумывала и стояла въ нерѣшительности, но тутъ сталъ настаивать братишка, который ни за что не хотѣлъ больше итти по большой дорогѣ. Ему во что бы то ни стало хотѣлось бѣжать по ровному, блестящему льду.

— Ну, тогда такъ и скажи матери, что ты этого хотѣлъ,—сказала дѣвочка,—потому что на тебя-то она не разсердится.

До озера было недалеко, и скоро они стояли на льду. Ледъ былъ ровный, какъ зеркало. Дѣти взяли другъ друга за руки и стали быстро скользить по льду.

Да, это было не то, что тащиться по большой дорогѣ. Ужъ теперь они навѣрное поспѣютъ въ Нюгордъ раньше, чѣмъ окончится большой званый обѣдъ.

Вдругъ дѣвочка услыхала позади себя какой-то гулъ и завываніе,—о, она слишкомъ хорошо знала, что это означаетъ! Она уже чувствовала на своей спинѣ ледяное дыханіе—это снова поднимался ураганъ.

Казалось, будто онъ затихъ ненадолго только для того, чтобы заманить дѣтей на ледъ. А теперь онъ налетѣлъ съ новой силой и сшибъ ихъ съ ногъ.

Не было больше никакой возможности итти по льду. Дѣти падали каждую минуту. Имъ не оставалось ничего другого, какъ доползти до ближайшаго берега.

Казалось, будто теперь уже для дѣвочки не было больше никакого выхода. Она не видѣла возможности добраться хоть до какого-нибудь человѣческаго жилья. Итти по льду было невозможно, а берегъ, на который они вышли, представлялъ собою крутую гору, покрытую густымъ лѣсомъ, и нигдѣ не было видно дороги.

Маленькій мальчикъ такъ измучился и усталъ, что горько заплакалъ.

Съ минуту дѣвочка стояла неподвижно,—видно было, что она совершенно растерялась. Но вдругъ она вспомнила, какъ они съ братишкой катались съ горъ, когда онѣ были покрыты льдомъ. И она сейчасъ принялась ломать сосновыя вѣтви и складывать ихъ въ двѣ кучи. На одну изъ этихъ кучекъ она посадила братишку, потомъ она стала на колѣни и столкнула на ледъ и братишку, и обѣ кучки вѣтвей.

Когда они снова очутились на сильномъ вѣтру, она дала мальчику въ руку большую вѣтвь и сама взяла такую же, и они высоко подняли ихъ въ воздухѣ наподобіе паруса.

У-у-у! завылъ ураганъ. С-сссс! засвистѣло въ ушахъ дѣтей. Ихъ встряхнуло и швырнуло въ сторону, словно буря хотѣла помѣряться съ ними силами.

Но вотъ ихъ подхватило новымъ порывомъ бури и понесло. Они летѣли впередъ со скоростью вѣтра, и вѣтра они не чувствовали; имъ могло бы даже показаться, что они не двигаются съ мѣста, если бы мимо нихъ не проносились берега.

Мальчикъ взвизгивалъ отъ удовольствія, но дѣвочка сидѣла

съ плотно сжатыми губами и съ напряженіемъ всматривалась въ даль, какъ бы ожидая, не встрѣтится ли новое препятствіе, которое станетъ между нею и рождественской пирушкой.

Никогда еще не приходилось ей передвигаться съ такой быстротой. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ передъ ними уже выросъ мысъ, на которомъ стояли большіе дома,—это былъ Нюгордъ.

Въ Нюгордѣ только что собирались садиться за столъ, какъ кто-то замѣтилъ, что по озеру несется что-то необыкновенное. Гости выбѣжали на дворъ, чтобы посмотрѣть, что это такое.

Можно себѣ представить изумленіе Пера Янса и его жены, и священника, и всѣхъ гостей, когда они увидали дѣтей.

Меньше всѣхъ была удивлена мать дѣтей.

— Эта дѣвочка не изъ такихъ, чтобы успокоиться, пока не добьется своего,—сказала она.—Я все время только и ждала, что она прилетитъ на помелѣ.

Весь вечеръ только и разговору было, что о дѣвочкѣ. Всѣ хвалили ее и предсказывали, что изъ нея выйдетъ женщина хоть куда.

Мать удостоилась чести долго сидѣть на диванѣ рядомъ съ женой священника и та заставила ее разсказывать о дѣвочкѣ.

И мать разсказала, что хотя дочка ея и такая маленькая, но она недурно прядетъ и расчесываетъ шерсть, а лѣтомъ она собирала ягоды и продавала ихъ въ помѣстьѣ Хельгесетеръ; капитанша подарила дѣвочкѣ азбуку, а одна изъ барышень въ Хельгесетерѣ помогла ей учиться грамотѣ, такъ что теперь она и пишетъ, и читаетъ.

Священникъ въ Свартшё много лѣтъ вдовѣлъ, но лѣтомъ онъ женился во второй разъ. Его новая жена была маленькаго роста съ совершенно сѣдыми волосами, но лицо у нея было свѣжее и безъ морщинъ. Никто не могъ бы опредѣлить, сколько ей лѣтъ. О ней шла слава, какъ о необыкновенно хорошей и работящей хозяйкѣ дома. Говорили также, будто ей стоитъ только разъ взглянуть на человѣка, и она уже знаетъ ему настоящую цѣну.

И вотъ жена священника сказала матери, что она уже давно подумывала взять къ себѣ въ домъ дѣвочку, которая присматривала бы за ея падчерицей, чтобы такимъ образомъ у горничной оставалось больше времени на тканье. И она сейчасъ же спросила мать, не имѣетъ ли она что-нибудь противъ того, чтобы отдать ей дѣвочку въ услуженіе съ будущей осени.

Имѣетъ ли мать что-нибудь противъ этого? Что за вопросъ!

Она не могла себѣ представить высшаго счастья для своей дѣвочки! Подумать только, попасть въ услуженіе въ Лёвдала!

Весь вечеръ жена священника не сводила глазъ съ дѣвочки. Казалось, будто она ни о чемъ другомъ не могла больше думать.

Черезъ нѣсколько времени она снова подозвала къ себѣ мать.

— Правда ли, что дѣвочка умѣетъ читать и писать?—спросила она.

Мать подтвердила, что это истинная правда.

— Въ такомъ случаѣ мы сейчасъ же и поладимъ,—сказала жена священника.—Вѣдь вы можете сдѣлать маленькій крюкъ и пройти мимо Лёвдала, когда пойдете домой отсюда, и тогда дѣвочка можетъ остаться у насъ.

На томъ и порѣшили.

Но и послѣ этого жена священника продолжала смотрѣть на дѣвочку, не отрывая глазъ, точно не могла насмотрѣться на нее.

Немного спустя она снова заговорила съ Маритъ изъ Кольторпа.

— Какъ ее зовутъ, твою дѣвочку?—спросила она.

— Ее зовутъ Элеонорой, но мы называемъ ее Норой.

— И это дѣйствительно истинная правда, что она умѣетъ читать и писать? Это не пустое хвастовство?—спросила опять жена священника.

Мать снова подтвердила, что это истинная правда.

— А я тутъ сижу и думаю о томъ, что она, собственно, могла бы отправиться отсюда вмѣстѣ съ нами. У насъ мѣста въ саняхъ довольно,—продолжала жена священника.—Намъ въ Лёвдала какъ разъ нужна такая дѣвочка. И она могла бы сейчасъ поступить въ услуженіе.

Конечно, все устроилось такъ, какъ этого желала жена священника. Она была не изъ тѣхъ, съ кѣмъ можно спорить.

Самопрялки.

Большіе далекарлійскіе часы, стоявшіе въ комнатѣ смежной съ кухней въ Лёвдала, пробили шесть съ такимъ грохотомъ, что казалось, будто тяжелыя гири провалятся въ самую преисподнюю. Этотъ грохотъ разбудилъ дѣвочку, которая спала на ненадежномъ ложѣ изъ трехъ стульевъ,—ей на-спѣхъ устроили его еще наканунѣ поздно вечеромъ.

Она съ крикомъ вскочила съ постели и сразу очутилась посреди комнаты. Она видѣла во снѣ, что лежитъ въ гробу, что ее собираются хоронить, и она уже слышитъ погребальный звонъ.

Она стояла босыми ногами на холодномъ полу и скоро окончательно пришла въ себя отъ тяжелаго сна.

Кажется, въ комнатѣ никого нѣтъ и никто не слышалъ, какъ она вскрикнула. Что если бы служанки узнали, что она испугалась стѣнныхъ часовъ—вотъ онѣ смѣялись бы надъ ней! Она не могла понять, почему такъ испугалась; правда, въ Кольторпѣ у нихъ не было часовъ, но въ Нюгордѣ были часы съ боемъ и въ большой горницѣ, и въ маленькой, такъ что она знала, какъ бьютъ часы.

Въ комнаткѣ, гдѣ спала дѣвочка, было не совсѣмъ темно. Двѣ небольшія лучины горѣли въ углу на очагѣ, такъ что она могла видѣть всю комнату. Да, она была одна. Узкій деревянный диванъ, на которомъ спала дочь священника, когда дѣвочка наканунѣ пришла въ эту комнату, былъ пустъ, мамзель Майя-Лйса уже встала и постель ея была даже убрана.

Дѣвочка подумала, что разъ мамзель Майя-Лйса уже встала, то, должно быть, поздно, и она стала поспѣшно одѣваться.

Она подложила нѣсколько полѣньевъ въ очагъ, чтобы стало посвѣтлѣе,—ей надо было разыскать свои чулки и башмаки и другое платье и поскорѣе одѣться.

Какъ странно, думала она, ходить по этой комнатѣ въ усадьбѣ священника и одѣваться. И какъ разъ въ этой же усадьбѣ Лёвдала мать ея служила нянькой, прежде чѣмъ выйти замужъ за отца. Интересно, будетъ ли она чувствовать себя здѣсь такъ же хорошо, какъ мать, когда она служила въ Лёвдала.

Если не считать братишку, то едва ли мать кого-нибудь такъ любила, какъ дочь священника. Когда она говорила о ней, то можно было подумать, что она говоритъ о какой-нибудь принцессѣ.

Дочь священника была такая красавица, что когда она проѣзжала по дорогамъ въ экипажѣ или скакала верхомъ, то люди сбѣгались со всѣхъ сторонъ и становились по краямъ дороги, чтобы полюбоваться ею. Священникъ пользовался большой властью въ приходѣ, но онъ часто говорилъ, что для прихожанъ онъ на второмъ планѣ, а все ихъ вниманіе выпадаетъ на долю его дочери. Вѣдь она была изъ стариннаго рода, въ которомъ всѣ мужчины посвящали себя служенію Богу, и она должна была унаслѣдовать какъ Лёвдала, такъ и весь приходъ.

Иногда бывало даже досадно, что всѣ такъ много говорятъ о дочери священника. Казалось, будто всѣ переставали существовать, когда поднимался вопросъ о ней. Но дѣвочкѣ было во всякомъ случаѣ очень интересно увидать ее наконецъ.

Но что это за гулъ? Дѣвочка прислушивалась къ нему все время, пока одѣвалась,—вѣдь не можетъ же ей это казаться, потому что вчера она весь день слушала завываніе бури? А можетъ быть, снова поднялся ураганъ? Впрочемъ, тѣ звуки, которые она слышала, не походили на завываніе вѣтра; скорѣе это было ровное гудѣніе, какъ если бы вертѣлось мельничное колесо.

Но вотъ она одѣлась и растворила дверь въ кухню.

Неудивительно, что раздавалось такое гудѣніе. Вся кухня была уставлена самопрялками, и за каждой самопрялкой сидѣла пряха; прялки стояли вплотную одна за другой, и дѣвочка не видала имъ конца.

Она остановилась на порогѣ, потому что отъ неожиданности у нея закружилась голова. До сихъ поръ ей приходилось видѣть не болѣе трехъ прялокъ заразъ. Но сколько же ихъ здѣсь? Она рѣшила, что ей ихъ и не пересчитать.

Въ кухнѣ было довольно темно и трудно было разобраться во всѣхъ этихъ самопрялкахъ и пряхахъ. На очагѣ, на высокой желѣзной подставкѣ, горѣло нѣсколько сучковатыхъ можжевеловыхъ полѣньевъ—этимъ и ограничивалось все освѣщеніе въ большой кухнѣ. Но помимо этого, трудно было разглядѣть что-нибудь также и вслѣдствіе того, что пряхи были окутаны дымкой пыли, которая поднималась во время работы.

Какъ бы то ни было, но дѣвочка никогда не видала ничего подобнаго. И чѣмъ дольше она смотрѣла на колеса прялокъ, на подножки и на веретена и на быстро мелькавшіе руки и пальцы, тѣмъ больше у нея кружилась голова. Чтобы овладѣть собой, она стала себѣ самой задавать вопросы, какіе, по словамъ ея матери, обыкновенно задаютъ во время пряжи: „Сколько пряжи выработано сегодня утромъ въ кухнѣ? Сколько готовыхъ мотковъ уже виситъ въ складѣ на чердакѣ? Сколько ткацкихъ станковъ будетъ работать весною, чтобы справиться со всей этой пряжей? Сколько полотнищъ будутъ бѣлить весною? И сколько...“

Ну, вотъ, голова перестала кружиться. Дѣвочка рѣшила, наконецъ, отойти отъ двери, и она осторожно стала пробираться между пряхами. Оказалось, что прялокъ было вовсе не такое множество, какъ ей это вначалѣ показалось, но все-таки ихъ было немало. Онѣ стояли другъ за другомъ, и вереница ихъ доходила до самой выходной двери.

У самаго очага, гдѣ было свѣтлѣе всего, сидѣла жена священника за желтой полированной самопрялкой и пряла тонкую бѣлую пряжу. Сейчасъ же за ней сидѣла пожилая женщина, и дѣвочка догадалась, что это экономка, о которой ей говорила

мать,—она пряла шерсть на самопрялкѣ, выкрашенной въ красные и зеленые цвѣта. Возлѣ экономки сидѣли пять молодыхъ служанокъ: кухарка, горничная, судомойка, скотница и женщина, завѣдывавшая пивовареніемъ,—всѣ пять служанокъ пряли тонкую льняную пряжу на простыхъ некрашенныхъ самопрялкахъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣла старая, горбатая работница и пряла грубую, простую пряжу на старой, поломанной самопрялкѣ. А совсѣмъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, у самыхъ входныхъ дверей, гдѣ тянуло стужей изъ сѣней и гдѣ было почти совсѣмъ темно, сидѣла еще одна пряха. Въ колесѣ ея самопрялки нехватало нѣсколькихъ спицъ, ея кудель была вся въ узлахъ, подножка сломана, и пряжа ея была самая грубая и неровная,—такую въ другомъ мѣстѣ просто выбросили бы. Но пряха, которой дали эту грубую работу, повидимому, пряла ее съ такой же легкостью, съ какой другія пряли тонкую и ровную пряжу.

Дѣвочка никакъ не могла понять, кто бы это могъ быть. Она подумала, что это какая-нибудь посторонняя дѣвушка, которую взяли въ домъ священника, чтобы научить ее прясть.

„Бѣдняжка!—подумала она.—Плохо тебѣ приходится. Видно, что жена священника не очень-то долюбливаетъ тебя“.

Больше никого въ кухнѣ не было. Дѣвочка не понимала, какъ ей вначалѣ могло показаться, что въ кухнѣ такое множество народу.

Пряхи усердно пряли, не поднимая головъ. Мать дѣвочки обыкновенно пѣла или разсказывала сказки въ то время, какъ она работала, но здѣсь царило глубокое молчаніе.

Жена священника сдѣлала ей знакъ, чтобы она подошла къ ней. Она должна была вынимать изъ корзины расчесанную пряжу и подавать ей, чтобы ей самой не терять даромъ времени на это.

Дѣвочка дѣлала это безконечно долго. Вокругъ нея жужжали колеса, двигались подножки, вертѣлись веретена. У нея начала кружиться голова, и она опять заставила себя мысленно дѣлать себѣ самой тѣ же полезные вопросы, чтобы побороть головокруженіе:

„Сколько мотковъ успѣваютъ онѣ здѣсь спрясть въ одно утро? И сколько мотковъ онѣ уже успѣли повѣсить?...“

Ахъ, да! Вѣдь она не видала еще дочери священника. Она должна была бы сидѣть здѣсь и прясть вмѣстѣ съ женой священника. Впрочемъ, можетъ быть, ей вовсе не мѣсто среди служанокъ. Для этого, конечно, она слишкомъ важная. Будетъ этимъ заниматься такая красавица, какъ дочь священника!

Вѣдь она унаслѣдуетъ все Лёвдала и весь приходъ. Она, вѣроятно, сидитъ себѣ на диванѣ въ гостиной и вышиваетъ шелками цвѣты по шелку.

Но что это? Вѣроятно, кто-нибудь нехорошо ведетъ себя? Жена священника то и дѣло оборачивалась къ входнымъ дверямъ.

Прошло такъ много времени, что уже забрезжилъ свѣтъ. Въ небольшія окна сталъ проникать скудный дневной свѣтъ. Даже оттуда, гдѣ стояла дѣвочка, видно было, что послѣдняя пряха, сидѣвшая у входныхъ дверей, перестала работать. Она не спала, но положила руку на колесо и пристально смотрѣла передъ собой. Видно было, что она ничего не замѣчаетъ, такъ какъ погрузилась въ глубокія думы.

И, конечно, она не замѣтила, что жена священника уже давно смотритъ на нее и обратила вниманіе на то, что ея самопрялка стоитъ безъ движенія.

У этой пряхи было кроткое свѣтлое лицо съ серьезными, большими голубыми глазами. Видно было, что она перестала работать не изъ-за лѣни, а просто потому, что ею овладѣли глубокія думы, которымъ она невольно отдалась.

Съ каждымъ мгновеніемъ жена священника все плотнѣе и плотнѣе сжимала свои губы. Выраженіе ея лица сдѣлалось такимъ злымъ, что на нее было страшно смотрѣть. Но вотъ она остановила свое колесо и встала. А та, у дверей, все еще ничего не замѣчала, она продолжала сидѣть неподвижно и не видѣла даже, что жена священника пробирается между самопрялками къ двери. Она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія до той самой минуты, когда жена священника подошла къ ней вплотную и положила свою руку на ея тонкую шею. Одной рукой она откинула ея голову назадъ, а другой схватила кудель, которая была надѣта на веретено, и стала изо всѣхъ силъ тереть ею лицо дѣвушки.

— Не для тебя ли мы всѣ тутъ работаемъ?—сказала она грубымъ голосомъ.—А ты тутъ спишь и ничего не дѣлаешь!

Маленькая дѣвочка чуть не вскрикнула. О, Боже! Неужели же это дочь священника? Конечно, это и должна была быть она, такъ какъ жена священника сказала, что всѣ работаютъ для нея.

Жена священника еще разъ изо всѣхъ силъ встряхнула молодую дѣвушку, швырнула на полъ кудель и вернулась на свое мѣсто.

Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ поднялась съ своего мѣста экономка и съ нею вмѣстѣ пять служанокъ и работница,—всѣ онѣ отставили отъ себя самопрялки.

Жена священника повернулась и съ изумленіемъ посмотрѣла на старую экономку.

— Мнѣ кажется, что вы знаете, барыня, что служанки не прядутъ во время праздниковъ,—сказала экономка,—всѣ мы привыкли къ тому, что мы свободны въ эти дни и можемъ работать только на себя самихъ. Вы знаете также, что если мы пойдемъ къ пастору и спросимъ его, то онъ скажетъ, что все должно оставаться по-старому. Мы пряли все утро только потому, что мамзель Майя-Лйса уговорила насъ, она попросила насъ исполнить ваше желаніе. Но теперь мы прекращаемъ работу, потому что видимъ, что вы обращаетесь съ ней по-старому.

Послѣ этихъ словъ экономка, пять служанокъ и работница подняли самопрялки, чтобы вынести ихъ изъ кухни.

Но жена священника вскочила съ своего мѣста и встала въ дверяхъ кухни.

— Безъ моего согласія ни одну самопрялку не вынесутъ изъ кухни,—сказала она.

Однако, экономка пошла прямо на нее безъ малѣйшаго колебанія, потому что она сознавала, что право на ея сторонѣ. Можно было ожидать всего самаго ужаснаго.

Но странно, вмѣсто этого случилось нѣчто, чего никто не могъ ожидать!

Жена священника быстро окинула взоромъ всю кухню, какъ бы ища хоть въ комъ-нибудь поддержки, и взглядъ ея упалъ на маленькую дѣвочку. И тутъ она увидала, что дѣвочка смотритъ на нее широко раскрытыми глазами, въ которыхъ былъ написанъ смертельный страхъ, словно она видитъ передъ собой вѣдьму,— и въ женѣ священника вдругъ произошла перемѣна.

Она отошла отъ двери какъ разъ въ то мгновеніе, когда экономка была уже на одинъ шагъ отъ нея.

— Я всегда за справедливость,—сказала она.—Если это такъ, какъ говоритъ Кайса, если это правда, что вы свободны во время праздниковъ, то пусть такъ и будетъ. Но вы могли бы сказать мнѣ объ этомъ деликатнѣе и не выражаться такъ грубо.

— Мы это будемъ имѣть въ виду для слѣдующаго раза,—отвѣтила экономка угрюмо.

Больше никто ничего не сказалъ, потому что въ эту минуту раздался изъ комнатъ звонъ колокольчика.

— Это священникъ зоветъ насъ къ утренней молитвѣ,—сказала экономка.—Мы вынесемъ самопрялки потомъ.

Всѣ вышли въ сѣни, только дѣвочка осталась стоять на мѣстѣ, будто на нее нашелъ столбнякъ. Неужели же это возможно,

что та дѣвушка, которая пряла самую грубую пряжу у дверей, была дочерью священника? Что за позоръ, какой грѣхъ! О, если бы только мать знала это!

Служанки вышли одна за другой, и кухня опустѣла. Дочь священника выходила послѣдней. Она увидала дѣвочку и протянула ей руку.

— Развѣ ты не пойдешь также на утреннюю молитву?

Голосъ у нея былъ нѣжный, а руки мягкія и маленькія. Дѣвочка вложила свою руку въ ея сперва нѣсколько застѣнчиво, а потомъ, пока онѣ шли черезъ сѣни, она все крѣпче и крѣпче сжимала руку молодой дѣвушки. Когда онѣ стояли въ дверяхъ комнаты священника, то молодая дѣвушка склонилась къ дѣвочкѣ и сказала:

— Говорятъ, что ты дочь Маритъ, моей старой няни?

— Да,—отвѣтила дѣвочка.—Я поступила сюда, чтобы помогать вамъ.

Дочь священника улыбнулась.

— О, да, я дѣйствительно нуждаюсь въ комъ-нибудь, кто помогъ бы мнѣ,—сказала она.

Свартшё.

Всѣ пять служанокъ сидѣли и платали и перешивали старое платье. Возлѣ нихъ лежали куски воска и нитки, у всѣхъ на пальцахъ были надѣты широкія кольца для шитья. Онѣ, наподобіе портныхъ, предпочитали сидѣть высоко во время работы, и всѣ онѣ сидѣли на узкомъ длинномъ столѣ. Только старая экономка сидѣла на стулѣ.

Дѣвочка стояла у окна и смотрѣла на дворъ. Дворъ былъ большой и повсюду были расчищены дороги среди высокихъ сугробовъ снѣга. Со всѣхъ сторонъ стояли большія строенія; дѣвочка старалась узнать этотъ дворъ по описаніямъ матери. Длинное низкое строеніе какъ разъ противъ главнаго зданія было, вѣроятно, хлѣвомъ, слѣва была видна пивоварня. Зданія стояли не вплотную рядомъ другъ съ другомъ, ихъ соединяли высокіе заборы, такъ что на дворъ можно было попасть только черезъ небольшія калитки, которыя въ зимнее время стояли раскрытыми настежь. Направо отъ этого двора дѣвочка увидала крыши еще цѣлаго множества всевозможныхъ строеній, которыя окружали другой дворъ, больше перваго. Тамъ былъ хлѣвъ для барановъ, свинярня, амбары и кладовыя, овинъ, сараи для дровъ и экипажей, изба для работниковъ и помѣщеніе для орудій. Многія изъ

этихъ строеній стояли на большихъ столбахъ, а къ нѣкоторымъ вели наружныя лѣстницы подъ самый чердакъ. По большей части строенія были покрыты соломой или дерномъ, а теперь эти толстыя крыши покрывалъ еще снѣгъ. Дѣвочкѣ казалось, что крыши тепло прикрыты мягкими тюфяками и мѣхами. На всемъ лежалъ отпечатокъ мира и покоя,—казалось, будто старыя строенія покоятся въ зимней спячкѣ.

Одна изъ служанокъ недавно только появилась въ помѣстьѣ, да къ тому же она была изъ другого прихода. Повидимому, она рѣшила воспользоваться этой спокойной минутой и кое-что разузнать о хозяевахъ. Она дѣлала одинъ вопросъ за другимъ о дочери священника, о его женѣ и о немъ самомъ, но никто ничего не отвѣчалъ ей. Всѣ остальныя служанки сидѣли и шили съ плотно сжатыми губами и дѣлали видъ, будто ничего ни о комъ не знаютъ.

Въ концѣ-концовъ новая служанка догадалась, что ей ничего не вытянуть изъ нихъ, и она начала разспрашивать о другомъ. —„Почему этотъ приходъ называется Свартшё?“ [1])—Ей казалось очень страннымъ, что этотъ приходъ носитъ такое названіе. Она слышала, что, кромѣ озера Лёвенъ, въ этомъ приходѣ есть еще три озера, но ни одно изъ нихъ не носило названія Свартшё, насколько она знала.

Ну, въ этомъ вопросѣ не было ничего страшнаго, но, къ несчастью, никто изъ служанокъ не слыхалъ, откуда произошло это названіе. Повидимому, новая служанка и на этотъ вопросъ такъ же не получитъ никакого отвѣта, какъ и на другіе. Но тутъ старая экономка отложила свое шитье и сдвинула на лобъ очки.

Вполнѣ понятно, что приходъ этотъ назвали Свартшё, такъ какъ онъ получилъ свое названіе по озеру того же имени, которое находилось здѣсь когда-то, но которое потомъ высохло.

Новая служанка очень обрадовалась, что получила, наконецъ, хоть какой-нибудь отвѣтъ. Она сейчасъ же спросила, гдѣ именно находилось это озеро.

Озеро это когда-то находилось въ глубинѣ долины ниже Лёвдаля. Экономка повернулась къ окну, выходившему на югъ, и указала въ него. Она сказала, что вода доходила до самаго пригорка за пивоварней. Тамъ по крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще такой мелкій песокъ, который находятъ только на берегу озера.

Новая служанка также повернула голову къ окну. Жилой домъ стоялъ на возвышенности, и низкія службы, которыми онъ

---

[1]) Свартшё—черное озеро.

былъ окруженъ, не заслоняли обширнаго вида. Можно было видѣть всю долину на разстояніи цѣлой мили и ясно было замѣтно ровное дно долины.

Однако новая служанка не хотѣла вѣрить, что это ровное пространство было когда-то дномъ озера. Ей всегда казалось, что дно озера должно быть очень глубокое, неровное и съ крутыми берегами.

На это экономка ничего не отвѣтила,—ей было безразлично, что думаетъ новая служанка. Она говоритъ только то, что знаетъ.

Съ этими словами экономка снова надѣла на носъ очки и принялась шить.

Новая служанка фыркнула нѣсколько презрительно. Странное дѣло: старые люди совсѣмъ не выносятъ, чтобы имъ противорѣчили. Что бы они ни говорили, они требуютъ, чтобы имъ безусловно вѣрили.

Другія служанки не произнесли ни слова, чтобы выручить экономку. Въ кухнѣ наступило глубокое молчаніе. Маленькой дѣвочкѣ очень хотѣлось разсказать то, что она знала о Свартшё, но она не рѣшалась вмѣшиваться въ разговоръ взрослыхъ.

Тутъ дверь изъ смежной комнаты растворилась, и въ кухню вошла Майя-Лйса.

Сперва она молчала и только смотрѣла на работавшихъ. Потомъ она подошла къ дѣвочкѣ, которая все еще стояла у окна.

— Скажи мнѣ, Нора,—начала она, садясь на деревянный стулъ у окна и беря въ свои руки руку дѣвочки,—много ли ты ходила по этой мѣстности и знаешь ли ты какое-нибудь другое озеро, кромѣ Лёвена?

Дѣвочка вся вспыхнула оттого, что дочь священника заговорила съ ней. Она едва-едва заставила себя отвѣтить настолько громко, что всѣ присутствующіе слышали, что она видѣла на своемъ вѣку столько озеръ, что ей и не пересчитать ихъ.

— Такъ сдѣлай мнѣ удовольствіе и вспомни одно изъ нихъ,—сказала дочь священника.—Вспомни, какое хочешь, только представь себѣ, что оно длинное и узкое и находится между двумя высокими берегами, покрытыми лѣсомъ.

Дѣвочка опустила голову и стала смотрѣть на полъ. Но вскорѣ она подняла голову. Она представила себѣ такое озеро.

Дочь священника лукаво посмотрѣла на нее, но она продолжала все такимъ же серьезнымъ тономъ:

— Ты ясно видишь его передъ собой? Ты видишь, что съ сѣвера въ него впадаетъ маленькая ясная рѣчка; замѣть также, что

къ югу рѣчка становится все ýже и ýже и, наконецъ, превращается въ ручей. Ты представляешь себѣ это?

Да, дѣвочка ясно представляла себѣ это.

— Въ такомъ случаѣ ты можешь себѣ также представить, что берега этого озера очень извилисты и образуютъ глубокіе заливы?—продолжала дочь священника.—А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ озеро выдаются длинные мысы, на которыхъ стоятъ плакучія ивы и склоняются къ водѣ? И ты видишь, что посреди озера находятся небольшіе островки, сплошь покрытые черемухой и рябиной, которыя весной густо покрываются бѣлыми цвѣтами и напоминаютъ собой вѣнокъ невѣсты?

Да, дѣвочка видѣла все, что дочь священника описывала ей.

Мамзель Майя-Лйса бросила взглядъ черезъ окно на длинную долину. Потомъ она обернулась къ дѣвочкѣ и улыбнулась. И она заговорила, подчеркивая слова, какъ бы желая, чтобы дѣвочка запомнила то, что она говоритъ:

— Ну, разъ ты все это себѣ представила, то представь себѣ также, что на этомъ озерѣ есть бережокъ, гдѣ всегда кишатъ дѣти, которыя купаются все лѣто въ этомъ озерѣ; а на другомъ берегу отвѣсная скала, гдѣ растутъ большія черныя ели съ толстыми узловатыми корнями, переплетающимися другъ съ другомъ, словно змѣи. Ты, вѣроятно, видишь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ озера болотистый и тамъ густыя заросли ивняка, и тамъ почти невозможно шагу ступить, а дальше разстилаются луга, на которыхъ пасется скотъ?

Дѣвочка и это все ясно представила себѣ.

— Тебѣ, вѣроятно, не трудно представить себѣ также большіе береговые камни, съ которыхъ по воскресеньямъ люди ловятъ окуней,—продолжала дочь священника,—и челноки, привязанные къ кольямъ на берегу, и маленькія сѣрыя рыбачьи хижины, которыя стоятъ покосившись на мысахъ?

— Да,—отвѣтила дѣвочка.

Она представляла себѣ все это и еще другое.

— Представь себѣ также, что вокругъ всего озера разбросаны крестьянскія усадьбы, луга и поля, но они находятся нѣсколько поодаль отъ берега, а не у самой воды, какъ рыбачьи хижины, а дальше, за крестьянскими усадьбами, находятся выжженныя поля и березовыя рощи, но выше начинаются хвойные лѣса, которые покрываютъ собой горы до самыхъ вершинъ.

Дѣвочка и это представляла себѣ.

Тутъ дочь священника вдругъ задумалась.

— Но вотъ теперь начинается самое худшее. Слушай. Что

если бы случилось такъ, что въ одинъ прекрасный день то озеро, которое ты себѣ такъ ясно представляешь, вдругъ высохло и въ немъ не осталось бы ни капли воды больше,—какъ ты думаешь, что было бы на томъ мѣстѣ, которое раньше было покрыто водой?

Дѣвочка стала втупикъ. Она не сводила глазъ съ дочери священника и молчала.

— Да, и я не могу навѣрное сказать,—продолжала дочь священника,—но мнѣ кажется, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ на днѣ высохшаго озера начала расти трава, а потомъ люди начали воздѣлывать землю, раздѣлили ее между собой, и она покрылась дорогами, полями, раздѣленными изгородью. А все остальное осталось попрежнему.

Дѣвочка стояла и молча смотрѣла передъ собой. Видно было, что она вся ушла въ глубокія думы.

— Ты, вѣроятно, бывала въ гостиной въ Хельгесетерѣ и видѣла тамъ между окнами большое зеркало въ золотой рамѣ? Въ этомъ году зеркало разбили, у капитана не было денегъ, чтобы вставить новое, и вотъ ограничились тѣмъ, что доски покрыли зеленымъ сукномъ. Но золотая рама осталась такой же, какой и была. Разница только въ томъ, что она не заключаетъ въ себѣ больше зеркала.

Дѣвочка вдругъ оторвалась отъ своихъ мыслей и посмотрѣла на дочь священника. Она начала понимать.

— Вотъ такъ было и съ озеромъ, о которомъ мы говорили,—сказала дочь священника.— Все, что находилось на берегахъ, осталось попрежнему, и только зеркальная поверхность воды, которую заключали берега, исчезла. На мысахъ попрежнему стоятъ плакучія березы, хотя имъ уже нельзя больше любоваться собою въ прозрачной водѣ; песокъ остался тамъ, гдѣ былъ, но лѣтомъ уже никто не приходитъ купаться на бархатистый бережокъ, а камни, съ которыхъ прежде удили рыбу, тоже не сдвинулись со своихъ мѣстъ, но на нихъ уже не сидятъ больше люди съ удочками. Маленькіе островки съ букетами рябиновыхъ деревьевъ остались на своихъ мѣстахъ, но ихъ окружаютъ воздѣланныя поля; крестьянскія усадьбы также остались на своихъ мѣстахъ, но ихъ молодые обитатели уже не могутъ больше въ тихіе лѣтніе вечера кататься въ лодкахъ по озеру.

Все это дѣвочка прекрасно понимала.

Дочь священника вдругъ обернулась къ окну.

— Вотъ посмотри, Нора, и вы всѣ также,—сказала она, указывая на длинную долину.—Какъ вы думаете, что вы видите вонъ тамъ?

И странно, когда дѣвочка посмотрѣла въ окно, то сразу увидала все то, о чемъ говорила дочь священника. Передъ ней разстилалось дно озера, а вокругъ него извилистый берегъ съ мысами, заливами и бухтами. Она увидала мысы съ плакучими березами и маленькіе островки среди воздѣланныхъ полей. На одномъ крутомъ берегу темнѣлъ хвойный лѣсъ, а на другой сторонѣ, на болѣе плоскомъ берегу, были заросли ивняка. До половины горы были разбросаны крестьянскія усадьбы, тамъ и сямъ выдѣлялись березовыя рощицы; она увидала вдругъ все, о чемъ говорила ей только что дочь священника.

Служанки стояли позади дѣвочки и видѣли все то, что видѣла она.

Подумать только, что до сихъ поръ онѣ не обращали на это вниманія.

Не могло быть больше никакого сомнѣнія въ томъ, что на этомъ мѣстѣ было когда-то озеро Свартшё. Долина была когда-то дномъ этого озера,—это было ясно.

— Да, такъ это и есть,—сказала дочь священника.—Когда-то возлѣ Лёвдала красовалось великолѣпное зеркало, но его больше нѣтъ, осталась одна рамка. И многіе очень жалѣютъ, что зеркало исчезло.

Тутъ дѣвочкѣ такъ захотѣлось сказать, что и она кое-что знаетъ о высохшемъ озерѣ, что она не могла больше заставить себя молчать.

— Мать тоже разсказывала мнѣ объ озерѣ, которое когда-то было въ этой мѣстности,—сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила дочь священника.—Впрочемъ, ты, конечно, должна была много чего наслышаться о Лёвдала отъ твоей матери.

— Мать разсказывала,—продолжала дѣвочка скороговоркой,—что когда озеро высохло, то оно оставило по себѣ три воспоминанія. Во-первыхъ, холодный вѣтеръ, который всегда разгуливаетъ по долинѣ; во-вторыхъ, холодный туманъ, который поднимается здѣсь осенью, и въ-третьихъ...

Но дѣвочкѣ такъ и не удалось сказать, что было въ-третьихъ. Дочь священника рѣзко перебила ее:

— Ахъ, и больше ничего? Но это мы давно всѣ знали.

Бѣлоснѣжка.

I.

Въ комнатѣ смежной съ кухней шла такая болтовня и такое перешептываніе, что дѣвочка ни на минуту не могла закрыть глазъ, хотя эту ночь она спала въ настоящей маленькой кроваткѣ, которую поставили въ комнатѣ нарочно для нея.

Въ усадьбу пріѣхала пріемная сестра Майя-Лйсы Анна Бругренъ, которая была замужемъ за пробстомъ Лёвстедтомъ. Она должна была переночевать въ усадьбѣ священника и уѣхать только на слѣдующій день. Ей приготовили комнату въ мезанинѣ, но не успѣли священникъ съ женой уйти къ себѣ, какъ Анна Бругренъ тихонько прокралась въ комнату, гдѣ спала ея пріемная сестра.

Ей очень хотѣлось поговорить наединѣ съ Майей-Лйсой, а потому она была очень огорчена, когда увидала, что въ этой комнатѣ спитъ также дѣвочка. Нѣсколько разъ, черезъ короткіе промежутки времени, она подходила къ кроваткѣ дѣвочки, чтобы посмотрѣть, не заснула ли она. Наконецъ, дѣвочка закрыла глаза и лежала неподвижно, чтобы только не мѣшать подругамъ.

— Наконецъ-то она заснула,—сказала Анна Бругренъ, беря свѣчу, чтобы еще разъ взглянуть на дѣвочку.

— Нѣтъ, она не спитъ,—сказала дочь священника.—Неужели ты думаешь, что она могла заснуть при нашей болтовнѣ?

— Давай, лучше помолчимъ нѣкоторое время,—предложила Анна Бругренъ.

Не прошло и двухъ минутъ молчанія, какъ Анна Бругренъ рѣшила, что теперь дѣвочка навѣрное спитъ. Она была очень довольна этимъ, такъ какъ дала себѣ слово не покидать Лёвдала до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ всего, что ей хотѣлось узнать.

— Она не спитъ, я въ этомъ увѣрена,—сказала дочь священника.—Но мы устроимся иначе. Я буду разсказывать тебѣ сказку, а въ это время она заснетъ. Помнишь, сколько сказокъ я разсказывала тебѣ, бывало?

— Но я боюсь, что тогда-то дѣвочка совсѣмъ разгуляется и не заснетъ больше,—замѣтила Анна Бругренъ.—Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь. Какую же сказку ты будешь разсказывать?

— Мнѣ хочется разсказать тебѣ сказку о Бѣлоснѣжкѣ.

— Ахъ, о Бѣлоснѣжкѣ,—сказала Анна Бругренъ довольно равнодушнымъ тономъ.—Да, давно я уже не слыхала сказокъ.

— Ты знаешь, жила-была однажды жена священника,—на-

чала Майя-Лйса,—которая глубоко скорбѣла о томъ, что Богъ не даетъ ей дѣтей.

— Да ты забыла сказку,—прервала ее Анна Бругренъ.—Вѣдь въ сказкѣ говорится о королевѣ.

— Нѣтъ, я всегда слышала, что рѣчь идетъ о женѣ священника,—сказала Майя-Лйса.—Иначе я этой сказки и разсказывать не умѣю.

И она продолжала разсказывать о женѣ священника, которая страстно желала имѣть дочь съ алыми щечками и съ лицомъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, и которая умерла, когда ея желаніе исполнилось.

— Мнѣ кажется, что мы могли бы поговорить о чемъ-нибудь болѣе веселомъ,—замѣтила Анна Бругренъ.

— Ты, конечно, помнишь эту сказку,—продолжала дочь священника,—а потому я не буду разсказывать тебѣ, какъ жилось Бѣлоснѣжкѣ въ ея дѣтскіе годы. Ты помнишь, что жилось ей очень хорошо, хотя матери у нея не было. Вѣдь у нея была добрая тетушка, которая присматривала за всѣмъ домомъ, и ласковая пріемная сестрица и добрая старая бабушка. Но ласковѣе всѣхъ съ ней былъ всетаки ея папочка. Онъ былъ вѣрнымъ товарищемъ Бѣлоснѣжки въ играхъ, и ему она повѣряла всѣ свои маленькія горести. Онъ всегда былъ противъ того, чтобы съ ней обращались такъ строго, какъ вообще обращаются съ другими дѣтьми, ей позволяли дѣлать все, что ей было угодно. Люди, конечно, находили, что онъ балуетъ ее, но объ этомъ онъ и слышать не хотѣлъ.

— Можетъ быть, Бѣлоснѣжка была просто такая хорошая, что ее нельзя было избаловать,—замѣтила Анна Бругренъ, и голосъ ея прозвучалъ какъ-то особенно серьезно.

— Кажется, не было на свѣтѣ существа счастливѣе Бѣлоснѣжки,—продолжала Майя-Лйса.—Она чувствовала себя особенно счастливой съ тѣхъ поръ, какъ тетка уѣхала отъ нихъ, и она стала самостоятельной хозяйкой на всемъ дворѣ и могла одна заботиться о своемъ папочкѣ. Она была такъ счастлива, и въ теченіе долгихъ лѣтъ у нея, кажется, было только одно горе,—это когда вышла замужъ ея пріемная сестра и переселилась въ другой приходъ. Если бы въ то время кто-нибудь сказалъ ей, что наступитъ время, когда папочка отвратитъ отъ нея свое сердце, то она расхохоталась бы въ лицо этому человѣку. Неужели же они когда-нибудь могутъ разлюбить другъ друга, она и папочка? Этого она даже и во снѣ не могла себѣ представить.

— Да и никому другому никогда не могло прійти въ голову

нѣчто подобное,—сказала Анна Бругренъ тѣмъ же серьезнымъ тономъ.

— И никогда Бѣлоснѣжка не думала, что на нее когда-нибудь обрушится то великое несчастіе, какое обрушилось на нее въ одно прекрасное утро въ прошлое лѣто, когда она пошла съ отцомъ смотрѣть на сѣнокосъ.

— Развѣ это было прошлымъ лѣтомъ?—замѣтила вдругъ Анна Бругренъ.—Мнѣ казалось, что Бѣлоснѣжка жила тысячу лѣтъ тому назадъ.

— Нѣтъ, я всегда слышала, что Бѣлоснѣжка жива еще и теперь,—сказала дочь священника.—А въ тотъ день, когда она пошла смотрѣть на сѣнокосъ вмѣстѣ съ папочкой, ей только что исполнилось семнадцать лѣтъ, а папочкѣ было пятьдесятъ, хотя по наружности этого никто не далъ бы ему. На немъ былъ большой парикъ, шляпы не было, на груди у него было бѣлое жабо, а на ногахъ башмаки съ большими пряжками. Глядя на него, Бѣлоснѣжка думала про себя, что у него необыкновенно красивая и благородная наружность. На ней было старое бумажное платье и большая шляпа съ широкими опущенными полями. Она была совсѣмъ незамѣтна рядомъ со своимъ красивымъ отцомъ.

— А я всегда слышала, что не было на свѣтѣ существа прелестнѣе Бѣлоснѣжки,—сказала Анна Бругренъ.

Но дочь священника продолжала, не обращая вниманія на ея замѣчаніе.

— Широкополая шляпа была очень кстати, потому что она скрывала лицо. Иначе папочка замѣтилъ бы, что у нея было недовольное и кислое выраженіе. Да, мнѣ кажется, что Бѣлоснѣжка имѣла основаніе быть недовольной тѣмъ, что отецъ взялъ ее съ собой на сѣнокосъ въ это время дня. Она предпочитала бы сидѣть за ткацкимъ станкомъ, чтобы докончить полотнище. Но отецъ самъ пришелъ за ней, онъ остановился подъ окномъ кухни и крикнулъ, чтобы она шла съ нимъ, и она не могла отказать ему.

— Мнѣ кажется, что она вообще никогда ни въ чемъ не могла отказать отцу,—замѣтила Анна Бругренъ.

Они прошли мимо скотнаго двора и загона для телятъ и отправились на лугъ, гдѣ Длинный-Бенгтъ и два работника косили сѣно. Итти туда было недалеко, но на этотъ недалекій путь пошло всетаки много времени, потому что папочка останавливался на каждомъ шагу.

Онъ остановился, чтобы посмотрѣть на коровъ, потомъ остановился, чтобы поболтать со скотницей. Когда они дошли до

пригорка съ березками, то онъ остановился и обернулся, чтобы полюбоваться новымъ домомъ, который онъ самъ выстроилъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ сдѣлалъ новую остановку, чтобы поправить маленькую елочку, которую кто-то задѣлъ ногой.

Тутъ надо сказать, что Бѣлоснѣжка никогда не могла долго дуться, когда бывала въ обществѣ своего папочки. Ее всегда охватывала безграничная нѣжность къ нему, и она не могла не восхищаться имъ.

Мнѣ кажется, что Бѣлоснѣжка была права, находя прекраснымъ и трогательнымъ также и то, что папочка на всю свою жизнь остался въ маленькомъ бѣдномъ приходѣ въ глухомъ углу Вермланда. А онъ былъ такой ученый и обладалъ удивительнымъ краснорѣчіемъ, а кромѣ того у него была представительная и обаятельная наружность, и ему ничего не стоило бы сдѣлаться пробстомъ или епископомъ, если бы онъ только этого захотѣлъ. А ты какъ думаешь?

— Трудно мнѣ говорить объ отцѣ Бѣлоснѣжки, — отвѣтила Анна Бругренъ,—но мнѣ кажется, что онъ могъ бы достичь всего, чего хотѣлъ.

— Правда, я не могу навѣрное сказать, что чувствовала и думала Бѣлоснѣжка. Но мнѣ кажется, она говорила самой себѣ: Послушай, Бѣлоснѣжка, вѣдь ты ничего не умѣешь и не знаешь, ты неопытна въ жизни,—какъ тебѣ не стыдно дуться? Вспомни папочку, который никогда не жалуется, никогда не желаетъ для себя ничего лучшаго, и всетаки никогда не показываетъ людямъ хмураго лица!—Но Бѣлоснѣжка старалась выгородить себя передъ самой собой и говорила, что ей очень хотѣлось снять холстъ съ ткацкаго станка, прежде чѣмъ она уѣдетъ изъ дому. Дѣло въ томъ, что было уже рѣшено, что она поѣдетъ съ бабушкой на воды въ Лока этимъ же лѣтомъ. Прошлую зиму бабушка жестоко страдала отъ ревматизма. Болѣзнь такъ изуродова ея руки, что на нихъ нельзя было смотрѣть безъ слезъ. И вотъ Бѣлоснѣжка всю весну умоляла бабушку поѣхать на воды, но она знала вмѣстѣ съ тѣмъ, что бабушка ни за что не уѣдетъ безъ нея.

Тутъ она вспомнила, что ей надо попросить папочку назначить день ихъ отъѣзда. Но она все откладывала и откладывала разговоръ объ этомъ. Вѣдь она хорошо знала, что папочкѣ будетъ слишкомъ тяжело разстаться съ ней на цѣлыхъ шесть недѣль и что онъ будетъ откладывать это со дня на день. Теперь она шла и загадывала: если на южномъ лугу окажется очень много травы и папочка будетъ доволенъ этимъ, то она соберется съ духомъ и заговоритъ о своемъ путешествіи.

И что же? Повидимому, все шло къ тому, что она скоро уѣдетъ. Когда они пришли на южный лугъ, то тамъ оказалось невѣроятное множество травы, покосъ былъ лучше, чѣмъ когда-либо. Бѣлоснѣжка сейчасъ же замѣтила, что папочка былъ доволенъ, потому что онъ началъ шутить съ Длиннымъ-Бенгтомъ, выше котораго нѣтъ во всемъ приходѣ; онъ посовѣтовалъ ему подрасти еще немного, потому что онъ такой маленькій, что его въ травѣ незамѣтно.

Длинный-Бенгтъ не полѣзъ за словомъ въ карманъ и отвѣтилъ папочкѣ, что если пасторъ будетъ такъ хорошо хозяйничать на своей землѣ, то скоро никому не подъ силу будетъ косить у него луга. Онъ сказалъ, что прямо одно горе пробираться сквозь эти густыя заросли. Два работника также стали увѣрять, что скорѣе они готовы сражаться съ вестгётцами на ярмаркѣ въ Брубю, чѣмъ на будущій годъ косить такую траву.

На это папочка долженъ былъ отвѣтить такой же любезностью, и всѣ стояли вокругъ него и ожидали, что онъ скажетъ. Ахъ, Бѣлоснѣжка всегда будетъ помнить папочку такимъ, какимъ она видѣла его въ ту минуту, веселымъ и ласковымъ среди своихъ работниковъ, съ лукавымъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто онъ обдумывалъ отвѣтъ, разсчитывая въ то же время произвести еще большій эффектъ тѣмъ, что онъ молчитъ нѣкоторое время.

Но тутъ случилось то, чего никто не ожидалъ. Никто такъ и не дождался отвѣта отца.

Что бы это могло быть? Кто пробирается черезъ высокую густую траву? Кто-то не шелъ, а ковылялъ изъ стороны въ сторону, все время крича и говоря съ самимъ собой и ни на минуту не умолкая.

То, что Бѣлоснѣжка увидала, взволновало ее до глубины души. Ахъ, это было ужасно видѣть женщину такой растерзанной и несчастной! Съ ея тѣла свѣшивалось мокрое и запачканное глиной платье, волосы выбились изъ-подъ гребешка и космами падали вдоль спины. Но ужаснѣе всего было то, что ея руки и лицо были всѣ въ крови.

Длинный-Бенгтъ и работники отвернулись и три раза сплюнули, словно увидали передъ собой вѣдьму, и немногаго не хватало, чтобы и папочка послѣдовалъ ихъ примѣру.

Но въ эту минуту Бѣлоснѣжка узнала эту женщину, и она поскорѣе шепнула своему отцу, что это та женщина, которая завѣдуетъ хозяйствомъ графини въ Боргѣ.

Папочка согласился съ ней и сейчасъ же подошелъ къ жен-

щинѣ и спросилъ ее, что съ ней случилось и почему она въ такую рань пришла сюда. Но оказалось, что женщина такъ смутилась, что не узнала даже папочку. Она продолжала кричать, что ей не подъ силу больше жить съ графиней и что она идетъ къ священнику просить о его помощи.

Тогда Бѣлоснѣжка и папочка позвали ее къ себѣ домой, и черезъ нѣсколько времени она настолько успокоилась, что могла толково разсказать имъ о томъ, что съ ней случилось. Графиня такъ дурно обращалась съ ней и такъ мучила ее, что она была больше не въ состояніи выносить этого, и въ два часа ночи она бѣжала изъ Борга. При этомъ она была такъ взволнована, что не отдавала себѣ даже отчета въ томъ, куда пойдетъ и у кого будетъ просить помощи. Когда она стояла уже на дорогѣ, то тутъ только ей пришла въ голову мысль итти въ усадьбу священника, потому что она слышала, что тамъ живутъ добрые люди. Но бѣдняжка пошла проселочной дорогой черезъ луга, тутъ она сбилась съ пути и, переходя черезъ рѣчку, упала съ мостковъ, ушиблась лбомъ о перекладину и замочила и испачкала себѣ все платье. Послѣ этого у нея сдѣлалось такое головокруженіе, что она уже окончательно потеряла дорогу и все утро пробродила по полямъ и лугамъ.

Разсказавъ все это, она стала просить и умолять позволить ей остаться въ усадьбѣ до тѣхъ поръ, пока она высушитъ свое платье, смоетъ съ себя кровь и обдумаетъ, куда ей итти дальше.

Конечно, ей позволили это. Да и хотѣла бы я знать, у кого хватило бы духу отказать этой несчастной женщинѣ!

Но до чего Бѣлоснѣжка и папочка возмущались графиней! Она была такая красивая и веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько въ ней было жестокости по отношенію къ своимъ подчиненнымъ! Не въ первый разъ до нихъ доходили такіе слухи о ней. Да, счастье было графини, что въ этотъ день она не попалась на глаза Бѣлоснѣжкѣ. Бѣлоснѣжка навѣрное спросила бы ее, какъ ей не стыдно быть такой жестокой. А эта женщина... какъ бы мнѣ ее назвать?

— Ты можешь назвать ее Вабицъ,—предложила Анна Бругренъ.

— Хорошо. Такъ вотъ эта Вабицъ была извѣстна, какъ особа очень работящая и положительная, и графиня должна была бы цѣнить ее и обращаться съ ней лучше, а не доводить ее до сумасшествія.

Случилось такъ, что Бѣлоснѣжкѣ въ этотъ же день пришла въ голову одна мысль, которая очень обрадовала ее. Она рѣшила

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

попросить юнгфру Вабицъ остаться у нихъ и заниматься хозяйствомъ въ то время, какъ она уѣдетъ съ бабушкой на воды. Если бы это могло устроиться, то она спокойно уѣхала бы, такъ какъ знала бы, что все въ домѣ и въ хозяйствѣ будетъ итти такъ же, какъ и при ней.

— Но, милая моя,—воскликнула Анна Бругренъ,—неужели же ты сама... я хотѣла сказать: неужели сама Бѣлоснѣжка...

— Да, сама Бѣлоснѣжка, а не кто другой, придумала это. И Бѣлоснѣжка была такъ счастлива, что ей пришло это въ голову. Она сейчасъ же спросила юнгфру Вабицъ, согласна ли она остаться у нихъ, и та не ломалась и отвѣтила, что съ удовольствіемъ окажетъ ей эту услугу. Но тутъ же она заявила, что если за это время она получитъ хорошее мѣсто въ большомъ господскомъ помѣстьѣ, то сейчасъ же уѣдетъ отъ нихъ, потому что она бѣдная дѣвушка и ей необходимо подумать о себѣ.

Но труднѣе всего Бѣлоснѣжкѣ было уговорить отца. Неужели онъ будетъ цѣлыя шесть недѣль видѣть передъ собой эту особу и неужели ему придется обѣдать съ ней?

Ты себѣ представить не можешь, какъ трудно было Бѣлоснѣжкѣ устроить все это и наладить такъ, чтобы она могла спокойно уѣхать съ бабушкой. Папочка и юнгфру Вабицъ совсѣмъ не сходились другъ съ другомъ. У папочки былъ веселый характеръ и онъ любилъ шутить со всѣми, а юнгфру Вабицъ была серьезная и суровая особа и думала только о томъ, чтобы сохранить свое достоинство.

Бѣлоснѣжка всегда старалась устроить такъ, чтобы они встрѣчались только за обѣдомъ; но не успѣвали они усѣсться за столъ, какъ папочка начиналъ такой разговоръ, который раздражалъ юнгфру Вабицъ. И папочка дѣлалъ это нарочно. Онъ находилъ, что забавнѣе всего говорить съ ней о любви и о замужествѣ.

Онъ сказалъ какъ-то между прочимъ, что очень радъ, что у нихъ въ домѣ поселилась юнгфру Вабицъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, есть у кого попросить совѣта. Онъ уже давно раздумываетъ о томъ, чтобы жениться во второй разъ. Что скажетъ юнгфру Вабицъ относительно графини въ Боргѣ.

Но не успѣлъ папочка сказать это, какъ юнгфру Вабицъ вся окаменѣла отъ ужаса. Она положила на тарелку вилку и ножикъ и стала пристально и молча смотрѣть на папочку.

Анна Бругренъ засмѣялась.

— Воображаю себѣ, какъ онъ наслаждался!—сказала она.

— Да, на этотъ разъ папочка былъ особенно въ ударѣ, къ тому же рѣдко случалось ему встрѣчать человѣка, который не

понималъ его шутокъ. Онъ сказалъ юнгфру Вабицъ, что онъ совсѣмъ не понимаетъ, почему она такъ удивлена. Неужели она думаетъ, что графиня откажетъ ему? Но онъ знаетъ навѣрное, что графиня находитъ его очень красивымъ мужчиной. Когда она живетъ въ Боргѣ, то каждое воскресенье пріѣзжаетъ въ церковь, а она сама говорила ему, что терпѣть не можетъ некрасивыхъ священниковъ.

Это было ужасно забавно! Когда отецъ Бѣлоснѣжки сказалъ это, то на щекахъ у юнгфру Вабицъ появились два красныхъ пятна. Она молчала, пока у нея хватало силъ, но тутъ она должна была наконецъ дать волю своему гнѣву:

— И это священникъ и слуга Божій,—воскликнула она.

У юнгфру Вабицъ былъ грубый и рѣзкій голосъ. Она была небольшого роста и лицо у нея было маленькое и изящное, но волосы у нея были совсѣмъ сѣдые, хотя ей было не болѣе сорока лѣтъ. По наружности она была кротка, какъ голубица, но тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе производила она, когда начинала говорить. Ея голосъ пугалъ.

И теперь, когда юнгфру Вабицъ произнесла надъ папочкой приговоръ своимъ низкимъ, замогильнымъ голосомъ, то тотъ громко расхохотался. А юнгфру не произнесла больше ни одного слова за весь обѣдъ.

Анна Бругренъ тоже расхохоталась, но Майя-Лиса только вздохнула и продолжала дальше.

— Не буду останавливаться на томъ, какъ Бѣлоснѣжка упрашивала своего отца примириться съ юнгфру Вабицъ и оставить ее въ домѣ, но ничто не помогало. Бѣлоснѣжка каждую минуту боялась, что юнгфру убѣжитъ отъ нихъ, какъ она убѣжала изъ Борга.

— Ну, я увѣрена, что она осталась,—сказала Анна Бругренъ.

— Да, она осталась, и для Бѣлоснѣжки это было большой радостью. Понемножку юнгфру Вабицъ начала заниматься хозяйствомъ. Она не хотѣла жить у нихъ и ничего не дѣлать.

Понятно, что такая особа не довольствовалась приготовленіемъ простыхъ кушаній, она перешла на французскую кухню, какъ это было въ графскомъ домѣ. А папочка, который былъ въ молодости домашнимъ учителемъ въ знатныхъ семьяхъ, вспоминалъ свою молодость, когда ему подавали на столъ фарши, паштеты и пикантные соуса. И Бѣлоснѣжка была спокойна, что за время ея отсутствія отцу будетъ хорошо, и онъ ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка. Пріятно было видѣть также и то, что папочка не издѣвался больше надъ юнгфру, въ особенности когда она подавала на столъ вкусныя блюда.

Еще больше радовалась Бѣлоснѣжка, когда увидала, что юнгфру Вабицъ любитъ садоводство и огородничество, какъ и папочка. Она съ удовольствіемъ слушала, когда отецъ говорилъ о ботаникѣ Линнеѣ и о ботаническомъ садѣ въ Упсала,—она могла слушать его безъ конца.

Ахъ, должно быть, садоводство-то и примирило папочку съ мыслью о томъ, что юнгфру Вабицъ останется у него въ домѣ. Иначе изъ этого такъ ничего и не вышло бы. И благодаря этому Бѣлоснѣжка спокойно оставила на нее свой домъ и уѣхала съ бабушкой на воды. Она надѣялась даже, что отецъ будетъ терпѣть въ своемъ домѣ юнгфру Вабицъ до тѣхъ самыхъ поръ, когда она вернется домой.

Однако Бѣлоснѣжка всетаки не совсѣмъ-то была спокойна, послѣ того какъ разсталась съ домомъ. Часто она думала объ отцѣ и мысленно спрашивала себя, сходится ли онъ съ бѣдной Вабицъ.

Прошло недѣли двѣ съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлоснѣжка уѣхала изъ дому, и вотъ она получила отъ отца странное и необыкновенно веселое письмо, въ которомъ онъ съ начала до конца только и говорилъ о томъ, какъ они живутъ, онъ и юнгфру Вабицъ. Однажды вечеромъ къ папочкѣ въ гости пріѣхалъ поручикъ Христіанъ Бергъ и патронъ Юліусъ, и они не только играли въ карты, но распѣвали также пѣсни Белльмана. На слѣдующій день юнгфру Вабицъ не разговаривала съ нимъ, и всю недѣлю къ обѣду ему давали кровяную колбасу и соленую свинину или морковь съ селедкой. Но вчера его угостили жареной лососиной и другими вкусными блюдами, и изъ этого онъ сдѣлалъ выводъ, что гнѣвъ смѣненъ на милость.

Бѣлоснѣжка смѣялась, читая это письмо, папочка писалъ такъ забавно. Но всетаки письмо не успокоило ея. Однако слѣдующее письмо было лучше. Въ немъ отецъ разсказывалъ, что Длинный-Бенгтъ объявилъ о своей женитьбѣ на своей старой возлюбленной, Веселой-Майѣ; а уговорила его сдѣлать этотъ шагъ не кто иной, какъ юнгфру Вабицъ. Она долго проповѣдывала Длинному-Бенгту о томъ, какъ нехорошо заставлять женщину ждать себя четырнадцать лѣтъ, и, наконецъ, это подѣйствовало.

По всему было видно, что папочка былъ очень доволенъ этимъ. И въ этомъ письмѣ онъ уже не писалъ больше „Вабицъ“, какъ обыкновенно, а „юнгфру Вабицъ“. Бѣлоснѣжка поняла, что папочка сдѣлалъ, наконецъ, открытіе, какая прекрасная женщина была юнгфру Вабицъ. Послѣ этого Бѣлоснѣжка не получала отъ отца больше настоящихъ писемъ, онъ посылалъ ей только

коротенькія записочки, въ которыхъ писалъ, что очень занятъ и ему некогда писать ей длинныхъ писемъ. О юнгфру Вабицъ онъ не упоминалъ больше ни единымъ словомъ. Бѣлоснѣжка догадалась по этому, что отецъ уже настолько привыкъ къ ней, что она не занимаетъ его мыслей болѣе остальныхъ слугъ въ домѣ.

Однако въ глубинѣ души Бѣлоснѣжка всетаки безпокоилась; и я не могу описать ея радости, когда она наконецъ сѣла въ коляску, чтобы ѣхать домой. Она заблаговременно извѣстила отца о днѣ своего возвращенія и въ то же время писала ему, какъ она счастлива, что онъ заставилъ себя примириться съ Вабицъ, пока ея не было. Но теперь имъ не надо больше терпѣть чужихъ у себя въ домѣ, она уже больше никогда не покинетъ его.

— Ахъ, вотъ какъ, она такъ и написала?—замѣтила Анна Бругренъ.—Бѣлоснѣжкѣ, вѣроятно, очень пріятно думать, что она такъ написала.

— Да, во всей этой исторіи много смѣшного,—отвѣтила дочь священника.—Стоитъ только подумать о томъ, какъ счастлива была Бѣлоснѣжка, когда ѣхала по дорогѣ по направленію къ своему родному дому,—это прямо смѣшно! Она такъ вся сіяла отъ счастья, что лица тѣхъ, кто встрѣчались ей по пути, становились свѣтлѣе при взглядѣ на нее. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ началѣ путешествія. Однако когда она стала приближаться къ дому и проѣзжала по такой мѣстности, гдѣ знали и коляску, и тѣхъ, кто въ ней сидѣли, то Бѣлоснѣжкѣ начало казаться, будто у этихъ людей при видѣ ея возникаютъ какія-то печальныя мысли, отъ которыхъ на лбу у нихъ появлялись морщины.

Надо сказать, что Бѣлоснѣжка смутилась. Когда она проѣзжала мимо послѣднихъ постоялыхъ дворовъ, гдѣ она знала хозяевъ и спрашивала про папочку, то ей отвѣчали, что онъ такой же бодрый и здоровый, какимъ былъ, когда она уѣхала отъ него. Но по голосу людей она понимала, что они чего-то не договариваютъ. Однако разспрашивать она не хотѣла. Очень можетъ быть, что юнгфру Вабицъ въ концѣ-концовъ всетаки убѣжала отъ него. Впрочемъ, Бѣлоснѣжка не хотѣла портить радости свиданія съ отцомъ мыслью о ней.

— Это прямо великолѣпно,—замѣтила Анна Бругренъ со смѣхомъ,—если бы это не было такъ грустно.

— У послѣдней станціи ихъ встрѣтилъ Длинный-Бенгтъ съ ихъ лошадьми. На этотъ разъ Бѣлоснѣжка не могла ошибаться: онъ также имѣлъ какой-то странный и смущенный видъ. Обыкновенно изъ него едва-едва можно было выжать слово, а тутъ

онъ болталъ безъ умолку. И Бѣлоснѣжка не могла не замѣтить, что онъ говорилъ о чемъ угодно, только не объ отцѣ и не о юнгфру Вабицъ. И у нея нехватило духу разспрашивать его, она почувствовала какой-то безотчетный страхъ. Если случилось что-нибудь нехорошее, то она услышитъ объ этомъ изъ устъ отца.

— И она дѣйствительно ничего не знала до той самой минуты, пока не пріѣхала домой?—воскликнула Анна Бругренъ.

— Нѣтъ, она ничего не знала, ничего рѣшительно не подозрѣвала. Но тутъ я должна упомянуть о томъ, что было тяжелѣе всего для Бѣлоснѣжки. Повидимому, папочка находилъ, что онъ поступилъ необыкновенно благоразумно, и ожидалъ, что она очень обрадуется его рѣшенію. Иначе и быть не могло. Вѣдь не кто иной, какъ она сама, расхваливала юнгфру Вабицъ и внушала ему мысль о томъ, что онъ долженъ почитать за счастье имѣть такую особу въ домѣ. Не она ли первая навела его на мысль о томъ, что юнгфру...

Едва ли ты можешь представить себѣ, какъ счастливъ былъ отецъ, когда онъ стоялъ на крыльцѣ, къ которому подъѣхала Бѣлоснѣжка съ бабушкой, и какъ сіяла отъ счастья Вабицъ, стоя рядомъ съ папочкой. Папочка горѣлъ отъ нетерпѣнія разсказать о великой новости.

Но папочкѣ не надо было ничего говорить, потому что Бѣлоснѣжка сразу поняла все. Она не успѣла еще выйти изъ коляски, какъ все было для нея ясно. А теперь я должна разсказать, какъ дурно все это кончилось. Бѣлоснѣжкой овладѣлъ такой гнѣвъ, что она потеряла всякую власть надъ собой. Ничего подобнаго она никогда раньше не испытывала. Правда, она не бросилась на нихъ и не стала рвать и царапать ихъ. Она едва удержалась отъ того, чтобы не сдѣлать этого.

Но надъ языкомъ своимъ она потеряла волю, и она сказала имъ все самое худшее, что только могло прійти ей въ голову въ эту минуту. Никогда она не будетъ называть Вабицъ матерью, это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, она должна сказать ей прямо въ лицо, что она недостойная партія для ея отца, потому что Бѣлоснѣжка знаетъ, что Вабицъ дочь бѣднаго нѣмецкаго барабанщика, а папочка можетъ жениться на самой знатной дамѣ, если только захочетъ. Потомъ Бѣлоснѣжка сказала еще, что они оба прекрасно знаютъ, что поступили гадко, иначе не поженились бы тайкомъ отъ нея.

Тутъ къ ней подошла бабушка, крѣпко взяла ее за руку и сказала строго, чтобы она шла за ней въ ея комнату. Бѣлоснѣжка не сопротивлялась, но, прежде чѣмъ уйти, она еще разъ обер-

нулась къ Вабицъ и сказала, что та пріобрѣла милость отца тѣмъ, что готовила ему вкусныя блюда, и что папочка только изъ-за этого женился на ней.

Только послѣ этого бабушкѣ удалось увести Бѣлоснѣжку.

— Какъ жаль,—замѣтила Анна Бругренъ.—Я нахожу, что Бѣлоснѣжкѣ не мѣшало бы сказать еще многое.

— Да, но бабушка увела ее. И едва Бѣлоснѣжка очутилась у нея въ комнатѣ, какъ разразилась горькими слезами. И въ этомъ было что-то новое. Никогда еще не плакала она такъ. Она плакала нѣсколько часовъ подрядъ, прежде чѣмъ успокоилась, и все время ей казалось что-то чуждое ея натурѣ, таившееся въ самой глубинѣ ея души, теперь вдругъ проснулось и овладѣло всѣмъ ея существомъ. Какъ бы мнѣ это выразить? Она вдругъ почувствовала, что въ ней пробудился страшный драконъ или какой-то ужасный дикій звѣрь. Ахъ, она такъ испугалась этого, что чуть не забыла о другомъ несчастьи. Она глубоко страдала при мысли о томъ, что у нея въ душѣ есть что-то страшное и непреоборимое. Но вѣдь она не была виновата въ томъ, что въ ней это было. Она сдѣлаетъ только такъ, чтобы это никогда больше не проявлялось.

— Ахъ, бѣдняжка,—сказала Анна Бругренъ нѣжнымъ голосомъ,—неужели же Бѣлоснѣжка никогда до тѣхъ поръ не выходила изъ себя?

— Наконецъ, она заснула и забыла все. Она проснулась только утромъ, когда солнце показалось изъ-за горы и когда яркіе лучи его упали ей прямо на лицо. И снова она почувствовала себя безгранично несчастной и не видѣла никакого выхода.

Однако недолго ей пришлось раздумывать, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ пришла горничная и по порученію барыни попросила ее встать и сѣсть за ткацкій станокъ.

Не было еще четырехъ часовъ, и такъ рано Бѣлоснѣжка никогда не вставала. Правда, она работала, но всегда только по собственному желанію и въ то время, которое она сама находила для себя болѣе удобнымъ. Чувство сильнаго раздраженія готово было снова овладѣть ею, но тутъ она вспомнила о дикомъ звѣрѣ, который скрывался въ ней, и она испугалась, что онъ снова проявитъ себя.

Часа два она проработала за ткацкимъ станкомъ, и за это время она успокоилась и мысли ея пришли въ ясность. Она поняла, что Вабицъ вовсе не заискивала передъ ея отцомъ, а только говорила ему правду до тѣхъ поръ, пока онъ самъ наконецъ не пришелъ къ тому выводу, что присутствіе въ домѣ Вабицъ

будетъ для него и для его дочери неоцѣнимой поддержкой. А теперь, когда папочка увидалъ, что дочь не оцѣнила его умнаго поступка, онъ, конечно, очень обидѣлся на нее.

Въ семь часовъ Бѣлоснѣжку позвали къ папочкѣ, конечно, для того, чтобы она выслушала отъ него выговоръ и назиданіе,—другого и ожидать нельзя было. Но у папочки былъ такой безпомощный видъ и онъ такъ растерялся, что Бѣлоснѣжка готова была опять выйти изъ себя. Однако она сдержалась и искренно попросила прощенія у папочки и у мачехи и поцѣловала руку какъ отцу, такъ и Вабицъ. По выраженію лица папочки она увидала, какъ легко у него стало на душѣ, когда все это было покончено и когда въ домѣ снова насталъ миръ.

— Господи, подумать только, что пришлось пережить Бѣлоснѣжкѣ!—воскликнула Анна Бругренъ со слезами въ голосѣ.—А я живу только на разстояніи нѣсколькихъ миль и ничего не знаю! О, если бы я была здѣсь!

— И очень хорошо, что никого тогда не было возлѣ Бѣлоснѣжки, что никто не возбуждалъ ея,—сказала дочь священника.—Она была такъ рада, что проявила покорность, потому что когда она увидала отца и мачеху вмѣстѣ, то поняла, что не она самая несчастная. Вѣдь она была молода, могла выйти замужъ и обзавестись своимъ домомъ и семьей, а у папочки не было никакихъ надеждъ на будущее. Уже никогда больше не могъ онъ освободиться отъ Вабицъ, онъ былъ связанъ съ ней неразрывно до конца своихъ дней. Это было то же самое, что жить въ безконечную зиму безъ малѣйшей надежды хоть на маленькій лучъ лѣтняго солнца. Да, больше всего было жалко папочку, а не ее.

Но какъ ни была она миролюбиво настроена, она всетаки должна была вступить съ отцомъ въ пререканія, когда онъ черезъ нѣсколько времени послѣ сцены примиренія остановился подъ окномъ кухни и спросилъ ее, не хочетъ ли она пойти прогуляться съ нимъ. Она отвѣтила, что никакъ не можетъ пойти съ нимъ, потому что мамочка приказала ей соткать столько-то локтей до завтрака.

Въ первую минуту папочка сталъ было настаивать на томъ, чтобы она всетаки пошла съ нимъ. Но потомъ, повидимому, онъ какъ будто сообразилъ, что нельзя итти наперекоръ приказаніямъ мамочки съ перваго же дня. И вотъ папочка отошелъ отъ окна, а Бѣлоснѣжка осталась за ткацкимъ станкомъ. Этого она никакъ не ожидала. Сердце ея разрывалось на части,—она поняла, что потеряла папочку навсегда.

Въ голосѣ Майя-Лисы послышались слезы, и она вдругъ оборвала свой разсказъ и замолчала. Анна Бругренъ также ничего не говорила; но слышно было, что и она плачетъ. Заплакала бы также и дѣвочка, лежа въ своей постелькѣ, но она удержалась, потому что боялась, какъ бы ее не услышали подруги.

II.

На слѣдующую ночь дѣвочка не имѣла больше покоя, чѣмъ въ предыдущую. Анна Бругренъ не уѣхала домой, какъ это предполагалось, а отложила свой отъѣздъ. Не успѣли священникъ и его жена пожелать спокойной ночи, какъ она прокралась изъ своей комнаты въ мезанинѣ къ Майя-Лисѣ, чтобы поболтать съ ней, какъ наканунѣ.

На этотъ разъ онѣ не ждали, пока заснетъ дѣвочка. Анна Бругренъ сейчасъ же сказала, что она отложила свой отъѣздъ только для того, чтобы выслушать до конца интересную сказку о Бѣлоснѣжкѣ. И она попросила свою подругу, чтобы та сейчасъ же начала разсказывать, иначе она не успѣетъ докончить сказку. А завтра она во всякомъ случаѣ должна уѣхать.

И вотъ Майя-Лиса начала:

— Насколько мнѣ помнится, не прошло и восьми дней со дня возвращенія Бѣлоснѣжки, какъ къ нимъ въ гости пріѣхали причетникъ Мореусъ и Улла. Трудно сказать, до чего Бѣлоснѣжка обрадовалась имъ. Правда, отношенія между нею и мачехой были вполнѣ миролюбивыя, но ей приходилось много работать. Весь день она, не разгибая спины, работала за ткацкимъ станкомъ, такъ что по вечерамъ у нея ныло все тѣло. Она была рада, что пріѣхали гости и что у нея выпала хоть одна минута отдыха.

Да, Бѣлоснѣжка съ огорченіемъ должна была сознаться въ томъ, что никогда не проникнется такой любовью къ работѣ, какъ мамочка. Да и искусства такого и быстроты въ работѣ, какими обладала мамочка, она также не могла достигнуть. Мамочка умѣла ткать камчатное полотно такъ искусно, что у нея получались изображенія всѣхъ животныхъ изъ Ноева ковчега на бордюрѣ. Бѣлоснѣжка отлично понимала, что мамочка считаетъ ее нерадивой и неловкой, но вѣдь должна была мамочка принять во вниманіе то, что она во всякомъ случаѣ дѣлаетъ все, чтобы угодить ей.

Улла Мореусъ была знакома съ мамочкой еще въ то время, когда мамочка была экономкой въ Боргѣ, и фру Мореусъ хорошо

знала ее. Къ тому же она только что была въ Боргѣ вмѣстѣ со своей свекровью, гдѣ онѣ пекли рождественское печеніе, такъ что у нея было много чего поразсказать о графинѣ. Бѣлоснѣжка замѣтила, что мамочкѣ доставляетъ большое удовольствіе слушать о всѣхъ тѣхъ безумствахъ, которыя выкидывала графиня.

Но если говорить правду, то надо сказать, что никто такъ не обрадовался гостямъ, какъ папочка. Бѣлоснѣжка съ удовольствіемъ наблюдала за тѣмъ, какъ онъ мало-по-малу освобождался отъ той напускной важности, которой онъ отличался съ тѣхъ поръ, какъ женился на Вабицъ. И она подумала про себя: „Странно, гдѣ пропадалъ папочка все это время, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ нимъ ходили смотрѣть сѣнокосъ на южный лугъ“.

Бѣлоснѣжка отлично знала, что только изъ-за нея папочка не рѣшается больше ни смѣяться, ни шутить. Папочка укорялъ себя въ томъ, что дурно воспиталъ ее. Вѣдь онъ думалъ, что никогда не провинилась бы она такъ передъ мамочкой, если бы онъ не избаловалъ ее. И вотъ папочка принялъ теперь твердое рѣшеніе исправить ее. Въ ея присутствіи онъ всегда былъ серьезенъ, онъ никогда не шутилъ и былъ суровъ и сдержанъ.

Какихъ-нибудь два-три мѣсяца до этого онъ любилъ ее такой, какой она была, но теперь оказалось, что она никуда не годится. Бѣлоснѣжка видѣла, что папочка до тѣхъ поръ останется такимъ, пока она не перемѣнится.

Но вотъ, когда въ гости пріѣхалъ причетникъ Мореусъ, то папочка забылъ ту тяжелую задачу, которую онъ взялъ на себя, и сталъ такимъ, какимъ былъ въ добрыя старыя времена. А Бѣлоснѣжка только и думала о томъ, какъ безгранично онъ любитъ ее. Вѣдь только ради нея онъ несъ это тяжелое бремя. И она сознавала, что не проявляетъ по отношенію къ отцу той благодарности, какую онъ заслуживаетъ.

Мамочка сама пошла хлопотать объ ужинѣ, потому что ей хотѣлось показать Уллѣ Мореусъ, что до сихъ поръ въ Лёвдала никогда такъ вкусно не кормили. Мамочка знала, что Улла была самой искусной поварихой во всемъ приходѣ и что она постоянно разъѣзжала по помѣстьямъ и готовила парадные обѣды на свадьбахъ и похоронахъ, а потому передъ такой особой стоило отличиться. Въ то время какъ мамочка хлопотала въ кухнѣ, Улла предложила Бѣлоснѣжкѣ пойти навѣстить бабушку.

У бабушки Улла развернула одинъ пакетъ, который привезла съ собой, чтобы позабавить ихъ. Дѣло въ томъ, что она получила отъ графини роскошный подарокъ. Нельзя себѣ представить, какъ уморительно Улла разсказывала о томъ, какъ къ ней распо-

ложена графиня, и о томъ, какіе прекрасные подарки она отъ нея получаетъ. Разъ какъ-то графиня подарила Уллѣ крошечную собачку, которая питалась исключительно только сливками. И это, конечно, нужно было считать за великую честь и за проявленіе самаго искренняго расположенія по отношенію къ бѣдной женѣ причетника, у которой не всегда водились не только сливки, но даже молоко.

Улла такъ привыкла къ подобнымъ подаркамъ, что, пожалуй, разсердилась бы, если бы графиня подарила ей когда-нибудь что-нибудь полезное. Ахъ, какая она была забавная, когда раскладывала послѣдній подарокъ!

— Ну вотъ, любуйтесь,—сказала она.—Вотъ, что я на себя буду надѣвать теперь, когда мнѣ придется ѣздить по крестьянскимъ усадьбамъ и готовить парадные свадебные обѣды.

Конечно, графиня была увѣрена, что облагодѣтельствовала Уллу, подаривъ ей свою амазонку. Въ послѣдніе годы графиня ѣздила верхомъ въ англійской амазонкѣ: она состояла изъ длинной черной суконной юбки и плотно облегающаго станъ краснаго корсажа, опушеннаго соболемъ, а этотъ костюмъ дополнялъ маленькій цилиндръ. Правда, амазонка была изъ великолѣпнаго сукна, и она была еще не очень поношена, но всетаки это было очень смѣшно. Юбка была такая длинная, что Улла не могла шагу ступить въ ней, а красный корсажъ дѣлалъ ее такой уморительной, что можно было помереть со смѣху, глядя на нее. Уллѣ пришло въ голову примѣрить этотъ костюмъ на Бѣлоснѣжку. Когда Бѣлоснѣжка надѣла его, то Улла и бабушка Беата пришли въ восторгъ.

— Ахъ,—сказала Улла,—какая досада, что не ты получила этотъ великолѣпный подарокъ! Можно подумать, что этотъ костюмъ сшитъ на тебя.

Улла посадила Бѣлоснѣжку передъ зеркаломъ, распустила ей волосы и надѣла на нее маленькій цилиндръ.

— Посмотрите-ка на нее?—сказала она бабушкѣ.—Развѣ не похожа она на очаровательную маленькую графиню? Ну, не прелестна ли она?

Улла ни за что не хотѣла позволить Бѣлоснѣжкѣ снять амазонку, прежде чѣмъ папочка и причетникъ Мореусъ увидятъ ее.

Тутъ я должна сказать вотъ что: Бѣлоснѣжкѣ не слѣдовало ни за что надѣвать на себя этотъ костюмъ. Она сразу пришла въ шаловливое настроеніе, и ей показалось, что это не она сама, а кто-то другой. Бабушка и Улла хохотали до упаду, глядя на нее; а она говорила и ходила, стараясь подражать графинѣ.

Улла еще разъ повторила, что она никогда не проститъ ей, если ея мужъ не увидитъ ея графиней. И она настаивала на томъ, чтобы Бѣлоснѣжка непремѣнно пошла показаться отцу и ея мужу.

А Бѣлоснѣжка подумала про себя: быть можетъ, папочкѣ непріятно будетъ видѣть меня разодѣтой, вѣдь за послѣднее время онъ такъ серьезно держитъ себя со мной. Прежде я могла сколько угодно переодѣваться, но теперь все измѣнилось.

Однако Улла настаивала на своемъ, и Бѣлоснѣжка стала храбрѣе; она подумала: „Нельзя же до такой степени позволять запугивать себя. Сегодня папочка опять такой же, какимъ былъ прежде. Не можетъ онъ найти что-нибудь неприличное въ томъ, что я надѣла на себя платье графини".

Ободряла еще ее надежда и на то, что мамочкѣ будетъ пріятно, если они немножко высмѣютъ графиню.

Когда онѣ спускались съ лѣстницы отъ бабушки, Уллѣ пришла въ голову другая мысль. Она заставила Бѣлоснѣжку пойти вмѣстѣ съ нею въ конюшню, а тамъ онѣ уговорили Длиннаго-Бенгта осѣдлать Воронка. Воронокъ былъ толстая маленькая лошадка и ничуть не походилъ на большую верховую лошадь въ Боргѣ. Да и сѣдло, которое на него надѣли, не походило на графскія сѣдла.

Когда Воронка осѣдлали и Бѣлоснѣжка сѣла на него, то Улла побѣжала въ домъ и крикнула въ залъ и въ кухню, что по аллеѣ скачетъ верхомъ графиня Мерта.

Ну и поднялась въ домѣ возня! Мамочка сорвала съ себя кухонный передникъ и выбѣжала на крыльцо. Папочка съ такой стремительностью бросился изъ зала, что парикъ съѣхалъ у него набокъ. Онъ выбѣжалъ на крыльцо и сталъ рядомъ съ мамочкой на верхней ступенькѣ лѣстницы. Улла и причетникъ Мореусъ заняли мѣста позади нихъ, а на нижней ступенькѣ стояла горничная и почтительно присѣдала.

Хотя у Бѣлоснѣжки былъ хлыстъ и она хлестала имъ Воронка но она никакъ не могла заставить его бѣжать быстрѣе, и онъ трусилъ мелкой рысцой; но Бѣлоснѣжка рѣшила, что и такъ хорошо. Она была увѣрена, что и папочка, и мамочка издали узнали ее.

Но все вышло совершенно иначе. Мамочка, вѣроятно, такъ засмотрѣлась на красный корсажъ графини, въ которомъ та ѣздила верхомъ много лѣтъ, что ни на что другое не обратила вниманія.

И едва Бѣлоснѣжка привѣтствовала хлыстомъ и крикнула: „Bonjour, monsieur le pasteur!" подражая графинѣ, какъ мамочка

бросилась внизъ съ крыльца и присѣла такъ низко, что можно было подумать, будто она готова провалиться подъ землю.

Право, не знаю, какъ мнѣ описать все, что произошло? Бѣлоснѣжка знала, что мамочка нѣсколько близорука, и былъ уже поздній вечеръ и смеркалось, но ей и въ голову не могло прійти, что ее не узнали.

Она подумала: „Мамочкѣ нравится, что я передразниваю графиню". Вѣдь она хорошо знала, какъ сердита была мамочка на свою старую хозяйку. Бѣлоснѣжка не могла себѣ представить, чтобы мамочка присѣдала ей такъ низко. И при этомъ мамочка вся сіяла отъ счастья. Никогда не видала ея Бѣлоснѣжка такой радостной.

Бѣлоснѣжка спрыгнула съ сѣдла безъ посторонней помощи, совсѣмъ какъ графиня, и бросила поводья Длинному-Бенгту. Потомъ она повернулась къ мамочкѣ и протянула ей руку.

„Eh bien, Раклицъ, какъ вы себя чувствуете въ вашемъ новомъ положеніи?"

Но, представь себѣ, не успѣла сказать это Бѣлоснѣжка, какъ мамочка склонилась и поцѣловала ея руку!

Тутъ только Бѣлоснѣжка поняла, что мамочка дѣйствительно приняла ее за графиню и подумала, что графиня сдѣлала ей честь и пріѣхала навѣстить ее. Бѣлоснѣжка смутилась и растерялась, и могла только произнести:

— Мамочка, да вѣдь это я.

Мамочка выпрямилась въ одно мгновеніе и отбросила отъ себя руку Бѣлоснѣжки. Потомъ она бросила на Бѣлоснѣжку взглядъ, послѣ чего повернулась, вбѣжала на лѣстницу и исчезла въ кухнѣ.

Папочка, причетникъ Мореусъ и Улла окружили Бѣлоснѣжку и смѣялись надъ ея костюмомъ. Ахъ, Бѣлоснѣжкѣ пришлось нѣкоторое время продолжать эту комедію, потому что это забавляло папочку. Но въ глубинѣ души она вся похолодѣла, потому что взглядъ, который бросила на нее мамочка, испугалъ ее. Она думала: „теперь въ лицѣ мамочки я пріобрѣла непримиримаго врага. Мамочка не обращаетъ особеннаго вниманія на грубости, но она никогда не проститъ тому, кто смѣется надъ ней".

Дочь священника на мгновеніе замолчала, какъ бы желая узнать мнѣніе своей подруги по поводу того, что она разсказывала.

— Это должно было бы казаться смѣшнымъ,—сказала Анна Бругренъ,—но я не могу смѣяться. Мнѣ страшно. Говори же дальше, чтобы я могла поскорѣе узнать, какъ ты... я хотѣла сказать, какъ Бѣлоснѣжка выпуталась изъ всего этого.

Майя-Лиса продолжала:

— Я должна тебѣ разсказать, въ какую исторію попала Бѣлоснѣжка еще въ концѣ сентября. Ты, вѣроятно, находишь, что все это пустяки, но дѣло въ томъ, что это происшествіе придало Бѣлоснѣжкѣ нѣкоторое мужество. Каждый разъ, когда она вспоминала эту исторію, то она думала: „А всетаки есть человѣкъ, котораго мамочка побаивается“. Но нельзя было отрицать того, что всѣ въ усадьбѣ боялись мамочки, не исключая и отца. И Бѣлоснѣжка не могла не согласиться съ тѣмъ, что мамочка была очень внимательна къ папочкѣ и такъ слѣдила за нимъ, что онъ едва осмѣливался двигаться. И, Боже, до чего папочка боялся отказывать мамочкѣ, когда она чего-нибудь добивалась!

Это можно было замѣтить каждый день при всякомъ удобномъ случаѣ. Но ужаснѣе всего было, когда мамочка добилась того, что папочка позволилъ ей курить водку. Всѣ говорили, что если бы не она, то никогда папочка не разрѣшилъ бы этого, такъ какъ онъ всегда былъ противъ винокуренія. Когда кто-нибудь другой раньше обращался къ нему съ этимъ предложеніемъ, то онъ всегда отвѣчалъ очень рѣзко, что въ усадьбѣ священника изъ ржи пекутъ хлѣбъ и варятъ кашу, а не употребляютъ ея для производства проклятаго напитка, который губитъ людей.

Именно все это папочка и сказалъ мамочкѣ, но это на нее ничуть не подѣйствовало. Она отвѣтила, что если бы папочка захотѣлъ изгнать изъ ихъ дома вообще всякое употребленіе водки, то она первая одобрила бы это, но такъ какъ въ домѣ все равно должна быть водка какъ для гостей, такъ и для прислуги, то она находитъ, что они могутъ приготовлять водку сами. Вѣдь водка обходится вдвое дешевле, когда ее курятъ дома, увѣряла мамочка. И она такъ долго и неотвязно приставала къ папочкѣ, что тотъ наконецъ уступилъ ей.

На первый разъ мамочка взяла у сосѣда перегонный кубъ съ холодильникомъ и сейчасъ же принялась за дѣло. И мамочка все время сама тщательно слѣдила за перегонкой. Она ни на минуту не отходила отъ работницы, которая завѣдывала пивоваренiемъ, и все время стояла въ пивоварнѣ. Никто не могъ бы обвинить мамочку въ томъ, что она небрежно относится къ дѣлу.

Папочка же все время, пока продолжалась гонка водки, сидѣлъ у себя въ комнатѣ и ни разу не оказалъ чести мамочкѣ и не заглянулъ въ пивоварню, чтобы попробовать водки.

Мамочка прекрасно понимала, что ему очень не по душѣ ея затѣя, и она знала, что если кто-нибудь изъ челяди напьется, то папочка не преминетъ воспользоваться этимъ предлогомъ, что-

бы навсегда запретить винокуреніе. А потому мамочка тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы тѣ, кто помогалъ ей во время гонки, не слишкомъ часто пригубливали водку. И ей удалось произвести всю работу въ тишинѣ и порядкѣ.

Случилось только одно маленькое несчастье.

Работа была окончена, оставалось только разлить водку въ боченки и кувшины. Но мамочка хотѣла сама убрать также и винные огонки, а такъ какъ они еще не успѣли остыть, то она вылила ихъ въ ведро и поставила у дверей пивоварни.

Вскорѣ послѣ того, какъ мамочка выставила ведро съ огонками, мимо пивоварни проходилъ Длинный-Бенгтъ. Его такъ и тянуло, такъ и тянуло къ ведру, но въ дверяхъ появилась мамочка.

— Голубчикъ Бенгтъ, вѣдь не собираешься же ты пить это? Это не для людей. Это пойло.

Длинный-Бенгтъ сдѣлалъ невинный видъ и прошелъ дальше. Онъ шелъ на скотный дворъ. И кажется, не запрещено ходить мимо пивоварни.

И дѣйствительно, Длинный-Бенгтъ пошелъ на скотный дворъ и принесъ оттуда вилы, которыя у него брала скотница. Съ этими вилами онъ отправился въ конюшню. Но едва онъ отворилъ калитку на задній дворъ, какъ наткнулся на большого козла, который стоялъ, просунувъ морду между перекладинами изгороди, и принюхивался къ запаху, который распространялся изъ пивоварни. День былъ прекрасный и всѣхъ козъ выпустили на свободу, и онѣ собрались у кучи наломанныхъ вѣтвей. Одинъ только большой козелъ не могъ оторваться отъ калитки.

Никто не понималъ, какъ Длинный-Бенгтъ допустилъ такую небрежность, но какъ бы то ни было, онъ такъ широко раскрылъ калитку, что козлу удалось прошмыгнуть мимо него на дворъ. Мало того, Длинному-Бенгту и въ голову не пришло позаботиться о томъ, чтобы загнать козла обратно. Онъ посмотрѣлъ ему только вслѣдъ и, убѣдившись въ томъ, что калитки въ садъ заперты и козелъ не можетъ испортить яблонь папочки и грядокъ съ капустой мамочки, онъ успокоился. Вѣроятно, онъ находилъ, что не бѣда, если козелъ погуляетъ по двору и пощиплетъ свѣжую травку.

Но оказалось, что козелъ и не посмотрѣлъ на свѣжую травку, а побѣжалъ мелкой рысцой прямо къ пивоварнѣ. И бѣжалъ онъ такъ тихо и легко, что мамочка не услыхала, когда онъ появился у пивоварни, хотя дверь была пріотворена.

Козелъ этотъ всегда отличался прекрасными манерами. Когда

онъ пилъ, то не хлюпалъ языкомъ, какъ собака, и не всасывалъ воду со свистомъ, какъ лошадь, нѣтъ, онъ пилъ такъ тихо, что ничего не было слышно. Немало выпилъ онъ такимъ образомъ ведеръ молока тутъ же, за спиной у скотницы. И на этотъ разъ онъ совершенно спокойно выпилъ все ведро съ винными огонками, которые выставила мамочка студиться; а мамочка и не подозрѣвала объ этомъ.

Когда же козелъ выпилъ все, то онъ началъ блеять, ужъ такая у него была привычка: его проказы не доставляли бы ему такого удовольствія, если бы онъ не видѣлъ потомъ, сколько непріятностей и досады онъ причинилъ людямъ. Мамочка сейчасъ же выбѣжала изъ пивоварни и увидала пустое ведро.

Тутъ мамочка схватила длинную кочергу, стоявшую всегда въ углу пивоварни у самыхъ дверей, и собралась проучить козла. Однако послѣ такого прекраснаго угощенія козелъ, повидимому, не могъ представить себѣ, что мамочка серьезно сердится на него, а потому онъ сталъ на заднія ноги и началъ плясать передъ ней. Надо сказать, что козелъ былъ матерой и сильный, и съ нимъ шутки были плохи. Между тѣмъ, мамочка замахнулась на него кочергой и, конечно, это не могло кончиться хорошо. Видя, что мамочка находится въ опасности, и папочка, и Бѣлоснѣжка, и служанки поспѣшили прибѣжать ей на помощь. Но козелъ не предпринималъ ничего серьезнаго, онъ только прыгалъ взадъ и впередъ, не причиняя никому зла; тогда папочка сказалъ, что лучше оставить его въ покоѣ и не раздражать. Мамочкѣ онъ крикнулъ, чтобы та поскорѣе скрылась въ пивоварнѣ, пока козелъ находится въ шаловливомъ настроеніи.

Однако мамочка не обратила вниманія на его предостереженіе. Она замахнулась кочергой, и ей удалось наконецъ такъ ловко нанести ударъ козлу, что тотъ почувствовалъ его. Тутъ онъ опустился на переднія ноги и бросился въ пивоварню, гдѣ пустилъ въ ходъ рога и опрокинулъ всѣ бутылки и кувшины, какіе ему только попались на дорогѣ. Не успѣла мамочка вбѣжать вслѣдъ за нимъ въ пивоварню, какъ онъ уже выскочилъ оттуда опять на дворъ.

Конечно, козелъ догадался, что задалъ такую работу мамочкѣ, съ опрокинутыми бутылками и кувшинами, что на нѣкоторое время отдѣлался отъ нея и могъ спокойно наслаждаться своимъ игривымъ настроеніемъ. На мгновеніе онъ остановился въ дверяхъ пивоварни, осматриваясь по сторонамъ. Потомъ онъ медленно и величественно направился къ главному зданію.

Никогда еще онъ не шествовалъ такъ торжественно и никогда

онъ не былъ такъ великолѣпенъ. Онъ высоко поднималъ ноги, закинулъ голову вверхъ и какъ будто хвасталъ своей великолѣпной бородой и своими длинными рогами. Но всетаки по всему было видно, что онъ замышляетъ новую продѣлку. Въ глазахъ его игралъ огонекъ, и онъ слегка подбрасывалъ задними ногами.

Папочка думалъ, что козелъ идетъ на задній дворъ къ своимъ козамъ, и крикнулъ Бѣлоснѣжкѣ и служанкамъ, чтобы тѣ ушли съ дороги и не мѣшали козлу итти, куда онъ хочетъ. Можетъ быть, козелъ имѣлъ вначалѣ это намѣреніе, но онъ во всякомъ случаѣ измѣнилъ его, когда, проходя мимо крыльца, увидалъ, что дверь въ домъ раскрыта. И прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, онъ вдругъ вскочилъ на лѣстницу и вбѣжалъ въ домъ.

Вслѣдъ за нимъ сейчасъ же бросились служанки, чтобы прогнать его. Спасаясь отъ преслѣдованія, козелъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, ведущей на чердакъ, а тамъ онъ, недолго думая, выскочилъ въ слуховое окно. Однако и тутъ ему повезло; то окно, изъ котораго онъ выскочилъ, было какъ разъ надъ крышей крыльца.

Крыша была небольшая и покатая, но козлу удалось соскочить на конекъ крыши. Тамъ онъ уже не могъ больше шага ступить ни вправо, ни влѣво. Назадъ ему также было невозможно вернуться.

— Иди назадъ,—крикнулъ ему папочка, грозя своей палкой.

Но козелъ не двигался съ мѣста. Служанки были въ ужасѣ и не могли себѣ представить, чѣмъ все это кончится. Но козелъ былъ очень доволенъ. Онъ поворачивалъ голову то вправо, то влѣво и смотрѣлъ на собравшихся внизу людей, и видно было, что онъ наслаждался ихъ испугомъ.

Мамочка подобрала, наконецъ, всѣ бутылки и прибѣжала къ крыльцу съ кочергой въ рукахъ, чтобы проучить, наконецъ, козла. А козелъ при видѣ ея принялъ еще болѣе задорный видъ. Ясно было, что онъ не питаетъ никакого уваженія къ мамочкѣ.

Мамочка замахнулась кочергой и собралась ударить козла, но въ то же мгновеніе козелъ сдвинулъ ноги и, словно стрѣла, пролетѣлъ по воздуху и опустился на землю какъ разъ передъ мамочкой.

Не успѣлъ никто опомниться, какъ козелъ съ такой силой боднулъ мамочку, что она повалилась на землю. Послѣ этого козелъ бросился къ заднему двору, перескочилъ черезъ изгородь и затѣмъ плясалъ передъ своими козами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

Но въ эту минуту было не до него. Всѣ бросились къ мамочкѣ, и первая къ ней подбѣжала Бѣлоснѣжка. Однако мамочка съ досадой оттолкнула ее.

— Не притворяйся,—прошипѣла она.—Я отлично знаю, какъ ты ко мнѣ относишься. Я вижу, что тебѣ все это доставляетъ одно только удовольствіе. Смѣйся, сколько угодно! Но попомни, тебѣ придется еще и поплакать.

Надо сказать правду, что у Бѣлоснѣжки дѣйствительно былъ не очень огорченный видъ. Она смѣялась надъ козломъ, а когда мачеха упала, то лицо ея еще не успѣло принять вполнѣ серьезнаго выраженія.

Однако слова мачехи достаточно опечалили ее на весь день.

И ты отлично понимаешь, Анна, что это маленькое происшествіе не могло влить особой бодрости въ Бѣлоснѣжку. Но зато въ эту же ночь она увидала сонъ, который дѣйствительно принесъ ей нѣкоторое утѣшеніе.

Бѣлоснѣжка увидала во снѣ того же козла. Онъ стоялъ на крышѣ крыльца, но это былъ не настоящій козелъ, онъ былъ воплощеніемъ всей той радости и здороваго юмора, которымъ отличался этотъ домъ издавна, и вотъ теперь это воплощеніе радости стояло на крышѣ и насмѣхалось надъ мамочкой. Козелъ этотъ могъ говорить, и онъ объявилъ мамочкѣ, что ей не удастся превратить этотъ домъ въ холодную мрачную темницу, какъ она этого добивалась. Ей не подъ силу бороться съ вѣковыми привычками и обычаями.

Когда Бѣлоснѣжка проснулась, то ей показалось, что она уже не такъ одинока въ борьбѣ противъ мамочки.

— Слѣдующій разъ, когда я поѣду въ гости къ Бѣлоснѣжкѣ, то я непремѣнно возьму два хорошихъ ломтя хлѣба для козла,— сказала Анна Бругренъ, когда дочь священника остановилась на минуту.

— Боюсь, что это угощеніе запоздало,—отвѣтила Майя-Лиса.— Дѣло въ томъ, что въ послѣднемъ письмѣ, которое я получила отъ Бѣлоснѣжки, она пишетъ мнѣ, что мамочка велѣла зарѣзать козла.

— Нѣтъ, каково!—воскликнула Анна Бругренъ въ раздумьи.— Каково это! И Бѣлоснѣжка ничего не сказала и спокойно позволила зарѣзать козла! Вотъ увидишь, мачеха замышляетъ что-нибудь очень недоброе противъ Бѣлоснѣжки.

Но тутъ Майя-Лиса быстро возразила:

— Дѣло, видишь ли, въ томъ, что не она приноситъ вредъ Бѣлоснѣжкѣ. Напротивъ, мачеха увѣрена, что Бѣлоснѣжка только и думаетъ о томъ, какъ бы чѣмъ-нибудь досадить ей.

— Я дослушаю сказку до конца,—сказала Анна Бругренъ.— Но я уже теперь ясно вижу, что опасность грозитъ Бѣлоснѣжкѣ, а не ея мачехѣ.

— Ты, конечно, знаешь,—продолжала Майя-Лиса,—что отецъ Бѣлоснѣжки самъ развелъ фруктовый садъ въ своей усадьбѣ. Благодаря ему одному въ этомъ саду росли смородина, крыжовникъ и клубника, а также великолѣпныя розы и другіе цвѣты.

Но лучше всего въ саду папочки были яблони. Папочка самъ посадилъ ихъ, самъ прививалъ, и мнѣ кажется, что едва ли гдѣнибудь въ околоткѣ найдутся такіе плоды и ягоды, какіе были у папочки. Бѣлоснѣжка была увѣрена, что такихъ вкусныхъ яблокъ нѣтъ на всемъ свѣтѣ.

А въ это лѣто яблоки уродились на славу, такихъ еще никогда не бывало въ саду папочки. Правда, яблокъ было, можетъ быть, меньше, вѣтви не ломились подъ тяжестью плодовъ, какъ въ другіе годы, но зато плоды были гораздо крупнѣе и лучше. Не было ни на одномъ яблокѣ ни одной червоточинки, всѣ были, какъ на подборъ, большія и красивыя. Наливныя яблоки были, какъ стеклышко, а зимнія были покрыты яркимъ румянцемъ.

Эти яблоки славились на весь околотокъ. Они были такія большія и красныя, что ихъ издалека было видно на дорогѣ, и проѣзжавшіе мимо приходили спрашивать, нельзя ли пойти въ садъ и полюбоваться ими.

Однако, какъ извѣстно, съ яблоками всегда много возни. Въ прежніе годы много яблокъ пропадало съ деревьевъ, ихъ разворовывали. Но въ этомъ году едва ли пропало хоть одно яблоко, потому что мамочка стерегла ихъ съ невѣроятнымъ усердіемъ. Съ конца августа, когда начали созрѣвать яблоки, она сама ходила по ночамъ въ саду и стерегла яблоки.

Мало того, мамочка оберегала яблоки также отъ своихъ домочадцевъ. Она привѣсила къ калиткамъ сада большіе замки и никогда не разставалась съ ключомъ отъ нихъ. Иногда случалось, что мамочка выбирала особенно большое и красивое яблоко и преподносила его папочкѣ, но ни бабушка Беата, ни Бѣлоснѣжка такъ и не отвѣдали яблокъ въ эту осень.

Въ другіе годы яблоки не были такія хорошія, но зато сколько радости они доставляли. Всѣ обитатели усадьбы наслаждались ими вволю. А кромѣ того, всякій, кто приходилъ за чѣмъ-нибудь въ усадьбу священника, получалъ яблоки, а иногда уносилъ ихъ съ собой въ узелкѣ.

Даже во время сбора яблокъ никому такъ и не пришлось отвѣдать ихъ, потому что мамочка занялась этимъ сама безъ посто-

ронней помощи. Она надѣла на себя толстыя перчатки и снимала каждое яблоко, едва касаясь его, чтобы какъ-нибудь не попортить.

Правда, Бѣлоснѣжка была очень огорчена тѣмъ, что ей не удастся попробовать яблокъ, пока они еще сохранили лѣтній ароматъ, но она утѣшала себя мыслью о томъ, что тѣмъ пріятнѣе будетъ ѣсть яблоки осенью и зимою. Она была увѣрена, что мамочка сумѣетъ сохранить ихъ надолго.

Однако вскорѣ она замѣтила, что у мамочки были совсѣмъ другіе виды на яблоки. Оказалось, что она вовсе не собиралась угощать кого-нибудь изъ домочадцевъ этими прекрасными фруктами.

Конечно, папочка тоже охотно оставилъ бы всѣ эти яблоки у себя въ домѣ, какъ и всегда. Но мамочка высчитала, что на яблокахъ они могутъ заработать хорошія деньги. Она рѣшила продать рѣдкостные фрукты на ярмаркѣ въ Брубю.

Само собой разумѣется, что все вышло по желанію мамочки. Мамочка отправилась на ярмарку въ двумя телѣжками, нагруженными яблоками; съ ней вмѣстѣ поѣхали работникъ и служанка, чтобы помогать ей торговать.

На ярмарочной площади мамочка устроила ларекъ, раскрыла ящики и бочки и разложила на прилавкѣ яблоки. Мамочка не боялась никакой работы, и она стала за прилавокъ, надѣвъ на руки толстыя варежки и повязавъ вокругъ плечъ большую шаль. Никогда въ жизни не рѣшилась бы она поручить торговлю яблоками кому-нибудь другому.

Надо сказать правду, что товаръ у нея былъ такой, какимъ смѣло можно было гордиться. Вокругъ ея ларька собирался народъ только для того, чтобы полюбоваться рѣдкими фруктами. На ярмарку въ Брубю съѣзжались плодоводы какъ изъ замковъ въ Сёрмландѣ, такъ и изъ помѣщичьихъ усадебъ въ Нэсѣ. Но ни у кого не было такихъ яблокъ, какъ у мамочки.

И не успѣла мамочка разложить свой товаръ, какъ къ ней бросились покупатели и стали спрашивать, что она хочетъ за яблоки. Тутъ оказалось, что мамочка заломила за нихъ такую цѣну, что люди пришли въ изумленіе и отказались покупать.

И вотъ мамочка сидѣла за своимъ прилавкомъ и смотрѣла, какъ люди покупаютъ фрукты у ея сосѣдей. Однако мамочка стояла на своемъ и ничуть не понизила цѣны. За свои яблоки она просила ровно вдвое больше противъ другихъ торговцевъ. По всей вѣроятности, она разсчитывала продать свои яблоки позже, когда на ярмаркѣ будутъ распроданы всѣ другіе фрукты.

Какъ знать, можетъ быть, мамочка имѣла и другіе расчеты. Вѣдь она отлично знала, какое количество водки выпиваютъ на ярмаркѣ въ Брубю. И она знала также, что послѣ двѣнадцати часовъ дня едва ли можно найти хоть одного трезваго человѣка на ярмаркѣ. Вѣроятно, мамочка предполагала, что крестьяне послѣ полудня станутъ менѣе расчетливы.

Казалось, будто мамочка имѣла основаніе такъ думать. Вокругъ ея ларька собиралось все больше и больше народу. Во-первыхъ, собрались всѣ дѣвочки и мальчики, которые пришли на ярмарку. Они стояли и, засунувъ пальцы въ ротъ, съ вожделѣніемъ смотрѣли на прекрасныя яблоки,—это было даже трогательно. Эти, конечно, и не собирались ничего покупать. Но кромѣ нихъ собралось много взрослыхъ, которые не могли оторвать глазъ отъ соблазнительныхъ фруктовъ.

Время отъ времени то одинъ, то другой подходили и справлялись о цѣнѣ. Но мамочка была непоколебима, она настаивала на той цѣнѣ, которую назначила съ утра. Теперь уже она находила, что нѣтъ смысла понижать цѣну, когда всѣ яблоки на рынкѣ были распроданы. Она думала, что теперь насталъ ея чередъ.

Мамочка видѣла, какое вожделѣніе написано на всѣхъ лицахъ, и она думала:

„Скоро имъ не подъ силу будетъ бороться. Стоитъ только кому-нибудь начать, и дѣло пойдетъ на ладъ“.

Однако время шло, а яблокъ такъ никто и не покупалъ; мамочка начала уже думать, что ей придется везти съ собой обратно всѣ яблоки.

Тутъ мамочка рѣшила сдѣлать послѣднюю попытку, и она послала служанку за Бѣлоснѣжкой, которая гуляла по ярмаркѣ и покупала маленькіе подарки для оставшихся дома.

Мамочка приказала Бѣлоснѣжкѣ стать за прилавокъ вмѣсто нея и продавать яблоки. Она сказала, что весь день простояла безъ движенія и что у нея озябли ноги, а потому она должна пройтись немного.

Правда, Бѣлоснѣжка очень неохотно стала за прилавокъ, но она не осмѣлилась ослушаться мамочку; она надѣла на себя варежки мамочки, обвязалась ея шалью и стала на ея мѣсто. Мамочка приказала ей строго-настрого придерживаться ея цѣнъ и не спускать, а кромѣ того она запретила ей самой ѣсть яблоки. Послѣ этихъ наставленій мамочка ушла.

Если мамочка разсчитывала на то, что люди будутъ охотнѣе покупать у ея падчерицы, чѣмъ у нея, то она ошиблась.

Бѣлоснѣжка напрасно стояла со своими яблоками, она не про-

дала ни одного, какъ и мамочка. Народъ продолжалъ стоять сплошнымъ кольцомъ вокругъ ея прилавка, но никто ничего не покупалъ.

Но вотъ подошли подгулявшіе деревенскіе парни и молодыя дѣвушки; они шли подъ руку другъ съ другомъ, вышли изъ толпы и подошли къ самому ларьку.

Они громко разговаривали, шутили и звенѣли деньгами въ карманахъ,—по всему было видно, что они не прочь посорить деньгами. Бѣлоснѣжка такъ испугалась ихъ, что чуть не сбѣжала, но она осталась стоять въ надеждѣ на то, что ей удастся продать хоть сколько-нибудь.

Парни подошли къ ней, и, не справляясь о цѣнѣ, одинъ изъ парней положилъ свою широкую руку на кучку лучшихъ яблокъ. Въ то же время онъ пристально смотрѣлъ на Бѣлоснѣжку, стараясь казаться трезвымъ и разсудительнымъ.

— Откуда эти яблоки?—спросилъ онъ.

Бѣлоснѣжка отвѣтила, что это изъ усадьбы священника.

— Я не разъ бывалъ тамъ,—сказалъ парень,—знаю и васъ и вашего отца. Священникъ хорошій человѣкъ, это правда.

Бѣлоснѣжка отвѣтила очень ласково. Ей понравился парень, потому что онъ хорошо отозвался объ ея отцѣ.

— Да, я знаю, что вы и онъ люди добрые,—продолжалъ парень.—А разъ вы такіе добрые, то вы позволите бѣдному парню отвѣдать вашихъ яблокъ даромъ.

И не успѣла Бѣлоснѣжка опомниться, какъ парень захватилъ руками цѣлую кучу яблокъ—и былъ таковъ. А дѣвушка, съ которой онъ шелъ подъ руку, тоже схватила нѣсколько яблокъ и убѣжала. Примѣру первыхъ послѣдовали остальные парни и дѣвушки.

Бѣлоснѣжка остолбенѣла, она не ожидала ничего подобнаго. Она хотѣла было сама бѣжать за дерзкими парнями и дѣвушками и отобрать у нихъ яблоки, за которыя они не заплатили, но побоялась и послала имъ вдогонку работника и служанку, стоявшихъ за нею. Въ эту минуту она замѣтила, что толпа, которая все время стояла передъ ларькомъ, вдругъ приблизилась и подошла вплотную къ прилавку.

„Ну, теперь они начнутъ покупать“, подумала она подбадриваясь.

Да, какъ бы не такъ! Народу и въ голову не приходило покупать; къ ларьку подбѣгало человѣкъ десять заразъ, они хватали столько яблокъ, сколько могли, и въ то же время кричали, что она и ея отецъ такіе добрые, что не могутъ требовать, чтобы

бѣдные люди платили за пару яблокъ. Всѣ мальчики, которые весь день глазѣли на румяныя яблоки, схватили свои фуражки и начали наполнять ихъ яблоками. А дѣвочки, у которыхъ все время слюнки текли, тоже бросились къ прилавку и начали хватать яблоки десятками и складывать ихъ въ свои фартуки.

Бѣлоснѣжка легла на прилавокъ, чтобы прикрыть своимъ тѣломъ яблоки, но развѣ это могло помочь? Она плакала и умоляла о пощадѣ и кричала, что на нее навлекаютъ большое несчастье, но кому было дѣло до нея? Грабили яблоки не только дѣвочки и мальчики, но также и взрослые. И при этомъ всѣ смѣялись, словно это была лишь остроумная ярмарочная шутка. И каждый, кто хваталъ яблоко, кричалъ, что она и ея отецъ такіе добрые, что навѣрное съ радостью подарятъ имъ пару яблокъ.

Бѣлоснѣжка отмахивалась и кричала о помощи, но яблоки такъ и исчезали. Наконецъ, толпа опрокинула прилавокъ и стала взламывать бочки и ящики съ яблоками, и всѣ хватали яблоки уже безъ всякаго стѣсненія. На ярмаркѣ не было недостатка въ подгулявшихъ парняхъ, и они устроили настоящую свалку. Поднялась драка, и Бѣлоснѣжка должна была спастись бѣгствомъ и бросить яблоки на произволъ судьбы, такъ какъ иначе ее задавили бы въ толпѣ.

Въ эту минуту вернулась мамочка и нашла полный разгромъ своего ларька. Падчерица стояла въ сторонѣ одна и плакала отъ испуга и безсильной злобы противъ грабителей. Мамочка схватила ее за плечи и встряхнула.

— Вотъ подожди ты у меня,—сказала она,—вечеромъ, когда мы вернемся домой, я покажу тебѣ, что значитъ раздаривать мои яблоки.

Вполнѣ понятно, что мамочка разсердилась, но ужасно было то, что она подумала, что падчерица устроила все это нарочно.

Какое непріятное путешествіе совершили они обратно домой. Вначалѣ папочка попытался было болтать, но никто ему не отвѣчалъ. Мамочка сидѣла въ углу коляски съ плотно сжатыми губами, а Бѣлоснѣжка плакала горько и неудержимо. Конечно, папочка не могъ серьезно отнестись къ пропажѣ яблокъ, его даже забавляло, что люди кричали о томъ, что онъ добрый и подаритъ имъ яблоки даромъ. Онъ старался разсѣять себя самого разговорами съ возвращавшимися съ ярмарки крестьянами, которыхъ они нагоняли. Онъ разспрашивалъ ихъ, хорошо ли они продали коровъ, что заплатили за барановъ и видѣли ли они его яблоки.

Но черезъ нѣсколько времени отецъ вдругъ замолчалъ. Онъ повернулся къ мамочкѣ и долго глядѣлъ на нее. Послѣ этого онъ

углубился въ думы и молча смотрѣлъ передъ собой. И онъ какъ-то сразу состарился и видъ у него былъ такой утомленный.

Немного спустя Бѣлоснѣжка замѣтила, что отецъ смотритъ на нее пристальнымъ и скорбнымъ взглядомъ. Казалось, будто папочка хотѣлъ проникнуть взоромъ въ самую глубину ея души и узнать, что въ ней происходитъ.

Потомъ папочка вдругъ сказалъ:

— Ты все болѣе и болѣе походишь на свою мать.

И онъ взялъ ея руку въ свои и сталъ тихо гладить ее.

Казалось, будто папочка хотѣлъ успокоить ее и развеселить. Бѣлоснѣжка подумала:

„Папочка понимаетъ, что я не могла это сдѣлать нарочно. Онъ знаетъ, что я не такая".

Папочка такъ и оставилъ ея руку въ своихъ и сидѣлъ такъ до самаго дома. Но онъ склонялся все больше и больше впередъ, а когда коляска остановилась передъ крыльцомъ, то онъ совсѣмъ упалъ. И онъ не сдѣлалъ ни одного движенія, чтобы выйти изъ коляски, когда мамочка и Бѣлоснѣжка поднялись со своихъ мѣстъ. Онѣ подумали, что онъ умеръ.

Но до этого не дошло, хотя было близко къ этому.

Майя-Лйса замолчала. Голосъ измѣнилъ ей, и прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она успокоилась и могла продолжать дальше.

— Теперь тебѣ станетъ ясно все,—сказала она.—Мамочка можетъ дѣлать со мной все, что ей угодно, и я не могу жаловаться отцу, потому что я боюсь, что у него повторится ударъ, который случился съ нимъ въ первый разъ, когда мы возвращались съ ярмарки и когда его такъ глубоко огорчила моя размолвка съ мачехой.

— Но развѣ онъ самъ не видитъ ничего?

— Очень можетъ быть, что онъ и видитъ многое, но что онъ можетъ сдѣлать? Теперь, повидимому, папочка поправился, но я всетаки знаю, что онъ очень ослабѣлъ послѣ своей болѣзни. У него нѣтъ больше силы воли. Никогда уже больше папочка не будетъ такимъ, какимъ былъ въ то утро, когда пошелъ смотрѣть на сѣнокосъ вмѣстѣ со мной.

Священникъ въ Свартшё.

Утромъ наканунѣ Новаго Года священникъ пріотворилъ дверь въ кухню и заглянулъ туда.

Гдѣ пропадаетъ сегодня Ураганъ? Онъ не видалъ ея на горкѣ,

съ которой катаются на санкахъ. Неужели же она, какъ и другія работницы, сидитъ за работой съ утра до вечера?

Это онъ разыскивалъ Нору. Съ перваго же дня появленія дѣвочки въ Лёвдала онъ взялъ ее съ собой въ сарай, гдѣ стояли разныя земледѣльческія орудія, и разыскалъ тамъ для нея санки. А потомъ онъ каждое утро приходилъ напоминать, чтобы она шла кататься съ горки.

И при этомъ онъ пользовался случаемъ, чтобы добродушно подшутить надъ экономкой и служанками; онъ увѣрялъ, что для нихъ нѣтъ ничего пріятнѣе на свѣтѣ, какъ сидѣть и жариться цѣлый день въ кухнѣ.

Ему отвѣтили, что никто не мѣшаетъ дѣвочкѣ кататься на санкахъ, но что сегодня къ ней пришла въ гости мать. Мать дѣвочки захотѣла пойти въ хлѣвъ посмотрѣть на коровъ, и дѣвочка пошла вмѣстѣ съ ней.

Священникъ затворилъ дверь въ кухню и на минуту остановился въ сѣняхъ, какъ бы раздумывая о чемъ-то. Потомъ онъ направился въ хлѣвъ.

Изъ оконъ кухни на него смотрѣли служанки. Онъ показался имъ старымъ и одряхлѣвшимъ послѣ осенней болѣзни. Но несмотря на это, онъ всетаки сохранилъ свою привычку и всегда говорилъ нѣсколько ласковыхъ словъ каждому, кто приходилъ въ его усадьбу.

Однако, не скоро священникъ добрался до Маритъ изъ Кольторпа. На дворѣ его сейчасъ же остановилъ Длинный-Бенгтъ и сказалъ, что пріѣхалъ крестьянинъ съ больной лошадью, относительно которой онъ непремѣнно хочетъ посовѣтоваться со священникомъ.

Когда священникъ осмотрѣлъ больную лошадь и покончилъ съ этимъ, то къ нему явились два крестьянина, которые дѣлили между собой какое-то наслѣдство; они попросили священника сказать, сколько каждый изъ нихъ долженъ получить, чтобы имъ не надо было изъ-за этого обращаться въ судъ.

Прошло не менѣе часа, прежде чѣмъ и это дѣло было покончено, и священникъ могъ пригласить крестьянъ выпить по случаю ихъ примиренія.

Въ это время дѣвочка сидѣла въ темномъ углу въ хлѣву и болтала со своей матерью. Она была такъ счастлива, что видитъ свою мать, что ни на минуту не разставалась съ ней.

Мать и братишка гостили въ Нюгордѣ со второго дня Рождества. А теперь они шли домой и сдѣлали крюкъ, чтобы зайти въ Лёвдала повидать дѣвочку.

Нельзя описать радость дѣвочки, когда въ кухню вошла ея мать. Вѣдь она пришла такъ кстати, чтобы вывести ее изъ ужасныхъ затрудненій.

Когда онѣ усѣлись въ хлѣву, то первымъ дѣломъ дѣвочка разсказала матери, какъ дочь священника двѣ ночи подъ рядъ разсказывала сказку о Бѣлоснѣжкѣ. Неужели это возможно, что дочь священника говорила о самой себѣ?

Мать долго молчала, выслушавъ ея разсказъ. Наконецъ, она сказала:

— Вѣроятно, онѣ думали, что ты не поймешь, о чемъ идетъ рѣчь. Но разъ ты все равно догадываешься, въ чемъ дѣло, то ты должна быть благоразумной и показать, что умѣешь молчать.

Однако, это было не все, у дѣвочки на сердцѣ было и другое.

Вчера утромъ жена священника подошла къ ней и очень ласково спросила ее, хорошо ли она чувствуетъ себя у нихъ и не тянетъ ли ее домой.

О, да, она чувствуетъ себя у нихъ прекрасно. И ей очень нравятся куры.

— Вотъ какъ,—сказала жена священника и засмѣялась,— такъ, зачитъ, тебѣ нравятся здѣсь только куры?

Нѣтъ, дѣвочкѣ также очень нравится дочь священника.

Жена священника опять засмѣялась. Но почему же ей такъ нравится Майя-Лйса?

А потому, что она разсказываетъ такъ много интереснаго.

— Да неужели?—сказала жена священника.—А ты не знаешь, почему она можетъ разсказывать такъ много интереснаго?

— Это она узнаетъ изъ книжекъ, которыя читаетъ по ночамъ,—отвѣтила дѣвочка.

— А, такъ она читаетъ по ночамъ?—спросила жена священника все такъ же ласково и кротко.—Въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, читаетъ при лучинѣ?

— Нѣтъ, она зажигаетъ свѣчку,—отвѣтила дѣвочка.

На слѣдующій вечеръ, какъ только дочь священника и дѣвочка улеглись, къ нимъ въ комнату вошла жена священника и вынесла отъ нихъ свѣчку.

Но когда въ домѣ все стихло, мамзель Майя-Лйса встала и вынула изъ большого ящика стѣнныхъ часовъ сальную свѣчку, потомъ она потихоньку прокралась въ кухню, раздула уголь на очагѣ, зажгла свѣчку и сѣла по своему обыкновенію читать. У нея былъ братъ, который жилъ въ Упсала, и онъ писалъ ей стихи, потому что зналъ, какъ она любитъ это. И вотъ она сидѣла ночью и учила стихи наизусть.

Должно быть, то, что она читала, было очень интересно, потому что она не слышала даже, какъ отворилась дверь изъ залы. Она подняла голову только тогда, когда жена священника подошла къ ней вплотную и протянула руку, чтобы вынуть свѣчу изъ подсвѣчника.

— Ты, вѣроятно, хочешь, чтобы мы всѣ пошли по міру,—сказала жена священника,—разъ ты цѣлыя ночи напролетъ жжешь свѣчи. Откуда ты достала свѣчу?

— Это не мамочкина свѣчка,—отвѣтила дочь священника.

— Чья бы она ни была, но я во всякомъ случаѣ позабочусь о томъ, чтобы ты не разорила насъ,—сказала мачеха. Вотъ подожди, я выучу тебя, что значитъ зря жечь добро.

Послѣ этого жена священника вышла, но вскорѣ вернулась съ кускомъ полотна въ рукахъ.

— Разъ ты любишь сидѣть по ночамъ, то, по крайней мѣрѣ, пусть будетъ тебѣ отъ этого какая-нибудь польза,—сказала она.— Устрой такъ, чтобы эта сквозная строчка на простынѣ была готова къ утру!

И она ушла, а дочери священника пришлось просидѣть за работой всю ночь.

И дѣвочка также не смыкала глазъ всю ночь. Она горько упрекала себя въ томъ, что нечаянно выдала дочь священника, и разсказала мачехѣ, что та сидитъ по ночамъ и читаетъ.

Вотъ почему она такъ обрадовалась приходу матери.

Ей была невыносима мысль о томъ, что дочь священника можетъ узнать о ея невольномъ предательствѣ, и она стала умолять мать взять ее съ собой. Она ни за что не хотѣла оставаться въ усадьбѣ священника.

Мать стала говорить ей, какъ ей хорошо живется здѣсь, но дѣвочка ничего не слушала и твердила только о томъ, что скорѣе согласна мерзнуть и голодать, лишь бы уйти отсюда, прежде чѣмъ дочь священника разсердится на нее.

Въ свою очередь мать настаивала на томъ, чтобы она осталась.

— Это не можетъ долго продолжаться,—сказала она,—я не могу себѣ представить, что Раклицъ будетъ долго распоряжаться здѣсь. Я поговорю со священникомъ. Вѣдь онъ меня знаетъ давно. Мнѣ кажется, что онъ повѣритъ мнѣ.

Въ эту минуту мальчикъ молча указалъ на входную дверь:

— Тамъ кто-то стоитъ,—сказалъ онъ.

Мать и дѣвочка повернулись обѣ заразъ. Въ полумракѣ онѣ увидали священника, который стоялъ, словно окаменѣвъ, у стѣны.

Онѣ такъ испугались, что застыли на своихъ мѣстахъ и за-

были даже поздороваться. Когда онъ вошелъ и что онъ успѣлъ услышать?

— Маритъ, подай сюда скамеечку,—сказалъ священникъ едва слышнымъ голосомъ.

Маритъ поспѣшила принести ему скамеечку, на которой сидѣли молочницы, когда доили коровъ. Онъ безсильно опустился на нее.

— Не зови никого,—сказалъ священникъ.—У меня немного закружилась голова. Вѣдь ты знаешь, я всегда страдалъ этимъ.

Маритъ и дѣвочка стояли передъ священникомъ и не знали, что имъ дѣлать. Маритъ изъ Кольторпа съ грустью замѣтила, какъ постарѣлъ священникъ. На праздникѣ у брата она не замѣтила этого, но теперь она видѣла, какъ онъ похудѣлъ и осунулся.

— Въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго,—сказалъ онъ,—но теперь у меня довольно часто бываютъ эти припадки. Мнѣ пришелъ конецъ, Маритъ, ты сама видишь.

Вскорѣ послѣ этого онъ всталъ.

— Не говори тамъ ничего объ этомъ,—сказалъ онъ еще разъ.

Онъ вышелъ изъ хлѣва и согнувшись медленно пошелъ по двору.

Вѣщая лепешка.

Подъ Новый Годъ поздно вечеромъ дочь священника поднималась на пригорокъ къ пивоварнѣ, гдѣ жила бабушка Беата Спаакъ; она жила тамъ уже много лѣтъ. Майя-Лйса вела за руку дѣвочку, и издали было уже слышно, что онѣ идутъ по двору, такъ какъ время отъ времени онѣ вскрикивали, когда сбивались съ расчищенной дороги и попадали въ сугробы снѣга. Была мглистая, безпросвѣтная ночь, на небѣ не было видно ни луны, ни звѣздъ. И если бы не было свѣта въ окнахъ бабушки, то едва ли онѣ добрались бы въ эту тьму до пивоварни.

Въ это Рождество было необыкновенное множество званыхъ обѣдовъ и вечеровъ какъ у крестьянъ, такъ и у помѣщиковъ, и нехватало дней для всѣхъ этихъ пиршествъ. Семьѣ священника пришлось принять приглашеніе также и подъ Новый Годъ, но мамзель Майя-Лйса не поѣхала въ гости, такъ какъ за послѣдніе дни она вообще нигдѣ не бывала. Ее оставили дома подъ тѣмъ предлогомъ, что она должна присмотрѣть за угощеніемъ для людей, какъ и въ сочельникъ; она должна была позаботиться, чтобы людямъ дали рыбы и кашу, какъ будто бы старая экономка не могла присмотрѣть за этимъ.

Впрочемъ, это не испортило настроенія Майя-Лйсы. Почти все время послѣ обѣда она разсказывала сказки и пѣла пѣсни дѣвочкѣ, которой это доставляло невыразимое удовольствіе.

Послѣ ужина мамзель Майя-Лйса не хотѣла еще ложиться спать. Она сказала, что хочетъ воспользоваться этимъ вечеромъ и узнать хоть что-нибудь о томъ, что ее ожидаетъ въ будущемъ. И вотъ она спросила дѣвочку, не поможетъ ли она ей спечь вѣщую лепешку.

Дѣвочка не имѣла никакого понятія о томъ, что это за лепешка, но, конечно, она сейчасъ же согласилась на все. Она согласилась бы и въ томъ случаѣ, если бы мамзель Майя-Лиса попросила ее сварить супъ изъ ехидны.

— Да, но тебѣ нельзя будетъ ни говорить, ни смѣяться, пока мы будемъ приготовлять лепешку,—сказала дочь священника.— А кромѣ того нельзя уронить на полъ ни крошечки муки или соли и нельзя пролить ни капли воды.

— Такъ что же тутъ такого?—замѣтила дѣвочка.

Ей ровно ничего не стоитъ молчать и не смѣяться сколько угодно времени.

Но вотъ у нихъ явилась еще забота о третьемъ помощникѣ, иначе гаданье не удастся. Дочь священника не знала, кого бы ей еще попросить.

Онѣ пошли въ кухню и спросили служанокъ, не хочетъ ли кто-нибудь изъ нихъ помочь имъ спечь вѣщую лепешку. Но служанки замахали руками и отказались, какъ только узнали, для чего нужна ихъ помощь. Имъ уже это надоѣло, онѣ безчисленное множество разъ готовили эту лепешку. И послѣ нея онѣ не только ничего не видѣли во снѣ, но даже и спать не могли. Никто не заставитъ ихъ больше попробовать это отвратительное угощеніе.

Дочь священника стояла и думала, какъ выйти изъ затрудненія.

— Намъ остается только пойти къ бабушкѣ и попросить ее помочь намъ,—сказала она, наконецъ.

Вотъ почему онѣ пробирались въ эту темную новогоднюю ночь между сугробами къ пивоварнѣ.

Дочь священника находила, что новогодняя ночь и должна быть такой темной и непроницаемой. Она напоминала ей будущее, которое никто не могъ видѣть.

Бабушка жила въ комнатѣ надъ пивоварней. Труднѣе всего было взобраться по наружной лѣстницѣ, которая шла вдоль стѣны; на ней были маленькія ступеньки, которыя теперь занесло

снѣгомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ обледенѣли. Можно было каждую минуту рисковать расшибить себѣ лобъ.

Но, дѣлать нечего, въ Лёвдала съ нѣкоторыхъ поръ всѣ должны были привыкать ходить въ темнотѣ. Жена священника давала свѣчи для фонаря только въ хлѣвъ и въ конюшню.

Однако бабушка, повидимому, услыхала, что къ ней идутъ, и когда онѣ были на серединѣ лѣстницы, то она растворила свою дверь. На столѣ у нея была зажжена тройная свѣча, а на очагѣ весело потрескивалъ огонь.

Бабушка была высокая худая старушка, и у нея былъ очень хилый видъ. Въ ея чертахъ лица не было ничего общаго съ чертами Майя-Лйсы, да это было вполнѣ понятно, такъ какъ она была мачехой ея матери. Но она любила дочь священника такъ же горячо, какъ если бы она была ея собственной плотью и кровью.

Можно было подумать, что фру Беата настоящая волшебница, потому что у нея въ комнатѣ было всегда тепло, уютно и всюду царили чистота и порядокъ, тогда какъ у другихъ могло быть и холодно, и неуютно. У нея была только одна комната, гдѣ она спала и готовила кушанье. Ея кровать съ бѣлыми занавѣсями, которыя свѣшивались съ золоченой стрѣлы, была настоящимъ украшеніемъ; то же самое можно было сказать и о ея мѣдныхъ кастрюляхъ и фарфоровыхъ тарелкахъ, которыя красовались на полкѣ.

И сама она была такая чистенькая и нарядная, но руки у нея были совершенно изуродованы ревматизмомъ, пальцы были скрючены и не разгибались. Было очень неудобно брать ее за руку, потому что ее нельзя было даже пожать.

Дочь священника разсказала ей, зачѣмъ онѣ пришли, и бабушка улыбнулась и обѣщала помочь имъ. Она кого-то поджидала уже давно и теперь ей хотѣлось знать, появится ли, наконецъ, этотъ человѣкъ въ этомъ году.

Было рѣшено остаться у бабушки и приготовить лепешку у нея.

Начали съ того, что сняли съ полки небольшую чашку, и въ это время всѣ трое держались за края чашки и всѣ втроемъ поставили ее на маленькій кухонный столикъ.

Послѣ этого надо было достать деревянную ложку. Всѣ трое пошли къ маленькому угловому шкапику, который служилъ для бабушки буфетомъ, и тамъ онѣ всѣ втроемъ ухватились за ручку ложки, послѣ чего отнесли ее на столъ и положили въ чашку.

Потомъ онѣ налили въ чашку три ложки воды, и при этомъ

онѣ втроемъ зачерпнули ложкой воду изъ бабушкинаго мѣднаго кувшина. Никто не говорилъ и не смѣялся во время этого.

Затѣмъ онѣ всыпали въ воду три ложки муки, и опять всѣ трое держались за ложку, когда вынимали ею муку изъ мѣшка, и всѣ трое сыпали муку въ воду. Никто не отнималъ руки отъ ложки, никто не говорилъ и не смѣялся, и никто не просыпалъ ни одной пылинки на полъ.

Послѣ этого въ чашку всыпали три ложки соли.

И при этомъ также всѣ соблюдали полное молчаніе, никто не смѣялся, и не было просыпано ни одной крупинки соли.

Но можно ли себѣ представить что-нибудь досаднѣе! Когда все это было сдѣлано, то бабушка вдругъ спросила, надо ли положить на сковородку сала!

Не успѣла она этого спросить, какъ дочь священника бросила ложку, опустилась на стулъ и разразилась громкимъ хохотомъ. Дѣвочка продолжала держать ложку въ рукахъ, но ею также овладѣлъ такой неудержимый смѣхъ, что она не могла больше стоять, а сѣла на полъ и тоже стала хохотать.

Бабушка тоже слегка улыбнулась. Очень можетъ быть, что ей вовсе не нужно было спрашивать, и она никогда не проговорилась бы, но она вспомнила, что въ старину увѣряли, что если во время приготовленія вѣщей лепешки не произойдетъ какой-нибудь маленькой неудачи, то это не доставитъ никакого удовольствія.

И ей было пріятно видѣть, что Майя-Лйса забыла всѣ свои горести и беззаботно смѣется.

Когда, наконецъ, всѣ насмѣялись досыта, то рѣшили начать снова приготовлять лепешку. Надо было предварительно выбросить все, что онѣ уже успѣли приготовить.

На этотъ разъ было не такъ-то легко совладать съ собой, такъ какъ всѣ то и дѣло прыскали со смѣху.

Но вотъ имъ удалось налить въ чашку три ложки воды.

Но тутъ всѣ снова прыснули со смѣху. Хуже всѣхъ вела себя дочь священника. Но дѣвочка держала себя молодцомъ.

На этотъ разъ припадокъ хохота продолжался цѣлыхъ пять минутъ.

Но тутъ дочь священника объявила, наконецъ, очень строго, что всѣ должны себя вести прилично, иначе лепешка не будетъ готова раньше глубокой ночи.

— Ну, о насъ-то ты не безпокойся, — сказала бабушка.—Мы съ Норой справимся какъ-нибудь, а вотъ лучше ты сама постарайся быть посерьезнѣе.

На этотъ разъ дѣло пошло удачнѣе. Онѣ влили въ чашку три

ложки воды, потомъ всыпали три ложки муки, три ложки соли и всѣ втроемъ стали растирать эту кашу. Всѣ трое держались за ложку, никто не смѣялся больше, никто не говорилъ и никто не просыпалъ ни крошки.

Когда тѣсто было размѣшано, то его положили на сковородку. Лепешка имѣла очень неаппетитный видъ и походила на кашу, которую готовятъ курамъ и поросятамъ. Но этого мало, она вышла твердая и жесткая и на ней блестѣли крупинки соли.

Когда лепешка поджарилась съ одной стороны, то всѣ трое повернули ее на другую сторону, и при этомъ снова всѣ трое держались за ложку и всѣ позаботились о томъ, чтобы лепешка не упала въ золу.

Но вотъ лепешка была готова, теперь оставалось только съѣсть ее.

Тутъ и дочь священника, и дѣвочка имѣли такой озабоченный видъ, что уже не надо было больше бояться, что онѣ расхохочутся. Онѣ думали о томъ, что, быть можетъ, имъ удастся, наконецъ, заглянуть въ будущее, и онѣ ни за что не хотѣли пропустить такого удобнаго случая.

Лепешка такъ блестѣла отъ крупинокъ соли, что надо было имѣть много мужества, чтобы отвѣдать ее. Однако онѣ раздѣлили ее на три части, и каждая изъ нихъ съѣла отъ своей порціи столько, сколько могла.

Дѣвочка добросовѣстно съѣла всю свою порцію, потому что она хотѣла слѣдовать всѣмъ правиламъ. Бабушка отвѣдала крошечный кусочекъ, да и неизвѣстно, проглотила ли она еще его. Дочь священника съѣла маленькій кусочекъ. Какъ ни хотѣлось ей знать будущее, но она не была въ состояніи проглотить больше.

Казалось, будто дѣвочка и Майя-Лйса нѣсколько разочарованы гаданіемъ. Но ни та, ни другая не произнесли ни слова. Онѣ только знакомъ попрощались съ бабушкой, которая также молча стояла въ дверяхъ и свѣтила имъ.

Майя-Лйса и дѣвочка быстро перебѣжали черезъ дворъ. Ночь была уже не такая непроницаемая, она какъ будто готовилась отдернуть свою завѣсу и открыть свои тайны, но молодая дѣвушка боялась всматриваться во мракъ.

Когда обѣ гадальщицы пробирались черезъ кухню, то служанки, успѣвшія уже улечься, начали приставать къ нимъ съ разспросами, какъ прошло гаданье и успѣли ли онѣ уже увидать что-нибудь во снѣ. Но служанки напрасно безпокоились разспрашивать, имъ не удалось вытянуть въ отвѣтъ ни единаго слова.

Дѣвочка сейчасъ же заснула, какъ только улеглась, и проспала спокойно до самаго утра. Проснувшись, она почувствовала во рту острый вкусъ, но какъ она ни старалась припомнить, что видѣла во снѣ, такъ она и не вспомнила.

Бабушка не могла сомкнуть глазъ во всю ночь. Но на слѣдующій день она была тиха и молчалива, и казалось, будто она все еще находится подъ впечатлѣніемъ какого-то сна. Можно было подумать, что у нея всетаки было какое-то откровеніе.

Плохо спала также и дочь священника, потому что ее мучила нестерпимая жажда, а пить послѣ гаданья нельзя было. Если выпить до сна, то изъ гаданья ничего не выходитъ.

Утромъ, когда она проснулась, она не могла отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, видѣла ли она что-нибудь во снѣ или нѣтъ.

Но позже, днемъ, она вышла на крыльцо.

Тутъ она остановилась и задумалась: только теперь она вспомнила, что видѣла во снѣ, будто стоитъ на этомъ крыльцѣ. Она вспомнила также, что будто къ ней подошли двое мужчинъ, молодой и старый; она видѣла, какъ они шли по двору по дорожкѣ, посыпанной пескомъ, и вошли на крыльцо, гдѣ она стояла. Старый сказалъ ей, что онъ пробстъ Лильекрона, что онъ пришелъ, чтобы узнать, не хочетъ ли она пить.

Когда старый это сказалъ, то молодой подошелъ къ ней и протянулъ ей стаканъ, наполненный свѣжей, прозрачной водой.

Вспомнивъ этотъ сонъ, Майя-Лйса пришла въ такое замѣшательство, что задрожала всѣмъ тѣломъ.

Она знала, что если послѣ гаданья на лепешкѣ увидишь во снѣ мужчину, который даетъ пить, то за него и выйдешь замужъ. И это всегда сбывалось.

Перевела **М. Благовѣщенская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АЛТАРЬ ПОБѢДЫ.

Повѣсть IV вѣка.

КНИГА ВТОРАЯ. [1])

I.

Нашъ маленькій поѣздъ состоялъ изъ двухъ каррукъ, одной простой реды и повозки съ вещами. Въ первой каррукѣ ѣхалъ со мной Симмахъ, во второй—два другихъ сенатора, согласившихся участвовать въ посольствѣ, Пробинъ и Оптатъ, въ редѣ—тѣ рабы и служители, которыхъ сочли нужнымъ взять съ собой въ дорогу.

Оказавшись рядомъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Симмахъ, я, разумѣется, первое время чувствовалъ себя крайне стѣсненнымъ. Мое смущеніе увеличивалось еще оттого, что до того времени мнѣ не приходилось ничего читать изъ прославленныхъ сочиненій Симмаха. Онъ первое время также держалъ себя со мной высокомѣрно, почти не удостаивая меня разговора, и мнѣ оставалось только молча наблюдать памятники, окаймляющіе Фламиніеву дорогу, а послѣ однообразные виды южной Этруріи.

Однако, понемногу Симмахъ убѣдился, что я не такъ недостоинъ его бесѣды, какъ ему первоначально казалось, и когда я выказалъ нѣкоторое знаніе Римской литературы, онъ охотно сталъ со мной дѣлиться своими мыслями. Такъ мы заговорили о моемъ соотечественникѣ, уроженцѣ Галліи, славномъ поэтѣ Децимѣ Магнѣ Авсоніи, котораго Симмахъ зналъ лично, встрѣтившись съ нимъ при дворѣ Валентиніана въ Тревирахъ, [2]) и Симмахъ мнѣ сказалъ:

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль*, кн. IX, XI и XII 1911 г.

[2]) Трирѣ.

— Это прекрасный поэтъ, стихи котораго насыщены лучшими образцами древности, но послѣдній поэтъ Римскій. Камены, которыхъ приманилъ въ Лаціумъ геній Горація, покидаютъ страну, имъ негостепріимную. Умираетъ самый языкъ Латинскій, изъ котораго варвары, заполнившіе имперію вплоть до Сената, сдѣлали новое нарѣчіе, звучащее грубо и дико. Погибаетъ знаніе литературы древней, старыя рукописи гніютъ ненужныя въ библіотекахъ, и писцы заняты переписываніемъ нелѣпыхъ измышленій разныхъ христіанскихъ лжефилософовъ. Историческія сочиненія замѣнены краткими извлеченіями, вмѣсто новыхъ поэмъ намъ предлагаютъ центоны, составленные изъ стиховъ Вергилія, ораторамъ болѣе негдѣ произносить ихъ рѣчи, и поэты тратятъ свое время на сочиненіе гимновъ въ оправданіе божественности Христа. Мы—послѣднее поколѣніе Римлянъ, которымъ дано наслаждаться великими богатствами нашего прошлаго и принести послѣдніе камни, чтобы довершить великолѣпное зданіе нашей исторіи. Намъ на смѣну придутъ люди, которымъ рѣчь Ливія или Цицерона уже не будетъ понятна, которые надъ темными для нихъ преданіями предковъ будутъ смѣяться, и міръ вернется въ тотъ хаосъ, изъ котораго вывели его основатели имперіи—Цезарь, Августъ, Траянъ.

Эта безутѣшная рѣчь Симмаха крайне меня поразила, и я со всѣмъ должнымъ уваженіемъ спросилъ его:

— Свѣтлѣйшій мужъ! Почему же ты, думая такъ, предвидя близкое паденіе Рима, принимаешь на себя его защиту, ѣдешь сейчасъ къ императору просить о возстановленіи въ Куріи алтаря Побѣды? Не все ли равно, будетъ осуществленъ эдиктъ Граціана или нѣтъ, если въ концѣ-концовъ Римской славѣ суждено погибнуть? Стоитъ ли дѣлать какія-либо усилія, если по твоему мнѣнію въ лучшемъ случаѣ можно лишь на нѣсколько лѣтъ отсрочить гибель?

Симмахъ внимательно посмотрѣлъ на меня своими умными и добрыми глазами, откинулся въ глубь кариуки и потомъ, словно нехотя, нѣсколько лѣнивымъ голосомъ отвѣтилъ мнѣ:

— Видишь ли, Юній, если Риму и суждено погибнуть, онъ долженъ погибнуть съ достоинствомъ: слишкомъ прекрасно и величественно было его прошлое, чтобы можно было допустить его до унизительнаго конца. То, что я сейчасъ говорю тебѣ, я обыкновенно таю отъ всѣхъ и считаю преступленіемъ разглашать. Наше дѣло—до послѣдней минуты оберегать величіе древняго Рима. Мы какъ бы хранители прекраснаго, но ветхаго храма; мы знаемъ, что балки въ немъ подгнили, что стѣны угро-

жаютъ паденіемъ; но мы не даемъ этого увидѣть непосвященнымъ. Пусть въ прежней красотѣ стоитъ передъ взорами всѣхъ славное зданіе, и пусть не распадется оно по частямъ, но сразу рухнетъ, погребая весь міръ подъ развалинами... Когда приходилось мнѣ стоять у власти,—а я былъ, какъ ты знаешь, корректоромъ Луканіи и Бруттія, проконсуломъ Африки и занималъ не мало другихъ важныхъ должностей,—я всегда требовалъ, чтобы всѣ обычаи старины исполнялись строго. Такъ, напримѣръ, когда я, будучи понтификомъ Весты, узналъ, что одна весталка въ Альбѣ нарушила свой обѣтъ, я настоялъ, чтобы, по древнему закону, ее живой опустили въ могилу. Я старался, чтобы все, что намъ завѣщали вѣка, было сбережено благоговѣйно, и не позволялъ дерзновенной рукѣ современности посягать на сѣдины обычая. Я буду до конца моихъ дней беречь святыню нашей древности и золотому Риму готовить красивую смерть.

Впервые мнѣ приходилось слышать такія рѣчи, и притомъ ихъ произносилъ тотъ, отъ кого я всего менѣе могъ ожидать подобныхъ предсказаній. Я привыкъ, напротивъ, когда заговаривали о судьбѣ имперіи, выслушивать горделивые панегирики ея мощи, ея новому расцвѣту, ея вѣчности. И, несмотря на все мое почтеніе передъ моимъ знаменитымъ собесѣдникомъ, я не могъ ему не отвѣтить:

— Нѣтъ, я не вѣрю въ твои печальныя пророчества! Римъ вѣченъ, и нѣтъ въ мірѣ такой силы, которая могла бы его сокрушить. Ужъ не германцы ли или не скиѳы ли придутъ въ Городъ, чтобы владѣть его землей,—тѣ самые, которые способны только на грабежи пограничныхъ областей и, едва увидѣвъ блескъ образованности Римской и силу имперіи, бываютъ счастливы вступить въ ряды легіонеровъ или добиться званія гражданина? Ужъ не безуміе ли христіанъ, которое на время отуманило столько головъ, будетъ способно затмить въ Римлянахъ тотъ ихъ ясный умъ и тѣ ихъ способности, которые были вскормлены тысячелѣтіемъ? Тяжелые годы пройдутъ, какъ туча, подобно тому, какъ не разъ проходили жестокія бури надъ имперіей, и опять встанетъ нашъ древній Римъ въ неизмѣнномъ величіи, какъ глава вселенной. Не читаемъ ли мы даже на монетахъ надпись: вѣчный Городъ. Вѣчнымъ ему и судили быть безсмертные боги!

Такъ и подобнымъ образомъ разговаривая, мы подвигались впередъ по Фламиніевой дорогѣ, которая по своей прочности и прекрасному устройству можетъ быть причислена къ удивительнѣйшимъ сооруженіямъ древности. Сначала мы безпрестанно

обгоняли прохожихъ и проѣзжихъ, потомъ путешественники стали встрѣчаться рѣже, наконецъ нашъ поѣздъ оказался одинокимъ среди зимнихъ полей, пересѣченныхъ прямымъ, какъ тетива лука, каменнымъ путемъ. Послѣ почти четырехъ часовъ безпрерывной ѣзды мы рѣшились остановиться у одной мансіоны [1]), чтобы отдохнуть и перемѣнить лошадей.

То было небольшое двухъэтажное строеніе, окруженное конюшнями и другими пристройками, непріятнаго и угрюмаго вида. Передъ домомъ стояло не мало разныхъ повозокъ и толпилось много людей, очевидно путешественниковъ, ожидающихъ лошадей и муловъ. Въ открытую дверь была видна обширная комната, тоже полная людей, проводившихъ вынужденный досугъ за кубками вина. Нѣсколько въ сторонѣ лежало красивое Этруское селеніе, съ домиками въ Греческомъ вкусѣ, окруженными садами, и все опоясанное невысокой стѣной.

Наши рабы поспѣшно бросились въ домъ, чтобы предупредить начальника мансіоны о томъ, какіе выдающіеся гости пріѣхали къ нему, а мы остались передъ входомъ, расправляя члены тѣла, утомленные отъ долгаго сидѣнія.

— Я такъ усталъ,—сказалъ Симмахъ Оптату,—что готовъ отказаться отъ всей поѣздки и отсюда вернуться въ Городъ.

Видъ у Симмаха, дѣйствительно, былъ очень утомленный, онъ какъ-то согнулся и словно съ трудомъ передвигалъ ноги.

— Однако, ты привыкъ къ дальнимъ путешествіямъ,—возразилъ Оптатъ,—ѣздилъ на Рейнъ и въ Африку и безсчетное число разъ черезъ всю Италію.

— И всего больше я ненавижу путешествія,—возразилъ Симмахъ.—Въ теченіе многихъ дней быть лишеннымъ и бани, и книгъ, испытывать утомленіе и однообразіе пути—это худшее наказаніе, какое можно выдумать. Изъ всѣхъ смертныхъ я всего болѣе жалѣю о вѣчномъ путешественникѣ, Адріанѣ.

Между тѣмъ появился мансіонарій, человѣкъ суровый, съ чертами лица Этрускими и говорившій съ Этрускимъ выговоромъ. Этотъ разенъ, какъ по сю пору именуютъ себя Этруски [2]), привѣтствовалъ наше общество весьма почтительно, предложилъ намъ войти въ лучшія комнаты дома, но въ то же время опредѣленно заявилъ, что лошадей у него нѣтъ.

— Передай ему, Юній,—сказалъ Симмахъ, не желавшій разговаривать съ мансіонаріемъ лично,—что мы ѣдемъ по повелѣ-

---

[1]) Mansio—почтовая станція.

[2]) *Разенъ*—значитъ свободный.

нію Сената. Мы—послы Сената, и намъ онъ обязанъ дать лошадей немедленно.

Оптатъ для большей убѣдительности показалъ мансіонарію диплому [1]) на проѣздъ, выданную Сенатомъ, но Этрускъ остался непоколебимъ.

— Я назначенъ,—возразилъ онъ,—по повелѣнію божественнаго императора августа Граціана и обязанъ лошадей давать лишь тѣмъ проѣзжимъ, которые представятъ повелѣніе отъ префекта или магистра оффицій.

— Негодяй! — закричалъ Симмахъ.—А развѣ Сенатъ существуетъ не по волѣ императора! Знаешь ли ты, что я сейчасъ напишу префекту, и тебя за твое ослушаніе завтра же бросятъ въ тюрьму! Клянусь Юпитеромъ, не сдобровать тебѣ, если будешь упорствовать!

Этрускъ при имени отца боговъ быстро перекрестился и отвѣтилъ:

— Свѣтлѣйшій мужъ! Я вѣрно служу императору и меня префекту не за что отправлять въ тюрьму. А лошадей у меня нѣтъ, потому что послѣднихъ я отдалъ сегодня посламъ епископа Римскаго.

Оптатъ и Пробинъ убѣдили Симмаха войти въ домъ отдохнуть, надѣясь, что имъ удастся уговорить упрямаго Этруска. Мы поднялись во второй этажъ, гдѣ нашлись сравнительно хорошія комнаты и гдѣ рабы тотчасъ стали готовить намъ обѣдъ. Симмахъ былъ попрежнему раздраженъ и въ негодованіи повторялъ:

— Въ какихъ-нибудь двадцати миляхъ отъ Рима съ послами Сената обращаются, какъ съ первыми встрѣчными! Первая должность, которую я буду себѣ просить, это—префектура Италіи, и тогда я научу этихъ потомковъ лукумоновъ уважать званіе сенатора!

Вскорѣ появился Оптатъ, принесшій извѣстіе важное. Оказалось, что утромъ, опередивъ насъ, по той же дорогѣ уже проѣхало посольство отъ сенаторовъ-христіанъ, направлявшееся также къ Граціану. Въ великой тайнѣ сенаторы-христіане собрались наканунѣ у епископа Римскаго Дамаса, составили письмо къ императору о томъ, что рѣшеніе сената было принято насильственно, и поспѣшили отправить пословъ въ Миланъ.

Симмахъ при такомъ извѣстіи сразу лишился своей твердости и своего мужества. Странно было видѣть, какъ, послѣ словъ Оптата, мгновенно измѣнилось лицо Симмаха, какъ онъ,

---

[1]) Diploma.

почти въ безсиліи, упалъ на скамью, и оставался нѣкоторое время неподвижнымъ, словно пораженный молніей Юпитера. Потомъ унылымъ голосомъ онъ произнесъ:

— Если это такъ, то намъ всего лучше немедленно вернуться въ Городъ.

— Помилуй, — возразилъ Оптатъ. — Напротивъ, тѣмъ болѣе намъ ѣхать необходимо и должно поторопиться, чтобы опередить епископское посольство.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Симмахъ,—я теперь знаю, что наше дѣло проиграно. Мы живемъ въ такое время, когда слушаютъ только христіанъ. Быть христіаниномъ въ наши дни—это средство получать милости двора. И если къ императору явятся два посольства, одно—съ именемъ Сатурнія, другое—Христа на устахъ, нѣтъ сомнѣнія, что благосклонно будетъ принято только послѣднее. А Дамаса я знаю: это человѣкъ лукавый и неукротимый; чего онъ хочетъ, того всегда добьется.

Уныніе, овладѣвшее Симмахомъ, не помѣшало ему, какъ, впрочемъ, всѣмъ намъ, хорошо пообѣдать, тѣмъ болѣе, что мѣстное, фалернское, вино было превосходно. Послѣ обѣда Оптатъ отправился опять разговаривать съ мансіонаріемъ и въ концѣ-концовъ съ помощью разныхъ угрозъ и обѣщаній добился того, что тотъ далъ намъ лошадей. Я даже подозрѣваю, что онъ съ самаго начала былъ увѣренъ, что уступитъ, и только, исполняя чей-то тайный приказъ, старался насъ задержать сколько могъ дольше.

Перемѣнивъ лошадей, мы все же подвигались далѣе довольно медленно, такъ какъ позднее время года значительно испортило дорогу. Съ каждой новой милей я чувствовалъ все большее и большее утомленіе, Симмахъ, повидимому, тоже, и наши съ нимъ бесѣды прекратились. Думать о томъ, что ждало меня въ Медіоланѣ и что мнѣ представлялось чѣмъ-то смутнымъ и страшнымъ, мнѣ не хотѣлось, и я предпочелъ дремать. Было совсѣмъ темно, когда мы добрались до города Старые Фалеріи, гдѣ было рѣшено переночевать.

Попавъ въ гостиницу, я думалъ, что мнѣ позволено будетъ тотчасъ подставить свою голову подъ сладкіе маки Морфея, но Симмаху, который передъ тѣмъ казался совершенно изнеможеннымъ, именно тогда пришло желаніе работать. Онъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату, велѣлъ подать свѣтъ и началъ мнѣ диктовать письма. Почти засыпая, непослушной рукой выводилъ я буквы на воскѣ, и стиль едва не выпадалъ изъ моихъ пальцевъ.

Поразило меня то, что Симмахъ, который говорилъ даже въ

небрежной бесѣдѣ чрезвычайно краснорѣчиво, начиная диктовать, едва ли не вполовину утрачивалъ всю яркость своей рѣчи. Все же въ первоначальномъ наброскѣ письма еще находилось не мало блестящихъ выраженій, смѣлыхъ оборотовъ и красивыхъ сравненій. Однако, продиктовавъ письмо вчернѣ, Симмахъ начиналъ его исправлять, преимущественно выкидывая слова, ему казавшіяся лишними, и сокращая нѣсколько предложеній въ одно. Понемногу отъ письма оставалось всего нѣсколько строкъ, по большей частью сухихъ и холодныхъ, хотя и написанныхъ съ изяществомъ и безукоризненнымъ Латинскимъ языкомъ.

— Я долженъ заботиться о своихъ письмахъ,—какъ бы извиняясь, сказалъ мнѣ Симмахъ,—это, вѣроятно, единственное, что сохранится отъ меня, какъ писателя. Уже теперь есть лица, которыя собираютъ мои письма, словно письма Цицерона или Плинія, и составляютъ изъ нихъ сборники для потомства. Знаешь ли: случалось, что моихъ рабовъ, отправленныхъ съ письмами, схватывали по дорогѣ особо посланные люди, не съ цѣлью грабежа, а только затѣмъ, чтобы списать мое письмо и списокъ доставить своему господину.

Послѣднее сообщеніе Симмахъ сдѣлалъ не безъ скрытаго самодовольства.

Было, кажется, за полночь, когда Симмахъ меня отпустилъ, и я, кинувшись въ постель, не обращая вниманія на множество клоповъ, напавшихъ на меня съ не меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-то на Гитона [1]), заснулъ сномъ непробуднымъ.

II.

Утромъ мы возобновили наше путешествіе.

Дорога становилась все болѣе затруднительной, такъ какъ мѣстность постепенно дѣлалась болѣе гористой. Къ тому же начался безпрерывный дождь, слѣпившій глаза лошадямъ и заливавшій насъ, несмотря на плотную покрышку карруки. Въ то же время мы страдали и отъ холода, противъ котораго не помогало даже вино, которое мы съ собой везли въ изобиліи.

Симмахъ сдѣлался угрюмъ и неразговорчивъ и только время отъ времени высказывалъ самыя безотрадныя сужденія. Такъ, напримѣръ, глядя на заброшенныя поля, которыя когда-то были воздѣланы, на одичалыя маслины, на покинутыя дома, съ дверями, заколоченными досками, что̀ нерѣдко были видны по сторонамъ дороги, онъ говорилъ:

---

[1]) Гитонъ—одинъ изъ героевъ „Сатирикона“ Петронія.

— Посмотри, Юній, какая пустынная страна. Италія разорена налогами и междоусобіями, жители покидаютъ селенія и разбѣгаются. Скоро не останется Италійцевъ, и всѣ Римляне будутъ состоять изъ Галловъ, Испанцевъ и Африканцевъ.

Или, видя плохое содержаніе дороги, онъ жаловался:

— Никто не заботится о поддержаніи того, что сдѣлано предками. Сила Рима—въ его дорогахъ, которыми онъ связалъ весь міръ въ одно цѣлое, по которымъ онъ можетъ перебрасывать товары и легіоны изъ одного края свѣта въ другой. Прадѣды наши знали, что надо дѣлать: строили дороги, мосты, крѣпости. А въ наше время воздвигаютъ базилики Христу и его святымъ, или деньги государства вкладываютъ въ монастыри, чтобы они лежали тамъ безъ пользы.

Впрочемъ, при всѣхъ трудностяхъ пути, мы къ позднему вечеру доѣхали до Меваніи, маленькаго городка въ красивой долинѣ, хотя повозка съ нашими вещами и отстала отъ насъ далеко. Въ общемъ за этотъ второй день мы сдѣлали больше пятидесяти миль, что можно назвать хорошей скоростью. Однако, Оптатъ и этимъ былъ недоволенъ.

— Цезарь,—говорилъ онъ,—проѣхалъ однажды путь отъ Рима до Родана [1]), почти восемьсотъ миль, меньше чѣмъ въ восемь дней! Ему случалось въ день проѣзжать по сто двадцати пяти миль. Ицелъ привезъ Гальбѣ изъ Рима въ Клунію [2]) извѣстіе о смерти Нерона въ неполные семь дней. Посолъ, везшій при Вителліи въ Римъ извѣстіе отъ прокуратора Бельгики [3]) о возмущеніи четвертаго и двадцать второго легіона, проскакалъ тысячу четыреста сорокъ миль въ девять дней. Тиберій, когда спѣшилъ изъ Тицина [4]) къ больному Друзу въ Германіи, сдѣлалъ въ сутки двѣсти миль! [5])

— Довольно, милый Оптатъ,—возразилъ Симмахъ,—мы знаемъ, что ты человѣкъ начитанный. Но всѣ, тобой перечисленные, ѣхали или за наградой, или по важному дѣлу. А куда намъ спѣшить? Мы ѣдемъ за немилостью императора, а при этомъ можно и не торопиться. Да и пусть сначала при дворѣ уляжется впечатлѣніе отъ посольства Дамаса. Мы поступимъ умно, если дадимъ себя перехитрить.

Послѣ Меваніи Оптатъ пересѣлъ въ карруку къ Симмаху, а я

---

[1]) Рона.

[2]) Clunia—городъ въ Испаніи, въ нынѣшней провинціи Бургосъ.

[3]) Бельгіи.

[4]) Павія.

[5]) Римская миля (mille passuum)—около $1^1/_2$ километровъ (1478,5 метровъ).

помѣстился съ Пробиномъ. Это былъ человѣкъ уже далеко не молодой, который со мной разговаривалъ, какъ съ мальчикомъ. Но онъ сообщилъ мнѣ много важныхъ свѣдѣній о императорѣ и его дворѣ, которыя мнѣ не были извѣстны.

— Граціанъ, — говорилъ онъ, — почти отказался отъ власти. Цѣлые дни онъ проводитъ въ огороженныхъ лѣсахъ, гдѣ забавляется тѣмъ, что стрѣляетъ загнанныхъ туда животныхъ. Недаромъ его сравниваютъ съ Коммодомъ. Всѣ эдикты, издаваемые отъ имени императора, написаны Амвросіемъ. Это онъ—истинный правитель имперіи. Онъ овладѣлъ душой молодого императора и подчинилъ ее себѣ, угрожая ему мученіями ада и обѣщая блаженство послѣ смерти за содѣйствіе цѣлямъ христіанъ. Пока Граціанъ слѣдовалъ совѣтамъ своего перваго наставника, знаменитаго Авсонія, онъ былъ правитель дѣятельный и во всѣхъ возбуждалъ лучшія надежды. Тогда его равняли не съ Коммодомъ, а съ Титомъ Счастливымъ. Граціанъ выказалъ себя даже хорошимъ полководцемъ въ походѣ противъ Аллеменовъ. Но какъ поступать долженъ человѣкъ, когда онъ увѣрится, что вся земная жизнь—лишь пустая суета, что настоящее существованіе начинается лишь за дверью гроба? что истину знаютъ одни христіанскіе священники и что имъ дана власть прощать грѣхи и тѣмъ открывать душѣ путь къ вѣчному блаженству? Когда Амвросію удалось всѣ эти убѣжденія вложить въ слабую душу юноши,— тому ничего другого и не осталось дѣлать, какъ предоставить правленіе имперіей епископу, просвящаемому непосредственно Божествомъ. Самъ же Граціанъ заботится не о судьбахъ имперіи, а о спасеніи своей души, стараясь въ жизни совершать какъ можно меньше грѣховъ или, по крайней мѣрѣ, только такіе, которые тотъ же Амвросій можетъ ему немедленно отпустить.

— Такимъ образомъ,—спросилъ я,—у нашего посольства нѣтъ никакой надежды на успѣхъ?

— Не совсѣмъ такъ,—возразилъ Пробинъ.—Во-первыхъ, мы можемъ надѣяться на доводы такого замѣчательнаго оратора, какъ Симмахъ, который составилъ рѣчь искусную и умѣренную. Къ тому же Симмахъ въ родствѣ съ Амвросіемъ и, можетъ быть, лично сумѣетъ его убѣдить не раздражать населеніе Города. Во-вторыхъ, можно будетъ постараться поколебать значеніе самого Амвросія. Тебѣ не неизвѣстно, что среди христіанъ давно враждуютъ двѣ партіи: послѣдователей ученія Аѳанасія и учениковъ знаменитаго Арія. Императрица Юстина, мать соправителя Граціана—мальчика Валентиніана, придерживается аріанства. Поэтому Амвросій постарался устранить ее отъ дѣлъ правленія, заставилъ

жить вдали отъ двора, въ Сирміи, и лишилъ Валентиніана той доли власти, какая ему по праву принадлежитъ. Мы должны постараться соединиться съ приверженцами Юстины и общими усиліями одолѣть Амвросія, которымъ многіе недовольны и среди христіанъ.

Всѣ эти соображенія мнѣ показались мало утѣшительными. Но все же я былъ очень благодаренъ Пробину за его разсказы, объяснившіе мнѣ положеніе дѣлъ. Кромѣ того, Пробинъ сообщилъ мнѣ не мало важнаго о самомъ Амвросіи, о разныхъ видныхъ лицахъ, состоящихъ при императорѣ, а также о томъ, какъ я долженъ буду вести себя при дворѣ, если мнѣ придется туда явиться съ посольствомъ, и какими титулами именовать различныхъ сановниковъ.

Когда мы молчали, я предавался воспоминаніямъ о Римѣ, о Гесперіи, о ея порученіи. Впрочемъ, о послѣднемъ я старался думать какъ можно меньше, рѣшивъ все предоставить волѣ Фортуны, богини съ глазами, закрытыми повязкой. Зато я сладостно вспоминалъ всѣ подробности того поцѣлуя, который мнѣ дала Гесперія, и мнѣ не было скучно безконечное число разъ представлять, какъ я видѣлъ близко, близко отъ себя ея прозрачное лицо и алыя губы. Теперь я уже мечталъ о Гесперіи съ большей смѣлостью и въ глубинѣ души надѣялся, что нашъ второй поцѣлуй перейдетъ въ объятія, благославляемыя Цитереей.

Третью ночь мы ночевали на маленькой мансіонѣ, расположенной въ горахъ, такъ какъ непогода рѣшительно не позволяла намъ подвигаться впередъ. Здѣсь Симмахъ, который сказалъ, что чувствуетъ себя больнымъ, рѣшительно объявилъ, что онъ далѣе не поѣдетъ и отсюда вернется въ Городъ. Двумъ его друзьямъ пришлось очень долго его уговаривать, какъ плачущаго ребенка.

— Изъ-за чего мы себя мучимъ,—спрашивалъ Симмахъ,—блуждая въ холодъ и въ дождь по большой дорогѣ, ночуемъ въ грязныхъ гостиницахъ и терпимъ всякія лишенія? Никому не будетъ никакой пользы отъ нашего посольства, а себѣ мы испортимъ и желудки, и настроеніе духа, и, можетъ быть, всю жизнь. Три дня я не держалъ въ рукахъ ни одной книги. Ахъ, я сейчасъ съ восторгомъ сталъ бы читать даже Толкованія Оригена!

Съ большимъ трудомъ Симмаха удалось успокоить, и на утро онъ, конечно, первый сталъ всѣхъ торопить въ дорогу.

Къ вечеру четвертаго дня мы добрались до берега моря и остановились въ городѣ Фанумъ Фортуны. Благодаря тому, что въ этотъ городъ ведетъ Фламиніева дорога, здѣсь поворачивающая на сѣверъ, въ немъ всегда царитъ оживленіе. Въ гавани,

хотя надъ моремъ свирѣпствовали и Эвръ и Нотъ, стояло много судовъ, улицы были полны разноплеменнымъ людомъ, многочисленныя таберны шумны. Вѣсть о пріѣздѣ Симмаха быстро разошлась по городу, къ нашей гостиницѣ, носившей названіе „Тритонъ трубящій“, собралась толпа юношей, желавшихъ видѣть знаменитаго оратора, и насъ сочли нужнымъ посѣтить съ привѣтствіемъ представители городской куріи. Это все ободрило Симмаха, и онъ пересталъ жаловаться на трудности путешествія.

Отъ Фанума Фортуны дорога сдѣлалась легче, и погода намъ благопріятствовала. Въ большихъ городахъ, черезъ которые намъ случалось проѣзжать, появленіе Симмаха тоже возбуждало любопытство многихъ, и это явно льстило его самолюбію. Мы всячески торопились, тѣмъ болѣе, что епископское посольство далеко опередило насъ, но все же потратили еще четыре дня на переѣздъ черезъ Умбрію и по Эмиліевой дорогѣ черезъ Галлію Цисальпинскую. Изъ Пармы мы отправили одного изъ рабовъ верхомъ въ Медіоланъ извѣстить о приближеніи сенаторскаго посольства. Сами же мы только на исходѣ восьмого дня путешествія, совершенно измученные дорогой, оставивъ повозку съ вещами позади, завидѣли, наконецъ, вдали стѣны Медіолана.

III.

Въ Медіоланѣ наше посольство остановилось въ домѣ члена мѣстнаго сената, имѣвшаго титулъ comes vacans, Тита Коликарія, человѣка богатаго и давняго друга Симмаха. Коликарій встрѣтилъ насъ съ великимъ почетомъ, отвелъ всѣмъ четверымъ, и мнѣ въ томъ числѣ, великолѣпныя комнаты и обѣщалъ всяческое содѣйствіе въ нашемъ дѣлѣ. Но въ первый вечеръ мы ни въ чемъ иномъ не нуждались, кромѣ освѣжительной бани, масла для растиранія утомленнаго тѣла и хорошаго ужина.

На другой день утромъ, рано, я пошелъ осматривать городъ, ставшій за послѣдніе годы главнымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора. Блескъ Медіолана меня поразилъ, несмотря на то, что во мнѣ еще были живы впечатлѣнія Рима. Я видѣлъ пышные мраморные перистиліи, уставленные прекрасными статуями, много роскошныхъ домовъ, прямыя, широкія улицы, величественное зданіе закрытаго театра, громадныя бани Геркулеса, на окраинѣ города обширный циркъ,—и все это было окружено мощной стѣной съ глубокими рвами. Но улицы, послѣ Римскаго шума, казались мертвыми и пустынными, хотя особенно часто встрѣчались на нихъ люди, торжественное, шитое золотомъ одѣяніе которыхъ выдавало въ нихъ высшихъ сановниковъ.

Когда я вернулся домой, меня къ себѣ позвалъ Симмахъ, и я удивился неожиданной неутомимости этого человѣка. Сразу забывъ о трудномъ восьмидневномъ пути подъ зимней непогодой, онъ принялся за работу съ такимъ рвеніемъ, словно не покидалъ своего Римскаго дома. Симмахъ продиктовалъ мнѣ больше десяти писемъ, правда, короткихъ, но изъ которыхъ каждое было образцомъ изящества и притомъ ни одно не походило на другое ни по языку, ни по высказаннымъ мыслямъ. Эти письма были немедленно отправлены съ рабами во всѣ концы имперіи, въ томъ числѣ къ Флавіану въ Константинополь.

На обѣдъ Коликарій пригласилъ большое общество, такъ какъ всѣ лучшіе люди Города желали увидѣть Симмаха. Благодаря его вниманію я также участвовалъ въ этомъ замѣчательномъ симпосіи, о которомъ, конечно, не умолчатъ лѣтописи нашего вѣка. И тотъ Медіоланъ, гдѣ я ждалъ для себя чего-то страшнаго, волчьихъ пастей Сциллы, въ первый день моего въ немъ пребыванія встрѣтилъ меня веселымъ праздникомъ и мудрыми рѣчами философовъ.

Хозяинъ дома не поскупился на пышное убранство триклинія, въ которомъ происходилъ пиръ. Не говоря о томъ, что стѣны и колонны комнаты, а также маленькая сцена, находившаяся въ глубинѣ, были, не взирая на время года, пышно убраны цвѣтами и зеленью, что ложа были устланы дорогими коврами, а столъ заставленъ серебряной посудой,—но было здѣсь не мало другихъ ухищреній, обличавшихъ ловкость и изобрѣтательность домоправителя. Такъ, множество маленькихъ лампадъ было помѣщено въ прозрачныя вазы, сквозь которыя свѣтъ проходилъ причудливо-измѣненнымъ; другія лампады были поставлены позади большихъ стеклянныхъ сосудовъ, наполненныхъ водой, въ которыхъ мелькали разноцвѣтныя рыбы. Мальчики-рабы, прислуживавшіе за столомъ, были раздѣлены на смѣны, и каждая изъ нихъ одѣта въ одежды одного и того же цвѣта, такъ что залъ то наполнялся толпой служителей въ бѣломъ, то въ зеленомъ, то въ желтомъ; у всѣхъ при этомъ были вѣнки на головахъ. Тихая музыка, доходившая откуда-то издали, словно черезъ водное пространство, не смолкала во все время обѣда, независимо отъ того, что на сценѣ появлялись то мимы, то плясуньи, то декламаторы стиховъ.

Приглашенныхъ собралось не меньше, какъ человѣкъ сорокъ, но именъ большинства изъ нихъ мнѣ не удалось узнать; я только могъ заключить, что многіе изъ нихъ принадлежали къ высшимъ сановникамъ имперіи, такъ какъ одни носили консулярскую тогу,

другіе—бѣлую одежду кандидатовъ, третьи—одежды великолѣпно вышитыя золотомъ съ золотыми пряжками, и, обмѣниваясь между собой рѣчами, они безпрестанно употребляли титулы: vir clarissimus, illustrimus, spectabilis, дуксъ и комитъ. Женщинъ было сравнительно немного, но всѣ онѣ были одѣты также богато, въ шелковыя столы съ богатыми институтами, съ головы до ногъ сверкали золотомъ и драгоцѣнными каменьями, такъ какъ не только носили ожерелья, запястья, кольца, но помѣщали алмазы и сапфиры даже на шпилькахъ въ волосахъ и на застежкахъ сандалій. Скромнѣе другихъ была одѣта жена нашего хозяина, молчаливая и всегда грустная Фальтонія.

Коликарій своимъ поведеніемъ на пирѣ нисколько не напоминалъ незабвеннаго Тримальхіона, но, напротивъ, старался оставаться незамѣченнымъ, предоставляя гостямъ полную свободу. Такъ какъ мнѣ указали одно изъ самыхъ скромныхъ мѣстъ,—что было естественно,—то первое время обѣда я не могъ слышать ничего изъ тѣхъ разговоровъ, которые происходили на другомъ концѣ стола, гдѣ Симмаха и двухъ другихъ сенаторовъ помѣстили около хозяина и его жены. Я довольствовался тѣмъ, что забавлялся ловкими мимами, съ Антіохійской ловкостью разыгравшими какую-то пантомиму, смотрѣлъ милыхъ Аравійскихъ плясуній, скакавшихъ вокругъ поставленныхъ вверхъ остріемъ кинжаловъ, и не отказывался отъ изысканныхъ блюдъ, которыя въ безсчетномъ числѣ подавали рабы, смѣняя закуски, состоявшія изъ искусственныхъ яицъ, начиненныхъ ломтиками сони, изъ тоненькихъ колбасокъ, изъ Сирійскихъ сливъ и Сицилійскихъ фигъ,—всякаго рода рыбами, разными мясными кушаньями, куропатками, фазанами съ затѣйливыми приправами и еще многимъ инымъ. Не отказывался я и отъ великолѣпныхъ винъ, которыми мальчики-виночерпіи непрерывно наполняли наши кубки, слѣдуя всѣмъ приглашеніямъ хозяина и отдѣльныхъ гостей,—выпить здоровье божественнаго императора, славнаго гостя Симмаха, его спутниковъ Оптата и Пробина и другихъ.

Я, впрочемъ, обмѣнялся нѣсколькими словами съ юношей, возлежавшимъ рядомъ со мной, судя по всему принадлежавшимъ къ отряду доместиковъ, назвавшимъ себя Ардабуромъ. Я у него спросилъ имена нѣкоторыхъ гостей, и онъ, удовлетворивъ мое любопытство, добавилъ:

— Это все—цвѣтъ Медіоланскаго общества. За послѣдніе годы въ нашемъ городѣ собрались замѣчательнѣйшіе люди всей имперіи. Лучшіе ораторы, знаменитѣйшіе художники и поэты, великіе философы,—всѣ съѣхались въ Медіоланъ. Отсюда теперь распро-

страняются по всей землѣ законы изящества и хорошаго вкуса, и нѣтъ города, гдѣ жизнь была бы болѣе пріятной, веселой и утонченной.

Понемногу изобильные кубки, по выраженію Горація, всѣхъ сдѣлали краснорѣчивыми [1]), и тогда на томъ концѣ стола, гдѣ помѣщались почетные гости, возникъ настойчивый споръ, скоро привлекшій общее вниманіе. Другіе гости невольно смолкли, и всѣ могли присутствовать при замѣчательномъ состязаніи ума и остроумія знаменитыхъ собесѣдниковъ.

Молодой человѣкъ (о которомъ Арбадуръ мнѣ сообщилъ, что это—племянникъ примицерія священной спальни, Флавій Эцій, мечтающій стать новымъ Тацитомъ, а пока такъ запутанный въ долгахъ, что у него и волоска свободнаго нѣтъ) [2]) говорилъ, отвѣчая, повидимому, на рѣчь Симмаха, которой я не слышалъ.

— Нѣтъ, въ этомъ я тебя правымъ не считаю. Какъ ты хочешь, чтобы жизнь Римская оставалась неизмѣнной въ теченіе столѣтій? Что не измѣняется, то и не живетъ, и что было прекрасно для древности, для нашего времени уже не пригодно. Справедливо, что люди нашихъ дней не похожи на современниковъ Цицерона, у насъ другія обыкновенія, другія одежды и говоримъ мы языкомъ, отличающимся отъ ихъ языка. Но развѣ эти современники Цицерона были похожи на квиритовъ Ромула и Тація? Какой именно вѣкъ ты хочешь оковать навѣки, запретивъ старому Сатурну исполнять свое дѣло? Почему ты считаешь, что истинные Римляне жили въ одно время съ Катилиной, а не съ Фабриціемъ или не съ Александромъ Северомъ. Во дни Ливія уже не понимали договоровъ, писанныхъ стариннымъ языкомъ, и надписей на древнихъ статуяхъ. Это потому, что языкъ Латинскій усовершенствовался. Зачѣмъ же ты хочешь насъ заставить говорить языкомъ Ливія и изгнать изъ нашей рѣчи всѣ тѣ новыя слова и обороты, которые ей придаютъ новое разнообразіе и новую красоту? Ты осуждаешь, что мы переняли одежду у народовъ Азіатскихъ,—но вѣдь она красива и пріятна для глаза, а старая Римская тога поистинѣ надоѣла, да и неудобна. Если бы Фабій Пикторъ разсуждалъ, какъ ты, онъ не долженъ былъ бы вводить въ Римъ искусство живописи, ссылаясь на то, что раньше этого у Римлянъ не бывало. Ты недоволенъ, что способъ управленія имперіей и провинціями измѣнился. Но вѣдь только это и дало возможность Римлянамъ вновь ввести порядокъ въ свои

---

[1]) Fecundi calices quem non fecere disertum (Hor. Ep. I, 5).

[2]) Capillos liberos nos habere—поговорка (Petr. Sat. XXXVIII).

безмѣрныя владѣнія, которыя при Галліэнѣ едва не распались на отдѣльныя царства. Великій Діоклеціанъ измѣнилъ форму правленія, но развѣ не то же сдѣлали древніе Римляне, завоевавъ Сицилію и назначивъ для ея управленія третьяго претора? Нѣтъ, изъ того, что на нашей памяти все въ имперіи измѣнилось, пошло другимъ порядкомъ, приняло новыя формы, вывожу я именно то, что Римъ живъ и силенъ, что онъ съ каждымъ вѣкомъ обновляется, какъ дерево, дающее новыя вѣтви и покрывающееся новой листвой. А ты хочешь, чтобы Римъ сталъ засохшимъ стволомъ, старую кору котораго должно благоговѣйно беречь.

Эцій говорилъ съ увѣренностью человѣка, который привыкъ, что его словами восхищаются, не особенно громкимъ, но отчетливымъ голосомъ, дѣлая небольшіе, но плавные жесты, оттѣняя заключительныя клавзулы и явно обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. Рѣчь была выслушана съ величайшимъ вниманіемъ и была сопровождена одобрительными возгласами. Всѣ обратили глаза на Симмаха, словно гости Дидоны на отца Энея, и славный ораторъ, который слушалъ своего противника съ благосклонной улыбкой, помолчавъ немного, отвѣтилъ такъ:

— Мой дорогой Эцій! Не самъ ли ты опровергаешь себя, когда выступаешь врагомъ латыни Цицерона въ рѣчи, которая можетъ служить образцомъ по чистотѣ языка. Дѣло въ томъ, что есть въ прошломъ хорошее и дурное. И если отъ дурного должно избавляться, замѣняя его лучшимъ, то хорошее подобаетъ охранять и оберегать. Что же дѣлаетъ нашъ вѣкъ: не стремится ли онъ уничтожить все старое, преслѣдуя только новизну и не заботясь о томъ, хороша она или нѣтъ. Благородную, бѣлую тогу, которая сенату въ глазахъ Кинея придала видъ собранія царей, смѣнили на тяжелыя одежды, превратившія людей въ неуклюжія статуи; простоту старинныхъ нравовъ—на Азіатскую роскошь и на Африканскій развратъ, убившіе доблесть и мужество; ясность языка Плинія—на напыщенную риторику или на такое нарѣчіе, въ которомъ больше словъ Германскихъ или Скиѳскихъ, чѣмъ Латинскихъ. Наши древнія учрежденія были созданы Римлянами и испытаны въ теченіе вѣковъ мира и войны; а новыя—выдуманы придворными, заботящимися лишь о своихъ доходахъ, а не о благѣ имперіи. Ты спрашиваешь, какой вѣкъ избрать для подражанія,—тотъ, въ какой могущество Рима возрастало, а не падало; тотъ, когда рождались великіе полководцы, писатели и философы, а не тотъ, когда остается только вспоминать славное прошлое. Пусть гибнетъ то, что несовершенно, но не должно того касаться, что образуетъ самую сущность имени Римскаго. Если все измѣ-

нять, скоро намъ придется отъ этого имени отказаться, такъ какъ ничего общаго съ Римомъ древности не останется. Хочешь ли ты, чтобы вмѣсто имперіи Римской явилась имперія Германская и чтобы законы вселенной писались на языкѣ Франковъ? По-моему то будетъ не только погибель Рима, но и міра.

— Не все было такъ прекрасно въ старину,—воскликнулъ Эцій, не желавшій уступать.—Или ты забылъ поборы Верра въ Сициліи? продажу голосовъ въ трибутныхъ комиціяхъ? моря, въ которыхъ кишѣли пираты? дороги, полныя разбойниками? Забылъ, что тамъ, гдѣ прежде были пустыни, теперь стоятъ цвѣтущіе города? что Галлія, которая послѣ Цезаря славилась только окороками и пивомъ, теперь прославлена своими риторами? что Испанія и Африка полны библіотеками? что жизнь стала утонченнѣе, что образованность распространилась по всей землѣ, что весь народъ сталъ просвѣщеннѣе? И, клянусь Касторомъ, такой философъ нашего времени, какъ Ямблихъ, стоитъ болтуна Цицерона, такой историкъ, какъ Амміанъ Марцеллинъ, не ниже Тацита, такого математика, какъ Паппъ Александрійскій, не имѣла древность ни Греціи ни Рима, и за одну „Мозеллу“ нашего Авсонія я отдамъ всего Лукана съ Силіемъ Италикомъ въ придачу!

Это возраженіе Эцій произнесъ съ такой страстностью, конечно, намѣренной, что невольно привлекъ къ себѣ сочувствіе слушающихъ, и Симмахъ, сознавая, что побѣда не на его сторонѣ, вмѣсто возраженія обратился къ язвительной насмѣшкѣ.

— Послушать тебя,—сказалъ онъ,—богиня Астрея вернулась на землю, вновь наступилъ золотой вѣкъ. Можетъ быть, ты одобряешь и то, что Римляне отказались отъ религіи своихъ предковъ и строятъ храмы новому Божеству.

— Что-жъ въ этомъ дурного!—уже запальчиво воскликнулъ Эцій.—Развѣ не предрекали древніе поэты, что царство Юпитера должно кончиться, какъ имѣло свой конецъ царство его отца Сатурна, и развѣ Эсхилъ не сказалъ намъ, что придетъ нѣкто, который Юпитера

съ неправаго
Низвергнетъ трона въ неизвѣстность! [1])

Почему мы знаемъ, что не кончилось царство Юпитера?

Симмахъ хотѣлъ опять что-то возразить, но хозяинъ дома, Коликарій, быстро вмѣшался и сказалъ:

— Милые мои гости! я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ поды-

---

[1]) αὐτὸν ἐκ τυραννίδος
θρόνων τ' ἄϊστον ἐκβαλεῖ· (Aesch. Prom., 909.)

мали споръ о религіи и подвергали обсужденію ту вѣру, которой слѣдуетъ божественный императоръ. Мы всѣ благодарны за любопытныя мысли, высказанныя нашимъ молодымъ другомъ, Флавіемъ Эціемъ, и еще болѣе за то, что нашъ знаменитый гость, Квинтъ Аврелій, захотѣлъ подѣлиться съ нами своимъ краснорѣчіемъ и мудростью. Я же вамъ предлагаю выпить за вѣчный Римъ и за вѣчную славу народа Римскаго. Мальчики, наливайте!

Въ шумѣ кубковъ всѣ слова потонули, и хотя я видѣлъ, что споръ еще продолжался, но до меня долетали только отдѣльныя слова, „рѣдкіе пловцы, появлявшіеся въ обширной пучинѣ“. [1]) Въ то же время на сценѣ показались дѣвушки съ цимбаліями и крепитакулами и начали исполнять какую-то шумную пѣсню.

Пиръ продолжался до поздняго вечера и закончился настоящей овацією въ честь Симмаха, котораго увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ и въ честь котораго особыя пѣвицы пропѣли нарочно для того написанную оду.

IV.

Когда я на слѣдующій день, послѣ пира, утромъ вышелъ на улицу, чтобы освѣжить голову, внезапно воспоминаніе о данной мной клятвѣ встало передо мной, неотступное, и, сколько я ни пытался отогнать его, какъ лѣтомъ отгоняютъ назойливую муху, оно отовсюду направляло на меня свой натянутый лукъ. Едва ли не въ первый разъ я понялъ весь ужасъ того положенія, которое я согласился принять, и, потому ли, что разлука съ Гесперіей нѣсколько охладила мое юношеское сердце, или потому, что все же для человѣка нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ темная смерть, мною овладѣлъ самый постыдный страхъ. Глядя на мраморныя колонны и величественныя стѣны Миланскихъ домовъ, я съ тоской спрашивалъ себя, неужели въ этомъ самомъ городѣ мнѣ суждено извѣдать ужасныя минуты убійства, а потомъ мученія чудовищныхъ пытокъ и жестокую смерть.

Однако, ни одной минуты я не помышлялъ объ томъ, чтобы отказаться отъ исполненія своего обѣщанія, скрѣпленнаго страшной клятвой. Безъ колебанія я повторялъ себѣ, что теперь отступать уже поздно, потому что отступнику были бы навсегда закрыты пути къ Гесперіи, а попрежнему я въ жизни не видѣлъ иного счастія, какъ быть близъ нея, и такое рѣшеніе огненными буквами было вписано въ моей душѣ. Но если прежде я былъ готовъ на все, чтобы только выполнить волю Гесперіи, былъ го-

[1]) Извѣстное выраженіе Вергилія (Aen., I).

товъ открыто, гдѣ-нибудь во дворцѣ или на площади, передъ тысячами зрителей, броситься на Граціана и, исполнивъ свое дѣло, отдать себя въ руки судей или палачей,—то теперь я началъ искать, нѣтъ ли возможности совершить то же самое тайно, такъ, чтобы уберечь свою жизнь, возвратиться въ Городъ и тамъ, можетъ быть, дождаться награды за свою вѣрность.

Размышляя объ этомъ, я бродилъ по улицамъ Медіолана, но никакого рѣшенія трудной задачи мнѣ не представлялось. Уставъ отъ раздумій, безплодныхъ, какъ поиски перваго начала всего сущаго, я попытался измѣнить направленіе своихъ мыслей. Мнѣ уже многіе говорили о томъ, какую толпу слушателей собираетъ Амвросій, проповѣдуя въ новомъ, имъ выстроенномъ христіанскомъ храмѣ. Къ этому храму я и направился, желая также послушать знаменитаго оратора, тѣмъ болѣе что былъ тотъ седьмой день, который особенно христіанами чтится. „Этимъ я исполню совѣтъ тетки,—говорилъ я себѣ, шутя,—посмотримъ, обратитъ ли меня краснорѣчіе Амвросія къ вѣрѣ во Христа“.

Храмъ, дѣйствительно, былъ наполненъ посѣтителями и притомъ въ немъ было множество людей, которыхъ одежда и осанка обличали ихъ высокое положеніе: женщины въ богатыхъ столахъ, съ пальцами, совершенно закрытыми драгоцѣнными кольцами, молодые щеголи съ завитыми волосами и раскрашенными лицами, пожилые сановники въ расшитыхъ золотомъ тогахъ, протекторы, доместики. Соотвѣтственно этому передъ храмомъ стояла цѣлая толпа рабовъ, бѣлыхъ и черныхъ, и длинный рядъ носилокъ. Отрядъ воиновъ охранялъ порядокъ, и мнѣ не безъ большого затрудненія удалось проникнуть въ храмъ.

Уже давно я не бывалъ въ христіанскихъ храмахъ, и меня поразило пышное, хотя и безвкусное убранство, представившееся моимъ глазамъ. Стѣны были выложены цвѣтнымъ мраморомъ, въ разныхъ мѣстахъ были вставлены мозаичныя картины, вездѣ виднѣлись мраморныя изваянія. Въ храмѣ совершалось служеніе, но присутствующіе такъ громко переговаривались между собой, шутили и смѣялись, что мнѣ, который былъ принужденъ стоять у самыхъ дверей, ничего не было слышно. Только когда настало время проповѣди, все стихло, и всѣ приготовились слушать.

На каѳедру взошелъ не старый еще человѣкъ, съ прекрасными Римскими чертами лица, съ властительнымъ взглядомъ, немного начинавшій лысѣть, отчего его лобъ казался больше, и съ красивой, густой, тоже немного сѣдой, бородой. Едва онъ заговорилъ, въ храмѣ наступила такая тишина, какая бываетъ въ театрахъ, когда актеръ приступаетъ къ самому важному мѣсту

трагедіи, и голосъ проповѣдника, суровый и увлекающій, сразу наполнилъ все пространство. Вотъ приблизительно что въ тотъ день говорилъ Амвросій:

— Вы слышали, что сказалъ Спаситель нашъ: Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Но кто суть друзья наши и какъ мы должны любить ихъ? Должны ли мы, исполняя заповѣдь любви, нарушать другую заповѣдь, высшую: Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ? Великъ подвигъ любви, но позволено ли во имя ея совершать поступокъ нечестный? Философы спрашиваютъ: можно ли ради любви къ другу предать родину? должно ли стать предателемъ, чтобы исполнить завѣтъ любви? Отвѣтимъ имъ: нѣтъ, выше заповѣди любви къ друзьямъ поставлена другая—о любви къ Богу. Если любовь твоя побуждаетъ тебя пойти и совершить убійство, вспомни, что раньше сказано, съ высотъ Синая: Не убій! Служите правдѣ, которая написана въ сердцахъ вашихъ, и не измѣняйте ей даже ради любви. Апостолъ пишетъ Галатамъ, чтобы они носили бремена другъ друга, во имя любви. Но помогайте друзьямъ вашимъ добрымъ совѣтомъ, а не зломъ. Если во имя любви къ другу совершите вы поступокъ дурной, вы только двойное зло причините,—себѣ и другу своему. И помните, что любовь не своекорыстна. Кто ждетъ за свою любовь награды, тотъ любви не имѣетъ...

Противъ своего ожиданія, я не безъ любопытства вслушивался въ развитіе мысли проповѣдника, который словно намѣренно для меня избралъ тему своей рѣчи, когда внезапно кто-то тихимъ голосомъ около меня назвалъ мое имя. Я обернулся, и увидѣлъ, что какая-то женщина, быстро удаляясь, сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за ней. Изумленный, я вышелъ изъ храма, и тутъ узналъ Рею.

— Рея!—воскликнулъ я, пораженный.—Какимъ образомъ ты здѣсь? Вѣдь не на крыльяхъ же Персея и не на колесницѣ Триптолема ты перенеслась изъ Рима въ Медіоланъ! Или ты волшебница?

— Молчи,—возразила Рея,—и иди за мной.

Спорить въ густой толпѣ, тѣснившейся у входа въ храмъ, было неумѣстно; я послѣдовалъ за Реей и, едва мы оказались въ мѣстѣ болѣе уединенномъ, заговорилъ опять:

— Чего ты отъ меня хочешь? Зачѣмъ ты меня преслѣдуешь? Я не хочу быть съ тобой! Оставь меня!

— Юній,—произнесла Рея строго,—вчера я весь день ждала

тебя, но ты не вышелъ изъ дому. Сегодня я нашла тебя, и ты долженъ итти со мной. Пойдемъ.

— Я съ тобой не пойду!—воскликнулъ я гнѣвно.

Рея покачала головой и, опять сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать, пошла впередъ. Я колебался, что мнѣ должно дѣлать. Но здѣсь снова мысль о пурпурномъ колобіи, хранившемся въ моемъ ларѣ, представилась мнѣ. „Хорошо,—сказалъ я себѣ,—въ послѣдній разъ я исполню ея желаніе, чтобы, наконецъ, навсегда разорвать гибельныя узы, связывающія меня съ этой странной дѣвушкой".

Я послѣдовалъ за Реей.

Мы шли по направленію къ окраинѣ города, къ тѣмъ воротамъ, откуда былъ выходъ къ рѣкѣ. Тамъ стояли маленькіе, старые домишки, нисколько не напоминавшіе новаго Медіолана, потемнѣвшіе отъ лѣтъ, съ деревянными надстройками. Оглянувшись и убѣдившись, что я иду за ней, Рея вошла въ одну изъ дверей, зіявшихъ какъ черныя пасти.

Войдя слѣдомъ, я увидѣлъ мастерскую каменщика. Въ полутемной, грязной комнатѣ, среди разбросанныхъ каменныхъ глыбъ и осколковъ мрамора работало нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ однѣ туники. Удары долота и молотковъ отдавались отъ стѣнъ, и нестерпимый гулъ сразу такъ оглушилъ меня, что я невольно попятился. Преодолѣвъ это чувство, я прошелъ мимо обтесываемой плиты для гробницы, съ изображеніемъ Добраго Пастыря, и вошелъ въ другую комнату, вся обстановка которой состояла изъ деревяннаго ложа и стола.

Затворивъ плотно дверь, Рея мнѣ сказала:

— Юній! великій часъ приблизился. *Онъ* здѣсь, я это узнала. Мы должны исполнить рѣшенное Судьбой, и ему возвѣстить его назначеніе.

Оставшись стоять у самой двери, сложивъ руки на груди, глядя прямо въ глаза дѣвушкѣ, я постарался произнести какъ могъ тверже и рѣшительнѣе:

— Я твоихъ бредней слушать не хочу. Я никакого дѣла съ тобой совершать не намѣренъ. У меня есть свои дѣла, и важныя, и у меня есть своя жизнь, съ тобой не связанная. Клянусь безсмертными богами, которымъ я вѣренъ, я твоимъ уловкамъ больше не поддамся. Завтра въ эту самую комнату я принесу ту проклятую вещь, которую ты насильно вложила въ мои руки, и больше я не буду отвѣчать на твой голосъ. Больше я тебя не знаю, проклинаю случай, который тебя со мною свелъ, а если ты будешь меня преслѣдовать, обличу въ префектурѣ всѣ твои преступныя козни.

До сихъ поръ, при всѣхъ моихъ встрѣчахъ съ Реей, она меня побѣждала какой-то непонятной властью, въ которой я подозрѣвалъ даже силы магіи. Поэтому, произнося свои слова, я тайно призвалъ на помощь богиню Венеру, рѣшившись не поддаваться вліяніямъ Гекаты и чарованій. Но внезапно лицо Реи, на которое прямо мои глаза были устремлены, покрылось блѣдностью мраморныхъ статуй, ея руки безпомощно повисли, какъ у мертвой, она минуту на меня смотрѣла съ выраженіемъ такого ужаса, какой могла бы внушить развѣ только голова Медузы,—и потомъ дѣвушка всею тяжестью своего тѣла упала на полъ.

Можетъ быть, мнѣ, не обращая на то вниманія, тотчасъ слѣдовало бѣжать изъ этого дома, предоставивъ Рею ея судьбѣ, но, видя ее распростертую, какъ человѣка, пораженнаго молніей, я не могъ преодолѣть невольнаго порыва участія. Я бросился къ Реѣ, сталъ около нея на колѣни, поднялъ ея голову, попытался вернуть дѣвушку къ жизни. Но долгое время ея лицо оставалось мертвеннымъ и блѣднымъ, вѣки смеженными, полураскрытыя и тоже поблѣднѣвшія губы неподвижными. Только когда я уже готовъ былъ звать кого-нибудь къ себѣ на помощь, Рея вдругъ очнулась, судорожно схватила меня руками и слабымъ голосомъ проговорила:

— Юній, тобой овладѣлъ злой духъ.

Стараясь быть какъ можно ласковѣе, все поддерживая лежащую Рею, какъ раненую амазонку, я ей отвѣтилъ:

— Милая Рея! Мною демонъ не овладѣвалъ. Я просто тебѣ говорю, что ты во мнѣ ошиблась. Я не хочу служить ни Христу, ни Антихристу, потому что я не христіанинъ и почитаю ученіе христіанъ гибельнымъ заблужденіемъ или опаснымъ обманомъ. Я пойду своей дорогой, а ты иди своей, и вмѣсто меня выбери себѣ помощникомъ другого. Я же никакого вреда тебѣ не сдѣлаю и твоихъ тайнъ никому не открою.

Тогда Рея, которую я всегда почиталъ сильной и какъ бы подобной мужчинѣ, начала рыдать, притомъ такъ неудержно, словно скорбь мучила все ея тѣло отъ горла до пальцевъ ногъ. Она то лила слезы, какъ Ніоба, то, такъ же, какъ Ніоба, каменѣла въ моихъ объятіяхъ, то дрожала такъ сильно, словно была въ тягостной лихорадкѣ. Я не зналъ, какъ ее утѣшить, и безсвязно повторялъ:

— Приди въ себя... Я тебѣ и раньше все это говорилъ... Подумай... Не могу же я для твоего удовольствія увѣровать въ Христа... И почему тебѣ нуженъ я?

— Ты! Ты!—повторяла Рея сквозь рыданія.—Ты—одинъ. Ты

назначенъ Богомъ. Ты избранъ. Онъ мнѣ послалъ тебя. Ты долженъ. Ты не властенъ отречься.

Такъ мы лежали оба на грязномъ полу, сжимая другъ друга въ объятіяхъ, и я, чтобы чѣмъ-нибудь успокоить бѣдную дѣвушку, осторожно, какъ ребенка, поцѣловалъ ее въ лобъ. Въ ту же минуту она съ яростью впилась губами въ мои губы и стала поцѣлуями покрывать мое лицо, прижимая ко мнѣ свою грудь. Я сопротивлялся этимъ ласкамъ, нежданнымъ и страшившимъ меня, уклонялъ лицо, отстранялъ тѣло дѣвушки, но она меня все тѣснѣе привлекала къ себѣ, примѣшивая къ словамъ отчаянія слова нѣжности и страсти.

— Юній! мой Юній! Ты мнѣ посланъ Богомъ! Онъ меня сдѣлалъ твоей невѣстой! Мы Богомъ обручены, Юній. Обручены на славу и позоръ. Мы должны вмѣстѣ погибнуть, Юній. Мы должны быть вмѣстѣ, Юній, мой Юній!

Понемногу эта изступленность несдержанныхъ ласкъ, эта близость къ женщинѣ, дыханіе и теплоту которой я чувствовалъ на своемъ тѣлѣ, эта странность минуты, болѣе похожей на безуміе, чѣмъ на событіе жизни, самая уединенность мѣста, которое казалось лежащимъ гдѣ-то за предѣлами земного круга, побѣдили меня. Я вновь уступилъ любовнымъ настояніямъ Реи, какъ въ ту ночь, когда, послѣ чудовищнаго служенія въ невѣдомомъ мнѣ залѣ съ Коринѳскими колоннами, она во мракѣ приблизилась ко мнѣ. Подъ стукъ долота и молотковъ, дробившихъ камень и высѣкавшихъ образъ Добраго Пастыря, возстановился мой странный союзъ съ загадочной дѣвушкой.

Когда потомъ Рея сказала мнѣ:

— Ты придешь сюда черезъ день!—

я уже не нашелъ словъ, чтобы ей возразить. Я наклонилъ голову въ знакъ согласія, хотя въ душѣ у меня и былъ мракъ, подобный тому, который царствуетъ на безмолвныхъ берегахъ Ахеронта.

Выйдя на улицу, снова увидя залитыя зимнимъ солнцемъ мраморныя громады Медіоланскихъ строеній, услышавъ издали гулъ веселой толпы, выходящей изъ христіанскаго храма послѣ проповѣди Амвросія,—я готовъ былъ думать, что все свершившееся только темный сонъ, примчавшійся ко мнѣ изъ Тартара черезъ дверь изъ слоновой кости.

V.

Вечеромъ я писалъ письма подъ диктовку Симмаха, и потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Завтра ты пойдешь со мною къ Амвросію: я хочу говорить съ нимъ.

На другой день мы вышли изъ дому рано, причемъ Симмахъ, чтобы не обращать на себя вниманія, одѣлся какъ можно проще. Я несъ за нимъ различныя выписки, которыя, по его словамъ, могли ему понадобиться.

Амвросій жилъ неподалеку отъ христіанскаго храма въ маленькомъ бѣломъ домикѣ. Мнѣ говорили, что, избранный епископомъ, Амвросій роздалъ все свое имущество бѣднымъ, оставивъ себѣ только небольшое число рабовъ, доходы со своихъ имѣній,—причемъ отдавалъ эти доходы почти полностью своей сестрѣ Марцелинѣ,—и свою библіотеку. Поэтому Амвросій, въ юности привыкшій къ жизни роскошной, теперь жилъ весьма скромно.

У дверей дома насъ встрѣтилъ рабъ, и Симмахъ его спросилъ, можно ли видѣть Амвросія.

— Входите свободно,—отвѣтилъ рабъ,—каждый желающій во всякое время можетъ говорить съ епископомъ, и онъ даже запретилъ предупреждать его о посѣтителяхъ.

Мы прошли нѣсколько пустыхъ комнатъ и увидѣли знаменитаго проповѣдника склонившимся надъ столомъ, который былъ заваленъ грудами разныхъ книгъ. Книги останавливали взглядъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ комнаты, въ особыхъ книгохранилищахъ, на скамьяхъ и прямо на полу. Такъ какъ читавшій не разслышалъ нашихъ шаговъ, Симмахъ первый къ нему обратился съ вопросомъ:

— Узнаетъ ли меня Аврелій и позволитъ ли говорить съ нимъ?

Амвросій поднялъ глаза, посмотрѣлъ на насъ и отвѣтилъ:

— Привѣтствую тебя, Симмахъ. Я былъ увѣренъ, что ты придешь. Я готовъ говорить съ тобой.

Онъ отодвинулъ книгу, которую читалъ, и указалъ Симмаху на кресло, бывшее подлѣ. Я остался почтительно стоять у двери, откуда мнѣ былъ слышенъ весь разговоръ.

— Ты, однако, ошибся, именуя меня Авреліемъ,—продолжалъ епископъ,—крещеніе рождаетъ человѣка къ новой жизни, и у меня нѣтъ другого имени, кромѣ Амвросія.

— Нѣтъ,—возразилъ Симмахъ,—ты для меня представитель славнаго рода Авреліевъ, мой родственникъ, сынъ префекта, самъ носившій поясъ съ золотой пряжкой. Я къ тебѣ пришелъ, какъ къ Римлянину, которому близки судьбы имперіи, какъ къ человѣку, въ жилахъ котораго кровь побѣдителей міра и который не захочетъ унизить то величіе, до котораго его предки подняли

священный и вѣчный Городъ. Ты знаешь, зачѣмъ я прибылъ въ Миланъ, ты угадываешь, о чемъ я хочу говорить съ тобой, и ты понимаешь, почему я пришелъ къ тебѣ раньше, чѣмъ добиваться пріема у императора.

Очень спокойно выслушавъ эту рѣчь, Амвросій отвѣтилъ голосомъ сдержаннымъ, но рѣшительнымъ:

— Симмахъ! Я, конечно, знаю, зачѣмъ ты прибылъ въ Медіоланъ. Но поѣздка твоя и твоихъ товарищей—безплодна. Нашъ благочестивѣйшій императоръ внимательно обдумалъ свой эдиктъ, и его рѣшеніе безповоротно. Въ Сенатѣ христіанскаго императора не можетъ стоять статуй ложнымъ богамъ.

— Не говори уклончиво!—со страстью прервалъ Симмахъ.— Намъ не передъ кѣмъ притворствовать. За этого моего писца я ручаюсь: онъ будетъ нѣмъ, какъ мертвый. Всѣмъ извѣстно, что императоръ чтитъ твою мудрость и исполняетъ твои совѣты. Не отъ него, а отъ тебя зависитъ судьба Сената и народа Римскаго.

— Это не такъ,—все столь же спокойно возразилъ епископъ,— я, какъ и мы всѣ, лишь смиренный слуга священной особы императора. Но если бы, дѣйствительно, онъ опять снизошелъ ко мнѣ, чтобы спросить моего совѣта, какъ служителя алтаря, получившаго дары Духа Святаго,—да, я сказалъ бы ему, что его волей руководилъ самъ Богъ. Пора, пора намъ съ корнемъ вырвать изъ имперіи послѣдніе остатки гибельныхъ заблужденій, стереть послѣдніе слѣды нашего долгаго рабства, ибо ты, Симмахъ, еще не знаешь, что истинная вѣра даетъ человѣку истинную свободу.

— Оставимъ этотъ языкъ риторамъ,—сказалъ Симмахъ, видимо раздражаясь,—я знаю, что ты получилъ хорошее воспитаніе. Будемъ говорить просто. Неужели ты думаешь, что всѣ жители имперіи признали Іудейскаго Христа? Неужели тебѣ не извѣстно, что миріады гражданъ чтятъ,—одни Юпитера, другіе Баала, третьи Озириса? Почему религіи должны враждовать между собой, а не могутъ жить въ мирѣ, если всѣ онѣ учатъ одному: поклоняться Божеству? Когда наши предки завоевывали землю, они не были нетерпимы къ вѣрованіямъ другихъ народовъ, но охотно принимали въ свой пантеонъ чужихъ боговъ, давали Митрѣ и Изидѣ мѣсто рядомъ съ Фебомъ и Діаной. Почему же вы, христіане, проповѣдующіе любовь, знаете только ненависть къ другимъ вѣрамъ?

— Мы проповѣдуемъ любовь къ истинѣ и добру, а не ко лжи и обману,—отвѣтилъ Амвросій.—Что такое ваши такъ называемые боги, одни съ песьей головой, другіе безобразные, съ сотней

грудей, боги-насильники, преслѣдующіе коварствомъ и хитростями женщинъ, подымающіе одинъ на другого оружіе, лгущіе, прелюбодѣйствующіе, совершающіе тысячи преступленій? Ихъ ли мы должны любить, познавъ Бога единаго, вѣчнаго, вездѣсушаго, Бога истины и милосердія?

Эти слова епископъ произнесъ уже гораздо менѣе спокойно, съ явнымъ намѣреніемъ обидѣть собесѣдника. Полусѣдая борода Амвросія тряслась. Но Симмахъ сдержалъ свое негодованіе и возразилъ тихо:

— Отъ тебя подобныхъ возраженій я не ожидалъ. Ты знаешь такъ же хорошо, какъ я, что тѣ образы, въ какихъ изображаютъ боговъ наши поэты и художники, и та сущность, которую мы чтимъ въ богахъ, не одно и то же. Но я пришелъ не спорить съ тобой о вѣрѣ. Великая и непостижимая тайна вселенной не поддается человѣческимъ изслѣдованіямъ. Я пришелъ говорить съ тобой отъ имени тѣхъ тысячъ и тысячъ людей, которые поклоняются богамъ и для которыхъ алтарь, который ты приказалъ выбросить изъ Куріи, есть нѣчто священное. Какъ ты съ легкимъ сердцемъ подымаешь руку на ихъ вѣрованія и чувства, оскорбляешь ихъ въ томъ, что для нихъ дорого. Въ теченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ Римъ благочестиво поклонялся божествамъ, установленнымъ царемъ Нумой, — какъ же ты, безъ колебанія, наносишь ударъ Риму, какъ убѣленному сѣдинами старцу? Римляне родились свободными и въ свободѣ избрали свою вѣру,—почему же не оставить ихъ въ мирѣ наслаждаться своими старинными обрядами, такъ какъ иныхъ они не желаютъ? Городу невѣдомо то ученіе, которому ему приказываютъ слѣдовать, но онъ знаетъ, что тотъ, кто берется исправлять почтенную старость, принимаетъ на себя неблагодарный и безславный трудъ.

— Теперь ты пользуешься пріемами риторовъ,—съ насмѣшкой сказалъ Амвросій.—Чего же ты требуешь? чтобы мы ни въ чемъ не шли впередъ сравнительно съ нашими предками. Когда-то въ Римѣ было установлено служеніе божеству Нерона; угодно ли тебѣ сохранить и этотъ алтарь? Если въ нашемъ прошломъ были заблужденія, мы объ нихъ должны жалѣть и стремиться отъ нихъ отказаться. Не стыдно и въ старости исправлять свои ошибки и не стыдно Риму измѣняться со всѣмъ міромъ. Нѣтъ позора въ томъ, чтобы перейти на сторону тѣхъ, кто правъ, и никогда не поздно учиться истинѣ.

Симмахъ всталъ, запахнулъ тогу, и мнѣ было видно, что онъ даже дрожитъ отъ волненія.

— Аврелій!—сказалъ онъ.—Вѣка, когда Римляне чтили бо-

говъ, увѣнчаны славой и благоденствіемъ. Призывая Юпитера и Марса, Римляне весь міръ подчинили своей власти. Боги удалили Ганнибала отъ стѣнъ Города и Галловъ изъ Капитолія. Не легкомысленно ли отвергать старое, которое доказало свою силу и свою благотворность, и подвергать себя неизвѣстности, хватаясь за новое, еще не испытанное! Можешь ли ты быть увѣреннымъ, что новая религія внушитъ то же мужество въ сердца легіонеровъ, послужитъ такой же обороной для границъ имперіи, какъ религія Нумы, Цезаря и Августа?

Амвросій тоже всталъ, выпрямился во весь ростъ, смотрѣлъ гнѣвно и болѣе напоминалъ полководца на полѣ битвы, чѣмъ служителя христіанскаго храма. Я не могъ не подумать, что въ другой вѣкъ онъ водилъ бы наши легіоны къ славнымъ побѣдамъ и былъ бы воинами поднятъ на щитъ. Повышеннымъ и почти яростнымъ голосомъ епископъ произнесъ:

— Почему ты приписываешь побѣды Римлянъ богамъ, а не искусству императоровъ и храбрости легіоновъ? Ты говоришь, что боги удалили Галловъ изъ Капитолія. Но вѣдь они всетаки сожгли Римъ! И если Капитолій не былъ взятъ, то не боги были тому причиной, а гуси. Гдѣ же тогда былъ твой Юпитеръ? не онъ ли кричалъ по-гусиному? Еще ты увѣряешь, что боги защитили Римъ отъ Ганнибала. Но тогда надо признать, что съ этой защитой они не поторопились. Почему они ждали до самой битвы при Замѣ, и позволили пунамъ истреблять Римлянъ и при Тицинѣ, и при Требіи, и при Тразименскомъ озерѣ, и при Каннахъ? Сколько крови не было бы пролито, если бы твои боги дѣйствовали не такъ медлительно! Притомъ вѣдь и Карѳагенъ такъ же вѣровалъ въ ложныхъ боговъ, какъ и Римъ. Выбирай же: если боги были побѣдителями вмѣстѣ съ Римлянами, тогда они были побѣждены вмѣстѣ съ пунами. А если боги позволяли себя побѣждать въ прошломъ, гдѣ же залогъ, что въ будущемъ они насъ будутъ водить только къ побѣдамъ?

Никогда я не видѣлъ Симмаха до такой степени взволнованнымъ. Совершенно блѣдный, съ трудомъ подавляя гнѣвъ, онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку убѣдить торжествующаго епископа:

— Оставимъ боговъ,—сказалъ Симмахъ,—и подумаемъ о людяхъ. Религія отцовъ учила доблести, военному мужеству, прославляла силу; религія Христа учитъ кротости, смиренію, совѣтуетъ уступать противнику. Имперія окружена врагами; вездѣ варвары переходятъ границы; провинція за провинціей отпадаетъ отъ нашихъ префектуръ. Своими безпощадными мѣрами ты достигнешь одного изъ двухъ: или ты лишишь имперію храбрыхъ

воиновъ, или ты возбудишь въ ней гражданскую войну между приверженцами старой и новой вѣры. Въ обоихъ случаяхъ восторжествуютъ враги, и имперія погибнетъ. Неужели ты не Римлянинъ и тебѣ не дороже всего слава отечества?

— Пусть гибнетъ Римъ!—громовымъ голосомъ воскликнулъ епископъ.—Пусть гибнетъ имперія! На ея развалинахъ я создамъ другую, вѣчную и непоколебимую. Я воздвигну новый Римъ, и уже не Городъ подчинитъ себѣ нѣкоторыя племена земли, но Церковь христіанская объединитъ въ одно стадо всѣ народы! Алтарь Побѣды не будетъ возстановленъ въ Римскомъ Сенатѣ! Я прикажу запереть всѣ храмы ложныхъ боговъ по всей имперіи! Я запрещу служить идоламъ и въ общественныхъ мѣстахъ и въ частныхъ домахъ! Я дамъ на землѣ торжество истинному Богу, и пусть рушатся земныя царства, ибо царство Его не отъ міра сего!

Трясущимися губами Симмахъ произнесъ въ отвѣтъ:

— Послѣ этого ты для меня—не Римлянинъ. Ты—не изъ рода Авреліевъ. Ты—врагъ отечества. Итакъ, между нами война?

Но Амвросій быстро уже овладѣлъ собой, его лицо снова приняло выраженіе льстиваго придворнаго, и онъ съ снисходительной улыбкой возразилъ:

— Нѣтъ, Симмахъ! я не воюю съ людьми, но только съ неправдой и ложью. Я тебя жалѣю, какъ брата, пребывающаго въ заблужденіи. Подумай о моихъ словахъ и иди съ миромъ.

Мы вышли. Симмахъ былъ въ такомъ возбужденіи, что я едва поспѣвалъ за его шагами. Всю дорогу онъ повторялъ:

— Мы еще будемъ бороться! Еще не рѣшено, за кѣмъ побѣда.

Однако, едва придя въ домъ Коликарія, Симмахъ вдругъ сразу палъ духомъ. Оптатъ и Пробинъ ожидали нашего возвращенія, чтобы разспросить насъ о послѣдствіяхъ нашей попытки. Симмахъ, съ видомъ человѣка совершенно изнеможеннаго, бросился на ложе и, передавъ вкратцѣ отвѣтъ Амвросія, воскликнулъ съ безнадежностью:

— Наше дѣло проиграно. Никакой надежды нѣтъ. Намъ осталось одно—немедленно возвратиться въ Городъ.

Оптатъ, Пробинъ, и я вмѣстѣ съ ними, стали убѣждать Симмаха не терять мужества и продолжать борьбу, но намъ пришлось долго трудиться, пока онъ началъ уступать нашимъ доводамъ.

Валерій Брюсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

На ярмаркѣ.

По проволокѣ зыбкой
Идетъ мой бѣлый братъ.
Смычокъ владѣетъ скрипкой,
Быть на землѣ я радъ.

Такъ жутко, что прекрасный
Проходитъ въ высотѣ.
Владѣя скрипкой страстной,
Веду скольженья тѣ.

Мелькаетъ блескъ алмазный
Подвижнаго кольца.
Владѣя сказкой связной,
Играю безъ конца.

И если на землѣ я,
А братъ мой въ вышинѣ,—
Такъ это скрипка, млѣя,
Двоимъ поетъ во снѣ.

И если на землѣ я,
А братъ мой вышній духъ,—
Такъ это сердце, рдѣя,
Ему диктуетъ вслухъ.

Скрестивъ кривыя ноги,
Стремлю напѣвный звонъ.
Въ воздушные чертоги
Уводитъ взоры онъ.

Я выгнулся волною,
Спиною горбуна.
О, братъ, иди за мною,
О, братъ, нѣжна струна!

То вправо тѣнь, то влѣво,
То слѣва вправо свѣтъ.
Повѣрь въ слова напѣва,
Желаннѣй счастья нѣтъ.

Одно намъ было дѣтство,
Различность сновъ потомъ.
Раздѣльное наслѣдство
Въ единый сонъ сведемъ.

То влѣво свѣтъ, то вправо,
То справа влѣво тѣнь.
Насъ ждетъ во вѣки слава,
Собой меня одѣнь.

Вотъ самый звукъ блестящій,
Мой братъ, любимый братъ!
Пляшите, ноги, чаще,
Быть на землѣ я радъ.

Онъ завершилъ взнесенье,
Исчерпалъ пляску силъ.
И взлетъ внеся въ паденье,
Убился и убилъ.

К. Бальмонтъ.

ПОМѢЩИКЪ ГАЛДИНЪ.

Повѣсть.

I.

Григорій Петровичъ Галдинъ, говорятъ, будучи гусаромъ, считался не только отличнымъ, но и отчаяннымъ наѣздникомъ и стрѣлкомъ. О его стрѣльбѣ въ цѣль разсказывали нѣчто невѣроятное: будто онъ, будучи пьянъ до того, что едва стоялъ на ногахъ, безъ промаха попадалъ въ часы, которые держалъ передъ нимъ его денщикъ на довольно большомъ разстояніи. Никто изъ зрителей при этомъ не видѣлъ, чтобы у денщика хоть разъ дрогнула рука: такъ онъ былъ увѣренъ въ искусствѣ своего барина. Говорили еще, что Григорій Петровичъ остріемъ кинжала пробивалъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ сразу, а шашкою сносилъ головы тремъ баранамъ, поставленнымъ рядомъ.

Кромѣ того, любилъ онъ будто бы выкидывать разныя шалости и проказы. Но пуще всего занимали его лошади и собаки—верховая ѣзда была его страстью, а охота—главнымъ удовольствіемъ. Изъ-за лошади же, поспоривъ съ товарищемъ, Галдинъ дрался на дуэли и долженъ былъ за то оставить полкъ въ чинѣ ротмистра и пріѣхать къ намъ въ уѣздъ Витебской губерніи, гдѣ по завѣщанію матери своей онъ съ братомъ Виссаріономъ—тоже офицеромъ—получилъ въ наслѣдство имѣніе Прилучье.

Виссаріонъ предоставилъ ему всецѣло распоряжаться хозяйствомъ, такъ какъ самъ не могъ отлучиться въ деревню, занятый службой своей, по которой подвигался очень успѣшно.

Григорій Петровичъ пріѣхалъ въ началѣ мая, ни съ кѣмъ изъ сосѣдей не познакомился, зажилъ совершенно одинъ и продолжалъ увлекаться охотою, выѣздкою лошадей и стрѣльбою въ цѣль. Былого молодечества въ немъ уже не замѣчалось, но сердцемъ онъ остался такъ же простъ и прямъ, такъ же радовался молодою радостью, любилъ жизнь и принималъ ее не задумываясь.

Ему тогда минуло, кажется, тридцать два года. Онъ смотрѣлъ молодцомъ—крѣпкимъ, стройнымъ, съ карими живыми глазами и темными усами—настоящимъ красавцемъ.

Усадьба Галдиныхъ стояла высоко на крутомъ берегу западной Двины, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка поворачивала къ сѣверу, образуя прихотливую луку. Изъ оконъ барскаго дома видно было далеко впередъ—низменный лѣвый берегъ, сѣрое селеніе, а дальше въ туманѣ кресты костела и церкви мѣстечка Черчичи.

Молодой фруктовый садъ и старыя липы обняли со всѣхъ сторонъ веселый двухъэтажный господскій домъ и немногочисленныя дворовыя постройки—все было крѣпкое, хорошо прилаженное, чистое.

Марья Платоновна Галдина—покойная матушка молодого владѣльца—не даромъ прожила здѣсь десять лѣтъ,—сама перестроила домъ, завела питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, взрастила племенныхъ коровъ. Григорію Петровичу оставалось только поддерживать то, что ему досталось, и этого было бы вполнѣ достаточно для жизни.

Но у молодого хозяина была страсть къ собакамъ, и эти собаки много ему стоили. Двѣнадцать польскихъ гончихъ держалъ онъ у себя на псарнѣ и пару ирландцевъ въ комнатахъ. Цѣлыми днями онъ возился съ ними. Иногда онъ поднималъ такой шумъ, что за версту можно было услышать, и тогда иному робкому могло показаться, что кого-то рвутъ на части озлившіеся псы.

Всѣмъ своимъ псамъ Григорій Петровичъ далъ прозвища въ честь разныхъ полководцевъ и куртизанокъ. Здѣсь были и Помпадуръ, и Суворовъ, и Тамерланъ, и Валевская, и Цезарь, и какая-то Занька. Легавые носили короткія и выразительныя имена—Штыкъ и Пуля.

Кромѣ того, у Григорія Петровича стояли въ конюшнѣ великолѣпный гунтеръ подъ верхъ, тонконогій, сухой, весь огонь—красавецъ Джэкъ и пара вороныхъ орловскихъ.

Кормилъ Григорія Петровича поваръ Никита Трофимычъ—изъ денщиковъ. Готовилъ онъ на славу, всею душою былъ привязанъ къ барину, но часто запивалъ и во хмелю никого къ себѣ не подпускалъ близко.

Еще когда была жива Марья Платоновна и къ ней въ отпускъ пріѣзжалъ Григорій Петровичъ, между панычемъ и поваромъ установилось тѣсное согласіе. Дѣло въ томъ, что Галдина-мать терпѣть не могла, когда за столомъ пили водку, а молодому кор-

нету безъ водки весь обѣдъ казался прѣснымъ. Изъ-за этого у нихъ происходили недоразумѣнія. Однажды, передъ обѣдомъ, проходя по двору мимо оконъ кухни, увидѣлъ Григорій Петровичъ повара, дѣлающаго ему какіе-то таинственные знаки.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ изумленный корнетъ, подходя къ окну.

— А идите-ка сюда, ваше благородіе,—значительно и шопотомъ отвѣчалъ Никита Трофимычъ:—не угодно ли отвѣдать...

Войдя въ кухню, увидѣлъ Галдинъ накрытый бѣлою салфеткою уголокъ кухоннаго стола, а на этой салфеткѣ шкаликъ водки и тарелочки съ закускою.

— Что это тебѣ въ голову такое пришло?—спросилъ корнетъ, все еще недоумѣвая.

— Да что же, помилуйте,—оживился поваръ:—развѣ такъ можно? Нашему брату передъ обѣдомъ не выпить и обѣдъ не въ обѣдъ покажется, а бабы—извѣстное дѣло, вы ужъ извините—ничего въ этомъ не смыслятъ... и моя вѣдь скандалы мнѣ устраиваетъ... вотъ я значитъ...

Поваръ замялся, а Григорій Петровичъ сразу же понялъ выгоду такого образа дѣйствій и не мѣшкая приступилъ какъ къ водкѣ, такъ и къ закускѣ. Чтобы не обидѣть старика и оживить трапезу, онъ предложилъ и ему выпить вмѣстѣ. Трудно сказать, отъ таинственности ли и необычности обстановки, или дѣйствительно все было лучше приготовлено, чѣмъ обыкновенно, но водка показалась Галдину такою холодною, а закуски такими вкусными, что ужъ на слѣдующій день онъ самъ пришелъ къ Никитѣ Трофимычу и посѣщалъ его послѣ того каждый разъ въ предобѣденные часы. Марья Платоновна могла только удивляться перемѣнѣ въ нравѣ своего бѣдоваго сынка.

Когда же Григорій Петровичъ пріѣхалъ къ себѣ, какъ неограниченный владѣлецъ, онъ, по старой памяти, продолжалъ закусывать въ кухнѣ у своего пріятеля—это вошло у него въ привычку.

Несмотря на то, что родился Григорій Петровичъ въ деревнѣ своего отца и жилъ тамъ до самаго поступленія въ корпусъ, несмотря на то, что и послѣ онъ частенько навѣдывался туда, а потомъ и къ матери своей—въ теперешнее свое имѣніе, но о хозяйствѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и развѣ только съ трудомъ могъ отличить рожь отъ ячменя. Поэтому, какъ только ему пришлось вступить во владѣніе, онъ сейчасъ же позаботился о пріисканіи арендатора. Арендаторъ нашелся быстро—это былъ мѣщанинъ мѣстечка Черчичи—Мендель Гольдвейнъ. Соб-

ственно, его даже и не искалъ Галдинъ, а онъ самъ пришелъ предложить свои услуги.

— Пфе-пфе—какой молодой помѣщикъ,— сказалъ Мендель сейчасъ же послѣ привѣтствія:—куда вамъ заниматься хозяйствомъ! Вотъ у васъ есть и коровки, а я могу взять пактъ и дать хорошія деньги...

Галдинъ сначала отказывался, но другіе арендаторы-мужики предлагали за землю такъ мало и такія у всѣхъ у нихъ были угрюмыя хитрыя лица, что волей-неволей молодой помѣщикъ остановился на Менделѣ.

А Мендель, напротивъ, всегда былъ веселъ, разговорчивъ и дѣйствительно далъ хорошую цѣну.

Онъ былъ маленькій, худой, всегда ходилъ въ длинномъ сюртукѣ и черной шелковой шапкѣ и привѣтливо улыбался, когда разговаривалъ съ бариномъ. Вскорѣ онъ сталъ своимъ человѣкомъ, и Галдинъ вечерами подолгу бесѣдовалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ.

II.

Второй мѣсяцъ жилъ Григорій Петровичъ у себя въ Прилучьѣ, а еще никуда не собрался поѣхать—ни по сосѣдямъ, ни въ Черчичи. И не потому, чтобы онъ чурался новыхъ людей, или же почиталъ сосѣдей ниже себя, а просто все какъ-то некогда было. Дѣла какъ будто бы и не было, а день проскакивалъ такъ же незамѣтно и быстро, какъ спѣлая вишня во рту лакомки. Вставалъ онъ довольно рано и въ одномъ бѣльѣ бѣжалъ на рѣку купаться; туда же приводилъ кучеръ Антонъ Джэка, и баринъ, голый, садился на лошадь и переплывалъ рѣку, за нимъ слѣдовали, радостно повизгивая, Штыкъ и Пуля.

— Вишь ты,—говорилъ Антонъ, садясь на берегу на корточки и поливая себѣ водою изъ жмени голову—вода-то нонече какая теплая, точно грѣта...

Онъ никогда не купался, боясь почему-то „лихоманки“ и „чесотки“, хотя парень былъ хоть куда—косая сажень въ плечахъ и силищи удивительной. Онъ гордился очень своими волосами, которые у него, точно, были прелестны—густые, волнистые, какъ огонь золотые. Онъ ихъ подстригалъ въ кружокъ и большую часть дня расчесывалъ „аглицкимъ“ гребнемъ, сидя передъ обломкомъ зеркала. Не менѣе своего барина любилъ онъ Джэка и часто разговаривалъ съ нимъ, какъ съ близкимъ.

— Вѣдь ёнъ, конь-то, все понимаетъ: глазищами такъ и ѣстъ.

Ночью, если кто ходитъ вокругъ, сейчасъ чуетъ и меня будитъ. Вамъ бы, мужичье, у яго учиться!...

Послѣ купанья Григорій Петровичъ пилъ чай на крылечкѣ, потомъ обходилъ собакъ своихъ и ѣхалъ верхомъ въ лѣсъ. Тамъ онъ стрѣлялъ въ цѣль, носился во весь духъ между деревьями или, лежа въ сѣдлѣ, смотрѣлъ въ небо.

Убирала комнаты, прислуживала къ столу и заботилась о хозяйствѣ черноглазая Елена.

Она была какая-то особенная—эта Елена. Ходила неслышно и быстро, появлялась внезапно—всегда съ испуганными глазами и блѣднымъ спокойнымъ лицомъ, какъ у маски. Она прижила въ дѣвушкахъ сына Бернаську—это было и ея мученіе и ея блаженство. Она баловала его ужасно, а порою ненавидѣла его до бѣшенства. То надоѣдала ему своими ласками, то била его нещадно и ругала такъ, что вчужѣ становилось страшно. Мальчишка росъ прохвостомъ и ни въ грошъ не ставилъ своей матери. Только Галдина онъ и боялся.

Послѣ обѣда приносили почту изъ мѣстечка, гдѣ было почтовое отдѣленіе. Григорій Петровичъ выписывалъ „Петербургскую Газету“, но почти не читалъ ея. Онъ пряталъ номера, которые замѣняли ему пыжи для забивки патроновъ. Товарищи по полку съ нимъ не переписывались, не по нелюбви, а по лѣни, а братъ Виссаріонъ аккуратно писалъ два раза въ мѣсяцъ. Григорій Петровичъ всегда удивлялся аккуратности и спокойствію своего брата, посмѣивался надъ нимъ, но всетаки питалъ къ нему нѣжныя чувства и, въ свою очередь, старался быть точнымъ въ высылкѣ денегъ и сообщеній по хозяйству.

Въ ясную погоду Галдинъ любилъ встрѣчать ночь, сидя на верхушкѣ маленькой башенки, что высилась надъ крышей его дома. Тамъ была площадка въ два аршина ширины и столько же длины; вокругъ шли рѣзныя перильца,—тамъ-то, сидя прямо на полу, Григорій Петровичъ курилъ трубку и наслаждался вечерней прохладой.

Медленно возвращалось домой усталое стадо, позванивая бубенцами; забѣгая въ стороны, суетились и лаяли овчарки; увѣренно щелкалъ длиннымъ бичомъ старикъ-пастухъ. Потомъ, звеня ведрами, шли въ абору дѣвки, а слѣдомъ за ними семенилъ Мендель.

— Добрый вечеръ, Мендель,—кричалъ ему сверху хозяинъ. Арендаторъ останавливался, снималъ свой шелковый картузъ и, низко кланяясь, отвѣчалъ:

— Добрый вечеръ, панъ... Слава Богу, день прожили.

И спѣшилъ къ своимъ коровамъ.

Потомъ въ „семейной“ избѣ и въ дѣвичьей зажигался красный огонекъ, поднимался густой запахъ теплаго молока и дыма, пріятно щекоча ноздри; покряхтывая, выходилъ на крылечко Никита Трофимычъ и долго говорилъ что-то съ самимъ собою, качая сѣдой головой. Иногда пофыркивали, топоча въ стойлѣ, отдыхающіе кони и взвизгивала во снѣ собака. Теперь каждое слово, каждый стукъ становился звонкимъ и чистымъ... Все отдыхало. Лѣвый берегъ Двины затягивался бѣлой дымкой и, казалось, всплывалъ выше. Сглаживались морщины на поверхности рѣки и въ ея ясномъ зеркалѣ догоралъ послѣдній лучъ зари. Скрипѣли плоты, черными змѣями проплывая мимо.

Вотъ, вытянувшись на одной ногѣ и закинувъ на спину тонкую шею, забилъ деревянной дробью аистъ... Косякъ утокъ пронесся надъ усадьбой и завернулъ къ лѣсу на казенныя болота. Григорій Петровичъ вынулъ трубку и съ трепетомъ охотника слѣдилъ за улетающими птицами.

— Одна, двѣ, три...,—считалъ онъ:—восемнадцать, девятнадцать... Завтра нужно будетъ навѣдаться къ Литовскому... скоро 29-е...

Григорій Петровичъ самъ удивлялся своему спокойствію. Онъ радъ былъ отдыху, радъ былъ волѣ, радъ былъ своему здоровью, своей близости къ землѣ... Онъ никого не любилъ, ему не встрѣчалось женщины, которая приковала бы его вниманіе. Жизнь пріучила его пользоваться доступнымъ и легко забывать достигнутое. Онъ относился къ женщинамъ пренебрежительно, какъ къ существамъ низшимъ, да, по правдѣ говоря, онѣ большаго не стоили—тѣ изъ нихъ, съ которыми его сталкивала судьба.

Лучшее воспоминаніе оставила ему Аделаида Григорьевна—жена его полкового командира. Она была гораздо моложе своего мужа, искренно почитала его и заботилась о немъ, но не считала за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Всѣхъ юныхъ корнетовъ дѣлала она своими любовниками и называла ихъ „сосунками“; по-матерински заботилась о нихъ и пріискивала имъ подходящихъ невѣстъ, гордо нося имя „полковой мамаши“.

Когда-то мелькнулъ передъ молодымъ юнкеромъ нѣжный образъ тоненькой дѣвушки на балу въ институтѣ. Онъ мало говорилъ съ нею, увлеченный танцами, но долго послѣ помнилъ ея милое личико и ея имя—такое длинное и пышное для ея лѣтъ—графиня Анастасія Юрьевна Донская. Послѣ видалъ онъ ее два раза у матери своей на пріемѣ и только издали, и чопорно раскланивался съ нею, ведя скучный разговоръ на фран-

цузскомъ языкѣ съ ея братомъ-лицеистомъ. Потомъ узналъ онъ, что вышла она замужъ за сосѣда его Клябина, что сама старуха Галдина, покровительствовавшая молодой графинѣ, благословила ее на этотъ бракъ. Пріѣзжая въ отпускъ въ Прилучье, думалъ Григорій Петровичъ сдѣлать визитъ сосѣдкѣ, но за недосугомъ такъ и не исполнилъ своего желанія. Теперь онъ не разъ вспоминалъ о ней, сидя у себя на башнѣ. Онъ представлялъ себѣ, какой у нея видъ, что будетъ говорить онъ ей, и пытался вызвать въ своей душѣ грустныя мысли объ утраченномъ счастьѣ, но это плохо давалось ему. Вообще грусть была не по немъ, и мечты его какъ-то всегда обрывались на чемъ-нибудь близкомъ, простомъ и легко исполнимомъ.

Григорій Петровичъ даже нарочно удерживалъ себя и не ѣхалъ къ Клябинымъ, смакуя предстоящее удовольствіе встрѣчи. Но все же это не мѣшало ему еще чаще вспоминать приглянувшуюся ему дѣвку Кастуську, а вспоминая ее, онъ вовсе не хотѣлъ выжидать. Вотъ по выѣздной дорогѣ трухтитъ кто-то. Запахло лошадьми.

— Это ты, Петруха?

— А то кто-жъ?

— Въ ночное?

— Вѣстимо,—отвѣчаетъ весело хриповатый голосъ.

Галдинъ даже привсталъ отъ избытка радости.

— Меня къ себѣ ждите,—крикнулъ онъ, какъ могъ громче, и сейчасъ же увидѣлъ передъ собою круглое лицо Кастуськи и золотые угли догорающаго костра.

— Ладна-а...—донеслось ему въ отвѣтъ.

На синемъ небѣ засуетились звѣзды. Точно ровный медленный звонъ пронесся подъ высокимъ сводомъ и замеръ.

Это вечерній звонъ, слышимый только тѣмъ, кто одиноко выходитъ въ поле сторожить ночь.

Хлопнула дверь. Кто-то остановился тутъ внизу, подъ крышей.

— Баринъ, чай пить пожалуйте,—зоветъ печальнымъ своимъ голосомъ Елена.

III.

Орелъ и Османъ нетерпѣливо били копытами и пофыркивали, а Антонъ въ красной шелковой рубахѣ и синей безрукавкѣ молодцевато сидѣлъ на козлахъ и ободрительно покрикивалъ:

— Но-но, не бал-луй! ишь, лѣшай...

Овода и мухи сильно безпокоили лошадей. Солнце уже пригрѣвало порядочно—шелъ десятый часъ воскреснаго утра.

Григорій Петровичъ, наконецъ, рѣшилъ проѣхаться въ Черничи, побывать въ церкви и, можетъ быть, заѣхать къ Клябинымъ. Онъ надѣлъ ослѣпительно бѣлый китель, новые лакированные сапоги и голубые рейтузы (ему не хотѣлось разставаться съ формой). Накинувъ сѣрый плащъ, онъ сѣлъ въ коляску и крикнулъ:

— Пашелъ!

Пара вороныхъ рванула и быстро понесла по накатанной дорогѣ.

Сначала коляска ѣхала подъ гору, по въѣздной Прилукской дорогѣ, окаймленной молодыми кленами, потомъ она свернула влѣво на Екатерининскій большакъ. Здѣсь было просторнѣй. Корявыя березы не часто мелькали вдоль дороги, раскинувъ свои зеленыя вершины, на которыхъ отдыхали стаи крикливыхъ скворцовъ. По обѣ стороны волнистыми холмами шли поля, кое-гдѣ прегражденныя низкорослой порослью олешника и прорѣзанныя заплывшими густозелеными канавами. Небо было ясно и воздухъ палилъ зноемъ.

По проселочнымъ дорогамъ, вливающимся въ Екатерининскій большакъ, малыми и большими толпами шли и ѣхали крестьяне. Завидѣвъ Галдина, мужики снимали шапки, а бабы кивали головой.

До Черничъ насчитывалось шесть верстъ—путь былъ не дологъ.

Проѣзжая деревню Рѣпинщину, Галдинъ приподнялся и бросилъ отворявшимъ ворота босоногимъ, бѣлоголовымъ ребятишкамъ горсть мѣдной монеты. Дѣтвора съ крикомъ кинулась наземь. Озвѣрѣвъ, каждый вырывалъ другъ у друга деньги. Григорій Петровичъ, улыбаясь, оглядывался на нихъ.

— Ишь, поросята...

— Здѣсь народъ нудной,—подхватилъ Антонъ, не оборачиваясь:—чисто некудышный народъ... Мужикъ хворый, щуплый, а бабы... тьфу... на рѣпу похожи...

Самъ онъ былъ изъ Виленской губерніи—городской.

Григорій Петровичъ засмѣялся.

Немного погодя Григорій Петровичъ увидалъ, что впереди, свернувъ съ проселка, ѣдетъ желтая линейка, запряженная цугомъ четырьмя безхвостыми, песочнаго цвѣта лошадьми. На козлахъ сидѣлъ длинный и худой кучеръ въ парусиновомъ халатѣ съ мѣдными пуговицами у хлыстика. Онъ помахивалъ на ку-

цыхъ своихъ лошадей длиннымъ англійскимъ бичомъ. На переднемъ мѣстѣ, такъ что Галдину видны были только затылки ихъ, сидѣли господинъ въ бѣлой шляпѣ и дама въ чесучевомъ сакѣ и синемъ беретѣ. Противъ нихъ Григорій Петровичъ замѣтилъ два молодыхъ дѣвичьихъ лица, и они-то болѣе всего привлекли его вниманіе. Трудно было рѣшить навѣрное, но одно изъ этихъ сіяющихъ молодостью личиковъ показалось Галдину очаровательнымъ.

Рядомъ съ коляскою, то отставая, то уносясь впередъ, ѣхали три всадника тоже на куцыхъ поджарыхъ лошадяхъ—два кавалера и одна дама. Кавалеры были молоды и худы, какъ ихъ лошади—одинъ въ кадетской рубахѣ, другой въ гимназической фуражкѣ, и оба сидѣли сгорбившись и нелѣпо подпрыгивая въ сѣдлѣ. Дама ихъ держалась прямо и свободно.

Странно, у Григорія Петровича дрогнуло сердце. Ему показалось, что лицо сидящей въ линейкѣ дѣвушки онъ гдѣ-то видѣлъ раньше.

„Что за ересь,—подумалъ онъ:—не можетъ этого быть“. Но всетаки спросилъ:

— Кто это такіе?

А уже спросивъ, ясно понялъ, какъ нелѣпо было его предположеніе. Стало даже смѣшно, что въ лицѣ этой юной дѣвушки онъ увидѣлъ другое лицо—лицо Анастасіи Юрьевны.

— А это панъ Лабинскій съ семействомъ,—охотно отвѣтилъ кучеръ:—изъ Новозерья... большое имѣніе, да и баринъ богатый... Онъ-то вдовецъ самъ, да при немъ евоная сестра незамужняя живетъ и дочери три... Тѣ вотъ два лайдака—пріѣзжіе панычи, учатся еще...

— А далеко ихъ имѣніе?

— Да не очень далече... верстъ поди восемь отъ насъ будетъ... Туточка, вотъ, и земля ихъ начинается...

Антонъ показалъ кнутовищемъ налѣво, на яровое поле.

— И хорошее, говоришь, хозяйство у нихъ?—допытывался Галдинъ, все еще будучи подъ впечатлѣніемъ молодого дѣвичьяго лица.

— Да ужъ вѣстимо хорошее. Потому поляки—они это дѣло хорошо понимаютъ. Не ѣдятъ, не спятъ, деньги копятъ, сами всюду доходятъ. И одѣваются просто, въ дешевое все. Панъ-то, вишь, самъ захворалъ что-то—въ чужіе края ѣздилъ, только недѣлю какъ вернулся; такъ ейная сестра, не повѣрите, по-мужицки въ сапогахъ верхомъ ѣздила по полямъ. Въ абору чуть свѣтъ ходитъ, зерна на продажу съ дѣвками отбираетъ. Только у нихъ

служить не ладно — сами картошку жрутъ и людямъ ничего окромя этого не даютъ. Съ голоду подохнешь. А хозяйство, вѣрно, хорошее...

— Барышни-то учатся еще?—перебилъ его баринъ.

— Кажись, что нѣтъ,—отвѣчалъ кучеръ, заботливо отмахивая кнутомъ докучливыхъ оводовъ:—допрежъ они на зиму въ городъ ѣздили, а теперь все тутъ живутъ.

Онъ помолчалъ немного и добавилъ:

— Чего имъ учиться—невѣсты богатыя, живо повыходятъ. На Святую у нихъ нонечи что шуму-то было, что шуму! Не приведи Богъ. Гостей полонъ домъ понаѣхало. И офицера и такъ штатскіе—откуда взялось. Танцовали, танцовали,—нашъ земскій, брешутъ, каблукъ себѣ отбилъ, барышнѣ какой-то въ лобъ заѣхалъ! Потѣха!...

Антонъ ударилъ шалившаго Орла по гладкому крупу и прикрикнулъ:

— Вишь, москаль!

Уже дорога свернула къ рѣкѣ и коляска мчалась мимо густо заросшей усадьбы. По другую сторону раскинулось небольшое кладбище съ деревянной киркой посрединѣ.

Галдинъ смутно помнилъ эти мѣста. Пріѣзжая на короткое время къ матери, еще будучи корнетомъ, онъ всего разъ былъ тутъ и никого изъ сосѣдей не зналъ.

— А это Клябина усадьба, что ли?—спросилъ онъ.

— Какъ же-съ, господина фонъ-Клабэна-съ!—торопливо отвѣтилъ Антонъ, занятый лошадьми и дорогой, которая круто спускалась внизъ.—Тоже важнѣющій помѣщикъ.

Григорій Петровичъ не разслышалъ его послѣднихъ словъ, такъ какъ коляска съ трескомъ, подпрыгивая, въѣхала на готовый уже отплыть паромъ.

IV.

На паромѣ коляска Галдина оказалась рядомъ съ линейкой пана Лабинскаго. Антонъ слѣзъ съ козелъ и держалъ за уздечку Османа, злобно косившагося на песочную кобылу новозерскаго владѣльца. Весь паромъ былъ наполненъ тѣсно прижавшимися другъ къ другу телѣгами и бричками. Не было ни одного живого мѣста. Люди стояли и сидѣли плотной стѣной. Было нестерпимо душно, несмотря на рѣчную прохладу; голову дурманилъ крѣпкій запахъ дегтя, овчины и махорки. Бабы въ цвѣтныхъ платочкахъ на головахъ и теплыхъ платкахъ на плечахъ укачивали или

кормили грудью оравшихъ младенцевъ; мужики разговаривали степенно, помогая подтягивать плотъ стальнымъ канатомъ.

— Ну, ну, давай, давай,—покрикивалъ на нихъ паромщикъ Руманъ, плотный еврей съ загорѣлымъ, обвѣтреннымъ лицомъ.

— Почемъ лошадь продаешь?—хлопалъ онъ по крупу какой-нибудь заморенной лошаденки, и лошадь разставляла ноги и присѣдала отъ его удара.

— Тридцать злотыхъ дашь и добре будетъ,—морща въ улыбку маленькое лицо свое, отвѣчалъ спрошенный.

— За кошку-то?—смѣялся Руманъ, и всѣ смѣялись вслѣдъ за нимъ.

Григорію Петровичу и хотѣлось смотрѣть на барышень Лабинскихъ, и неловко было,—слишкомъ ужъ близко онѣ сидѣли.

Панъ Лабинскій оказался красивымъ мужчиной съ тонкимъ благороднымъ лицомъ, которому очень шелъ загаръ и бѣлые длинные усы. Сестра его, напротивъ, не понравилась Галдину. Она была маленькая, сухонькая, съ остренькимъ носикомъ, злыми сѣрыми глазками и плотно поджатыми въ неизмѣнно презрительной гримасѣ губами.

„Заноза,—подумалъ про себя Григорій Петровичъ,—ишь какая ехидная физіономія“...

Кадетъ и гимназистъ слѣзли съ сѣделъ и разговаривали съ дѣвицами по-польски. Амазонка оставалась на своей лошади. Она казалась еще совсѣмъ дѣвочкой, да ей, должно быть, и не было болѣе шестнадцати лѣтъ. У нея было худенькое задумчивое личико съ большими сѣрыми, какъ у отца, глазами и тонкимъ съ горбинкой носикомъ. Поймавъ на себѣ взглядъ Григорія Петровича, она мгновенно залилась вся яркимъ румянцемъ и въ смущеніи наклонилась надъ шеей лошади.

Тѣ, что сидѣли въ коляскѣ, очевидно, были однолѣтками. Одна широкая, крѣпкая съ хорошо развившеюся грудью, съ открытымъ здоровымъ лицомъ и цѣлой копной золотыхъ волосъ; другая поменьше, изящнѣе, съ лицомъ продолговатымъ и строгимъ, съ глазами карими и большими, какъ два глубокихъ озера. Она-то болѣе всего и понравилась Галдину.

Онъ не могъ понять того, что они говорили, и очень досадовалъ на это. Вообще ему было непріятно, что барышни оказались польками. Онъ почему-то недолюбливалъ поляковъ. Кавалеры часто поглядывали въ сторону галдинской коляски—кадетъ нѣсколько робко изъ почтенія къ офицерскимъ погонамъ, гимназистъ довольно нагло. Это былъ высокій субъектъ съ длинными руками и ногами, съ подслѣповатыми глазками и нездоровымъ

цвѣтомъ лица. Онъ имѣлъ видъ не въ мѣру пожившаго человѣка; у кадета, напротивъ, лицо непрестанно улыбалось наивной дѣтской улыбкой. Панъ Лабинскій и сестра его сидѣли все время молча.

Паромъ медленно подплывалъ къ противоположному берегу, гдѣ на кручѣ, подпертой бревенчатыми сваями и плетнемъ изъ лозы, возвышался бѣлый каменный костелъ, а рядомъ низкій деревянный домикъ пана пробощa. Въѣздъ на гору, уложенный камнями, все же былъ довольно крутъ.

Уже у сходней ждало нѣсколько подводъ, возвращавшихся обратно, и благодаря имъ произошла суматоха, когда пришлось съѣзжать съ парома. Османъ и Орелъ рванули первыми, зацѣпивъ колесами своей коляски колеса линейки пана Лабинскаго. Барышни вскрикнули, готовыя выскочить въ воду, кучера начали ругаться, а Григорій Петровичъ, красный и сконфуженный, почему-то схватилъ Антона за шиворотъ и сталъ трясти его.

Но все обошлось вполнѣ благополучно, и коляска, красиво завернувъ на подъемѣ, помчалась по главной улицѣ мѣстечка, а линейка остановилась у костела, гдѣ ее сейчасъ же окружила празднично разодѣтая толпа богомольцевъ.

Церковь возвышалась на другомъ краю мѣстечка, поэтому Галдину пришлось проѣхать до самаго конца главную улицу, останавливая на себѣ вниманіе всѣхъ мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ. На него смотрѣли съ изумленіемъ и любопытствомъ, кланялись и провожали глазами, громко дѣлая свои замѣчанія относительно самого барина, его лошадей и упряжки. Можно было подумать, что это самое занимательное развлеченіе сегодняшняго дня.

У ограды церкви къ Галдину подошелъ какой-то пьяненькій мужичонка и, держась обѣими руками за крыло экипажа, въ упоръ уставился на офицера.

— А я тебя знаю,—сказалъ онъ и покачнулся:—ты прилукскій баринъ... какъ же—я знаю... тамъ мнѣ съ тебя слѣдываетъ два цѣлковыхъ, я у матки твоей дрова пилилъ... какъ же, я помню...

Григорій Петровичъ махнулъ на него рукой и поспѣшилъ скрыться въ дверяхъ храма. У него вовсе не было молитвеннаго настроенія, когда онъ входилъ туда, но ему казалось необходимымъ побывать въ церкви, какъ мѣстному помѣщику и прихожанину, и этимъ оказать уваженіе священнику—духовному пастырю и представителю православія въ этомъ бѣдномъ, Богомъ обиженномъ краѣ. И хотя поповъ и вообще духовенство онъ при-

выкъ презирать, еще будучи въ корпусѣ, но почему-то ему казалось нужнымъ своимъ примѣромъ поддерживать это уваженіе къ духовной власти у крестьянъ. Онъ не то, чтобы былъ убѣжденъ въ этомъ, но просто откуда-то зналъ, что такъ должно. Кромѣ того, онъ надѣялся встрѣтиться въ церкви съ Анастасіей Юрьевной.

V.

Служба началась уже давно и храмъ былъ полонъ молящимися. По правую руку отъ входа стояли мужики, по лѣвую— бабы. Бабъ было гораздо больше мужиковъ, и здѣсь, какъ и на паромѣ, многія держали на рукахъ ребятъ, которые часто плакали. Какъ и на паромѣ, невыносимо было душно, пахло дегтемъ и овчиной и трудно было пробраться впередъ, несмотря на то, что офицеру всѣ старались дать дорогу. Наконецъ, съ большимъ трудомъ удалось Галдину взойти на лѣвый клиросъ, гдѣ обыкновенно стояла вся мѣстная аристократія; на правомъ помѣщался хоръ. Не будучи ни съ кѣмъ знакомъ, Григорій Петровичъ смущенно стоялъ въ углу у хоругви и началъ оглядываться, машинально и часто-часто крестясь. Но никто изъ присутствующихъ, къ крайней его досадѣ, не напоминалъ ему собою юную графиню.

Ближайшимъ его сосѣдомъ оказался небольшого роста полный господинъ съ румянымъ лицомъ и русыми бачками. Одѣтъ онъ былъ въ форму почтово-телеграфнаго чиновника и видъ имѣлъ весьма самодовольный. Онъ держалъ передъ собой форменную свою фуражку и непрестанно наклонялся къ уху рядомъ стоящей дѣвицы, говоря ей что-то забавное, такъ какъ она прикрывала жеманно ротъ платочкомъ и отвѣчала ему молящимъ шопотомъ:

— Ахъ, право, ахъ, оставьте, пожалуйста.

Дѣвица эта была въ розовомъ платьѣ съ кружевцами, въ кружевныхъ же митенкахъ и большой соломенной шляпѣ съ красными маками. Она была бы недурна собой, если бы не большой, до ушей, ротъ и большіе, хотя и бѣлые, клыкообразные зубы. Кромѣ того, будучи смуглой, она имѣла много растительности какъ на головѣ, такъ и на лицѣ. Голосъ у нея былъ рѣзкій и нѣсколько хриповатый, она никакъ не могла совладать съ нимъ, и поэтому шопотъ ея походилъ на громкій говоръ. По другую ея сторону, поглаживая рыжую бороду, стоялъ акцизный чиновникъ, неимовѣрно плотный и неимовѣрно высокій. Онъ все время упорно молчалъ, хотя незамѣтно было, чтобы онъ молился или о чемъ-либо думалъ.

Дальше, ни на минуту не успокаиваясь, какъ-то странно поводя бедрами и головой, стояла дама въ синемъ платьѣ. Лица ея Галдинъ не могъ видѣть, но по фигурѣ рѣшилъ, что она пожилая и некрасивая. Рядомъ съ нею, устало покачнувшись впередъ, но съ замѣтной еще военной выправкой, стоялъ господинъ въ тужуркѣ цвѣта хаки и высокихъ ботфортахъ.

Его, какъ видно, донимали съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ, кромѣ дамы въ синемъ, къ нему обращалась то и дѣло другая особа—совсѣмъ маленькая, совсѣмъ щуплая,—очевидно, его жена. Она пищала тоненькимъ обиженнымъ голоскомъ:

— Костька, побей Ваню, онъ въ носу ковыряетъ, слышишь, Костька!

И при этомъ пришепетывала.

Всѣ эти люди были заняты своими дѣлами, своими разговорами и пришли въ церковь, точно въ гости. Они чувствовали себя здѣсь вполнѣ свободно.

Вышелъ изъ алтаря священникъ. Онъ снялъ съ себя ризу, оставивъ только епитрахиль. Волосы у него не успѣли еще отрасти и торчали вверхъ, а глазки воровато бѣгали изъ стороны въ сторону. Онъ остановился передъ толпой и сталъ говорить проповѣдь. Говорилъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ что-то о Богѣ, о православіи, о еретикахъ и мялъ въ смущеніи свернутую трубочкой бумажку.

Галдинъ пытался вникнуть въ его рѣчь, но ничего не разобралъ. Тогда ему стало невыносимо скучно, онъ сразу почувствовалъ, что совершенно немыслимо стоять въ такой духотѣ, что публика, въ которую онъ попалъ,—хамы и ничтожество, а мужики—тупыя животныя, которымъ, что ни говори, все равно ничего не поймутъ, и ему захотѣлось поскорѣй на свѣжій воздухъ.

— Виноватъ,—сказалъ онъ, толкая въ плечо почтоваго чиновника и почти съ ненавистью глядя въ его благодушное пухлое лицо.

— Ахъ, пожалуйста,—весь просіявъ улыбкой, отвѣчалъ тотъ:—уходить изволите?...

— Да, знаете, душно,—сухо произнесъ Григорій Петровичъ, подвигаясь дальше.

— Это вѣрно, очень душно,—подхватилъ чиновникъ, двигаясь вслѣдъ за Галдинымъ.—А впрочемъ, позвольте представиться—здѣшній почтовый начальникъ... Какъ же, какъ же! давно прослышаны о вашемъ пріѣздѣ.

Григорій Петровичъ, раздосадованный, протянулъ руку и ждалъ, когда тотъ перестанетъ трясти ее въ своей пухлой ладони.

— Долгонько въ храмъ нашъ не заглядывали! гордость, можно сказать, наша... Я собственно хотѣлъ нанести визитъ, да все занятія, теперь у меня помощникъ боленъ, такъ самому все приходится...

„Чортъ же тебя возьми совсѣмъ“, думалъ въ это время Галдинъ, но сказалъ учтиво:

— Простите, мнѣ нужно ѣхать... очень радъ, что познакомился...

Почтмейстеръ, наконецъ, выпустилъ его руку, но, кажется, и не собирался отстать.

— Да мы сами сейчасъ уходимъ!—заговорилъ онъ снова:— не правда ли, господа? Вотъ, кстати, позвольте представить—Ѳома Ивановичъ Цивинскій—нашъ акцизный,—полякъ, но совсѣмъ порядочный человѣкъ и даже въ церковь къ намъ ходитъ.

Григорію Петровичу не оставалось ничего другого, какъ познакомиться и съ этимъ.

— Честь имѣю,—раскланялся акцизный и при этомъ сказалъ эти два слова такимъ пискливымъ голоскомъ, что Григорій Петровичъ чуть не разсмѣялся. Прямо невѣроятнымъ казалось это страшное сочетаніе пискливаго голоса съ внушительнымъ ростомъ говорившаго.

Чтобы не дать возможности собесѣдникамъ своимъ еще дольше задержать его, Галдинъ быстро спустился со ступенекъ клироса и сталъ пробиваться сквозь толпу. Почтмейстеръ оказался рядомъ. Плечами и грудью онъ помогалъ ему найти дорогу къ выходу.

Но вотъ брызнулъ въ глаза яркій снопъ живыхъ лучей стоящаго въ зенитѣ солнца, и Григорій Петровичъ вздохнулъ, наконецъ, полной грудью.

Лѣтній день раскинулся передъ нимъ во всемъ своемъ блескѣ.

VI.

— Вы не заѣдете ли къ господину фонъ-Клабэну?—спрашивалъ ротмистра почтмейстеръ, стоя передъ коляской и привѣтливо улыбаясь:—я самъ къ нимъ собираюсь.

Галдинъ и раньше подумывалъ объ этомъ, но былъ въ нерѣшительности.

— Да принимаютъ ли они?—возразилъ онъ,—всетаки въ первый разъ неудобно!

— Что вы, помилуйте, чего неудобно! Они очень рады будутъ вамъ, повѣрьте. Преобщительный господинъ, долженъ замѣтить, Карлъ Оттоновичъ, и супруга его премилая, хотя и больная...

— Больная?—насторожился Григорій Петровичъ и подвинулся немного, давая мѣсто уже влѣзавшему въ коляску почтмейстеру.

— Вы мнѣ разрѣшите?—спросилъ послѣдній, усѣвшись поудобнѣе рядомъ съ Галдинымъ.

— Ахъ, пожалуйста! такъ вы говорите—больная?—повторилъ свой вопросъ ротмистръ, все еще обезпокоенный и втайнѣ разочарованный,—трогай, Антонъ!

— Да не то что совсѣмъ больная,—заговорилъ словоохотливый почтмейстеръ, разводя своими пухлыми ручками и забавно подпрыгивая на упругомъ сидѣньи кативщагося по мостовой экипажа,—не то что больная. Но знаете, у дамъ этихъ вѣчные нервы и женскія всякія недомоганія. Собственно я объясняю это тѣмъ, что барынькѣ просто скучно здѣсь, въ деревнѣ. Мужъ ея—вы вотъ увидите—человѣкъ энергичный, занятой—вѣчно то съ мужиками возится, то на заводѣ—онъ вѣдь лѣсопильный заводъ поставилъ—стружки выдѣлываетъ... Да-съ... кромѣ того и общественныхъ дѣлъ много, онъ у насъ и гласный, и почетный мировой судья... Изволили обратить вниманіе—въѣздъ на паромъ и дорога мимо его усадьбы въ какомъ образцовомъ порядкѣ, а все онъ. До него у насъ почта два раза въ недѣлю только ходила по причинѣ скверной дороги, а весной такъ и совсѣмъ ничего нельзя было подѣлать. Онъ настоялъ на починкѣ мостовъ, на проведеніи канавъ. Паромъ, на которомъ вы изволили сюда переѣхать, тоже ему принадлежитъ, у него жидъ Руманъ въ аренду его снимаетъ—двѣ тысячи ему платитъ! движеніе у насъ большое—почтовый трактъ, узелъ, такъ сказать.

Почтмейстеръ остановился на время, чтобы перевести духъ и сейчасъ началъ снова.

Григорій Петровичъ посмотрѣлъ въ его маленькій круглый ротъ и подумалъ:

„Пулеметъ какой-то. Однако забавный типъ“.

Раздраженіе его уже оставило, и онъ ничего не имѣлъ противъ своего собесѣдника. Желаніе увидать Анастасію Юрьевну возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ Клябинымъ. Онъ уже никакъ себѣ не могъ ее представить. Образъ тоненькой дѣвочки стерся въ его памяти.

— Быть можетъ, вы замѣтили въ церкви,—говорилъ тѣмъ временемъ почтмейстеръ,—даму въ синемъ платьѣ, съ ней еще рядомъ нашъ земскій стоялъ. Такъ вотъ ее зовутъ Фелицатой Павловной Сорокиной—она теперь тутъ живетъ въ имѣніи своего братца адмирала Рылѣева и, можно сказать, хозяйничаетъ! Это мѣстечко—ихъ чиншевое владѣніе и паромъ у нихъ есть черезъ рѣчку Чер-

тянку и земли двѣ тысячи десятинъ и лѣсу, а толку отъ этого ни на грошъ. Она-то сама, вдовушка, наша Фелицата только гостей принимаетъ, съ кавалерами хихикаетъ. Романъ съ земскимъ завела. Курьезно! Посылаетъ ему какъ-то разъ пару вязаныхъ носковъ въ подарокъ. Примите, дескать, мой скромный презентъ и помните обо мнѣ. А онъ ей съ батракомъ назадъ эти чулки отослалъ, да на словахъ приказалъ передать: „Носки у меня, слава Богу, еще есть, а вы вотъ лучше отцу Никанору набрюшникъ свяжите“.

Почтмейстеръ захохоталъ горошкомъ. Коляска остановилась у припаромка. Галдинъ оглядывался, не увидитъ ли знакомую линейку пана Лабинскаго, но ея нигдѣ не было.

„Какая она прелесть!“ невольно подумалъ ротмистръ, вспомнивъ молодую пани.

— Мы съ вами давайте слѣземъ да на лодочкѣ махнемъ,— засуетился почтмейстеръ,—парома еще пока дождешься, а тутъ насъ живо доставятъ.

Галдинъ согласился, и они оба сѣли въ лодку.

Ражій дѣтина взмахнулъ веслами. Вскорѣ они были уже на серединѣ рѣки. Свѣжій вѣтеръ пріятно овѣвалъ запыленное лицо. Откуда-то съ луговъ тянуло едва примѣтнымъ запахомъ цвѣтущаго клевера.

— Да-съ,—опять затараторилъ почтмейстеръ,—у насъ тутъ всего и не перескажешь... Благословенныя палестины. Такъ вотъ, адмиралъ Рылѣевъ какъ пріѣдетъ сюда, сейчасъ порядокъ наводитъ. „Мои владѣнія“, кричитъ, „мой городъ!“ Это онъ Черчичи своимъ городомъ называетъ. „Что за безобразіе, почему удою за этотъ мѣсяцъ такъ мало? Фелицата!“ На всю усадьбу оретъ. Повоенному. Этого вонъ, того вонъ, разъ, два, три! Ходитъ по домамъ пятаки чиншевые собирать. Самъ съ хворостинкой бѣгаетъ за мѣстечковыми коровами. „Потрава, разбой, грабежъ!“ А потомъ опять въ Питеръ уѣзжаетъ... Конечно, уже привыкли всѣ къ его крику и въ усъ себѣ не дуютъ, все равно по-своему все сдѣлаютъ.

— Вы однако большой пессимистъ,—замѣтилъ, улыбаясь, Григорій Петровичъ. Ему просто было хорошо сейчасъ среди покойной рѣчи, подъ ласкающимъ дуновеніемъ вѣтра, и онъ удивлялся непонятному оживленію, съ которымъ разсказывалъ ему все это его собесѣдникъ.

— Помилуйте, какой пессимистъ, напротивъ! — воскликнулъ тотъ, привскакивая.—Я со всѣми, можно сказать, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ! Адмиралъ Рылѣевъ даже покровительство мнѣ оказалъ. Но все же, долженъ замѣтить, что не умѣютъ

наши русскіе хозяйничать—все бары большіе. Но это—въ сторону. Вы, конечно, замѣтили и Надежду Николаевну, нашу учительницу, ту, что въ шляпкѣ съ красными маками. Такъ, по правдѣ сказать, она мнѣ симпатична. Ничего бабецъ! А къ ней нашъ акцизный тоже неравнодушенъ. Дѣтина большой—поетъ кенаремъ и все чувствительные романсы. Однажды вздумалъ я покатать нашего педагога. А Ѳома возьми да и озлись на меня. „Хорошо,—я говорю,—мы съ Надеждой Николаевной покатались". „И вовсе мнѣ это не интересно знать,—отвѣчаетъ,—все Надежда Николаевна, да Надежда Николаевна... вы бы,—говоритъ,—лучше лошади своей хвостъ обрѣзали, а то виситъ, какъ мочало". Онъ думалъ меня этимъ поддѣть, да я не будь дуракъ и съ любезностью возражаю: „Я-то вотъ все о Надеждѣ Николаевнѣ говорю, а вы зачѣмъ же—про хвостъ!"

Почтмейстеръ опять залился раскатистымъ смѣхомъ.

— Прохвостъ!—повторилъ онъ,—ловко вѣдь?

Галдинъ засмѣялся вслѣдъ за нимъ.

Лодка причалила къ берегу. Поднявшись вверхъ по обрыву, они остановились у калитки клябинскаго сада.

— Ахъ да, простите,—спохватился вдругъ Григорій Петровичъ и дотронулся рукою до серебряной пуговицы на груди своего спутника,—мы вотъ все съ вами говоримъ, а имени вашего я такъ и не знаю!...

Почтмейстеръ торжественно раскланялся:

— Честь имѣю представиться: коллежскій регистраторъ, чуть-чуть не императоръ, Дмитрій Дмитричъ Погостовъ.

VII.

Фонъ-Клабэна когда-то звали просто Клябинъ, и у него вовсе не было такого презрительно-скучающаго выраженія лица, какъ теперь.

Онъ, безспорно, былъ красивѣе, тоньше и больше нравился женщинамъ въ то время, но такой самоувѣренности, благороднаго дородства за нимъ не водилось что-то. Говорятъ даже, будто бы, попавъ впервые на званый обѣдъ къ графинѣ Донской, онъ не зналъ, какъ управиться съ поданной ему спаржей; но все это было очень давно и больше смахивало на анекдотъ, чѣмъ на правду. Женившись на дочери графини Донской и пріѣхавъ въ уѣздъ, какъ хозяинъ благопріобрѣтеннаго имѣнія—Теолинъ, онъ сталъ культуртрегеромъ, общественнымъ дѣятелемъ и силою. Имѣніе его было довольно обширно, съ удобными угодьями, усадьба располо-

жена была на почтовомъ трактѣ, на виду у всѣхъ; паркъ, цвѣтники и оранжереи содержались въ исправности—все это вмѣстѣ давало основанія господину Клябину именовать себя фонъ-Клабэномъ и войти полноправнымъ членомъ въ семью витебскихъ дворянъ-помѣщиковъ.

Расположеніе своихъ сосѣдей фонъ-Клабэнъ заслужилъ быстро, такъ какъ сразу же завелъ знакомство съ губернаторомъ, предводителемъ дворянства, потчевалъ ихъ нѣмецкими винами и говорилъ всѣмъ: „о, моя жена—рожденная графиня Донская“... и дѣлалъ снисходительное лицо, точно для него это было безразлично.

Супруга Карла Оттоновича—Анастасія Юрьевна—была замѣчательно красива когда-то. Но теперь ея всегда усталое блѣдное лицо рѣдко оживлялось веселой улыбкой, а движенія гибкаго стана стали лѣнивы и медленны.

Большею частью лежала она въ креслѣ-качалкѣ съ французскимъ романомъ на колѣняхъ, но рѣдко читала его, блуждая безразличнымъ взглядомъ по куртинамъ сада или по небу, ни о чемъ не думая, ни о чемъ не мечтая. Съ тѣхъ поръ какъ она переѣхала въ деревню, съ тѣхъ поръ какъ ея мужъ всецѣло отдался хозяйству, она перестала интересоваться жизнью, ей опротивѣли люди,—ничто ее не волновало, не радовало. Она перестала даже быть заботливой матерью, какой была раньше, когда жила въ Петербургѣ. Она забросила туалеты и ходила цѣлыми днями въ просторныхъ капотахъ, а волосы причесывала наспѣхъ, кое-какъ. Ее раздражало, когда приходилось принимать гостей, говорить съ поваромъ объ обѣдѣ, отдавать горничной приказанія.

— Я ничего не могу, ничего не хочу, ничего мнѣ не надо—оставьте вы лишь меня въ покоѣ!—говорила она взволнованнымъ голосомъ, когда мужъ спрашивалъ ее, что съ нею.

У нея не было привязанностей, не было близкихъ—она рѣшила, что жизнь ея кончена.

„Дорогая Дина,—писала она единственной подругѣ своей, живущей въ Тифлисѣ и ставшей ей давно уже безразличной. Но всетаки она неукоснительно переписывалась съ нею разъ въ мѣсяцъ, по вкоренившейся институтской привычкѣ:—ma chère, ayez un peu de pitié pour moi! снова скука! Ты представить себѣ не можешь, что значитъ жить въ деревнѣ, имѣть мужа-помѣщика, невоспитанныхъ дѣтей, несносныхъ сосѣдей. И всѣмъ этимъ придется наслаждаться долгую жизнь—c'est à en devenir folle, право! Я, кажется, скоро приду къ тому же, къ чему пришелъ мой братъ“.

Такъ начиналось почти каждое ея письмо.

Но она клеветала на дѣтей своихъ: дѣти ея были и скромны и послушны. Старшая—Тата—12-ти лѣтъ совсѣмъ пошла въ отца—румяная, здоровая, толковая дѣвушка. Она уже интересовалась хозяйствомъ и носила съ собою ключи отъ кладовыхъ. Она няньчилась съ братомъ, девятилѣтнимъ Павлушей, и часто читала ему длинныя нѣмецкія нотаціи. У Павлуши былъ большой носъ и большія отвислыя губы, онъ не отличался большимъ умомъ и когда начиналъ смѣяться, то уже не могъ кончить: катался въ судорогахъ по полу и визжалъ.

— Въ дяденьку пошелъ,—говорили о немъ домашніе.

— Ты большой лѣнтяй,—внушала ему Тата,—это нехорошо. Не бери примѣра съ мамы: мама совсѣмъ ничего не умѣетъ. Когда я стану большой, какъ она, я не позволю прислугѣ лѣнтяйничать. Я вообще не буду держать такъ много прислуги...

Собственно, въ многочисленности прислуги, преимущественно женской, Анастасія Юрьевна не была повинна: всѣхъ ихъ нанималъ баринъ подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ. То нужна была барину новая горничная, то судомойка, то пастушка, и все это аккуратно и своевременно доставлялось Венцлавомъ, любимымъ слугою Клябина. Карлъ Оттоновичъ зналъ любовь, но не зналъ только въ ней постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностью рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ бы она ему ни являлась—въ прачечной ли, или хотя бы въ коровникѣ.

Преуслужливою личностью былъ этотъ Венцлавъ. Небольшого роста, блондинъ, съ добродушно и лукаво улыбающимся лицомъ, онъ казался какимъ-то отцомъ-благодѣтелемъ всѣмъ тѣмъ „прелестницамъ“, которыхъ онъ ловилъ въ свои сѣти исключительно ради похвалы своего барина. Всегда было у него на языкѣ ласковое слово, всегда въ карманѣ его, по какой-то счастливой случайности, оказывались грошевые подарки, пріятно радовавшіе дѣвичье сердце.

Не разъ заставала Анастасія Юрьевна своего мужа въ тихомъ разговорѣ съ какою-нибудь горничной, не разъ, проплакавъ всю ночь, собиралась покинуть ненавистный ей домъ, но это было лишь въ первые годы ея замужества; теперь же и это ея не волновало.

— Можете дѣлать ваши гадости,—говорила она мужу съ брезгливой гримасой,—но, пожалуйста, только такъ, чтобы я и дѣти этого не видѣли!...

Карлъ Оттоновичъ недоумѣвающе пожималъ плечами.

VIII.

Нѣсколько волнуясь и удивляясь своему волненію, которое рѣдко охватывало его, Григорій Петровичъ подходилъ къ открытой съ бѣлой колоннадой террасѣ клябинскаго дома, минуя пышныя клумбы и стриженую ограду пунцовыхъ розъ.

Онъ уже не обращалъ вниманія на быстро семенившаго рядомъ съ нимъ и не перестававшаго говорить почтмейстера. Онъ старался разглядѣть въ сидящихъ на террасѣ Анастасію Юрьевну, но это ему не удавалось. Навстрѣчу ему, торжественно ступая, вышелъ лохматый сенбернаръ и сочувственно обнюхалъ его, повиливая хвостомъ. За сенбернаромъ подошла хорошенькая дѣвочка съ полнымъ румянымъ личикомъ и улыбнулась почтмейстеру, протягивая ему руку.

— Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ,—мамѣ немножко нездоровится, но она сейчасъ выйдетъ. Папа на заводѣ. Пожалуйста, сюда,—обратилась она уже къ Григорію Петровичу и тоже протянула ему руку.—Вы, кажется, нашъ сосѣдъ?

— Какъ же, вашъ ближайшій сосѣдъ, и мнѣ совѣстно, что я до сихъ поръ не могъ навѣстить васъ,—отвѣчалъ Галдинъ, улыбаясь. Ему очень понравилась эта благовоспитанная нѣмочка, какъ онъ ее мысленно назвалъ. „Но она ничуть не похожа на мать свою“, тотчасъ же подумалъ Галдинъ.

На террасѣ его представила молодая хозяйка какому-то робкому господину со странными механическими движеніями и нелѣпымъ костюмомъ, назвавъ его своимъ дядей. Господинъ этотъ такъ невнятно произнесъ свое имя, что ничего нельзя было разобрать. Онъ сейчасъ же отошелъ въ сторону и занялся волчкомъ, старательно пуская его крутиться по столу.

Другой здѣсь присутствующій оказался генералъ-майоромъ въ отставкѣ княземъ Лишецкимъ.

Увидѣвъ на Галдинѣ офицерскіе погоны, онъ радостно воскликнулъ:

— А, очень радъ, очень радъ! я всегда стоялъ за то, чтобы военная молодежь шла въ свои помѣстья и занималась хозяйствомъ. Намъ такъ нужны свѣжіе честные русскіе люди! Вы не бывшій пажъ? Нѣтъ? ну такъ, значитъ, то былъ другой Галдинъ... Какъ же, знаю, знаю—прелестная, родовитая фамилія. Очень радъ!

Онъ еще разъ пожалъ Григорію Петровичу руку.

— Я кончилъ пажескій корпусъ, служилъ въ артиллеріи, былъ на войнѣ и вотъ уже тридцать лѣтъ живу въ этомъ краѣ. Богатая нива! какая дѣятельность! Я пишу мемуары теперь, живу

суркомъ, но интересы Россіи мнѣ дороги, очень дороги!... Вы нашъ, конечно?

— То-есть?—не понялъ его Галдинъ, далекій вообще отъ какихъ-либо общественныхъ интересовъ.

— Я хотѣлъ сказать—вы баллотируете съ нами? въ Государственный Совѣтъ...

— Право, я еще затрудняюсь сказать что-либо по этому поводу,—я здѣсь вновѣ,—развелъ руками Галдинъ.

— Ну, конечно, я понимаю,—одобрительно кивнулъ головою князь,—но во всякомъ случаѣ вы въ русской группѣ. Вотъ придетъ Карлъ Оттоновичъ—онъ разовьетъ вамъ нашу мысль.

На порогѣ показалась Анастасія Юрьевна. Она устало, но любезно улыбалась.

Генералъ первый подбѣжалъ къ ручкѣ.

— Вы не узнаете меня?—сказалъ Григорій Петровичъ, когда очередь дошла до него. Онъ смотрѣлъ на Анастасію Юрьевну и спрашивалъ себя, обманулся ли онъ въ своихъ ожиданіяхъ. Это была совсѣмъ не та дѣвушка, которую онъ помнилъ; это была женщина, усталая, больная женщина, но полная еще какой-то внутренней прелести. Къ ней нельзя было питать былого восторженнаго чувства, дѣтскаго обожанія, но и равнодушнымъ къ ней остался бы не всякій. Она совсѣмъ была другая—это-то и смущало Григорія Петровича.

— Быть можетъ, вамъ памятна моя фамилія, но я, навѣрно, стерся въ вашихъ воспоминаніяхъ,—говорилъ Григорій Петровичъ, цѣлуя протянутую ему тонкую бѣлую руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте,—не отнимая своей руки и наморщивъ блѣдный лобъ, отвѣтила она:—мнѣ что-то помнится... позвольте... вы не сынъ ли милой Марьи Платоновны?... Ну, да, конечно, я такъ и думала... еще на балу въ институтѣ... да-да, помню, конечно!

Она еще разъ взглянула на него повеселѣвшими темными глазами и знакомъ указала ему мѣсто возлѣ себя.

Онъ подумалъ: „У нея остались тѣ же глаза и тѣ же волосы... Нѣтъ, она, право, интересна“...

— Вы давно здѣсь? Два мѣсяца? Боже! и вамъ не стыдно было такъ долго не появляться...

Она полулежала въ любимой своей ковровой качалкѣ и не сводила съ него своихъ глазъ. Ея глаза, оттѣненные темными кругами, казались больше, чѣмъ были раньше, они точно плохо видѣли, внимательно всматриваясь и невѣрно блестя. Тонкіе пальцы на полуобнаженныхъ рукахъ ея чуть замѣтно, но непре-

рывно дрожали. Все тонкое тѣло ея, скрытое въ широкихъ складкахъ нарядnаго капота, какъ будто дышало ускореннымъ, неровнымъ дыханіемъ.

— Господи, — говорила она задыхающимся, взволнованнымъ голосомъ:—какъ давно это было... Но вотъ я гляжу на васъ и будто молодѣю... Увѣряю васъ! Вы не конфузьтесь, но Боже мой, какъ вы еще молоды въ сравненіи со мною... У васъ цвѣтущій видъ...

Григорій Петровичъ ощущалъ неловкость подъ ея пристальнымъ взглядомъ. Не страдая нервами, онъ все же чувствовалъ на себѣ вліяніе ея нервознаго оживленія. Онъ не могъ подобрать нужныхъ словъ для отвѣта.

Почтмейстеръ подсѣлъ къ генералу и почтительно выслушивалъ его, сложивъ ножки крестикомъ.

Робкій господинъ оставилъ своего волчка и, спустившись съ террасы, расхаживалъ подпрыгивающей походкой, заложа руки за спину, по дорожкѣ, ведущей къ обрыву.

— Я очень скоро устаю,—сказала Анастасія Юрьевна, вдругъ какъ-то осѣвъ вся въ качалкѣ, и глаза ея помутнѣли и стали вялыми:—вотъ и теперь я чувствую себя разбитой. Мнѣ хочется пить... Вы не пьете вина? Вамъ теперь не хочется? пустяки—вы выпьете со мною...

Она протянула руку къ звонку и позвонила. Вмѣстѣ съ горничной вошелъ фонъ-Клабэнъ. На немъ былъ франтоватый лѣтній костюмъ и мягкая шляпа.

— Очень доволенъ новому сосѣду, — сказалъ онъ, увидѣвъ Галдина:—вы, конечно, у насъ отобѣдаете?... Да, да, я очень прошу васъ... Вы уже всѣ знакомы? представьте себѣ, этотъ дуракъ ксёндзъ опять напился! Я удивляюсь, какъ можно держать такого ксендза? Что? вѣдь онъ совсѣмъ горькій пьяница...

Карлъ Оттоновичъ говорилъ всегда такъ, точно онъ самъ посмѣивается надъ своими словами и не придаетъ имъ ровно никакого значенія. Поэтому трудно было догадаться, каково его настоящее мнѣніе, и невольно слушатели улыбались, какъ будто тоже знали кое-что о томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ.

— Вообще эти ксендзы—ужасный вредъ,—съ увѣренностью и вполнѣ опредѣленно подтвердилъ князь;—хотя наши попы, по правдѣ говоря, тоже никуда не годятся!...

— Нѣтъ, отчего же,—все такъ же невозмутимо продолжалъ хозяинъ.—Вы курите сигары?—обратился онъ къ Галдину, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ почтмейстера:—онъ всетаки славный малый, этотъ ксёндзъ. Онъ много пьетъ моего мозельвейна и надоѣдаетъ мнѣ, но иногда его можно послушать...

Онъ посмотрѣлъ на горничную, принесшую вино и стаканы.

— Это ты приказала подать?

— Да, я,—отрывисто отвѣтила Анастасія Юрьевна.

Галдинъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее; ему показалось, что она съ нескрываемой ненавистью посмотрѣла на мужа.

IX.

Во время обѣда, когда Карлъ Оттоновичъ своимъ размѣреннымъ спокойнымъ тономъ объяснялъ Галдину ихъ предполагаемую тактику при выборахъ въ Государственный Совѣтъ и говорилъ, что русскихъ выборщиковъ больше польскихъ на шесть голосовъ, но что русскіе выборщики индиферентны и это повело къ тому, что на прошлыхъ выборахъ прошелъ полякъ, „а этого не должно быть", подхватилъ князь Лишецкій; когда онъ говорилъ, что они рѣшили выставить кандидатуру Рахманова въ пику чиновникамъ, агитировавшимъ за Ахтырцева въ столовую вошло новое лицо.

Это былъ панъ Лабинскій. Онъ извинился, что помѣшалъ, и объяснилъ это тѣмъ, что его задержала семья, которая заходила къ пану пробощу на квартиру, но онъ всетаки пришелъ къ милому Карлу Оттоновичу, чтобы похвастаться своимъ здоровьемъ.

Фонъ-Клабэнъ, объяснявшій Галдину передъ этимъ, почему нельзя пропустить въ Государственный Совѣтъ поляка, теперь съ радостью трясъ руку поляка, своего пріятеля, только что вернувшагося изъ-за границы, пана Лабинскаго.

— Вы, конечно, пообѣдаете съ нами?—говорилъ Карлъ Оттоновичъ, усаживая гостя рядомъ съ собою.

— О, нѣтъ, спасибо, я привыкъ обѣдать поздно! А какъ доброе здоровье Madame? Madame a tout à fait bonne mine... Я только на-дняхъ пріѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ останавливался проѣздомъ. Во всякомъ случаѣ лѣченіе пошло въ прокъ, и я чувствую себя молодцомъ. Ну, а какъ ваши дѣла, Карлъ Оттоновичъ?

Разговоръ принялъ опять общій характеръ, только уже больше не касались выборовъ. Почтмейстеръ снова обрѣлъ даръ слова и тараторилъ безъ умолку. Даже робкій господинъ сидѣлъ-сидѣлъ молча и вдругъ неожиданно выкрикнулъ:

— Вотъ такъ энтакъ, вотъ такъ такъ!

На него никто не обратилъ вниманія, но онъ засмѣялся и опять налилъ себѣ въ стаканъ краснаго вина, какъ-то бокомъ глядя на фонъ-Клабэна.

— Простите, Анастасія Юрьевна,—шопотомъ обратился Гри-

горій Петровичъ къ своей сосѣдкѣ, — я не могъ разобрать имя этого господина, что сидитъ на томъ концѣ...

— Ахъ, — отвѣтила хозяйка и густо покраснѣла, — это мой братъ—графъ Донской...

Она замолкла и, казалось, уже ничего больше не хотѣла сказать. Пальцы на ея рукахъ дрожали еще сильнѣе. Въ глазахъ появился прежній блескъ. Она медленными глотками тянула вино изъ тонкаго своего бокала и почти ничего не ѣла. Потомъ вдругъ она опять заговорила.

— Это несчастный человѣкъ... Я говорю объ Андрюшѣ... Добрый, мягкій, съ дивнымъ сердцемъ. Но судьба его ужасна. Находятъ, что онъ дурачокъ—это глупости. Я никогда не повѣрю. Но люди дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ. Онъ нашъ послѣдній, о немъ никто не заботился, потому что онъ появился на свѣтъ, когда мой отецъ былъ почти разоренъ. Вѣдь вы знаете, папа игралъ въ карты... Его забросили, о немъ не думали, онъ ничего не кончилъ, подпалъ подъ дурное вліяніе... Потомъ его женили на старухѣ, уродливой, злой старухѣ. Кому это было нужно? Она издѣвалась надъ нимъ, била даже!... Вы подумайте только! Онъ прятался отъ нея въ сараяхъ, у крестьянъ въ избахъ — и пилъ съ ними... Но что же ему оставалось дѣлать?

Анастасія Юрьевна пододвинула свой стаканъ Галдину.

— Налейте себѣ и мнѣ... Меня мучитъ жажда! Это всегда такъ, когда я волнуюсь... Вы, можетъ быть, думаете, что я слишкомъ много пью? Да? Скажите...

— Нѣтъ, что вы, помилуйте!—растерялся Григорій Петровичъ, хотя онъ только что передъ этимъ подумалъ, что ей не слѣдовало бы такъ много пить.

— Мужъ не любитъ этого, — прошептала она,—онъ находитъ, что это вредно. Но вѣдь, не правда ли, вино — такой легкій напитокъ...

Она заглядывала Галдину въ глаза сконфуженно и тревожно.

Онъ поспѣшилъ успокоить ее на этотъ счетъ. Конечно, вино не можетъ принести никакого вреда. Однако ему что-то становилось не по себѣ. Онъ не привыкъ къ такому обществу. Тамъ, въ полку, все было гораздо проще. Никто не говорилъ о политикѣ, не было такой массы странныхъ лицъ, живущихъ каждый своей особой жизнью. Всѣ занимались своимъ простымъ дѣломъ, и извѣстно было, гдѣ кончался порядочный человѣкъ и начинался хамъ. У себя въ Прилучьѣ Григорій Петровичъ тоже чувствовалъ полный покой. Онъ смотрѣлъ на землю, на рѣку, на лѣсъ, онъ разговаривалъ съ мужиками, съ Менделемъ, цѣловалъ

Кастуську, и все это было такъ пріятно, такъ просто и легко. Конечно, Анастасія Юрьевна во много разъ интереснѣе Кастуськи, но она уже слишкомъ заставляетъ о себѣ думать. Чортъ возьми, глядя на нее, не знаешь, что дѣлать. Она улыбается такъ, какъ будто говоритъ: „ты мнѣ очень нравишься, я твоя...“, но и въ голову не приходитъ повести себя такъ, какъ въ такихъ случаяхъ поступаешь по отношенію къ другимъ дамамъ. Право, даже начинаетъ немного кружить въ головѣ. Григорій Петровичъ дорого бы далъ, чтобы очутиться теперь у себя на башнѣ. Ему казалось, что онъ не былъ дома цѣлую вѣчность.

— Вы любите музыку?—спросила его вновь Анастасія Юрьевна, чокаясь съ нимъ.

— О да, я очень люблю музыку! — поспѣшно отвѣтилъ Галдинъ, радуясь, что нашлась тема для разговора.

Онъ, точно, любилъ музыку. Конечно, не серьезную музыку, которую даютъ въ концертахъ, а обыкновенную, простую музыку. Онъ даже игралъ на корнетѣ. Онъ любилъ грустную крестьянскую пѣсню гдѣ-нибудь въ полѣ, звонкій лай гончей стаи, бѣгущей по лисьему слѣду, любилъ слушать на зарѣ сквозь розовый туманъ несущійся съ луговъ пастушечій рогъ. Хорошо тоже, когда играли на піанино или на гитарѣ. Сбивчиво онъ все это передавалъ своей сосѣдкѣ. Она слушала его, ласково улыбаясь и покачивая головой въ знакъ сочувствія.

— Какой вы славный, простой человѣкъ,—сказала она, когда онъ кончилъ, и протянула ему руку,—я страстно люблю музыку.., но докторъ запретилъ мнѣ играть. Нервы, глупые нервы!... Хотя для васъ, если вы хотите, я сыграю кое-что. Вы напрасно говорите, что не понимаете серьезной музыки, вы вотъ увидите, какъ это прелестно...

— Но если это дѣйствительно вамъ вредно, — съ участіемъ замѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Пустяки!... Боже мой, qui vit sans folies n'est pas si sage qu'il croit... Что вредно, что полезно — право, скучно думать объ этомъ... лишь бы хоть немного радости...

Она поднялась изъ-за стола. Обѣдъ уже кончился, но хозяинъ и гости продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ и разговаривать. Фонъ-Клабэнъ разсказывалъ теперь съ неподражаемымъ своимъ благодушіемъ о томъ, сколько труда стоило ему уговорить управу починить почтовый трактъ. По его тону можно было подумать, что онъ самъ удивлялся своей настойчивости въ этомъ дѣлѣ.

Галдинъ всталъ вслѣдъ за хозяйкой, за нимъ вскочилъ и графъ Донской.

— Ты будешь играть?—спросилъ онъ торопливо сестру,—мнѣ можно съ вами?

— Ну да, конечно, мой милый.

X.

Поздно уѣзжалъ Григорій Петровичъ изъ Теолина, полный пережитыми впечатлѣніями, то вызывая въ памяти своей такой странный образъ Анастасіи Юрьевны, то улыбаясь при воспоминаніи о почтмейстерѣ и графѣ Донскомъ. Его охватила пріятная дрема, и онъ сидѣлъ, откинувшись на подушки, укачиваемый волнообразнымъ движеніемъ рессоръ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ луговъ.

Тянуло туманомъ, напоеннымъ запахами травъ, темнѣли вѣтвистыя березы, неумолчно кричалъ коростель. Неисчислимыя звѣзды горѣли и гасли въ темномъ небѣ или внезапно скатывались бѣлыми слезами внизъ.

Еще на западѣ догорала желтая заря, а за лугами уже всходила красная луна, и тамъ казалось особенно тихо и молчаливо, и грустно высились высокіе стога на зиму сбитаго сѣна.

Галдинъ съ наслажденіемъ думалъ о томъ, что онъ сейчасъ будетъ дома. Когда коляска его, минуя деревянный мостикъ, въѣхала въ усадьбу, и съ визгомъ кинулись ему въ ноги Штыкъ и Пуля, онъ искренно, какъ своимъ, обрадовался собакамъ и, схвативъ ихъ за лохматыя рыжія морды, надѣлилъ каждую звонкимъ поцѣлуемъ.

— Чаю, чаю, Еленушка! — крикнулъ онъ вслѣдъ за этимъ, взбѣгая по ступенькамъ на подъѣздъ.

Какъ ни была хороша музыка Анастасіи Юрьевны, какъ ни была хороша она сама и какъ ни были занимательны рѣчи хозяина и гостей, но небольшой домикъ съ башенкой, Елена со своимъ Бернаськой, чай, масло, молоко и домашнія булки показались Григорію Петровичу однако во много разъ лучше.

Умывшись въ своей крохотной спаленкѣ холодной водой, пофыркавъ на собакъ и подурачась съ Бернаськой, онъ сѣлъ за столъ и съ удовольствіемъ напился чаю, слушая тихую, пѣвучую рѣчь пришедшаго „съ докладомъ“ Менделя.

Потомъ—ему не сидѣлось въ душныхъ комнатахъ—онъ натянулъ смазные сапоги, надѣлъ кожаную куртку, захватилъ ружье и, свистнувъ собакъ, пошелъ въ ночное.

— Что, рады? — говорилъ онъ бѣсновавшимся отъ восторга псамъ, — рады, шельмы? На уточекъ пойдемъ, да, на уточекъ... чуть свѣтъ завтра двинемся.

Онъ шелъ въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ по росой вскропленной темной травѣ, оставляя черный слѣдъ за собою, попыхивая изъ своей коротенькой трубки крѣпкій табакъ, и улыбался въ усы, самъ не зная чему. Эге, думалъ онъ, завтра будетъ ясное утро, много воды пало на землю, хорошо потянутъ. Чортъ возьми, если пастухи не распугаютъ, у меня вѣрныхъ два выводка за Бабульскими мшарами. Вотъ пройду сорокъ шаговъ до той сосны, а тамъ можно будетъ по овражку спуститься на ляды, оно, пожалуй, поближе выйдетъ. А всетаки сучка всегда покойнѣе кобеля—ишь Штыкъ такъ и фукаетъ, такъ и фукаетъ...

— Штыкъ, назадъ, мерзавецъ!—крикнулъ онъ полнымъ голосомъ,—поди ко мнѣ!

Изъ густого олешника выскочилъ ошалѣвшій песъ и кинулся къ хозяину. Онъ былъ весь мокрый отъ росы.

За сосной ровнымъ скатомъ сыростью пахнулъ оврагъ. Галдинъ сбѣжалъ внизъ и пошелъ вдоль тускло поблескивающаго ручья. Вылетѣлъ вспугнутый бекасъ. Невозмутимая тишь ночи ничѣмъ не нарушалась. Вдругъ за поворотомъ на холмѣ сверкнулъ огонь. Черныя тѣни колебались на аломъ заревѣ костра.

— Ого-го-о!—заголосилъ помѣщикъ.

— Ого-го-о!—отвѣтили ему сверху.

У костра, разстеливъ овчины, лежали парни и дѣвки. Завидя Галдина, они не встали, но видимо были ему рады.

— А я къ вамъ,—сказалъ онъ, присаживаясь,—завтра чуть свѣтъ въ мшары пойду... Утки-то есть?

— Вѣстимо, ёсть, чего-жъ имъ не быть!

Они заговорили объ охотѣ, о сѣнѣ, о лошадяхъ, потомъ посмѣялись надъ дѣвками.

— Дуры онѣ, лѣшій ихъ заѣшь!—засмѣялся одинъ изъ парней.

Галдинъ разыскалъ Кастуську. Она чинилась что-то сегодня.

— Намъ съ вами не здрастватца! Къ барышнямъ мѣстечковымъ ступайте...

Луна всплывала все выше. Изъ лѣса дышало тепломъ и смолами. Фыркали стреноженные кони.

Галдинъ затянулъ пѣсню, за нимъ подхватили другіе. Собаки наставили уши, прислушиваясь.

— Ай, чортъ!—взвизгнула Кастуська.

Пѣсня оборвалась. Передъ костромъ стоялъ незнакомый человѣкъ.

— Доброе здоровье честному паньству,—проговорилъ онъ сип-

ловатымъ, но веселымъ голосомъ,—низкій поклонъ вельможному господину, сидящему въ кругу своихъ вассаловъ!

— Да то жъ нашъ папуня,—опозналъ его кто-то.

— Енъ же и ёсть,—подхватили другіе.

Дѣвки кинулись цѣловать ему руки: онъ добродушно отмахивался.

— Буде, буде...

Галдинъ всталъ, все еще недоумѣвая.

— Ну, станемъ знакомы,—сказалъ тотъ,—ксёндзъ изъ мѣстечка, панъ пробощъ иначе... Вы извините, что въ ваши владѣнія забрался — при вашей матушкѣ разрѣшеніе получилъ — такъ по привычкѣ. Охотничій день сегодня-то и потянуло...

— А вы охотитесь?—невольно вырвалось у Галдина.

Лицо ксендза ему понравилось.

„Забулдыга, видно, отчаянный“, подумалъ онъ.

— Эге-ге, да вы и въ правду меня не знаете! — засмѣялся панъ пробощъ,—пусть же вотъ эта пся кревъ вамъ разскажетъ...

Парни засмѣялись. Они стояли почтительно въ сторонѣ во все время, пока ксёндзъ не сѣлъ.

— Вы, видно, многаго чего здѣсь не знаете, какъ я погляжу, панъ пулкувникъ. Что я пьяница, охотникъ и въ карты играю— это вамъ всякій скажетъ, только вотъ я вамъ послѣ другое про другихъ еще интереснѣе разскажу. Пьете?

Онъ досталъ большую фляжку и чарку, выпилъ самъ, потомъ предложилъ Галдину и всѣмъ парнямъ.

— А это дѣвкамъ будетъ,—засмѣялся онъ и показалъ имъ кукишъ, но потомъ досталъ пригоршню карамели и бросилъ ее близсидящей въ подолъ.

— Въ костелѣ були?—спросилъ онъ у нихъ строго:—Були? ну, добре... вы на папуню своего не смотрите, а слушайте... Есть дурни, ктуры думаютъ: вотъ ксёндзъ пьетъ, почему и намъ не пить? Цо? не такъ думаютъ?

Онъ почти выкрикнулъ эти послѣднія слова, но сейчасъ же опять улыбнулся своей доброй и умной улыбкой и посмотрѣлъ на Галдина.

— А не заспѣвать ли намъ что-нѣбудь, панъ пулкувникъ?

Они опять затянули какую-то грустную, заунывную пѣсню съ гягучимъ припѣвомъ, похожимъ на лай: „Ой, мамуля, да, оо-й!...“

Потомъ завернулись въ овчины и, тѣсно прижавшись другъ къ другу, заснули до ранняго утра, покуда въ осинникѣ не закуковала кукушка.

XI.

Два дня пробродилъ Григорій Петровичъ по болотамъ вмѣстѣ съ паномъ пробощемъ и вернулся домой мокрымъ, усталымъ, но довольнымъ. Сейчасъ же, едва успѣвъ раздѣться, онъ залегъ на кровати и уснулъ, какъ убитый.

Когда онъ проснулся, ему подала Елена небольшой конвертъ.

— Стражникъ изъ Теолина привезъ,—сказала она и глянула на барина своими испуганными глазами.

На визитной карточкѣ стояло: „Анастасія Юрьевна фонъ-Клабэнъ vous prie de lui faire le plaisir de venir passer la soirée du 2/VII chez elle à 7 h. P.S. Не забудьте корнета".

„Чортъ возьми, да, вѣдь, сегодня же второе іюля", подумалъ Галдинъ, еще разъ перечитывая карточку.

— Который же теперь часъ?—спросилъ онъ уже громко.

— Да скоро пять будетъ,—отвѣчала Елена.—Отвѣтъ дадите?

— Отвѣтъ? Ахъ, да! Такъ ѣхать или не ѣхать? Ну, была не была, поѣду! Давайте скорѣе одѣваться.

На ходу закусивъ, Галдинъ распорядился подать ему шарабанъ-одиночку и поѣхалъ. Онъ все время очень волновался и, вспомнивъ настоятельную просьбу Анастасіи Юрьевны, захватилъ съ собою корнетъ. Два дня почти забывъ думать о чемъ-либо, кромѣ охоты, онъ вдругъ неожиданно для себя почувствовалъ страстное желаніе увидать вновь свою сосѣдку. Это желаніе овладѣло всѣмъ его существомъ. Да, да, и какъ онъ не подумалъ объ этомъ раньше? Какъ хорошо, что она прислала ему эту записку. Она такая тихая, ласковая, и, видно, ей тяжело съ мужемъ. Чортъ возьми, эти нѣмцы—удивительно хитрый народъ! Фонъ-Клабэнъ не предложилъ даже сигары почтмейстеру—сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его... Только зачѣмъ она пьетъ? Это все-таки нехорошо... Вино—слабый напитокъ, но все-таки... Ей нужно встряхнуться, просто встряхнуться. Лежа въ своей качалкѣ, она Богъ знаетъ до чего можетъ дойти. Почему бы ей не попробовать кататься верхомъ; наконецъ, онъ научитъ ее стрѣлять въ цѣль... Она очень устала въ прошлый разъ, когда играла ему на роялѣ, а у графа стояли слезы въ глазахъ... Она права, графъ совсѣмъ не такъ смѣшонъ,—онъ просто несчастенъ.

Подъѣхавъ къ клябинскому дому, Галдинъ прямо прошелъ на другую его сторону, къ террасѣ. Въ комнатахъ было прохладно и пусто. На террасѣ его, какъ и впервые, встрѣтилъ сенбернаръ. Григорій Петровичъ сѣлъ и началъ оглаживать добродушное животное. Онъ чесалъ его за ухомъ и говорилъ:

— Гдѣ же твоя хозяйка? я, должно быть, пріѣхалъ слишкомъ рано, не правда ли?

— Нѣтъ, напротивъ, какъ разъ во-время,—услышалъ онъ за своей спиною.

Онъ вскочилъ и оглянулся.

Анастасія Юрьевна быстро шла къ нему. Лицо ея было блѣдно и взволнованно.

— Нѣтъ, вы очень кстати, я страшно вамъ благодарна, что вы пріѣхали. У насъ сегодня будутъ гости, но я хотѣла поговорить съ вами à part. Я должна извиниться передъ вами за навязчивость... да, да, именно извиниться, но, быть можетъ, это вамъ покажется смѣшно, мы, вѣдь, знакомы съ вами такъ недавно... что было когда-то, вспоминать уже нельзя! Такъ вотъ я хотѣла у васъ попросить... даже не попросить, а... нѣтъ, я слишкомъ волнуюсь... сойдемте въ садъ, тамъ будетъ удобнѣе разговаривать... Дайте мнѣ вашу руку, я не могу итти одна...

Онъ пошелъ рядомъ съ нею, снова подчиняясь ея волненію. Онъ даже продолжалъ держать фуражку въ рукѣ, забывъ надѣть ее на голову, хотя солнце еще палило зноемъ. Воздухъ былъ совсѣмъ неподвиженъ, какъ передъ грозою. Деревья не шевелили увядшей листвой. Цвѣты наполняли весь садъ пьянымъ своимъ запахомъ.

Григорій Петровичъ и Анастасія Юрьевна прошли по желтой дорожкѣ, окаймленной стриженой оградой алыхъ розъ, до самаго обрыва. Здѣсь стояла скамейка, какъ разъ противъ террасы. Въ обѣ стороны отъ нея тянулись липовыя аллеи, уходящія въ паркъ. Прямо подъ ней росъ молодой фруктовый садъ, далѣе за оградой проходила проѣзжая дорога къ припаромку. Тамъ суетились люди и скрипѣлъ канатъ. Черезъ рѣку лѣпились Черничи со своими костеломъ и церковью по двумъ концамъ.

Анастасія Юрьевна сѣла на эту скамейку. Галдинъ сѣлъ рядомъ съ нею, готовый слушать.

— Такъ я и говорю,—чуть спокойнѣе начала она,—что какъ это ни странно, но единственно къ вамъ я и могу обратиться... Вы понимаете... мой мужъ... ну, однимъ словомъ, у него живутъ эти твари... конечно, вы уже знаете объ этомъ, это знаютъ всѣ и мнѣ нечего скрывать. Не подумайте, что у меня нѣтъ стыда, но въ деревнѣ, гдѣ не съ кѣмъ говорить, бываешь радъ всякому свѣжему порядочному человѣку... Вы должны понять... И вотъ мой братъ, вы его уже видѣли, онъ полюбилъ одну изъ нихъ и хочетъ на ней жениться! Вы подумайте! какой ужасъ! Я совсѣмъ не противъ простыхъ, быть можетъ, для него было бы счастье

жениться на крестьянкѣ, но не на такой... Боже мой, какая здѣсь гадость, если бы вы только это знали!

Анастасія Юрьевна закрыла глаза и прижала руки къ груди. Григорій Петровичъ сидѣлъ пораженный, придавленный ея словами. „И ей приходится говорить объ этомъ!“ думалъ онъ, глядя на ея похудѣвшее лицо.

— Какая гадость,—повторила она съ трудомъ, почти съ отвращеніемъ произнося эти слова.—Онъ уже выдалъ замужъ одну за своего лакея, а теперь онъ хочетъ сдѣлать то же самое съ моимъ братомъ. Вы, вѣдь, видѣли брата, вы видѣли, какой онъ жалкій. Его можно заставить сдѣлать все, что захочешь.

— Но почему вы думаете, что во всемъ этомъ принималъ участіе вашъ мужъ?—рѣшился, наконецъ, замѣтить ей Галдинъ.

— Ахъ, вы еще спрашиваете, почему? Да потому, что нѣтъ такой пакости, такой низости, которой бы онъ ни сдѣлалъ. Вы такъ же, какъ и всѣ, обольщены его внѣшнимъ благородствомъ. Мнѣ не знать, почему? Да потому, что я сама слышала, какъ онъ, смѣясь,—онъ, вѣдь, всегда смѣется,—совѣтовалъ брату жениться на ней... Онъ и ей внушилъ эту мысль, онъ заставлялъ ее быть ласковѣе съ братомъ... Почему?... да потому, что она должна быть скоро матерью... Слышите, матерью ребенка моего мужа...

Анастасія Юрьевна медленно произнесла эти послѣднія слова, точно сама хотѣла убѣдиться въ истинномъ ихъ смыслѣ. Она опять открыла глаза и смотрѣла на Григорія Петровича растерянным, блуждающимъ взоромъ.

— Такъ вы мнѣ поможете?—спросила она совсѣмъ тихо.

— Охотно, конечно, но...—началъ было тотъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, скажите только да... только да, и я буду спокойна,—опять возбуждаясь, перебила она его.

Онъ не сумѣлъ отвѣтить, такъ какъ въ это время, рѣзко разрывая воздухъ, загудѣлъ подходящій къ Черчичамъ пароходъ. Вслѣдъ за нимъ раздался первый ударъ грома.

Но Анастасія Юрьевна по губамъ Галдина и по выраженію лица его поняла то, что онъ хотѣлъ сказать ей.

XII.

За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй; солнце померкло, и по листьямъ застучалъ все учащающійся ливень.

Когда Галдинъ и Анастасія Юрьевна взбѣжали на террасу, они застали тамъ все общество,—тѣхъ же пана Лабинскаго, князя Липецкаго, почтмейстера и еще знакомаго уже Галдину ксендза и вдову Фелицату Павловну Сорокину съ земскимъ начальни-

комъ. Сорокина никуда не появлялась безъ земскаго начальника, хотя тому, повидимому, это не доставляло никакого удовольствія. Акцизнаго чиновника и учительницу фонъ-Клабэнъ не принималъ у себя, исключеніе онъ дѣлалъ для одного лишь почтмейстера и то лишь потому, что тотъ умѣлъ вò-время подвернуться подъ руку и считался веселымъ собесѣдникомъ.

Графа Донского не было между ними.

— Анастасія Юрьевна положительно становится молодцомъ,— крикнулъ князь, цѣлуя ручку у хозяйки;—какой магъ и волшебникъ поднялъ васъ съ вашего кресла? Ужъ не вы ли, Григорій Петровичъ, тому причиной?

— Охотно бы сдѣлался этимъ волшебникомъ, но сомнѣваюсь, что преуспѣлъ бы въ этомъ,—отвѣчалъ Галдинъ, раскланиваясь со всѣми.

— Моей женѣ помогаетъ режимъ, который прописалъ ей докторъ,—замѣтилъ фонъ-Клабэнъ и, взявши подъ руку ротмистра, отвелъ его къ столику, гдѣ стоялъ ящикъ съ сигарами и кофе.— Вотъ возьмите эту регалію, очень хорошая регалія,—говорилъ онъ дружескимъ тономъ и понижая голосъ.—Не всякій понимаетъ въ хорошихъ сигарахъ. Мнѣ онѣ достались по случаю. Что? Я очень радъ, что вы пріѣхали къ намъ въ губернію. Теперь, конечно, хозяйство не приноситъ никакихъ доходовъ, но это очень важно, когда на землѣ сидятъ такіе люди, какъ вы...

„Къ чему онъ все это говоритъ?—подумалъ Галдинъ:—онъ что-то удивительно любезенъ сегодня!“

— Вашъ братъ тоже пріѣдетъ въ имѣніе?—продолжалъ Карлъ Оттоновичъ попрежнему пониженнымъ пріятельскимъ тономъ.— Нѣтъ? Ахъ, онъ служитъ... Да, я слышалъ, онъ себѣ дѣлаетъ блестящую карьеру! Что? Простите, это не вашъ родственникъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ?

— Это мой дядюшка...

— Ахъ, это даже вашъ дядюшка... Ну, да, я такъ и думалъ. Скажите (Карлъ Оттоновичъ прищурилъ одинъ глазъ и посмотрѣлъ на кончикъ своей сигары), вы не знаете, онъ, кажется, можетъ получить портфель? Я что-то читалъ объ этомъ...

Лицо фонъ-Клабэна дышало полной невозмутимостью, казалось, точно и не онъ задавалъ вопросъ.

— Я, право, не знаю,—безпечно отвѣчалъ Григорій Петровичъ:—по правдѣ сказать, я мало интересовался этимъ.

— Ну, да, конечно,—протянулъ Карлъ Оттоновичъ и даже зѣвнулъ слегка,—но всетаки не мѣшаетъ имѣть вліятельнаго родственника—можно проводить много нужнаго въ своемъ уѣздѣ...

Подошелъ князь, и завязался политическій разговоръ. Князь снова упомянулъ о своихъ мемуарахъ и заглушилъ всѣхъ своимъ крикомъ, когда дошли до самаго остраго вопроса—выборовъ въ Государственный Совѣтъ. Онъ забылъ, что съ ними сидитъ полякъ, и произошла маленькая неловкость, которую изо всѣхъ силъ старался замять хозяинъ. Панъ Лабинскій вообще былъ сегодня не въ духѣ и жаловался все на сердце. Теперь онъ сидѣлъ молча, со страданіемъ на лицѣ и держался лѣвой рукой за грудь.

Галдинъ незамѣтно перешелъ къ другой группѣ, гдѣ сидѣли дамы, почтмейстеръ и ксёндзъ. Земскій улизнулъ-таки отъ Сорокиной и внимательно слушалъ кричавшаго генерала. Но Фелицата Павловна, кажется, этого не замѣтила. Она не отрывала своихъ подведенныхъ глазъ отъ Григорія Петровича и улыбалась ему сладкой, заискивающей улыбкой. Она точно умоляла его обратить на нее вниманіе, но ротмистръ оставался равнодушнымъ.

Почтмейстеръ изо всѣхъ силъ старался занимать дамъ, ксёндзъ остроумными замѣчаніями помогалъ ему въ этомъ. Онъ былъ навеселѣ и очень легкомысленно подмигивалъ Галдину.

У Анастасіи Юрьевны опять появилось утомленное, болѣзненное выраженіе. Она притихла и сидѣла, безучастно слушая разговоръ.

Григорій Петровичъ ловилъ на себѣ не разъ ея взгляды. Улучивъ минуту, онъ подвинулся къ ней поближе и сказалъ:

— Вамъ опять, должно быть, нездоровится,—и, не получивъ отвѣта, добавилъ:—будьте увѣрены, что я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ. Когда можно будетъ повидаться съ графомъ?

— Да, да, сдѣлайте это для меня,—проговорила она поспѣшно, точно только сейчасъ вспомнила о своей просьбѣ;—я вамъ пришлю его... теперь его нѣтъ дома, онъ у себя на хуторѣ.

И вдругъ схватила его за руку и крѣпко пожала ее.

Опять грянулъ оглушительный ударъ грома. Въ окнахъ задрожали стекла. Въ потемнѣвшемъ небѣ брызнула бѣлая молнія.

— Вы будете бывать у насъ?—быстро заговорила Анастасія Юрьевна, близко придвинувъ лицо свое къ лицу Галдина:—чаще, какъ можно чаще... Мнѣ страшно здѣсь, понимаете—я боюсь *его!*

Глаза ея раскрылись широко, въ нихъ, точно, были и ужасъ и отчаяніе. Слава Богу, никто ихъ не видѣлъ. Всѣ смѣялись и разговаривали. Галдинъ смущенно пробормоталъ:

— Еще бы, конечно, я съ радостью...

У него сильно билось сердце. Онъ въ свою очередь схватилъ ея тонкіе вздрагивающіе пальцы и прижалъ ихъ къ своимъ губамъ.

— Все, все!...—и неожиданно для себя самого прибавилъ:—А я сегодня привезъ съ собой корнетъ...

Она ничего не отвѣтила, она, слава Богу, не услышала его послѣднихъ глупыхъ словъ: она упорно смотрѣла ему въ лицо и улыбалась.

— А-ай!—вдругъ вскрикнула сидящая рядомъ Сорокина, и все пришло въ волненіе. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ, и нѣсколько минутъ никто не зналъ, за что взяться, что дѣлать.

На полу лежалъ, весь розовый, панъ Лабинскій.

— Ему дурно,—закричала Сорокина.

— Воды, воды,—кидаясь изъ стороны въ сторону, вторилъ ей князь.

Панъ пробощъ склонился надъ Лабинскимъ, потомъ махнулъ рукой.

— Ницъ не беньдэ,—сказалъ онъ совсѣмъ спокойно и перекрестился:—панъ умеръ...

На мгновенье всѣ умолкли и невольно перекрестились. Потомъ заговорили всѣ разомъ. Какъ это случилось? Панъ Лабинскій сидѣлъ все время молчаливый, ему сегодня нездоровилось, да еще вышелъ этотъ непріятный разговоръ. Онъ всегда страдалъ сердцемъ. Значитъ, разрывъ сердца? Да, не можетъ быть сомнѣнія—разрывъ сердца...

Анастасія Юрьевна не могла подняться съ кресла. Она сидѣла блѣдная и какъ будто не понимала, что вокругъ нея дѣлалось. Она не проронила ни слова. Потомъ глаза ея сомкнулись и голова упала навзничь.

XIII.

Пока приводили въ чувство Анастасію Юрьевну и отнесли на диванъ мертваго пана Лабинскаго, фонъ-Клабэнъ все ходилъ по комнатамъ и повторялъ:

— Это ужасно, это ужасно!

Потомъ онъ поймалъ за руку Григорія Петровича и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы знаете, я совсѣмъ не могу *его* видѣть, я очень нервный человѣкъ, и это на меня дѣйствуетъ. Я хотѣлъ васъ попросить...

— Что прикажете?—сухо спросилъ его Галдинъ, все еще думая объ Анастасіи Юрьевнѣ, которую онъ помогъ снести въ спальню:—я васъ слушаю...

— Видите,—заискивающе продолжалъ Карлъ Оттоновичъ и вдругъ поспѣшно вынулъ портсигаръ и предложилъ его Галдину.

— Нѣтъ, спасибо, — чуть усмѣхнувшись, сказалъ тотъ.—Въ чемъ же дѣло?

„Однако и вструхнулъ же бѣдный нѣмецъ, — подумалъ ротмистръ, глядя на зеленое лицо съ дрожащей нижней губой:— ничтожество!“ Галдину, въ жизнь свою не знавшему страха, были гадки трусливые.

— Видите,—повторилъ хозяинъ,—это ужасно скверно, что *онъ* умеръ у меня. Вы понимаете? Можетъ выйти исторія... Я ужасно не люблю, когда ко мнѣ пріѣзжаетъ полиція...

— Въ чемъ же дѣло?—перебилъ его въ нетерпѣніи Григорій Петровичъ.

— Такъ вотъ я хотѣлъ попросить у васъ,—заспѣшилъ фонъ-Клабэнъ,—не можете ли вы отвезти его домой, какъ будто онъ живъ...

— Я его домой?—пораженный и раздосадованный, воскликнулъ ротмистръ.

— Ну да,—опять заволновался Карлъ Оттоновичъ:—это очень простая вещь! Мы его посадимъ въ экипажъ, скажемъ прислугѣ, что онъ немножко нездоровъ, и вы его отвезете въ Новозерье. Я обратился съ этой просьбой къ вамъ, потому что никто другой не сумѣлъ бы этого сдѣлать такъ хорошо...

— Позвольте...

— Конечно, конечно... Князь слишкомъ старъ, земскій—трусъ ужасный, ксёндзъ тоже трусъ...

„И самъ ты трусъ“, хотѣлъ ему сказать Галдинъ, но во-время удержался.

Онъ въ первую минуту рѣшилъ отказаться наотрѣзъ, но потомъ раздумалъ. Еще, пожалуй, и его почтутъ за труса. Кромѣ того, эта его любезность дастъ ему возможность чаще бывать въ Теолинѣ. Онъ, наконецъ, сказалъ:

— Я согласенъ. Велите подавать экипажъ, и мы ѣдемъ...

Онъ даже улыбнулся предстоящему путешествію. Не всякому доставалось такое удовольствіе.

Сорокина и земскій, оказывается, уже исчезли. У Сорокиной разболѣлась голова, кромѣ того она была обижена, что никто не позаботился о ней,—вѣдь она тоже женщина. Князь Лишецкій и ксёндзъ сидѣли надъ трупомъ и тихо бесѣдовали.

— Очень жаль, хорошій былъ человѣкъ покойный,—говорилъ генералъ, за часъ до этого громившій поляковъ.

Панъ пробощъ обратился къ Григорію Петровичу:

— Я долженъ сопутствовать мертваго. Панъ пулкувникъ разрѣшитъ мнѣ сѣсть въ его шарабанъ?

— О, конечно!—отвѣтилъ тотъ:—это даже кстати—я вернусь на немъ обратно домой...

Наконецъ, пришли доложить, что коляска подана. Венцлавъ, Галдинъ и ксёндзъ подхватили мертвеца подъ руки и такъ дотащили его до коляски. Тогда Григорій Петровичъ усѣлся подъ поднятый верхъ, а рядомъ съ нимъ прислонили то, что было такъ недавно паномъ Лабинскимъ. Фонъ-Клабэнъ издали слѣдилъ за ними, махая Галдину ручкой въ знакъ благодарности.

— Надѣюсь, что панъ Лабинскій скоро будетъ хорошо себя чувствовать,—крикнулъ онъ такъ, чтобы его услышала прислуга.

Лошади тронулись. Мертвое тѣло качнулось, упавъ на плечо Григорію Петровичу. Онъ отстранилъ его отъ себя и поправилъ на головѣ его шляпу.

— Ничего, ничего—скоро пріѣдемъ,—сказалъ ротмистръ, печально глядя въ осунувшееся лицо своего окоченѣвшаго уже сосѣда.

Потомъ онъ выглянулъ изъ-за кузова въ надеждѣ увидать милое лицо въ одномъ изъ оконъ. Но черезъ частую сѣть дождя ничего нельзя было разобрать.

Тогда онъ опять откинулся въ глубь коляски и, сидя рядомъ со своимъ молчаливымъ спутникомъ, предался грустнымъ, но сладостнымъ мыслямъ объ Анастасіи Юрьевнѣ. Потомъ, вспомнивъ, куда онъ ѣдетъ, попробовалъ возстановить въ своей памяти красивыя черты одной изъ дочерей пана Лабинскаго и вскорѣ заснулъ, что случалось съ нимъ часто, когда ему предстоялъ долгій путь.

Мертвецъ опять скатился въ его сторону, прильнулъ къ Галдину и, свѣсивъ голову внизъ, молчаливо сторожилъ сонъ живого.

Гроза постепенно стихала. Изъ-за тучъ всплывалъ тихій мѣсяцъ.

Ю. Слезкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛЭДИ ГАМИЛЬТОНЪ и ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ. [1])

Очерки по роману: Lord Nelson's letzte Liebe. Roman von *Heinrich Vollrat Schumacher.* Berlin, 1912 и книгѣ *Walter Sichel:* Emma Lady Hamilton. London, 1905.

I.

Корабль круто обогнулъ мысъ Мизено и вошелъ въ Неаполитанскій заливъ. Сверкая бѣлыми парусами въ солнечныхъ лучахъ, онъ быстро скользилъ по голубой поверхности Тиренскаго моря и приближался къ городу.

— Чортъ возьми, что это съ моими глазами сегодня!—воскликнулъ сердито сэръ Вилльямъ, стоявшій на балконѣ посольскаго дворца. Онъ пошелъ въ комнату, чтобъ принести подзорную трубу.—Не могу различить, какой флагъ; ужъ не французскій ли?...

Эмма приподняла голову отъ книги, которую читала.

— Откуда имъ взяться,—сказала она небрежно.—Вѣдь ты же говорилъ, что Гибралтаръ не пропускаетъ ни одного французскаго судна изъ Бреста или Гавра? А такъ какъ Гудъ заперъ ихъ средиземноморскій флотъ въ Тулонѣ, то...

— Ну, а если съ нимъ случилось несчастье? И самый лучшій полководецъ можетъ быть иногда разбитъ...

— Съ Фридрихомъ Великимъ это случалось не разъ, и все же Пруссія отъ этого не погибла. И Англія не исчезнетъ съ лица земли, если даже случится несчастье съ кѣмъ-нибудь изъ ея адмираловъ. Не сиди же на солнцѣ изъ-за этого!... Должно быть, это какое-нибудь новое судно Маріи Каролины. Тебѣ бы слѣдовало уже привыкнуть къ ихъ появленію. Ты видишь ихъ достаточно часто!...

---

[1]) См. очерки *Э. К. Пименовой:* „Лэди Гамильтонъ". *Русская Мысль*, 1911 г. (октябрь и декабрь).

Эмма стояла возлѣ мужа и смѣялась.

— Развѣ ты не замѣтилъ?—продолжала она.—Она хочетъ доказать Англіи, какъ важно имѣть ее союзницей! А ея молодые офицеры мечтаютъ о томъ, чтобы сдѣлать изъ Неаполя вторую Венецію. Народъ только и думаетъ, что о постройкѣ судовъ да о матросахъ. Послѣ того, какъ Марія Каролина пожертвовала на флотъ свое наслѣдство—брилліанты Маріи Терезіи, за нею и всѣ неаполитанскіе богачи начали отдавать половину своего имущества на тѣ же цѣли...

— И бѣдняки тоже несутъ свои гроши на алтарь отечества!

— Я видѣла недавно одного лаццарони, оборваннаго, полуголоднаго. И что-жъ? Когда я проѣзжала мимо него съ Маріей Каролиной, то онъ вырвалъ изъ своего окровавленнаго уха тонкую серебряную серьгу и бросилъ ей на колѣни. Это было все, что онъ имѣлъ!...

Голосъ Эммы звучалъ глухо, когда она это говорила. Сэръ Вилльямъ кивнулъ головой.

— Они совсѣмъ обезумѣли,—сказалъ онъ съ легкой насмѣшкой.—Они, вѣдь, это дѣлаютъ не только изъ патріотизма, а также изъ ненависти къ королевѣ. Они готовы были бы отдать свои послѣдніе гроши, чтобы выкупить ея брилліанты. Они не хотятъ, чтобы на судахъ было что-нибудь австрійскаго происхожденія и чтобы Марія Каролина могла похвалиться своимъ королевскимъ подвигомъ...

Книга выскользнула изъ рукъ Эммы.

— Королевскимъ подвигомъ!—повторила она послѣднія слова мужа.—Да, оно такъ и есть! Она изо всѣхъ силъ старается, чтобы объ этомъ узнали всѣ и чтобы каждый говорилъ: Марія Каролина продала свои украшенія и носитъ фальшивые брилліанты, для того чтобы имѣть возможность подарить Неаполю одинъ корабль!

— Какъ странно ты говоришь это! Развѣ это не правда?—спросилъ сэръ Вилльямъ.

— Конечно, правда. И народъ этому вѣритъ... какъ вѣрятъ дѣти сказкамъ!

— Не понимаю, что ты хочешь сказать! Это правда и въ то же время сказка?

Она улыбнулась съ горечью.

— Недавно... ты помнишь? Она опять боялась спать одна и оставила меня у себя. И вдругъ, ночью, ей пришла мысль устроить театральное представленіе. Она притащила костюмы и всѣ свои фальшивыя драгоцѣнности, которыя я должна была надѣть на

себя. Но ей все казалось мало. И вотъ она достала свою шкатулку, открыла потайной ящикъ и вынула оттуда настоящіе брилліанты...

— Брилліанты Маріи Терезіи?

— Да. Все было на мѣстѣ. Когда она увидала мое изумленіе, то расхохоталась, сказала мнѣ, что это—„сказка, имѣющая цѣлью выманить деньги у взрослыхъ дѣтей!...“ А этотъ несчастный лаццарони, вырвавшій свою серьгу изъ уха! Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что королевы никогда не лгутъ!...

Въ послѣднихъ словахъ ея звучалъ глухой, сдержанный гнѣвъ.

Сэръ Вилльямъ пожалъ плечами.

— Что дѣлать!—проговорилъ онъ.—Въ политикѣ всѣ средства дозволены, какъ на войнѣ. Что же касается этой сказки... Вспомни исторію съ ожерельемъ Маріи Антуанеты. Вѣдь и слова правды не было тутъ, а все же Филиппъ Орлеанскій такъ ловко воспользовался этой исторіей, что репутація Маріи Антуанеты была окончательно погублена. Въ случаѣ, если-бъ Марія Каролина стала намъ воздвигать препятствія, то...

— Вы бы пригрозили ей разоблаченіями?

— Это было бы глупо. Съ ея мстительностью она бы намъ не простила никогда!—Онъ сѣлъ въ кресло и вытянулъ свои худыя, длинныя ноги.—Если-бъ шепнуть объ этомъ парижскимъ якобинцамъ? Со времени казни Людовика XVI и заточенія Маріи Антуанеты они, конечно, видятъ въ Маріи Каролинѣ своего смертельнаго врага. Они бы воспользовались этой сказкой для одного изъ своихъ ядовитыхъ памфлетовъ, а ихъ друзья, неаполитанскіе патріоты, ужъ, конечно, позаботились бы о томъ, чтобъ Марія Каролина прочла это! Она, какъ и всѣ женщины, въ политикѣ поддается вліянію чувствъ и поэтому захочетъ мстить французамъ. А только мы одни могли бы доставить ей возможность отмстить. Въ результатѣ—она окончательно перешла бы на нашу сторону. Самое же пикантное то, что намъ помогли бы въ этомъ наши же соперники французы, выдающіе себя за умнѣйшихъ людей на свѣтѣ! Не правда ли, великолѣпно? Питтъ будетъ очень доволенъ этимъ планомъ...

Онъ подошелъ къ письменному столу и уже взялся за перо. Но Эмма остановила его.

— Ты хочешь написать объ этомъ Питту? Вѣдь Марія Каролина говорила это только мнѣ одной!...

— Оставь. Тебя это не касается. Скажи мнѣ только, король объ этомъ знаетъ?

— Онъ поклялся ей своей честью, что никому не скажетъ объ этомъ.

— Честью? Честь „посатаго“ короля?—Сэръ Вилльямъ громко расхохотался.—Хочешь ли ты побиться объ закладъ со мной, что онъ проболтается мнѣ объ этомъ? Впрочемъ, постой!... Онъ, навѣрное, уже проболтался объ этомъ кардиналу Руффо. Этотъ интриганъ косо поглядываетъ на насъ, англичанъ. Онъ хотѣлъ бы прогнать нашего перваго министра, англичанина Актона, и самому сдѣлаться первымъ министромъ. Если Фердинандъ разсказалъ ему объ этомъ, то подозрѣніе, конечно, падетъ на Руффо, и тогда онъ погибъ навѣки. Ея довѣріе къ тебѣ не пошатнется, можешь быть спокойна!

Онъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, и на лицѣ его свѣтилось злорадство. Эмма подошла къ нему, облокотилась на его плечо и пристально посмотрѣла ему въ глаза:

— Да, она довѣряетъ мнѣ! Я единственный человѣкъ, съ которымъ она откровенна, безъ всякихъ стѣсненій,—тихо проговорила Эмма.—Оттого что она меня любитъ, вѣритъ въ мое безкорыстіе! А между тѣмъ, я... я обманываю ее каждымъ своимъ словомъ, каждымъ выраженіемъ лица...

— Опять эти угрызенія!—Сэръ Вилльямъ нетерпѣливо завертѣлся въ креслѣ.—Но послушай же, вѣдь ты моя жена, ты англичанка! Твой долгъ—быть полезной мнѣ и твоей родинѣ. И потомъ... вѣдь тебѣ самой такъ сильно хотѣлось играть роль въ политикѣ? Вѣдь ты сама просила меня объ этомъ! Тебѣ хотѣлось, подобно богинѣ, скрытой въ облакахъ, руководить судьбами людей! А теперь, когда тебѣ представляется случай, ты раздумываешь? Оттого что въ игру замѣшаны короли и народы? Пустяки, моя милая! Вы, женщины, то же самое дѣлаете въ своихъ салонахъ и будуарахъ. Тутъ происходитъ лишь состязаніе умовъ, тончайшаго искусства, какое только существуетъ на свѣтѣ. А ты, вѣдь, сама—мастерица, художница высшаго полета.

Онъ лукаво подмигнулъ ей и, повернувшись къ письменному столу, началъ писать. Эмма безмолвно отошла отъ него.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не правъ? Развѣ не она хотѣла этого? Чтобъ сдѣлаться лэди Гамильтонъ? Чтобъ отомстить Гревиллю?...

Она стояла позади и смотрѣла на наклоненную голову сэра Вилльяма. Какой величественной казалась эта голова въ напудренномъ парикѣ. Но Эммѣ невольно вспомнилась ея брачная ночь, когда съ головы влюбленнаго старика свалился парикъ, скрывающій его гладкій черепъ...

Нѣкогда, въ дни своихъ бѣдствій, она видала такія головы у юношей развратныхъ, истощенныхъ, порочныхъ... Какъ бранила

она себя въ ту ночь за то, что осмѣлилась мысленно сравнивать его, высокопоставленнаго лорда, съ этими подонками общества, съ ворами и мошенниками! Но теперь, черезъ два года брачной жизни, о, какъ хорошо она знала его! Какъ онъ умѣлъ смотрѣть на всѣхъ открытымъ, честнымъ взглядомъ и добродушно улыбаться въ то время, какъ уста его произносили ложь, а мозгъ былъ занятъ самыми коварными планами! Онъ даже умѣлъ пролить слезу надъ несчастіями своей жертвы и, главное, умѣлъ такъ хорошо заметать свои слѣды, что весь міръ восхвалялъ его честность, правдивость и доброту его сердца! Что же онъ былъ, какъ не такой же воръ и обманщикъ? Но только тѣ попадали въ тюрьму и на висѣлицу, а онъ занималъ высокое положеніе въ обществѣ, и то, что считалось преступленіемъ и порокомъ у другихъ, вмѣнялось ему въ заслугу и добродѣтель.

Впрочемъ, развѣ онъ былъ не правъ, когда смѣлся надъ всѣмъ? Эмма сама была лучшимъ доказательствомъ, какихъ успѣховъ можно добиться, отбросивъ всякую щекотливость, не считаясь со своей совѣстью... И когда она вспоминала о томъ, что сэръ Вилльямъ сознался ей, что купилъ ее у своего племянника, заплативъ его долги, то въ душѣ ея снова закипалъ глухой гнѣвъ. Что-жъ она была такое? Рабыня!...

Но она оставалась ему вѣрна. У ея ногъ были всѣ придворные и король украдкой бросалъ на нее взоры... Она могла бы безнаказанно измѣнять сэру Вилльяму, если-бъ хотѣла... Но ея сердце было мертво. Она не могла бы полюбить никого. А между тѣмъ... Во время шумныхъ придворныхъ празднествъ, въ тѣнистыхъ аллеяхъ парка, въ поѣздкахъ при лунѣ по заливу, когда она слышала шепчущіе голоса на лодкахъ, проѣзжающихъ мимо, и до нея долетали звуки страстныхъ пѣсенъ и заглушенныхъ поцѣлуевъ, въ душѣ ея вставалъ роковой, мучительный вопросъ...

„Неаполь, 10 сентября 1793 г.“...

Сэръ Вилльямъ успѣлъ поставить только число на своемъ письмѣ, когда въ гавани раздались пушечные выстрѣлы и вскорѣ послѣ того къ нему въ дверь постучался первый секретарь посольства.

— Прошу извиненія,—сказалъ онъ.—Но дано знать со станціи въ гавани, что „Агамемнонъ“ изъ тулонской эскадры адмирала Гуда идетъ сюда. Кромѣ того, курьеръ министерства Феррери проситъ разрѣшенія явиться къ вамъ.

Сэръ Вилльямъ засмѣялся.

— Еще бы! Онъ, конечно, все время боялся, пока не увидѣлъ на „Агамемнонѣ“ флагъ. А вдругъ, это французское судно?...

Помните, что произошло девять мѣсяцевъ тому назадъ? Нѣтъ? Впрочемъ, васъ тогда еще не было здѣсь.

И сэръ Вилльямъ началъ съ большимъ злорадствомъ разсказывать секретарю, какому униженію подвергался неаполитанскій дворъ передъ лицомъ всей Европы. Французскій адмиралъ Латушъ-Тревилль явился со своимъ флотомъ и потребовалъ признанія республики и удовлетворенія за оскорбленіе французскаго посла въ Стамбулѣ, которое было вызвано политикой Маріи Каролины. Адмиралъ поручилъ простому гренадеру Белльвилю передать это требованіе королю, и тотъ сдѣлалъ это въ очень грубой формѣ. Но Фердинандъ, чтобы избѣжать бомбардировки города, смирился и даже пригласилъ французскихъ офицеровъ на праздникъ примиренія. Однако „республиканцы“ отказались отъ всякихъ сношеній съ неаполитанскимъ деспотомъ и отвергли его приглашеніе!

— Ха-ха! Этотъ гренадеръ нагналъ-таки страху на короля,— прибавилъ сэръ Вилльямъ.—Неудивительно, что онъ такъ боится теперь извѣстій изъ Тулона!... Передайте Феррери, что я самъ буду у короля. А теперь, будьте добры, загляните въ списокъ судовъ, что это за судно „Агамемнонъ“ и кто имъ командуетъ?

Секретарь развернулъ бумагу, находившуюся у него въ рукахъ.

— Я предвидѣлъ вашъ вопросъ,—сказалъ онъ,—и потому запасся реестромъ судовъ. „Агамемнонъ“—линейный корабль съ 64 пушками. Онъ находится подъ командой Горація Нельсона...

— Вы говорите: Нельсона, Горація?—вдругъ спросила Эмма.

— Да... Позвольте!—И Клеркъ снова заглянулъ въ реестръ судовъ.—Дѣйствительно. Его зовутъ Горація Нельсонъ,—подтвердилъ онъ.

— Ты развѣ его знаешь?—обратился сэръ Вилльямъ къ женѣ.

Она сдѣлала равнодушное лицо.

— Я не знаю его, но имя его уже слышала.

— Есть о немъ какія-нибудь свѣдѣнія въ вашемъ реестрѣ, мистеръ Клеркъ?—спросилъ сэръ Вилльямъ.

— Очень мало. Онъ сынъ священника въ Бернгэмъ-Горпѣ и съ 12-лѣтняго возраста зачисленъ во флотъ. Въ 1773 году онъ совершилъ путешествіе въ полярное море, потомъ былъ въ Вестъ-Индіи, гдѣ завоевалъ испанскій фортъ Санъ Хуанъ. Онъ вернулся въ 1780 г. въ Англію и лѣчился ваннами въ Батѣ отъ паралича состоянія. Въ 1781 г. онъ снова поступилъ на службу, а въ 1784 г., во время проведенія навигаціоннаго акта противъ сѣверо-американцевъ, у него произошло столкновеніе съ его начальствомъ...

— Да, да, помню!—вскричалъ сэръ Вилльямъ.—Онъ разоблачилъ казнокрадство на верфяхъ... Заслуженный человѣкъ! Такъ скажите же Феррери и держите курьера наготовѣ. Быть можетъ, „Агамемнонъ“ везетъ извѣстія, которыя мы должны будемъ немедленно сообщить министерству иностранныхъ дѣлъ...

Когда секретарь вышелъ изъ комнаты, сэръ Вилльямъ обратился къ Эммѣ:

— Не составишь ли ты шифрованную депешу Питту объ этой... сказкѣ? Курьеръ отвезетъ ее.

Эмма пытливо посмотрѣла на него:

— Ты всетаки настаиваешь? — проговорила она, чуть-чуть улыбаясь.

— Развѣ это не мой долгъ?

Она холодно кивнула головой и сѣла за письменный столъ. Но сэръ Вилльямъ не уходилъ. Какъ будто что-то удерживало его. И она догадывалась, что это было, чувствовала, что онъ съ усмѣшкой смотритъ на нее...

Его присутствіе стѣсняло ее. Ей хотѣлось, чтобы онъ ушелъ, хотѣлось одной передумать обо всемъ. Нельсонъ скоро будетъ здѣсь!...

Ея мысли невольно вылились въ вопросѣ, съ которымъ она обратилась къ мужу.

— А какъ относительно капитана „Агамемнона“... Я спрашиваю насчетъ приготовленій? Ты примешь его въ посольствѣ?

— Принимать его? Эти моряки, напивающіеся и изрыгающіе проклятія, немыслимы въ порядочномъ обществѣ! Притомъ же онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ лордовъ адмиралтейства своими разоблаченіями. Это такъ называемый реформаторъ, желающій пробить стѣну лбомъ. Отъ такихъ людей лучше быть подальше...

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и, нагнувъ голову, такъ что она чувствовала его горячее дыханіе на своей шеѣ, прошепталъ:

— Ты, можетъ быть, не хочешь, чтобы Питтъ узналъ объ этой сказкѣ? Что-жъ... Если ты будешь болѣе ласкова со мной...

Онъ взялъ ея руку и покрылъ ее горячими поцѣлуями. Она не двигалась. Тогда онъ сдѣлался смѣлѣе и крѣпче обнялъ ее, ища ея губы. Ей страстно захотѣлось оттолкнуть его въ эту минуту, но она вспомнила, что она его жена и что сколько разъ уже она продавала ему свои ласки за исполненіе какого-нибудь своего желанія! Она съ усиліемъ проговорила:

— Прости... но я чувствую себя такой утомленной сегодня... у меня болитъ голова... въ другой разъ!

Она протянула ему свои губы, точно обезсиленная, и въ то время, какъ онъ цѣловалъ ее, руки ея судорожно сжались...

II.

Наконецъ, онъ ушелъ! Эмма встала, взяла подзорную трубу и вышла на балконъ. Ей хотѣлось разсмотрѣть приближающееся судно. Всѣ паруса были подняты, и на палубѣ виднѣлись какія-то темныя фигуры. На кормѣ стоялъ одиноко какой-то человѣкъ. Лицо его было въ тѣни, и Эмма не могла разглядѣть его. Былъ ли это Нельсонъ? Она видѣла его двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ другимъ...

Она опустила подзорную трубу и закрыла глаза. Въ ея памяти снова пронеслись картины прошлаго, и она увидѣла передъ собою Нельсона такимъ, какимъ она видѣла его тогда...

Вернувшись изъ Вестъ-Индіи съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, Нельсонъ услыхалъ объ электрическихъ методахъ лѣченія доктора Грэгема и поэтому обратился къ нему. Эмма была тогда помощницей Грэгема. Когда она вошла, закутанная густой вуалью, скрывавшей ея наружность, Нельсонъ полулежалъ въ креслѣ, совершенно разслабленный, худой, какъ скелетъ и страшно негодующій на то, что его болѣзнь удерживаетъ его вдали отъ войны. На Эмму онъ не обратилъ никакого вниманія, и только, когда ея руки прикоснулись къ нему, онъ вздрогнулъ и вскрикнулъ, точно отъ боли. Но постепенно руки Эммы, своими пассами, усыпили его.

— Видите ли вы меня?—спросила она его, чтобы удостовѣриться въ своей власти надъ нимъ, и онъ описалъ ей ея лицо, ея фигуру.

Онъ пришелъ въ восторгъ отъ ея красоты, а, вѣдь, онъ никогда не видалъ ея раньше! Потомъ онъ разсказалъ всѣ симптомы своей болѣзни...

Эмма вспомнила приговоръ доктора Грэгема. Параличное состояніе могло излѣчиться, но противъ главнаго его страданія—эпилептическихъ припадковъ—не было средствъ. Несчастный человѣкъ!...

И передъ глазами Эммы снова промелькнуло молодое, тонкое либо больного и прелестная улыбка, съ которою онъ взглянулъ

на нее, открывъ глаза... Но онъ ничего не помнилъ, что происходило съ нимъ въ магнетическомъ снѣ.

Она больше не видала его. Его благочестивый отецъ, противникъ всякихъ новшествъ, увезъ его изъ Лондона въ Батъ. И Нельсонъ такъ же исчезъ изъ ея жизни, какъ всѣ, кого она когда-нибудь любила...

Однако, тѣни прошлаго какъ будто снова встаютъ передъ ней. Нельсонъ вернулся!...

Громкіе крики, раздавшіеся внизу, на набережной, вывели ее изъ задумчивости. Толпа людей бѣжала по берегу, провожая королевскую лодку, направлявшуюся къ „Агамемнону“. Король сидѣлъ подъ желтымъ шелковымъ балдахиномъ и неуклюжимъ движеніемъ руки отвѣчалъ на привѣтствія народа. Возлѣ него стоялъ сэръ Вилльямъ въ своемъ сверкающемъ золотомъ посольскомъ мундирѣ и что-то съ живостью говорилъ ему.

Нельсонъ принялъ короля, стоя на самой нижней ступени корабельнаго трапа. Послѣ краткаго привѣтствія Фердинандъ вдругъ обнялъ Нельсона и потомъ, повернувшись къ матросамъ, какъ будто что-то прокричалъ имъ.

Въ толпѣ, густо стоящей на берегу, произошло какое-то движеніе, и она быстро повернула къ городу, въ улицы, тотчасъ же наполнившіяся народомъ. И вездѣ раздавались громкіе, радостные крики, волной раскатившіеся по всему городу и донесшіеся до посольскаго дворца.

— Тулонъ взятъ! Якобинскій флотъ въ плѣну! Да здравствуетъ Англія! Да здравствуетъ капитанъ „Агамемнона“, спаситель Италіи!...

Нельсонъ, въ сопровожденіи сэра Вилльяма и короля Фердинанда, взошелъ на палубу. Фердинандъ улыбался и посылалъ поцѣлуи народу, стоявшему на берегу. Какъ только онъ вступилъ на палубу „Агамемнона“, на главной мачтѣ корабля поднялся флагъ королевства обѣихъ Сицилій, какъ разъ подъ флагомъ Великобританіи. Это былъ какъ бы символъ будущаго преуспѣянія Неаполя. Руки сильнаго покровительственно простерлись надъ слабымъ...

Пушки „Агамемнона“ грянули королевскій салютъ. Суда, стоящія въ гавани, арсеналъ, форты, крѣпость отвѣчали имъ. Все заволокло густымъ дымомъ, и на мгновеніе облака чернаго дыма заслонили синеву небесъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался звонъ церквей, привѣтствовавшихъ радостную вѣсть.

Весь Неаполь ликовалъ въ эту минуту, и радостные крики многихъ тысячъ голосовъ заставляли содрогаться землю...

Странное волненіе охватило Эмму. Крики толпы, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ дѣйствовали на нее возбуждающимъ образомъ. Словно какая-то горячая волна приливала ей къ сердцу и заставляла слезы навертываться на глазахъ. Это было какое-то опьянѣніе.

Когда она видѣла Нельсона въ первый разъ, онъ лежалъ, безсильный, недвижимый, и глубокое состраданіе наполняло ея сердце. А теперь!...

Зачѣмъ она родилась женщиной? Что значили всѣ тріумфы ея красоты, всѣ ея успѣхи въ искусствѣ и политикѣ передъ блескомъ такой военной славы, громъ которой пронизываетъ небо и землю? Ей хотѣлось бы быть мужчиной, быть побѣдителемъ, передъ которымъ человѣчество падало бы ницъ. О, какъ она завидовала Нельсону!

Черезъ часъ секретарь ея мужа мистеръ Клеркъ принесъ ей отъ него записку:

„Милая Эмма!

„Тулонъ взятъ. Французскій флотъ въ плѣну. Подробности сообщу лично.

„Агамемнонъ“ пробудетъ нѣкоторое время здѣсь. Онъ долженъ взять неаполитанскія войска и отвезти ихъ въ Тулонъ для защиты города отъ возможнаго нападенія якобинцевъ и нѣкоего Буонапарта. Я пригласилъ поэтому Нельсона жить у насъ.

„Въ данный моментъ мы засѣдаемъ въ замкѣ. Къ удивленію Носатый не спитъ, а Марія Каролина вся сіяетъ отъ восторга. Оба очарованы маленькимъ капитаномъ, въ которомъ, судя по его блестящимъ глазамъ и голосу, есть что-то такое, что можетъ сдѣлать изъ него великаго адмирала. Онъ привезъ мнѣ рекомендательное письмо отъ принца Вильгельма, и королева тоже довольно прозрачно намекнула мнѣ, что она бы желала имѣть поблизости Нельсона. Я рѣшилъ на этомъ основаніи протежировать этому человѣку. Вотъ отчего я и приглашаю его къ намъ. Приготовь ему комнату, которую мы предназначали для принца. Талантливый морякъ, передъ которымъ открывается будущее, конечно, стоитъ не меньшаго вниманія, чѣмъ принцъ съ развратнымъ прошлымъ. Притомъ же этотъ принцъ, возвѣстившій о своемъ посѣщеніи и этимъ вынудившій бѣднаго посланника къ непроизводительнымъ расходамъ, въ концѣ-концовъ всетаки не пріѣхалъ!

„Нельсонъ проситъ передать тебѣ поклонъ. Онъ немного неловокъ и совсѣмъ не похожъ на Адониса, но все же производитъ пріятное впечатлѣніе. Съ материнской стороны онъ при-

ходится сродни Уалполлю. Смѣшно смотрѣть, съ какою комическою застѣнчивостью онъ встрѣчаетъ авансы Маріи Каролины. Повидимому, онъ совсѣмъ не знаетъ женщинъ!

„Приготовь же все. Я привезу его съ собой прямо изъ государственнаго совѣта. Марія Каролина кланяется тебѣ; она надѣется завтра тебя увидѣть. А сегодня, какъ она говоритъ, ты должна выполнить въ отношеніи гостя свои обязанности хозяйки дома и показаться ему съ самой лучшей стороны. Мои же собственныя желанія вполнѣ совпадаютъ съ этимъ.

„Цѣлую твои ручки и надѣюсь сегодня же вручить имъ обратно „сказку“. Пишу впопыхахъ.

Твой *Вилльямъ Гамильтонъ*“.

Эмма приняла Нельсона въ греческой комнатѣ, убранство которой всего лучше выставляло ея классическую красоту. Нельсонъ, увидѣвъ ее, не могъ скрыть своего удивленія и даже какого-то испуга. Въ замѣшательствѣ онъ пролепеталъ что-то, извиняясь за безпокойство, которое причинилъ ей.

Эмма насмѣшливо улыбнулась. Она привыкла къ такому замѣшательству мужчинъ, и видѣла въ немъ доказательство восхищенія ея красотой. Это было безмолвное преклоненіе передъ нею. Но въ то же время ее возмущало, что и Нельсонъ въ этомъ отношеніи былъ такой же, какъ всѣ. Онъ долженъ былъ бы быть другимъ!

Она небрежно указала ему на кресло возлѣ себя и холодно отвѣчала ему. Какъ-то противъ ея воли тонъ ея сдѣлался жеманнымъ, что совершенно было не въ ея натурѣ.

— Вы привезли хорошія вѣсти, капитанъ, поэтому не нуждаетесь въ извиненіи, тѣмъ болѣе, что ваши заслуги тутъ очень велики. Я жалѣю только, что мы не предвидѣли вашего прибытія и не могли приготовить побѣдителю Тулона лавровый вѣнокъ, который принадлежитъ ему по праву.

— Побѣдителю?—воскликнулъ Нельсонъ, густо покраснѣвъ и вскакивая съ мѣста.—Милэди извинитъ меня, но я не знаю, о комъ она говоритъ.

Сэръ Вилльямъ, смѣясь, усадилъ его на мѣсто.

— Это недоразумѣніе,—сказалъ онъ.—Мой милый капитанъ, моя жена вовсе не имѣла намѣренія обижать васъ. Она не знаетъ никакихъ подробностей относительно Тулона. Вы мнѣ позволите сообщить ей?

И онъ разсказалъ Эммѣ все, что Нельсонъ только что сообщилъ государственному совѣту относительно занятія Тулона.

Паденіе жирондистовъ вызвало тамъ возстаніе. Когда же яко-

бинцы стали угрожать городу, то жители его вступили въ переговоры съ блокирующей эскадрой, англійской и испанской. 28 августа они передали городъ и стоящій въ гавани флотъ лорду Гуду и адмиралу Лангара.

— Франція потеряла пятьдесятъ восемь судовъ!—съ торжествомъ прибавилъ сэръ Вилльямъ.—Вѣдь, этотъ успѣхъ избавляетъ насъ, по крайней мѣрѣ, отъ двухъ или трехъ кровавыхъ сраженій... Вы покачиваете головой, капитанъ?

Нельсонъ слегка наморщилъ брови.

— Развѣ она ихъ потеряла?—возразилъ онъ.—Суда еще плаваютъ, и Франція можетъ ихъ вернуть. Но удача Франціи будетъ означать неудачу Англіи. По моему мнѣнію,—я говорилъ это и на вашемъ совѣтѣ,—суда надо было сжечь. Лангара, однако, воспротивился этому.

Сэръ Вилльямъ кивнулъ головой.

— Онъ стоялъ на этой точкѣ зрѣнія, какъ испанецъ,—замѣтилъ посланникъ.—Вѣдь, если Франція потеряетъ свою силу на морѣ, то Испанія окажется безсильной противъ Англіи.

Глаза Нельсона сверкнули.

— Но Гудъ не долженъ былъ поддерживать его!—воскликнулъ Нельсонъ.—Тотъ, кто становится на чужую точку зрѣнія, никогда не возьметъ верхъ надъ врагомъ. Брать и уничтожать—вотъ единственно возможный путь для Англіи!

— Вы еще молоды, мой милый капитанъ,—возразилъ сэръ Вилльямъ съ легкимъ состраданіемъ.—Вы думаете и чувствуете, какъ воинъ. Но государственный человѣкъ не можетъ такъ попирать ногами общественное мнѣніе; онъ долженъ соблюдать хоть тѣнь права. Знаете ли вы, какъ я поступилъ бы на мѣстѣ Гуда? Я взялъ бы на храненіе эти пятьдесятъ восемь судовъ, только на храненіе! Чтобы сохранить ихъ для Людовика XVII. Вѣдь, мы же офиціально ведемъ войну ради сына и наслѣдника Людовика XVI? Слѣдовательно, право на нашей сторонѣ. Но мы должны вернуть ему суда, какъ только онъ вступитъ на престолъ. Однако, тогда мы можемъ поискать другого права и сумѣемъ обойти эту необходимость. „Брать и уничтожать!“ сказали вы, какъ солдатъ, а я отвѣчаю вамъ, какъ государственный человѣкъ: „брать и оставлять у себя!“ И я думаю, что мой принципъ можетъ быть полезенъ старой Англіи. Надѣюсь, что Гудъ не приметъ никакихъ поспѣшныхъ рѣшеній и подождетъ указаній изъ Лондона.

Нельсонъ пожалъ плечами.

— Онъ уже принялъ рѣшеніе... и совершенно въ вашемъ духѣ,—сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, онъ болѣе талантливъ, чѣмъ я думалъ! Или, быть можетъ, ему уже были даны инструкціи на всякій случай? Питтъ, вѣдь, все умѣетъ предвидѣть!

Эмма молча слушала разговоръ. Она думала о славѣ, о томъ, что она уже готова была видѣть въ Нельсонѣ героя, побѣдителя... И что же?

— Такъ изъ-за этого гремятъ пушки и звонятъ колокола! А народъ ликуетъ и кричитъ: да здравствуетъ Нельсонъ, спаситель Италіи! Простой дипломатическій фокусъ, мошенническая уловка!...—вырвалось у нея съ отвращеніемъ.

Нельсонъ хотѣлъ что-то возразить, но сэръ Вилльямъ не далъ ему и, хихикая, замѣтилъ:

— Называй какъ угодно, дитя,—возразилъ онъ.—Дѣло не въ имени. Обстоятельства же складываются для Англіи самымъ блестящимъ образомъ. Это призналъ и самъ Фердинандъ. Когда Нельсонъ потребовалъ для Гуда шесть тысячъ войска, то Фердинандъ по собственной иниціативѣ далъ свое согласіе, не дожидаясь того, что скажетъ Марія Каролина. Онъ теперь съ большимъ бы удовольствіемъ всталъ во главѣ своей гвардіи, чтобы вновь завоевать французскій флотъ. Такой геройскій подвигъ какъ разъ былъ бы ему по плечу!... Но вы, мистеръ Нельсонъ, не принимайте слишкомъ близко къ сердцу того, что говоритъ моя жена. Она мечтаетъ о совершенствѣ и возмущается, если не все идетъ согласно правиламъ красоты и благородства. Это женскій романтизмъ!

Нельсонъ, овладѣвъ собой, вѣжливо поклонился сэру Вилльяму и проговорилъ съ легкой ироніей:

— Я понимаю вашу точку зрѣнія... но мнѣ кажется, что я могу понять и точку зрѣнія милэди. Не правда ли, милэди, вы подумали, конечно, что я чувствую себя очень польщеннымъ овваціями неаполитанцевъ?

Онъ слегка нагнулся къ ней, говоря это, и заглянулъ ей прямо въ глаза. Она выдержала его взглядъ и, гордо откинувъ голову, произнесла:

— Да, я думаю это, сэръ.

На лицѣ его появилось суровое выраженіе.

— Я бы хотѣлъ, милэди, чтобы всѣ англійскія женщины имѣли такое же мужество говорить правду! Вы, значитъ, считаете меня тщеславнымъ честолюбцемъ, жаждущимъ славы, все равно, будетъ ли она заслужена, или нѣтъ?

У нея вдругъ явилось странное желаніе задѣть его еще сильнѣе, обидѣть и возмутить.

— Если вы такъ не думаете, зачѣмъ же вы допустили это? зачѣмъ вы приняли овацiи народа?

Онъ вздрогнулъ, точно ему нанесли ударъ.

— У меня тоже есть своя гордость, милэди,—отвѣчалъ онъ.— Хотя я простой капитанъ, но я на службѣ его величества короля, и сюда я явился съ порученіемъ моего адмирала—во что бы то ни стало добыть войска для Тулона. Для насъ все зависитъ отъ сговорчивости Неаполя. Имѣлъ ли я право поколебать вѣру народа въ нашу побѣду, того самаго народа, который долженъ дать намъ солдатъ! И притомъ, вѣдь, не ко мнѣ относились эти крики, не меня чествовали, а флагъ Великобританiи, на побѣдахъ котораго Италiя основываетъ всѣ свои надежды. Долженъ ли я былъ воспротивиться этому? Да, если-бъ я въ дѣйствительности не вѣрилъ въ побѣду! Но я въ ней не сомнѣваюсь и надѣюсь доказать это рано или поздно. Быть можетъ, милэди, вамъ всетаки придется обрывать для меня лавровыя вѣтки въ своемъ саду! А можетъ быть, и вѣтки кипариса... Какъ повернется счастье!...

Слова его и тонъ, какимъ они были сказаны, произвели на нее впечатлѣніе. Она не могла оторвать своихъ глазъ отъ него: столько вѣры свѣтилось въ его взорахъ! Она замѣтила, съ какою сострадательною улыбкой смотрѣлъ на него сэръ Вилльямъ. Этотъ лукавый дипломатъ подсмѣивался надъ честнымъ моряком!

— Я вѣрю вамъ,—сказала она со внезапнымъ порывомъ.—Я вѣрю вамъ и прошу васъ простить мои подозрѣнія. Вамъ станутъ они понятны, когда вы поживете среди итальянцевъ. Тутъ всѣ шпіонятъ, сплетничаютъ, интригуютъ. А ужъ тщеславны они! Когда они говорятъ, то всегда смотрятъ по сторонамъ, слышатъ ли ихъ другіе и будутъ ли имъ апплодировать.

Сэръ Вилльямъ безпокойно завертѣлся въ креслѣ.

— Къ художественнымъ натурамъ нельзя примѣнять обыкновенную мѣрку,—сказалъ онъ.—Въ сущности они должны быть тебѣ симпатичны,—вѣдь ты тоже артистическая натура! Между вами должно быть сродство.

Она сверкнула на него глазами, радуясь, что задѣла его. Онъ самъ превратился въ настоящаго итальянца, пробывъ двадцать девять лѣтъ посланникомъ въ Италiи!

— Конечно, между ними и нами, женщинами, много сходства,— возразила она.—Они актеры и позёры, и коварны, какъ женщины. Но потому-то они намъ и несимпатичны. Насъ привлекаетъ про-

тивоположность насъ самихъ. Насъ привлекаетъ сила, которой у насъ нѣтъ и которой мы можемъ немного бояться. Да, да, мы именно этого и хотимъ—бояться, когда мы любимъ!... Вотъ почему я и тебя боюсь!—прибавила она съ злорадною насмѣшкой, обращаясь къ мужу.

Скрывая свою досаду, сэръ Вилльямъ, поймавъ ея руку и ласково погладивъ, проговорилъ:

— Мечтательница! Развѣ жена моя не фантазёрка, мистеръ Нельсонъ?...

Она знала, что ее и сэра Вилльяма считаютъ очень счастливой супружеской парой. Это она прочла и въ глазахъ Нельсона. Однако, быть можетъ, увидѣвъ ее въ первую минуту, онъ и пожалѣлъ о ней. Такая красавица, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ двадцати восьми лѣтъ, и рядомъ съ нею мужъ — шестидесяти трехлѣтній старикъ!...

III.

Сэръ Вилльямъ повелъ Нельсона, чтобы показать ему свои знаменитыя помпейскія сокровища. Онъ показалъ ему свои вазы, урны, колонны, разсказалъ, при какихъ обстоятельствахъ все это было найдено, похвалилъ практическій смыслъ Эммы, которая много помогала ему въ его раскопкахъ въ Кампаньѣ.

Вошла мать Эммы и вслѣдъ за нею лакей, который принесъ мороженое и фрукты. Эмма, взглянувъ на мать, тотчасъ же догадалась, что она чѣмъ-то озабочена. Эта бывшая крестьянка никакъ не могла привыкнуть къ блестящему положенію своей дочери, игравшей такую роль въ свѣтѣ и при дворѣ, и ей всегда казалось, что это счастье непрочно, что оно можетъ разлетѣться, какъ карточный домикъ, въ одну прекрасную минуту.

— Что съ тобой, мать?—спросила ее Эмма.—Что случилось?

— Я должна говорить съ тобой,—шепнула миссисъ Кадогенъ, бросая боязливый взглядъ на обоихъ разговаривающихъ мужчинъ.—Видишь ли, багажъ капитана привезъ матросъ... Томъ Киддъ, Эмма! что если онъ выдастъ насъ?

Эмма поблѣднѣла.

— Онъ видѣлъ тебя? Говорила ты съ нимъ?

Мать хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту подошелъ къ ней сэръ Вилльямъ и представилъ ей Нельсона своимъ обычнымъ шутливымъ тономъ:

— Мистеръ Горацiо Нельсонъ, капитанъ „Агамемнона“, герой дня... Миссисъ Кадогенъ, мать моей Эммы и перлъ всѣхъ хозяекъ въ мірѣ! Постарайтесь быть съ нею въ хорошихъ отношенiяхъ, капитанъ. Она у насъ неограниченный правитель во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Нельсонъ почтительно поклонился передъ смущенной старухой.

— Прошу васъ, не безпокойтесь обо мнѣ,—сказалъ онъ, и милая улыбка смягчила его черты.—Я вѣдь привыкъ къ самому простому образу жизни. Въ скромномъ домѣ моего отца, пастора, насъ садилось за столъ одиннадцать дѣтей... Ну, а наши судовые обѣды—самые простые на свѣтѣ! Да и то нашъ поваръ не всегда умѣетъ приготовить ихъ какъ слѣдуетъ, и тогда на сцену выступаетъ Томъ Киддъ...

— Томъ Киддъ?

Миссисъ Кадогенъ вздрогнула.

— Это мой главный боцманъ. Онъ изъ Уэлльса, съ береговъ ирландскаго моря. У него есть рецептъ приготовленiя ирландскихъ кушанiй, и если вы интересуетесь... Онъ долженъ былъ доставить сюда мои вещи.

— Ваши вещи уже доставлены,—вмѣшалась Эмма, скрывая подъ небрежнымъ тономъ свое безпокойство.—Моя мать только что говорила мнѣ, что матросы... Ты видѣла ихъ, мама?

— Нѣтъ, я ихъ не видала,—проговорила старуха съ усилiемъ.—И боцмана не видѣла. Винченцо доложилъ мнѣ. Я велѣла предложить имъ вина, но боцманъ отказался. Онъ сказалъ, что они должны поскорѣе вернуться на судно.

Нельсонъ разсмѣялся.

— Узнаю Тома Кидда! У него какое-то отвращенiе къ Неаполю. Знаете ли, онъ даже уговаривалъ меня отказаться отъ порученiя лорда Гуда? Онъ суевѣренъ, какъ и всѣ наши моряки. Онъ пришелъ ко мнѣ, мрачный, и почтительно объявилъ мнѣ, что ему приснился сонъ, предвѣщающiй, что я потеряю Джошуа, если поѣду въ Неаполь. Моя жена поручила ему своего сына, и поэтому онъ считаетъ своею обязанностью предупредить меня. Съ тѣхъ поръ онъ ни на мгновенiе не оставляетъ мальчика. Изъ-за него-то онъ и поспѣшилъ вернуться на „Агамемнонъ“.

Такъ онъ женатъ, имѣетъ сына!... Его слегка дрогнувшiй голосъ указывалъ, какъ онъ любитъ свою семью! Въ душѣ Эммы поднималось тяжелое чувство, которое она съ трудомъ подавила и, обратившись къ Нельсону, шутливо произнесла:

— Должно быть, вашъ боцманъ очень хорошiй человѣкъ, и я

боюсь, что, пригласивъ васъ, мы вызвали разладъ въ его душѣ. Ваша супруга, вѣроятно, поручила ему не только сына, но и васъ. Однако, бѣдняга не можетъ же находиться одновременно и здѣсь, и на „Агемемнонѣ“! Что же намъ дѣлать?... Ахъ, я придумала! Не разрѣшите ли вы, капитанъ, привести сюда вашего сына вмѣстѣ съ Томомъ Киддъ, ясновидцемъ и предсказателемъ? Мнѣ было бы очень интересно увидѣть его... Безъ всякихъ возраженій, капитанъ! Тутъ, на сушѣ, ваша власть кончается. Здѣсь капитаномъ состоитъ мой мужъ, а я его адмиралъ! Поэтому садитесь сейчасъ же за этотъ письменный столъ и напишите своему замѣстителю на „Агамемнонѣ“, чтобы онъ немедленно выдалъ Тома Кидда и— его зовутъ Джошуа?—и Джошуа Нельсона! Такъ!

Эмма взяла его подъ руку и подвела къ столу. Нельсонъ послушно набросалъ нѣсколько строкъ на листкѣ бумаги. Эмма мелькомъ взглянула на записку и съ удивленіемъ спросила:

— Джошуа Незбитъ? Развѣ онъ не вашъ сынъ?

— Нѣтъ, онъ сынъ моей жены отъ перваго брака. Она была замужемъ за докторомъ Незбитъ, который умеръ молодымъ въ Вестъ-Индіи. У меня нѣтъ дѣтей.

Какая-то тѣнь пробѣжала по его лицу, когда онъ это говорилъ.

— Теперь три часа. Когда у насъ обѣдъ, мама?—спросила Эмма.—Въ пять? Значитъ, у меня есть два часа времени. Вы побудете пока съ моимъ мужемъ, мистеръ Нельсонъ?...

— Какъ, ты хочешь сама?—съ удивленіемъ воскликнулъ сэръ Вилльямъ.

— Пожалуйста, не мѣшай мнѣ! До свиданія, мистеръ Нельсонъ. Такъ, значитъ, въ пять?...

IV.

Выйдя на набережной, Эмма приказала кучеру дожидаться ея возвращенія, наняла лодку и велѣла везти себя на „Агамемнонъ“. Первый офицеръ почтительно встрѣтилъ ее, и какъ только она показала письмо Нельсона, то немедленно все было къ ея услугамъ. Ее провели въ каюту Нельсона, и такъ какъ она заявила, что ей надо поговорить съ Киддомъ наединѣ, то офицеръ тотчасъ же бросился искать боцмана.

Томъ явился. Онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, увидѣвъ передъ собой Эмму, и хотѣлъ бѣжать. Но она быстро подошла къ нему и схватила его за руку.

— Ты меня знать не хочешь, Томъ?—спросила она.

— Было время, когда Томъ Киддъ зналъ маленькую Эми Лейонъ,—проговорилъ онъ медленно.—Она была ему вмѣсто сестры, и онъ любилъ ее...

— И я тебя любила, Томъ.

Но Томъ какъ будто не видѣлъ и не слышалъ. Онъ продолжалъ, устремивъ глаза въ пространство:

— Было время, когда Томъ Киддъ зналъ миссъ Эмму. Она была мужественна и горда, и онъ только издали осмѣливался смотрѣть на нее. Онъ уважалъ ее...

Его простыя слова проникали ей въ душу и глубоко волновали ее. Точно ея прошлое взывало къ ней!

— Я знаю это, Томъ. И я тебя уважала!—проговорила она почти торжественно.

— Къ миссъ Эммѣ ходили двое: мистеръ Ромней, художникъ, и миссъ Келлей, разгульная дѣвка. Они научили ее, что въ Лондонѣ ея красота можетъ принести ей счастье, и она отправилась туда...

Намекъ, заключавшійся въ его словахъ, заставилъ ее встрепенуться.

— Нѣтъ, Томъ Киддъ, нѣтъ,—вскричала она.—Ты знаешь, какъ много я терпѣла отъ своихъ школьныхъ подругъ, преслѣдовавшихъ меня своими насмѣшками. Я не выдержала!

— Томъ Киддъ думалъ это и боялся за нее. Оттого и онъ отправился за нею въ Лондонъ, чтобы оберегать ее...

— Я помню это. Неужели ты думаешь, что я могла забыть?... Я до сихъ поръ благодарна тебѣ.

— Томъ Киддъ дѣлалъ это не ради благодарности. Онъ дѣлалъ это изъ любви къ Эммѣ. Но она... Онъ не могъ бы упрекнуть ее, если-бъ она отдала свое сердце другому. Но она продала его... ради богатства и роскошной жизни. Она отдавалась сэру Джону Вилльямъ Пэнъ...

Эмма вскочила.

— Ты съ ума сошелъ!—вскричала она.—Ты не знаешь, зачѣмъ я это сдѣлала? Чтобы спасти тебя...

Губы Тома Кидда дрогнули.

— Томъ Киддъ тоже думалъ это, и онъ хотѣлъ спасти Эмму. Для этого онъ добровольно завербовался на морскую службу и ожидалъ, что Эмма уйдетъ отъ сэра Джона. Но она осталась жить съ нимъ, пока онъ самъ не бросилъ ее... А потомъ она начала вести такую же жизнь, какъ миссъ Келлей... Отдавалась каждому, кто хотѣлъ взять ее. Развѣ это не правда?

— Это правда, — проговорила беззвучно Эмма. — Но Томъ... если-бъ ты зналъ!...

Она больше не могла выговорить ни слова. Онъ подождалъ, затѣмъ заговорилъ опять:

— Томъ Киддъ ничего этого не зналъ. Моря и земли разлучили его съ Эммой. А когда онъ ее снова увидѣлъ... Въ его глазахъ она была все та же миссъ Эмма,—благороднѣйшее существо въ мірѣ! Такою она осталась и тогда, когда онъ услышалъ отъ нея, что она живетъ съ сэромъ Чарльзомъ Гревилль, что она любитъ его! Такъ она говорила ему. И Томъ Киддъ думалъ, что самое высшее, самое священное—это любить и жить съ тѣмъ, кого любишь... Но чего стоила ея любовь, это онъ узналъ, когда вернулся черезъ нѣсколько лѣтъ. Тотъ человѣкъ, которому принадлежало ея сердце, какъ она увѣряла Тома, былъ бѣденъ, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ... У него былъ богатый дядюшка, который полюбилъ Эмму, какъ отецъ. Она предложила отправиться къ нему просить за своего возлюбленнаго. Ничего не подозрѣвая, тотъ отпустилъ ее. И когда...

Эмма спокойно спросила:

— Что же дальше?

— Тогда... дядюшка на ней женился. Она теперь богата, она—лэди!

— Лэди Гамильтонъ?

— Да, лэди Гамильтонъ.

— Дочь крестьянской служанки и работника, не правда ли? Та, которая называлась Эммой Лейонъ... Маленькая Эми?

— Маленькая Эми,—повторилъ онъ чуть слышно.

Онъ дрожалъ, и на его лицѣ появилось выраженіе душевной муки.

Эмма подошла къ нему совсѣмъ близко, такъ что почти касалась его своимъ платьемъ.

Она была моложе его только на четыре года, но въ его темныхъ густыхъ кудряхъ виднѣлись уже серебристыя нити, особенно много ихъ было на вискахъ. Лобъ и щеки прорѣзывали глубокія морщины. Онъ согнулся, точно на плечи ему навалилась тяжесть. А глаза...

— Ты ни разу даже не взглянулъ на меня, Томъ!—сказала она ласково и спокойно.—Неужели ты меня до такой степени ненавидишь? Или ты меня боишься?...

Онъ медленно поднялъ глаза.

Такимъ взглядомъ смотрѣли на Эмму аскетическіе монахи, когда они встрѣчали ее. Они ненавидѣли ее какъ язычницу и

проклинали ея грѣшную красоту. А между тѣмъ, тамъ, въ самой глубинѣ, загоралось желаніе.

— Бояться?—повторилъ онъ.—Отчего?

— Оттого что ты осудилъ меня, не выслушавъ. Оттого что ты повѣрилъ человѣку, который хотѣлъ меня очернить, хотя онъ въ тысячу разъ хуже поступилъ со мной, чѣмъ сэръ Джонъ. Это Гревилль говорилъ тебѣ, не такъ ли?

Она вперила въ него глаза и ждала отвѣта.

— Я былъ у него... спрашивалъ.

— И онъ, боясь тебя, наклеветалъ на меня.

— Онъ плакалъ!...

— О да, онъ умѣетъ плакать, когда нужно! Онъ научился этому у своего дядюшки! И ты повѣрилъ ему? Конечно, это правда: онъ былъ бѣденъ и находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ возлагалъ всѣ свои надежды на сэра Вилльяма. Сэръ Вилльямъ любилъ меня, какъ отецъ... Какъ отецъ? Развѣ это былъ отцовскій поступокъ, когда онъ прокрался ко мнѣ въ комнату и набросился на меня?

Томъ широко раскрылъ глаза.

— Какъ? Онъ могъ такъ поступить?...

— Да. А въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ Гревилль и слушалъ... Когда же мнѣ удалось убѣжать, то онъ увѣрилъ меня, что это просто было испытаніе моей вѣрности... Я любила Гревилля и вѣрила ему. Я ничего не подозрѣвала и потому согласилась исполнить его просьбу и поѣхать къ его дядюшкѣ. Я старалась побудить его помочь Гревиллю. Ты прозрѣваешь этотъ новый планъ? Вѣдь въ Неаполѣ я была на чужбинѣ, одинокая и вынужденная обращаться за защитой къ нашему посланнику. А нашимъ посланникомъ былъ сэръ Вилльямъ! Когда онъ началъ очень приставать ко мнѣ, я написала Гревиллю. Я послала ему безчисленное множество писемъ, умоляя спасти меня. Наконецъ, пришелъ отвѣтъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ стать любовницей сэра Вилльяма!... У меня открылись глаза. Онъ боялся женитьбы сэра Вилльяма, чтобы не потерять наслѣдства. А теперь—я наслѣдница сэра Вилльяма! Я стала лэди Гамильтонъ. Лэди! Отчего же ты не радуешься за меня? Развѣ ты не желаешь мнѣ счастья? Или ты мнѣ не вѣришь? Ну что-жъ, произноси свой приговоръ!...

Она почти крикнула ему эти слова, въ упоръ. Онъ стоялъ, блѣдный какъ смерть, не спуская съ нея глазъ. Онъ не могъ выговорить ни слова, но когда она повернулась, чтобы уходить, онъ бросился передъ нею на колѣни, поцѣловалъ рубецъ ея платья и разрыдался.

— Томъ, мой милый, старый Томъ!...—прошептала она. Вдругъ она опустилась рядомъ съ нимъ на колѣни, обняла его и тоже заплакала...

Она оплакивала счастье маленькой Эми.

Нѣсколько успокоившись, она поднялась и сказала Тому:

— Пора уходить. Капитанъ Нельсонъ ждетъ своего сына...

Томъ вскочилъ и испуганно протянулъ руки, точно защищаясь. Эмма протянула ему письмо Нельсона.

— Онъ этого хочетъ, Томъ!—прибавила она.

— Онъ хочетъ? Невзирая на то, что я говорилъ ему?...— вскричалъ Томъ.

— Ахъ да! Твой сонъ! Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Разскажи-ка мнѣ самъ про него.

Мрачно заблестѣли глаза Тома, но онъ все же началъ свой разсказъ:

— Мнѣ снилось—на морѣ буря. Капитанъ Нельсонъ взошелъ на мостикъ рядомъ съ какою-то дамой, и позади нихъ шелъ Джошуа. Вдругъ мальчикъ поднялъ руку и бросился на своего отца, Нельсонъ повернулся... Толкнулъ ли онъ его—я не знаю! Джошуа упалъ. Съ ужаснымъ крикомъ онъ свалился въ волны и исчезъ... Его отецъ пошелъ дальше. Онъ не повернулся посмотрѣть, что съ сыномъ. Онъ оставилъ его погибать, безъ помощи...

Томъ умолкъ.

— А женщина, которая была съ нимъ?

— Лицо ея было скрыто вуалью. Но ея фигура... Я видѣлъ одну картину...

Онъ запнулся и робко посмотрѣлъ на нее.

— Она была похожа на картину, Томъ? На Цирцею, которую Ромней нарисовалъ съ меня?...

Томъ низко опустилъ голову и прошепталъ:

— Она была похожа на васъ.

Эмма язвительно расхохоталась.

— Удивительные бываютъ сны у тебя, Томъ! А знаешь ли ты, кто была Цирцея? Прекрасная волшебница, обращавшая въ звѣрей всѣхъ мужчинъ, приближавшихся къ ней. Они превращались въ звѣрей отъ безумной любви къ ней. Это, говоришь, твой сонъ? Всѣхъ мужчинъ, которые только приближались ко мнѣ, я развращала, не правда ли? Я развратила нравственнаго принца, сильнаго Ромнея, честнаго Гревилля, почтеннаго сэра Вилльяма! Я сдѣлала это и съ мечтателемъ Томомъ Киддомъ! Вѣдь я хотѣла, чтобы ты поѣхалъ въ Лондонъ, и потому я солгала тебѣ, что люблю тебя, а когда ты мнѣ надоѣлъ, то я устроила такъ,

что сэръ Джонъ насильно завербовалъ тебя въ матросы! Оттого что мнѣ хотѣлось посмотрѣть на твою кровь, я вызвала твое наказаніе девятихвосткой! Оттого что я...

— Миссъ Эмма! Перестаньте! Умоляю!... Перестаньте!

— Зачѣмъ? Вѣдь ты же позволилъ Гревиллю наговорить на меня, а потомъ сталъ раздумывать объ этомъ и даже сталъ видѣть все это во снѣ. Но ты правъ: я—лгунья! Твой сонъ, Томъ... и твой Нельсонъ! Вѣдь у него есть жена, съ которою онъ счастливъ. Зачѣмъ ему влюбляться въ меня? Развѣ онъ такъ испорченъ, такъ развращенъ?

— О нѣтъ, онъ честный и вѣрный!

— Такъ чего же ты боишься? Что я полюблю его? Лэди Гамильтонъ полюбитъ простого капитана корабля? Да, конечно, это было бы возможно, если-бъ онъ былъ богатъ! Вѣдь это для меня главное, не правда ли? Право, Томъ, если-бъ я не помнила того, что мы съ тобой выросли, что ты былъ когда-то моимъ другомъ... Но къ чему всѣ эти слова! Иди и приведи сына Нельсона. Мы должны поторопиться.

— Мы? Означаетъ ли это, что я могу остаться съ Джошуа?

Она кивнула головой.

— Капитанъ Нельсонъ сказалъ, что ты поклялся его женѣ оберегать ея сына?

Его глаза заблестѣли.

— Да, я поклялся никогда не покидать его въ нуждѣ и опасности, всегда быть при немъ. Поэтому... да, я поѣду съ нимъ. Но вы, вы не боитесь, что я стану вамъ поперекъ дороги? Вѣдь между миссъ Эммой и Томомъ Киддомъ ничего нѣтъ общаго теперь!

— Во всякомъ случаѣ, Томъ... никто не долженъ знать, что мы были знакомы раньше... Положеніе сэра Вилльяма...

Она запнулась и покраснѣла, замѣтивъ, что онъ пристально смотритъ на нее:

— Да,—сказалъ онъ,—оттого-то вы и пришли сюда! Вы боялись Тома Кидда! А между тѣмъ, во всѣ эти годы онъ не сказалъ ни одного дурного слова про маленькую Эми! Даже и тогда не сказалъ ничего, когда выслушалъ Гревилля! И капитанъ Нель знаетъ о ней только хорошее...

— Капитанъ Нель? Это кто такой?

— Это мы, матросы, такъ называемъ его. Мы говоримъ: „Нашъ Нель храбръ, какъ левъ, и кротокъ, какъ ягненокъ!“

— Такъ ты ему все разсказалъ... все?...

— Онъ принудилъ меня. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Мы плыли на „Бореѣ“ изъ Вестъ-Индіи и остановились на якорѣ въ Портсмутѣ. Въ Вестъ-Индіи Нель порядочно-таки поприжалъ поставщиковъ, дѣйствовавшихъ недобросовѣстно и противозаконно. Понятно, что лорды адмиралтейства были противъ него. Они хотѣли бы заставить его подать въ отставку, поэтому они и послали ревизовать судно адмирала, съ которымъ Нель былъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ тѣхъ живодёровъ, которыхъ такъ ненавидитъ Нель! Сэръ Джонъ...

Эмма невольно вскрикнула.

— Сэръ Джонъ Вилльетъ Пэнъ!— продолжалъ Томъ.—Онъ явился на корабль съ высокомѣрнымъ, злобнымъ видомъ и началъ придираться ко всему. Короче говоря, Нельсонъ съ трудомъ могъ все это вынести. Наконецъ, онъ добрался и до насъ, боцмановъ. Мы стояли у своихъ коекъ. Онъ вдругъ увидѣлъ меня и, пораженный, уставился на меня глазами. Онъ спросилъ мое имя, но я молчалъ. Нель отвѣчалъ вмѣсто меня. Тогда онъ злобно посмотрѣлъ на меня и уронилъ перчатку. „Боцманъ, подними!“ сказалъ онъ. Я не пошевелился. Три раза прокричалъ онъ свое приказаніе, но я стиснулъ зубы и, прямо смотря на него, не трогался съ мѣста. Тогда онъ выхватилъ саблю и бросился на меня... Онъ вѣдь изъ тѣхъ, для которыхъ матросъ не человѣкъ! Затѣмъ, во время допроса, мнѣ говорили, что я разломалъ его саблю. Его лишь съ трудомъ вырвали изъ моихъ рукъ... Да, на судахъ скопилось много недовольства, бунтъ носился въ воздухѣ... Хотѣли показать примѣръ и приговорили меня къ смерти. Нель былъ единственный, который воспротивился, остальные же всѣ соглашались на такой приговоръ. Мнѣ разсказала его жена объ этомъ. Жена Неля!...

Онъ умолкъ и казался растроганнымъ. Лицо его точно просвѣтлѣло, и Эмма, слѣдившая за нимъ, замѣтила, что онъ смотритъ на чей-то портретъ, стоящій на столѣ. Она тоже невольно взглянула туда и увидѣла портретъ женщины, съ хорошенькимъ, незначительнымъ лицомъ и съ улыбкой на устахъ.

Эмма долго смотрѣла на портретъ, словно изучая его.

— Это миссисъ Нельсонъ?—спросила она, наконецъ, отворачиваясь.—Это мать Джошуа?

Она какъ будто была разочарована. Совершенно иначе представляла она себѣ ту, которая владѣетъ сердцемъ Нельсона. Ей казалось, почему то, что она должна была бы быть болѣе красивой, болѣе значительной.

Глаза Тома блестѣли, когда онъ снова заговорилъ:

— Она всегда была добра ко мнѣ. Во время нашего плаванія

въ Англію она охотно позволяла мнѣ заниматься съ ея маленькимъ сыномъ. Когда же она услышала отъ Неля, что со мною случилось, то не могла успокоиться, пока не получила разрѣшенія видѣть меня. Она пришла ко мнѣ, простому матросу, въ темное помѣщеніе трюма, гдѣ я содержался и гдѣ застоявшаяся вода испортила воздухъ и крысы бѣгали кругомъ, гоняясь другъ за другомъ... Она пришла туда и говорила со мной. Хотѣла знать, отчего я такъ возбужденъ противъ сэра Джона, что́ вызвало мой поступокъ? Я ничего не говорилъ, не хотѣлъ оправдываться. Но она все же вырвала у меня признаніе. Она сѣла возлѣ меня и просила меня сказать ей все. Неужели враги Неля имѣютъ право упрекать его, что онъ возбуждаетъ къ неповиновенію своихъ боцмановъ? Этого я не могъ допустить и все разсказалъ ей. Разсказалъ, какъ все произошло со мной, съ вами и съ сэромъ Джономъ. Я сказалъ, что вы могли погубить себя изъ-за того, что совершили доброе дѣло...

Онъ густо покраснѣлъ и добавилъ:

— Я еще вѣрилъ тогда, что это было доброе дѣло... Это было до моего разговора съ Гревиллемъ...

— А миссисъ Нельсонъ, Томъ? Что она сказала на это?

— Она оплакивала судьбу маленькой Эми и восхищалась ею! Въ душѣ ея кипѣло возмущеніе противъ сэра Джона... Тогда она пошла къ Нелю и разсказала ему все. А онъ... клянусь, что во всемъ англійскомъ флотѣ не найдется капитана, который сдѣлалъ бы это для простого матроса!—онъ поѣхалъ въ Лондонъ и самъ пошелъ къ лордамъ адмиралтейства. А когда тѣ его не приняли, то онъ отправился къ королю. Питтъ поддержалъ его. И вотъ они вмѣстѣ заступились за меня и меня освободили... Теперь вы понимаете, что́ составляютъ для меня капитанъ Нель и его жена, миссисъ Фанни?... Долженъ я пойти за мальчикомъ и отправиться съ вами?

Послѣднія слова онъ произнесъ суровымъ тономъ, который разсердилъ Эмму, и она просто кивнула ему головой, чтобы онъ пошелъ за ребенкомъ. Но когда онъ подошелъ къ двери, ею снова овладѣло безпокойство.

— Ты называлъ мое имя, Томъ?—спросила она.

Онъ взглянулъ на нее съ глубокимъ состраданіемъ.

— Я говорилъ только о маленькой Эми,—отвѣтилъ онъ.—Они не знаютъ, кто она была и что съ нею сталось. Ахъ, какъ ужасно, что вамъ приходится такъ представляться и скрываться! Вы, у которой раньше ни одного слова лжи не срывалось съ устъ!...

— Раньше!...

Она ѣдко разсмѣялась и толкнула его къ двери. Въ душѣ ея клокотала злоба.

V.

Джошуа очень понравился Эммѣ.

Ему еще не было 15 лѣтъ, но мужественность уже проглядывала въ немъ, и когда онъ сердился, то его большіе сѣрые глаза становились почти черными и мускулы его молодого тѣла напрягались. Онъ былъ очень красивъ, и въ немъ чувствовалась дремлющая страстность.

Сначала онъ былъ застѣнчивъ и неловокъ, когда увидѣлъ Эмму, но постепенно сдѣлался болѣе разговорчивымъ. Эмма сумѣла возбудить его довѣріе, искусно выбравъ для разговора тему, которая наиболѣе интересовала мальчика. Она говорила съ нимъ о кораблѣ, на которомъ онъ находился въ качествѣ морского кадета, о его отцѣ, о его занятіяхъ. Мальчикъ скоро такъ разошелся, что съ жаромъ началъ ей разсказывать о разныхъ мелкихъ событіяхъ корабельной жизни. А все то, что онъ разсказывалъ ей о своемъ отцѣ, рисовало Нельсона въ самомъ привлекательномъ видѣ. Очевидно, капитанъ Нельсонъ былъ идеаломъ мужчины въ его глазахъ!

Эммѣ становилось грустно. Вѣдь и у нея былъ ребенокъ! Ея дочкѣ теперь шелъ двѣнадцатый годъ. Но она почти не знала своей матери и не слыхала никогда имени своего отца. Она жила подъ чужимъ именемъ въ отдаленномъ углу Англіи, среди чужихъ людей, и чужіе ласкали ее. И эти ласки Эмма покупала для нея, платила за нихъ!...

На глазахъ ея навернулись слезы. Повинуясь внезапному сердечному порыву, она вдругъ обняла мальчика и хотѣла его поцѣловать, но, увидавъ его испуганный взглядъ, тотчасъ же отвернулась отъ него.

Густая краска залила лицо мальчика...

Поздно вечеромъ Эмма пришла въ свою спальню и бросилась на кушетку, стоявшую у двери. Она чувствовала смертельную усталость, точно она и въ самомъ дѣлѣ проработала цѣлый день. Но она такъ много пережила. Нервы ея были напряжены до послѣдней степени.

Послѣ ужина Нельсонъ разсказывалъ о своей женѣ и о своемъ отцѣ. Онъ жилъ послѣдніе годы въ пасторскомъ домѣ въ Бёрнгэмъ-Торнѣ, такъ какъ впалъ въ немилость и адмиралтейство не давало ему командованія судномъ. Онъ превратился въ

настоящаго сельскаго жителя, помогалъ своему отцу работать въ полѣ, охотился съ сосѣдями и занимался съ Джошуа.

Эмма слушала простыя, скромныя рѣчи Нельсона, полулежа въ удобномъ креслѣ. Она могла бы такъ слушать его еще цѣлые часы, не шевелясь, и ей казалось, что ее охватываетъ душистая атмосфера цвѣтущихъ полей. Но сэръ Вилльямъ обратился къ ней съ просьбой, чтобы она пропѣла гостю которую-нибудь изъ своихъ родныхъ пѣсней. Она повиновалась неохотно, принесла свою арфу, но при первыхъ же аккордахъ, взятыхъ ею, она почувствовала, что ею овладѣваетъ гнѣвъ. И она запѣла воинственную кельтскую пѣснь бардовъ, воспѣвавшую подвиги героевъ и геройскую смерть. Въ низшихъ слояхъ населенія Уэллса эта пѣснь сохранялась въ теченіе многихъ столѣтій. Она нарочно запѣла ее, такъ какъ она находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи съ той крестьянской идилліей, которую развивалъ Нельсонъ. И ей представлялось, что она сама — лѣсная дѣва старинной саги, снабжающая своего возлюбленнаго щитомъ и мечомъ и провожающая его на войну и геройскую смерть!

Понялъ ли ее Нельсонъ?

Глаза его потемнѣли, и рука судорожно сжималась, словно онъ охватывалъ ею рукоятку меча...

Эмма вспоминала все это, лежа на кушеткѣ, въ своей спальнѣ. Она чувствовала себя несчастной, измученной. Напряженно прислушивалась она къ малѣйшему шуму, ожидая услышать крадущіеся шаги своего мужа. Сэръ Вилльямъ самъ пошелъ провожать гостя въ приготовленную для него комнату и сказалъ Эммѣ, подставившей ему, какъ всегда, свой лобъ для поцѣлуя:

— Я еще приду къ тебѣ. Ты знаешь, что намъ еще надо поговорить... насчетъ отправки одного донесенія Питту...

Онъ, смѣясь, подмигнулъ Нельсону. Этотъ старый фатъ хвастался красотой своей жены! Нельсонъ въ замѣшательствѣ отвернулся и даже не замѣтилъ руки, протянутой ему Эммой...

Испуганно вскочила Эмма, когда яркій свѣтъ вдругъ упалъ ей прямо на глаза. Неужели она спала?...

Сэръ Вилльямъ вошелъ со свѣчей въ рукѣ и старательно заперъ за собою дверь. Поставивъ свѣчу на столъ, онъ усѣлся рядомъ съ Эммой на кушеткѣ.

— Какъ ты была хороша сегодня!—сказалъ онъ.—Тебѣ очень идетъ драматическій оттѣнокъ. Это у тебя новость. Но тебѣ надо еще немного поработать надъ нюансами, и тогда будетъ великолѣпно.

— Ты думаешь, что я играла роль передъ Нельсономъ?

— А то нѣтъ? Что же ты и въ самомъ дѣлѣ чувствуешь себя героиней? Предупреждаю тебя, что это не подходитъ къ нашему разсудительному просвѣщенному вѣку. Впрочемъ, это безразлично, играла ты роль или нѣтъ, но впечатлѣніе ты всетаки произвела. Нельсонъ назвалъ тебя Орлеанской дѣвой, которая можетъ воодушевить цѣлый народъ и подвигнуть его на геройскіе поступки... Вотъ наивный человѣкъ!—продолжалъ сэръ Вильямъ, хихикая.—Замѣтила ты, какъ онъ смутился, когда я сказалъ, что приду къ тебѣ? Что за странную супружескую жизнь ведетъ онъ, если еще можетъ такъ краснѣть? Ну, въ нашемъ Неаполѣ онъ скоро отвыкнетъ отъ этого! Однако, мнѣ бы не хотѣлось, чтобы это произошло черезъ тебя.

— Черезъ меня?...

— Не волнуйся, дитя мое. Я ничего дурного не имѣю въ виду. Но вѣдь ты сама сказала мнѣ, что послѣ всѣхъ итальянскихъ повѣсъ тебѣ пріятно наконецъ натолкнуться на настоящаго человѣка. Кстати, я долженъ поблагодарить тебя за этотъ намекъ на мой счетъ. Я ничего бы не имѣлъ противъ маленькой романтической страсти. Это молодитъ женщинъ, что можетъ быть только пріятно ихъ мужьямъ. Но на этотъ разъ я прошу тебя воздержаться. Я бы не желалъ погубить свои шансы...

— Ты ревнуешь?—спросила она съ язвительнымъ смѣхомъ.

Онъ покачалъ головой.

— Только въ политическомъ отношеніи. Развѣ я не написалъ тебѣ, что Марія Каролина влюбилась уже въ этого воображаемаго героя? Богъ мой, вѣдь у нея всегда былъ дурной вкусъ! Но мнѣ это на руку. Я всегда боялся, чтобы она не увлеклась какимъ-нибудь изъ неаполитанскихъ патріотовъ, которые желали бы отъ души отправить къ чертямъ всѣхъ насъ, англичанъ. Если же она влюбится въ скромнаго капитана Нельсона, то станетъ слушаться совѣтовъ Актона, позади котораго, въ тѣни, всегда скрывается Гамильтонъ, дающій ему инструкціи! Тогда Питтъ можетъ быть доволенъ. Но это все можетъ осуществиться лишь въ томъ случаѣ, если моя романтическая Эмма не помѣшаетъ Сицилійской Семирамидѣ завладѣть спасителемъ Италіи. Эмма—подруга можетъ жестоко поплатиться за то, что сдѣлаетъ Эмма — соперница! Притомъ же нашъ Одиссей кажется мнѣ склоннымъ къ вулканическимъ взрывамъ и тому подобнымъ катастрофамъ. Но, разумѣется, онъ не сможетъ безнаказанно лавировать между Сциллой и Харибдой. Мы же, его соотечественники, обязаны его вернуть его собственной Пенелопѣ здравымъ и невредимымъ!...

Онъ замолчалъ, съ довольнымъ видомъ потирая руки, и смотрѣлъ на нее блестящими глазами.

Она закрыла глаза и проговорила утомленнымъ голосомъ:

— Это все, что ты хотѣлъ сказать мнѣ? Такъ прошу тебя, уходи. Я больше не въ состояніи слушать тебя.

Онъ быстро нагнулся къ ней:

— Такъ что-жъ, я долженъ послать Питту это донесеніе?

Она вздрогнула, но опять безсильно опустилась на подушки.

— Дѣлай, что хочешь!—пробормотала она соннымъ голосомъ.— Какое мнѣ дѣло до Маріи Каролины!...

Сэръ Вилльямъ досталъ письмо изъ кармана своего халата и еще разъ обратился къ Эммѣ:

— Вѣдь ты же не хотѣла его посылать... сегодня утромъ, ты упрекала себя за это!... Если ты будешь мила со мной... мы можемъ сейчасъ же сжечь это письмо на свѣчкѣ!...

Но ей было все равно. Она съ трудомъ могла поднять отяжелѣвшія вѣки. Голосъ мужа доносился къ ней точно издалека. И вдругъ она уснула. Все потонуло во мракѣ, наступило блаженное забвеніе...

Она ѣдетъ съ Нельсономъ въ лодкѣ по морю, освѣщенному луной, среди безмолвія ночи. Какъ нѣженъ его голосъ! Какъ блестятъ его глаза! И какъ сладки его поцѣлуи!...

Сэръ Вилльямъ потушилъ свѣчу. Наступила темнота.

Она хотѣла оттолкнуть его, но, безсильная, безпомощная, свалилась на подушку...

VI.

Нельсонъ въ первый разъ видѣлъ Италію. Все было незнакомо ему въ этой странѣ: народъ, обычаи, природа. Почти всю свою жизнь онъ провелъ на морѣ и теперь, точно древній германецъ, пришедшій изъ первобытныхъ лѣсовъ сѣвера, съ изумленіемъ смотрѣлъ на красивый красочный пейзажъ, разстилавшійся у его ногъ и залитый южнымъ яркимъ солнцемъ.

Сэръ Вилльямъ удѣлялъ ему мало времени. Онъ былъ слишкомъ занятъ, и поэтому Нельсонъ былъ всецѣло предоставленъ Эммѣ. Сэръ Вилльямъ точно забылъ о томъ, что говорилъ ей недавно о склонности Маріи Каролины къ Нельсону. Онъ больше не вспоминалъ объ этомъ. Или, можетъ быть, это была только хитрость, желаніе испытать Эмму? Марія Каролина ничего не дѣлала такого, изъ чего можно было бы заключить, что она инте-

ресуется Нельсономъ. Правда, она приглашала его къ своему столу, сажала его рядомъ съ собой на почетное мѣсто, но все это могло объясняться ея желаніемъ почтить въ его лицѣ страну, съ которой она хотѣла быть въ дружескихъ отношеніяхъ.

Дни летѣли незамѣтно для Эммы. Вмѣстѣ съ Нельсономъ, Іопуа и Томомъ Киддомъ она предпринимала прогулки по окрестностямъ Неаполя. Впрочемъ, они никогда не уѣзжали далеко, такъ какъ Нельсонъ боялся отлучаться. Каждую минуту, вѣдь, могло прійти какое-нибудь извѣстіе, требующее немедленнаго отплытія „Агамемнона“ изъ Неаполя.

Когда Эмма въ первый разъ увидѣла Неаполь, она была полна тревоги относительно будущаго. Сердце ея сжималось отъ горя и тоски. Поэтому она и не замѣчала хваленой красоты неаполитанскаго залива и на все смотрѣла равнодушными глазами. Потомъ сэръ Вилльямъ водилъ ее повсюду, но все, что онъ показывалъ и объяснялъ ей, хотя и сохранилось въ ея памяти, но не оставило никакого слѣда въ ея душѣ.

А теперь?

Эмма сама удивлялась тому, что повсюду она открывала новыя красоты. Восторженность Нельсона, который могъ затмить даже своего юнаго сына въ этомъ отношеніи, дѣйствовала на нее возбуждающимъ образомъ.

Въ сущности между ними было много сходства. Онъ выросъ въ суровой обстановкѣ морской жизни и долженъ былъ съ большими усиліями и борьбой прокладывать себѣ путь къ успѣху. Она же родилась въ бѣдности, терпѣла всевозможныя униженія, нужду и голодъ, пробивая себѣ дорогу къ богатству и счастью. Ему некогда было чувствовать себя молодымъ, и потому онъ не зналъ молодости. А она? Ея молодость была полна разныхъ превратностей, но настоящаго счастья она не знала до сихъ поръ.

Неужели же теперь къ нимъ обоимъ вернулась молодость? Они чувствовали такой удивительный душевный подъемъ и такъ хорошо понимали другъ друга! Они шли рядомъ, купаясь въ золотыхъ лучахъ итальянскаго солнца, и сердца ихъ радостно бились, а глаза ихъ упивались красотой вѣчно юной природы.

Нельсонъ представлялъ себѣ Неаполь подобнымъ Риму, но Эмма показала ему, что это былъ совершенно особый міръ. Какъ природа, такъ и народъ знали только настоящее и наслаждались имъ. Вмѣсто развалинъ былого величія Цезарей тутъ привлекали взоры мягкіе контуры горъ, а вмѣсто мраморныхъ колонъ возвышались готическія иглы скалъ. Вѣчно творящая сила природы

сбрасывала здѣсь всѣ цѣпи, въ которыя ее пробовало заковать искусство.

Очень часто они выходили изъ посольскаго дворца уже съ восходомъ солнца и смѣшивались съ шумной, пестрой толпой на улицахъ и на берегу набережной Санта Лучіа.

Всюду царило оживленіе. Фокусники и паяцы развлекали народъ, толпившійся около ихъ палатокъ. Слышались веселыя шутки, остроты; священники и монахи собирали около себя тысячи слушателей; крича, смѣясь и торгуясь, пробирались въ толпѣ маклеры, разносчики, рыбаки и др. торговцы. Лавочки съ прохладительнымъ питьемъ и кофейни всегда были полны. Лаццарони, эти странныя существа, не имѣющія ни семьи, ни дома, едва прикрытыя лохмотьями, безпечно сидѣли на углахъ улицъ, прислонившись къ стѣнкѣ домовъ. Они цѣлые дни просиживали такимъ образомъ, ожидая, что случайно имъ перепадетъ какая-нибудь мѣдная монета. Нетребовательные, добродушные и вѣрные отъ природы, они готовы были ради святой религіи совершать какія угодно преступленія: убивать, грабить, поджигать. Они никогда не задумывались надъ сущностью вещей, и въ ихъ глазахъ всѣ предметы были одушевленными; они въ гнѣвѣ проклинали душу лимона, хлѣба, стола, своихъ родителей и даже Христа! Королеву, которая не скрывала своего отвращенія къ нимъ, они ненавидѣли отъ всей души, зато ради короля каждый изъ нихъ готовъ былъ пожертвовать собой. Фердинандъ обращался съ ними, какъ съ равными, позволялъ теребить себя за свой длинный носъ и старался еще превзойти ихъ въ своихъ грубыхъ шуткахъ. Когда онъ бывалъ въ веселомъ настроеніи, то даже танцовалъ передъ ними на улицѣ ихъ національный танецъ, тарантеллу. Онъ самъ продавалъ народу рыбу, выловленную въ королевскихъ озерахъ, и торговался изъ-за нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ, точно настоящій разносчикъ!

Нельсонъ недовѣрчиво слушалъ, когда Эмма разсказывала ему объ этомъ. Но его собственныя наблюденія подтвердили истину ея словъ. И онъ почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ. Для него, какъ консервативнаго офицера, король былъ въ дѣйствительности главой государства. Поэтому-то онъ такъ и проклиналъ французскую революцію, упразднившую королевство, былъ пламеннымъ приверженцемъ Питта и Берка и столь же пламеннымъ противникомъ Фокса, оправдывавшаго жирондистовъ.

Хорошъ же этотъ неаполитанскій король! Марія Каролина казалась Нельсону мученицей, потому что она безропотно переносила такого супруга.

Когда онъ заговорилъ объ этомъ съ Эммой, то она грустно улыбнулась. Какъ онъ былъ наивенъ и неопытенъ еще! Развѣ онъ не зналъ, что желаніе властвовать заглушаетъ боль израненаго сердца? Вѣдь и она сама выноситъ сэра Вилльяма!...

Во время этихъ прогулокъ Джошуа не отходилъ отъ Эммы. Онъ подражалъ рыцарскимъ манерамъ придворныхъ кавалеровъ тамъ, гдѣ еще господствовалъ испанскій этикетъ, и старался при каждомъ удобномъ случаѣ оказывать услуги Эммѣ. Онъ не допускалъ, чтобы кто-нибудь другой открывалъ ей дверцы коляски или подавалъ ей руку, когда она выходила. Онъ былъ счастливъ, если она давала ему нести свою сумочку, свой зонтикъ, свой шарфъ. Когда они вечеромъ ѣздили кататься по набережной, которая служила въ эти часы сборнымъ пунктомъ всего элегантнаго общества, то онъ сидѣлъ неподвижно противъ Эммы, не обращая вниманія на то, что дѣлалось кругомъ, и не спуская съ нея глазъ. Онъ слышалъ только ея голосъ, когда она называла Нельсону, сидѣвшему рядомъ съ ней, встрѣчавшихся знакомыхъ. А когда она однажды, утомленная долгой прогулкой, оперлась на его руку, взбираясь по крутой лѣстницѣ дворца, то онъ шелъ возлѣ нея, блѣдный какъ смерть, затаивъ дыханіе и точно боясь какимъ-нибудь неловкимъ движеніемъ заставить ее отнять свою руку.

Нельсонъ былъ доволенъ, что женственная Эмма имѣетъ такое смягчающее вліяніе на пылкаго мальчика, нѣсколько огрубѣвшаго отъ морской службы и общенія съ матросами. Къ сожалѣнію, онъ не былъ такъ счастливъ въ своей юности, и грубость моряковъ онъ приписывалъ именно отсутствію благотворнаго вліянія образованныхъ женщинъ.

Томъ угрюмо смотрѣлъ на это. Онъ съ суевѣрнымъ страхомъ слѣдилъ за мальчикомъ и за малѣйшими его движеніями.

Сэръ Вилльямъ воспользовался прибытіемъ „Агамемнона“ въ Неаполь и устроилъ одно изъ тѣхъ пиршествъ, какими вообще славилось англійское посольство. Благодаря красотѣ и искусству Эммы пиры англійскаго посланника пріобрѣли громкую извѣстность и сдѣлались центромъ общественной жизни въ Неаполѣ. Были разосланы приглашенія двору, членамъ дипломатическаго корпуса и всѣмъ знатнымъ лицамъ и властямъ въ Неаполѣ. Неаполитанское свѣтское общество охотно приняло приглашеніе, какъ только узнало, что и королева обѣщала свое присутствіе сэру Вильяму.

Нельсонъ, въ отвѣтъ на оказанное ему гостепріимство, тоже собирался устроить праздникъ на своемъ кораблѣ и пригласилъ гостей. Онъ хотѣлъ показать при этомъ снаряженіе военнаго

судна, а матросы должны были развлекать гостей и показывать имъ разныя веселыя игры.

Во время приготовленій къ празднеству Эмма мало видѣла Нельсона, зато Джошуа былъ постоянно съ ней. Она попросила Нельсона „дать его ей взаймы“,—какъ она сказала шутя, потому что онъ былъ ей нуженъ для одного маленькаго сюрприза, который она намѣрена была приготовить къ празднику.

Нельсонъ часто просилъ ее показать ему свои знаменитыя позы, слава о которыхъ даже донеслась къ нему, въ его уединеніе, на кораблѣ. Но Эмма постоянно отказывалась. Она не знала, какъ отнесется онъ, при своемъ строгомъ образѣ мыслей, къ этому искусству, источникомъ котораго явилась классическая красота ея тѣла. Вдругъ она покажется ему легкомысленной, фривольной!...

А между тѣмъ, ей такъ хотѣлось показаться ему во всемъ блескѣ своей несравненной красоты! Пусть онъ видитъ ее, какая она есть, со всѣми ея ошибками, склонностями, качествами и недостатками!...

Она не рѣшалась довести до конца свою мысль. Но она сама удивлялась себѣ. Что же такое случилось въ эти нѣсколько недѣль, что произвело въ ней такую перемѣну, и она вдругъ стала интересоваться мнѣніемъ совершенно чужого ей человѣка?

Вечеромъ въ день бала она принимала почетныхъ гостей, короля и королеву, стоя рядомъ съ сэромъ Вилльямомъ. Потомъ она обратилась къ Маріи Каролинѣ съ просьбой разрѣшить ей удалиться на время и сдѣлала условленный знакъ Джошуа, который тотчасъ же вышелъ вслѣдъ за ней.

Мальчикъ горѣлъ отъ нетерпѣнія. Онъ долженъ былъ участвовать въ живыхъ картинахъ, изображать сына Энея, разсказывающаго царицѣ Карѳагенской объ участи своего отца.

Эмма придумала эту группу, которая должна была служить заключеніемъ цѣлаго ряда живыхъ картинъ, въ первый разъ представленныхъ ею во время посѣщенія Гёте, въ Неаполѣ. Въ ней она хотѣла чествовать Нельсона ему одному понятнымъ образомъ. Вѣдь онъ одинъ разъ засталъ своего сына разсказывающимъ ей про плаванія своего отца? Конечно, онъ разгадаетъ смыслъ картины.

Она быстро нарядилась въ костюмъ Дидоны и пошла посмотрѣть, все ли готово. Она сама придумала всю обстановку для живой картины. Въ сосѣдней комнатѣ, куда она вошла, были собраны всѣ предметы, нужные ей. Тамъ висѣли длинныя шали изъ

мягкой шелковой матеріи, въ которыя она драпировалась, принимая свои позы.

На маленькихъ столикахъ были приготовлены тамбурины, жаровни, курильницы и т. п. вещи. Камердинеръ ея мужа Винченцо долженъ былъ принести ей эти предметы въ гротъ, откуда она выходила къ зрителямъ. Слуга, одѣтый въ костюмъ древняго римлянина, поднималъ и опускалъ пурпурный занавѣсъ, закрывающій гротъ.

Все было готово, зрители собрались въ залѣ, и Эмма, скрываясь за занавѣсомъ, распознала голосъ королевы, разговаривающей съ Нельсономъ и сэромъ Вилльямомъ.

Пришелъ Винченцо и принесъ покрывало Эммѣ.

— А мистеръ Низбетъ?—спросила она нетерпѣливо.—Готовъ онъ?

Винченцо смущенно пожалъ плечами.

— Я уже одѣлъ мистера Низбета,—отвѣчалъ онъ,—но пришелъ мистеръ Киддъ, главный боцманъ, и что-то началъ говорить ему. Онъ говорилъ по-англійски, милэди, а я не вполнѣ понимаю этотъ языкъ. Но мнѣ кажется, онъ хотѣлъ помѣшать мистеру Низбету...

Онъ не успѣлъ договорить, такъ какъ въ комнату ворвался Джошуа, въ сопровожденіи Тома.

— Онъ не хочетъ, чтобъ я игралъ!—вскричалъ мальчикъ съ раздраженіемъ.—Онъ обращается со мной, какъ съ ребенкомъ, точно онъ мой опекунъ!...

— Я не понимаю васъ, мистеръ Киддъ,—обратилась къ нему Эмма.—Развѣ у васъ есть какое-нибудь основаніе помѣшать Джошуа участвовать въ живой картинѣ со мной?

— Мои основанія лишь тѣ, что лэди Нельсонъ поручила мнѣ своего сына,—отвѣчалъ онъ, смертельно блѣднѣя,—и...—Онъ запнулся, но, собравшись съ мужествомъ, продолжалъ на своемъ родномъ нарѣчіи, которое понимала Эмма, уроженка Десгольфа, но не понималъ Джошуа.—У насъ, на „Агамемнонѣ", есть бывшій солдатъ, служившій у великаго прусскаго короля. Онъ разсказываетъ, что король, будучи кронпринцемъ, ѣздилъ со своимъ отцомъ въ Дрезденъ. Тамъ польскій король показалъ ему одну прекрасную женщину. Отецъ заслонилъ ее отъ сына своей шляпой и тотчасъ же уѣхалъ съ нимъ домой. Но всетаки было поздно. Сынъ, тайкомъ отъ отца, видѣлся съ этой женщиной и на всю жизнь остался несчастнымъ человѣкомъ...

Эмма вспыхнула, и глаза ея гнѣвно засверкали.

— Я знаю эту сказку!—сказала она.—Но при чемъ же она тутъ?

Томъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Люди говорили мнѣ, что и здѣсь, въ Неаполѣ... не одинъ человѣкъ, смотрѣвшій на васъ...

Онъ замолчалъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Эмма открыла дверь въ свою уборную и сказала:

— Подождите здѣсь, пока я не позову васъ. А вы, Винченцо, пойдите въ залу и скажите мистеру Нельсону, что я его прошу немедленно прійти сюда, скорѣе!...

VII.

— Вы нѣсколько разъ просили меня показать вамъ мои позы,— сказала Эмма вошедшему Нельсону.—Сегодня я хотѣла исполнить ваше желаніе и показать новую картину, которую здѣсь еще никто не видѣлъ: Дидона слушаетъ разсказъ сына Энея. По моей просьбѣ Джошуа долженъ былъ участвовать въ этой картинѣ, но мистеръ Киддъ воспротивился.

Нельсонъ съ удивленіемъ взглянулъ на Тома.

— Томъ, что это значитъ?—спросилъ онъ.

— Лэди Гамильтонъ очень красива,—пробормоталъ Томъ дрожащимъ голосомъ,—и мистеръ Джошуа постоянно говоритъ о ней. Я боюсь...

Нельсонъ вздрогнулъ и круто оборвалъ его:

— Что это тебѣ пришло въ голову? Какъ смѣешь ты истолковывать подобнымъ образомъ ребяческое поклоненіе? Притомъ... это вѣдь оскорбляетъ лэди Гамильтонъ! Милэди, не обижайтесь на Тома, прошу васъ. Это прекрасный, преданный человѣкъ, но онъ не понимаетъ, какъ надо вести себя. Онъ попроситъ у васъ прощенія и приведетъ сюда Джошуа. Не такъ ли, Томъ?

Онъ ласково улыбнулся Тому, дѣлая ему знакъ, чтобы онъ пошелъ за мальчикомъ, но Томъ не двигался съ мѣста. По лицу его пробѣжала тѣнь, и онъ отвѣтилъ тихимъ голосомъ:

— Мать Джошуа взяла съ меня клятву, что я буду оберегать ея сына отъ всего дурного...

— Знаю ужъ, знаю, Томъ! Иди же!

— Я поклялся ей...

Кровь бросилась въ лицо Нельсону.

— Ты съ ума сошелъ, Томъ!—вскричалъ онъ.—Ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія?

Томъ невольно закрылъ глаза, точно ему трудно было вынести гнѣвный взоръ Нельсона, устремленный на него. Онъ тихо, беззвучно проговорилъ:

— Вы спасли мнѣ жизнь. Вы избавили меня отъ позора. Неужели вы можете допустить теперь, чтобы я нарушилъ клятву...

Нельсонъ вздрогнулъ. Съ трудомъ овладѣвъ собой, онъ сказалъ, отчеканивая каждое слово:

— Хорошо, боцманъ! Ты меня ослушался! Счастье твое, что здѣсь я не стою передъ тобой, какъ твой капитанъ... Но во всякомъ случаѣ... ты не можешь больше служить у меня!

Томъ смертельно поблѣднѣлъ.

— Ваша милость,—прошепталъ онъ,—ваша милость...

— Ни слова больше! Теперь съ тобою говоритъ капитанъ. Отправляйся на судно и становись на службу. Какъ только мы придемъ въ Тулонъ, ты будешь списанъ съ „Агамемнона".

Низко склонивъ голову, Томъ неловко поклонился и направился къ двери, не говоря больше ни слова. Его разстроенный видъ подѣйствовалъ на Эмму, и ей стало жаль его.

— Не будьте строги къ нему, мистеръ Нельсонъ,—сказала она.—Быть можетъ, онъ и не такъ неправъ, какъ вы думаете!...

— Онъ осмѣлился оскорбить даму!...

У нея захватило дыханіе, и снова душу ея обуяло страстное желаніе сказать ему все.

— Даму?... Для Тома я не дама! Мистеръ Нельсонъ, было время, когда онъ меня ставилъ высоко... выше всякой дамы! Но теперь...

Томъ, уже взявшійся за ручку двери, съ тревогой воскликнулъ:

— О милэди, зачѣмъ вы это говорите?... Не надо!

— Развѣ ты когда-нибудь видѣлъ, чтобы я трусила, Томъ?—сказала она. Глаза ея сверкали гнѣвомъ и жалостью.—Вы удивлены, мистеръ Нельсонъ? Вы не знали, конечно, что мы съ Томомъ земляки, что мы играли въ дѣтствѣ... Я не могу объяснить вамъ все въ эту минуту. Нельзя заставлять ждать королеву. Но позднѣе, если вы хотите... Разрѣшите также, чтобы и Томъ присутствовалъ при нашемъ разговорѣ... для того, чтобы я могла оправдаться и передъ нимъ. Еще одно слово. Отдаю себя въ ваши руки. Если объ этомъ узнаютъ... Здѣсь знаютъ, что я низкаго происхожденія, но никто не знаетъ... Томъ разсказывалъ миссисъ Нельсонъ объ одной дѣвушкѣ... послѣ своего столкновенія съ сэромъ Джономъ... о маленькой Эми...

Она запнулась и умолкла. Ей казалось, что это будетъ легко выговорить, а между тѣмъ...

— Маленькая Эми—вы, милэди, вы?...—проговорилъ Нельсонъ съ выраженіемъ величайшаго изумленія.

Она кивнула головой.

Наступило тяжелое молчаніе. Нельсонъ прервалъ его.

— Ступай въ мою комнату, Томъ. Подожди меня тамъ,—сказалъ онъ.—Гдѣ Джошуа, милэди?

Она открыла дверь въ сосѣднюю комнату и позвала.

— Подите сюда, Іошуа, вашъ отецъ ждетъ васъ.

Мальчикъ вбѣжалъ съ радостнымъ смѣхомъ. Но увидавъ себя въ стѣнномъ зеркалѣ въ фантастическомъ костюмѣ, онъ вдругъ остановился и покраснѣлъ. Нельсонъ подошелъ къ нему, взялъ его голову и заглянулъ ему въ глаза. Потомъ онъ, смѣясь, оттолкнулъ его.

— Ступай же, юный Асканій, къ царицѣ Карѳагена и разскажи ей все, что пережилъ Эней. Только смотри, не лги, какъ это порою любятъ дѣлать мореплаватели. Ты—джентльменъ и обязанъ говорить правду!

Низко поклонившись Эммѣ, онъ вышелъ.

Начались живыя картины. Эмма поочередно изображала: Чувствительность, Цирцею, Природу, Кассандру, Марію Магдалину, Вакханку, св. Цецилію...

Въ этотъ вечеръ, посвященный Нельсону и союзу Неаполя съ Англіей, Эмма поставила сначала только тѣ картины, которыя нарисовалъ съ нея Ромней, сдѣлавшійся черезъ нея знаменитымъ портретистомъ. Посредствомъ многочисленныхъ гравюръ эти картины стали извѣстны всему образованному міру. Сэръ Вилльямъ разложилъ эти гравюры на маленькихъ столикахъ своего помпейскаго салона, для того чтобы гости могли сравнивать и видѣть, польстилъ ли художникъ своей модели, когда пробовалъ изобразить ее на полотнѣ идеаломъ классической красоты.

И дѣйствительно, красота оригинала скоро заставила забыть о какихъ бы то ни было сравненіяхъ. Гравюры были отложены въ сторону, и никто уже не смотрѣлъ на нихъ. Восторгъ охватилъ всю залу.

Эммой овладѣло сильнѣйшее возбужденіе. Она всей душой отдавалась своему искусству. Вѣдь въ сущности ему она была обязана всѣми своими успѣхами въ жизни, своимъ положеніемъ въ неаполитанскомъ обществѣ и любовью королевы. Всегда, когда она появлялась въ живыхъ картинахъ, она вызывала бурные восторги, и красота ея не боялась соперничества.

Слуга, стоя возлѣ сцены, называлъ картины. „Дидона и Асканій“ возвѣстилъ онъ.

Занавѣсъ взвился. Эмма, въ костюмѣ карѳагенской царицы сидѣла на древнемъ креслѣ. Лицо ея выражало глубокое, напря-

женное вниманіе. Глаза ея были устремлены вдаль. Юноша Асканій слегка нагнулся къ ней, что-то разсказывая. Лицо его было оживлено, и онъ протягивалъ руки, точно желая жестами подкрѣпить свои слова.

Нѣсколько мгновеній оба были неподвижны. Потомъ вдругъ Дидона, словно повинуясь неудержимому порыву, притянула къ себѣ Асканія и коснулась губами его лба. Въ этомъ поцѣлуѣ, данномъ сыну, выражалась новая любовь, которая загорѣлась въ ея сердцѣ,—любовь къ его отцу!

Это движеніе точно нарушило очарованіе, сковывавшее зрителей. Марія Каролина первая подала знакъ, и залъ дрогнулъ отъ бурныхъ аплодисментовъ. Эмма смотрѣла черезъ голову Джошуа на Нельсона и улыбалась ему. Нельсонъ сидѣлъ недвижимый, точно окаменѣвшій, но въ глазахъ его свѣтился восторгъ.

Конечно, онъ не въ состояніи будетъ никогда уподобиться Энею и забыть образъ Дидоны, представшей передъ нимъ...

Но когда спустился занавѣсъ и она выпустила Джошуа, котораго держала въ своихъ объятіяхъ, то онъ вдругъ зашатался и съ покраснѣвшимъ лицомъ опять бросился къ ней, обнялъ ее и покрылъ ея шею, губы жгучими поцѣлуями...

VIII.

— ...такимъ образомъ Эмма Лейонъ превратилась въ лэди Гамильтонъ. Теперь судите меня такъ, какъ судятъ меня мои враги!

Этими словами Эмма закончила свой разсказъ, бросила въ свою шкатулку бумаги и письма, подтверждавшія ея слова, и, не глядя ни на кого, прошла черезъ открытую дверь на балконъ.

Не щадя себя, она раскрыла всю свою жизнь передъ Нельсономъ. Она заставила его заглянуть въ тотъ омутъ, черезъ который ей пришлось пройти. Она развернула передъ нимъ ту сѣть лжи, которую плелъ вокругъ нея Гревилль, чтобы толкнуть ее въ объятія сэра Вилльяма. И она разсказала, какъ она отмстила ему.

Она показала также доказательства: письма Гревилля къ сэру Вилльяму. Она похитила ихъ въ одну ужасную ночь...

Теперь ея позоръ лежалъ раскрытымъ передъ глазами Нельсона, и въ душѣ ея вставалъ мучительный вопросъ...

Она чувствовала себя, какъ обвиняемый, ожидающій приговора судей, и невыразимо страдала отъ этого напряженнаго ожи-

данія. Отчего онъ не говоритъ ни слова? Неужели онъ не видитъ, что его молчаніе убиваетъ ее?...

Вдругъ онъ всталъ. Эмма, вздрогнувъ, обернулась. Она увидѣла его страшно блѣдное лицо, освѣщенное лампой. Онъ сдѣлалъ знакъ Тому, неподвижно стоявшему у дверей, чтобы онъ вышелъ.

У Эммы сильно забилось сердце и закружилась голова. Онъ подошелъ къ ней...

Но въ то же мгновеніе дверь снова открылась. Вошелъ Томъ въ сопровожденіи мистера Клерка, державшаго въ рукахъ какое-то письмо. Эмма, увидѣвъ его, быстро вошла въ комнату.

— Что случилось, мистеръ Клеркъ?

Клеркъ низко поклонился и сказалъ:

— Винченцо сообщилъ мнѣ, что г. посланникъ уѣхалъ вмѣстѣ съ королемъ въ Казерту. Въ случаѣ же отсутствія г. посланника я долженъ обращаться къ вамъ. Поэтому я и принесъ эту депешу. Быть можетъ, въ ней заключается что-нибудь важное?... Турецкая фелука привезла ее только что отъ нашего консула, изъ Сардиніи.

Эмма распечатала депешу, расшифровала ее, потомъ отдала Клерку со словами:

— Немедленно отправьте это съ верховымъ въ Казерту. Консулъ сообщаетъ, что французскія суда показались у береговъ Сардиніи...

Нельсонъ вскочилъ:

— У Сардиніи? Неужели французскій флотъ проскользнулъ черезъ Гибралтаръ?... Поди, разбуди Джошуа и немедленно отправляйся съ нимъ на „Агамемнонъ“,—обратился онъ къ Тому.— Скажи, чтобъ все приготовили къ отплытію. Я сейчасъ пріѣду. Милэди, будьте любезны, прикажите слугамъ переправить мой багажъ.

— Какъ, вы уѣзжаете? Не простившись съ королемъ и королевой? А праздникъ, на который вы пригласили насъ?...

Онъ сдѣлалъ легкое движеніе рукой. Глаза у него горѣли, но голосъ звучалъ твердо, когда онъ отвѣтилъ Эммѣ:

— Прошу васъ извиниться за меня передъ королемъ и королевой, а праздникъ я долженъ отмѣнить. Я—англійскій капитанъ и долженъ итти навстрѣчу врагу. Не дадите ли вы мнѣ копію этой депеши, мистеръ Клеркъ? Я долженъ оправдать свой отъѣздъ въ Сардинію передъ лордомъ Гудъ.

Когда Клеркъ вышелъ, Нельсонъ подошелъ къ Эммѣ.

— Я сожалѣю о безпокойствѣ, которое причинилъ вамъ, ми-

лэди,—сказалъ онъ.—Благодарю васъ за радушное гостепріимство, оказанное мнѣ. Вы можете быть увѣрены, что то чудное время... Онъ вдругъ встрѣтился съ нею глазами и смущенно пробормоталъ:—Прощайте, милэди! Будьте счастливы... счастливы...

Она горько разсмѣялась:

— Счастливы? Больше у васъ ничего не найдется сказать маленькой Эми? Въ эти дни... я думала, что нашла друга. Но... я уже потеряла его! Не такъ ли, мистеръ Нельсонъ?...

Онъ казался взволнованнымъ. Искалъ словъ и не находилъ ихъ. Вдругъ онъ засунулъ руку въ карманъ, досталъ оттуда письмо и протянулъ ей:

— Я написалъ это письмо сегодня утромъ. Оно адресовано моей женѣ. Я хотѣлъ передать его сэру Вилльяму, чтобы онъ отправилъ его въ Лондонъ съ ближайшей почтой. Въ этомъ письмѣ я позволилъ себѣ высказать мнѣніе о васъ, милэди. Я написалъ это раньше, чѣмъ узналъ отъ васъ то, что вы разсказали мнѣ... Не хотите ли вы прочесть это письмо?

Онъ указалъ ей слѣдующія строки въ письмѣ.

„Лэди Гамильтонъ очень добра и ласкова съ Джошуа. Это молодая женщина безукоризненнаго поведенія и дѣлаетъ честь высокому положенію, которое она занимаетъ“...

— Вы написали это сегодня утромъ?... А теперь... Вечеромъ?— прошептала Эмма.

Нѣжная, кроткая улыбка смягчила на мгновеніе суровое выраженіе его лица.

— Мнѣ нечего измѣнять въ этомъ письмѣ,—сказалъ онъ.— Не будете ли вы такъ добры, милэди, отправить это письмо съ курьеромъ?

Онъ протянулъ ей письмо, и на мгновеніе ихъ руки коснулись другъ друга. Это было сильнѣе ея. Она схватила его руки, прижала ихъ къ груди и къ губамъ. Слезы хлынули изъ ея глазъ.

Вдругъ произошло что-то странное.

Она почувствовала, что руки Нельсона становятся холодны, какъ ледъ, въ то время какъ ея пальцы, державшіе его руку, пылали огнемъ. На лбу у него показался холодный потъ, а лицо приняло восковой оттѣнокъ.

Она съ ужасомъ выпустила его руку, но она такъ и осталась висѣть, вытянутая въ воздухѣ. Нельсонъ съ безпомощнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ на эту вытянутую руку, точно она была чужая. Его губы дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Внезапная судорога пробѣжала по рукѣ, пальцы прижались къ ладони. Нельсонъ стис-

нулъ зубы. Величайшимъ усиліемъ воли онъ старался согнуть руку, разжать пальцы, и, наконецъ, это удалось ему. Изъ груди его вырвался глубокій, трепещущій стонъ...

— Это ничего, милэди... Это остатки моей лихорадки... Моей болѣзни въ Вестъ-Индіи. Простите, что доставилъ вамъ это непріятное зрѣлище и... прощайте!... Прощайте!...

Она видѣла его смущеніе, его замѣшательство и не могла выговорить ни слова. Когда шаги его затихли, она вскочила и заперла дверь на задвижку. Нѣтъ, она больше никого не могла бы видѣть сегодня! Пусть Томъ и Джошуа уѣзжаютъ, не простившись съ ней! Не все ли ей равно! Она не увидитъ больше Нельсона никогда!...

Эмма вышла на балконъ и, облокотившись на перила, начала смотрѣть въ темноту. Она знала теперь, что любитъ Нельсона и больше не увидитъ его никогда!...

Она вспоминала свою жизнь. Когда-то она любила Гревилля! Она была правдива и честна тогда. А теперь? Она продала себя сэру Вилльяму, она переносила позоръ его любви, его объятія, внушающія ей отвращеніе...

Быть можетъ, Нельсонъ и не могъ бы устоять противъ ея красоты, но сердце его всегда будетъ принадлежать его женѣ! Онъ бы возненавидѣлъ Эмму и презиралъ бы ее, если-бъ она заставила его совершить поступокъ, котораго онъ долженъ стыдиться...

Когда забрезжили первые лучи разсвѣта, Эмма снова вышла на балконъ. Она взяла съ собой подзорную трубу и скоро разглядѣла, что на кораблѣ поднимаются паруса. Вѣтеръ доносилъ къ ней пѣніе матросовъ. Медленно вытягивался якорь изъ воды... Корабль повернулся и, плавно скользя по волнамъ, поплылъ къ выходу въ открытое море...

Востокъ алѣлъ. Небо, море, все было залито розовыми лучами утренней зари. Только тѣнь отъ дымящагося Везувія лежала темнымъ пятномъ на лазурной поверхности моря. Скоро „Агамемнонъ“ вышелъ изъ этой темной полосы, и паруса его также приняли розоватый оттѣнокъ, а верхушки мачтъ заблестѣли, точно онѣ были усыпаны брилліантами.

Эмма не спускала глазъ съ корабля. Онъ обогнулъ мысъ Мизено и скрылся.

Показалось солнце. Все заискрилось, засверкало кругомъ. Казалось, небо и море, улыбаясь, встрѣчаютъ день...

IX.

Шестого октября Нельсонъ прислалъ сэру Вилльяму письмо, въ которомъ сообщалъ ему о безуспѣшности своей погони за французскими судами и о своемъ возвращеніи въ Тулонъ, въ эскадру лорда Гуда. Въ письмо была вложена записка Джошуа для Эммы. Мальчикъ описывалъ ей разныя событія во время плаванія.

Эмма отвѣчала дружескимъ письмомъ, и, такимъ образомъ, между нею и ея далекими друзьями завязалась оживленная переписка, въ особенности послѣ того, какъ сэръ Вилльямъ, заваленный всякаго рода дѣлами, поручалъ ей передавать, черезъ Нельсона, англійскому флоту разныя политическія извѣстія. Почти каждую недѣлю въ Тулонъ отправлялось быстроходное парусное судно, и поэтому Эмма могла часто обмѣниваться письмами съ человѣкомъ, котораго втайнѣ любила. Въ его письмахъ, часто заключающихъ въ себѣ только нѣсколько бѣгло написанныхъ строкъ, отражалась его пламенная душа, его возвышенныя стремленія, его вѣра и любовь къ отечеству. И все это принадлежало другой!...

Въ душѣ Эммы закипало возмущеніе противъ своей судьбы. Зачѣмъ она такъ поздно встрѣтилась съ Нельсономъ? Она радовалась тому, что онъ открывалъ ей свою душу, дѣлился съ нею своими надеждами, своими планами, но она глубоко страдала отъ того, что не могла ничего сдѣлать для него, не могла быть его помощницей, раздѣлять съ нимъ горе и радости жизни! Она вѣрила въ его силу, въ его будущее. Въ мечтахъ она украшала его лобъ лавровымъ вѣнкомъ побѣдителя. Мысли ея всегда были съ нимъ, чѣмъ бы она ни была занята. Это была святая святыхъ ея души, куда не было доступа пошлымъ и грязнымъ мелочамъ повседневной жизни.

Между тѣмъ время шло. Въ воздухѣ пахло кровью и дымомъ пожаровъ, и всѣми чувствовалось, что назрѣваютъ серьезныя событія.

Съ перваго же раза, когда Эмма появилась при дворѣ, Марія Каролина почувствовала къ ней влеченіе и приблизила ее къ себѣ. Она была очарована красотой Эммы и ея скромностью. Безыскусственность и живость, которыми отличалась Эмма, напоминали Маріи Каролинѣ ея молодость, вѣнскій дворъ и кругъ ея матери, Маріи Терезіи. Какая огромная разница! Въ Неаполѣ она была окружена интригами, недовѣріемъ, ложью. При дворѣ господствовалъ натянутый испанскій этикетъ. Марія Каролина знала, что за ней постоянно слѣдятъ, шпіонятъ, что каждое ея

слово можетъ быть извращено, и враги подстерегаютъ ее на каждомъ шагу. Въ народѣ она не была популярна, какъ „австріячка". У короля же она не могла найти поддержки ни въ чемъ. Онъ не въ состояніи былъ защитить ее отъ клеветы, не могъ подать ей совѣта въ трудныхъ вопросахъ управленія государствомъ, всю тяжесть котораго онъ взвалилъ на ея плечи. Понятно, что характеръ Маріи Каролины ожесточился въ теченіе двадцати пяти лѣтъ ея безрадостной супружеской жизни. Она была одинока среди чуждаго ей народа, окруженная недовѣріемъ и ненавистью, которую ей подчасъ выказывали совершенно открыто.

Неудивительно, что появленіе Эммы было для нея свѣтлымъ лучомъ среди долгой, темной ночи. Марія Каролина видѣла въ ней не только украшеніе своего двора. Эмма могла быть ей полезна и въ другомъ отношеніи. Англія всегда готова была оказать услуги Неаполю и поддерживала королеву въ ея борьбѣ съ революціей, глухіе раскаты которой доносились все ближе и ближе, угрожая трону королевы и наслѣдію ея дѣтей.

Королева вполнѣ полагалась на Эмму. Нѣсколько разъ она подвергала испытанію ея вѣрность, ея умѣніе хранить тайну. Эмма ни разу не обманула ея довѣрія. Ей Марія Каролина могла открывать свою душу, повѣрять свои заботы, опасенія, не боясь ни измѣны, ни ложнаго толкованія. Эмма была для нея тѣмъ, чѣмъ была для ея сестры, Маріи Антуанеты, несчастная Луиза Ламбалль въ лучшіе дни ея жизни.

Марія Каролина безъ стѣсненія разговаривала съ Эммой о судьбѣ своихъ семерыхъ дѣтей, оставшихся въ живыхъ изъ восемнадцати, родившихся у нея. Состояніе ея семьи было невелико, и поэтому дѣти ея могли получить лишь весьма скромное наслѣдство. Она съ глубокимъ возмущеніемъ говорила о поведеніи короля, о его низкихъ страстяхъ, оскорблявшихъ ея чувства, какъ королевы и женщины. Она вспоминала съ тоской, что пожертвовала своимъ счастьемъ ради этого брака по разсудку. Она любила молодого князя Караманико, но высшія государственныя соображенія заставили ее принести въ жертву своего возлюбленнаго. Да и она сама, развѣ она не приноситъ себя въ жертву ежедневно, ежечасно?...

Когда Марія Каролина разсказывала Эммѣ объ этой краткой веснѣ своего сердца, то крупныя черты ея лица смягчались, ея голосъ получалъ какой-то глухой оттѣнокъ, и Эммѣ казалось, что отъ ея словъ вѣетъ нѣжнымъ ароматомъ увядшей розы...

16 октября скатилась подъ ножомъ гильотины голова Маріи

Антуанеты. Извѣстіе объ этомъ доставлено было сэру Вилльяму черезъ пять дней послѣ совершившейся казни.

Никто не рѣшался сообщить королевѣ объ участи ея любимой сестры. Фердинандъ трусливо бѣжалъ въ одинъ изъ своихъ охотничьихъ замковъ, предоставивъ все своему первому министру. Но этотъ послѣдній тоже побоялся сообщить эту ужасную новость королевѣ и поручилъ это сдѣлать сэру Вилльяму. Въ концѣ-концовъ, именно онъ обязанъ былъ передать это королевѣ, такъ какъ онъ получилъ извѣстіе. Однако, и сэръ Вилльямъ тоже струсилъ. Онъ зналъ, что королева была склонна къ яростнымъ вспышкамъ гнѣва, и поэтому обратился къ Эммѣ, умоляя ее взять на себя эту миссію.

Эмма согласилась, насмѣшливо улыбаясь. Но когда вечеромъ она сидѣла противъ ничего не подозрѣвавшей королевы и та съ ласковой улыбкой, выбравъ для нея лучшее яблоко изъ вазы съ фруктами, сама принялась его чистить, то у Эммы сжалось сердце, и задача, взятая ею на себя, показалась ей особенно трудной. Какъ нанести ей ударъ, который долженъ былъ потрясти всю ея душу!...

Она начала издалека, разсчитывая окольными путями приблизиться къ цѣли. Но всякій разъ отступала, когда дѣло подходило къ развязкѣ. Однако, Марія Каролина замѣтила ея странное поведеніе и, положивъ на столъ фруктовый ножикъ, пристально посмотрѣла ей въ глаза.

— Вы, кажется, заняты чѣмъ-то другимъ!—сказала она, и въ голосѣ ея звучала рѣзкость.—Что же это такое? Имѣете вы извѣстія изъ Парижа? Вы почему-то два раза упомянули имя королевы?!..

При первомъ же звукѣ ея суроваго голоса Эмма встала.

— Судьба августѣйшей сестры вашего величества тревожитъ меня,—отвѣчала Эмма почтительнымъ тономъ.—Я не знаю почему, но въ послѣдніе дни... я постоянно думаю о кровожадности якобинцевъ и ихъ поступкѣ со священной особой короля...

Марія Каролина съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Я не понимаю, почему вы связываете судьбу Людовика съ судьбой моей сестры! Не думаете ли вы, что эти изверги позабудутъ о томъ, что она австріячка? Ей часто бросали въ лицо это слово, какъ оскорбленіе. Но теперь оно должно служить для нея защитой. Они поостерегутся вооружать противъ себя императора. Когда чернь, опьяненная кровью, нѣсколько успокоится, то повѣрьте, что французы будутъ рады выдать Австріи коро-

леву и ея дѣтей... Вы качаете головой? Вы не вѣрите?... Говорите же, милэди, что у васъ въ мысляхъ?

— Опьянѣніе кровью?—возразила грустно Эмма.—Это, можетъ быть, справедливо относительно черни. Но вожди... Я читала рѣчи Робеспьера. Я старалась по этимъ рѣчамъ составить себѣ понятіе о человѣкѣ. Онъ говоритъ безъ всякой страсти, безъ ненависти. Но онъ видитъ въ монархіи принципъ, враждебный его принципу народовластія. Вотъ почему онъ и стремится свергнуть тронъ и уничтожить короля со всѣмъ, что къ нему относится. Неужели вы думаете, что этотъ хладнокровный политикъ побоится Австріи? Онъ, который готовъ принести въ жертву своей идеѣ и самого себя и весь народъ?...

— Вы говорите это такъ, какъ будто вы одобряете эти идеи, милэди!—воскликнула королева съ раздраженіемъ.

— Ничуть! Я возмущаюсь ими, какъ и всякій человѣкъ, у котораго есть сердце и чувства. Но тѣмъ не менѣе, когда я стараюсь представить себя въ положеніи этихъ людей... этого народа, который такъ далеко зашелъ, что не поколебался отправить на эшафотъ своего невиннаго короля... можетъ ли онъ теперь отступить? Если онъ отпуститъ королеву, не будетъ ли онъ бояться, что она вернется во главѣ арміи, чтобы отомстить?...

Глаза Маріи Каролины засверкали.

— Беззащитная женщина! Невинныя дѣти! Если они только осмѣлятся! Если...—Она вдругъ остановилась передъ Эммой.—Вы должны мнѣ все сказать, лэди Гамильтонъ!—сказала она.—Вы говорите теперь, точно Актонъ, сэръ Вилльямъ, князь Кастельчикала, маркизъ Ванни и другіе. Они называютъ якобинскія идеи эпидеміей, которая распространилась изъ Парижа по всей Европѣ. И Неаполь заразился ею. Офицеры эскадры адмирала Латушъ-Тревилля тайкомъ посѣщали нашу страну и отравляли нашу молодежь этими идеями. Уже я не могу положиться даже на собственный дворъ! Дворяне, чиновники, простые граждане, войско и флотъ,—словомъ, весь народъ возстаетъ теперь противъ трона! Это я слышу постоянно. А теперь вы, милэди! Тѣ нѣсколько минутъ покоя, которыя у меня остаются, вы отравляете, рисуя передо мной кровавый призракъ Людовика XVI! Зачѣмъ это нужно? Хотятъ ли, чтобъ я потеряла разсудокъ? Хотятъ ли принудить меня сдѣлать что-нибудь такое, чего не рѣшаются требовать отъ меня открыто?...

Ея голосъ звучалъ сурово и даже угрожающе. Она не спускала глазъ съ Эммы. Ужъ не угадывала ли она тайную игру

Актона и сэра Вилльяма, старавшихся извлечь пользу для Англіи изъ недовѣрія народа къ Маріи Каролинѣ?

Эмма съ трудомъ подавила безпокойство, овладѣвшее ею. Впрочемъ, она недаромъ была ученицей сэра Вилльяма и умѣла скрывать свои мысли и чувства. Она стойко выдержала взглядъ королевы и проговорила съ достоинствомъ:

— Ваше величество, вы приказывали мнѣ всегда говорить вамъ то, что я думаю... Если же мои слова не понравились... Я—англійская посланница... Вы позволите мнѣ удалиться?...

Марія Каролина процѣдила сквозь зубы:

— Какъ вамъ угодно, милэди.

Эмма низко поклонилась королевѣ и направилась къ двери, но королева бросилась за нею и удержала ее за платье.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь уйти?—вскричала она.— Развѣ ты не видишь, что я больна... что у меня больше нѣтъ силъ?

— Ваше величество!...

— Ахъ, оставь эти титулы! Мы тутъ однѣ. Я тебя обидѣла... Но ты знаешь мою вспыльчивость... Я прошу у тебя прощенія... Довольна ты?...

Она обняла Эмму и заставила ее сѣсть рядомъ съ собой на диванъ. Она гладила ее по щекамъ и цѣловала, точно большой ребенокъ, играющій со своей куклой. Отрѣзывая кусочки яблока, она, смѣясь, вкладывала ихъ Эммѣ въ ротъ.

Эмма предоставляла ей ласкать себя, улыбалась ей и отвѣчала на ея ласки. Но въ душѣ ея накоплялась горечь. Она не знала, какъ ей вести себя съ королевой. Въ политикѣ Марія Каролина отличалась удивительнымъ упорствомъ, а въ личныхъ сношеніяхъ была нервна, порывиста и легко впадала изъ одной крайности въ другую. Она была такъ же безразсудна, какъ и Марія Антуанета, склонна къ расточительности и никогда не обдумывала своихъ поступковъ. Печальный опытъ не дѣлалъ ее осторожнѣе. Она забывала даже о памфлетахъ, которые были написаны на нее въ Парижѣ графомъ Горани. А между тѣмъ въ этихъ памфлетахъ заключалось самое худшее, что только можно было сказать о ней, какъ о королевѣ, женщинѣ и матери.

Изъ восемнадцати дѣтей, которыя родились у нея, умерло одиннадцать, и ее обвиняли въ томъ, что она нарочно уморила своихъ сыновей, которыхъ плохо кормила и содержала, дѣлая это съ тою цѣлью, чтобы Неаполь достался Австріи. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, она была очень нѣжной матерью и при отсутствіи прямого наслѣдника неаполитанскій престолъ долженъ

былъ перейти къ побочной вѣтви Бурбоновъ, а ни въ какомъ случаѣ не къ габсбургскому дому. Конечно, и дружба съ Эммой не могла пройти ей даромъ. На этотъ счетъ распространялись самые отвратительные, грязные намеки, хотя ничего не было страннаго въ томъ, что одинокая женщина искала утѣшенія въ дружбѣ съ другой женщиной, которой довѣряла, которую считала безкорыстно преданной.

Но народъ вѣрилъ всѣмъ клеветамъ, которыя распространялись про Марію Каролину. Вѣдь и парижская чернь вѣрила тому, что говорилось про Марію Антуанету и Луизу Ламбаль! Если бы лаццарони захватили власть въ свои руки, то съ Эммой они поступили бы точно такъ же, какъ поступила парижская чернь съ Луизой Ламбаль. И голову Эммы, воткнутую на пику, съ ликованіемъ понесли бы по улицамъ Неаполя...

Марія Каролина могла съ презрѣніемъ отбросить въ сторону памфлетъ. Но она была королева, дочь Маріи Терезіи! Эмма же должна была защищать себя, ежедневно бороться, чтобъ сохранить свое положеніе и оградить себя отъ явныхъ и тайныхъ нападковъ своихъ враговъ. Однако Марія Каролина, повидимому, совсѣмъ не думала объ этомъ, не принимала во вниманіе положенія своей подруги...

Поздно вечеромъ камергеръ королевы доложилъ ей о приходѣ курьера Феррери.

— Феррери?—удивленно спросила королева.—Развѣ онъ не уѣхалъ съ королемъ въ Персано?

— Онъ прибылъ какъ разъ оттуда и привезъ письмо вашему величеству.

Феррери вошелъ, раскраснѣвшійся отъ быстрой ѣзды, и остановился у дверей въ почтительной позѣ. Медленно открывая свою почтовую сумку, онъ съ тревогой взглянулъ на Эмму.

Въ головѣ у Эммы промелькнула мысль, что Фердинандъ могъ написать королевѣ то, что онъ боялся передать ей лично. Вѣдь онъ не зналъ, что это она должна была подготовить королеву!

Страхъ обуялъ Эмму. Доменико Чирилло, лейбъ-медикъ королевы, называлъ истеріей неуравновѣшенный нравъ королевы, ея вспышки безумнаго гнѣва, ея порывистость. Онъ говорилъ, что это было результатомъ частыхъ родовъ и огорченій. Болѣзнь, повидимому, усиливалась у нея подъ вліяніемъ заботъ и тревогъ послѣдняго времени, и въ случаѣ душевнаго потрясенія легко могла произойти катастрофа...

Какъ только Марія Каролина взяла письмо, поданное ей курьеромъ, Эмма упала передъ нею на колѣни.

— Не открывайте, ваше величество! Не читайте этого письма!—вскричала она.

— Что съ вами, милэди?—спросила королева.—Я вижу, и Феррери тоже чѣмъ-то напуганъ...

Она сорвала печать и развернула письмо.

— Умоляю, подождите! Дайте мнѣ сказать вамъ... Вы спрашивали меня, почему я два раза упомянула имя...

— Маріи Антуанеты?—вскричала королева.

Она поднесла письмо къ своимъ близорукимъ глазамъ и торопливо прочла нѣсколько строкъ, потомъ вдругъ поблѣднѣла, какъ смерть, и задрожала... Она открыла ротъ, точно хотѣла крикнуть, но не издала ни звука. Казалось, она смотрѣла и не узнавала никого. Письмо выпало изъ ея рукъ, судорожно ухватившихся за край стола...

Прошло нѣсколько мучительныхъ мгновеній. Наконецъ, она овладѣла собой и даже сдѣлала попытку улыбнуться, обращаясь къ Феррери:

— Будьте добры, милэди, дайте Феррери кошелекъ, который лежитъ на моемъ письменномъ столѣ... Благодарю васъ, Феррери, за вашу службу королю. Отдохните сегодня и завтра возвращайтесь въ Персано. Скажите его величеству, что я благодарю его за вниманіе и желаю ему счастливой охоты.

Она милостиво кивнула головой курьеру, но когда онъ вышелъ, то она съ крикомъ и стономъ начала биться головою о столъ. У Эммы разрывалось сердце при видѣ ея горя. Марія Каролина старалась заглушить рыданія, не хотѣла, чтобы ее слышали другіе. Эмма нагнулась къ ней, нѣжно обняла ее, называя по имени, которое должно было напомнить ей ея милую, далекую родину:

— Шарлотта!... Шарлотта!... Лотхенъ!...

Марія Каролина подняла голову, точно прислушиваясь къ чьему-то голосу, звучавшему издалека.

— Тонерль!—вдругъ прошептала она по-нѣмецки.—Моя Тонерль! Милая Тонерль!... Она умерла! Они убили ее!... Подло убили!...

Она схватила ножъ, которымъ незадолго передъ тѣмъ чистила фрукты, и сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла всадить его себѣ въ грудь. Эмма бросилась къ ней, и между ними завязалась безмолвная борьба. Вдругъ ножъ выскользнулъ изъ ея руки и, падая на полъ, разрѣзалъ ей платье. Вслѣдъ затѣмъ Марія Каролина, совершенно обезсиленная, лишилась сознанія.

Эмма съ трудомъ положила ее на диванъ, потомъ побѣжала

въ переднюю и послала за докторомъ Чирилло. Вернувшись къ безчувственной королевѣ, она тщательно заперла дверь, чтобъ нескромные взоры не проникли въ комнату, и только въ эту минуту замѣтила, что она была ранена. На груди у нея былъ длинный порѣзъ, изъ котораго сочилась кровь. Она кое-какъ перевязала рану, застегнула платье и пошла навстрѣчу доктору.

Чирилло давно уже лѣчилъ Марію Каролину, хорошо изучилъ ея болѣзнь и говорилъ съ нею строго, какъ врачъ, не считаясь съ тѣмъ, что она королева. Онъ быстро привелъ ее въ чувство и съ помощью Эммы перенесъ на кровать и далъ ей морфій, чтобы она могла уснуть. Онъ хотѣлъ провести возлѣ нея ночь, но она воспротивилась. Его хладнокровіе раздражало ее. Она хотѣла, чтобъ Эмма оставалась съ нею, и съ настойчивымъ упрямствомъ требовала, чтобъ докторъ удалился. Онъ, наконецъ, исполнилъ ея желаніе и ушелъ. Тогда Эмма должна была запереть на замокъ всѣ двери, такъ какъ Маріи Каролинѣ казалось, что отовсюду выглядываютъ грозныя, блѣдныя лица, и она пугалась малѣйшаго шума. Несмотря на принятый морфій, она не засыпала и металась на постели. Въ полуснѣ ей представлялась отрубленная голова Маріи Антуанеты, и она тотчасъ же вскакивала съ крикомъ ужаса. Наконецъ, Эмма, уступая ея мольбамъ, легла возлѣ нея на кровати и обняла ее. Только тогда Марія Каролина успокоилась и заснула.

Но Эмма не спала. Она лежала, не шевелясь, чтобъ не разбудить Марію Каролину, и думала, думала о своей странной судьбѣ... Когда-то она находилась среди подонковъ лондонскихъ улицъ, была любовницей матросовъ, а теперь на плечѣ у нея покоилась голова королевы!...

Подъ утро Эмма также задремала, но скоро проснулась отъ боли въ груди. Когда она открыла глаза, то увидала, что Марія Каролина приподнялась на постели и разсматриваетъ ея рану на груди. Эмма покраснѣла и сдѣлала движеніе, чтобы прикрыть грудь.

— Я припоминаю теперь,—медленно проговорила королева.— Ты хотѣла отнять у меня ножъ, и я ранила тебя, пролила твою кровь... Дай мнѣ взглянуть на твою рану, для того чтобы никогда не забывать о ней. У королей память короткая! Надо чѣмъ-нибудь укрѣплять ее. Но для тебя я не хочу быть королевой. Я просто человѣкъ, и клянусь головой убитой служить тебѣ всегда, когда это понадобится тебѣ.—Она нагнулась и поцѣловала рану на груди Эммы.—Но эта кровь, пролитая тобой, сдѣлала тебя моимъ солдатомъ,—продолжала она.—Пусть убійцы знаютъ, что

и женщины умѣютъ носить мечъ, когда короли отказываются отъ этого... Вставай же, солдатъ, правосудіе ждетъ!...

Эмма со страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣла на нее. Неужели ужасы этой ночи затмили ея разсудокъ?

Марія Каролина стояла посреди комнаты, точно произнося торжественную клятву. Глаза ея дико сверкали на блѣдномъ лицѣ, и ужасная улыбка открывала ея крѣпкіе, острые зубы...

Въ тотъ же день Актонъ созвалъ экстренное засѣданіе верховнаго суда, въ составъ котораго входили князь Кастельчикала, маркизъ Ванни и прокураторъ Гвидобальди. Цѣлая армія шпіоновъ, доносчиковъ и сбирровъ преслѣдовала всѣхъ, называвшихъ себя „патріотами“ и образовавшихъ тайныя общества, поставившія себѣ цѣлью провести и въ Неаполѣ провозглашенныя въ Парижѣ права человѣка.

Когда Эмма въ первый разъ увидала маркиза Ванни, то лицо этого фанатика заставило ее содрогнуться. Будетъ ли мечъ королевы, вложенный въ руку этого человѣка, мечомъ правосудія?...

Тяжелыя сомнѣнія закрадывались въ душу Эммы...

Э. Пименова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Два стихотворенія.

I.

Я вѣрилъ, я думалъ, и свѣтъ мнѣ блеснулъ наконецъ:
Создавъ, навсегда уступилъ меня року Создатель...
Я проданъ! Я больше не Божій! Ушелъ продавецъ
И съ явной насмѣшкой глядитъ на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидаетъ, какъ бездна...
Иду... но когда-нибудь въ Бездну сорвется Гора,
Я знаю, я знаю дорога моя безполезна.

И если я волей себѣ покоряю людей,
И если слетаетъ ко мнѣ по ночамъ вдохновенье,
И если я вѣдаю тайны—поэтъ, чародѣй,
Властитель вселенной,—тѣмъ будетъ страшнѣе паденье.

И вотъ мнѣ приснилось, что сердце мое не болитъ,
Оно—колокольчикъ фарфоровый въ желтомъ Китаѣ
На пагодѣ пестрой... виситъ и привѣтно звенитъ,
Въ эмалевомъ небѣ дразня журавлиныя стаи.

И тихая дѣвушка въ платьѣ изъ красныхъ шелковъ,
Гдѣ золотомъ вышиты осы, цвѣты и драконы,
Съ поджатыми ножками смотритъ безъ мыслей и сновъ,
Внимательно слушая легкіе, легкіе звоны.

II.

Туркестанскіе генералы.

Н. И. Гродекову.

Подъ смутный говоръ, стройный гамъ,
Сквозь мѣрное сверканье баловъ,
Такъ странно видѣть по стѣнамъ
Высокихъ, старыхъ генераловъ.

Привѣтный голосъ, ясный взглядъ,
Бровей сѣдѣющихъ изгибы
Намъ ничего не говорятъ
О томъ, о чемъ сказать могли бы.

И кажется, что въ вихрѣ дней,
Среди сановниковъ и дэнди,
Они забыли о своей
Благоухающей легендѣ.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы—„къ оружью“,
Унылые солончаки
И поступь мѣрную верблюжью;

Поля невѣдомой земли
И гибель роты несчастливой,
И Учь-Кудукъ, и Киндерли,
И русскій флагъ надъ бѣлой Хивой.

Забыли...?—Нѣтъ! Вѣдь каждый часъ
Какимъ-то случаемъ прилежнымъ
Туманитъ блескъ спокойныхъ глазъ,
Напоминаетъ имъ о прежнемъ:

— „Что съ вами?“—„Такъ, нога болитъ“.
— „Подагра?“—„Нѣтъ, сквозная рана“.
И сразу сердце защемитъ
Тоска по солнцу Туркестана.

И мнѣ сказали, что никто
Изъ этихъ старыхъ ветерановъ
Средь копій Грёза и Ватто,
Средь мягкихъ креселъ и диванов̀ъ,

Не скроетъ ветхую кровать,
Ему служившую въ походахъ,
Чтобъ вѣчно сердце волновать
Воспоминаньемъ о невзгодахъ.

Н. Гумилевъ.

СОСУДЪ ДЬЯВОЛА.

Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой.

Лермонтовъ.

Наталія Александровна была очень тиха, стыдлива, характера ровнаго и спокойнаго. Несмотря на свою молодость она рѣдко смѣялась, еще рѣже сердилась, и ея голосъ звучалъ немного глухо. Нѣкоторымъ не нравилась ея слишкомъ тонкая, слегка наклоненная впередъ фигура и блѣдное, съ высокимъ лбомъ и мелкими чертами, лицо, но всѣ безъ исключенія находили прекрасными ея каріе, то ласково сіяющіе, то наивно задумчивые глаза. Когда ей говорили, что у ней во взглядѣ особенная прелесть, она отвѣчала, будто извиняясь: я очень близорука. Можетъ быть, именно эта близорукость, вызывавшая въ ней недовѣріе къ себѣ, осторожность движеній, постоянный страхъ, что она не уловила выраженія лица своего собесѣдника, не отвѣтила на чей-нибудь поклонъ или вообще поступила неловко, заставляла ее чутко напрягать вниманіе, подчеркивать свою доброжелательность ко всѣмъ и улыбаться особенно привѣтливо.

Она выросла въ многочисленной семьѣ и ребенкомъ еще всегда радовалась всѣмъ хорошимъ поступкамъ своихъ братьевъ и сестеръ, гордилась ими, а когда въ домѣ случалась ссора, то съ упорнымъ воодушевленіемъ мирила неполадившихъ. Дѣлала она это съ сердечнымъ тактомъ, скромно, никого не осуждая и не наставляя. Въ домѣ не было человѣка, который бы не признавалъ, что Наташа—сама доброта; умна ли она или нѣтъ, не спрашивали. Сама она себя считала очень обыкновенной и мало образованной.

Дѣйствительно, она выучилась только тому необходимому, что полагается знать барышнѣ. Сложныхъ, ученыхъ книжекъ ей не

удалось прочесть. Были въ семьѣ свои заправскіе умники, создавшіе себѣ какъ бы монополію знанія и разрѣшавшіе всѣ вопросы, не снисходя до объясненія. А когда ей минуло семнадцать лѣтъ и могла наконецъ появиться у ней потребность думать самостоятельно, она вышла замужъ за Алексѣя Петровича, красиваго молодого человѣка, плѣнившагося ея робкой прелестью. Пришлось примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ, узнавать новаго, дорогого ей человѣка, опять было не до книжнаго развитія.

Страстная любовь къ ней мужа вначалѣ удивила ее и почти испугала. Въ глубинѣ души она часто чувствовала оскорбленіе. Но и она полюбила Алексѣя Петровича всей крѣпостью своего правдиваго, безъ тайнъ и лукавства, сердца, и на угрызенія совѣсти, на неутихавшую боль отъ попранія своей стыдливости пріучила себя смотрѣть, какъ на искупленіе непомѣрнаго счастія. Когда родились у нея дѣти,—мальчикъ и два года спустя дѣвочка,—ей міръ представился чѣмъ-то радостно свѣтлымъ, а мужъ ея—тѣмъ властелиномъ, которому подчиняться—ея разумная, неоспоримая обязанность.

Текла ея жизнь, какъ тихая рѣка безъ извилинъ, безъ пороговъ, и казалось ей, что должна она такъ дожить до глубокой старости, что съ годами даже будетъ еще отраднѣе, такъ какъ любовь ея, вѣчная любовь, облагородится, станетъ болѣе духовною. Но пяти лѣтъ не прошло со дня ея свадьбы, какъ умеръ Алексѣй Петровичъ странной, особенно жестокой по своей неожиданности и случайности, смертью. Его, молодого, ловкаго и всегда осмотрительнаго, задавилъ автомобиль въ Италіи, куда онъ на недѣлю поѣхалъ одинъ навѣстить больного пріятеля. Единственнымъ утѣшеніемъ въ самомъ фактѣ его смерти для Наталіи Александровны было увѣреніе врача, что смерть обрушилась на Алексѣя Петровича моментально, не причинивъ ему страданій: роковой ударъ проломилъ ему високъ съ сознательной какъ бы мѣткостью.

Наступили для Наталіи Александровны долгіе, безпросвѣтные дни. Она не роптала, не жаловалась, по-прежнему нѣжно и разумно ходила за дѣтьми, но она была ошеломлена и растеряна. Жизнь ея утратила свой смыслъ. Тотъ, для кого она была радостью, кто непрестанно любовался ею, жадно ласкалъ, пересталъ быть. А она привыкла думать его мыслями, исполнять его желанія. Она бродила безмолвная, сраженная ударомъ, подолгу, сморщивъ брови, глядѣла въ даль, и всѣ предметы принимали тогда смутное, расплывчатое и изуродованное очертаніе. „Я ничего не

понимаю", шептала она. И сами люди, какъ и внѣшній міръ, теряли для нея ясность. „Не могу жить одна, никому не нужная". Дѣти стали для нея только напоминаніемъ о ея потерѣ.

Къ ея глубокому, ненавязчивому горю привыкли, и потому слухъ о ея предстоящемъ новомъ бракѣ былъ встрѣченъ недовѣрчиво. Но слухъ этотъ оказался вѣрнымъ. Провдовѣвъ годъ, Наталія Александровна вышла за Петра Николаевича, человѣка много старше ея и знавшаго ее дѣвочкой. Подивились, пожалѣли, что вѣрности за гробомъ нѣтъ,—а именно Наталіи Александровнѣ такая вѣрность была бы особенно къ лицу,—и справедливо рѣшили, что ей съ жизнью не справиться одной, что она слишкомъ неопытна и еще молода.

А она въ Петрѣ Николаевичѣ нашла достойнаго друга. Искупать жгучесть наслажденій ей теперь не приходилось. Наслажденій не было, былъ долгъ, подчасъ скучный. Не мучило ея также раскаяніе, что со вторымъ мужемъ она измѣняетъ первому. Нѣтъ, только опору въ жизни нашла, хорошему человѣку довѣрилась, дѣтокъ вмѣстѣ подымаютъ, а что было, то жутко дорогое, о которомъ никому сказать нельзя, то осталось въ ея душѣ, нетронутое, неизгладимое.

Опять ровно и плавно потекла ея жизнь, и повѣрила она, что прочно достигнутое ею спокойствіе. Но стала она мало спать по ночамъ, заснетъ на нѣсколько минутъ и проснется вдругъ въ какомъ-то трепетномъ испугѣ. Тогда страшной казалась ей темнота, зловѣщимъ храпѣніе мужа. Ей мерещилось, что она видитъ его дыханіе: то подымалось оно неровной, тонкой спиралью, распускалось вѣеромъ, исчезало, то взлетитъ свистомъ и разсыплется густымъ ворчаніемъ. Она качала головой. Глупо и грубо раздражаться, прислушиваться. Надо ночью имѣть на умѣ строгія мысли, спать безмятежно; днемъ же, съ возстановленными силами, совершать свою нехитрую женскую работу, заниматься хозяйствомъ и дѣтьми. А то утромъ нѣтъ силъ, нѣтъ надлежащей охоты ни къ чему. Но разсужденія не помогали ей, она засыпала поздно и вставала съ лицомъ измученной бдѣніемъ монахини.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось хуже. Въ спальнѣ, сквозь храпѣніе мужа, она стала слышать шорохи, странные, словно скользящіе шаги, другое легкое и порывистое дыханіе. Разъ затрещала мебель,—„это шкафъ разсохся", сообразила Наталія Александровна, и тутъ же невольно подумала: „отчего бы ему трещать? Не новый шкафъ, еще тогда въ приданое купленный"... По обоямъ что-то зашелестѣло: „какъ въ мѣщанскихъ домахъ, гдѣ, говорятъ

тараканы ночью въ темнотѣ ползаютъ". Но обстановка у нея была не мѣщанская...

Она приподнялась, вытянулась впередъ, напрягла слухъ. Да, теперь не въ спальнѣ, а рядомъ, въ ея кабинетѣ, на письменномъ столѣ трогаютъ бумаги. Надо пойти посмотрѣть. Физическаго страха она не чувствовала никакого. Что тамъ живой человѣкъ, воръ, она ни одной минуты не допускала, но страхъ сверхъестественнаго леденилъ ее всю. Она ни за что не рѣшится взглянуть. Развѣ если придумаетъ предлогъ такой, которому сама повѣритъ. Она стала усиленно думать о дѣтяхъ. Надо узнать, хорошо ли они спятъ, тепло ли прикрыты? Сегодня Тася кашляла... Она быстро взяла со столика электрическій фонарикъ, нажала кнопку и, освѣщая полъ передъ собой, пробѣжала въ дѣтскую. Тамъ было мирно, дѣти, раскинувшись, спали. Она поправила подушку одному, другому отставила ручку, чтобы онъ не сосалъ пальца, и такъ же быстро вернулась обратно. Пробѣгая мимо письменнаго стола, она сжала плечи, выгнула спину, какъ бы ускользая отъ погони, и, едва дыша, бросилась на кровать. Тамъ, въ кабинетѣ, кто-то стоялъ, хотя не видно было никого, стоялъ и хотѣлъ поймать ее за руку, остановить. Она не спаслась отъ него. Онъ теперь здѣсь, совсѣмъ близко, дышитъ. Она закрылась съ головой одѣяломъ, руками зажала уши и не смѣла шелохнуться. Какъ она заснула, она не помнила.

На слѣдующее утро у нея оказалось много настоятельнаго дѣла. Къ обѣду ожидались гости, милыя старушки-родственницы, и она долго придумывала, какими кушаньями ихъ позабавить. Охотницы были тетушки до тонкихъ блюдъ. Какъ только она кончила совѣщаніе съ кухаркой, явилась няня доложить, что Коля порѣзалъ себѣ палецъ перочиннымъ ножикомъ, а Тася облила свое платье чернилами. Наталія Александровна тщательно промыла и перевязала палецъ сына и принялась съ няней выводить свѣжія пятна съ платья дѣвочки. Но дѣло не спорилось: отъ лимонной кислоты пятна не исчезали, а лишь мѣняли свой цвѣтъ— изъ лиловаго превращались въ желтыя.

— Есть у васъ барыня карандашикъ,—вспомнила няня,— потрешь имъ, и слѣда отъ бѣды не останется.

Карандашикъ изъ какого-то ядовитаго, ѣдкаго вещества былъ запертъ отъ дѣтей въ ящикѣ письменнаго стола Наталіи Александровны.

— Не поможетъ, няня,—тихо сказала она.

Няня заупрямилась, и Наталія Александровна уступила. Ей,

впрочемъ, самой захотѣлось подойти къ своему письменному столу, убѣдиться, что ничего страшнаго въ связи съ нимъ не могло случиться. Такой онъ простой, обыденный...

Она прошла въ свой кабинетъ и положила руку на бюваръ. Подъ ея пальцами захрустѣла бумага. Да, конечно, это письмо отъ брата, на которое давно слѣдовало отвѣтить; она сама его положила вчера на самомъ виду.

Она поднесла письмо къ глазамъ, чтобы вновь пробѣжать его, и вздрогнула. Въ ея рукѣ очутилось послѣднее письмо Алексѣя Петровича, написанное полтора года тому назадъ изъ Италіи. Она его берегла, держала въ завѣтной шкатулкѣ. Какъ оно могло оказаться на ея столѣ? И какъ небрежно она его схватила...

Сердце ей защемило скорбное сознаніе вины. Она теперь поняла, кто приходилъ по ночамъ, кто пытался призвать къ себѣ ея мысли, когда она, недогадливая, забывчивая, такъ трусливо пряталась.

„Бѣдный,—подумала она,—положилъ сюда свое старое письмо, послѣднее. Напомнить захотѣлъ".

Нахлынуло на нее старое, милое, трепетно страстное. А настоящее отодвинулось, стушевалось. Съ этой минуты откровенія она не споря покорилась Алексѣю, думала о немъ одномъ. Съ этой минуты время стало быстро двигаться назадъ, а не впередъ, все приближая ее къ прожитому съ первымъ мужемъ счастію.

Пришелъ онъ ночью смѣлѣе, какъ на свиданіе. У него облика не было, но она чувствовала его всего. Не было у него ни глазъ, ни губъ, но онъ глядѣлъ на нее, онъ безъ звука шепталъ, и она слышала его слова, онъ цѣловалъ ее, и она вся горѣла...

Сладостнымъ мученіемъ были для нея его посѣщенія, и когда, казалось, сердце ея разорвется, она засыпала, чтобы видѣть свѣтлый сонъ, всегда одинъ и тотъ, но и всегда радостно новый: Алексѣй никуда не уѣзжалъ, разлучить его съ ней ничего не могло и онъ любилъ ее попрежнему.

Летѣли ночи и отняли отъ дней всю ихъ яркость, весь смыслъ ихъ и значеніе.

— Ты очень разсѣянна,—сказалъ ей разъ Петръ Николаевичъ за завтракомъ, когда она не отвѣтила ему на дважды повторенный имъ вопросъ.—Гдѣ твои мысли витаютъ: ужъ не больна ли ты?

Наталія Александровна потупила глаза и покраснѣла. Лгать она не могла.

— Я вспомнила вчерашній мой сонъ,—сказала она и нахмурилась, насторожилась.

Петръ Николаевичъ разсмѣялся.

— У тебя такой видъ, какъ будто ты всегда не наяву,—сказалъ онъ и, чтобы смягчить сорвавшійся у него упрекъ, быстро продолжалъ:—И я видѣлъ странный сонъ, теперь только припомнилъ. Хочешь я разскажу тебѣ?

Она кивнула головой въ знакъ согласія.

— Сижу я на какомъ-то островкѣ посрединѣ рѣки,—сталъ съ видимой охотой повѣствовать Петръ Николаевичъ.—Вода вокругъ меня темная и течетъ быстро. И вотъ вижу, идетъ по самому глубокому мѣсту маленькая дѣвочка, не плыветъ, а такъ шагаетъ, и вода ей по щиколотку. Я знаю, что она неминуемо сейчасъ же должна погрузиться и погибнуть; я хочу закричать, предостеречь ее и вдругъ самъ уже оказался не на островкѣ, а на берегу. Вижу, дѣвочка тонетъ, и поспѣшно разуваюсь, чтобы броситься вплавь, но какъ только я снялъ одну пару ботинокъ, у меня на ногахъ другая, и такъ безъ конца. Рѣшаюсь плавать какъ есть; смотрю, никакой дѣвочки нѣтъ, а рѣка совсѣмъ узенькая, аршина нѣтъ отъ берега до берега, и деревья, луга, церковь на холмѣ, село, все стало крошечнымъ, игрушечнымъ. Одинъ я не измѣнился и самъ себѣ кажусь огромнымъ. Начинаю горстью черпать воду въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезла дѣвочка, затѣмъ сквозь пальцы пропускаю воду, ищу дѣвочку на своей ладони. Нѣтъ ея! Опять черпаю, и опять нѣтъ. Сгинула!

— Такъ и не нашелъ? — тихо спросила Наталія Александровна.

— Не помню,—отвѣтилъ Петръ Николаевичъ,—все спуталось, сбилось... я проснулся.

Наталія Александровна сознавала, что мужъ хотѣлъ развлечь ее, занять, и ей стало жаль его. Она серьезно взглянула на него и подумала:

„Онъ замѣтилъ, что я странная, и такъ долго молчалъ. Онъ навѣрное страдаетъ. Кому я измѣняю: ему ли съ Алексѣемъ, или Алексѣю съ нимъ?“

Тяжелыя, неясныя думы туманами окружили ее. Претила двойственная, неоткровенная жизнь, подавлялъ ее Алексѣй своей загробною властью, все возрастающей требовательностью.

„Не выдать ли его, не разсказать ли все мужу?“ мелькнула у ней мысль, но когда она подняла голову, она была одна. Петръ Николаевичъ ушелъ. Онъ что-то говорилъ ей,—она припоминала

переливы его голоса, сперва веселаго, затѣмъ смущеннаго,—и, не получивъ отвѣта, оставилъ ее, далекую, неласковую.

Оставилъ съ недоумѣніемъ, навѣрное, съ болью. Вѣдь замѣтилъ онъ ея отчужденность отъ него, безъ укора намекнулъ на странность ея поведенія, и его боль отозвалась въ ея сердцѣ, отравила ее тоской. Смертельная усталость охватила ее. Заснуть бы навсегда. Можетъ быть, этого и хотѣлъ отъ нея Алексѣй?

Съ надвигающимися сумерками прежній страхъ вернулся къ ней. Она желала, чтобы Алексѣй не пришелъ, пугалась спальни своей, пробовала молиться, но слова молитвы путались и воля слабѣла, таяла.

„Хорошо, если бы ночи не было,—подумала она,—а всегда продолжалось, окутавшее ее теперь, тихое оцѣпенѣніе, похожее на безвременіе, на „вѣчный покой“, котораго мы просимъ у Бога для усопшихъ близкихъ. Но вѣдь это и есть смерть“, сообразила она и встрепенулась, возмутилась.

А ночь наступила, и уйти некуда.

Наталія Александровна лежала съ открытыми въ темнотѣ глазами и знала, что Петръ Николаевичъ тоже не спитъ и насторожился; знала, что тотъ приближается.

Все тѣло ея ныло. Вдругъ Петръ Николаевичъ дотронулся до ея плеча. Она вскрикнула.

— Наташа,—взмолился онъ,—объясни мнѣ все, облегчи свою душу!

Она сѣла на постели и при свѣтѣ электричества, которое онъ зажегъ, внимательно посмотрѣла ему въ лицо.

— Добрый, милый,—шепнула она, на минуту успокоившись, и погладила его по волосамъ.

Но потомъ страхъ опять подступилъ къ ней, удвоенный сознаніемъ, что у нея времени мало, что надо говорить сейчасъ, что можетъ быть уже поздно. Съ расширенными зрачками, часто дыша, она запекшимися губами начала свою тяжелую исповѣдь.

— Мнѣ не слѣдовало выходить замужъ за тебя, я дурно поступила, я не знала, что я не свободна. Я думала,—голосъ ея перешелъ на едва слышный шопотъ,—что съ покойниками всѣ отношенія прерываются смертью, что можно нѣжно чтить ихъ память и жить безъ нихъ. Но этого нельзя. Смерти нѣтъ, разлуки нѣтъ. Алексѣй любитъ меня попрежнему. Понимаешь, любитъ, приходитъ каждую ночь.

— Запрети ему,— отвѣтилъ Петръ Николаевичъ, — это твое право.

Она быстро закрыла ему ротъ рукой и робко оглянулась.

— Какъ я могу ему запретить?—быстро продолжала она.— Онъ ради меня смерти не покорился, остался на землѣ. Не тотъ умеръ, чье тѣло погребено, а тотъ, кто пересталъ любить. И много, много должно быть на землѣ такихъ невидимыхъ жильцовъ. Они общаются съ живыми, навѣваютъ имъ сны, манятъ къ себѣ, убиваютъ...

Она вся дрожала, искала, чѣмъ бы убѣдить мужа, и боялась неосторожными словами обидѣть „другого".

— Нельзя поддаваться этому,—строго сказалъ Петръ Николаевичъ.—Вотъ на твоемъ столикѣ лежитъ Евангеліе и въ немъ сказано: „въ воскресеніи не женятся, не выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ ангелы Божьи на небесахъ". Отпусти его, Наташа, ты мѣшаешь его воскресенію.

Все лицо ея исказилось ужасомъ.

— Онъ, можетъ быть, уже здѣсь,—сказала она и впилась ногтями въ руку Петра Николаевича.

— Скажи ему, чтобы онъ отошелъ навсегда, что вы встрѣтитесь какъ ангелы на небесахъ.

— Чтобъ оставилъ меня, живую, грѣховную, чтобъ ушелъ въ страну загробную, чтобъ примирился съ безплотностью,—причитала она, борясь съ собою.

Въ спальнѣ опять воцарилась темнота. Наталія Александровна уловила въ тишинѣ знакомые шорохи, нѣжные вздохи, неотразимый, какъ колдовство, призывъ. Она потянулась навстрѣчу приближающагося, и сладкая истома стала ее побѣждать. Но слабѣющимъ разсудкомъ она ужаснулась своей покорности; съ отчаяніемъ и тоской крикнула, а можетъ быть только подумала, но мысль ея была сильнѣе всякаго человѣческаго крика:

— Уйди, отдайся смерти!

Наступило такое молчаніе, передъ которымъ всякое безмолвіе показалось бы шумнымъ хоромъ безчисленныхъ звуковъ. Съ запретомъ плотской любви наступилъ для Алексѣя разрывъ съ земною жизнью. Явилась та, что люди зовутъ смертью. Волной накатилась, волной вздыбилась, могучей, черной, и унесла Алексѣя, отбросила въ тотъ край, куда ни одинъ живой человѣкъ не можетъ заглянуть.

И въ ужасной тишинѣ раздался долгій дребезжащій стонъ.

Двѣ недѣли пролежала въ безпамятствѣ Наталія Александровна. Доктора отчаивались ее спасти, но въ одно утро она проснулась

спокойная, попрежнему тихая, и улыбнулась свѣту, который вливался въ открытое окно. Она съ удивленіемъ разсматривала незнакомую комнату съ бѣлыми стѣнами и бѣлой мебелью. На креслѣ у ея постели сидѣлъ Петръ Николаевичъ и смотрѣлъ въ окно. Поза его изобличала привычку къ терпѣливому ожиданію.

Она взглянула на его руки, крѣпкія, широкія, съ короткими пальцами,—руки дѣятельнаго человѣка,—и умилилась надъ его неподвижностью.

Она поняла по той слабости, которую чувствовала во всемъ тѣлѣ, что долго болѣла и что онъ сторожилъ ее, спасалъ. Ей захотѣлось увидать его лицо.

— Повернись ко мнѣ,—сказала она.

Онъ съ такой поспѣшностью вскочилъ, съ такой радостью нагнулся надъ ней, что она разсмѣялась. Но тутъ же она замѣтила его измученный видъ.

— Прости меня,—шепнула она.

— За что, дорогая?—спросилъ онъ, и по тревожному выраженію, мелькнувшему въ его глазахъ, она поняла, что онъ боится, не бредитъ ли она. Онъ пощупалъ ей лобъ.

— Я все теперь понимаю,—сказала она.—Какъ давно я больна, что со мною было?

— Не надо вспоминать,—отвѣтилъ онъ.—Теперь ты выздоровѣла, скоро окрѣпнешь, тогда разскажу.

Но ее безпокоилъ сотворенный ею грѣхъ. Да, грѣхъ. Во время болѣзни мозгъ ея бездѣйствовалъ, но душа жила, терзалась и каялась, обличала ее, называла сосудомъ дьявола; правильно называла за то, что она, женщина, въ плотскихъ сѣтяхъ держала душу Алексѣя, что пять съ нимъ прожитыхъ лѣтъ были лишь гимномъ тѣла. И Петръ Николаевичъ это зналъ. Она сама призналась ему. Пусть онъ скажетъ ей, что простилъ ее.

— Ты помнишь, что я говорила тебѣ передъ болѣзнью?—спросила она.

— Не могу всего припомнить,—отвѣтилъ онъ, какъ бы извиняясь.—Ты ночью стала бредить; я замѣтилъ, что ты больна, и приготовилъ тебѣ стаканъ брому. Когда я тебѣ его далъ, ты очень испугалась и отбросила его. Стаканъ разбился въ дребезги. Ты все время говорила, спорила съ кѣмъ-то, выжидала отвѣта и опять возражала; но понять было невозможно.

— Ничего значительнаго не было въ моихъ словахъ?

— Кажется, ничего...

Она задумалась. Ея жестокая тайна, значитъ, осталась при ней,

миновавъ его. Не вѣдаетъ онъ, что она, на видъ тихая и цѣломудренная, была сосудомъ дьявола. Ея исповѣдь не дошла до него. Пощадить ли его, молчать или признаться теперь, что исцѣлилась, страданіемъ очистилась?

— Будемъ жить бодро и ясно,—сказалъ Петръ Николаевичъ.

Молчать,—вѣдь тайна ея не ей одной принадлежитъ. Только эту послѣднюю службу молчанія можетъ она сослужить покойному Алексѣю. Она чувствовала себя обѣднѣвшей, будто во время болѣзни отняли у нея огромное, но неправильно, по недоразумѣнію удерживаемое сокровище, и радовалась своему оскудѣнію.

— Бодро и ясно,—съ какимъ-то восторгомъ смиренія повторила она, и румянецъ жизни заигралъ на ея щекахъ.

Иванъ Странникъ.

Крушеніе теократіи въ твореніяхъ В. С. Соловьева.

I.

Теократія и русская національная идея.

Въ концѣ жизни Соловьева въ его настроеніи совершилась перемѣна, [1]) связанная съ глубокимъ жизненнымъ разочарованіемъ. Въ предисловіи философа къ его переводу сочиненій Платона мы, между прочимъ, читаемъ: „Съ наростаніемъ жизненнаго опыта, безо всякой перемѣны въ существѣ своихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сомнѣвался въ полезности и исполнимости тѣхъ внѣшнихъ замысловъ, которымъ были отданы мои такъ называемые „лучшіе годы“. Разочароваться въ этомъ значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которыя за то время отодвинулись было на дальній планъ“. [2])

Чтобы понять ту жизненную драму, которая есть въ этомъ разочарованіи, надо ознакомиться съ той всепоглощающею мечтою, ради которой величайшій изъ русскихъ философовъ въ серединный періодъ своей дѣятельности забросилъ философію. То была мечта о здѣшнемъ, земномъ, осуществленіи царствія Божія въ индивидуальной жизни человѣка и въ соціальной жизни человѣчества. Съ юныхъ лѣтъ Соловьевъ видѣлъ въ философіи лишь подчиненное орудіе, необходимое для осуществленія дѣла Божія на землѣ. Уже двадцатилѣтнимъ юношей онъ писалъ своей кузинѣ Е. К. Селевиной: „Я не только надѣюсь, но также увѣренъ, какъ въ своемъ существованіи, что истина, мною сознанная, рано или поздно будетъ сознана и другими, сознана всѣми, и тогда своею внутреннею силою преобразитъ она весь этотъ міръ лжи, навсегда съ корнемъ уничтожитъ всю неправду и зло жизни личной и общественной,—грубое невѣжество народныхъ массъ, мерзость нравственнаго запустѣнія образованныхъ классовъ, кулачное

---

[1]) „Полн. собр. соч.“, ч. VIII, стр. 153.

[2]) Стр. V.

право между государствами—ту бездну тьмы, грязи и крови, въ которой до сихъ поръ бьется человѣчество; все это исчезнетъ, какъ ночной призракъ передъ восходящимъ въ сознаніи свѣтомъ вѣчной Христовой истины, доселѣ непонятой и отверженной человѣчествомъ,—и во всей своей славѣ явится царство Божіе—царство внутреннихъ духовныхъ отношеній, чистой любви и радости — новое небо и новая земля"... [1])

Тутъ мы имѣемъ основную тему того грандіознаго и стройнаго плана, который впослѣдствіи былъ разработанъ Соловьевымъ подъ именемъ „вселенской теократіи".

Теократическая идея философа есть прежде всего отвѣтъ на вопросъ объ истинной, *цѣлостной* жизни человѣка на землѣ. Онъ исходитъ изъ совершенно правильной мысли, что вѣра въ Бога, какъ смыслъ всего существующаго, необходимо требуетъ подчиненія *всей* человѣческой жизни этому ея религіозному смыслу. Этическій максимализмъ вытекаетъ изъ самой сущности религіозной вѣры: „истинная и живая религія не есть спеціальность, отдѣльная область, особый уголъ въ человѣческомъ существованіи. Прямое откровеніе безусловнаго, религія не можетъ быть только чѣмъ-нибудь: *она или все или ничего*. Какъ только мы ее признаемъ, для насъ возникаетъ обязанность ввести ее въ качествѣ верховнаго и руководящаго начала во всѣ области умственной и практической жизни, подчинить ей всѣ интересы политическіе и соціальные". [2])

„Царство Бога совершеннаго и безграничнаго не терпитъ никакихъ односторонихъ ограниченій". Если есть Богъ, то въ жизни Онъ долженъ быть всѣмъ во всемъ. Мы должны отдаться Ему всецѣло. Въ этомъ совершенномъ проникновеніи человѣческаго существованія безусловнымъ, Божественнымъ содержаніемъ и состоитъ идеалъ цѣлостной жизни. До тѣхъ поръ, пока наша жизнь оторвана отъ своего безусловнаго начала и источника, она не можетъ быть цѣлостною: ибо въ ней есть то роковое раздвоеніе и противорѣчіе, которое составляетъ печать всякой внѣбожественной дѣйствительности.

Въ чемъ же заключается тотъ строй жизненныхъ отношеній, который соотвѣтствуетъ этому идеалу? По Соловьеву этотъ идеалъ осуществляется только въ совершенномъ боговластіи или теократіи. Богъ долженъ властвовать надъ нами: это властвованіе въ жизни осуществляется *черезъ Церковь*—видимое воплощеніе Христа, Его соціальное тѣло. „Въ качествѣ *единственной* организаціи богочеловѣческой жи-

---

[1]) „Письма В. С. Соловьева", ч. III, стр. 85. Приведенное письмо вмѣстѣ съ другими письмами Соловьева къ Е. К. Селевиной было первоначально напечатано въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за 1910 г.

[2]) „La Russie et l'Eglise", 125—126.

зни истинная Церковь должна обнимать въ реальной системѣ всю полноту нашего существованія, должна опредѣлять всѣ наши обязанности, удовлетворять всѣмъ нашимъ истиннымъ потребностямъ, отвѣчать всѣмъ человѣческимъ стремленіямъ". [1])

Отсюда Соловьевъ заключаетъ, что міръ долженъ быть подчиненъ Церкви, какъ низшая область высшей. „Не только Церковь имѣетъ Христа своимъ главою и вождемъ, но также и государство и общество христіанское. Съ его властью должны связывать свою власть и свое служеніе не только священники, но также и цари, и свободные общественные дѣятели". [2]) Самые элементы нашей матеріальной жизни въ церковныхъ таинствахъ освящаются и превращаются благодатью; тѣмъ болѣе порядокъ соціальный и политическій, эта существенная форма жизни человѣческой, долженъ пресуществиться въ тѣло Христово. [3]) Въ идеальномъ порядкѣ отношеній государство становится частью Церкви, мірскимъ ея аспектомъ: въ теократіи оно превращается въ „живое тѣло Божіе". [4])

Отсюда по Соловьеву сама собою вытекаетъ схема нормальныхъ отношеній властей въ христіанскомъ мірѣ. Источникомъ всякой власти является Христосъ, которому, какъ Первосвященнику, Царю и Пророку, дана полнота всяческой власти на небѣ и на землѣ безъ всякаго исключенія. Въ мірѣ человѣческомъ эта единая власть Христова представляется тремя раздѣльными властями—первосвященнической, царской и пророческой. Эти три власти должны объединяться во Христѣ и отъ Его имени согласно править міромъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ властей долженъ осуществляться принципъ подчиненія низшаго высшему. Первосвященникъ пасетъ стадо Христово—Церковь; православный царь съ неограниченною властью правитъ государствомъ согласно указаніямъ первосвященника. И, наконецъ, вольный проповѣдникъ слова Божія—пророкъ—наставляетъ въ духѣ любви святителя и царя. Между собою власти связываются духомъ любви, а не внѣшними насильственными узами принудительнаго закона. Царь совершенно свободно подчиняется первосвященнику, какъ сынъ отцу, и оба совершенно свободно повинуются голосу Божію, говорящему устами пророка. Столь же свободно и добровольно подчиняется стадо христіанское своимъ вождямъ—духовному и мірскому. Ибо христіанская теократія будущаго—совершенно добровольный, *свободный* богочеловѣческій союзъ.

Отъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ трехъ властей Соловьевъ ждетъ осуществленія на землѣ царствія Христова—той самой правды въ че-

---

[1]) „Исторія и будущность теократіи", стр. 543; „La Russie et l'Eglise", 205.
[2]) „Исторія и будущность теократіи", IV, стр. 568.
[3]) „La Russie et l'Eglise", 125—126.
[4]) Тамъ же, XVI.

ловѣческихъ отношеніяхъ, о которой онъ пишетъ въ приведенномъ письмѣ къ Е. К. Селевиной: это—миръ между народами, миръ между классами,—соціальная реформа, которая устроитъ всѣ экономическія отношенія на началахъ любви къ ближнему.

Эти мысли высказывались Соловьевымъ преимущественно въ полемикѣ противъ славянофиловъ; и, однако, не трудно убѣдиться, что онѣ представляютъ собою своеобразное продолженіе славянофильства, дальнѣйшее развитіе его основныхъ началъ. Прежде всего самый идеалъ „цѣльной жизни“ унаслѣдованъ Соловьевымъ отъ Кирѣевскаго и Хомякова: задолго до него они высказали требованіе, чтобы религія и Церковь наполнили собою *всю* жизнь человѣка, не только личную, но и общественную: вся начертанная философомъ схема „вселенской теократіи“ есть не что иное, какъ попытка указать путь къ конкретному осуществленію этого требованія.

Но этого мало: Соловьевъ въ ранній и средній періодъ своей дѣятельности далеко не вполнѣ преодолѣлъ тотъ славянофильскій *національзмъ*, противъ котораго онъ боролся. Отъ славянофиловъ онъ унаслѣдовалъ вѣру въ *національное мессіанство* Россіи, въ ея призваніе—явить міру воплощеніе Христа и христіанства въ соціальной жизни. Носителемъ *„цѣльной жизни“* въ человѣчествѣ съ его точки зрѣнія „можетъ быть *сначала* только народъ русскій“. [1]) Для того, чтобы осуществлять эту цѣлость во всемъ мірѣ, чтобы всюду доставить торжество началамъ христіанской попытки, Россія должна обладать огромнымъ *мірскимъ* могуществомъ. Соловьевъ ждетъ отъ нея продолженія дѣла Константина и Карла—возстановленія той священной римской имперіи, которая въ союзѣ съ римскимъ первосвященникомъ осуществитъ царствіе Христово на землѣ. Первый языческій Римъ палъ оттого, что отвергъ Христа; второй Римъ—Византія—палъ также вслѣдствіе отреченія отъ Христа—вслѣдствіе отказа осуществить христіанство въ жизни. Задача *третьяго Рима*—Россіи—въ томъ, чтобы до конца исполнить завѣтъ Христа—осуществить вселенскую теократію.

Тутъ сразу бросается въ глаза характерная для продолжателя славянофильства двойственность въ настроеніи. Съ одной стороны, Соловьевъ тщательно подчеркиваетъ ту религіозную цѣль, которой все должно быть подчинено—въ политикѣ, какъ и во всей жизни. „Исцѣленіе христіанскаго міра, возстановленіе въ немъ образа Христова есть и для Россіи, и для славянства, и для всего человѣчества единое на потребу, къ нему же вся прочая приложатся“. Съ другой стороны, къ этому религіозному идеалу философа незамѣтно для него примѣшивается та самая мірская *національстическая* мечта, которую онъ го-

---

[1]) „Философскія начала цѣльнаго знанія“, стр. 262.

нитъ прочь. *Если Россія исполнитъ свой христіанскій долгъ, то къ царствію Божію для нея „приложится“ такое мірское могущество, которому ничто на свѣтѣ не сможетъ противостоять.* Эта мысль нигдѣ не высказывается прямо, но она достаточно ясно обнаруживается изъ множества характерныхъ обмолвокъ и вдобавокъ составляетъ необходимое предположеніе всего теократическаго ученія Соловьева.

Изъ предисловія къ „Національному вопросу“ мы узнаемъ, что „актъ самоотреченія“ необходимъ Россіи не только во имя высшихъ нравственныхъ соображеній, но и ради *ближайшихъ нуждъ* нашей политики. И тутъ же поясняется, что безъ духовнаго возсоединенія съ Западомъ мы не можемъ стать *центромъ единенія* для славянъ, что составляетъ ближайшую, *естественную* цѣль политики Россіи. [1]) Напротивъ, примиреніе Россіи съ жизненнымъ началомъ Запада (т.-е. съ католическимъ христіанствомъ) будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „объединеніемъ самого славянства“, [2]) осуществленіемъ „всеславянства“. [3]) Каково для Соловьева значеніе этого объединенія, видно изъ докладной его записки, предназначавшейся, повидимому, для самого папы Льва XIII и поданной Штроссмайеру—боснійскому епископу и апостольскому викарію въ Сербіи. „Провидѣніе, воля владыки первосвященника и ваши собственныя заслуги сдѣлали васъ истиннымъ посредникомъ между апостольскимъ престоломъ, который по Божественному праву обладаетъ ключами будущихъ судебъ міра, и славянской расой, *которая по всѣмъ вѣроятіямъ призвана осуществить эти судьбы*“. [4]) Тому же Штроссмайеру Соловьевъ пишетъ, что отъ соединенія Россіи съ Римомъ зависитъ не только ея будущее, но и судьбы славянства и всего міра. [5]) Соловьевъ поясняетъ „викарію апостольскаго престола“, въ чемъ соединеніе церквей можетъ оказаться полезнымъ (profitable) обѣимъ сторонамъ.

„Римъ пріобрѣлъ бы народъ благочестивый и воодушевленно-преданный религіозной идеѣ; онъ пріобрѣлъ бы *вѣрнаго и могущественнаго защитника* (un défenseur fidèle et puissant); Россія же, которая волей Божіей держитъ въ рукахъ судьбы Востока, не только освободилась бы отъ невольнаго грѣха—раскола, но вдобавокъ и тѣмъ самымъ была бы свободна осуществить свою великую міровую миссію, собрать вокругъ себя всѣ славянскіе народы и основать новую цивилизацію, воистину христіанскую, т.-е. соединяющую свойства единой истины и многообразной свободы въ верховномъ началѣ благодати,

---

[1]) Стр. II—3.
[2]) „Славянскій вопросъ“, т. V, стр. 60.
[3]) Тамъ же, стр. 66; ср. „Теократія“, стр. 238—244.
[4]) „Письма“, т. I, стр. 183.
[5]) Тамъ же, стр. 180.

объемлющей все въ единствѣ и распредѣляющей между всѣми полноту единаго блага". [1])

Отсюда видно, что „всеславянство" для Соловьева—мірское явленіе того *всеединства*, коего высшая духовная сторона обнаруживается въ соединеніи Церквей. И, что всего важнѣе, здѣсь идетъ рѣчь не о культурномъ только, но въ особенности о *политическомъ* объединеніи. Апостольскому престолу нужно *государственное могущество* Россіи! Легко себѣ представить, каково оно будетъ, когда вокругъ Россіи сплотятся всѣ балканскіе и австрійскіе славяне! Ясно, что „третій Римъ" рисуется философу въ видѣ имперіи въ реальномъ смыслѣ слова, т.-е. въ видѣ великой державы, которая такъ или иначе господствуетъ надъ всѣми царствами міра. „Не трудно убѣдиться, что въ этомъ именно заключается невысказанное предположеніе соловьевскаго идеала „христіанской политики". Очевидно, что въ *полнотѣ* своей этотъ универсальный идеалъ осуществимъ только во всемірной имперіи: только всемірное господство *единаго* теократическаго царства можетъ обезпечить то повсемѣстное, *всеобщее* осуществленіе христіанскихъ началъ въ государственной и экономической жизни, о которомъ мечтаетъ Соловьевъ. Идея теократическаго „царя" вообще можетъ имѣть то *вселенское* значеніе, которое приписываетъ ему Соловьевъ лишь при томъ условіи, если такъ или иначе этому государю подчиняется вся вселенная. Не удивительно, что философъ мечтаетъ о его господствѣ надъ судьбами не только Востока, но и Запада. Призваніе православнаго царя—быть всюду внѣшнимъ архіереемъ Церкви. По мысли Соловьева, если бы не было раздѣленія Церквей, „іерархія восточной Церкви, пользуясь, какъ и теперь, охраною православнаго царя, сверхъ того укрѣпляла бы свой авторитетъ всею сосредоточенною силою своихъ западныхъ сослужителей, а іерархія западная въ своей трудной борьбѣ съ антицерковными и антирелигіозными элементами тѣхъ странъ, имѣя за себя благочестивый Востокъ и предоставляя внѣшнюю сторону этой борьбы дружественной силѣ православнаго кесаря, не имѣла бы надобности примѣшивать къ высокому образу своего духовнаго авторитета мелкія черты служебной государственной политики". [2])

Отсюда ясно, какого рода участіе въ дѣлѣ Христовомъ Соловьевъ отводитъ русской государственной мощи: чтобы успѣшно вести „внѣшнюю борьбу" противъ антицерковныхъ теченій Запада, русскій государь долженъ обладать достаточнымъ могуществомъ, дабы диктовать тамъ свою волю. Представимъ себѣ, что онъ обладаетъ возможностью требовать возвращенія изгнанныхъ изъ Франціи монашескихъ конгре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 189.

[2]) „Еврейство и христ. вопросъ", т. IV, стр. 152—153.

гаціи! Не ясно ли, что „мессіанство“ *такъ* понимаемое предполагаетъ если не всемірное владычество, то по меньшей мѣрѣ всемірную диктатуру Россіи! Безъ такой диктатуры русская имперія, очевидно, не могла бы служить органомъ *вселенской* теократіи. Неудивительно, что разсужденія Соловьева о *теократической миссіи* Россіи часто сопровождаются указаніями на наше государственное могущество, которое мѣстами даже служитъ для него однимъ изъ доказательствъ религіозной миссіи русскаго народа. [1]) Онъ ясно говоритъ, зачѣмъ оно нужно: отъ Россіи и славянства онъ ждетъ полнаго преобразованія *всего* мірского порядка въ христіанскомъ духѣ.

„Ваше слово, о народы слова, это свободная и вселенская теократія, истинная солидарность всѣхъ націй, христіанство, осуществленное въ общественной жизни, христіанизированная политика; это—свобода для всѣхъ угнетенныхъ, покровительство слабымъ, это соціальная правда и добрый миръ христіанскій. Итакъ, открой имъ дверь, ключникъ Христовъ; и пусть врата исторіи будутъ *для нихъ и для всего міра* вратами царствія Божія“. [2])

Русское государственное могущество—необходимое орудіе спасенія *всего міра!* Такъ далеко не заходилъ въ своихъ мечтаніяхъ о „народѣ-богоносцѣ“ ни одинъ изъ старыхъ славянофиловъ! Но не въ этомъ одномъ Соловьевъ является продолжателемъ ихъ дѣла. Вмѣстѣ съ вѣрою въ національное мессіанство Россіи перешла къ нему и тѣсно связанная съ этимъ идеализація опредѣленныхъ *конкретныхъ формъ* старой русской государственности и общественности. Представляя себѣ въ мечтѣ „третій Римъ“ въ видѣ могущественнаго русскаго царства, философъ вводитъ въ него какъ *необходимые* элементы вселенской теократіи политическіе устои стараго славянофильства.

По его словамъ, „исторически сложившійся строй русской жизни выражается въ слѣдующихъ ясныхъ чертахъ: церковь, представляемая архіерейскимъ *соборомъ* и опирающаяся на монастыри, правительство, сосредоточенное въ самодержавномъ *царѣ*, и народъ, живущій земледѣліемъ въ *сельскихъ общинахъ*. Монастырь, дворецъ и село—вотъ наши общественные устои, которые не поколеблются, пока существуетъ Россія“. [3]) Вмѣстѣ съ славянофилами Соловьевъ почитаетъ въ русскомъ самодержавіи начало „сверхправовое“; [4]) такъ же какъ и они, онъ видитъ великую силу политическаго строя Россіи въ „царскомъ единовластіи

---

[1]) Т. IV, 236; „La Russie et l'Eglise“, 12. LIX.

[2]) „La Russie et l'Eglise“, LXVII.

[3]) „Еврейство и христіанскій вопросъ“.

[4]) „Государственная философія въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія“, т. V, стр. 373.

и въ единодушной привязанности народа къ царю". [1]) Въ идеализаціи русскаго монархическаго начала философъ даже превосходитъ славянофиловъ, что, впрочемъ, вполнѣ естественно: на теократическаго царя онъ возлагаетъ такія надежды, по сравненію съ которыми славянофильскія мечты могутъ показаться скромными. Въ самомъ цезаропапизмѣ онъ видитъ положительную истину, хотя и извращенную историческими злоупотребленіями. Освобожденный отъ этого искаженія цезаропапизмъ „сводится къ истинной и многозначительной идеѣ христіанскаго царя, какъ особой самостоятельной власти и особаго служенія въ церкви". [2]) Какъ высоко Соловьевъ цѣнитъ такое религіозное значеніе русскаго самодержавія и его „верховнаго положенія" въ восточной церкви, видно изъ того, что въ докладной запискѣ на имя Штроссмаейра говорится о сохраненіи этого положенія, какъ объ одномъ изъ непремѣнныхъ условій соединенія церквей. Замѣчательно, что здѣсь философъ говоритъ о прерогативахъ русской императорской власти, какъ о необходимой части нашей *церковной* автономіи. [3]) И религіозное значеніе имѣетъ для Соловьева не какая-либо сторона русской монархической власти, не одно какое-либо изъ ея полномочій, *а вся ея неограниченная полнота, самое ея самодержавіе*. „Русская церковь", по его словамъ, *благодаря Бога* пользуется охраною православнаго царя самодержавнаго и, слѣдовательно, независимаго отъ безбожныхъ стихій современнаго общества". [4]) Этими словами подчеркивается вся важность неограниченной монархіи въ теократической схемѣ Соловьева; не довѣряя „безбожному" обществу, онъ ждетъ мірского осуществленія царствія Христова прежде всего отъ *помазанника Божія*.

Тутъ невольно вспоминается принадлежащая перу Соловьева мѣткая характеристика религіозно-патріотическихъ мечтаній старыхъ славянофиловъ. Онъ полагаетъ, что истинно христіанскій идеалъ можетъ принять эту національно-мессіанскую форму, но онъ становится тогда весьма *удобопревратнымъ* (по выраженію духовныхъ писателей), т.-е. легко можетъ перейти въ соотвѣтствующій идолъ антихристіанскаго націонализма, какъ это дѣйствительно и случилось". [5]) Видѣть опасность еще не всегда значитъ избѣжать ея: та же „удобопревратность" національнаго мессіанства сказалась и у самого Соловьева. Несмотря на тяжкіе удары, нанесенные имъ „идолу антихристіанскаго націонализма", этотъ идолъ возродился и у него въ формѣ религіознаго почитанія патріархальныхъ, традиціонныхъ формъ старо-русской государственности. Тутъ онъ идетъ

---

[1]) „Еврейство и христіанскій вопросъ", стр. 157.
[2]) „Славянскій вопросъ", стр. 62.
[3]) „Письма", т. I, стр. 189.
[4]) „Еврейство и христіанскій вопросъ", стр. 156.
[5]) „Идолы и идеалы", т. V, стр. 357.

даже дальше старыхъ славянофиловъ: никто изъ нихъ никогда не надѣлялъ царскую власть особыми полномочіями въ церкви, никому изъ нихъ не приходило въ голову признавать хотя бы *относительную* правду въ цезаропапизмѣ!

Совершенно такъ же, какъ и у старыхъ славянофиловъ, въ ученіи Соловьева борются два влеченія—къ родинѣ небесной и къ родинѣ земной: необычайная страстность чувства патріотическаго здѣсь служитъ источникомъ аберрацій религіознаго настроенія. Когда Соловьевъ говоритъ объ историческомъ прошломъ и настоящемъ другихъ народовъ или даже нашего отечества, онъ ясно сознаетъ и какъ нельзя болѣе рельефно изображаетъ контрастъ между религіознымъ идеаломъ царства Божія на землѣ и дѣйствительностью. Но, какъ только заходитъ рѣчь о *будущемъ Россіи*,—ему измѣняетъ послѣдовательность и ясность его мысли: всѣ очертанія дѣйствительности тутъ обволакиваются романтическимъ туманомъ, и все сливается въ одно—временное и вѣчное. Разсматриваемое *издали*, русское государственное зданіе съ его причудливой старинной, вѣками освѣщенной архитектурой кажется философу храмомъ Божіимъ и бытовыя черты русской мірской дѣйствительности — дворцы и села—превращаются въ святыни, становятся *рядомъ* съ монастыремъ и архіерейскимъ соборомъ. *Въ идеѣ* Соловьевъ хочетъ осуществленія небеснаго въ земномъ; на дѣлѣ выходитъ иное. Религіозное содержаніе его идеала заслоняется для него земною мечтою, и въ этомъ заключается роковая двойственность его утопіи „вселенской теократіи“.

Съ одной стороны, она хочетъ быть исполненіемъ словъ молитвы Христовой „да пріидетъ царствіе Твое“; съ другой стороны, единство этого царства въ ней нарушается пестрой амальгамой вселенскаго и русскаго. Христіанству чужды эти мечты о мірскомъ величіи русской державы. Ни для кого и никогда царствіе Божіе не служило источникомъ мірскихъ выгодъ. Между тѣмъ у Соловьева зачастую поражаетъ описаніе того всеобщаго благополучія, которое наступитъ въ результатѣ осуществленія теократіи. Всему населенію Россіи—полякамъ, евреямъ и въ особенности русскимъ—она сулитъ рядъ выгодъ политическихъ и экономическихъ; для евреевъ это—гражданское равноправіе, доступъ къ землѣ; для поляковъ это—признаніе ихъ національной идеи, прекращеніе руссификаторской политики, выдающаяся роль польской шляхты во внутреннемъ управленіи Россіи. Наконецъ, для Россіи это—политическое благоустройство, экономическое благосостояніе, имѣющее наступить вслѣдствіе примиренія съ евреями, [1]) и міровая гегемонія. Мѣстами у Соловьева описаніе общественнаго быта теократическаго царства будущаго напоминаетъ изображеніе земного рая. „Когда своекорыстіе не

[1]) См. въ особенности „Еврейство и христіанскій вопросъ“, стр. 158—167.

будетъ царить въ общественныхъ отношеніяхъ между людьми, оно перестанетъ господствовать и въ отношеніяхъ человѣка къ природѣ. И въ теократіи матеріальная природа будетъ служить человѣку, и гораздо больше, чѣмъ теперь, но это служеніе будетъ основано на обоюдной любви. Природа съ любовью подчинится человѣку, и человѣкъ будетъ съ любовью ухаживать за природой". [1])

Въ итогѣ, въ теократической идеѣ Соловьева мы находимъ два чуждые другъ другу элемента: съ одной стороны,—зерно вѣчной истины, которая соотвѣтствуетъ неумирающей потребности человѣческаго духа; съ другой стороны—временныя мірскія мечты и увлеченія. Нужно ли говорить, что этотъ мірской элементъ теократической утопіи философа коренится въ опредѣленныхъ условіяхъ времени и мѣста, носитъ на себѣ печать опредѣленной эпохи! Возрожденіе идеи „третьяго Рима" въ дни царствованія императора Александра II не есть результатъ простой исторической случайности. Здѣсь чувствуется вліяніе той эпохи, когда цѣлое общество увлекалось мечтой о грандіозныхъ соціальныхъ реформахъ въ христіанскомъ духѣ, о русскомъ національномъ мессіанствѣ и о русскомъ Царьградѣ, какъ центрѣ религіозно-политическаго объединенія православнаго Востока. Какъ ни парадоксальнымъ это можетъ показаться съ перваго взгляда,—именно великія преобразованія Царя-Освободителя воспитали въ Соловьевѣ вѣру въ „мессіанское" призваніе царской власти. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи теократическая идея Соловьева вступаетъ въ борьбу противъ стараго славянофильства и дѣлаетъ попытку освободиться отъ націонализма; тутъ опять-таки нетрудно узнать отраженіе измѣнившихся условій эпохи Александра III, когда „зоологическій націонализмъ" нашихъ патріотовъ успѣлъ обнаружить свой звѣриный обликъ. Наконецъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, окончательное освобожденіе философа отъ націонализма въ связи съ крушеніемъ его теократической идеи—также соотвѣтствуетъ опредѣленной стадіи нашего общественнаго развитія.

II.

Сомнѣнія начала девятидесятыхъ годовъ. — Разочарованіе въ русскомъ обществѣ.

Рѣзкую грань между серединнымъ и заключительнымъ періодомъ Соловьева составляетъ его стихотвореніе „Панмонголизмъ", написанное въ 1894 г. Здѣсь онъ приписываетъ „льстецамъ Россіи" ту самую мечту о ея будущемъ, которую передъ тѣмъ лелѣялъ онъ самъ:

---

[1]) Тамъ же, стр. 167.

Примѣромъ древней Византіи
Мы научиться не хотимъ,
И все твердятъ льстецы Россіи:
Ты—третій Римъ, ты—третій Римъ.

Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что отказаться отъ надежды на осуществленіе „третьяго Рима“ для Соловьева значитъ прежде всего разочароваться въ теократической миссіи Россіи. Но не объ одной Россіи идетъ здѣсь рѣчь. Соловьевъ категорически утверждаетъ, что новаго Рима, призваннаго замѣнить первые три, не будетъ вовсе. Если Россія не осуществитъ свою теократическую миссію, то не осуществится вселенская теократія вообще.

Смирится въ трепетѣ и страхѣ,
Кто могъ любви завѣтъ забыть
И третій Римъ лежитъ во прахѣ,
А ужъ четвертому не быть.

Было бы ошибочно думать, что стихотвореніе „Панмонголизмъ“ выражаетъ собою окончательный выводъ Соловьева. Оно высказываетъ въ формѣ отчаянія то, что въ 1894 г. было для Соловьева еще только сомнѣніемъ, правда, мучительнымъ, но все еще неразрѣшеннымъ. Въ данномъ случаѣ, какъ это часто случалось съ Соловьевымъ, его поэтическое вдохновеніе упредило логическій ходъ его мыслей: въ пророческой интуиціи онъ прозрѣлъ то, что нѣсколькими годами позже облеклось въ форму правильнаго умозаключенія. Окончательное разочарованіе въ теократіи явилось здѣсь результатомъ сомнѣній, накоплявшихся годами; сочиненія Соловьева, а также личныя о немъ воспоминанія близкихъ ему людей, даютъ намъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ всю эту внутреннюю борьбу, совершавшуюся въ мысли философа.

Мы уже видѣли, что у Соловьева вѣра въ теократію и въ русскій народъ, какъ *народъ царскій,* призванный возобновить въ будущемъ теократическую имперію, составляетъ неразрывное органическое цѣлое. При этихъ условіяхъ неудивительно, что разочарованіе въ мессіанствѣ русскаго народа должно было привести философа къ разочарованію въ теократіи. Говоря иначе, крушеніе теократіи было здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и *крушеніемъ славянофильства* въ его новой соловьевской формѣ.

Вѣра Соловьева въ „третій Римъ“, какъ русскую національную идею, боролась съ сомнѣніями даже въ тѣ годы, когда она была всего сильнѣе. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ онъ училъ, что идея каждаго даннаго народа не есть законъ природы, фатумъ, тяготѣющій надъ народомъ, а нравственная обязанность, которую онъ можетъ исполнить или не исполнить. „Идея каждаго даннаго народа—не то, что самъ онъ думаетъ о себѣ во времени, а то, что Богъ думаетъ о немъ въ вѣчно-

сти". [1]) Будетъ ли осуществлена народомъ его идея, зависитъ не только отъ Бога, но и отъ самого народа, отъ степени его покорности и преданности волѣ Божіей. Съ этой точки зрѣнія Соловьевъ уже въ восьмидесятыхъ годахъ допускалъ, что Россія можетъ и не исполнить своего долга: онъ предсказывалъ, что въ такомъ случаѣ „она никогда не можетъ имѣть прочнаго успѣха ни въ какихъ дѣлахъ своихъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ". [2])

Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія подобнаго рода сомнѣнія могли только крѣпнуть. Въ то время рѣшительно ничто не свидѣтельствовало о рѣшимости Россіи осуществить царство правды на землѣ. И проповѣдь покаянья, съ которой обращался къ ней Соловьевъ, оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Славянофильскія утопіи здѣсь рушились сами собою при всякой попыткѣ сопоставить ихъ съ жизнью.

Теократическое ученіе Соловьева приняло свою окончательную форму, когда разочарованіе философа въ православіи стало совершившимся фактомъ. Въ мою задачу не входитъ подробная характеристика того процесса духовнаго развитія, которымъ оно было подготовлено. Достаточно сказать, что рѣшающее значеніе имѣло здѣсь сопоставленіе нашей церковной дѣйствительности съ *идеаломъ* вселенской Церкви. Вселенская Церковь должна быть единою, между тѣмъ въ дѣйствительности среди православнаго міра царствуетъ всеобщій раздоръ и взаимное отчужденіе. Единство церковное должно быть дѣйственнымъ и явнымъ, вмѣсто того оно существуетъ у насъ только въ скрытомъ состояніи и не проявляется вовнѣ. Это объясняется тѣмъ, что „вѣковыя цѣпи приковываютъ тѣло нашей церкви къ безобразному трупу, который душитъ ее, разлагаясь". [3]) Еще И. С. Аксаковъ утверждалъ, что наша церковь мало-по-малу превратилась въ родъ приказа или въ колоссальную канцелярію, которая примѣняетъ къ пастырскому служенію всѣ пріемы нѣмецкаго бюрократизма со всей офиціальной фальшью, имъ свойственною. Выражая свое разочарованіе въ православіи словами послѣдняго могикана стараго славянофильства, Соловьевъ говоритъ: „учрежденіе, покинутое Духомъ истины, не можетъ быть истинною Церковью Божіей". [4])

Вслѣдъ за православіемъ наступила очередь двухъ остальныхъ устоевъ стараго славянофильства. Сначала, какъ мы видѣли, Соловьевъ включилъ ихъ въ свою теократическую схему. Онъ ждалъ осуществленія теократической имперіи отъ благочестія русскаго народа и отъ не-

---

[1]) „L'Idée russe", 6—7—8.
[2]) „Національный вопросъ", предисловіе, т. V, стр. IV.
[3]) „L'Idée russe", 22.
[4]) Тамъ же, 22—28.

ограниченной самодержавной власти русскихъ государей. Къ концу его жизни, однако, и та и другая надежда рухнула.

Въ частности въ отношеніи Соловьева къ дореформенному русскому государственному строю уже въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ начались колебанія, которыя благодаря тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ не могли быть высказаны въ печати.

Первое разочарованіе было вызвано всероссійскимъ голодомъ 1891 г. Подъ впечатлѣніемъ безсилія правительства въ борьбѣ съ хроническими неурожаями Соловьевъ заговорилъ о необходимости организовать русское общество для „правильной и постоянной дѣятельности въ пользу народа“. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу.

„За эти тридцать лѣтъ ничего не было нами сдѣлано, чтобы улучшить крестьянское хозяйство и помѣшать тому естественному процессу, въ силу котораго половина европейской Россіи мало-по-малу приближается къ состоянію какихъ-то дикихъ степей. Ясно, что при нынѣшнемъ безкультурномъ состояніи русскаго народа и его хозяйства этотъ процессъ запустѣнія остановить нельзя. Ясно далѣе, что самъ народъ не имѣетъ средствъ поднять свой культурный уровень и *что это также не можетъ быть прямой и непосредственной задачей правительства. Еще менѣе могутъ тутъ что-нибудь сдѣлать индивидуальныя усилія частныхъ лицъ. Значитъ, требуется дѣятельность общества, какъ такового, какъ организованнаго цѣлаго*“ [1]) (курсивъ мой).

Высказать въ печати больше этого Соловьевъ *въ то время*, разумѣется, не могъ; но въ бесѣдахъ съ друзьями, а въ томъ числѣ и со мною, онъ откровенно говорилъ о своемъ разочарованіи въ тогдашнемъ нашемъ государственномъ строѣ и о необходимости представительныхъ, конституціонныхъ учрежденій. Помню, какъ при этомъ однажды онъ шутя показывалъ мнѣ красную подкладку своей шведской куртки и съ хохотомъ говорилъ: „а подкладка у меня на всякій случай вотъ какая“. Эти разговоры происходили осенью 1891 года; къ тому же времени относится и цитированная только что статья „Нашъ грѣхъ и наша обязанность“, напечатанная тогда въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Приведеннымъ словамъ этой статьи соотвѣтствовали весьма опредѣленныя надежды и даже намѣренія покойнаго философа. Въ то время онъ часто говорилъ, что правительство „прозѣвало“ голодъ и что общество должно *взять въ свои руки* помощь голодающимъ; онъ надѣялся, что на этой почвѣ зародится та *постоянная* общественная организація, которая возьметъ на себя заботы не объ одномъ только голодѣ, но *о народныхъ нуждахъ вообще*. Именно эту организацію онъ имѣлъ въ виду въ нижеслѣдующемъ воззваніи, обращенномъ къ русскому обществу.

---

[1]) „Нашъ грѣхъ и наша обязанность“, т. V, стр. 403.

„Покайтесь теперь, потомъ будетъ поздно. Грѣхъ вашъ одинъ въ двухъ видахъ. Вы отреклись отъ истиннаго христіанства и вмѣсто того, чтобы смягчать и устранять старыя историческія обиды, раздѣляющія человѣчество, вы стали всячески отягчать ихъ и умножать новыми изобрѣтеніями. Въ то время какъ вы старались истребить все „чужое“ во имя своего, вы на самомъ дѣлѣ забывали объ этомъ *своемъ*, о дѣйствительномъ благѣ нашего народа и ничего для него не дѣлали. Вы не сдѣлали ничего—не только для духовнаго воспитанія народа въ христіанской истинѣ, но даже для физическаго его пропитанія, для обезпеченія ему насущнаго хлѣба. И всѣ нынѣшнія и предстоящія страданія этого народа—на вашей совѣсти, вашъ грѣхъ. И первая ваша обязанность—въ немъ покаяться, а вторая—показать раскаяніе на дѣлѣ. *Соберитесь, организуйтесь для добра, какъ вы умѣете собираться и организовать свои силы для устройства дѣлъ вредныхъ и сомнительныхъ*“ [1]) (курсивъ мой).

Соловьевъ прекрасно зналъ, что при возможности организоваться „для дѣлъ вредныхъ и сомнительныхъ“ въ то время было строжайше воспрещено собираться для общаго народнаго дѣла, хотя бы и „для добра“; но онъ мечталъ объ *организаціи недозволенной*. Часто умственнымъ взоромъ онъ искалъ вождя, который могъ бы стать во главѣ общественнаго движенія, и останавливался на генералѣ М. И. Драгомировѣ; послѣдняго онъ прочилъ, какъ онъ говорилъ полушутя, „въ узурпаторы“. Насколько серьезно онъ объ этомъ думалъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ письмѣ отъ 11 сентября 1891 г. къ М. М. Стасюлевичу онъ упоминаетъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Петербургъ „во второй половинѣ октября, съѣздивши въ Кіевъ“. [1]) Какъ онъ говорилъ мнѣ около того же времени, поѣздка въ Кіевъ имѣла цѣлью вступить въ переговоры съ М. И. Драгомировымъ: Соловьевъ хотѣлъ предложить ему *стать во главѣ общественной помощи голодающимъ*, причемъ, по его словамъ, онъ видѣлъ въ этомъ *только начало*... Не со мной однимъ говорилъ объ этомъ покойный философъ. Тотъ же проектъ въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ слышалъ отъ него *Л. Ф. Пантелѣевъ*, съ которымъ я въ то время знакомъ не былъ. Изъ воспоминаній послѣдняго, напечатанныхъ въ № 195 газеты *Рѣчь* за 1908 годъ, видно, каково было политическое настроеніе Соловьева въ упомянутую эпоху. По разсказу Л. Ф. Пантелѣева, Соловьевъ говорилъ ему буквально слѣдующее.

„Я говорю, что хочу предложить Драгомирову стать во главѣ русской революціи... Вы же мнѣ говорили объ архіереѣ, который хочетъ сложить съ себя монашескую рясу, значитъ, онъ принадлежитъ къ чис-

[1]) Тамъ же, стр. 404.

лу недовольныхъ. Теперь сообразите: если во главѣ революціи будутъ стоять генералъ и архіерей, то за первымъ пойдутъ солдаты, а за вторымъ народъ, и тогда революція неминуемо восторжествуетъ". [1]) Легко себѣ представить, какъ Соловьевъ былъ бы принятъ генераломъ Драгомировымъ. Л. Ф. Пантелѣевъ предсказывалъ философу, что генералъ пригласитъ сейчасъ же мѣстнаго жандармскаго начальника или же, въ лучшемъ случаѣ, его высмѣетъ. То же говорили Соловьеву и другіе его друзья и доброжелатели. Остается радоваться, что онъ внялъ этимъ доводамъ, и поѣздка его въ Кіевъ не состоялась.

Колебанія въ основныхъ политическихъ воззрѣніяхъ, разумѣется, не могли не отразиться на соловьевскомъ пониманіи теократической идеи: ими затрогивался чрезвычайно важный для этого пониманія вопросъ объ отношеніи свободной общественности и царской власти въ теократической имперіи будущаго. Въ 1891 году мы еще не находимъ у Соловьева сомнѣній въ теократической задачѣ обоихъ этихъ началъ; но онъ начинаетъ высказывать новый взглядъ на ихъ взаимныя отношенія.

Я хорошо помню, что его симпатіи къ представительнымъ учрежденіямъ въ то время связывались съ идеей *всеобщаго царскаго священства*, о чемъ вслѣдствіе цензурныхъ препятствій онъ, разумѣется, высказаться въ печати не могъ. Мы уже говорили, что въ произведеніяхъ философа, напечатанныхъ ранѣе, царская власть во вселенской теократіи олицетворялась монархомъ самодержавнымъ и неограниченнымъ. Осенью 1891 года мнѣ приходилось слышать отъ него иныя разсужденія: всѣ мы—цари и священники Бога Вышняго, поэтому всѣмъ надлежитъ участвовать какъ въ священствѣ, такъ и въ царствѣ. Участіе общества въ *царскомъ дѣлѣ* Соловьевъ представлялъ себѣ въ видѣ народнаго представительства. Въ связи съ этимъ онъ въ то время говорилъ мнѣ, что мы должны взять съ Запада всѣ вообще *формы* общественной жизни, какъ церковной, такъ и государственной; всегдашнее условіе всякихъ заимствованій съ Запада—привнесеніе въ эти формы самостоятельнаго религіознаго содержанія—тутъ подразумѣвалось само собой.

Увлеченіе конституціонными идеями оказалось, однако, на этотъ разъ весьма непродолжительнымъ. Это обусловливается частью особенностями ученія Соловьева, частью же впечатлѣніями дѣйствительности того вре-

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева есть небольшая хронологическая ошибка: онъ относитъ приведенный разговоръ къ 1892 году. Между тѣмъ, онъ могъ происходить только въ 1891 г.; такъ какъ годомъ позже, какъ мы увидимъ, Соловьевъ совершенно отказался не только отъ революціонныхъ замысловъ, но и отъ всякихъ надеждъ на русское общество, что видно не только изъ воспоминаній о немъ, но и изъ собственныхъ его печатныхъ произведеній того времени.

мени. Несовмѣстимость теократіи съ представительнымъ образомъ правленія при современныхъ условіяхъ бросается въ глаза. О всеобщемъ „царскомъ священствѣ“, какъ объ основѣ и верховномъ принципѣ государственнаго строя, возможно было, конечно, мечтать въ дни монархомаховъ XVI столѣтія или въ дни Кромвелля. Но среди современнаго общества, частью индифферентнаго, частью безбожнаго, демократическая теократія—самая неосуществимая изо всѣхъ утопій. При этихъ условіяхъ Соловьевъ очень скоро былъ поставленъ передъ необходимостью сдѣлать выборъ между теократіей и конституціей.

Въ 1891 году его вѣра въ теократію въ существѣ своемъ еще не была поколеблена. Это, а также пережитое имъ разочарованіе въ русскомъ обществѣ вскорѣ заставило его высказаться противъ конституціоннаго образа правленія.

Сомнѣнія въ состоятельности русскаго общества мучили его всегда; они не покидали его даже въ ту осень 1891 года, когда онъ обращался къ этому обществу съ воззваніями. Уже въ приведенной статьѣ „Нашъ грѣхъ“ онъ пишетъ: „Народъ голодаетъ, правительство всячески старается помочь ему, а общество ничего не дѣлаетъ“.[1]) Въ другой статьѣ, относящейся къ той же эпохѣ, тѣ же сѣтованія высказываются съ еще большей опредѣленностью: по словамъ Соловьева, въ Россіи есть организація церковная и организація государственная. „Но организаціи общественной, т.-е. прочнаго союза свободныхъ индивидуальныхъ силъ, солидарно и сознательно дѣйствующихъ для *улучшенія* народной жизни, для національнаго прогресса,—такой организаціи или, лучше сказать, свободной координаціи дѣятельныхъ силъ у насъ не существуетъ, а слѣдовательно, нѣтъ и общества въ настоящемъ, положительномъ смыслѣ слова. Существуетъ подъ именемъ общества хаотическая, безформенная масса съ непрочною и случайной группировкой частей, съ отдѣльными случайно возникающими и безслѣдно исчезающими центрами, съ разрозненною и безплодною дѣятельностью. Такое неустановившееся подготовительное состояніе продолжается уже тридцать лѣтъ“. [2]) Опасность голодной смерти, грозящая народнымъ массамъ, сообщаетъ этому общественному бездѣйствію характеръ преступный. „Роковое бѣдствіе нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ крестьянъ,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—бѣдствіе, не устранимое однѣми временными мѣрами, требуетъ отъ насъ болѣе широкаго и организованнаго общественнаго дѣйствія, нежели разгромъ нѣсколькихъ болгарскихъ мѣстечекъ турецкими баши-бузуками. Если бы наше общество осталось теперь въ страдательномъ положеніи и свалило все на одно правительство, отъ кото-

---

[1]) Стр. 402.

[2]) „Народная бѣда и общественная помощь“, стр. 399.

раго и для его прямой задачи слишкомъ много требуется, это значило бы, что съ 1878 г. наше общество не только не пошло впередъ, *но сдѣлало такой огромный шагъ назадъ*, что нельзя даже сказать, зачѣмъ оно существуетъ. [1])

Нѣсколькими мѣсяцами спустя, когда окончилась продовольственная кампанія, Соловьеву пришлось убѣдиться, что этотъ шагъ назадъ былъ сдѣланъ. Сколько-нибудь крупнаго общественнаго движенія не возникло, и общественная помощь голодающимъ ограничилась болѣе чѣмъ скромными размѣрами. „Общество, т.-е. точнѣе, частныя лица и учрежденія, напримѣръ, редакціи газетъ, содѣйствовали правительству лишь матеріально нѣкоторымъ додаткомъ къ тѣмъ суммамъ, которыя были отпущены государственнымъ казначействомъ на продовольствіе нуждающагося населенія и на обсѣмененіе полей. Это не было, конечно, лишнимъ, но всетаки это было только додаткомъ *незначительнымъ*. Тутъ уже вступаетъ въ дѣло простая ариѳметика. По офиціальному сообщенію, обнародованному въ маѣ мѣсяцѣ, всего было отпущено на продовольствіе и обсѣмененіе круглою цифрою сто пятьдесятъ милліоновъ, изъ нихъ около пятнадцати, т.-е. одна десятая милліоновъ—отъ частной благотворительности, остальные отъ—казны. Но и изъ этихъ пятнадцати милліоновъ большая часть была собрана и распредѣлена различными офиціальными комитетами“. [2]) Отсюда Соловьевъ выводитъ заключеніе, „что относительно государственнаго цѣлаго наше общество, какъ матеріальная сила есть только небольшая дробь. А о такомъ общественномъ содѣйствіи, которое не измѣрялось бы ариѳметически, которое, не ограничиваясь ближайшею продовольственною задачей въ голодный годъ (что наилучшимъ образомъ могло исполнить и дѣйствительно съ успѣхомъ исполнило само правительство), отнеслось бы къ народному бѣдствію со стороны его общихъ и постоянныхъ причинъ,—*о такомъ общественномъ содѣйствіи начались только смутные разговоры и скоро замолкли*“ [3]) (курсивъ мой). Въ этихъ словахъ обличеніе русскаго общества переходитъ въ самобичеваніе. „Смутные разговоры“,—вотъ и все, что осталось отъ политическихъ мечтаній, которымъ предавался самъ Соловьевъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, и отъ проектовъ, связанныхъ съ именемъ М. И. Драгомирова.

Къ той же эпохѣ—къ осени 1892 года—относится одна наша встрѣча, сохранившаяся въ моей памяти. Тутъ зашла рѣчь о политическихъ надеждахъ и иллюзіяхъ прошедшаго года. Покойный кн. С. Н. Трубецкой поставилъ вопросъ. „Что, Владиміръ Сергѣевичъ, ошиблись мы на-

---

[1]) Тамъ же, стр. 400.

[2]) „Врагъ съ Востока“ (1892 г.), V, стр. 413.

[3]) Тамъ же, стр. 414—415.

счетъ временъ и сроковъ?"—„Ошиблись", угрюмо отвѣчалъ Соловьевъ. Годомъ раньше онъ, какъ и многіе изъ насъ, надѣялся на измѣненіе образа правленія *въ ближайшемъ будущемъ*.

III.

Разочарованіе въ русской государственности.

Отказъ отъ конституціонныхъ мечтаній самъ по себѣ, конечно, не вносилъ сколько-нибудь глубокихъ измѣненій въ міросозерцаніе Соловьева. Поверхностному наблюдателю можетъ даже показаться, что онъ въ данномъ случаѣ только освободился отъ случайнаго, наноснаго вліянія, повреждавшаго чистоту и цѣлостность его теократической идеи.

На самомъ дѣлѣ, однако, въ 1892 году рухнулъ одинъ изъ устоевъ этой идеи. Разочарованіе въ конституціи послѣ кратковременнаго увлеченія ею было здѣсь сравнительно незначительнымъ эпизодомъ. Но разочарованіе въ русскомъ обществѣ было для философіи Соловьева чрезвычайно крупнымъ событіемъ: оно вносило огромную и непоправимую брешь въ его теократическую схему.

Дѣло въ томъ, что въ этой схемѣ обществу отводится весьма значительная роль. Вселенская теократія будущаго называется у Соловьева *„свободною"* именно потому, что въ ней царствіе Божіе осуществляется не одностороннимъ дѣйствіемъ сверху, а чрезъ свободное взаимодѣйствіе священства, царства и независимыхъ общественныхъ силъ, какъ организованнаго цѣлаго. Убѣдившись, что русское общество не исполняетъ своей теократической миссіи, Соловьевъ возложилъ всѣ свои надежды на государственную власть. Но одного разочарованія въ обществѣ оказалось недостаточнымъ, чтобы дать новыя силы этой надеждѣ, основательно поколебленной въ прошломъ. Поэтому новый поворотъ въ мысли философа не былъ простымъ возвращеніемъ къ прежнимъ его воззрѣніямъ на значеніе царской власти въ теократіи. Въ разсужденіяхъ Соловьева на эту тему въ серединѣ девятидесятыхъ годовъ не видно прежней вѣры въ мистическое единеніе между царской властью и мірскимъ обществомъ, какъ организованнымъ цѣлымъ. Въ „Оправданіи Добра" носителемъ свободы является не общество, какъ цѣлое, а лишь его вершина, пророкъ, которому философъ приписываетъ „безусловную свободу". По словамъ Соловьева, „такая свобода не можетъ принадлежать толпѣ, не можетъ быть атрибутомъ демократіи". [1]) Понятно, что *отсутствіе* общества, о которомъ Соловьевъ говоритъ въ приведенныхъ публицистическихъ статьяхъ начала девяностыхъ годовъ, изолируетъ и тѣмъ самымъ ослабляетъ самое верховную власть. Разъ теократія не

[1]) „Оправданіе Добра", стр. 477.

имѣетъ корней въ духовной жизни общества, разъ самое существованіе теократическаго народа подвержено сомнѣнію,—естественно возникаетъ вопросъ: возможно ли теократическое царство, обладаетъ ли вообще Россія необходимыми качествами, чтобы быть третьимъ Римомъ?

Вопросъ этотъ ставится Соловьевымъ въ знаменитой статьѣ его „Византизмъ и Россія". Напечатанная въ 1896 году въ *Вѣстникѣ Европы*, она въ то время вызвала сенсацію въ качествѣ торжественнаго исповѣданія идеала неограниченной монархіи на страницахъ либеральнаго журнала. Теперь, на разстояніи многихъ лѣтъ, намъ совершенно ясно видно, что центръ тяжести статьи вовсе не въ этомъ исповѣданіи, а въ мучительныхъ сомнѣніяхъ Соловьева, на которыя оно должно было послужить отвѣтомъ.

Въ общемъ Соловьевъ возобновляетъ здѣсь знакомую намъ схему христіанской монархіи, не ограниченной *снизу* и ограниченной *сверху* нравственнымъ авторитетомъ духовной власти. Но въ этой монархической проповѣди уже не чувствуется прежней страстности и воодушевленія. Съ вѣрой въ неограниченную монархическую власть здѣсь, видимо, связывается послѣдняя надежда на осуществленіе Россіей ея мессіанической задачи. Но уже изъ самой постановки вопроса, которую мы находимъ въ названной статьѣ, видно, что эта надежда подорвана.

„Два Рима пали, третій—московское царство—стоитъ, а четвертому не быть". Дѣйствительно ли значеніе третьяго Рима принадлежитъ Москвѣ, стоитъ ли этотъ Римъ или близится къ паденію—такова основная тема „Византизма и Россіи".

„Нашимъ предкамъ,—говорится здѣсь,—позволительно было останавливаться на этой идеѣ въ ея первоначальномъ образѣ безотчетнаго чувства или предчувствія. Отъ насъ требуется провѣрить ее послѣдовательной мыслью и опытомъ и черезъ то или возвести ее на степень разумнаго сознанія или отвергнуть какъ дѣтскую мечту и произвольную претензію". [1])

Идея третьяго Рима была задушевною мечтою Соловьева съ юныхъ лѣтъ. Чѣмъ же объясняется потребность провѣрки этой идеи въ 1896 г., всего за четыре года до кончины философа? На это даютъ ясный отвѣтъ послѣднія слова только что приведенной цитаты. Его мучитъ сомнѣніе, не тѣшился ли онъ до сихъ поръ „дѣтской мечтой", не увлекался ли онъ „произвольною претензіей".

Въ статьѣ „Византизмъ и Россія" эти сомнѣнія въ сущности остаются безъ отвѣта. Первый Римъ „палъ потому, что начало его жизни было ложнымъ и не могло устоять въ столкновеніи съ высшей истиной". Второй Римъ (Византія) палъ потому, что „истинную идею онъ пони-

[1]) „Византизмъ и Россія", V, стр. 511.

малъ и примѣнялъ невѣрно": вѣровалъ по-христіански и вопреки своей вѣрѣ жилъ по-языčески. Чтобы не подвергнуться той же участи, третій Римъ—Россія—не долженъ слѣдовать примѣру первыхъ двухъ. [1]) Однако изъ названной статьи не видно, чтобы на это было много шансовъ.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія на русскомъ престолѣ сидѣлъ государь, котораго нашъ авторъ считаетъ „историческимъ сотрудникомъ Божіимъ, лицомъ истинно привиденціальнымъ или теократическимъ". По Соловьеву „едва ли во всемірной исторіи есть другой примѣръ такого, какъ у Петра Великаго, всецѣлаго, рѣшительнаго и неуклоннаго преобладанія одного нравственнаго интереса общаго блага". [2]) И что же оказалось? „Сотрудникъ Божій" запятналъ свою совѣсть дѣтоубійствомъ, въ которомъ содѣйствовали ему въ качествѣ совѣтниковъ высшіе сановники Имперіи и высшіе представители іерархіи. Въ дѣлѣ царевича Алексѣя обнаружилось полное нравственное банкротство какъ самого Петра, такъ и тѣхъ слоевъ общества, на которые онъ опирался. Соловьевъ объясняетъ это отсутствіемъ нравственнаго, церковнаго авторитета надъ монархомъ, который могъ бы ограничивать и сдерживать державную волю послѣдняго. Но изъ собственнаго изложенія Соловьева тутъ же обнаруживается, что попытка возстановить этотъ независимый авторитетъ духовной власти была сдѣлана Петромъ и потерпѣла полное крушеніе. Какія же есть основанія думать, что его державнымъ преемникамъ удастся то, что оказалось не подъ силу величайшему изъ государей—„лицу истинно провиденціальному и теократическому"?

Въ результатѣ изслѣдованія Соловьева идея третьяго Рима оказывается висящей въ воздухѣ. Соловьеву-мыслителю не удалось опровергнуть Соловьева-поэта. Мрачныя предчувствія, выразившіяся въ стихотвореніи „Панмонголизмъ", остаются въ силѣ.

Послѣ пережитаго Соловьевымъ разочарованія въ русскомъ обществѣ его мечта о русскомъ мессіанизмѣ держалась одною надеждой на неограниченную монархическую власть. Въ послѣдніе годы жизни философа рухнула и эта надежда. Онъ ясно и опредѣленно говорилъ покойному кн. С. Н. Трубецкому о своемъ послѣднемъ и окончательномъ разочарованіи въ существовавшемъ у насъ въ то время образѣ правленія. Поводомъ послужили преслѣдованія противъ уніатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Это „забвеніе завѣта любви" и послужило для Соловьева роковымъ предвѣстникомъ гибели третьяго Рима.

---

[1]) Тамъ же, стр. 514.
[2]) Тамъ же, стр. 527.

БИБЛІОТЕКА.

IV.

Точка зрѣнія „Трехъ разговоровъ“.

Оптимизмъ первоначальной точки зрѣнія Соловьева въ теченіе всего серединнаго періода его дѣятельности борется съ мрачными пессимистическими предчувствіями. Въ настроеніи философа все время замѣчается колебаніе между надеждой на свѣтлое будущее Россіи и страхомъ грядущей катастрофы, которая покараетъ насъ за наши національные грѣхи. Съ годами, подъ вліяніемъ впечатлѣній окружающей дѣйствительности, пессимистическая струя постепенно беретъ верхъ. Уже въ 1889 году философъ пишетъ: „ближайшее будущее готовитъ намъ такія испытанія, какихъ не знала исторія“. [1]) Въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ, подъ впечатлѣніемъ голода, живетъ въ ожиданіи будущихъ стихійныхъ бѣдствій—превращенія лучшихъ русскихъ земель въ пустыню. Церковь, въ которой „угасъ духъ жизни“, общество, о которомъ неизвѣстно, живо оно или мертво, власть, возрождающая въ себѣ обликъ „растлѣнной Византіи“,—вотъ въ какихъ образахъ является философу современная ему русская дѣйствительность. А сама Россія, жива она или мертва? „Безъ общественнаго прогресса можно ли серьезно вѣрить въ историческіе успѣхи и великую будущность народа, не могущаго обезпечить своего матеріальнаго существованія?“ [2]) Чѣмъ больше въ нашей общественной и государственной жизни обнаруживается сходства со старымъ, византійскимъ первообразомъ, тѣмъ больше крѣпнутъ опасенія философа, что насъ постигнетъ и судьба второго Рима.—

Когда въ растлѣнной Византіи
Угасъ Божественный алтарь
И отреклися отъ Мессіи
Народъ и князь, іерей и царь,
Тогда поднялся отъ Востока
Народъ безвѣстный и чужой—
И подъ ударомъ тяжкимъ рока
Во прахъ склонился Римъ второй.

Наконецъ, за два года до кончины, Соловьевъ тревожно спрашиваетъ себя: „не сошелъ ли нашъ нравственный бюджетъ на нуль? Кажется, что такъ. Заглядывая въ душу нашего общества, не увидишь тамъ ни яснаго добра, ни яснаго зла. Точно тѣ тѣни, которыхъ ни адъ, ни рай, ни чистилище не принимаютъ. Non raggionar di lor, ma guarda e passa! или по-русски: ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Настоящая была здоровая чортова кочерга въ крѣпостнической и безсудной Россіи;

---

[1]) „Славянофильство и его вырожденіе“, V, стр. 221.
[2]) „Народная бѣда и общественная помощь“, стр. 400.

и свѣча Божія горѣла въ ту пору ярко, хотя и подъ спудомъ. Поломали чортову кочергу преобразованія 1861—66 гг. и вынули свѣчу Божію изъ-подъ спуда. А теперь ни то, ни се; кочерга поломанная лежитъ неубрана на видномъ мѣстѣ, а свѣча Божья запрятана гдѣ-то въ углу, хотя и не подъ спудомъ, а за какими-то негодными темными ширмами, и еле-еле доходитъ отъ нея тусклый свѣтъ. Такіе тусклые моменты—отсрочки для суда исторіи. Провидѣнье какъ будто выжидаетъ и безмолвствуетъ". [1])

Годомъ позже Соловьевъ высказалъ тотъ приговоръ, котораго онъ ждалъ отъ суда исторіи. Вышедшіе въ 1899 году „Три разговора" подводятъ итогъ сомнѣніямъ прежнихъ лѣтъ и даютъ имъ окончательное разрѣшеніе.

Прямого отказа отъ теократіи мы не найдемъ и здѣсь; но не трудно убѣдиться, что онъ составляетъ необходимое предположеніе всей мысли Соловьева: безъ него „Три разговора" утрачиваютъ смыслъ. Если бы Соловьевъ стоялъ на прежней своей точкѣ зрѣнія, самый внѣшній поводъ, вызвавшій появленіе названнаго произведенія, вынудилъ бы философа выступить въ немъ на защиту теократіи. Вся книга наполнена полемикой противъ толстовскаго пониманія „царства Божія на землѣ"; въ борьбѣ противъ Толстого Соловьевъ высказываетъ свое собственное ученіе о царствѣ Божіемъ, какъ о цѣли мірового прогресса и о земномъ пути къ его осуществленію. Пониманіе царства Божія у Толстого—по существу анархическое: необходимымъ средствомъ для его достиженія онъ считаетъ уничтоженіе всякой внѣшней организаціи человѣчества—церковной и государственной. Такая точка зрѣнія представляетъ собою прямое и безусловное отрицаніе теократіи. Если бы вселенская теократія попрежнему представлялась Соловьеву конечнымъ идеаломъ христіанской церковно-государственной жизни, онъ, очевидно, долженъ былъ бы *именно эту* точку зрѣнія противопоставить Толстому.

Въ дѣйствительности мы видимъ какъ разъ противоположное. „Три разговора" не только не упоминаютъ о вселенской теократіи, но какъ разъ наоборотъ, въ нихъ обнаруживается, что для ея осуществленія, въ будущемъ человѣчества недостаетъ всѣхъ необходимыхъ условій. Раньше въ роли теократической имперіи будущаго Соловьеву рисовалась Россія. Наоборотъ, въ „Трехъ разговорахъ" Россія перестаетъ быть самостоятельной державой; она сначала подпадаетъ монгольскому игу, а потомъ входитъ въ составъ „европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ". Другимъ условіемъ осуществленія теократіи Соловьевъ считалъ, какъ извѣстно, неограниченную царскую власть. Между тѣмъ „Три разговора" возвѣщаютъ въ будущемъ почти повсемѣстное исчезновеніе старыхъ

---

[1]) „Письмо о Восточномъ вопросѣ", VIII, стр. 224.

монархическихъ учрежденій. Въ XX столѣтіи наступаетъ монгольское иго, а въ XXI вѣкѣ Европа „представляетъ союзъ болѣе или менѣе демократическихъ государствъ“. [1]) Далѣе происходитъ объединеніе всѣхъ этихъ демократическихъ государствъ въ царство антихриста, за которымъ непосредственно слѣдуетъ второе пришествіе Христово. Ясно, что въ этой схемѣ „Трехъ разговоровъ“ для осуществленія всемірной теократіи не остается ни одного возможнаго историческаго момента.

Между „теократіей“ и будущимъ человѣчества, какъ оно изображается въ „Трехъ разговорахъ“, есть вообще глубокая пропасть. Раньше Соловьевъ надѣялся, что въ основу теократіи ляжетъ союзъ римскаго первосвященника и могущественнаго православнаго государя. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляются въ „Трехъ разговорахъ“ отношенія духовной и свѣтской власти въ Россіи. Правда, и тутъ папство, изгнанное изъ Рима, получаетъ пріютъ въ Петербургѣ, но только подъ условіемъ „воздержанія отъ пропаганды здѣсь и внутри страны“. [2])

Разочарованіе Соловьева не ограничивается одной Россіей: онъ вообще отчаивается въ осуществимости своей любимой мечты. Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ онъ не находитъ теократическаго народа и теократическаго государства. Передъ концомъ вселенной христіане не только не царствуютъ, но, благодаря своей малочисленности, не пользуются даже относительнымъ могуществомъ. Объ этомъ „Три разговора“ говорятъ весьма опредѣленно. „При очень значительномъ численномъ уменьшеніи своего состава на всемъ земномъ шарѣ оставалось не болѣе сорока пяти милліоновъ христіанъ, оно (христіанство) нравственно подобралось и выигрывало въ качествѣ то, что теряло въ количествѣ. Людей, не соединенныхъ съ христіанствомъ никакимъ духовнымъ интересомъ, болѣе уже не числилось между христіанами“. [3]) Это отсутствіе внѣшнихъ выгодъ, связанныхъ съ христіанствомъ, понятное дѣло, предполагаетъ, что оно, какъ такое, не пользуется ни малѣйшей долей мірского могущества. Въ „Трехъ разговорахъ“ мы видимъ даже нѣчто большее: тамъ христіанское государство передъ концомъ міра совершенно отсутствуетъ. Отъ монголовъ государственная власть почти непосредственно переходитъ къ антихристу.

Въ предшествующій періодъ своего творчества Соловьевъ считалъ непремѣннымъ условіемъ осуществленія теократіи соединеніе церквей. Въ немъ же онъ видѣлъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ міровой политики — восточнаго, славянскаго, еврейскаго и народно-русскаго. „Три разговора“ проникнуты взглядомъ діаметрально

---

[1]) VIII, стр. 560.
[2]) Тамъ же, стр. 568.
[3]) VIII, стр. 568.

противоположнымъ: тамъ до самаго пришествія антихриста Церковь остается раздѣленной. Соотвѣтственно съ этимъ соединеніе Церквей знаменуетъ не новую политическую эру, а *конецъ* всякой политики, ибо оно непосредственно предшествуетъ кончинѣ міра. Оно совершается вдали отъ мірского величія и блеска, въ *пустынѣ*, гдѣ протягиваютъ другъ другу руку немногіе вѣрные различныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Изъ всего предшествующаго видно, что Соловьевъ къ концу своей жизни окончательно убѣдился въ *неосуществимости* теократіи. Для него это равнозначительно полному разочарованію. Съ его точки зрѣнія „безсильное Добро“ есть абсурдъ: безусловная правда обладаетъ всепобѣждающей силой: поэтому тотъ идеалъ, который не въ состояніи восторжествовать надъ историческими препятствіями, тѣмъ самымъ изобличается какъ ложный: неосуществимы могутъ быть только наши, человѣческіе замыслы, но отнюдь не божественныя предначертанія.

Если бы Соловьевъ продолжалъ вѣрить въ необходимость теократіи для спасенія человѣческаго рода, эта вѣра, очевидно, не могла бы быть поколеблена разочарованіемъ въ Россіи. Если бы теократія представляла собою необходимую мессіанскую задачу, она была бы осуществлена *во всякомъ случаѣ*, не Россіей, такъ другимъ народомъ, ибо Богъ можетъ „изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму“. Въ этомъ случаѣ третій Римъ былъ бы замѣненъ четвертымъ, этотъ—пятымъ и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не нашелся бы теократическій народъ, достойный продолжать дѣло Константина и Карла. Не то мы видимъ у Соловьева: онъ твердо стоитъ на томъ, что четвертому Риму не бывать. Поэтому катастрофа, предстоящая Россіи, есть въ его глазахъ *катастрофа всемірная*, предвѣстникъ близости *всеобщаго конца*.

По этому поводу онъ пишетъ въ 1900 году въ послѣдней, предсмертной своей статьѣ:

„Что современное человѣчество есть больной старикъ и что всемірная исторія внутренно *кончилась*—это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лѣтъ, ее оспаривалъ, говоря о новыхъ историческихъ силахъ, то отецъ обыкновенно съ жаромъ подхватывалъ: „Да въ этомъ-то и дѣло, говорятъ тебѣ: когда умиралъ древній міръ, было кому его смѣнить, было кому продолжать дѣлать исторію: германцы, славяне. А теперь гдѣ ты новые народы отыщешь? Тѣ островитяне, что ли, что Кука съѣли? Такъ они, должно быть, уже давно отъ водки и дурной болѣзни вымерли, какъ и краснокожіе американцы. Или негры насъ обновятъ? Такъ ихъ хотя отъ легальнаго рабства можно было освободить, но перемѣнить ихъ тупыя головы такъ же невозможно, какъ отмыть ихъ черноту“. А когда я, съ увлеченіемъ читавшій Лассаля, сталъ говорить, что человѣчество можетъ обновиться лучшимъ

экономическимъ строемъ, что вмѣсто новыхъ народовъ могутъ выступить новые общественные классы, четвертое сословіе и т. д., то мой отецъ возражалъ съ особымъ движеніемъ носа, какъ бы ощутивъ какое-то крайнее зловоніе. Слова его по этому поводу стерлись въ моей памяти, но, очевидно, они соотвѣтствовали этому жесту, который вижу какъ сейчасъ. Какое яркое подтвержденіе своему обдуманному и провѣренному взгляду нашелъ бы покойный историкъ теперь, когда вмѣсто воображаемыхъ новыхъ, молодыхъ народовъ занялъ историческую сцену самъ дѣдушка Кроносъ въ лицѣ ветхаго деньми китайца и конецъ исторіи сошелся съ ея началомъ". [1])

Отсюда видно, что Соловьевъ разочаровался не въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условіяхъ только, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе идеи „третьяго Рима", а *въ самомъ существѣ этой идеи.* Если въ исторіи современной и будущей не оказывается мѣста для теократическаго народа и государства, а дѣло спасенія тѣмъ не менѣе совершается, это значитъ, что для спасенія человѣчества въ теократіи вовсе нѣтъ надобности. Недаромъ первыя четыре строфы стихотворенія „Панмонголизмъ" служатъ эпиграфомъ къ соловьевской „Повѣсти объ антихристѣ". Эта повѣсть о концѣ вселенной выражаетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ націоналистической мечты философа о третьемъ Римѣ.

Теперь намъ становится яснымъ, въ чемъ заключается то „разочарованіе", о которомъ Соловьевъ говоритъ въ предисловіи къ твореніямъ Платона. Послѣ всего сказаннаго можетъ показаться страннымъ его утвержденіе, будто разочарованіе относилось только къ „внѣшнимъ замысламъ", а не къ существу его убѣжденій. Но, сопоставляя это заявленіе съ содержаніемъ „Трехъ разговоровъ", мы можемъ прійти только къ одному заключенію. Самая точка зрѣнія Соловьева на „существенное" и „несущественное" претерпѣла важное измѣненіе. Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда онъ издавалъ свое изслѣдованіе о теократіи въ Загребѣ и „La Russie et l'Eglise" въ Парижѣ, — теократія выражала для него существо его воззрѣній и самое царствіе Божіе понималось имъ какъ „настоящая теократія". Наоборотъ, въ 1899 году идея царствія Божія у него освободилась отъ этой временной исторической примѣси, теократія отпала, какъ ветхая скорлупа,—и Соловьевъ сталъ разсматривать ее какъ „внѣшній замыселъ", какъ несущественный придатокъ къ его воззрѣніямъ, который можетъ отъ нихъ отдѣлиться безъ всякаго для нихъ ущерба.

Вообще говоря, Соловьевъ недооцѣнивалъ значенія совершившейся въ немъ перемѣны, а потому его оцѣнки не могутъ имѣть для насъ

---

[1]) По поводу послѣднихъ событій.

обязательнаго значенія. Такъ, въ неизданномъ письмѣ къ Л. П. Никифорову онъ пишетъ: „О французскихъ своихъ книгахъ не могу вамъ ничего сообщить. Ихъ судьба меня мало интересуетъ. Хотя въ нихъ нѣтъ ничего противнаго объективной истинѣ, но то субъективное настроеніе, тѣ чувства и чаянія, съ которыми я ихъ писалъ, мною уже пережиты". [1]) Для насъ чрезвычайно важно отмѣтить, что Соловьевъ относитъ къ области „субъективнаго настроенія" чаянія, олицетворяемыя „русской національной идеей", и что судьба книгъ, посвященныхъ цѣликомъ проповѣди вселенской теократіи, перестала его интересовать. Но невольно возникаетъ вопросъ: что останется въ этихъ книгахъ на долю „объективной истины", если вычеркнуть изъ нихъ элементъ „чаяній"? Останется, очевидно, все, *кромѣ теократіи*, т.-е. общія основы религіознаго и философскаго міровоззрѣнія Соловьева, то самое, что осталось въ „Трехъ разговорахъ". Если такъ, то, конечно, нельзя согласиться съ его мнѣніемъ, будто въ названныхъ книгахъ „нѣтъ ничего противнаго объективной истинѣ": если бы это было вѣрно, онѣ, очевидно, не были бы *пережиты* не только самимъ авторомъ, но и его продолжателями.

V.

Новая схема взаимныхъ отношеній церкви и государства.

Въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ мы находимъ въ „Трехъ разговорахъ" совершенно новое изображеніе нормальныхъ взаимныхъ отношеній церкви и государства. Представитель толстовскаго ученія „князь" здѣсь защищаетъ свою анархическую точку зрѣнія на государство. Онъ говоритъ своему собесѣднику:

„Изъ того, что государство создавалось посредствомъ войны, что, конечно, неоспоримо, вы, повидимому, заключаете о важности войны, а по-моему изъ этого можно заключать только о *неважности государства,* разумѣется, для людей, отказавшихся отъ поклоненія насилію". [2])

Для Толстого упраздненіе государства, какъ извѣстно, есть непремѣнное условіе осуществленія царствія Божія на землѣ. Для Соловьева, какъ и для Толстого, осуществленіе царствія Божія есть безусловная цѣль, которой должна быть подчинена вся человѣческая жизнь. Поэтому намѣчаемый словами „князя" споръ касается вопроса, который для обоихъ противниковъ является основнымъ.

Если бы Соловьевъ продолжалъ держаться своего прежняго теокра-

---

[1]) Цитирую по Н. А. Бердяеву (Сборникъ первый о Владимірѣ Соловьевѣ, стр. 112, примѣч.).

[2]) VIII, стр. 496.

тическаго пониманія государства, оно необходимо должно бы было быть высказано *именно здѣсь,* въ отвѣтъ на анархическое выступленіе „князя". Толстовскому утвержденію, что царствіе Божіе *безгосударственно,* здѣсь въ такомъ случаѣ слѣдовало бы противопоставить ученіе о томъ, что оно въ земномъ своемъ явленіи включаетъ въ себя *святую, христіанскую государственность.* Иными словами, Соловьевъ долженъ былъ бы развить здѣсь свое пониманіе теократическаго государства, какъ „живого тѣла Божія". [1])

Вмѣсто всего этого „Три разговора" даютъ, въ отвѣтъ Толстому, совершенно новое оправданіе государства. О призваніи государства осуществлять „Царствіе Божіе" на землѣ здѣсь нѣтъ и помину. Оно оправдывается естественною *необходимостью, невозможностью безъ него устроить человѣческое общежитіе.* Характерно, что самая рѣчь въ защиту государства влагается Соловьевымъ въ уста не представителю религіозной точки зрѣнія—г. Z., а „Политику", дипломату, который относится къ религіи отрицательно и стоитъ на точкѣ зрѣнія свѣтской, *гуманитарной.* Представитель религіозной точки зрѣнія не только не возражаетъ, но не находитъ нужнымъ дополнить какими-либо новыми штрихами оцѣнку государства, данную „Политикомъ".

Что эта оцѣнка въ общемъ раздѣляется Соловьевымъ, явствуетъ не только изъ молчанія г. Z., но также изъ собственныхъ его категорическихъ заявленій.

Въ предисловіи къ „Тремъ разговорамъ" онъ объясняетъ собственное свое отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ этого діалога. „Генералъ" высказываетъ „религіозно-бытовую" точку зрѣнія, принадлежащую прошлому. „Политику" принадлежитъ точка зрѣнія „культурно-прогрессивная, господствующая въ настоящее время". Наконецъ, безусловно религіозная точка зрѣнія, которой предстоитъ рѣшающее значеніе въ будущемъ, высказывается въ сужденіяхъ г. Z. и въ повѣсти отца Пансофія". [2])

Поразительно, что въ этомъ планѣ „Трехъ разговоровъ" положительное значеніе государства *оканчивается тамъ, гдѣ начинается „безусловно религіозная" точкая зрѣнія,* а теократическая его оцѣнка не высказывается *ни однимъ* изъ собесѣдниковъ. „Религіозно-бытовая" точка зрѣнія генерала принадлежитъ тому прошлому, когда о „вселенской теократіи" не было рѣчи; въ *настоящемъ* она замѣняется точкой зрѣнія свѣтскаго политика—идеей гуманитарнаго государства. Наконецъ, *въ будущемъ* на смѣну гуманитарному государству является не какая-либо новая форма *святой, христіанской* государственности, а

---

[1]) Ср. „La Russie et l'Eglise", XVI.

[2]) VIII, стр. 487.

антихристово царство. Въ томъ *будущемъ*, которое провидятъ Z. и отецъ Пансофій, государство перестаетъ служить добру и окончательно становится орудіемъ зла.

Всего характернѣе то, что говоритъ самъ Соловьевъ объ этихъ трехъ точкахъ зрѣнія.

„Хотя я самъ окончательно стою на послѣдней (т.-е. безусловно религіозной) точкѣ зрѣнія, но признаю относительную правду и за двумя первыми, и потому могъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ передавать противоположныя разсужденія и заявленія *политика* и *генерала*. Высшая безусловная истина не исключаетъ и не отрицаетъ предварительныхъ условій своего проявленія, а оправдываетъ, осмысливаетъ и освящаетъ и ихъ. Если съ извѣстной точки зрѣнія всемірная исторія есть всемірный судъ Божій, Weltgeschichte ist Weltgericht, то вѣдь въ понятіе такого суда входитъ долгая и сложная тяжба (процессъ) между добрыми и злыми историческими силами, а эта тяжба для окончательнаго рѣшенія съ одинаковою необходимостью предполагаетъ и напряженную борьбу за существованіе между этими силами и наибольшее ихъ внутреннее, слѣдовательно, мирное развитіе въ общей культурной средѣ. Поэтому и *генералъ* и *политикъ* передъ свѣтомъ высшей истины оба правы, и я совершенно искренно становился на точку зрѣнія того и другого. Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такіе способы борьбы съ нимъ, какъ мечъ воина или перо дипломата; эти *орудія* должны оцѣниваться по своей дѣйствительной цѣлесообразности, въ данныхъ условіяхъ, и каждый разъ то изъ нихъ лучше, котораго приложеніе умѣстнѣе, то есть успѣшнѣе служитъ добру. И св. Алексѣй митрополитъ, когда мирно предстательствовалъ за русскихъ князей въ Ордѣ, и Сергій преподобный, когда благословилъ оружіе Дмитрія Донского противъ той же Орды, были одинаково служителями одного и того же добра многочастнаго и многообразнаго“. [1])

Отсюда видно, что въ пониманіи государства Соловьевъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ въ направленіи, которое намѣчалось уже въ „оправданіи Добра“. Сущность государства для него исчерпывается сужденіями о немъ генерала и „политика“, потому что теперь въ его глазахъ государство—область *относительной* правды. Задача государства кончается за предѣлами относительнаго. Его назначеніе—не въ томъ, чтобы быть земнымъ воплощеніемъ безусловнаго, а въ томъ, чтобы осуществить „*предварительныя условія проявленія* безусловной истины“. А для этого ему надлежитъ дѣлать то самое, чего требуютъ отъ него „генералъ“ и „политикъ“. Оно должно частью *истреблять мечомъ* тѣ внѣшнія, матеріальныя проявленія зла, которыя доступны ударамъ ве-

---

[1]) Тамъ же, стр. 457—458.

щественнаго оружія; частью же оно должно послужить *общей средой,* гдѣ *до времени* должны совмѣстно существовать и мирно развиваться какъ добрыя, такъ и злыя историческія силы. Замѣчательно, что именно въ этой организаціи *смѣшанной среды* и въ обезпеченіи *мира* между ея составными частями „Три разговора“ видятъ высшее, что можетъ дать государство.

Въ связи съ этимъ поразительно, что Соловьевъ не ожидаетъ въ будущемъ появленія новаго типа государства, болѣе совершеннаго по сравненію съ формами, существующими въ настоящемъ. „Итакъ, повторяю,—говоритъ политикъ,—великое значеніе войны, какъ главнаго условія при созданіи государства,—внѣ вопроса; но я спрашиваю: самое это великое дѣло созиданія государства *развѣ не должно считаться завершеннымъ въ существенныхъ чертахъ?*“ [1])

Это заявленіе остается безъ возраженія со стороны представителя безусловно религіозной точки зрѣнія, а стало быть, выражаетъ взглядъ самого Соловьева. Нѣсколькими годами раньше оно должно было бы вызвать энергическій протестъ съ его стороны. Въ то время онъ видѣлъ въ государствѣ гуманитарномъ не высшую форму государства, а одну изъ среднихъ ступеней. Несозданнымъ еще представлялось ему истинное, теократическое государство, то самое, въ которомъ долженъ раскрыться смыслъ государственности вообще. Ясно, что съ этой точки зрѣнія Соловьевъ не могъ считать законченнымъ, хотя и въ „существенныхъ чертахъ“, самаго процесса образованія государства.

Бездна, отдѣляющая „Три разговора“ отъ произведеній средняго періода Соловьева, особенно ясно обнаруживается тамъ, гдѣ мысль самого философа отдѣляется отъ точки зрѣнія „политика“.

Высшее понятіе „политика“ есть миръ внутри государства и миръ между государствами. „Вѣчный международный миръ“—такова та формула, въ которой онъ видитъ высшее выраженіе прогресса. [2]) Съ точки зрѣнія безусловной этотъ миръ, внѣшнимъ образомъ объединяющій силы добрыя и злыя, можетъ имѣть лишь *относительное* значеніе. Поэтому устами г. Z. Соловьевъ дѣлаетъ тутъ рѣшительное возраженіе. Не всякій миръ долженъ считаться желательнымъ и цѣннымъ. Есть миръ хорошій—тотъ, о которомъ говоритъ Христосъ, „миръ оставляю вамъ, миръ *Мой* даю вамъ“, но есть и „дурной, мірской миръ, основанный на смѣшеніи, или внѣшнемъ соединеніи того, что внутренно враждуетъ между собою“. Именно этотъ послѣдній ложный миръ имѣютъ въ виду слова Христовы: „Думаете ли вы, что Я миръ пришелъ принести на землю? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе“. Онъ пришелъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 497.

[2]) VIII, стр. 536.

принести на землю *истину*, а она, какъ и добро, прежде всего раздѣляетъ". [1]) Съ этой точки зрѣнія Соловьевъ считаетъ *истиннымъ* лишь тотъ миръ, который основанъ не на смѣшеніи, а *на раздѣленіи* добраго и злого.

Тутъ-то и сказывается новое въ воззрѣніяхъ Соловьева: раньше онъ вѣрилъ, что истинный миръ Христовъ будетъ осуществляемъ на землѣ *теократіей*, т.-е. объединенными усиліями христіанской церкви и христіанскаго государства. Теперь оказывается, что *миръ, основанный на раздѣленіи*, находится за предѣлами возможной государственной организаціи. Государство можетъ осуществить не идеалъ истиннаго мира, а всего только временное *перемиріе* между добрыми и злыми силами. Это перемиріе всецѣло отлично отъ божественнаго всеединства, а потому, въ отличіе отъ вселенскаго мира Христова, обладаетъ характеромъ *частичнымъ*. Но вотъ въ концѣ вселенной раздробленныя ранѣе государства сливаются въ одну, дѣйствительно *всемірную имперію*. Ея глава хочетъ совершить то самое, въ чемъ раньше Соловьевъ видѣлъ задачу вселенской теократіи,—осуществить въ формахъ церковно-государственной организаціи *вселенскій миръ* между народами и исповѣданіями. И эта попытка оказывается дерзновеннымъ обманомъ—личиной добра, прикрывающей „тайну беззаконія". „Народы земли", гласитъ манифестъ антихриста.—„Свершились обѣтованія. Вѣчный вселенскій миръ обезпеченъ. Всякая попытка его нарушить сейчасъ же встрѣтитъ неодолимое противодѣйствіе. Ибо отнынѣ есть на землѣ одна серединная власть, которая сильнѣе всѣхъ прочихъ властей порознь и вмѣстѣ взятыхъ". [2]) Раньше философъ мечталъ объ осуществленіи этой самой „серединной власти" въ теократическомъ русскомъ царствѣ. Вообще, между теократіей, какъ ее раньше представлялъ себѣ Соловьевъ, и новымъ *римскимъ* царствомъ императора-антихриста есть разительное и, очевидно, не случайное сходство. Тѣ самыя благодѣянія, коихъ философъ раньше ожидалъ отъ третьяго Рима, достаются на долю объединеннаго человѣчества отъ „сына беззаконія". Тутъ есть вся старая соловьевская схема христіанской политики, *но только безъ Христа*. Прежде всего антихристъ осуществляетъ старую юношескую мечту философа о соціальной реформѣ, „по желанію бѣдныхъ и безъ ощутительной обиды для богатыхъ". Затѣмъ, въ согласіи съ той же мечтой, въ новомъ Римѣ животныя изъ орудій и средствъ культуры превращаются въ друзей человѣка благодаря любовному попеченію императора „филозоя". [3]) Вслѣдъ за благополучнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ по-

---

[1]) VIII, стр. 529—530.
[2]) VIII, стр. 566.
[3]) Стр. 567.

литическаго и соціальнаго зданіе новой священной римской имперіи увѣнчивается разрѣшеніемъ вопроса религіознаго. Замыселъ антихриста и тутъ копируетъ прежніе „внѣшніе замыслы“ Соловьева. Разрѣшеніе религіознаго вопроса онъ видитъ въ соединеніи церквей и въ союзѣ двухъ высшихъ въ христіанскомъ мірѣ властей—святительской и царской. По требованію императора священная коллегія кардиналовъ избираетъ въ папы „его возлюбленнаго друга и брата Аполлонія, дабы ихъ тѣсная связь сдѣлала прочнымъ и неразрывнымъ единеніе церкви и государства для общаго ихъ блага“. [1])

Ясно, что царство антихриста отъ начала до конца осуществляетъ въ видѣ сатанинской пародіи *вселенскую теократію*. Теократія играетъ здѣсь роль *бѣсовскаго наважденія*, которое незамѣтно для неискушеннаго глаза извращаетъ царствіе Христово въ его противоположное. Соціальная реформа въ духѣ всеобщей свободы, равенства и братства во Христѣ здѣсь матеріализируется въ *равенство всеобщей сытости*. Досугъ пресыщеннаго человѣчества наполняется *постояннымъ наслажденіемъ* ложными чудесами и знаменіями антихристіанской культуры. Наконецъ, адское искаженіе соединенія Церквей заключается въ томъ, что *оно происходитъ помимо Христа и противъ Него*.

Разсказъ объ этой объединительной попыткѣ даетъ образное выраженіе одной изъ самыхъ тонкихъ и глубокихъ мыслей всего діалога. Соловьевъ наглядно показываетъ, что каждое изъ раздѣленныхъ христіанскихъ исповѣданій *таитъ въ себѣ своего антихриста*, грѣшитъ тѣмъ, что предпочитаетъ Христу какую-либо земную величину, имѣющую лишь временное, относительное значеніе. Адскій антихристовъ замыселъ заключается именно въ томъ, чтобы объединить исповѣданія посредствомъ ловкой эксплоатаціи антихристіанскаго элемента каждаго изъ нихъ, иначе говоря, соединить ихъ *въ общемъ отреченіи отъ Христа*. Онъ исходитъ изъ того предположенія, что для каждаго вѣроисповѣданія *дороже всего въ христіанствѣ* не Христосъ, а его вѣроисповѣдная особенность: для католиковъ это—*духовный авторитетъ* папы; для православныхъ это—„*священное преданіе*, старые символы, старыя пѣсни и молитвы, иконы и чинъ богослуженія“; наконецъ, для протестантовъ это—„*личная увѣренность въ истинѣ и свободное изслѣдованіе св. Писанія*“. Льстя каждой изъ этихъ особенностей, антихристъ хочетъ привлечь къ себѣ католиковъ во имя авторитета, православныхъ во имя преданія, протестантовъ во имя свободнаго изслѣдованія; онъ требуетъ отъ нихъ только одного: чтобы каждая христіанская церковь возвела свое вѣроисповѣдное отличіе *въ безусловный принципъ* и признала его—антихриста—своимъ „*единственнымъ заступникомъ и покро-*

[1]) Стр. 568—578.

вителемъ". [1]) Тѣмъ самымъ въ этомъ замыслѣ Христосъ перестаетъ быть незамѣнимымъ и единственнымъ, а Церковь Христова превращается въ Церковь антихриста.

Въ концѣ повѣсти объ антихристѣ этому ложному, призрачному объединенію противополагается *истинное соединеніе христіанъ и христіанскихъ церквей во Христѣ:* въ этомъ заключается центральная мысль „Трехъ разговоровъ".

Для характеристики воззрѣній Соловьева въ послѣдній періодъ его творчества, въ частности для выясненія его новаго отношенія къ теократіи, это противоположеніе имѣетъ рѣшающее значеніе, ибо именно въ немъ обнаруживается, въ чемъ полагаетъ Соловьевъ существенное отличіе между подлиннымъ Царствіемъ Христовымъ и бѣсовской на него пародіей. Понятно, что въ этомъ сравненіи между оригиналомъ и кощунственной подъ него поддѣлкой *подлинныя* черты оригинала должны быть совершенно и окончательно выяснены: на клевету „религіознаго самозванца, хищеніемъ, а не духовнымъ подвигомъ добывающаго себѣ достоинство Сына Божія", [2]) долженъ быть данъ полный и исчерпывающій отвѣтъ, дабы устранить всякую возможность прикрывать тайну крайняго беззаконія „блестящимъ покровомъ правды и добра". По признанію самого Соловьева высшій замыселъ „Трехъ разговоровъ" заключается въ томъ, чтобы „показать заранѣе эту обманчивую личину, подъ которой скрывается злая бездна". [3])

Тутъ-то и приходится отмѣтить въ этомъ произведеніи поразительную черту. „Обманчивая личина" совершенно ясно изображается здѣсь какъ *теократія антихриста*, т.-е. какъ церковно-государственная организація, которая хочетъ объединить въ общемъ служеніи и въ общей религіи антихристовой священство, царство и подъ ихъ руководствомъ—все человѣчество. Если бы Соловьевъ держался прежнихъ своихъ воззрѣній, для него было бы совершенно обязательно противопоставить здѣсь теократію Христа теократіи антихриста, дать изображеніе истиннаго соединенія священства и царства—той церковно-государственной организаціи, которая должна во имя Христа объединить человѣчество противъ „сына погибели". Но ничего подобнаго мы не видимъ въ „Трехъ разговорахъ". Объединеніе человѣчества во Христѣ здѣсь дѣйствительно совершается, но *внѣ государственныхъ формъ*, по ту сторону политики, а стало быть, и по ту сторону теократіи: *государство не только не участвуетъ* въ этомъ объединеніи, но становится въ рѣзко враждебныя къ нему отношенія: въ заключительной борьбѣ между добромъ и зломъ оно отдается злу, цѣликомъ передается антихристу.

---

[1]) Т. VIII, стр. 571—574.
[2]) Т. VIII, стр. 458.
[3]) Т. VIII, стр. 460—461.

Въ „Трехъ разговорахъ“ это—не какой-либо случайный эпизодъ. Весь заключительный періодъ исторіи христіанства изображается тамъ, какъ процессъ постепеннаго *отрѣшенія* жизни религіозной не только отъ жизни государственной, но и отъ всякаго мірского могущества. Для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій это есть вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ постепеннаго очищенія. Христіанство вслѣдствіе этого „нравственно подобралось и подтянулось и выигрывало въ качествѣ то, что теряло въ количествѣ“. Въ связи съ этимъ смягчилась вражда отдѣльныхъ исповѣданій: папство вслѣдствіе изгнанія его изъ Рима значительно опростилось, *одухотворилось*, и въ католичествѣ самъ собою исчезъ рядъ злоупотребленій и соблазнительныхъ обычаевъ. Протестантство „*очистилось*“ отъ своихъ крайнихъ отрицательныхъ тенденцій, сторонники которыхъ открыто перешли къ религіозному индифферентизму и невѣрію“. Наконецъ, „русское православіе *послѣ того, какъ политическія событія измѣнили офиціальное положеніе церкви,* хотя потеряло многіе милліоны своихъ мнимыхъ, номинальныхъ членовъ, зато испытало радость соединенія съ лучшей частью старовѣровъ и даже многихъ сектантовъ положительно-религіознаго направленія. *Эта обновленная церковь, не возрастая числомъ, стала расти въ силѣ духа*“ и т. д. [1])

Раньше Соловьевъ видѣлъ путь спасенія для человѣчества въ объединеніи и совмѣстной дѣятельности церкви и государства. Теперь, наоборотъ, онъ убѣждается, что *въ дѣйствительности* спасеніе должно совершиться черезъ ихъ взаимное освобожденіе: только отрѣшившись окончательно отъ всякаго господства въ государствѣ и отъ связанныхъ съ нимъ выгодъ, раздѣленныя церкви созрѣваютъ для совершеннаго и окончательнаго объединенія во Христѣ.

Этимъ опредѣляется окончательный отвѣтъ Соловьева на вопросъ о подлинномъ царствіи Христовомъ. Въ той заключительной антитезѣ, которая выражаетъ собою основную мысль „Трехъ разговоровъ“, теократія оказывается не преддверіемъ рая, а широкими вратами ада. Подлинное соединеніе церквей и дѣйствительное возрожденіе человѣчества совершается не благодаря покровительству, а какъ разъ наоборотъ, благодаря *активной враждѣ* государства противъ Христа и Церкви. Не теократія Христова преодолѣваетъ въ концѣ вѣковъ безбожное государство, а *церковь гонимая* торжествуетъ надъ теократіей „князя міра сего“.

Раньше Соловьевъ вѣрилъ, что соединеніе церквей будетъ началомъ всемірнаго политическаго переворота. Теперь въ его глазахъ оно выражаетъ собою конецъ всего мірского: оно совершается вдали отъ міра „среди темной ночи, на высокомъ и уединенномъ мѣстѣ“. И не земная, а

[1]) Т. VIII, стр. 568—569.

небесная слава осѣняетъ это истинное богочеловѣческое соединеніе—„Темнота ночная вдругъ озарилась яркимъ блескомъ, и явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ“. [1])

Изъ всего изложеннаго видно, что Соловьевъ въ послѣдніе годы своей жизни не только отчаялся въ теократіи: онъ почувствовалъ ее, *какъ ложь*. [2]) И тѣмъ самымъ онъ освободился отъ какого-то внутренняго препятствія, отъ наважденія, заслонявшаго для него подлинное царство Христово. „Три разговора“ заканчиваются видѣніемъ этого царства—„Евреи бѣжали къ Іерусалиму, въ страхѣ и трепетѣ взывая о спасеніи къ Богу Израилеву. Когда святой городъ былъ уже у нихъ въ виду, небо распахнулось великой молніей отъ востока до запада, и они увидѣли Христа, сходящаго къ нимъ въ царскомъ одѣяніи и съ язвами отъ гвоздей на распростертыхъ рукахъ. Въ то же время отъ Синая къ Сіону двигалась толпа христіанъ, предводимыхъ Петромъ, Іоанномъ и Павломъ, а съ разныхъ сторонъ бѣжали еще иныя восторженныя толпы: то были всѣ казненные антихристомъ евреи и христіане. Они ожили и воцарились со Христомъ на тысячу лѣтъ“.

Съ одной стороны, воздвигнутое антихристомъ зданіе вселенской теократіи тонетъ въ огненномъ озерѣ, и вмѣстѣ съ нимъ проваливается въ бездну ложная мечта о *мірскомъ* владычествѣ Сына Божія. Съ другой стороны, подлинное царствіе Христово противополагается ей какъ *непосредственное* соединеніе Христа съ вѣрующими. Именно это непосредственное личное отношеніе, а не политическій, мірской переворотъ въ жизни народовъ и государствъ вѣнчаетъ собою истинное соединеніе церквей.

Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, совершенно новую философію исторіи. Въ ней вѣчный вселенскій, христіанскій идеалъ торжествуетъ побѣду надъ временной мечтой великаго религіознаго мыслителя и надъ націоналистическою романтикой его молодости.

Самъ Соловьевъ указываетъ, что его „Три разговора“ возникли подъ вліяніемъ „особой перемѣны въ душевномъ настроеніи“. Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, что эта перемѣна выражаетъ собою итогъ цѣлаго ряда пережитыхъ разочарованій.

Разочарованіе не коснулось того, что съ самаго начала было основнымъ, важнѣйшимъ для философа. Онъ сохранилъ свою свѣтлую вѣру въ Богочеловѣчество. Идея царствія Божія, какъ всего во всемъ, осталась для него руководящей нормой, критеріемъ земной дѣйствительно-

---

[1]) Т. VIII, стр. 580.

[2]) Тутъ опять-таки живая интуиція упредила мысль. Соловьевъ-мыслитель не успѣлъ формулировать то, что ясно и образно выразилось въ видѣніи Соловьева-художника.

сти. То вѣчное, что было въ его ученіи, выдержало огненное испытаніе: сгорѣло только временное. Жизнь безжалостно разбила земную утопію. Тѣмъ ярче возгорѣлось новое небо надъ грѣшною землею.

Въ большей своей части ложная романтика начальнаго и серединнаго періода Соловьева унаслѣдована имъ отъ прошлаго. Традиціонная древне-русская мечта о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, славянофильскія мысли о „народѣ богоносцѣ“, славянофильскій же культъ самодержавія, какъ сверхправового начала,—таковы элементы этого наслѣдства. Романтическая греза „теократіи“ вообще коренится въ такихъ переживаніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыя разъ навсегда унесены потокомъ времени. Величіе Соловьева заключается, разумѣется, не въ томъ, что составляетъ у него преходящее отраженіе его времени, а въ тѣхъ частяхъ его ученія, которыя имѣютъ значеніе сверхвременное.

Съ этой точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію, что крушеніе теократіи есть крупный шагъ впередъ въ духовномъ развитіи Соловьева. Мы видѣли, насколько въ произведеніяхъ его средняго періода обликъ теократіи неясенъ и противорѣчивъ, какъ странно и тѣсно тамъ сплетаются религіозныя упованія и мірскія надежды. Теократія Соловьева—это прахъ земной, прилипшій къ крыльямъ,—то самое, что отягощаетъ полетъ его мысли и служитъ въ ней источникомъ противорѣчій. Въ „Трехъ разговорахъ“ полетъ впервые становится вполнѣ свободнымъ. Философъ дѣйствительно имѣлъ основанія сказать кн. С. Н. Трубецкому: „это мое произведеніе я считаю геніальнымъ“.

Кн. **Евгеній Трубецкой.**

Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ.

Къ 25-лѣтію со дня кончины.

Среди людей, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить въ жизни, рѣзко выдѣляются два обаятельно прекрасныхъ образа, двое юношей необыкновенной душевной чистоты и красоты, духовной и физической. Я счастлива, что знала ихъ въ своей юности, но знакомство съ ними доставило мнѣ и много горя—оба такъ рано, такъ трагично погибли. Я говорю о Гаршинѣ и Надсонѣ. Въ этихъ строкахъ я разскажу о своемъ знакомствѣ съ Надсономъ.

Въ 1880 году я, будучи слушательницей второго курса физико-математическаго отдѣленія Бестужевскихъ курсовъ, жила съ подругой въ Петербургѣ, занимая комнату. Мой покойный братъ, Михаилъ Александровичъ Россійскій, поступилъ въ этомъ году юнкеромъ въ Павловское училище. Еще будучи кадетомъ Орловскаго корпуса, Миша началъ писать стихи, и, вѣроятно, это обстоятельство послужило причиной сближенія его съ Надсономъ, его товарищемъ по училищу. Между обоими начинающими поэтами завязалась самая нѣжная дружба. Они даже пробовали вмѣстѣ переводить стихи; въ тетради Мишиныхъ стиховъ, сохранившейся у меня, находятся 3 стихотворенія 1880 года съ отмѣткой: „переведено вмѣстѣ съ Надсономъ“. Одно изъ нихъ, переводъ изъ Гейне, „Мои окрыленныя пѣсни“, помѣщено въ собраніи стихотвореній Надсона въ отдѣлѣ „Посмертныя стихотворенія“ на стр. 150. Второго, тоже изъ Гейне, нѣтъ у Надсона, я его привожу:

Изъ Гейне.

Я хотѣлъ бы, чтобъ чуткое сердце мое
Поселилось въ лилеѣ душистой,
Чтобъ оттуда, мой маленькій другъ, о тебѣ
Зазвенѣлъ бы сонетъ серебристый,

Чтобы звуки дрожали и млѣли бы въ немъ,
Какъ дрожали и млѣли лобзанья,—
Тѣ лобзанья, что ты мнѣ стыдливо дала
Въ золотыя минуты свиданья.

Изъ третьяго стихотворенія (переводъ изъ Боденштедта) напечатано въ сочиненіяхъ Надсона, въ томъ же отдѣлѣ „Посмертныхъ стихотвореній“ (стр. 153), только 2 строфы. Въ тетради брата стихотвореніе имѣетъ такой видъ:

Изъ Боденштедта.

(Изъ „Пѣсенъ Мирзы-Шаффи“.)

Ни ангеловъ, сіяющихъ въ лазурныхъ небесахъ,
Ни розъ, благоухающихъ въ задумчивыхъ садахъ,
Ни нѣги ослѣпительныхъ полуденныхъ лучей
Я не сравню съ Зюлейкою, красавицей моей.

Чуждъ непорочныхъ ангеловъ недугъ любви земной,
Въ садахъ безъ острыхъ терніевъ нѣтъ розы ни одной [1])
И даже солнце къ вечеру смиряетъ блескъ лучей,—
Нѣтъ! ихъ не приравняю я къ красавицѣ моей!

Всѣ наслажденья райскія въ очахъ ея лежатъ,
Ея лобзанья знойныя и нѣжатъ, и томятъ,
Міръ меркнетъ, міръ теряется предъ этой красотой,
И, если ужъ сравнить ее, то только съ ней самой!

И Надсонъ и Миша въ этотъ годъ очень увлекались Гейне и много переводили изъ него. Въ 1881 г. для обоихъ случилось важное событіе: они познакомились съ извѣстнымъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ. Съ какимъ восторгомъ разсказывалъ мнѣ Миша о ласковомъ пріемѣ Плещеева, о томъ, что онъ нашелъ у Миши талантъ (талантъ Надсона былъ уже внѣ сомнѣній), совѣтовалъ писать, работать. Надсонъ и Миша проводили чудные вечера у добраго, полюбившаго ихъ „дѣдушки“, какъ они называли Плещеева. Ободренный Плещеевымъ, Миша тоже началъ печатать свои стихи, и, если я не ошибаюсь, первое его напечатанное стихотвореніе было: „Родинѣ“ (*Вѣстникъ Европы* 1880 г., № 12). Вмѣстѣ съ Надсономъ, а можетъ быть, подъ его вліяніемъ, Миша въ то время тяготился военной службой.

Я знала уже давно Надсона по Мишинымъ разсказамъ, когда въ зиму 81—82 г. однажды вечеромъ братъ пришелъ ко мнѣ съ худенькимъ болѣзненнымъ юнкеромъ. Я сейчасъ же догадалась, что это—Надсонъ; надо думать, что и онъ зналъ меня по разсказамъ брата, и въ первый же вечеръ мы почувствовали себя какъ давно знакомые. Съ перваго взгляда я почувствовала большую симпатію къ юному поэту, которая росла съ каждымъ свиданіемъ и перешла въ горячую дружескую привязанность. Первый вечеръ нашего знакомства прошелъ въ оживленной и веселой болтовнѣ; подъ конецъ Надсонъ согласился про-

---

[1]) У Надсона:

И гаситъ солнце къ вечеру огонь своихъ лучей,—
Нѣтъ, къ нимъ не приравняю я красавицы моей...

честь свои стихи. Мы съ Мишей притихли; Надсонъ прочелъ нѣсколько стихотвореній, но съ особеннымъ чувствомъ: „Другъ мой, братъ мой“... Читалъ онъ очень просто, безъ всякаго паѳоса, и его чтеніе произвело на меня большое впечатлѣніе. Вечеръ прошелъ быстро, юнкерамъ пора было итти въ училище.

Несмотря на обоюдное желаніе видѣться, Надсонъ приходилъ ко мнѣ рѣдко, вслѣдствіе своего слабаго здоровья, далекаго разстоянія и разныхъ другихъ причинъ. А затѣмъ онъ „вышелъ въ офицеры“ и переѣхалъ въ Кронштадтъ. Братъ мой перешелъ въ артиллерійское училище, полюбилъ военное дѣло и пересталъ придавать значеніе своимъ поэтическимъ способностямъ, хотя продолжалъ и писать, и печатать въ разныхъ журналахъ („Всей душой ты жадно рвешься къ свѣту“, *Отечественныя Записки* 82 г., № 11; „Черный день“ (изъ Роберта Прутца), *Изящная Литература* 83 г., апрѣль; „Le petit Turco“ (изъ Chants du soldat Поля Деруледа), *Отечественныя Записки* 83 г., февраль; „Жаль мнѣ себя“, *Еженедѣльное Обозрѣніе* 84 г., октябрь; „Весной“, тамъ же, № 23 и друг.).

Изъ временъ юнкерской жизни Надсона и Миши у меня сохранился экспромптъ Надсона, написанный его рукою на четвертушкѣ сѣрой бумаги изъ кухни, гдѣ онъ былъ дежурнымъ, моему брату и отвѣтъ брата, написанный на обратной сторонѣ той же четвертушки:

Посланіе къ Россійскому.

Изъ глубины моихъ владѣній,
Изъ царства булокъ и котлетъ
Мой робкій, мой смущенный геній,
Фельдфебель, шлетъ тебѣ привѣтъ!...

Фельдфебель, гдѣ ты? Я страдаю,
Сойди какъ солнце въ мой Аидъ
И станетъ онъ подобенъ раю,
И Ангелъ смѣнитъ Эвменидъ!...

Приди!... Любви и дружбы рана
Съ тобой въ разлукѣ такъ жива,—
И я велю Левіафана
Тебѣ подать для торжества!...

С. Надсонъ.

Посланіе къ Надсону.

Я съ горестью узналъ, что вы, по волѣ рока,
Похищены съ Олимповыхъ высотъ
И сосланы теперь—увы!—далеко,
На кухню, гдѣ царитъ и властвуетъ Фаготъ [1]).

Ахъ! есть ли тамъ, въ странѣ котлетъ и булокъ,
Для вашей музы, чистой какъ цвѣтокъ,
Хотя одинъ негрязный закоулокъ,
Хотя одинъ укромный уголокъ?

Коль есть,—тогда приду—и лучезарнымъ свѣтомъ
Я озарю вамъ Аидъ, о, поэтъ!
А до тѣхъ поръ—нельзя ли за обѣдомъ
Прислать одну изъ лишнихъ мнѣ котлетъ?!.

Россійскій.

---

[1]) Повидимому, прозвище повара.

Я не встрѣчалась съ Надсономъ до похоронъ Тургенева. На похоронахъ Тургенева я, съ группой своихъ земляковъ, несла вѣнокъ отъ г. Орла, какъ орловская уроженка. На обратномъ пути отъ кладбища ко мнѣ подошелъ офицеръ, котораго по близорукости я не сразу узнала, и очень обрадовалась, когда это оказался Надсонъ. Надсонъ измѣнился, сталъ непринужденнѣе, мужественнѣе, красивѣе; мы съ нимъ долго шли, оживленно разговаривая, чувствуя, что разлука не уничтожила взаимной симпатіи. Но, несмотря на обоюдное желаніе, видѣться намъ долго не пришлось: Надсонъ рѣдко пріѣзжалъ изъ Кронштадта, а я какъ-то туда не собралась,—и Надсонъ уѣхалъ за границу. Но какъ только онъ вернулся изъ-за границы и поселился въ Петербургѣ, въ Кузнечномъ пер., я пришла къ нему и бывала у него часто до его отъѣзда въ деревню. Онъ былъ уже очень боленъ, и почти все время у него была лихорадка. Я знала, что онъ безнадеженъ, что онъ часто испытываетъ жестокія физическія страданія, но когда видѣла его, забывала это: онъ никогда не жаловался на свою болѣзнь и былъ такимъ милымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, что вечера, проведенные у него, сохраняются въ моей памяти, какъ лучшія впечатлѣнія моей жизни. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ былъ именно такимъ, какимъ изображенъ на портретѣ, приложенномъ къ собранію его стихотвореній: въ бархатной курткѣ, съ длинными волосами и бородкой. Но портретъ далеко не передаетъ его болѣзненной и изящной красоты. Оживленный, съ лихорадочнымъ блескомъ прекрасныхъ темныхъ глазъ, милой улыбкой, привѣтливый,—онъ производилъ неотразимо-чарующее впечатлѣніе. Сердце разрывалось отъ боли при мысли, что этотъ очаровательный юноша—недолгій гость на землѣ.

Въ это время мой братъ Миша, офицеръ-артиллеристъ, женился и, видимо, увлеченный своей новой жизнью, не писалъ или рѣдко писалъ Надсону, такъ что онъ съ огорченіемъ шутилъ: „Ну, стоитъ ли имѣть друзей послѣ этого? разъ они женятся!“ Свое расположеніе къ Мишѣ Надсонъ какъ бы перенесъ отчасти на меня, и я чувствовала, что онъ всегда радъ моему приходу. Я же горячо привязалась къ нему за это время и глубоко оцѣнила его удивительно благородную и изящную душу. Когда онъ уѣхалъ въ деревню, въ Подольскую губ., между нами завязалась переписка, изъ которой у меня сохранились слѣдующія два письма.

I.

„Ваше письмо ко мнѣ, дорогая Марья Александровна, было изъ тѣхъ, на которыя порядочные люди отвѣчаютъ немедленно; но я давно уже помирился съ мыслью, что самъ я вовсе не порядочный человѣкъ. По-

миритесь и вы съ ней и любите меня за другія достоинства; неужели только и свѣту въ окошкѣ, что аккуратность въ сношеніяхъ съ друзьями! Жизнь моя здѣсь имѣетъ діаметрально противоположный характеръ, чѣмъ ваша въ Петербургѣ: я ровно ничего не дѣлаю и, что еще хуже, ничего не хочу дѣлать. Усталъ ли я (отчего?), умеръ ли духомъ вслѣдствіе болѣзни тѣла—не умѣю сказать вамъ,—только ничто меня не привлекаетъ и не увлекаетъ; на вопросъ, какъ жить, я отвѣчаю себѣ: какънибудь, какъ проживется; на разные внутренніе порывы и просыпающуюся иногда потребность дѣла я говорю себѣ „не то, все не то!“ Брожу точно въ заколдованной странѣ и чувствую, что между мною и жизнью словно опустился какой-то туманъ: какія-то краски мелькаютъ въ немъ, какіе-то звуки изъ него слышатся, какіе-то призраки бродятъ, а стоитъ протянуть къ нимъ руки, и я обнимаю пустоту и все расплывается и улетаетъ. И между тѣмъ я не скучаю и не хандрю, я просто ни во что не вѣрю,—не вѣрю въ серьезность, въ реальность жизни, считаю ее маревомъ, представленіемъ на „дѣтскомъ театрѣ“ и какъ ни стараюсь пробудить въ себѣ то актерское увлеченіе, которое заставляетъ раскрашенную тряпку принимать за зеленую пальму, а себя, титулярнаго совѣтника Иванова, за испанскаго короля Фердинанда 148-го, никакъ не могу. Поэты бываютъ иногда слишкомъ мало поэтами, меньше, чѣмъ всѣ прочіе люди; у нихъ нехватаетъ воображенія, чтобы въ гниломъ туманѣ, окружающемъ ихъ, видѣть жизнь. Помилуйте, говорятъ они людямъ, вѣдь это туманъ, призраки, ложь! Вѣдь это все такъ, не серьезно... Какъ вы можете интересоваться этимъ, какъ вы можете считать это чѣмъ-то важнымъ?

„Боюсь, впрочемъ, что я слишкомъ ужъ много напустилъ туману,—хотя и философскаго,—но всетаки туману, и что вы, человѣкъ дѣла, меня не поймете. Впрочемъ, бѣда не велика. Обыкновенно письма пишутся для себя, а не для тѣхъ, кому они адресованы, а я себя очень хорошо понимаю. Во всякомъ случаѣ перехожу на реальную почву. Прежде всего, письмо это я пишу столько же вамъ, сколько и Мишѣ. Надѣюсь, что вы подѣлитесь съ нимъ мирно и что онъ не будетъ на меня въ претензіи, что я не отвѣчаю ему отдѣльно. Спасибо вамъ за ваше письмо, не за умную, а за сердечную его сторону; я люблю погрѣться въ лучахъ участія къ себѣ отъ лицъ, симпатичныхъ мнѣ настолько, насколько вы мнѣ симпатичны. А вы мнѣ очень симпатичны, какъ вамъ это хорошо извѣстно. Здѣсь мнѣ хорошо: меня любятъ, и Пащенко отличные люди. Иногда я бываю даже веселъ. Деревня зимой рѣшительно пришлась мнѣ по душѣ, и ея спокойствіе какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Въ здоровьѣ моемъ рѣзкихъ перемѣнъ нѣтъ, муза моя спитъ и мнѣ самому очень не хочется будить ее. На что? Точно стихи—дѣло?

„Пишите мнѣ, если вамъ не лѣнь, а самъ я крѣпко жму вашу руку и лапу Миши и желаю вамъ душевнаго удовлетворенія.

„Искренно любящій васъ

С. Надсонъ“.

На письмѣ нѣтъ даты. На штемпелѣ конверта—4 дек. 1885 г.

II.

„Милая Марья Александровна,—простите мнѣ рѣзкое слово,—но Миша поросенокъ! Какъ, уѣзжая въ Одессу, онъ проѣзжалъ черезъ Жмеринку, и не только не заѣхалъ ко мнѣ,—что было очень удобно сдѣлать,—но и просто не извѣстилъ меня! Нечего сказать,—благорродно! Я бы сердечно поблагодарилъ васъ за ваше милое письмо,—но, во-первыхъ,—это банально, а во-вторыхъ, это бы значило благодарить васъ за то, что вы хорошій человѣкъ. Но вѣдь вы хорошій человѣкъ для себя, а не для меня,—слѣдовательно: „не стоитъ благодарности“. Вашу просьбу вспомнить о васъ, когда мы будемъ чокаться въ „Новый годъ“, я исполнилъ и притомъ вслухъ. Всѣ мы выпили за васъ по рюмкѣ старой вишневки и пожелали вамъ всего хорошаго. Послѣднее, впрочемъ, излишне: я не могу себѣ представить человѣка счастливѣе васъ. Это не значитъ, что я воображаю, будто ваша жизнь катится, какъ по маслу,—это значитъ, что я своеобразно понимаю счастье. Объ этомъ зрите въ моемъ стихотвореніи, которое явилось въ январской книжкѣ *Русской Мысли*. Вообще за послѣднее время я проявилъ довольно горячую литературную дѣятельность: послалъ два стихотворенія въ *Недѣлю*, одно въ *Русскую Мысль*, выпустилъ второе изданіе своей книжки и работаю теперь надъ одной вещью. Работаю, впрочемъ, довольно лѣниво,—не такъ, какъ вы. На-дняхъ отъ меня уѣхала М. В. [1]) Зайдите къ ней, если будетъ время. Кстати,—не окажете ли вы мнѣ услугу: мнѣ бы хотѣлось, чтобы моя книга, цѣна которой 1 р. 50 к., студентамъ и курсисткамъ продавалась по 1 р.,—а объявить этого въ газетахъ нельзя,—цензура не позволитъ. Поговорите съ М. В. и не откажите посодѣйствовать мнѣ въ этомъ—вѣдь вы на курсахъ—птица! [2])

„Впрочемъ, все это неважно.

„Знаете, что я теперь дѣлаю по вечерамъ? Играю въ винтъ. Знаю, что это—позорнѣе самаго позора, но что прикажете дѣлать въ нашей глуши! Почта приходитъ разъ въ недѣлю, живого лица не видишь мѣсяцами, книги всѣ читаны и перечитаны, а вечера темны и длинны.

---

[1]) М. В. Ватсонъ.

[2]) По окончаніи курсовъ я была оставлена ассистенткой по каѳедрѣ зоологіи у проф. Н. П. Вагнера, извѣстнаго писателя (Котъ-Мурлыка) и редактора *Свѣта*, гдѣ Надсонъ помѣщалъ стихи.

„Здоровье мое—попрежнему: разрушаюсь понемногу, по всѣмъ правиламъ науки и по всѣмъ законамъ природы. Вотъ еще деспотъ, прости Господи, эта природа, которую вы съ такою любовью изучаете! Я жить хочу,—понимаете ли вы всю страсть, всю силу этихъ словъ „жить хочу“!—А ей, слѣпой природѣ, никакого дѣла до этого нѣтъ. Но это скучно и старо, а потому не распространяюсь.

„Что же вамъ написать еще? Вообразите себѣ, здѣсь рѣшительно не происходитъ никакихъ событій,—точно щедринская сторонка, въ которой „нравовъ и обычаевъ“ не имѣется. Развѣ разсказать вамъ о томъ, что кіевскіе студенты, съ представителями которыхъ я тутъ познакомился, безъ ума отъ Цитовича, дѣлаютъ ему овацiи, приглашаютъ его на свои пирушки и цѣлуются съ нимъ. Когда я выразилъ одному изъ этихъ современныхъ героевъ мое удивленіе по этому поводу, онъ отвѣтилъ мнѣ, что Цитовичъ—украшеніе ихъ университета. Славное поколѣніе выдвигается на сцену, нечего сказать!

„Познакомился я тутъ съ разными мелкими мѣстными піитами—ни въ одномъ ни на копейку искры Божьей и на первомъ планѣ—построчная плата! Читали ли вы отвѣтъ Аксакова на данное ему предостереженіе? Мнѣ говорили, что это замѣчательная вещь.

„А Вагнеръ своей послѣдней сказкой въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* не отличился—сбивчиво да и не художественно! Жаль сознаться,—но дарованіе его слабѣетъ, это несомнѣнно.

„Однако довольно. Дружески жму вашу руку. Да, вотъ еще что: я пишу вамъ не для того, чтобы считаться письмами, а потому, что мнѣ хочется вамъ писать. Не забывайте и вы меня. Только съ чего вы взяли, что я юноша? Я старикъ, давно старикъ. Мишѣ кланяйтесь и дайте прочесть это письмо. Я его не прошу писать,—пусть это будетъ дѣломъ его совѣсти. Прощайте.

Вашъ *С. Надсонъ*.

Числа не знаю, а мѣсяцъ январь 1886 г.

„Дайте мнѣ адресъ вашъ,—а то я принужденъ писать несообразности“.

На конвертѣ этого письма штемпель: 21 января 1886 г.

Послѣднее наше свиданіе было въ Севастополѣ, когда Надсона везли въ Ялту. Я въ это время работала на Севастопольской біологической станціи, мнѣ дали телеграмму, и во время двухчасовой стоянки парохода я могла въ послѣдній разъ побесѣдовать съ дорогимъ мнѣ больнымъ. Онъ былъ уже очень слабъ, очень худъ, очень страдалъ, по словамъ сопровождавшей его М. В. Ватсонъ, но оставался все тѣмъ же обаятельнымъ собесѣдникомъ. Онъ шутилъ, что, такъ какъ морской воздухъ ему полезенъ, то хорошо бы устроиться небольшимъ тѣснымъ

кружкомъ на собственномъ пароходѣ и вѣчно плавать по морю—можно и читать, и печатать тутъ же. Онъ шутилъ, а я прекрасно понимала, что вижу его въ послѣдній разъ (такъ какъ должна была возвращаться въ Петербургъ), и едва сдерживала слезы. Я знала, что его ждутъ физическія страданія, смерть, но не могла подозрѣвать, что ему придется еще вынести нравственную пытку—исторію съ Буренинымъ. Если Надсонъ и знакомство мое съ нимъ—исключительно свѣтлое явленіе въ моей жизни, то поступокъ Буренина—одно изъ самыхъ возмутительныхъ проявленій жизненной грязи и злобы, которыя мнѣ пришлось видѣть.

Въ январѣ 1887 года мы съ Мишей проводили Надсона въ могилу.

Считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ моего брата Миши, жизнь котораго такъ тѣсно была связана съ жизнью Надсона въ началѣ ихъ литературнаго поприща.

Миша всецѣло отдался военному дѣлу, кончилъ двѣ академіи, артиллерійскую и генеральнаго штаба, читалъ лекціи въ юнкерскомъ училищѣ въ Москвѣ, былъ на русско-японской войнѣ, откуда писалъ корреспонденціи въ газету *Русское Слово;* писалъ въ *Развѣдчикѣ,* гдѣ между прочимъ помѣстилъ описаніе своего путешествія по Японіи послѣ войны, написалъ учебники тактики и военной исторіи, переводилъ (между прочимъ, перевелъ вмѣстѣ съ товарищемъ: *Аръ Роэ.* „Мой русскій полкъ“. *Art-Roë.* „Mon régiment russe“. Съ французскаго М. Р. и В. М. Москва, типографія Вильде, 1900 г.), послѣднее время командовалъ полкомъ. И въ то же время часто писалъ стихи, чаще всего шутливые, для семейнаго круга, но иногда и серьезные, оригинальные и переводные, хотя не печаталъ ихъ, несмотря на всѣ просьбы друзей. Послѣднимъ его стихотвореніемъ былъ переводъ прекрасной баллады Эдгара Поэ—„Аннабель Ли“, навѣянный тяжкой болѣзнью моей юной, рано угасшей, дочери. Братъ мой внезапно умеръ 20 марта 1910 г., 47 лѣтъ, только что произведенный въ генералы, въ самомъ разгарѣ своей блестящей военной карьеры.

Надсонъ любилъ моего брата и до конца своей жизни переписывался съ нимъ. Отрывокъ изъ его письма къ Мишѣ приведенъ въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ собранію стихотвореній Надсона на страницѣ LXV, гдѣ онъ названъ литерами М. А. Р.

М. А. Россійская-Кожевникова.

„Экономическій матеріализмъ“ какъ философія хозяйства. [1])

I.

Очень легко критиковать такъ называемый экономическій матеріализмъ, обнаруживая всю его невыработанность, незаконченность, уродливую однобокость. Онъ имѣетъ слишкомъ много незащищенныхъ, открытыхъ для критики сторонъ. Среди философовъ онъ вызываетъ къ себѣ лишь пренебрежительное отношеніе за свой грубый догматизмъ и наивный матеріализмъ, и изъ-за этой порочности его философской формы они не желаютъ вдумываться въ существо его проблемы. Для образованной же публики, „сочувствующей всему высокому и прекрасному“ и превыше всего дорожащей эстетической культурой, экономическій матеріализмъ слишкомъ сильно пахнетъ рабочимъ потомъ и фабричнымъ дымомъ, ей онъ представляется варварствомъ, которое не способно понимать „культурныхъ цѣнностей“, и съ миной самодовольной брезгливости она отворачивается, отвергая его безъ внутренняго къ нему вниманія. Наконецъ, обширные полки его соціалистическихъ сторонниковъ, сдѣлавшихъ изъ него догматъ пролетарскаго катехизиса, также мало способны поднять его научный и философскій престижъ. И вообще можетъ показаться, что философскому изслѣдователю нашихъ дней совершенно нечего дѣлать съ экономическимъ матеріализмомъ, такъ же какъ, напримѣръ, съ матеріализмомъ Фогта и Молешотта, и надо оставить его въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что на такое къ нему пренебреженіе мы не имѣемъ права до тѣхъ поръ, пока мы серьезно не посчитались съ *проблемой* экономическаго матеріализма. Жизненное же значеніе проблемы экономическаго матеріализма совершенно несоизмѣримо съ незаконченностью и несовершенствомъ его философской формы, которая является для него сравнительно случайной и несущественной,

---

[1]) Глава изъ „Философіи хозяйства“.

и не уничтожается непріемлемостью его философскихъ предпосылокъ. И ни пренебреженіемъ, ни брезгливостью нельзя умалить или уничтожить значеніе этой проблемы, которая попрежнему привлекаетъ къ себѣ вниманіе свѣжихъ, незагипнотизированныхъ критицизмомъ или эстетизмомъ умовъ. Экономическій матеріализмъ, какъ, впрочемъ, и всякое ученіе, ставящее значительную, жизненную проблему, недостаточно просто отвергнуть, отъ него отвернувшись въ безсиліи или же по отсутствію къ нему интереса, его надо *преодолѣть*, а преодолѣть можно только положительнымъ путемъ, признавъ его правду, понимая его мотивъ, но отклоняя при этомъ его ограниченность и извращенія. Въ экономическомъ матеріализмѣ говоритъ суровая жизненная честность, онъ отдаетъ свое вниманіе значенію нужды, заботы о кускѣ насущнаго хлѣба, которая тяготѣетъ надъ большинствомъ человѣчества. Однако не за эти только этическія черты, но и по своему философскому значенію онъ долженъ занять и въ исторіи философіи свое опредѣленное, ему одному принадлежащее мѣсто. [1]) Онъ есть первая попытка философіи хозяйства, въ немъ впервые сознательно поставлена ея проблема, въ исторіи мысли прозвучалъ новый мотивъ, навѣянный, конечно, не кабинетнымъ умозрѣніемъ, но жизненными впечатлѣніями дѣйствительности. И эта жизненность его мотива свидѣтельствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, и о философской подлинности, неизмышленности основной темы экономическаго матеріализма. Впрочемъ, въ послѣднее время для него наступилъ еще и совершенно неожиданный бенефисъ. Именно, оцѣнка философскаго значенія экономическаго матеріализма въ настоящее время поднята въ связи съ успѣхами философіи прагматизма, который къ нему, въ извѣстномъ смыслѣ, приближается. Отношеніе между ними можно выразить такъ, что экономическій матеріализмъ представляетъ одну изъ разновидностей прагматизма, есть какъ

---

[1]) Владиміръ Соловьевъ, съ своей философской универсальностью, какъ онъ ни чуждъ былъ вообще экономизму, однако учуялъ жизненную правду и оцѣнилъ своеобразный мотивъ экономическаго матеріализма, хотя и выразилъ это въ слегка насмѣшливой формѣ въ статьѣ „Идея сверхчеловѣка“ (Собр. соч., т. VIII, стр. 310 сл.). „Всякая идея сама по себѣ есть вѣдь только умственное *окошко*. Въ окошко экономическаго матеріализма мы видимъ одинъ задній или, какъ французы говорятъ, нижній дворъ (La basse cour) исторіи и современности“. Въ этихъ добродушно-насмѣшливыхъ словахъ мы находимъ однако такое признаніе особой правды экономическаго матеріализма, его своеобразнаго философскаго мотива, котораго не встрѣчается у идеалистическихъ философовъ. Но, конечно, и Соловьевъ ошибался, полагая, что „идея“ экономическаго матеріализма „обращена лишь на текущее и настоящее“ (тамъ же), но не на будущее; здѣсь многому онъ могъ бы научиться отъ столь вліявшаго на него мыслителя Н. Ѳ. Ѳедорова, міровоззрѣніе котораго, безспорно, включаетъ въ себя нѣкоторые философскіе элементы, общіе съ экономическимъ матеріализмомъ (ср. мои „Два града“, т. II).

бы его частный случай, его можно было бы поэтому назвать *экономическимъ прагматизмомъ*. И этимъ вліятельнымъ, хотя и не глубокимъ философскимъ ученіемъ нашихъ дней съ новой стороны подчеркивается значительность и жизненность основного мотива экономическаго матеріализма. [2])

Экономическій матеріализмъ, какъ философское ученіе, оріентируетъ философію на фактѣ хозяйства. Притомъ для него это не есть лишь одна изъ возможныхъ философскихъ оріентировокъ, допускающая рядомъ и другія, она есть вообще единственно возможная оріентировка, философія хозяйства есть сущая истина (хотя въ обиходѣ экономическаго матеріализма и не имѣется такихъ выраженій), это есть философія κατ' ἐξοχήν, абсолютная философская система, постигающая тайну бытія и раскрывающая ее въ научной системѣ. Здѣсь слышенъ отзвукъ Гегеля съ его притязаніемъ на абсолютность своей системы, а потому на ея единственность. Утерявъ многія сильныя стороны гегельянства, экономическій матеріализмъ удержалъ эту его притязательность, его абсолютизмъ. Вмѣстѣ съ гегельянствомъ онъ раздѣляетъ и отличающій послѣднее крайній интеллектуализмъ: несмотря на ирраціональный характеръ основного фактора исторіи, именно развитія производительныхъ силъ, которое совершается съ слѣпой механической необходимостью, экономическій матеріализмъ однако не сомнѣвается, что эта ирраціональная дѣйствительность, всегда запутанная всевозможными иллюзорными идеологіями, въ немъ получаетъ свое адэкватное и притомъ вполнѣ раціональное выраженіе, не допускающее уже никакого темнаго, нераціонализируемаго остатка или основы и не оставляющее мѣста ни для какихъ тайнъ. Тайна жизни вполнѣ раскрыта экономическимъ матеріализмомъ. Сравнительно съ интеллектуализмомъ гегельянства, для котораго мышленіе равно бытію, все разумное дѣйствительно, а все дѣйствительное разумно, этотъ интеллектуализмъ, вмѣсто панлогизма утверждающій пан-алогизмъ, всеобщую слѣпоту и ирраціональность, оказывается, конечно, обремененнымъ противорѣчіемъ, котораго не зналъ Гегель. Эту черту экономическій матеріализмъ раздѣляетъ, впрочемъ, со всѣмъ матеріализмомъ какъ до-Гегелевскаго, такъ и послѣ-Гегелевскаго толка.

II.

Экономическій матеріализмъ по своему смыслу представляетъ собой философію исторіи метафизическаго или ужъ во всякомъ случаѣ мета-

[2]) Сближеніе между прагматизмомъ и экономическимъ матеріализмомъ, выясняющееся изъ сопоставленія основъ обоихъ ученій, съ особенной наглядностью выступаетъ въ извѣстныхъ тезисахъ Маркса о Фейербахѣ, напечатанныхъ Энгельсомъ въ приложеніи въ брошюрѣ: *Fr. Engels:* „L. Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie".

эмпирическаго характера, такъ сказать, *историческую онтологію*. Этому не мѣшаетъ то, что, слѣдуя духу времени съ его реакціей идеализму, подъ сильнымъ вліяніемъ матеріалистически окрашеннаго позитивизма Фейербаха, творцы экономическаго матеріализма объявляли войну всякой метафизикѣ и видѣли въ немъ ея ниспроверженіе. Они полагали, что въ немъ вскрываются матеріальные корни всякой метафизики и тѣмъ изобличается ея иллюзорно-идеологическій характеръ. Въ дѣйствительности, однако, экономическій матеріализмъ представляетъ собой, какъ и вообще матеріализмъ, лишь наивную или догматическую метафизику, не сознавая, однако, своей собственной природы. Исторія философіи полна примѣрами подобнаго рода безсознательной метафизики. Экономическій матеріализмъ ставитъ себѣ проблему несомнѣнно метафизическаго характера, точь-въ-точь ту же самую, которую разрѣшаетъ въ своей сознательно метафизической философіи исторіи Гегель. Знаменитое „поставленіе вверхъ ногами“ (auf den Kopf stellen) Гегеля, которое приписываетъ себѣ Марксъ, касается лишь *содержанія* ученія, именно роль всемірнаго духа приписывается экономическому базису, но *не его проблемы*, которая остается совершенно тою же самой. Марксизмъ въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, есть заново перелицованное гегельянство (конечно, только въ философіи исторіи). Достаточно ближе вникнуть въ сущность философіи исторіи Гегеля, чтобы убѣдиться, какъ велико это сродство и это вліяніе. Первый вопросъ, который Гегель ставитъ въ философіи исторіи, таковъ: каковъ смыслъ всемірной исторіи, что въ ней происходитъ или что̀ изъ нея получается? Въ соотвѣтствіи общему содержанію своей философіи, согласно которой всемірный духъ приходитъ въ самосознаніе, лишь осуществляя себя путемъ свободы, Гегель отвѣчаетъ: „всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы“. Эту мысль, даже эту формулу заимствуютъ у него (конечно, чисто внѣшнимъ образомъ) Марксъ и Энгельсъ, которые говорятъ о „прыжкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы“, причемъ послѣднее отожествляется у нихъ съ соціалистическимъ „государствомъ будущаго“. При всемъ отрицаніи исторической телеологіи и при всемъ стремленіи удержаться на механическомъ („естественно-научномъ“, т.-е. чисто каузальномъ) пониманіи исторіи, общая ея концепція здѣсь также оказывается имманентно-телеологической: исторія не разыгрывается въ пустую, но ведетъ къ опредѣленной, внутренно закономѣрной цѣли. Второй вопросъ, который ставитъ Гегель въ своей философіи исторіи, таковъ: какъ совершается ходъ исторіи, какими средствами осуществляется ея цѣль? По Гегелю, матеріаломъ исторіи являются человѣческіе интересы, отдѣльныя потребности, всевозможные эгоистическіе мотивы, а также движенія страстей, создающія собой историческихъ дѣятелей. Эти частные мотивы, конечно, совершенно не

совпадаютъ съ задачами исторіи, и люди не вѣдаютъ о нихъ, только у великихъ людей ихъ частныя цѣли „содержатъ въ себѣ субстанціальный элементъ, составляющій волю мірового духа". Но эта послѣдняя пользуется человѣческими стремленіями и интересами въ своихъ видахъ; сами того не сознавая, люди осуществляютъ ея стремленія, и въ этомъ состоитъ „хитрость разума" (List der Vernunft), заставляющая людей помимо вѣдома исполнять его намѣренія. Это—объективная, надъ-эмпирическая, метафизическая закономѣрность исторіи. Экономическій матеріализмъ эту идею ассимилируетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ также утверждаетъ, что исторія есть игра страстей и интересовъ, которая въ совокупности своей образуетъ борьбу экономическихъ классовъ. Въ исторіи дѣйствуетъ закономѣрность, идущая далѣе частныхъ цѣлей отдѣльныхъ лицъ или группъ, и эта закономѣрность опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ, которое проходитъ свои ступени, аналогичныя фазисамъ самосознанія всемірнаго духа. И здѣсь дѣйствуетъ „хитрость", только не разума, но экономическаго базиса. Марксъ, сосредоточившій все свое вниманіе на отличіи своего ученія отъ гегелевскаго по содержанію, незамѣтно для себя принялъ изъ него безъ критики то, что гораздо важнѣе содержанія, *метафизическую постановку* проблемы, совершенно въ духѣ гегелевскаго онтологизма, и въ этомъ онъ опять-таки не отличается отъ всего послѣ-гегелевскаго матеріализма, который тоже „поставилъ на голову" гегелевскій идеализмъ и на его же проблемы далъ лишь новый отвѣтъ. Какъ философія исторіи, экономическій матеріализмъ есть не эмпирическая, научно-позитивная теорія историческаго развитія, но онтологическая, это—самая важная его философская особенность. Какъ онтологическая метафизика, онъ раздѣляетъ общую судьбу со всѣми онтологическими системами: спиритуалистическими, матеріалистическими, идеалистическими ли, все равно. Предъ судомъ послѣдовательнаго позитивизма или неокантіанскаго критицизма онъ одинаково недозволителенъ и „ненаученъ", какъ философія Шеллинга, Шопенгауера, Гегеля, Соловьева, Гартмана и т. д., ибо онъ спрашиваетъ о томъ, о чемъ нельзя спрашивать съ надеждой получить научный отвѣтъ, именно о томъ, что̀ стоитъ за историческими явленіями, составляя ихъ метаэмпирическую, метафизическую основу. Проблема экономическаго матеріализма въ сущности такова: что стоитъ за видимой пестротой и многообразіемъ историческихъ явленій? какова *единая* закономѣрность, связывающая запутанную множественность, непосредственныхъ, ближайшихъ причинъ и ихъ обосновывающая? Это есть не только метафизика исторіи вообще, но и притомъ опредѣленнаго, именно *монистическаго* типа: отъ Гегеля она унаслѣдовала этотъ монизмъ, въ соединеніи съ діалектическимъ „методомъ" (хотя гегелевская діалектика наивно принята здѣсь

за обыкновенный эволюціонизмъ, какъ ни мало общаго она съ нимъ имѣетъ), почему она называетъ себя иногда „діалектическимъ матеріализмомъ“. И центральное ученіе экономическаго матеріализма о „базисѣ и надстройкѣ“ отвѣчаетъ именно на эту онтологическую проблему. Согласно этому ученію вся историческая жизнь человѣчества въ ея внѣшнихъ и внутреннихъ, политическихъ и соціальныхъ, культурныхъ и духовныхъ проявленіяхъ есть лишь надстройка надъ экономическимъ базисомъ, слѣдовательно, не имѣетъ самостоятельнаго метафизическаго бытія, есть только „рефлексъ“, т.-е. оказывается онтологически обусловлена совершенно въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ всѣ эмпирическія событія исторіи у Гегеля обусловлены побѣднымъ шествіемъ всемірнаго духа, проходящаго разныя фазы своего развитія. Этимъ утвержденіемъ ни Марксъ, ни Гегель отнюдь не отрицаютъ феноменальнаго бытія всего того, что ими не признается самостоятельно существующимъ въ онтологическомъ смыслѣ, или что есть только рефлексъ. Все, что является „надстройкой“,—и государство, и право, и религія, и мораль,—все это и въ экономическомъ матеріализмѣ не объявляется несуществующимъ, напротивъ, и для Маркса вся эмпирическая пестрота исторіи существуетъ такъ же, какъ и для всѣхъ, и непосредственная причинная связь историческихъ событій являетъ картину множественности причинъ, запутанности событій, которую нельзя уложить ни въ какую монистическую схему. Эмпирическая исторія имѣетъ свой „прагматизмъ“ событій, который и устанавливается исторической наукой. Причинность „экономическаго базиса“ существуетъ только „in letzter Instanz“, а вовсе не лежитъ на поверхности. Это можно перевести на философскій языкъ только такъ: *она имѣетъ метафизическое, а не эмпирическое значеніе*, она не связываетъ непосредственно явленій, но стоитъ за явленіями какъ ихъ нуменальная основа. Отношеніе базиса къ надстройкѣ таково, какъ отношеніе Ding an sich и явленій въ системѣ Канта или, еще опредѣленнѣе, въ системѣ Шопенгауера: экономическій базисъ есть нуменъ исторіи, лежащій въ основѣ всѣхъ ея феноменовъ и ихъ собою порождающій, и отношеніе, существующее между нуменомъ и феноменами, міромъ интеллигибельнымъ и эмпирическимъ, конечно, не можетъ быть приравнено эмпирической причинности исторіи; если характеризовать и это отношеніе понятіемъ причинности, то слѣдуетъ прибавить, что онтологическая причинность лежитъ очень глубоко и потому не слѣдуетъ искать ее на поверхности. А здѣсь мы можемъ имѣть совершенно иную картину причинности, множественную, пеструю, не раскрывающую, а скорѣе закрывающую единую истинную, нуменальную причинность, дѣйствующую „in letzter Instanz“. Чтобы познать ее, нужно умѣть заглянуть въ глубину, во внутрь механизма, и лишь послѣ того, какъ будетъ познана—не научно-эмпирическимъ,

но спекулятивнымъ или интуитивнымъ путемъ—эта Ding an sich, ея незримое вѣяніе будетъ почувствовано и въ эмпирической дѣйствительности, и послѣдняя станетъ понятна по своему внутреннему смыслу. Такъ построяются вообще системы метафизики исторіи, напримѣръ, у Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гартмана, Владиміра Соловьева или, ранѣе, у блаж. Августина, у Боссюэта, у Гердера. Такой же смыслъ получаетъ и теорія экономическаго матеріализма или, по крайней мѣрѣ, одна ея сторона, по нашему мнѣнію, наиболѣе существенная и характерная. Однако, благодаря отсутствію философской ясности въ постановкѣ и расчлененіи проблемы, въ теоріи экономическаго матеріализма даже у Маркса и Энгельса (не говоря уже объ ихъ послѣдователяхъ) можно замѣтить нѣсколько различныхъ порядковъ мысли, которые плохо между собой мирятся, но постоянно перекрещиваются. Прежде всего сюда относится мнимая *научность* экономическаго матеріализма, которою онъ такъ кичится, которую такъ старательно подчеркиваетъ въ сумбурной идеѣ научнаго соціализма, или соціализма какъ науки. Экономическій матеріализмъ какъ наука, слѣдовательно, какъ совокупность обобщеній относительно фактическаго хода исторіи, сводящихъ ее главнымъ образомъ къ экономическому развитію, есть нѣчто, совершенно отличное отъ него же, какъ метафизики, и смѣшеніе научной и метафизической теоріи, которое здѣсь совершается, приводитъ къ совершенно непреодолимымъ трудностямъ, и, прежде всего, методологическаго характера. Если экономическій матеріализмъ хочетъ быть теоріей историческаго развитія, научнымъ истолкованіемъ фактовъ или ихъ „обобщеніемъ“, то очевидно, что такого рода теорія, какого бы то ни было содержанія, не выставляется a priori, ante facta, но можетъ быть отстаиваема только post facta. Она получается только какъ результатъ научнаго изслѣдованія и притомъ имѣетъ силу только въ его предѣлахъ. Она сохраняетъ характеръ „неполнаго наведенія“, donec corrigetur, и поэтому всегда можетъ быть опровергнута новыми фактами. Говоря принципіально, для этого довольно даже одного факта, ей противорѣчащаго, какъ его достаточно и для ниспроверженія любого даже изъ наиболѣе крѣпко установленныхъ эмпирическихъ „законовъ“ естествознанія, хотя бы закона тяготѣнія. Очевидно, подобный законъ никогда не можетъ притязать на такое универсальное значеніе a priori, на какое съ самаго начала, и притомъ до изслѣдованій, въ кредитъ, сталъ притязать экономическій матеріализмъ. Нельзя, провозглашая свою научность, въ то же время попирать ея элементарныя требованія. Универсальность и притязательность экономическаго матеріализма можетъ быть понятна и въ извѣстномъ смыслѣ оправдана лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ видѣть въ немъ метафизику исторіи, ибо, какъ указано выше, метафизическія положенія опираются не на научно-эмпирическія осно-

ванія и даже по своему объясняютъ эмпирію. Но отстаивать права и притязанія метафизики подъ флагомъ опытной науки—это значитъ впадать по меньшей мѣрѣ въ недоразумѣніе. Въ этомъ пунктѣ Марксъ дѣйствительно ставитъ Гегеля вверхъ ногами и притомъ дѣлаетъ это гораздо радикальнѣе, нежели при замѣнѣ всемірнаго духа экономическимъ базисомъ въ своей метафизикѣ исторіи. Превращеніе экономическаго матеріализма въ научно-эмпирическую теорію, въ науку, неизбѣжно должно было повести и къ его измельчанію въ сравненіи съ первоначальнымъ замысломъ. Транспонированный въ этомъ тонѣ, онъ утрачиваетъ величественный духъ Гегеля, но въ него вселяется совсѣмъ не величественный духъ Іер. Бентама съ его моральной ариѳметикой, вмѣстѣ съ меркантильнымъ духомъ классической политической экономіи. Въ экономическомъ матеріализмѣ духъ Гегеля борется съ чуждымъ ему духомъ Бентама и Рикардо, причемъ фактическая побѣда остается за послѣдними. Но это и приводитъ экономическій матеріализмъ къ философскому разложенію, потому что нельзя одновременно находиться въ двухъ плоскостяхъ, пытаясь совмѣстить несовмѣстимыя между собою черты. Экономическій матеріализмъ въ бентамизмѣ вульгаризуется и принимаетъ рѣзкія, угловатыя и нерѣдко каррикатурныя формы. Онъ вырождается въ стремленіе объяснять все изъ жадности и видѣть одну экономическую подоплеку въ величайшихъ движеніяхъ исторіи: исторія реформаціи превращается въ исторію свиноводства и землевладѣнія XVI вѣка, а исторія первохристіанства—въ исторію рабства, латифундій и пролетаріата въ Римской имперіи и т. п. Бентамъ училъ о томъ, что человѣкъ руководится въ своей дѣятельности исключительно соображеніями выгоды и пользы, хотя бы въ самомъ широкомъ смыслѣ, и въ нихъ онъ видѣлъ критерій нравственности. Онъ былъ убѣжденъ, далѣе, что человѣческіе мотивы поддаются точному исчисленію, и понималъ соціологію какъ нравственную ариѳметику. Въ ней утилитаризмъ съ воодушевленіемъ не меньшимъ, чѣмъ въ экономическомъ матеріализмѣ, мнилъ найти универсальное истолкованіе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Бентамовскую идею объ интересѣ, какъ основномъ двигателѣ человѣческой психологіи, перевела на свой языкъ фритредерская политическая экономія съ Рикардо во главѣ. Появилась фикція „экономическаго человѣка“, бентамиста въ области хозяйства, и такъ какъ политическая экономія разсматривала жизнь только чрезъ очки своего спеціальнаго научнаго интереса, забывая или игнорируя все остальное, то и получалось иногда впечатлѣніе, что экономическій человѣкъ для нея есть вообще человѣкъ или что по природѣ онъ есть только хозяйственный эгоистъ. [1]) Экономическій матеріализмъ, какъ

[1]) Ад. Смитъ изолировалъ симпатическую или альтруистическую сторону человѣка отъ эгоистической или экономической. Первую онъ подвергнулъ обособляющему изуче-

соціальный бентамизмъ, эту же самую идею, не подвергая ея критическому изслѣдованію, распространилъ съ индивидовъ на общественныя группы и сталъ говорить не о личномъ, но уже о классовомъ интересѣ. Исторія, которая Бентаму представлялась какъ борьба интересовъ отдѣльныхъ лицъ, у Маркса стала разсматриваться какъ борьба классовъ, появилась идея классовой борьбы въ качествѣ объясненія историческаго процесса. Изъ этой, догматически принятой предпосылки вытекаетъ методологическое правило: искать для всякаго историческаго явленія подпочвы въ классовой борьбѣ и въ экономическомъ базисѣ и не успокаиваться до тѣхъ поръ, пока она не будетъ такъ или иначе обнаружена. И такъ какъ при эластичности, а нерѣдко и скудости историческаго матеріала почти всегда можно въ немъ увидѣть то, въ наличности чего напередъ убѣжденъ,—историческая кухня въ этомъ отношеніи гораздо снисходительнѣе, чѣмъ естественно-научная лабораторія,—то мы и имѣемъ цѣлую литературу экономическихъ истолкованій различныхъ явленій исторіи: права, религіи, литературы, искусства. Старыя путы метафизики Гегеля, вслухъ отвергаемой, цѣлы и теперь, и наличность quasi-научнаго, а въ дѣйствительности метафизическаго апріори экономическаго матеріализма съ его „діалектическимъ методомъ“ (этимъ чудовищнымъ недоразумѣніемъ) вноситъ тенденціозность въ научное изслѣдованіе, отъ которой свободны и открытая, сознательная метафизика и настоящій, послѣдовательный научный эмпиризмъ. Но, конечно, помимо экономическаго матеріализма, какъ монистической метафизики исторіи, съ ея соціальнымъ бентамизмомъ, требующимъ все сводить къ экономическимъ интересамъ и ради обличенія послѣднихъ чинящимъ своеобразный экономическій сыскъ надъ исторіей, существуетъ и дѣйствительно научное направленіе въ исторіографіи, останавливающееся наиболѣе охотно на экономической сторонѣ исторіи. Этотъ историческій экономизмъ не притязаетъ ни на какую апріорную монистическую философію исторіи. Онъ интересуется экономической стороной исторіи просто лишь по мотивамъ историческаго реализма, въ виду той неоспоримой жизненной важности, которую имѣетъ хозяйство, но ему остается чуждо стремленіе къ методологическому монизму, къ вытягиванію исторіи во что бы то ни стало на прокрустово ложе экономическихъ интересовъ. Напротивъ, онъ легко мирится—или, по крайней мѣрѣ, долженъ мириться—съ эмпирическимъ плюрализмомъ, съ признаніемъ множественности историческихъ причинъ или факторовъ и ихъ многообраз-

---

нію въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, вторую—въ „Богатствѣ народовъ“. Его продолжатели совершенно позабыли про это раздѣленіе (конечно, тоже весьма спорное) и методологическую предпосылку „Богатства народовъ“ при помощи Бентама превратили въ общее ученіе о человѣкѣ.

паго взаимодѣйствія. Экономическое направленіе въ исторіи хотя и часто смѣшивается съ экономическимъ матеріализмомъ, въ дѣйствительности совершенно ему чуждо, ибо оно всецѣло остается въ области „историческаго прагматизма“ и ни на какую философію исторіи не притязаетъ. И именно въ этомъ направленіи, въ силу его научной непредвзятости, и производятся наиболѣе цѣнныя изслѣдованія, раскрывающія дѣйствительное значеніе хозяйства въ историческомъ развитіи и двигающія впередъ экономическую исторію.

Итакъ, экономическій матеріализмъ есть метафизика исторіи, которая, не сознавая своего дѣйствительнаго характера, считаетъ себя наукой, но не становится всецѣло ни той, ни другой. Въ этой его двойственности заложено противорѣчіе, его разъѣдающее. Но въ этомъ отношеніи его судьба вообще поучительна и для всякой „теоріи историческаго процесса“. Насколько она дѣйствительно научна, т.-е. индуктивна, она отражаетъ на себѣ состояніе изслѣдованія въ данную эпоху и не уполномочена притязать на утвержденія болѣе общаго значенія. Всякое же общее утвержденіе явнымъ образомъ выводитъ за предѣлы строгой эмпиріи и должно быть возведено къ предположеніямъ болѣе общаго характера, устанавливаемымъ философіей. Другими словами, всякое общее ученіе исторической философіи есть уже метафизика исторіи—все равно, выставляется ли оно Гегелемъ или Контомъ, Марксомъ или Гердеромъ, Боссюэтомъ или Лассалемъ. И надо смотрѣть на это открытыми глазами. [1])

III.

Основная мысль экономическаго матеріализма въ томъ, что хозяйству принадлежитъ опредѣляющая роль въ исторіи и въ жизни, или что вся культура имѣетъ хозяйственную природу, носитъ на себѣ ея отпечатокъ. Онъ понимаетъ міръ, какъ хозяйство. Взятая по существу и освобожденная отъ каррикатурности и извращеній, эта мысль глубока и значительна, и потому она способна къ дальнѣйшему развитію и углубленію. Въ экономическомъ матеріализмѣ находитъ выраженіе чувство неволи бытія въ плѣну стихій, въ оковахъ хозяйственной необходимости, въ немъ отражается трагизмъ смертной, а потому обреченной на постоянную борьбу со смертью, жизни. Ему присуща та особая и суровая честность пессимизма, которая не боится горькой истины, хотя, впрочемъ, и сами творцы, и теперешніе послѣдователи эко-

---

[1]) Ср. нашъ очеркъ „Основныя проблемы теоріи прогресса“ въ „Проблемахъ идеализма“ и въ сборникѣ „Отъ марксизма къ идеализму“. Спб., 1903 г.

номическаго матеріализма недостаточно сознаютъ всю пессимистичность своей доктрины (впрочемъ, источникъ ихъ оптимистическаго настроенія заключается не столько въ истинахъ экономическаго матеріализма, сколько въ вѣрѣ въ его преодолимость въ исторіи посредствомъ „прыжка изъ необходимости въ свободу“, другими словами, въ соціалистической эсхатологіи, лишь механически связанной съ этой доктриной). Хозяйство, т.-е. трудовая защита и расширеніе жизни, трудовое творчество жизни, есть общій удѣлъ человѣчества, и хозяйственное, т.-е. трудовое отношеніе къ міру есть первоначальное и самое общее его самоопредѣленіе. Человѣкъ ничего не творитъ заново, чего бы уже не было въ природѣ въ скрытомъ или потенціальномъ видѣ, но онъ выявляетъ эти силы жизни и осуществляетъ ея возможности только трудомъ, и этотъ трудъ, направляемый одинаково какъ на внѣшній міръ, такъ и на самого себя, затрачиваемый на производство какъ матеріальныхъ благъ, такъ и духовныхъ цѣнностей, и создаетъ то, что, въ противоположность природѣ, т.-е. первоначальному, данному и даровому, носитъ названіе культуры. Культура лишь трудомъ человѣчества высѣкается изъ природы, и въ этомъ смыслѣ можно сказать вмѣстѣ съ экономическимъ матеріализмомъ, что вся культура есть хозяйство. Хозяйственный трудъ, или культурное творчество человѣчества, порождается и поддерживается потребностью жизни въ самозащитѣ и саморасширеніи. Естественно при этомъ, что онъ обнаруживаетъ ростъ, имѣетъ свои градаціи, на каждой данной ступени развитія ему свойственна общая соціальная связность, или соціальная организація, какъ это совершенно вѣрно подмѣчено въ экономическомъ матеріализмѣ. Опредѣлять общія основы хозяйственнаго процесса есть дѣло философіи хозяйства съ ея своеобразными проблемами, установлять же связность и взаимную зависимость разныхъ проявленій хозяйственнаго труда или, что то же, разныхъ сторонъ культуры есть дѣло эмпирической науки, конкретной исторіи, и выставлять здѣсь теорію апріори, иначе какъ въ формѣ безсодержательныхъ общихъ мѣстъ, невозможно по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ вообще исторія не можетъ быть установляема апріори. Изъ необходимости и всеобщности хозяйственнаго отношенія къ міру проистекаетъ цѣлый рядъ послѣдствій, а въ то же время она имѣетъ цѣлый рядъ предпосылокъ, и тѣ и другія и должна вскрывать философія хозяйства. Однако, натолкнувшись здѣсь на столь важную тему, экономическій матеріализмъ сбивается съ правильнаго пути и переходитъ къ совсѣмъ другому порядку мыслей. Его несчастіе при этомъ состоитъ въ томъ, что, вмѣсто того чтобы поставить въ центрѣ вниманія именно проблему хозяйства со всѣми его предпосылками и дать самостоятельный философскій ея анализъ, экономическій матеріализмъ беретъ понятіе хозяйства уже готовымъ изъ

спеціальной науки, именно изъ политической экономіи. Марксъ-политикоэкономъ парализуетъ здѣсь Маркса-философа, и ужъ еще въ большей степени слѣдуетъ это сказать про его послѣдователей. Но то условное, научно-прагматическое понятіе хозяйства, хозяйственнаго труда, производительныхъ силъ, которымъ располагаетъ политическая экономія, можетъ быть, и достаточно для ея спеціальныхъ цѣлей, но имѣетъ значеніе только въ предѣлахъ этой спеціальной постановки вопроса, которая считается лишь съ вполнѣ опредѣленными задачами, но, конечно, не беретъ вопроса въ его философской широтѣ. Ибо, если философская постановка вопроса интересуется связью изучаемыхъ явленій съ цѣлымъ, то спеціально-научная имѣетъ преднамѣренно односторонній характеръ, носитъ слѣды научнаго прагматизма. Политическая экономія можетъ для себя удовлетвориться такимъ представленіемъ о трудѣ, какое мы находимъ, напримѣръ, у Ад. Смита, Рикардо, Родбертуса или Маркса. Хозяйственный трудъ здѣсь есть трудъ, направленный на производство только матеріальныхъ благъ, или мѣновыхъ цѣнностей (почему и философія хозяйства безъ всякихъ разговоровъ именуется экономическимъ *матеріализмомъ*, хотя въ дѣйствительности она вовсе не есть непремѣнно матеріализмъ, такъ какъ и само хозяйство есть процессъ столько же матеріальный, сколько духовный). При этомъ политическая экономія можетъ вовсе и не задаваться общимъ вопросомъ о томъ, какъ возможенъ трудъ (подобно тому какъ каждая спеціальная наука не спрашиваетъ, какъ вообще возможно познаніе) или каковы отношенія человѣка къ природѣ, какія общія возможности ими намѣчаются. Политическая экономія остается чужда философской антропологіи (она располагаетъ только методологической фикціей „экономическаго человѣка“, которая, даже если она и пригодна для ея цѣлей, страдаетъ очевидной и преднамѣренной односторонностью) и еще болѣе далека отъ всякой натурфилософіи,—природа безъ дальнихъ разсужденій разсматривается въ ней какъ мастерская или кладовая для сырыхъ матеріаловъ, словомъ, только какъ возможность хозяйственнаго труда. Этотъ трудъ она считаетъ главнымъ, даже практически единственнымъ факторомъ производства, имѣющимъ значеніе съ точки зрѣнія человѣческаго хозяйства: отсюда Смитовское опредѣленіе богатства какъ годового труда, отсюда необыкновенная живучесть апріорно принимаемыхъ „трудовыхъ“ теорій цѣнности, труда, капитала прибыли. Отсюда классическое опредѣленіе Родбертуса: „alle wirtschaftliche Güter Arbeitsprodukt sind“. [1]) Политическая экономія разсуждаетъ здѣсь столь же условно и прагматически, какъ тотъ земледѣлецъ, который связываетъ

---

[1]) *C. Rodbertus-Jagetzow.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. Th. I, 2-te Aufl. Hrsg. von M. Wirth. Berlin, 1899. S. 104.

свой урожай только съ фактомъ своего посѣва, хотя очевидно, насколько недостаточно этого представленія для пониманія всего процесса произрастанія растеній.

Экономическій матеріализмъ беретъ хозяйство въ политикоэкономическомъ смыслѣ и этимъ обрекается, дѣйствительно, на безпросвѣтный матеріализмъ. Его задачей въ такомъ случаѣ неизбѣжно оказывается не изслѣдованіе хозяйственной стороны жизни, какъ проблемы философіи хозяйства, но натягиваніе доказательствъ per fas et nefas относительно зависимости всей жизни и всей культуры отъ хозяйства въ политикоэкономическомъ смыслѣ, и экономическая наука для философіи исторіи естественно получаетъ здѣсь то же значеніе, что логика въ философіи Гегеля, т.-е. онтологіи исторіи. [1]) Понятія формъ производства, съ „діалектической“ необходимостью смѣняющихъ другъ друга на извѣстной ступени „развитія производительныхъ силъ“, очевидно, выработаны на верстакѣ политической экономіи для ея нуждъ, но теперь оказывается необходимымъ пристегивать къ нимъ всю духовную исторію человѣчества, разрѣзая ее на куски въ соотвѣтствіи этимъ политикоэкономическимъ схемамъ. Но, конечно, политической экономіи въ дѣйствительности вовсе не принадлежитъ значеніе исторической онтологіи, она есть лишь спеціальная наука, какъ всякая другая, и эта попытка такого ея превращенія въ онтологію неизбѣжно ведетъ къ ряду натяжекъ, извращеній, насилій надъ фактами.

Это незаконное употребленіе понятій политической экономіи въ качествѣ исчерпывающихъ категорій философіи хозяйства совершенно закрываетъ логическіе горизонты для экономическаго матеріализма. Онъ остается логически скованъ ими, видя передъ собой готовыя уже и исчерпывающія категоріи тамъ, гдѣ должны бы еще стоять проблемы. Онъ обрекается этимъ на логическое несовершеннолѣтіе и остается „невыработаннымъ и незаконченнымъ“ (unfertig und nicht ausgedacht),

---

[1]) Типичнымъ примѣромъ такого примѣненія политикоэкономическихъ понятій въ качествѣ ключа, открывающаго двери ко всѣмъ замкамъ исторіи, можно сказать, прямо въ качествѣ нумена исторіи, имѣемъ мы въ извѣстномъ сужденіи Маркса объ отношеніи хозяйства къ религіи и о христіанствѣ какъ религіи товарнаго производства. „Для общества товаропроизводителей, общественное производственное отношеніе котораго заключается въ томъ, что они относятся къ своимъ продуктамъ какъ товарамъ, т.-е къ цѣнностямъ, и въ этой вещной формѣ относятъ одну къ другой свои частныя работы, какъ одинаковый человѣческій трудъ,—для такого общества христіанство съ своимъ культомъ абстрактнаго человѣка, особенно христіанство въ его буржуазной формѣ—протестантизмѣ, деизмѣ и т. д., представляетъ самую подходящую религію“ (Капиталъ, т. I, пер. подъ ред. П. Струве, стр. 41). Въ этомъ парадоксѣ Марксъ даетъ карикатуру на самого себя, хотя, къ сожалѣнію, послѣдователи его не только не замѣтили этого ненамѣреннаго шаржа, но стали его еще усиливать.

какъ его характеризовалъ еще Штаммлеръ. [1]) Но онъ имѣлъ въ виду при этомъ лишь невыработанность критической формы, гнесеологическую сторону, наше же сужденіе касается и самаго существа. Благодаря примѣненію негодныхъ средствъ, именно спеціально научныхъ понятій къ разрѣшенію проблемъ философіи хозяйства, экономическій матеріализмъ проходитъ мимо дѣйствительныхъ проблемъ, ихъ не замѣчая; но создаетъ для себя цѣлый рядъ вымышленныхъ, невѣрно поставленныхъ и безнадежныхъ для разрѣшенія проблемъ, стремясь изобразить міръ какъ онъ есть, но въ то же время глядя на него черезъ окрашенныя очки. Таково происхожденіе всевозможныхъ опытовъ экономическаго истолкованія исторіи. Экономическій матеріализмъ въ этомъ смыслѣ есть не что иное, какъ философская манія величія, развившаяся у политической экономіи, которая возвела себя въ рангъ исторической онтологіи. И здѣсь Гегель оказался дѣйствительно поставленъ вверхъ ногами: у него такое онтологическое значеніе имѣла логика, однако не какъ спеціальная наука, какую мы знаемъ теперь, но какъ ученіе объ общихъ формахъ *мышленія—бытія*, у Маркса же это значеніе получила политическая экономія просто какъ спеціальная наука.

IV.

Экономическій матеріализмъ хочетъ быть философіей *исторіи*, „матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи“ (materialistische Geschichtsauffassung); между тѣмъ какъ по логической своей структурѣ, онъ представляетъ собой доктрину соціологическую а не историческую. Онъ стремится, согласно мысли Маркса, превратить соціальную науку, включая сюда и исторію, въ естествознаніе, т.-е. установить однообразные, неизмѣнные законы соціальной жизни, по которымъ можетъ быть напередъ предустанавливаемо все совершающееся въ исторіи. Законы эти должны быть одинаково пригодны и для діагноза и для прогноза; напавъ на „законъ развитія“ общества, можно научно предустановлять его будущее, и потому передовая страна показываетъ путь будущаго развитія отсталой. „Подъ естествознаніемъ“ здѣсь, очевидно, разумѣется такое разсмотрѣніе событій, при которомъ они берутся лишь со стороны своего сходства, своей общности между собою, или *типичности*, а не со стороны своей индивидуальной неповторяемости, налагающей на нихъ печать историзма. Дѣлается молчаливая предпосылка о томъ, что всѣ элементы исторіи могутъ быть естественно-научно учитаны и исчис-

[1]) *R. Stammler.* Recht und Wirtschaft nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 1896.

лены, такъ что, слѣдуетъ далѣе признать на основаніи этого, въ исторіи не можетъ быть ничего принципіально новаго, нѣтъ мѣста ни для какого творчества. Эту предпосылку дѣлаетъ всякая соціологическая наука при образованіи своихъ понятій, а въ частности и „теоретическая“ политическая экономія. Въ извѣстныхъ границахъ, опредѣляемыхъ научной цѣлесообразностью, пріемъ этотъ является допустимымъ и не можетъ вызывать противъ себя возраженій, однако при томъ условіи, если не смѣшиваются при этомъ разныя вещи. Но только въ результатѣ этого смѣшенія заходитъ рѣчь о „соціологическихъ законахъ исторіи“ или объ „исторіи какъ соціологіи“. Понятія историческаго и соціологическаго взаимно отталкиваются и другъ друга исключаютъ, и соединять ихъ вмѣстѣ, какъ это дѣлаютъ иногда, значитъ—говорить логическій non-sens и объявлять войну закону противорѣчія. Соціологическими средствами можно освѣщать извѣстныя стороны исторіи, приближаться къ ея пониманію въ томъ, что въ ней является повторяемымъ или типичнымъ, но для постиженія конкретной исторіи необходимо опуститься на самое дно индивидуально-историческаго, неповторяемаго. Но тогда надо или вовсе отказаться или, по крайней мѣрѣ, внести существенныя измѣненія и ограниченія въ идею „естественнонаучныхъ законовъ“, составляющую логическій паѳосъ экономическаго матеріализма. Не дойдя въ логическомъ различеніи и противопоставленіи „естественнонаучнаго и историческаго“ до полной ясности (что̀ составляетъ безспорную заслугу основной методологической работы Риккерта), экономическій матеріализмъ постоянно колеблется между пониманіемъ соціологіи какъ исторіи, а исторіи какъ соціологіи. И особенно ясно это сказывается въ темахъ и задачахъ, которыя онъ себѣ ставитъ: въ однихъ случаяхъ здѣсь намѣчается матеріалистическое истолкованіе чуть ли не конкретнаго историческаго явленія—не только христіанской религіи или средневѣковаго рыцарства, но и поэзіи Шекспира или Пушкина, чуть ли не вплоть до экономическаго объясненія отдѣльныхъ произведеній, въ другихъ же подобныя благоглупости находятъ рѣшительное осужденіе отъ самихъ сторонниковъ экономическаго матеріализма, и на первый планъ выступаетъ не то соціологическая, не то метафизическая (ср. выше) „letzte Instanz“, въ которую стыдливо и прячется „экономическій факторъ“. Такъ какъ по первоначальному своему смыслу экономическій матеріализмъ есть метафизика исторіи, чисто метафизическое ученіе о всеобщей исторической закономѣрности, то и превратившись въ научную доктрину, онъ удерживаетъ эту логическую свою особенность, но замѣняетъ метафизическую закономѣрность соціологической, т.-е. тоже метаисторической. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ своемъ пониманіи онъ остается чуждъ подлинной конкретной исторіи и однако желаетъ именно ее объяснять и именно о ней дѣлать науч-

ныя предсказанія. Благодаря этому въ исторіи развитія экономическаго матеріализма накопился такой рядъ неясностей и противорѣчій, которыя не позволяютъ теперь даже съ точностью распознать, каково же истинное логическое лицо экономическаго матеріализма,—онъ оказывается хамелеономъ, постоянно мѣняющимъ свою логическую окраску въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Соціологизмъ экономическаго матеріализма ни въ чемъ не обнаруживается съ такой ясностью, какъ именно въ томъ, что онъ приписываетъ себѣ способность къ научному предсказанію, которое составляетъ его центральный эсхатологическій нервъ,—именно благодаря этому онъ становится исторической философіей соціализма. Но къ чему относится этотъ прогнозъ, какова область его компетенціи? Есть ли это лишь выраженіе соціологической тенденціи развитія, установляемой, во-первыхъ, ceteris paribus, при предположеніи неизмѣнности основныхъ элементовъ развитія (чего мы, конечно, никогда не имѣемъ въ исторіи), а во-вторыхъ, лишь для данной, точно очерченной области отношеній, для данной соціальной „совокупности“, такъ, какъ установляетъ свои прогнозы статистика? Или же, напротивъ, рѣчь идетъ о будущей *жизни* человѣчества, т.-е. о будущей *исторіи*, какъ это, со всей несомнѣнностью, имѣетъ мѣсто въ соціализмѣ, „научно“ предсказывающемъ рай на землѣ и этимъ воодушевляющемъ и зажигающемъ энтузіазмъ въ сердцахъ? Ни то, ни другое или и то, и другое. Изъ тенденціи концентраціи капитала, имѣющей силу лишь для опредѣленной соціальной „совокупности“ и теряющей всякое значеніе за ея предѣлами, не выкроишь научно „земного рая“ и, конечно, нельзя сдѣлать научно никакого заключенія относительно прыжка въ царство свободы и наступленія соціалистическаго элизіума; оно получается, очевидно, лишь благодаря превышенію научной компетенціи, но въ то же время указанная соціологическая основа придаетъ ему все же извѣстное кажущееся наукообразіе, или тотъ оттѣнокъ научности, какую имѣютъ, положимъ, статистическія и иныя массовыя предвидѣнія. Дѣйствительно научные элементы растворены здѣсь въ утопическихъ, но утопическіе облечены маской научныхъ; получается полное смѣшеніе.

V.

Въ связи съ этимъ стоитъ еще противорѣчіе, разъѣдающее экономическій матеріализмъ: съ одной стороны, онъ есть радикальный соціологическій детерминизмъ, на все смотрящій черезъ призму неумолимой, желѣзной необходимости, съ другой—онъ есть не менѣе же радикальный прагматизмъ, философія дѣйствія, которая не можетъ не быть

до извѣстной степени индетерминистична, для которой „міръ пластиченъ“ и нѣтъ ничего окончательно предопредѣленнаго, неумолимаго, неотвратимаго. Экономическій матеріализмъ остается безпомощенъ предъ антиноміей свободы и необходимости, которую онъ носитъ въ себѣ; какъ нѣкій Фаустъ, онъ имѣетъ двѣ души, рвущіяся въ противоположныя стороны. Это затрудненіе сыздавна отмѣчалось въ литературѣ. [1]) Какъ послѣдовательный соціологизмъ, экономическій матеріализмъ совершенно игнорируетъ личность, приравнивая ее къ нулевой величинѣ, quantité negligeable. Личности для него даже не Кондильяковскія статуи, но заводныя куклы, дергающіяся за ниточку экономическихъ интересовъ. Очевидно, при этой концепціи нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни творчеству, ни какому бы то ни было человѣческому прагматизму, надъ всѣмъ царитъ механизмъ. Но, въ то же время, и самый-то экономическій матеріализмъ родился изъ прагматизма, онъ есть лишь средство оріентировки въ цѣляхъ соціальнаго дѣйствія. И это дѣйствіе, увѣряютъ насъ далѣе, въ своей цѣлесообразности сломитъ силу механизма и заставитъ его себя слушаться. Но гдѣ же эта свобода и что есть она? Куда дѣть ее, гдѣ помѣститься ей въ этой пустынѣ всесильной необходимости? Вѣдь побѣда свободы надъ необходимостью какъ разъ и предполагаетъ, какъ свое условіе, наличность ихъ антиноміи, ихъ борьбы, а слѣдовательно одновременное существованіе и извѣстную совмѣстимость свободы и необходимости; но въ экономическомъ матеріализмѣ вовсе нѣтъ мѣста свободѣ. Человѣкъ, какъ онъ изображается здѣсь, оказывается *ниже* антиноміи свободы и необходимости, онъ есть объектъ необходимости, какъ камень, какъ всякій физическій предметъ, а потому въ свѣтѣ этого воззрѣнія совершенно непонятна возможность борьбы съ необходимостью и побѣды надъ ней. Это противорѣчіе стоитъ въ экономическомъ матеріализмѣ въ оголенномъ видѣ и, какъ мы наблюдали это и ранѣе, въ немъ или чередуются, или же прямо соединяются противорѣчивыя версіи. По одной изъ нихъ, колесо исторіи не можетъ быть ни остановлено, ни обращено назадъ, или разъ начавшіеся роды не могутъ остановиться, по другой же оказывается возможно смягчать муки родовъ (но до какой степени?) и можно даже побѣдить необходимость, познавъ ее... „Свобода есть познанная необходимость“, довѣрчиво повторяетъ за Гегелемъ экономическій матеріализмъ, не замѣчая, насколько чуждъ для него и коваренъ этотъ мнимый союзникъ. Но вѣдь и самое познаніе тоже есть дѣйствіе, совершаемое при участіи воли, и въ основѣ познанія лежитъ актъ свободы. Познаніе есть идеальное преодолѣніе

---

[1]) Большое значеніе имѣетъ здѣсь извѣстное изслѣдованіе *Stammler:* „Recht und Wirtschaft nach der materialistischen Geschichtsauffassung“. Ср. о немъ *С. Булгаковъ:* „Отъ марксизма къ идеализму“. 1903 г. *П. Струве:* „На разныя темы“. 1903 г.

слѣпой необходимости, а за нимъ слѣдуетъ и реальное. Поэтому формула о свободѣ какъ познанной необходимости, насквозь прагматична, она пробиваетъ такую брешь въ твердынѣ детерминизма, что для нея становится невозможной оборона,—она должна капитулировать. Этой же неустойчивостью экономическаго матеріализма въ вопросѣ о необходимости объясняется неопредѣленность и его этическаго ученія. Съ одной стороны, экономическій матеріализмъ чуждъ всякой этики, какъ потому, что онъ отрицаетъ подлинность или, по крайней мѣрѣ, самостоятельность всего неэкономическаго, такъ и потому, что этика не можетъ быть соединима съ послѣдовательнымъ детерминизмомъ, и всѣ попытки такого соединенія противорѣчивы. Этика и свобода, т.-е. индетерминизмъ, при которомъ отводится мѣсто принимающей рѣшенія волѣ, т.-е. свободѣ воли, неразрывно связаны между собою. Съ другой стороны, вѣдь это же неоспоримый фактъ, что въ дѣйствительности экономическій матеріализмъ въ своей соціалистической интерпретаціи насквозь этиченъ, и въ частности нельзя не замѣчать огромнаго этическаго темперамента самого Маркса. Соціализмъ по крайней мѣрѣ одной своей стороной всецѣло есть этика хозяйства, ученіе о хозяйственномъ долженствованіи, обращающееся, конечно, къ человѣческой волѣ, т.-е. къ ея свободѣ. Изъ этихъ противорѣчій экономическій матеріализмъ почти даже не дѣлаетъ попытки и выбраться, практически соединяя то, что философски несоединимо. Наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ въ этой области является однако не этика, а гносеологія экономическаго матеріализма. Хотя послѣдній остается чуждъ ей и даже совершенно ее отвергаетъ (уже въ Энгельсовскомъ анти-Дюрингѣ, а еще болѣе въ новѣйшей литературѣ), однако гносеологія не позволяетъ такъ легко себя отвергнуть, она не выпускаетъ изъ своихъ цѣпкихъ когтей, требуя „критической самоотчетности“. Экономическому матеріализму необходимо ни больше, ни меньше, какъ объяснить возможность самого себя. Какимъ образомъ оказывается возможной такая саморефлексія, такое самосознаніе, можно сказать, самооткровеніе природы, какое мы имѣемъ въ теоріи экономическаго матеріализма, если міръ есть только механизмъ, а человѣкъ до конца подлежитъ экономической закономѣрности, и все, что онъ ни дѣлаетъ, что онъ ни думаетъ, хотя бы это и казалось ему имѣющимъ самостоятельное бытіе или значеніе, „въ послѣднемъ счетѣ“ есть лишь надстройка или идеологія, слѣдовательно даже нѣкоторый самообманъ, иллюзія? Какимъ образомъ глина можетъ знать, что дѣлаетъ надъ ней горшечникъ, или машина имѣть сознаніе о своемъ собственномъ механизмѣ? Не значитъ ли это уже возвышаться надъ нимъ, т.-е. уже перестать быть только машиной? Но въ такомъ случаѣ ученіе, провозглашающее принципъ всеобщей машинности, очевидно, невѣрно, потому что уже само оно сверхмашинно, а слѣдовательно и само оно пробиваетъ

брешь во всеобщей машинности. Повидимому, и на творцовъ экономическаго матеріализма набѣгало облако такого сомнѣнія, и тогда они пытались отъ него отмахнуться, дѣлая попытки объяснить самосознаніе экономическаго матеріализма: по ученію ихъ, на опредѣленной ступени экономическаго развитія, а именно въ стадіи товарнаго капиталистическаго производства, открываются глаза на всеобщую экономическую зависимость и тѣмъ устраняется идеологическое пониманіе исторіи. Пусть такъ, но вѣдь, разсуждая такимъ образомъ, мы ставимъ экономическій матеріализмъ ничуть не выше, нежели всѣ остальныя, имъ отвергнутыя и презираемыя идеологіи: онъ, какъ и эти послѣднія, одинаково необходимъ для своего времени, тоже представляетъ идеологическій рефлексъ опредѣленной экономической формаціи. Только и всего. Но истинности или неистинности его этимъ отнюдь не устанавливается, все одинаково необходимо на своемъ мѣстѣ и въ свое время, идеализмъ какъ и матеріализмъ, и они неразличимы между собой въ отношеніи ихъ истинности или ложности съ точки зрѣнія вполнѣ послѣдовательнаго детерминизма. Но можно пойти, конечно, и еще дальше и посмотрѣть и на самое ученіе детерминизма такъ же, какъ на продуктъ необходимости, на рефлексъ исторіи—и такъ далѣе безъ конца. Мы увязаемъ здѣсь въ трясину скептицизма, изъ которой поочередно освобождаемъ то одну, то другую ногу, однако не можемъ заразъ вытащить ихъ обѣ,—одинаково не можемъ ни утверждать истинность этой теоріи, ни ее окончательно отвергнуть. Во всякомъ случаѣ ясно одно: экономическій матеріализмъ, какъ теорія, притязающая на научную истинность, необъяснимъ въ предѣлахъ самаго экономическаго матеріализма, онъ не въ силахъ теоретически показать свою возможность, а тѣмъ болѣе необходимость, и долженъ безсильно склониться предъ скептицизмомъ. И если онъ этого не дѣлаетъ, то потому, что, кромѣ экономическаго базиса, фактически основывается на вѣрѣ въ человѣческій геній, конечно, не всѣхъ людей, но опредѣленныхъ, канонизованныхъ соціалистическою церковью избранниковъ. Карлъ Марксъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ фактически ставится экономическими матеріалистами внѣ сферы вліянія экономическаго матеріализма, да, въ сущности, и самъ себя внѣ нея ставитъ, онъ остается для нея экстерриторіаленъ. Только цѣной фактической канонизаціи Маркса, изъемлющей его изъ міровой необходимости, можетъ быть куплена истинность экономическаго матеріализма. Онъ превращается при этомъ изъ научной теоріи, какою хочетъ быть онъ же самъ, въ откровеніе, органомъ котораго являются избранники—его пророки. Мы характеризовали выше экономическій матеріализмъ, какъ наиболѣе притязательный раціонализмъ въ то же время соединяющійся съ метафизикой ирраціональнаго. Теперь эта характеристика должна быть восполнена только что установленной чертой: этотъ раціонализмъ

его опирается не на разлитой въ мірѣ разумъ,—міръ, какъ механизмъ, неразуменъ,—но исключительно на геній отдѣльнаго лица или лицъ, вѣщихъ ясновидцевъ среди этой абсолютной тьмы. Такимъ радикальнымъ культомъ героевъ, въ которомъ они, въ сущности, надѣляются аттрибутомъ божества, способностью къ высшему, сверхприродному вѣдѣнію, неожиданно заканчивается эта теорія, какъ имъ она и начинается, и это несмотря на то, что въ ней изгонялось все индивидуальное и вниманіе сосредоточивалось только на массахъ и ихъ движеніяхъ. *Вѣра въ авторитетъ*—такова гносеологія экономическаго матеріализма, ея логическая основа. Такъ выглядитъ логическая структура экономическаго матеріализма при ближайшемъ разсмотрѣніи. Очевидно, что при извѣстной степени философской сознательности даже и при желаніи нельзя удержаться на немъ, ибо онъ обремененъ такими противорѣчіями, которыя, разъ они сознаны, требуютъ преодолѣнія, и изобилуетъ такими неясностями, которыя необходимо нуждаются въ устраненіи. Можно сказать, что экономическаго матеріализма какъ философской системы до сихъ поръ вовсе не было и нѣтъ. Но это не уничтожаетъ его значенія въ исторіи мысли. Какъ уже указано, онъ есть первый опытъ философіи хозяйства, въ немъ выходитъ на поверхность новая и, намъ кажется, рудоносная жила. Высказана яркая мысль, поставлена своеобразная проблема, пробуждена новая философская тревога. Роль Маркса здѣсь напоминаетъ судьбу Мальтуса въ отношеніи къ вопросу о народонаселеніи. Отъ ученія самого Мальтуса не остается почти ничего, и однако проблема населенія навсегда соединяется съ его именемъ, потому что ему суждено было ввести ее во всеобщее сознаніе; такъ и проблема философіи хозяйства, которая впервые поставлена въ экономическомъ матеріализмѣ, конечно, окажется долговѣчнѣе, нежели этотъ послѣдній.

Но, кромѣ этой философской цѣнности, въ экономическомъ матеріализмѣ остается еще особая жизненная правда, не теоретическая, но практическая, моральная. Она не всегда замѣтна отвлеченному теоретизированію и недоступна его холодной надменности, которую самъ экономическій матеріализмъ на своемъ языкѣ обзываетъ „буржуазностью“. Подъ личиной холоднаго раціонализма и теоретической жесткости въ немъ скрывается грусть человѣка о самомъ себѣ, тоска „царя природы“ въ плѣну у стихій этой самой природы, равнодушной, даже враждебной. Въ этомъ скорбномъ ученіи нашелъ выраженіе хозяйственный трагизмъ человѣческой жизни, и въ его пессимизмѣ есть глубокая искренность и правдивость. Надъ человѣкомъ тяготѣетъ проклятіе, говоритъ экономическій матеріализмъ, ибо что же какъ не проклятіе—эта неволя разумныхъ существъ у мертвой, неосмысленной, чуждой намъ природы, эта вѣчная опасность голода, нищеты и смерти. И это проклятіе зави-

симости отъ природы порождаетъ новое, еще злѣйшее проклятіе, экономическое рабство человѣка человѣку, вѣчную вражду между людьми изъ-за богатства. Такова тоска, которая слышится въ экономическомъ матеріализмѣ, и такова правда, облеченная въ его научный іероглифъ. Это та правда, которая высказана на первыхъ же страницахъ книги бытія человѣческаго рода, какъ слово Божьяго гнѣва и Божьяго суда надъ согрѣшившими человѣкомъ и всей тварью: „проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей; тернія и волчцы произраститъ она тебѣ... въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ“. (*Бытія* 3; 17—19).

С. Булгаковъ.

Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ.

Отвѣтъ Украинцу.

Гораздо позже, чѣмъ я хотѣлъ, отвѣчаю на письмо Украинца, обращенное ко мнѣ и озаглавленное: „Къ вопросу о самостоятельной украинской культурѣ“. [1])

Авторъ чрезвычайно остороженъ въ своихъ положительныхъ и научныхъ воззрѣніяхъ и крайне рѣзокъ въ своихъ полемическихъ сужденіяхъ и лирическихъ изліяніяхъ. Съ одной стороны, онъ говоритъ, что готовъ считаться съ возможностью того, что „украинскому народу суждено вполнѣ слиться съ великорусскимъ и всецѣло воспринять его культуру, что тѣмъ зачаткамъ новой украинской культуры, которые были созданы въ теченіе послѣдняго столѣтія, предстоитъ погибнуть и изъ нихъ не выработается цѣльная и самобытная культура“. А съ другой стороны, онъ приглашаетъ „признать, что народу украинскому присуща особая воля или какая-то мистическая сила, побуждающая его отстаивать свою самобытную національную индивидуальность... если стремленіе Украйны къ своей самобытной культурѣ Божье дѣло, то никакія земныя силы его не одолѣютъ“.

Я предпочитаю имѣть дѣло съ тѣмъ лицомъ автора, которое сомнѣвается и считается съ разными возможностями, ибо полагаю, что мы призваны обсуждать дѣла національностей и народностей, какъ дѣла земныя, и невмѣстно намъ по поводу этихъ дѣлъ призывать имя Божіе.

Авторъ облегчилъ мнѣ изложеніе по существу моей точки зрѣнія, ибо онъ самъ для иллюстраціи своей мысли привлекъ весьма поучительный сравнительный матеріалъ, который и я имѣлъ въ виду въ своихъ замѣткахъ, [2]) но изъ экономіи мѣста оставилъ безъ разсмотрѣнія.

---

[1]) *Русская Мысль*, май, 1911 г.

[2]) *Русская Мысль*, январь, 1911 г. Перепечатано въ моемъ сборникѣ *Patriotica*, стр. 520—525.

Я не отрицаю вовсе того, что въ извѣстномъ смыслѣ существуетъ „самостоятельная малорусская культура“, и я не желаю вовсе исчезновенія малорусскаго языка. Смыслъ того, что я утверждалъ въ своихъ замѣткахъ, иной. А именно, я глубоко убѣжденъ, что—на-ряду съ общерусской культурой и общерусскимъ языкомъ—культура малорусская или украинская есть культура мѣстная, или областная. Это положеніе „малорусской“ культуры и „малорусскаго“ языка опредѣлилось всѣмъ ходомъ историческаго развитія Россіи и можетъ быть измѣнено только съ полнымъ разрушеніемъ исторически сложившагося уклада не только русской государственности, но и русской общественности. Между тѣмъ мой оппонентъ отрицаетъ, чтобы для Малороссіи и Великороссіи существовалъ одинъ „общій культурный языкъ“, и въ этомъ смыслѣ онъ отрицаетъ „культурное единство“ Украйны съ Великороссіей. Правда, это отрицаніе плохо вяжется съ тѣмъ, что онъ самъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ своего письма: „историческія судьбы связали украинскій народъ съ великорусскимъ навсегда... поэтому дальнѣйшее развитіе украинскаго народа возможно только въ связи и въ тѣсной всесторонней солидарности съ великорусскимъ народомъ“.

Въ тѣхъ замѣткахъ, которыя вызвали отвѣтъ Украинца, я указываю, что въ нашемъ спорѣ самое употребленіе термина „великорусскій“ опасно и нежелательно: оно вводитъ въ заблужденіе, будто та культура и тотъ языкъ, которые этимъ терминомъ обозначаются, стоятъ, такъ сказать, въ одномъ ряду съ „малорусскимъ“ и „бѣлорусскимъ“. Съ узко-лингвистической точки зрѣнія это, можетъ быть, и правильно (хотя и то—лишь съ весьма значительными оговорками и ограниченіями), но съ культурно-исторической точки зрѣнія это прямо невѣрно. Языкъ „Полнаго Собранія Законовъ“, языкъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и Льва Толстого, будучи, по своей лингвистической основѣ, великорусскимъ,—по своему культурно-историческому значенію есть общій русскій языкъ, есть „койнэ“ Κοινή, [1]) всѣхъ русскихъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи. Русскій языкъ есть, конечно, не только книжная, но и разго-

[1]) Κοινή (подразумѣвается: γλῶττα)—общій языкъ, обозначеніе общегреческаго языка, сложившагося на основѣ аттическаго діалекта въ эпоху эллинизма. Въ исторіи греческаго языка аттическая литературная κοινή смѣнила собой іоническую. Образованію въ эллинистическую эпоху общегреческаго обиходнаго языка, отъ котораго, за исключеніемъ одного пелопоннесскаго діалекта, происходятъ всѣ современныя новогреческія нарѣчія, предшествовало образованіе и господство сперва іоническаго, а потомъ аттическаго языка, какъ языковъ общелитературныхъ. Литературное объединеніе Греціи совершилось раньше политическаго. Первоначальные общегреческіе языки восходятъ главнымъ образомъ не къ политическимъ связямъ и вліяніямъ, а держатся и дѣйствуютъ въ области литературы. Иначе совершался процессъ латинизаціи Италіи. Ср. J. Wackernagel въ Die Griechische und lateinische Litteratur und Sprache. Dritte verbesserte und vermehrte Auflage Berlin u. Leipzig 1912, S. 380 (Kultur des Gegenwart I, 7).

ворная κοινή—вѣрнѣе, рядомъ и въ связи съ книжнымъ, письменнымъ общерусскимъ языкомъ жизнь постоянно творитъ и разговорный, устный общерусскій языкъ. [1]) При этомъ разговорный общерусскій языкъ, конечно, въ широчайшей мѣрѣ воспринимаетъ мѣстныя особенности, особенности діалектовъ и сообразно этимъ особенностямъ видоизмѣняется по мѣстностямъ. Вотъ почему это непрерывное образованіе и преобразованіе на мѣстахъ разговорной русской κοινή часто представляетъ на первый взглядъ лишь мѣстную порчу чистаго русскаго языка. На самомъ же дѣлѣ тутъ сложный и пестрый процессъ выработки разговорной κοινή Россійской Имперіи. Пусть намъ рѣжетъ ухо тотъ русскій языкъ, на которомъ говорятъ мѣстные люди въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ южныхъ городахъ. Но мы не должны забывать, что этотъ и неблагозвучный, и неправильный, пронизанный мѣстными звуковыми, лексическими и синтактическими особенностями языкъ, „отвратительный“ „русско-малорусскій волапюкъ“, какъ выражается Украинецъ, навсегда объединилъ эти города съ остальной Россіей. Я не сомнѣваюсь къ тому же, что разговорный общерусскій языкъ нашихъ южныхъ городовъ оказалъ свое вліяніе на такихъ писателей, какъ Чеховъ и Короленко и черезъ нихъ обогатилъ и нашу литературную κοινή. Это взаимодѣйствіе подобно тому, которое происходило тогда, когда языкъ простого народа вторгся въ литературную греческую рѣчь, въ результатѣ чего создался языкъ греческаго оригинала „Новаго Завѣта“, языкъ, народный характеръ котораго недавно такъ превосходно освѣтилъ Дейссманнъ. [2])

Такимъ образомъ, я исхожу изъ убѣжденія, что есть общерусская культура и ея органъ, общерусскій языкъ; положеніе и значеніе этого общерусскаго языка по отношенію къ мѣстнымъ нарѣчіямъ или языкамъ русскаго корня аналогично положенію ново-верхне-нѣмецкаго языка по отношенію къ діалектамъ Германіи. Я не вижу, какъ можно оспаривать этотъ тезисъ, хотя я и понимаю, что можно направить всѣ усилія на то, чтобы завоевать и въ Россіи малорусскому (украинскому) языку другое положеніе и придать ему другое значеніе.

И тутъ я перехожу къ тому странному утвержденію моего оппонента, которое гласитъ, что существованіе русской націи и русской куль-

---

[1]) Подобно тому какъ „для эллинистической эпохи мы должны различать два общихъ языка, устную Κοινή, обиходный или народный языкъ, и другой, болѣе или менѣе находящійся подъ вліяніемъ перваго, но въ своей основѣ аттическій литературный языкъ, письменную Κοινή“. P. Kretschmer въ Einleitung in die Altertumswissenschaft von Gercke u. Norden I. Band. S. 171.

[2]) Ср. его Das Licht vom Osten 2-te Auflage. Tübingen, 1909. SS. 37—99. См. также Dr. Ludwig *Radermacher*. Neutestamentliche Grammatik. Das Griechisch des Neuen Testaments im Zusammenhang mit der Volkssprache. Tübingen, 1911. SS. 1—23.

туры въ моемъ смыслѣ есть порожденіе фантазіи... русской интеллигенціи и что мое мнѣніе: „гегемонія русской культуры въ Россіи есть плодъ всего историческаго развитія нашей страны и фактъ совершенно естественный“, что это мнѣніе „сложилось подъ вліяніемъ официальной русской исторической науки“. Я не знаю, что̀ мой противникъ разумѣетъ подъ этимъ наименованіемъ, но это меня не смущаетъ и даже не интересуетъ, потому что подобная ссылка по существу никакого значенія имѣть не можетъ. [1])

Ходъ русской культуры, приведшій къ гегемоніи „великорусскаго“ языка и къ превращенію его въ русскую κοινὴ, опредѣлился тѣмъ, что центръ государственности и связанной съ ней культуры оказался сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, который въ культурномъ отношеніи, да и по своему населенію былъ не чѣмъ инымъ, какъ отпрыскомъ или колоніей (въ античномъ смыслѣ) той же Москвы. Если бы Петръ I центръ новосоздаваемой русской государственности перемѣстилъ въ Кіевъ, въ Россіи сложилась бы другая κοινὴ, съ гораздо большей примѣсью южнорусскихъ элементовъ, но только и всего. Русская κοινὴ всетаки должна была сложиться. При той политической и культурной связи, которая со второй половины XVII вѣка установилась между Украйной и остальной русской Россіей, сплотившейся вокругъ Москвы, культурное ихъ объединеніе не могло не совершиться. Если бы общій культурный ростъ Россіи шелъ быстрѣе, чѣмъ это происходило на самомъ дѣлѣ, культурное объединеніе совершилось бы еще быстрѣе и полнѣе.

Теперь перейдемъ къ тому вопросу, который ставитъ Украинецъ:

Почему „при столь продолжительной политической раздробленности Германіи, при существованіи въ ней сильныхъ политически-партикуляристическихъ теченій, при отсутствіи религіознаго единства, въ ней никогда не возникало сколько-нибудь замѣтнаго стремленія къ культурному партикуляризму?“

Авторъ бесѣдовалъ на эту тему съ двумя видными нѣмецкими учеными, въ которыхъ я узнаю выдающагося гейдельбергскаго экономиста и извѣстнаго базельскаго философа. Факты, почерпнутые изъ бесѣдъ съ этими представителями нѣмецкой науки, не объяснили, однако, Украинцу явленій, происходящихъ на его родинѣ.

---

[1]) Замѣчу мимоходомъ, что такой либеральный и ко всѣмъ мѣстнымъ особенностямъ благосклонный авторъ, какъ покойный *А. Н. Пыпинъ*, опредѣленно признаетъ существованіе общерусскаго (книжнаго) языка и видитъ въ малорусскомъ языкѣ языкъ мѣстный. Ср. его „Исторію русской этнографіи“, т. III (Слб., 1891 г.). Введеніе, стр. 7 и 9. Врядъ ли Пыпина, только на склонѣ своей жизни попавшаго въ академію наукъ, можно зачислить въ „официальную“ науку въ томъ смыслѣ, въ какомъ о ней говоритъ Украинецъ. О взглядахъ М. П. Драгоманова въ его доэмиграціонный періодъ я скажу ниже.

Процессъ созданія общенѣмецкаго языка въ общемъ и цѣломъ въ настоящее время разъясненъ, и, собственно говоря, не Украинецъ у своихъ нѣмецкихъ собесѣдниковъ, а они у него должны были бы спрашивать: почему, при наличности общерусскаго языка, какъ книжной и разговорной κοινή, у интеллигенціи отдѣльныхъ русскихъ племенъ, въ частности всего яснѣе у интеллигенціи украинской, возникло и рѣзко обозначилось такое стремленіе къ культурному партикуляризму, которое въ Германіи никогда не обозначалось въ такой формѣ и въ настоящее время совершенно уже немыслимо?

Различіе между Германіей и Россіей заключается именно въ этомъ. Въ нѣмецкомъ населеніи Германіи мѣстныя особенности языка и быта такъ же, если не болѣе, велики, какъ и въ русскомъ населеніи Россіи, но интеллигенція Германіи никогда не задавалась тенденціей придать этому фактическому партикуляризму тотъ воинствующій характеръ, то идейное заостреніе, которое мы встрѣчаемъ въ Россіи.

Общенѣмецкій языкъ началъ складываться въ XV вѣкѣ въ канцеляріяхъ австрійскихъ (пражской и вѣнской), а также въ саксонской (курфюршеской). Это былъ языкъ первоначально „приказный“. Лютеръ своимъ переводомъ библіи сдѣлалъ саксонскій „канцелярскій“ языкъ языкомъ великаго религіознаго и идейнаго движенія и тѣмъ завоевалъ для него весь нѣмецкій міръ. [1]) Зачинателями общенѣмецкаго языка, такимъ образомъ, были императоры, курфирсты и другіе государи съ ихъ чиновниками, съ одной стороны, вожди духовнаго движенія—съ другой. Но ни въ эпоху Лютера, ни позже до XVII вѣка не существовало еще единаго нѣмецкаго книжнаго языка. Не только было еще раздѣленіе между нижненѣмецкимъ и верхненѣмецкимъ книжнымъ языкомъ; въ сущности въ теченіе всего XVI вѣка существовало нѣсколько верхненѣмецкихъ книжныхъ языковъ. Нѣмецкій народъ въ эту эпоху былъ многоязыченъ даже въ литературномъ отношеніи. [2]) Въ XVII вѣкѣ, въ эпоху величайшей политической раздробленности Германіи, на основѣ великаго дѣла Лютера было создано объединеніе Германіи въ области языка. Это объединеніе не поглотило отдѣльныхъ языковъ, какъ „мѣстныхъ“ и „народныхъ“ нарѣчій, но оно создало единый языкъ литературы, школы, государственной и общественной жизни.

---

[1]) Значеніе Лютера въ исторіи нѣмецкаго языка оцѣнивается, впрочемъ, различно разными, даже новѣйшими изслѣдователями. Шереръ и Бурдахъ (въ своей Nhd. Schriftsprache. Hall. Habilitationsschrift. 1883, у меня имѣется въ видѣ двухъ первыхъ листовъ недопечатанной книги) обрисовываютъ его роль и мѣсто въ этомъ процессѣ иначе, чѣмъ Социнъ (Schriftsprache u. Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. Heilbronn, 1888) и въ особенности Клуге (Von Luther bis Lessing. Sprachgeschichtliche Aufsätze. 4-e Auflage, Strassburg, 1904).

[2]) Это выясняетъ Бурдахъ въ цит. выше сочиненіи.

Кто же создалъ этотъ единый языкъ, который послужилъ могущественнѣйшимъ орудіемъ національнаго объединенія и во всѣхъ другихъ областяхъ? Конечно, созданіе единаго языка было дѣломъ всего народа, но въ самомъ народѣ активная роль въ этомъ отношеніи принадлежала интеллигенціи. Въ борьбѣ противъ стародавняго авторитета латинскаго языка въ школѣ и наукѣ, въ борьбѣ съ прельстительнымъ для высшихъ классовъ превосходствомъ французской рѣчи, въ борьбѣ съ государственнымъ партикуляризмомъ, который отчасти опирался на вѣроисповѣдную раздвоенность нѣмецкаго народа, трудами ученыхъ, литераторовъ, духовныхъ, педагоговъ, т.-е. интеллигенціи, былъ выкованъ для народа единый національный языкъ.

Созданіе единаго національнаго языка, при сохраненіи мѣстныхъ особенностей, не притязающихъ на національно-государственное значеніе, было великимъ патріотическимъ дѣяніемъ нѣмецкой интеллигенціи. Этимъ она оказала своему народу, его политическому и культурному развитію величайшую услугу. При династической раздробленности политическаго тѣла она создала единство національнаго духа.

Ни разу на пространствѣ этого 200-лѣтняго процесса сложенія общенѣмецкаго языка (теперь онъ уже окончательно сталъ языкомъ не только „книжнымъ“ или „литературнымъ“, но и дѣйствительно общенароднымъ) мы не видимъ со стороны интеллигенціи сколько-нибудь серьезныхъ и сознательныхъ попытокъ противопоставить процессу этого объединенія партикуляристскіе идеалы и тенденціи, которые хотя бы въ идеѣ подрывали и разрушали національно-духовное единство, какъ фактъ прошлаго, настоящаго и будущаго. Благодаря этой позиціи интеллигенціи вопросъ о правахъ „мѣстныхъ“ или „народныхъ“ нарѣчій не получалъ того идейно-политическаго заостренія, которое онъ получилъ у насъ, напримѣръ, въ притязаніяхъ и чаяніяхъ лицъ, отстаивающихъ „самобытную украинскую культуру“.

Только при такомъ идейномъ заостреніи могъ возникнуть самый споръ о томъ, есть ли и долженъ ли оставаться русскій языкъ „Полнаго Собранія Законовъ“ и Пушкина κοινὴ всѣхъ русскихъ народностей. Это заостреніе есть, конечно, дѣло интеллигенціи и пока присутствуетъ только въ интеллигентскомъ сознаніи. Въ этомъ отношеніи я долженъ не только отвергнуть упрекъ въ томъ, что разсуждаю какъ „русскій интеллигентъ“ и преподношу фантазіи интеллигенціи, но и перейти въ наступленіе противъ моего оппонента. Пока заостреніе украинскаго партикуляризма есть задача и—sit venia verbo—выдумка еще чисто интеллигентская. Народныя массы еще не вложились въ эту борьбу, и отъ вовлеченія ихъ въ нее зависитъ и возможность самой борьбы, какъ крупнаго общественнаго явленія, и степень ея остроты. Въ народныхъ украинскихъ массахъ пока происхо-

дитъ, насколько я вижу, только стихійный процессъ преобразованія малорусскаго быта и языка элементами, которые несетъ съ собой новая городская и промышленная культура, всеобщая воинская повинность, школьное образованіе на русскомъ языкѣ, русская книга и русская газета, распространеніе которыхъ, какъ оно ни незначительно абсолютно, и теперь должно быть несравненно больше, чѣмъ распространеніе книги и газеты малорусской.

Изъ разговоровъ съ „украинцами“ я убѣждался, что они пуще всего—и объективно они правы въ своихъ страхахъ—боятся этого стихійнаго процесса поглощенія и отмиранія малорусскаго языка въ самихъ народныхъ массахъ. Это—процессъ, которому подвергаются въ извѣстной мѣрѣ всѣ діалекты подъ напоромъ болѣе могущественнаго и въ то же время родственнаго книжнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ живого языка, который есть заразъ и языкъ государственности, и языкъ высшей культуры, и наконецъ языкъ новыхъ экономическихъ формъ. [1])

Конечно, и сейчасъ можно въ университетахъ читать спеціальные курсы на украинскомъ языкѣ (хотя зачѣмъ это дѣлать, я откровенно не понимаю), но всетаки университетская культура въ Россіи, если въ русской жизни не произойдутъ какіе-нибудь огромные культурные перевороты, неразрывно сплетена съ русскимъ языкомъ. То же, думается мнѣ, слѣдуетъ сказать и о средней школѣ. Что касается начальной школы, то положеніе въ ней мѣстнаго языка, на которомъ дѣти начинаютъ говорить и думать, опредѣляется, конечно, педагогическими соображеніями. Не будучи педагогомъ, я не берусь сказать, какъ слѣдуетъ учить прирожденнаго малоросса общерусскому языку. Но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главныхъ, и образовательныхъ, и практическихъ, задачъ начальной школы заключается въ томъ, чтобы всякаго русскаго пріобщить къ органу русской культуры, русскому языку, и что къ этому нужно стремиться всѣми разумными способами. Это нужно такъ же, какъ знаніе ариѳметики, это есть, если можно такъ выразиться, обязательная общегражданская грамотность. И въ то же время „украинцы“ правы, если они опасаются, что такое пріобщеніе къ русскому языку опасно для той будущности украинскаго языка, о которой

---

[1]) „Всѣ нарѣчія plattdeutsch въ настоящее время испытываютъ жестокій натискъ со стороны верхненѣмецкаго языка, который, благопріятствуемый школой, церковью, казармой и, наконецъ, газетой, проникъ въ самые отдаленные уголки Нижней Германіи. Больше всего при этомъ страдаютъ городскіе діалекты, такъ что трудно назвать теперь хоть одинъ городъ, гдѣ бы большинство населенія говорило на plattdeutsch, не затронутомъ верхненѣмецкимъ языкомъ. Лишь тамъ, гдѣ настоящее крестьянство блюдетъ plattdeutsch,— тамъ оно является чистымъ и обнаруживаетъ силу сопротивленія“. Dr. Hubert Grimme. Plattdeutsche Mundarten. Leipzig, 1910, S. 16.

мечтаютъ они. Сдѣлать изъ украинскаго языка „ровню“ языку русскому послѣ двухъ послѣднихъ столѣтій русской исторіи можно только искусственными мѣрами, искусственно-оборонительными и искусственно-наступательными. „Естественное“, „стихійное“ развитіе, опирающееся на могущественные процессы въ экономической жизни, благопріятствуетъ общерусскому языку.

Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что онъ языкъ не только государственности, но и новой хозяйственной культуры. Капитализмъ разговариваетъ и будетъ разговаривать не по-малорусски, а по-русски. Помимо этого, поскольку капитализмъ привлекаетъ на украинскую почву „великорусское“ населеніе, онъ этимъ самымъ непосредственно вноситъ въ первоначальную этническую цѣльность Украйны извѣстное разложеніе, могущественно усиливающее общерусскій элементъ въ ущербъ малорусскому. Этотъ экономическій процессъ было бы интересно изучить именно съ культурной точки зрѣнія, какъ борьбу партикуляризма съ объединительными теченіями, глубоко коренящимися во всемъ ходѣ нашего экономическаго и соціальнаго развитія. Если въ области промышленной культуры воздѣйствіе русской культуры на украинскую связано съ возникновеніемъ и развитіемъ южно-русской каменноугольной и металлургической, отчасти, вѣроятно, и свеклосахарной промышленности, то въ области торговли оно обозначилось гораздо раньше. Еще Иванъ Аксаковъ въ своемъ „Изслѣдованіи о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ“ [1]) блистательно показалъ, что піонерами торговой культуры на изслѣдованной имъ Украйнѣ явились великороссы, раса, вообще въ торговомъ отношеніи чрезвычайно одаренная. „Малороссіянинъ,— писалъ Аксаковъ въ своемъ поистинѣ классическомъ изслѣдованіи, чтеніе котораго должно доставлять наслажденіе всякому экономисту съ историческими вкусами,—не только прежде, но даже и теперь не ѣздитъ самъ съ товарами и за товарами въ Великую Русь, никогда не ходитъ на заработки въ сѣверныя губерніи, и если необходимость заставляетъ его иногда двинуться съ мѣста, такъ онъ идетъ только на Югъ, на Донъ, въ Бессарабію. Поэтому великорусскіе промышленники не стали дожидаться требованія со стороны малоросса, а сами явились къ нему, такъ сказать, на домъ, соблазняя его товаромъ, избавляя его отъ хлопотъ перевозки, навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Сначала таможенныя заставы, отдѣлявшія Малороссію отъ Россіи, еще останавливали это движеніе, но съ уничтоженіемъ заставъ и съ прекращеніемъ пошлиннаго сбора тысячи русскихъ ходебщиковъ Орловской, Владимірской и великорусскихъ старообрядческихъ Слободъ Черниговской губерніи спустились тучей на Украйну и оживили ея сельскія ярмарки.

---

[1]) Спб., 1858 г., in 4°.

Этотъ мирный промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой великорусской стихіи не только продолжается и понынѣ, но еще и усиливается, съ тою разницею, что бродячее торговое великорусское племя наконецъ осѣдаетъ. По свидѣтельству купцовъ, городскіе центры лѣтъ уже съ сорокъ тому назадъ стали возрастать: число капиталовъ въ городахъ увеличивается. Но кто же усиливаетъ эти городскіе центры въ Малороссіи? Великорусскіе торговцы. Если прослѣдить происхожденіе всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ торговцевъ Украинскихъ городовъ, то окажется, что всѣ они родомъ изъ Калуги, Ельца, Тулы и другихъ чисто великорусскихъ мѣстъ. Ходебщики Ковровскаго и Вяземскаго уѣздовъ, Владимірской губ., извѣстные подъ названіемъ офеней, исходивъ сторону вдоль и поперекъ и ознакомясь съ нею довольно, приписались къ городамъ Новороссійскаго края—и большинство новороссійскаго купечества составлено изъ нихъ. Не говоримъ про Сумы и Харьковъ, города, созданные русскими торговцами, но и въ Полтавѣ, въ Лохвицахъ, въ Лубнахъ—вездѣ ворочаютъ торговлею „фундаментальною“, по купеческому выраженію, Русскіе; мелкою, розничною—евреи.

„Мы утверждаемъ это, основываясь на разсмотрѣнныхъ нами именныхъ спискахъ купечества во многихъ городахъ Малороссіи и на личныхъ нашихъ разспросахъ, но мы имѣемъ въ пользу своего мнѣнія свидѣтельство и за прежнее время. Шаронскій, извѣстный авторъ топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества, составленнаго въ 1785 и 86 годахъ и изданнаго въ Кіевѣ въ 1851 году, говоритъ на стр. 21, что въ Малой Россіи, кромѣ „нѣжинскихъ грековъ, почти нѣтъ настоящихъ не только оптомъ торгующихъ купцовъ, но ниже порядочныхъ щепетильниковъ. Весь торгъ красныхъ и мелкихъ товаровъ состоитъ въ рукахъ великороссійскихъ купцовъ, которые ихъ по частымъ ярмаркамъ развозятъ. Хотя же по городамъ,—продолжаетъ Шаронскій,—особливо въ Кіевѣ и есть изъ природныхъ тамошнихъ купцы, мелкимъ разнымъ товаромъ торгующіе, но въ сравненіи великороссійскихъ они весьма малое и не достаточное количество составляютъ“. Далѣе, на 22 страницѣ: „во всей малой Россіи нѣтъ ни одного купца изъ природныхъ малороссіянъ, который бы собственнаго денежнаго капитала тысячъ 30 имѣлъ“.

„Такимъ образомъ, малороссіянинъ самъ почти не двигается съ мѣста, а удовлетвореніе его нуждъ и всѣ торговыя хлопоты приняли на себя Евреи и Великороссіяне. И жидъ и Великороссіянинъ тормошатъ его безпрестанно, но туго поддается вліянію послѣдняго упорный бытъ малоросса. Чѣмъ кончится эта внутренняя борьба, оживится ли духъ малороссійскаго народа, проявится ли онъ въ промышленности или на иномъ поприщѣ дѣятельности, уступивъ поле торговли болѣе способному пле-

мени,—мы не беремъ на себя рѣшеніе этого вопроса, но указываемъ только на фактъ и предлагаемъ образованнымъ Малороссіянамъ повѣрить наши указанія статистическими изслѣдованіями. Мы полагаемъ, что эти изслѣдованія приведутъ ихъ, между прочимъ, къ такому выводу, что малороссійскія свободныя, сельскія и городскія сословія переходятъ въ значительномъ размѣрѣ въ сословіе чиновническое, что только весьма малая часть записывается въ гильдіи и что изъ записанныхъ въ гильдіи весьма многіе не производятъ никакой торговли". [1])

Этотъ одинъ фактъ, роль великороссовъ въ торговой культурѣ Украйны, показываетъ, какъ несообразно утверждать, что культурное объединеніе Малороссіи съ московско-петербургской Россіей есть дѣло голаго политическаго насилія или хотя бы только государственнаго приказа. Тутъ было и остается множество чисто культурныхъ связей, дѣйствующихъ стихійно и неотвратимо,—связей, о которыхъ часто не снится поверхностной, тенденціозно-воинствующей публицистикѣ національнаго вопроса.

Итакъ, моя точка зрѣнія въ украинскомъ вопросѣ довольно ясна. Не имѣя ничего противъ культурныхъ украинскихъ стремленій, какъ стремленій поддерживать и пѣстовать „мѣстныя" особенности быта и языка, я сознательно и рѣшительно высказываюсь противъ заостренія этихъ „областныхъ" тенденцій до политическаго и культурнаго партикуляризма, отрицающаго общерусскую культуру, ея органъ и символъ,—общерусскій языкъ, и стремящагося областное украинское начало поставить въ одинъ рядъ и на одну ступень съ національной стихіей, которая, по моему глубокому убѣжденію, въ единой Россіи должна быть въ этомъ смыслѣ единой.

Точка зрѣнія эта должна быть, по крайней мѣрѣ, теоретически понятна моему почтенному оппоненту. Онъ, какъ это явствуетъ и изъ его письма, „драгомановецъ". Я очень высоко чту М. П. Драгоманова и считаю, что ему въ русской политической публицистикѣ принадлежатъ крупнѣйшія заслуги. Болѣе того, я во многомъ схожусь съ тѣми взглядами М. П. Драгоманова и на украинскій вопросъ, которые были высказаны имъ въ его русскихъ статьяхъ, опубликованныхъ въ 70-хъ гг. XIX вѣка. [2]) Правда, многое я понимаю иначе, чѣмъ понималъ Драго-

---

[1]) Стр. 6 и 7.

[2]) Современные „украинцы" и въ томъ числѣ Б. А. Кистяковскій, издатель русскихъ Политическихъ Сочиненій Драгоманова, вышедшихъ въ Москвѣ въ 1908 г. и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мало оцѣненныхъ русской читающей публикой (пользуюсь случаемъ, чтобы настойчиво рекомендовать читателямъ эту замѣчательную книгу и вообще всѣ сочиненія этого крупнаго публициста-ученаго), проводятъ разграничительную черту между взглядами Драгоманова до эмиграціи и послѣ эмиграціи. „Въ его (Драгоманова) болѣе раннихъ статьяхъ замѣтно нѣкоторое колеба-

мановъ даже тогда, и это различіе, думается мнѣ, опредѣляется не только и не столько различными симпатіями, сколько кореннымъ теоретическимъ разногласіемъ въ пониманіи нѣкоторыхъ сторонъ соціальной эволюціи. Взглядами Драгоманова я воспользуюсь для того, чтобы освѣтить передъ моимъ оппонентомъ и его единомышленниками занимаемую мною въ украинскомъ вопросѣ позицію.

Прежде всего укажу на то, что тогда Драгомановъ признавалъ существованіе общерусской литературы и общерусскаго языка. Въ своей брошюрѣ „По вопросу о малорусской литературѣ“, изданной въ 1876 г. въ Вѣнѣ, [1]) Драгомановъ ссылается на свои мнѣ сейчасъ недоступныя малорусскія статьи, въ которыхъ онъ доказывалъ своимъ галиційскимъ собратьямъ, [2]) что „въ Россіи дѣйствительно существуетъ общерусская литература, которая вовсе не синонимъ великорусской или московской“. Поясняя свою мысль, Драгомановъ говоритъ, что эта литература „вовсе не противоположна русской или малорусской“, что она есть „литература общества всероссійскаго, дворянско-чиновническаго, продуктъ общей съ XVIII в. государственной исторіи и культуры“ (напр., въ беллетристикѣ „Онѣгинъ“, „Мертвыя души“, „Рудинъ“). „Рядомъ съ этой литературой, — продолжаетъ Драгомановъ, — послѣ Гоголя растетъ народная великорусская литература (сказки Пушкина, большая часть комедій и драмъ Островскаго, народныя пьесы Некрасова, педагогиче-

---

ніе при рѣшеніи вопроса о значеніи и роли украинской литературы, но въ позднѣйшихъ работахъ, написанныхъ за границей, эти колебанія исчезли“ (вступительная статья Кистяковскаго, стр. XXXV). Еще рѣшительнѣе высказывается Сергій Ефремовъ въ своей недавно вышедшей книгѣ Історія Украінського письменства, видано за допомогою Миколи Дмитріева (Видавництво „Украінський учитель“. Кіевъ, безъ обозначенія года), который говоритъ: „Власне Драгоманов і сам перейшов досить довгу й характерну еволюцію в своїх поглядах на українське письменство, і рік 1876 становить виразну гряницю між його початковими, скажу так— „україно фильскими“ поглядами и пізнішими, щиро вже українськими. В своїх перших працях“ як „Русскіе въ Галиціи“, „Литературное движеніе въ Галиціи“ й особливо в серії статій, під псевдонімом Украінець друкованих у „Правді“—„Література російська, великоруська, українська й галицька“, стоїть автор ще на україно фильскому становищі. Українське письменство, нарівні з повішим (після Гоголя) письменством у самих великоросів, було тоді для його тильки частиною російського,—того, що „малюэ життя передової меншости так званої образованої громади“,—погляд, що нагадуэ ніби ту „литературу для домашняго обихода“, якою пекли українцям очі Слав'янофили на початку 60-х років і яку згодом приняли й поміркованіші українці як Костомаров“ (стр. 359—360).

[1]) Брошюра эта перепечатана во II томѣ заграничнаго изданія „Собранія политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова, выпущеннаго редакціей „Освобожденія“ (Парижъ, 1906 г.), стр. 153—199.

[2]) Ср. объ этихъ статьяхъ въ цитированной ниже малорусской „Исторіи украинской литературы“ Сергѣя Ефремова.

скія изданія, какъ *Родное Слово,* разсказы Петрушевскаго и др.), а еще раньше стала расти народная же украинская". [1])

Не будучи въ состояніи, по своей добросовѣстности и образованности, отрицать наличность общерусской стихіи литературы и языка, Драгомановъ, въ данномъ случаѣ отдавая дань своеобразному народничеству, критерій „народности" литературы усматриваетъ въ признакѣ соціально-классовомъ. Народная литература съ этой точки зрѣнія есть литература, да позволено будетъ такъ выразиться, простонародная, т.-е. литература, либо близкая по языку къ обиходной „народной" рѣчи, а по изложенію — къ народному „стилю", либо написанная на сюжеты „народной" жизни.

Такое пониманіе „народнаго" характера выражается Драгомановымъ и въ другомъ мѣстѣ его брошюры. Цитируя изъ Добролюбова слѣдующее мѣсто: „настоящіе малороссы, свободные отъ вліянія русскаго языка, такъ же чужды языку книжной литературы, какъ и наши простолюдины. Вѣдь и у насъ (въ Великороссіи) языкъ книжной литературы собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ также смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ ассамблей петровскаго времени",—Драгомановъ прибавляетъ: „а смѣемся мы именно вслѣдствіе того, что подвинулись по дорогѣ къ народному—великорусскому языку". [2])

То пониманіе „народнаго" характера литературныхъ произведеній, которое обнаруживается въ этихъ разсужденіяхъ Драгоманова, такъ сказать, эстетически непріемлемо для современнаго сознанія. „Народный" характеръ литературнаго произведенія не опредѣляется для насъ соціально-классовымъ критеріемъ.

Но, будучи для насъ субъективно-эстетически непріемлемымъ, это пониманіе въ то же время представляется намъ и объективно-соціологически ошибочнымъ. Тутъ опять-таки ясность взгляда такого безпристрастнаго и образованнаго ученаго-публициста, какимъ былъ Драгомановъ, затуманивается его народничествомъ. Именно народничествомъ, а не демократизмомъ. Фактически, конечно, въ цитатѣ изъ Добролюбова все оказалось невѣрнымъ. Теперь, почти черезъ сто лѣтъ послѣ того какъ писалъ Пушкинъ, мы не смѣемся надъ языкомъ великаго поэта, а восхищаемся этимъ до сихъ поръ плѣнительно-живымъ языкомъ; точно такъ же черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти Добролюбова языкъ его не устарѣлъ, хотя многія его идеи многимъ изъ насъ представляются порядочно устарѣвшими.

Въ демократизмъ какъ Добролюбова, такъ и Драгоманова было под-

---

[1]) Стр. 16 отдѣльнаго вѣнскаго изданія.

[2]) Стр. 52—53 отдѣльнаго вѣнскаго изданія.

мѣшано довольно много народничества. Поэтому въ процессѣ демократизаціи литературы и культуры они не были достаточно чутки и внимательны къ тому явленію, которое можно охарактеризовать какъ выравниваніе по высшему уровню. Образованіе національной литературы и общенароднаго языка есть именно явленіе такого порядка. Вообще развитіе человѣческихъ потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія слагается изъ двухъ процессовъ. Съ одной стороны, происходитъ аристократическое выдѣленіе личности съ ея вкусами и требованіями изъ широкой ее объемлющей среды: и отдѣльный человѣкъ и цѣлые слои (классы, группы) хотятъ быть не такими, какъ другіе, быть „отличными“, лучше, красивѣе. Съ другой стороны, неудержимо совершается „демократическое“ распространеніе, или правильнѣе было бы сказать, обобщеніе на широкую среду этихъ „аристократическихъ“ завоеваній „привилегированныхъ“ личностей и группъ.

Это наблюденіе примѣнимо и къ языку, который есть тоже средство удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Книжный языкъ выдѣляется изъ устной рѣчи по аристократическому „избранію“. Но затѣмъ этотъ аристократическій избранникъ демократизируется, становится всеобщимъ достояніемъ. Книжный языкъ демократизируется, когда и поскольку онъ становится разговорнымъ.

Конечно, существуетъ и обратный токъ. Разговорный или устный языкъ становится въ извѣстной мѣрѣ „книжнымъ“. Пушкинъ утверждалъ, что лучшимъ русскимъ языкомъ говорятъ московскія просвирни. Лютеръ со свойственной ему мужичьей выразительностью говорилъ, что тотъ, кто хочетъ хорошо писать по-нѣмецки, долженъ выспрашивать домовитую хозяйку, уличныхъ мальчишекъ, рыночныхъ торговцевъ и всѣмъ этимъ людямъ „aufs Maul sehen“ (буквально: „смотрѣть въ харю“). Лютеръ и Пушкинъ учились у уличнаго мальчишки и просвирни, но зато они заставили также учиться у себя и мальчишку и просвирню.

Въ томъ и заключается демократическое призваніе аристократовъ языка, чтобы, беря у улицы, въ то же время учить улицу. И это относится одинаково какъ къ индивидуальнымъ художникамъ языка, такъ и къ цѣлымъ аристократическимъ наслоеніямъ языка. Языкъ высшихъ классовъ можетъ завоевать низшіе классы; языкъ избранныхъ можетъ покорить себѣ массы.

Добролюбовъ, Драгомановъ и вообще все народничество склонны видѣть только, какъ Пушкинъ учится у просвирни. И они не замѣчаютъ, какъ просвирня учится у Пушкина.

Между тѣмъ въ образованіи общенароднаго, національнаго языка эта сторона дѣла едва ли не важнѣе. Разстояніе между книжной и разговорной κοινή уменьшается не только потому, что книга сближается

съ разговоромъ и за нимъ слѣдуетъ, но также и потому, что книга нормируетъ разговоръ.

Съ исторической точки зрѣнія совершенно несообразно игнорировать, что великіе національные языки родятся столько же на улицахъ и въ крестьянскихъ избахъ, сколько и въ канцеляріяхъ и при дворѣ, въ кабинетахъ литераторовъ и ученыхъ.

Тотъ фактъ, что языкъ Пушкина, Гоголя и Тургенева былъ языкомъ „дворянско-чиновническаго общества“, не помѣшалъ этому языку, вопреки Драгоманову, стать основой русскаго общенароднаго языка, на которомъ, худо ли, хорошо ли, говоритъ вся интеллигенція и полуинтеллигенція Россіи и начинаетъ уже говорить и весь „народъ“ и въ специфическомъ „соціальномъ“ смыслѣ этого термина. Конечно, въ дѣйствительности живой и живущій языкъ всего народа есть цѣлая лѣствица языковъ. На этой лѣствицѣ литературный или книжный языкъ—лишь аристократическая верхушка, подпираемая и питаемая множествомъ мѣстныхъ и даже индивидуальныхъ нарѣчій, на которыхъ безчисленные люди говорятъ и творятъ дѣло и бездѣлье изо дня въ день.

Но за то, что книжный языкъ есть такая аристократическая верхушка, онъ вовсе не заслуживаетъ нашего демократическаго презрѣнія. Это естественное и неотмѣнимое положеніе книжнаго языка, вытекающее изъ его существа, соотвѣтствующее его идеѣ—быть отвержденной и въ то же время текучей нормой еще болѣе текучей, живой и живьемъ творимой, рѣчи.

Конечно, книжный языкъ можетъ омертвѣть, но тогда исторія сама снесетъ его на кладбище, куда, какъ органъ живого общенія людей между собой, попалъ даже латинскій языкъ, несмотря на то, что на немъ писали великіе мыслители и ученые вплоть до XIX вѣка, что на немъ отчасти записано первоначальное право великихъ культурныхъ народовъ Европы.

Совершенно особый характеръ получилъ вопросъ объ языкѣ и борьба за него въ современной Греціи. Тутъ ходъ вещей противорѣчитъ явно всѣмъ народническимъ схемамъ.

Въ новой Греціи въ качествѣ литературнаго языка утвердилась византійская, архаическая и архаизирующая, переработка аттической литературной κοινὴ (Καθαρεύουσα). Рядомъ съ ней существуетъ обиходный „народный“ языкъ (Δημοτικὴ), распадающійся на діалекты. Началось интеллигентно-народническое движеніе въ пользу замѣны архаическаго книжнаго языка языкомъ „народнымъ“. Въ этомъ движеніи приняли участіе крупные писатели-интеллигенты, нѣкоторые проживающіе заграницей ученые греки (напримѣръ, Психари въ Парижѣ) и даже иностранцы (напримѣръ, покойный знаменитый византинистъ Крумбахеръ), а изъ политическихъ партій—соціалисты. Противъ этого движенія вульгаристовъ (ихъ

прозвали μαλλιαροί, длинноволосые) возстала другая часть интеллигенціи (въ томъ числѣ большинство студенчества), и это „антинародническое“ движеніе увлекло за собой народъ. „Чистый“ языкъ оказался національнымъ знаменемъ, и какъ національный символъ побѣдилъ языкъ „народный“. Въ итогѣ обильной перипетіями борьбы права „чистаго“ языка, какъ языка государственнаго, были въ 1911 г. закрѣплены въ конституцію и въ нее введено спеціальное запрещеніе—безъ разрѣшенія вселенскаго патріархата измѣнять словесную форму греческаго текста Священнаго Писанія (еще въ 1901 г. попытки перевода Священнаго Писанія на „народный“ языкъ вызвали въ Аѳинахъ кровопролитныя уличныя сцены). „Борьба теперь закончена, я думаю навсегда—пишетъ профессоръ Гейзенбергъ. Народному языку въ Греціи предстоитъ та же участь, что во всѣхъ индогерманскихъ странахъ: съ ростомъ культуры онъ оттѣсняется и медленно вымираетъ. И въ Греціи книжный языкъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ своемъ распространеніи... Неудержимо—говоритъ далѣе нѣмецкій авторъ—совершается тотъ же процессъ, что у насъ въ области языка Plattdeutsch“. [1]) Тотъ же авторъ справедливо замѣчаетъ, что эта побѣда книжнаго языка сама по себѣ вовсе не означаетъ омертвѣнія народной рѣчи. Въ томъ взаимодѣйствіи книжнаго языка и разговорной рѣчи, въ которомъ волею судебъ и сознательнымъ рѣшеніемъ греческой націи руководящая роль присвоена языку книжному, достопочтенному наслѣдію славнаго національнаго прошлаго, и теперь творится и впредь будетъ твориться ж и в о й общенаціональный языкъ.

Въ лѣствицѣ русскихъ языковъ и нарѣчій, образующихъ живую „язычную“ жизнь русскихъ народностей, нашъ „книжный“ или „литературный“ языкъ есть въ одно и то же время и аристократическая верхушка и та словесная оболочка, въ которую только и можетъ облечься всенародный національный духъ. Аристократическая верхушка—потому что на немъ творили великіе художники слова, добытчики нашей міровой славы, на немъ съ петербургскаго Синая изрекало свою волю великодержавное государство. И въ то же время—непререкаемая словесная оболочка всенароднаго, національнаго духа, ибо убогъ и жалокъ, безпомощенъ и безграмотенъ въ національно-духовномъ смыслѣ тотъ русскій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни родился, на Москвѣ, на Украйнѣ или въ Петербургѣ, который не можетъ понимать Пушкина и Льва Толстого, не можетъ сознательно прочесть манифестовъ 19 февраля и 17 октября.

Я бы хотѣлъ тутъ для разъясненія своей мысли призвать въ свидѣтели того же М. П. Драгоманова.

---

[1]) Ср. Professor August Heisenberg. Die jüngste Entwicklung der Sprachfrage in Griechenland въ Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst u. Technik № 22 за 1911 г.

Обсуждая на основаніи западно-европейской литературы вопросъ о значеніи мѣстнаго языка въ начальной школѣ, Драгомановъ въ 1874 г. на страницахъ *Вѣстника Европы* отстаивалъ и обосновывалъ идею мѣстныхъ „книгъ для чтенія“ („читальниковъ“, какъ писали тогда). „Для такихъ читальниковъ даже такія чисто-этнографическія и филологическія подраздѣленія Россіи, какъ Малороссія, Бѣлоруссія, Великороссія, будутъ слишкомъ крупны, ибо, наприм., и нарѣчія, и условія быта, а слѣдовательно и нагляднаго образованія степной великорусской Саратовской губерніи, будутъ совсѣмъ иныя, чѣмъ лѣсной Вологодской и т. д. Для Россіи, быть можетъ, будетъ нужно 30—40 букварей и 10—15 читальниковъ, которые бы, начиная разно учить дитя читать, наблюдать окружающее и знать далекое, кончали бы однимъ и тѣмъ же, т.-е. дѣлали подрастающаго сознательнымъ гражданиномъ Россіи, знающимъ ее и владѣющимъ ея литературнымъ языкомъ, органомъ общественной и нравственной ея жизни, и въ то же время давали ему возможность сознательно владѣть всѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ богатствомъ мѣстной родины“. [1])

Превосходная мысль и превосходная формула! Попытаемся уяснить себѣ ея смыслъ. Въ выше цитированной нами заграничной брошюрѣ о малорусской литературѣ Драгомановъ изъясняетъ, съ ссылкой на статьи въ *Вѣстникѣ Европы*, что онъ никогда не требовалъ „изгнанія“ русскаго литературнаго языка изъ малорусскихъ школъ и что онъ настаиваетъ только на „постепенномъ переходѣ отъ мѣстнаго народнаго языка къ государственному въ элементарныхъ школахъ“.

Въ той же брошюрѣ Драгомановъ ставитъ малорусское движеніе въ одинъ рядъ съ новокельтскимъ и провансальскимъ движеніемъ и съ литературнымъ возрожденіемъ Plattdeutsch трудами Клауса Грота и Фритца Рейтера. Это совершенно вѣрное сближеніе, но его именно и оспариваютъ радикальные украинцы по отношенію къ украинству въ предѣлахъ Россіи. Правда, Драгомановъ, по своему народничеству, сильно преувеличивалъ значеніе и силу такихъ движеній, какъ новокельтское, провансальское и нижненѣмецкое (т.-е. plattdeutsch) возрожденія. По отношенію къ „Piattdeutsch“ онъ находился подъ вліяніемъ довольно фантастическихъ воззрѣній Клауса Грота, которыя теперь не нуждаются даже въ опроверженіи. [2])

Любопытно вообще, что Драгомановъ, какъ народникъ и областникъ, преувеличивалъ мѣстныя различія, ихъ устойчивость и способность къ

---

[1]) Статья „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи“. *Вѣстникъ Европы*, 1874 г., августъ, стр. 570.

[2]) Ср. о нихъ, между прочимъ, выше цитированныя сочиненія Socin'a и Grimme.

развитію. Онъ, повидимому, не сознавалъ что въ условіяхъ современной соціальной эволюціи объединительныя тенденціи, во всякомъ случаѣ, внутри большихъ этническихъ группъ, не могутъ не играть большей роли, чѣмъ тенденціи и силы дифференцирующія.

Современное хозяйственное развитіе, создавая въ цѣломъ рядѣ областей и отношеній новую дифференціацію, въ области языка имѣетъ тенденціи обобщать и нивеллировать. Такъ же какъ Гамбургъ по экономическимъ причинамъ, несмотря ни на какую агитацію, не могъ бы вернуться въ культурной жизни къ нижненѣмецкому языку, который въ началѣ XVII вѣка уступилъ тамъ мѣсто верхненѣмецкому, такъ, по экономическимъ же причинамъ, Кіевъ, Одесса, Екатеринославъ, Харьковъ не могутъ говорить по-малорусски. Вообще я сомнѣваюсь, можетъ ли даже въ качествѣ мѣстнаго языка малорусскій языкъ держаться и удержаться въ городахъ. А вѣдь въ культурной жизни современныхъ народовъ руководящая роль во многихъ, если не во всѣхъ, отношеніяхъ принадлежитъ городу вообще и, въ особенности, большому городу.

Тутъ я перехожу къ одному пункту, въ которомъ обнаруживается мое разногласіе съ Драгомановымъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, признавалъ (въ первой половинѣ 70-хъ гг. по крайней мѣрѣ) за общерусскимъ литературнымъ языкомъ положеніе и значеніе языка государственнаго.

Но pointe моей мысли заключается въ томъ, что общерусскій языкъ въ его обоихъ проявленіяхъ, и какъ письменная κοινή и какъ κοινή разговорная, есть для русскихъ племенъ языкъ болѣе чѣмъ государственный, есть языкъ общекультурный и общенародный. Мнѣ могутъ указать, что тотъ языкъ, который я называю русской разговорной κοινή, недоступенъ необразованному прирожденному малороссу или бѣлороссу, а что русская письменная κοινή не всегда доступна даже простолюдину-великороссу. Но это указаніе будетъ просто ссылкой на общеизвѣстный фактъ русской народной безграмотности, на плачевное состояніе народнаго образованія въ Россіи. Крестьянинъ Вюртемберга или Шлезвига отличается отъ крестьянина Минской, Полтавской, Орловской губерній не тѣмъ, что первый утратилъ, а второй сохранилъ свое мѣстное нарѣчіе, а тѣмъ, что одинъ безграмотенъ и теменъ, а другого школа и жизнь дѣлаютъ—по выраженію Драгоманова—„сознательнымъ гражданиномъ“ своей родины, который рядомъ съ мѣстнымъ нарѣчіемъ въ извѣстной мѣрѣ владѣетъ и общенароднымъ языкомъ, символомъ и орудіемъ національной культуры.

При такомъ пониманіи проблема общерусской культуры и общерусскаго языка не совпадаетъ цѣликомъ съ политической проблемой государственнаго устройства Россіи. Можно представить себѣ, что Россія

въ своемъ государственномъ и административномъ устройствѣ будетъ развивать начала областной самостоятельности и даже приблизится къ федеративному строю.

Это предположеніе само по себѣ нисколько не устраняетъ вопроса о культурномъ преобладаніи общерусскаго языка въ русской Россіи. Когда сопоставляютъ Россію съ Австріей и пророчатъ ей австрійскую будущность съ такимъ развитіемъ многокультурности, которое устраняетъ самое понятіе государственнаго языка, то забываютъ всетаки, что русская Россія внутри себя никогда не сможетъ представить австрійской „фигуры“, что исторія создала, создаетъ и будетъ создавать культурное единство русскаго племени. Никакой политическій переворотъ не сможетъ разрушить этого единства. Тотъ фактъ, что великорусскій элементъ легъ въ основу русской литературной и разговорной κοινή, не можетъ быть устраненъ, думается мнѣ, никакими политическими средствами. Это основной фактъ русской культуры, исторически обусловленный нашимъ государственнымъ развитіемъ, но уже независимый отъ политическихъ формъ и административныхъ порядковъ.

Я не сомнѣваюсь однако въ томъ, что политическое заостреніе областныхъ культурныхъ стремленій сможетъ внести много нежелательнаго и прямо-таки разрушительнаго въ русскую жизнь. Если, напримѣръ, малорусская интеллигенція будетъ нести въ народъ систематическую проповѣдь, что культурная гегемонія общерусскаго языка держится только политическимъ насиліемъ, „панскимъ“ господствомъ, есть бюрократическое измышленіе,—этимъ будетъ натворено много вреда.

Отъ различнаго отношенія украинской интеллигенціи—вопреки моему почтенному оппоненту, я полагаю, что украинскому движенію въ Россіи интеллигентскій характеръ присущъ гораздо больше, чѣмъ всѣмъ другимъ нашимъ общественнымъ движеніямъ—къ своимъ собственнымъ задачамъ зависитъ и содержаніе и тонъ ея культурно-просвѣтительной дѣятельности. Одно—культивировать свой „мѣстный“ бытъ, его особенности, родной языкъ, его литературу, носящую интимный характеръ, пахнущую землей, другое—сознательно работать надъ созданіемъ національности и широкой національной культуры. До извѣстной степени эти задачи идутъ даже вразрѣзъ одна съ другой. Русскій письменный, а за нимъ и разговорный языкъ, ставъ изъ великорусскаго общерусскимъ, вдосталь нахлебался шведско-остзейской канцелярщины и до сихъ поръ съ трудомъ перевариваетъ тѣ французскія и нѣмецкія заимствованія, которыми его обогатила и продолжаетъ обогащать интеллигенція и за которыми неудержимо тянется, вопреки всякому народничеству, и народъ.

Эта быль молодцу не укоръ. Только выйдя на широкій путь жадныхъ заимствованій, только побывавъ въ ученикахъ у Вольтера и нѣмецкихъ „гелертеровъ“, только прогнанный сквозь строй сотенъ томовъ

„Полнаго Собранія Законовъ“, русскій языкъ могъ стать органомъ великаго національнаго цѣлаго, языкомъ великой міровой державы. Изъ шведско-нѣмецко-французской купели русскій языкъ вынырнулъ силачемъ. Такъ же было и съ нѣмецкимъ языкомъ. Все яснѣе и яснѣе становится теперь, когда началось систематическое обслѣдованіе рукописнаго наслѣдія той эпохи, что образованіе общенѣмецкаго, т.-е. нововерхненѣмецкаго, языка произошло въ процессѣ цѣлаго культурнаго переворота, который характеризуется идущей сверху жадной рецепціей римскаго и каноническаго права, вытѣсняющаго право національное, рецепціей искусственнаго риторическаго латинскаго стиля и синтаксиса, который сталъ основой синтаксиса нововерхненѣмецкаго языка, рецепціей „западныхъ“ настроеній и идей гуманизма и ренесанса. Національное духовное объединеніе совершилось черезъ космополитическую учебу. Только поколѣніе Гёте и Шиллера, дѣйствительно, переварило и усвоило всѣ заимствованія, претворивъ ихъ въ національную ткань. [1])

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что при созданіи общенароднаго языка всегда пропадаютъ извѣстныя краски, языкъ теряетъ свою интимность, свою „земляность“, ибо удаляется отъ земли, перестаетъ прямо и просто вырастать изъ цѣльнаго „быта“. Когда Драгомановъ въ 1874 г., отстаивая малорусскій языкъ въ начальной школѣ, предлагалъ составленіе для всей Россіи 10—15 различныхъ книгъ для чтенія („читальниковъ“), тотъ малорусскій языкъ, о которомъ онъ помышлялъ, совсѣмъ не предназначался къ роли языка цѣлой національной культуры. Я думаю, что „земляный“, „мѣстный“ малорусскій языкъ въ значительной мѣрѣ погибаетъ и погибнетъ въ томъ новомъ малорусскомъ языкѣ, который украинскіе патріоты горделиво мечтаютъ поставить, какъ равнозначащій и равноправный, рядомъ съ языкомъ „Полнаго Собранія Законовъ“ и Пушкина. Правда, малорусскій языкъ какъ „книжный“ имѣетъ свою исторію, но эта исторія, такъ сказать, усѣченная; правда, въ Галиціи малорусскій языкъ и теперь занимаетъ такое культурно-соціальное положеніе, которое заставляетъ его вырастать въ національный языкъ маленькой національности, но въ Галиціи нѣтъ естественной почвы для того общерусскаго языка, который создался вмѣстѣ съ современной Россіей и ее создалъ, и съ которымъ языкъ малорусскій долженъ здѣсь „считаться и посчитаться“ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Галиціи—съ польскимъ.

Такимъ образомъ передъ „украинскимъ движеніемъ“ въ Россіи и тѣмъ самымъ, по крайней мѣрѣ, теоретически и передъ малорусскимъ

---

[1]) Ср. Konrad Burdach. Bericht über Forschungen zum Ursprung der neuhochdeutschen Schriftsprache und des deutschen Humanismus (Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie d. Wissenschaften vom Jahre 1903). Стр. 5—6 отдѣльнаго оттиска.

языкомъ — два пути. Одинъ путь — скромнаго областного развитія. На этомъ пути малорусскій языкъ будетъ сохраняться (главное — сохраняться!) и расти какъ мѣстный языкъ, какъ языкъ мѣстной художественной литературы и, можетъ быть, въ извѣстныхъ границахъ, опредѣляемыхъ чисто-педагогическими соображеніями, какъ языкъ мѣстной начальной школы; на этомъ пути онъ можетъ соблюсти свои краски, онъ будетъ держаться и освѣжаться въ „народныхъ“ низахъ, въ тѣхъ тихихъ и глубокихъ заводяхъ народной жизни, въ которыхъ сельскій, главнымъ образомъ, бытъ укрывается отъ всеуравнивающей и вседробящей желѣзнодорожной, фабричной, митинговой, кафешантанной и кинематографической цивилизаціи. На этомъ пути не можетъ возникать никакого ни соперничества, ни еще менѣе враждебности между „общенародной“, національной и мѣстной стихіей.

Но возможно поставить украинское движеніе на другіе рельсы и указать малорусскому языку другой путь. Возможно, конечно, дать и этому языку общественное и государственное заданіе, вывести его изъ тихихъ закоулковъ сельскаго быта, гдѣ его интимную рѣчь подслушиваетъ народолюбивый слухъ поэтовъ природы и быта, и привести на политическое торжище, сдѣлавъ организующимъ орудіемъ въ соціальной и политической борьбѣ. Тутъ рѣчь, конечно, будетъ итти не только о наиболѣе цѣлесообразномъ обученіи въ начальной школѣ; не о широчайшемъ распространеніи священнаго писанія, не о томъ, чтобы любовно поддерживать и блюсти бытовыя особенности, которымъ угрожаетъ нивеллирующая цивилизація. Нѣтъ, тутъ ставится проблема созданія изъ мѣстнаго „быта“ и „нарѣчія“ новой національной и всеобъемлющей культуры, которая должна соперничать съ культурой общерусской и вытѣснять ее съ территоріи „этнографической“ Украйны. Новѣйшіе идеологи украинства обозначаютъ первое пониманіе малорусской проблемы какъ „украйнофильскую“ точку зрѣнія—на ней стоялъ Костомаровъ всю свою жизнь, а Драгомановъ — по крайней мѣрѣ до 1876 г. Второе пониманіе, которое, повидимому, владѣетъ теперь умами малорусской интеллигенціи, именуется „украинской“ точкой зрѣнія. [1]) Мой почтенный оппонентъ Украинецъ колеблется между этими двумя точками зрѣнія, пытаясь сохранить въ столь странномъ положеніи какое-то равновѣсіе.

Я не думаю, чтобы это было возможно. Я не думаю также, чтобы со стороны русской общественной мысли было правильно замалчивать истинное положеніе вещей и, по временнымъ соображеніямъ политической тактики, стирать тѣ рѣзкія грани, которыми одно пониманіе вопроса отдѣляется отъ другого. Разногласіе это таитъ подъ собой огром-

[1]) Ср. выше цитату изъ г. Сергія Ефремова.

ную культурную проблему, чреватую—если интеллигентская „украинская“ мысль ударитъ въ народную почву и зажжетъ ее своимъ „украинствомъ“—величайшимъ и неслыханнымъ расколомъ въ русской націи, который явится по моему глубочайшему убѣжденію подлиннымъ государственнымъ и народнымъ бѣдствіемъ. Всѣ наши „окраинные“ вопросы окажутся совершенными пустяками въ сравненіи съ такой перспективой „раздвоенія“ и — если за „малороссами“ потянутся и „бѣлоруссы“ — „растроенія“ русской культуры.

Могутъ сказать, что господствующая теперь реакція дѣлаетъ неблаговременнымъ обсужденіе всѣхъ этихъ проблемъ. Конечно, въ реакціонныхъ сумеркахъ все сѣро и все красно. Конечно, законныя культурныя требованія и проведеніе принципа формальнаго равноправія смѣшиваются властью и вдохновителями реакціи въ одну кучу съ радикальнымъ партикуляризмомъ. Но въ этомъ—помимо непосредственной вредоносности политической реакціи—именно и заключается ея опасность для будущаго страны и націи. Замѣняя борьбу культурныхъ и политическихъ направленій полицейскими преслѣдованіями, отрицающими право и возмущающими правосознаніе, реакція усыпляетъ общественную мысль, дѣлаетъ ее вялой, рыхлой, я бы сказалъ, тупой. Когда реакціонеры вопятъ о „мазепинствѣ“ и рисуютъ какія-то фантастическія картины австрійско-польско-украинской войны съ Россіей въ цѣляхъ отторженія отъ нея Украйны, когда въ дикомъ безмысліи Меньшиковы призываютъ полицейскихъ скорпіоновъ противъ малорусскаго театра и малорусской литературы, всѣ эти реакціонныя неистовства наносятъ двоякій вредъ общерусской культурѣ. Они, съ одной стороны, озлобляютъ и ожесточаютъ малороссовъ и тѣмъ самымъ питаютъ радикальный украинскій партикуляризмъ съ его противонаціональными и противогосударственными настроеніями. Съ другой стороны, они заставляютъ людей, которымъ противно всякое полицейское насиліе, отстраняться отъ изученія и осмысливанія съ истинно государственной точки зрѣнія тѣхъ трудныхъ національно-политическихъ проблемъ, которыми полна жизнь нашего государства, и либо закрывать глаза на эти проблемы, либо ихъ замалчивать, либо, наконецъ, трактовать ихъ съ недостаточной прямотой и глубиной. Недавно въ засѣданіи одного московскаго общества академикъ Ѳ. Е. Коршъ укорялъ русскую интеллигенцію за то, что она незнакома съ украинскимъ движеніемъ и не вдумывается въ него. Это вѣрно и въ отношеніи тѣхъ, кто взываютъ къ полиціи и ея средствамъ противъ вполнѣ законныхъ стремленій въ духѣ культурнаго украйнофильства. Но это не менѣе вѣрно и въ отношеніи тѣхъ, кто, по благодушію или невниманію, съ культурнымъ украйнофильствомъ смѣшиваютъ воинствующій партикуляризмъ, желающій областное начало поставить на мѣсто общенаціональнаго и тѣмъ самымъ покушающійся на куль-

турное единство русской Россіи. Та національстическая реакція, альфой и омегой которой являются полицейскія мѣры преслѣдованія, между прочимъ тѣмъ и опасна, что въ остальномъ обществѣ она поселяетъ равнодушіе и недомысліе. Но изъ-за того, что политическая реакція безъ смысла бьетъ на всѣ стороны и топчетъ право, не слѣдуетъ, чтобы общественная мысль должна была погрязать въ тупомъ благодушіи, въ то время когда въ жизни зрѣютъ жестокія проблемы и сѣются великія бури.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что когда падетъ реакція, всѣ эти вопросы, и въ томъ числѣ и проблема украинская, встанутъ съ гораздо большей ясностью. Къ этому моменту должно сознательно готовить себя русское общественное мнѣніе.

Я лично полагаю, что, будучи по традиціи украйнофильскимъ (по новѣйшей терминологіи), русское прогрессивное общественное мнѣніе должно энергично, безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ, вступить въ идейную борьбу съ „украинствомъ“, какъ съ тенденціей ослабить и отчасти даже упразднить великое пріобрѣтеніе нашей исторіи— общерусскую культуру.

Петръ Струве.

О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Толстого.

Замѣтки.

1.

Второй томъ посмертныхъ произведеній Толстого волнуетъ не меньше, чѣмъ первый, но въ общемъ—по-иному, ибо общій характеръ его иной, и если нѣкоторыя его страницы вновь показываютъ намъ Толстого, какъ геніальнаго художника, художника страшной силы, то большинство вошедшихъ сюда вещей, съ художественной стороны слишкомъ недоработанныхъ, пріоткрываютъ намъ зато внутреннюю жизнь великаго человѣка и пророка въ томъ, что было въ ней самаго интимнаго и трагическаго. И это, конечно, не менѣе важно и цѣнно и производитъ не менѣе глубокое впечатлѣніе, ибо сама жизнь Толстого, завершившаяся такъ, какъ она завершилась,—есть одно изъ величайшихъ художественныхъ произведеній Творца, потрясающая и просвѣтляющая героическая поэма, вникая въ которую съ новой силой постигаешь священный смыслъ нашей несовершенной и мучительной жизни.

Я не знаю, чѣмъ руководились издатели посмертныхъ художественныхъ произведеній Толстого, распредѣляя имѣвшійся у нихъ матеріалъ по томамъ. По выходѣ въ свѣтъ третьяго тома, вѣроятно, легче будетъ уловить въ изданіи руководящую нить,—ту, не всегда поддающуюся разсудочной формулировкѣ, являющуюся иногда результатомъ особаго психологическаго чутья редакторскую идею, которая диктуетъ такой, а не иной распорядокъ входящихъ въ изданіе произведеній. Несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ у издателей была такая идея, помимо желанія дать въ каждомъ томѣ, рядомъ съ несовершенными набросками, вещи наиболѣе цѣнныя въ ходожественномъ отношеніи. И непосредственное чувство отчетливо говоритъ, что изумительный, при всей незаконченности, разсказъ „Отецъ Сергій“ не случайно вошелъ въ тотъ самый томъ, который позволяетъ намъ глубже заглянуть въ исторію нравственной борьбы Толстого. Въ немъ нѣтъ тѣхъ личныхъ, автобіографическихъ

мотивовъ, которые развернулись съ такою страшною художественной мощью въ „Крейцеровой сонатѣ“ и которые такъ откровенно, даже безъ художественной переработки, выступаютъ въ двухъ наброскахъ второго тома посмертныхъ произведеній — въ одномъ изъ варіантовъ повѣсти „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ и въ эскизѣ драмы „Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ“; трагическая исторія отца Сергія, какъ и самая его фигура, выписаны съ величайшимъ художественнымъ объективизмомъ; но и въ замыслѣ этой вещи, и во всемъ колоритѣ ея есть нѣчто такое, что характерно для второй половины жизни Толстого, когда религіозные и нравственные вопросы пріобрѣли для него ужасающую жгучесть, когда въ поискахъ истины онъ обошелъ душою весь древній и новый міръ, жадно прислушиваясь къ голосу человѣческаго разума и человѣческой совѣсти, готовый принять поученіе отъ всякаго, чье слово прольется живою водою въ его сердце,—отъ простого русскаго мужика до отцовъ Церкви. Входящія во второй томъ, подъ общимъ заголовкомъ „Дѣтская мудрость“, маленькія сценки, въ которыхъ устами дѣтей выражаются мысли Толстого и которыя такъ мало разработаны со стороны психологіи и характеровъ участвующихъ въ разговорахъ лицъ, что я затрудняюсь придать имъ какое-либо художественное значеніе,—тѣмъ не менѣе вполнѣ подходятъ къ общему характеру этого тома, такъ же какъ и крошечный „Разсказъ для дѣтей“. Но написанные еще до 1862 г. два этюда на одну художественную тему, „Тихонъ и Маланья“ и „Идиллія“, скорѣе просятся въ разобранный уже нами первый томъ, куда вошли преимущественно вещи, характеризующія „дневную“, солнечную сторону души и творчества Толстого, — и невольно хочется выдѣлить оба эти этюда, разсмотрѣть ихъ раньше, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію другихъ, наиболѣе цѣнныхъ вещей второго тома, пріоткрывающихъ дверь въ таинственныя глубины его духа.

2.

Среди художественныхъ произведеній Толстого, написанныхъ за всѣ пятьдесятъ восемь лѣтъ его творческой дѣятельности, найдется лишь очень немного такихъ, въ которыхъ образы дѣйствительности не отсвѣчивали бы безпокойнымъ критическимъ отношеніемъ къ ней со стороны художника. И только тогда, когда онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ природой или съ тѣми формами человѣческой жизни, которыя сами подобны явленіямъ природы, эстетическая сторона его натуры окончательно брала верхъ надъ неугомонною работою его критическаго сознанія. Тогда красота, къ которой онъ былъ такъ остро чувствителенъ въ тайнѣ души, переставала казаться ему опасною, заколдовывающею человѣка въ равнодушіи къ добру,—и онъ безбоязненно отдавался во власть ея. Въ „Казакахъ“ есть такія страницы, гдѣ жизнь природы и

населяющихъ ее первобытныхъ людей изображена какъ величавая идиллія, чарующая силою и свѣжей вольной красотой. Другой такой идилліи—цѣльной и мажорно-гармоничной по настроенію — мы не знали до сихъ поръ въ произведеніяхъ Толстого.

И вотъ второй томъ посмертныхъ произведеній Толстого, полный трагическихъ диссонансовъ, вновь даетъ намъ идиллію,—два этюда одного и того же идиллическаго замысла изъ жизни русской деревни, и каждый изъ этихъ этюдовъ дышитъ той же, какъ и въ „Казакахъ", крѣпкой здоровой силой и свѣжей красотой. Такой простой, такой цѣльной и радостной красоты не найдешь, кажется, во всей русской литературѣ, кромѣ Пушкина. И читая эти этюды рядомъ съ другими вещами второго тома, вновь дивишься громадности душевнаго діапазона Толстого.

Ни одинъ изъ этихъ этюдовъ не былъ отмѣченъ въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Толстого, составленномъ Бирюковымъ, хотя туда вошли и многія еще неизданныя вещи. Примѣчаніе издателей къ настоящему тому ничего не говоритъ о томъ, гдѣ нашлись эти этюды, при какихъ условіяхъ были написаны и почему Толстой, въ свое время, не привелъ ихъ въ окончательный видъ, соединивъ въ одну картину, эпизодами которой они въ сущности являются, несмотря на различіе обоихъ этюдовъ въ обрисовкѣ главнаго мужского характера, или отдѣлавъ, по крайней мѣрѣ, тотъ или другой изъ нихъ. Недостатокъ этой художественной отдѣлки выдаютъ, главнымъ образомъ, описательныя и разговорныя длинноты, особенно въ первомъ этюдѣ, „Тихонъ и Маланья". Отдѣльныя страницы, наприм., та, гдѣ описывается возвращеніе деревенскаго люда изъ церкви, являются здѣсь лишними съ точки зрѣнія самого Толстого. Вѣдь въ 1862 г.—въ то время, около котораго, повидимому, писались эти вещи, Толстой, въ статьѣ „Кому у кого учиться писать?" уже указывалъ, что для настоящаго художника цѣнны только тѣ образы и подробности, которые вытекаютъ изъ *общаго чувства повѣсти* и служатъ для запечатлѣнія этого чувства.

Но что дѣлаетъ оба этюда, несмотря на недостатки, высоко-художественными, такъ это именно необычайная полнота разлитыхъ здѣсь чувствъ. Брызжутъ чувствомъ первобытной силы, здоровья, молодости обѣ главныя фигуры толстовскаго замысла, мужская и женская. Почти физически ощущаешь, сквозь слова художника, ту могучую, играющую избыткомъ энергію, которую онъ влилъ въ своихъ героевъ; ощущаешь ее, какъ что-то хорошо знакомое, испытанное,—хотя гдѣ же, въ условіяхъ нашего съ дѣтства изнервленнаго существованія, можно было испытать что-либо подобное! Органическая потребность въ работѣ, радость и прелесть физическаго труда переданы здѣсь съ необычайной заразительностью. „Ничто не цѣплялось, не валялось, не соскакивало у него

подъ руками, а все спорилось и ладилось, точно все было намаслено. Когда въ рукахъ у него ничего не было, большіе пальцы его рукъ далеко оттопыривались отъ кистей, какъ будто все хотѣли схватить еще что-нибудь и сработать". Какая естественная и выразительная пластическая черта и какъ она закрѣпляетъ для воображенія всю могучую и ловкую фигуру ямщика Тихона! Но главное здѣсь—всетаки не пластика, не внѣшніе образы, какъ бы они сами по себѣ ни были художественно-краснорѣчивы; главное здѣсь то, что эти образы насыщены живымъ чувствомъ и, входя въ нашу душу, прежде всего заливаютъ ее тѣмъ же чувствомъ. Основной мотивъ—бьющей ключомъ молодой силы—проходитъ черезъ весь художественный замыселъ. Ощущаешь въ Тихонѣ эту рвущуюся къ работѣ силу, какъ свою собственную, такъ сказать, изнутри,—и ощущаешь ее извнѣ, какъ что-то притягивающее, захватывающее, покоряющее. Любовь Тихона и Маланьи, обрисованная въ самыхъ простыхъ, реалистическихъ, чуть что не прозаическихъ словахъ, становится такой понятной и такой прекрасной, такой значительной въ своей примитивной неизмѣнности.

Все жизненно и правдиво до послѣдней возможности въ описаніи этого крестьянскаго брака, заключеннаго по выбору родителей: то, что, выйдя замужъ слабенькой пятнадцатилѣтней дѣвочкой, Маланья совсѣмъ не любила своего мужа, а только боялась и, защищаясь отъ него, начинала плакать, щипать и даже кусать его; и то, что цѣлыхъ два года продолжалась эта нелюбовь къ нему, пока она не выравнялась, не выросла, не пополнѣла; и то, что она стала, наконецъ, „привыкать" къ нему—и такъ привыкла, что, при всей ея веселости, бойкости, задорности, безъ него не было уже для нея житья. „Право, хотѣла къ тебѣ итти,—говоритъ она, прижимаясь къ нему послѣ разлуки: — такъ привыкла, такъ привыкла, скучно, да и шабашъ, ни на что бы не смотрѣла..." Во всемъ разсказѣ, ни въ томъ, ни въ другомъ этюдѣ, ни разу даже не встрѣчается слово: любовь. „Привыкла", „скучно безъ мужа", „никто, кромѣ него, не милъ..."—и только. Что это?—„психологія" или „физіологія", — выражаясь терминами ученой современности?.. Но эти термины — условны, пусты, почти что фальшивы въ своей расчлененности по сравненію съ тѣмъ цѣльнымъ, органичнымъ и глубокочеловѣчнымъ, что дано у Толстого.

Образъ Маланьи—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по красотѣ женскихъ образовъ Толстого. Съ внѣшней стороны въ немъ есть, пожалуй, нѣкоторое сходство съ образомъ Степаниды въ „Дьяволѣ": то же богатство играющихъ силъ, та же страстная и лукавая примитивная женственность. Но Степанида—безсердечная соблазнительница, неспособная ни къ кому „привыкнуть", „гуляющая" съ кѣмъ придется. А въ Маланьѣ, со всѣмъ ея неудержимымъ задоромъ, съ ея грубова-

тыми шутками, хитростями и расправами, съ ея подчасъ какъ будто безстыднымъ баловствомъ,—чувствуется вся прелесть душевной цѣльности и чистоты. И удивительна здѣсь, въ „Идилліи“—удивительна, хоть это и Толстой!—та художественная смѣлость, съ которой онъ набрасываетъ свои чуть что не натуралистическіе штрихи, все время рисуетъ Маланью—*бабу*, словно задавшись цѣлью вытравить въ читателѣ по ея адресу всякую склонность къ романтической идеализаціи,—и въ это же самое время, своими особыми художественными способами, даетъ намъ ощутить все обаяніе ея нетронутой, но глубокой женской души. Одна сцена „Идилліи“ особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи: ночная сцена на сѣнокосѣ, когда нагулявшіяся, подвыпившія парочки разбрелись по кустамъ, а сохнущій по Маланьѣ слабосильный молоденькій работникъ Андрюшка, лежа на копнѣ свѣжаго сѣна, словно привлекъ ее къ себѣ пѣсней... „Что жъ ты, пой.—Взяла, за рукавъ дергастъ.—Я люблю эту пѣсню. Наскучили мнѣ мужики, я отъ нихъ ушла. Пой же...“ Вотъ, отсюда начиная,—вся эта безподобная страница, залитая дурманомъ глухой, тоскующей, теряющей разумъ страсти двухъ людей: безнадежной страсти Андрюшки къ Маланьѣ, ея—къ уѣхавшему мужу. Грѣшно по-своему пересказывать эту страницу: тутъ нельзя тронуть съ мѣста ни одного слова—столь таинственно-значительна самая ихъ разстановка, неожиданная, будто безпорядочная смѣна ихъ въ прерывистомъ, полусознательномъ отъ волненія діалогѣ. Читаешь и чувствуешь, что еще минута, и Маланья, тоскуя только о мужѣ, автоматически, какъ въ бреду, отдастся другому. Слабосильный Андрюшка оказался слишкомъ робокъ, случайный шорохъ изъ кустовъ на минуту отрезвилъ Маланью, она вырвалась и убѣжала. Но грѣхъ уже виситъ надъ нею,—и встрѣча съ гуртовщикомъ на слѣдующій день является какъ бы развязкою ея ночныхъ томленій.

Но грѣхъ Маланьи—именно „грѣхъ“, несчастье ослабѣвшаго отъ страсти человѣка, измѣняющаго прежде всего—самому себѣ, и хотя послѣдняя страница разсказа написана какъ бы въ иной, болѣе внѣшней и поверхностной манерѣ, чѣмъ все предыдущее,—примирительное заключеніе его кажется правдивымъ и естественнымъ не только въ бытовомъ, но и въ нравственномъ, общечеловѣческомъ смыслѣ,—какъ естественно—въ иной психологической средѣ, а потому лишь при болѣе исключительныхъ условіяхъ—примиреніе кн. Андрея съ Наташей послѣ увлеченія ея Анатолемъ Куракинымъ: мотивъ невольной и внезапной измѣны въ обоихъ случаяхъ тотъ же.

Нужды нѣтъ, что „Идиллія“ съ технической стороны заключаетъ въ себѣ огромныя несовершенства, что разсказъ ведется въ формѣ воспоминаній о быломъ какого-то посторонняго лица, въ устахъ котораго совсѣмъ неправдоподобны лучшія, наиболѣе глубокія въ психологиче-

скомъ отношеніи сцены и очаровательныя художественныя описанія. Суть художественнаго замысла почти не страдаетъ отъ этого и раскрывается во всей своей необычайной поэтической прелести.

3.

Когда берешь перо, чтобы писать объ „Отцѣ Сергіи“, оно не сразу слушается отъ сознанія невозможности сказать все, что было бы нужно, и такъ, какъ нужно,—отъ того вихря мыслей и чувствъ, которыя вызываются этой вещью. Все въ ней волнуетъ необычайно: ни съ чѣмъ несравнимая важность и глубина темы, прельстительно-яркій образъ главнаго героя, художественно-психологическія откровенія, пронизывающія въ насъ сумракъ какихъ-то уходящихъ въ безконечность недодуманныхъ мыслей и еще не проснувшихся чувствъ,—и дивная, гипнотизирующая сила и красота наиболѣе совершенныхъ страницъ разсказа, и даже самыя его несовершенства, которыя, частью, остались бы, вѣроятно, непреодоленными и въ томъ случаѣ, если бы художникъ по настоящему закончилъ свою работу.

Онъ не закончилъ ея, а, какъ говорится въ письмѣ его къ Черткову отъ 31 августа 1902 г., довелъ лишь до связности и послѣдовательности, при которыхъ „хочется отдѣлывать“. Нѣкоторыя сцены остались несогласованными въ частностяхъ, но въ частностяхъ художественныхъ, поражающихъ воображеніе и потому томительно дразнящихъ его своей несогласованностью. Таковы два описанія природы, относящихся къ ночи искушенія о. Сергія, оба безподобныя и страшно выразительныя въ связи съ даннымъ настроеніемъ дѣйствующихъ лицъ, но совершенно противорѣчивыя: „...И залились колокольчики, и завизжали полозья... ровная, масляная дорога быстро убѣгала назадъ...“; а черезъ полчаса, когда монахъ прислушивается въ своей кельѣ послѣ разбудившаго его стука въ дверь, совсѣмъ другое: „Было совсѣмъ тихо. Тѣ же капли съ крыши падали въ кадушку, поставленную подъ уголъ. На дворѣ была мгла, туманъ, съѣдавшій снѣгъ...“ Такія противорѣчія, при отдѣлкѣ разсказа, несомнѣнно были бы сглажены, но основной художественный недостатокъ послѣднихъ главъ слишкомъ характеренъ для Толстого, чтобы объяснять его незаконченностью работы. Страстно работающая, нетерпѣливая, сознательная мысль художника прорывается вдругъ сквозь органическую художественную ткань повѣствованія и говоритъ устами его дѣйствующихъ лицъ, но иногда—какъ бы его собственнымъ голосомъ и со свойственными ему самому неизмѣнными удареніями. „Такъ вотъ что значилъ мой сонъ. Пашенька—именно то, что я долженъ былъ быть и чѣмъ я не былъ. Я жилъ для людей подъ предлогомъ Бога, она живетъ для Бога, воображая, что она живетъ для людей“. Такъ формулируется, устами героя, весь смыслъ

его душевныхъ переживаній,—вскрывается въ упрощенныхъ сознаніемъ словахъ глубокая, психологически страшно сложная художественная идея разсказа. И въ заключительныхъ страницахъ его, хотя и богатыхъ прекрасными жизненными деталями, чувствуется уже тотъ перевѣсъ сознательной умственной работы надъ работою разгоряченнаго творческаго воображенія, который всегда вредитъ органической цѣльности произведенія и ослабляетъ его непосредственное воздѣйствіе на человѣческія души.

Но и эти страницы не могутъ не волновать читателя какъ близкаго, такъ и далекаго Толстому по духу, ибо самая мысль его, центръ всѣхъ его убѣжденій и единая святыня всей второй половины его жизни, несетъ въ нашу современную духовную жизнь не миръ, но мечъ, раздѣляющій представителей различнаго міросозерцанія. И когда Толстой, теоретически прекрасно сознававшій, что художникъ долженъ выражать себя сцѣпленіемъ образовъ, а не словами, идущими отъ ума,—тѣмъ не менѣе не могъ удержаться, чтобы не высказать свою мысль „словами“,—словами особенно простыми, ясными,—онъ какъ бы защищалъ свой разсказъ отъ той критики, которая, при своей благосклонности къ нему, какъ къ художнику, могла бы разсмотрѣть исторію отца Сергія, какъ интересный и въ своемъ родѣ характерный психологическій случай, закрывъ глаза на все то для другихъ спорное, а для него безспорное, что лежитъ въ основѣ этой вещи и за исповѣданіе чего онъ вновь и вновь хотѣлъ нести отвѣтственность передъ всѣмъ свѣтомъ.

Но добросовѣстно, серьезно читая „Отца Сергія“, и безъ этого нельзя было бы не почувствовать здѣсь настоящаго Толстого—со всѣмъ, что отличаетъ его какъ человѣка, какъ художника и какъ мыслителя. Пусть недостаточно убѣдительна для чувства и воображенія какъ разъ послѣдняя часть разсказа, гдѣ онъ больше всего стремился показать свою вѣру. Все, что онъ заставляетъ насъ пережить центральными, наиболѣе сильными въ художественномъ отношеніи страницами своего повѣствованія, ведетъ въ самую глубь наиболѣе важныхъ для него вопросовъ. Люди извѣстнаго склада мысли, люди, отвращающіеся отъ нравственныхъ вопросовъ въ ихъ наиболѣе общей и глубокой, т.-е. религіозной постановкѣ, могутъ, конечно, „надѣть шоры“ и не воспринять того, что художественно раскрыто и показано Толстымъ. Но для того, кто воспринялъ и пережилъ, начинается, въ связи съ анализомъ художественно пережитаго, какая-то новая духовная работа.

Самый образъ отца Сергія, въ міру—князя Степана Касатскаго, данный художникомъ въ рѣдкой органической цѣльности, стройности и красотѣ, только сначала кажется чѣмъ-то простымъ и понятнымъ безъ дальнихъ размышленій. Чѣмъ больше вглядываешься въ него, чѣмъ внимательнѣе слѣдишь за тѣмъ, какія именно психологическія черты

слиты, по тайному сродству ихъ между собою, въ его человѣческомъ характерѣ, чѣмъ глубже вживаешься въ его чувства и стремленія,— тѣмъ больше шевелится въ душѣ разныхъ большихъ, общечеловѣческихъ вопросовъ. И, кажется, даже внѣшняя обаятельность и импозантность созданнаго художникомъ образа содѣйствуетъ ускоренію и углубленію этой, непроизвольно совершающейся въ душѣ работы.

Первыя, вступительныя, строки разсказа, классическія по своей повѣствовательной сгущенности и простотѣ, уже заинтриговываютъ воображеніе. Вслѣдъ затѣмъ Толстой набрасываетъ характеристику Касатскаго, какимъ онъ былъ при поступленіи въ корпусъ. Красота, ловкость, блестящія способности, огромное самолюбіе, скованная необычайной выдержкой, глубоко затаенная, прорывающаяся только въ минуты гнѣва бѣшеная страстность—вотъ основныя черты его характера, неизмѣнныя до конца, все предрѣшающія въ дальнѣйшемъ. Съ самаго дѣтства Касатскаго, говоритъ Толстой, въ душѣ его шла сложная и напряженная работа, повидимому, самая разнообразная, но всегда состоящая въ томъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, представляющихся ему на пути, достигать *совершенства* и *успѣха*... Мы уже чувствуемъ въ этой характеристикѣ связь всѣхъ входящихъ въ нее чертъ. Князь Касатскій—это сильная и честолюбивая волевая натура, съ потребностью находить все новыя и новыя цѣли для упражненія своей воли, непосредственно направленной, однако, не на внѣшній, а на внутренній міръ: ему нужна не грубая власть надъ людьми, а *успѣхъ* у нихъ и притомъ самый благородный и изящный видъ успѣха, достигаемый неподдѣльнымъ, непоказнымъ *совершенствомъ*. Все распущенное, лживое, грубое претитъ его натурѣ, эстетической и гордой.

Превосходный, набросанный легкими, „старинными“ чертами эпизодъ его сватовства и увлеченія, естественно приводитъ его къ рѣшенію замкнуться въ монастырѣ. Толстой достаточно обосновалъ необычайность такого рѣшенія своего героя: осквернителемъ его любви, оскорбителемъ его гордости оказался самъ Николай I, внушавшій ему съ юности преданность, доходившую до обожанія. И „онъ сталъ монахомъ, чтобы стать выше тѣхъ, которые хотѣли показать ему, что они стоятъ выше его“. Такъ поняла его поступокъ его сестра, такая же, какъ онъ, гордая и честолюбивая. Но она не знала, прибавляетъ Толстой, что, кромѣ всего того, въ немъ жило истинно-религіозное чувство, никогда не нарушавшаяся, но вначалѣ и не испытанная еще, „дѣтская“ вѣра въ Бога.

Жизнь въ монастырѣ, религіозная жизнь бывшаго князя Касатскаго— въ этомъ, конечно, вся суть разсказа и вся настоящая сила его. Все предыдущее — лишь введеніе, но введеніе художественно необходимое: свойственная Толстому манера повтореніемъ однихъ и тѣхъ же характерныхъ штриховъ, напоминаніемъ однѣхъ и тѣхъ же характерныхъ

внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей своего героя глубоко врѣзывать въ душу читателя его образъ и неустанно будить его вниманіе къ тому, что есть самаго существеннаго въ этомъ образѣ,—примѣняется и здѣсь. Все тѣ же характерныя психологическія черты вновь и вновь выдвигаются Толстымъ при изображеніи монастырской жизни его героя. Какъ въ міру онъ находилъ для себя удовлетвореніе и радость только въ томъ, чтобы достигать, напряженіями своей воли, все большаго внѣшняго и внутренняго совершенства и „расширять рамки совершенства“,—такъ и въ качествѣ монаха онъ стремился лишь къ тому, чтобы развивать въ себѣ новыя, христіанскія совершенства, старался быть „трудящимся всегда, воздержнымъ, смиреннымъ, кроткимъ, чистымъ не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ“. Въ подчиненіи своей воли старцу-игумну, въ послушаніи ему онъ обрѣлъ какъ бы новое испытаніе и новое удовлетвореніе для этой же самой своей воли,—ибо и подчиненіе его было добровольное. Какъ всякая настоящая сила, она искала себѣ примѣненія и находила его—въ *самообузданіи*. Постоянное преодолѣніе своихъ слабостей, постоянныя усилія борьбы со своими страстями и постоянныя побѣды надъ собою становились для него источникомъ новой отрады—отрады для гордости. Но не для одной только гордости, нѣтъ! Въ томъ-то и дѣло, что, вдумываясь въ характеръ этой новой, нравственной жизни о. Сергія, мы вновь видимъ въ ней ту же черту—безкорыстной любви къ совершенству, *къ внутренней красотѣ*. И самая гордость его, неизбѣжно сопутствующая этой любви къ красотѣ, все время какъ бы стоитъ на стражѣ ея. Эстетическая натура его, углубляясь, вся сосредоточивается въ области нравственной и религіозной: духовная забота его вся направляется на усмиреніе своего бунтующаго темперамента, на очищеніе своей души отъ всего грубаго и неблагороднаго, на исполненіе своего долга передъ Богомъ, передъ всесвязующимъ, всеорганизующимъ началомъ міра. Но во всей этой огромной и возвышенной духовной работѣ все время преобладаетъ *эстетическій* мотивъ...

Незамѣтнымъ образомъ образъ отца Сергія подводитъ насъ къ одному изъ самыхъ глубокихъ и жгучихъ вопросовъ современности. Эстетика и нравственность... Въ воздухѣ носится потребность опредѣлить, наконецъ, ихъ соотношеніе. Многими чувствуется, что и самая нравственность есть своего рода эстетика. Возникаетъ мысль подмѣнить понятіе нравственности — понятіемъ душевной красоты, признавъ ихъ тождество. И есть великая соблазнительность въ этой мысли, ибо высшая стройность, организованность личности въ самой себѣ, высшая упорядоченность ея въ соотношеніи съ міромъ другихъ живыхъ существъ, словомъ, все то, что можетъ быть названо ея душевной красотою, казалось бы, есть уже и полнота нравственности. Разсказъ Толстого заставляетъ насъ внезапно почувствовать, что это не совсѣмъ такъ, что есть

грань между этими понятіями, что эстетическій элементъ нравственнаго совершенства есть только одинъ элементъ, одна сторона того, что мы зовемъ нравственной жизнью человѣка,—*формальная* сторона ея — въ противоположность ея живому эмоціональному содержанію.

Въ обольстительно-горделивой, благородной, замкнутой фигурѣ отца Сергія чувствуется извѣстная сухость и недоброта—не въ томъ только смыслѣ, что люди раздражаютъ его своей мелкостью, суетностью, пошлостью—раздражительность можетъ происходить отъ разныхъ причинъ и особенно понятна въ эстетической натурѣ,—но въ томъ смыслѣ, что люди почти и не существуютъ для него, какъ люди, не волнуютъ его чувствомъ жалости, нѣжности, любви, не раскрываются для него со стороны своей бездонной человѣчности. Онъ ищетъ у нихъ только успѣха: онъ видитъ въ нихъ только зеркала, въ которыхъ отражаются его совершенства и которыя помогаютъ ему наслаждаться своими совершенствами. Все, что показываетъ намъ Толстой, рисуя вторую половину монастырской жизни о. Сергія, когда подвижничество въ затворѣ смѣнилось для него служеніемъ страждущему стаду людскому, говоритъ объ этой душевной сухости его, о его неспособности выходить непосредственными ощущеніями, чувствами, за предѣлы своей личности и почерпать новыя силы въ общеніи съ міромъ. Сцена, гдѣ о. Сергій является намъ окруженный непрерывно приливающей толпой, которая ждетъ и требуетъ отъ него благословенія, помощи и совѣта, сама собою напрашивается на сравненіе съ подобною же сценою въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, а образъ о. Сергія—съ образомъ старца Зосимы. Тамъ—безбрежное море чувствъ, неизсякающій круговоротъ и приливъ ихъ, и кажется—таютъ тѣ границы, въ которыя замкнуты на землѣ живыя индивидуальныя существа, падаютъ преграды, отдѣляющія человѣческія души другъ отъ друга — и измученный болѣзнью, умирающій старикъ оказывается неустаннымъ. А отецъ Сергій тщетно борется съ досадою и раздраженіемъ на обступающую его толпу: и тянется къ ней, какъ къ источнику своей славы, и тяготится ею, изнемогаетъ. Онъ былъ вѣренъ себѣ и силенъ, только пока онъ былъ одинъ. Теперь онъ уже стоитъ на порогѣ страшнаго паденія,—и новый путь жизни откроется ему только тогда, когда, разбивъ въ этомъ паденіи свою гордыню, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ почувствуетъ всю ограниченность своего внутренно-замкнутаго житія.

Вся религіозная жизнь о. Сергія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, отражаетъ въ себѣ и силу, и слабость его аристократической душевной организаціи. Та дѣтская вѣра, съ которой онъ вступилъ въ монастырь, скоро стала подвергаться испытаніямъ. Воспоминанія о жизни, приливы стихійныхъ страстей гасили въ немъ порою свѣтильникъ духа: все то, чѣмъ онъ жилъ въ монастырѣ, „тускнѣло передъ нимъ, онъ пе-

реставилъ не то что вѣрить въ то, чѣмъ жилъ, но пересталъ видѣть это"... По недостатку тѣхъ непосредственныхъ ощущеній, которыя питаютъ нашъ духъ, связывая насъ съ истинными реальностями міра, онъ оставался въ сущности оторваннымъ отъ Бога, какъ былъ оторванъ и отъ людей. Пути эстетическихъ постиженій оставались ему: связь міровыхъ явленій открывается человѣку и въ созерцаніи. И когда сомнѣнія и искушенія томили о. Сергія, „онъ старался, выдвинувъ какъ бы шоры своему вниманію, не видѣть ничего, кромѣ блеска свѣчей у иконостаса, иконъ и служащихъ, не слышать ничего, кромѣ пѣнія и произносимыхъ словъ молитвъ, и не испытывать никакого другого чувства, кромѣ того самозабвенія въ сознаніи исполненія должнаго, которое онъ испытывалъ всегда, слушая и повторяя впередъ столько разъ слышанныя молитвы"... Есть, очевидно, потребность *самозабвенія*, пріобщенія себя къ великому и единому цѣлому, даже у замкнутой въ себѣ эгоистической натуры,—и только возможность такъ или иначе ощущать міръ, какъ нѣчто цѣлое и согласованное въ своихъ частностяхъ, даетъ смыслъ всѣмъ нашимъ высшимъ стремленіямъ. Оттого „сомнѣнія" всегда были связаны для о. Сергія съ искушеніями „плотской похоти", и жизнь его была трудная,—не трудами поста и молитвы, а постоянной внутренней борьбой съ этими двумя врагами, которые всегда поднимались въ немъ вмѣстѣ. Но пока онъ жилъ затворникомъ, не поддаваясь наиболѣе опаснымъ для него соблазнамъ — измельчающимъ душу соблазнамъ людской славы и самолюбованія, съ страстною сосредоточенностью поддерживая неустойчивое равновѣсіе своей вѣры, онъ былъ силенъ. Его большая природная воля непрерывно работала въ немъ, усмиряя некрасивыя душевныя вожделѣнія,—и безкорыстная любовь къ совершенству горѣла въ немъ яркимъ огнемъ.

Дивно прекрасенъ и величественъ его образъ въ сценѣ его искушенія, и сама эта сцена, центральная въ разсказѣ, вся, отъ начала до конца, прекрасна и величественна, какъ лишь немногія созданія мірового искусства, въ которыхъ глубина замысла сочеталась съ высочайшимъ совершенствомъ художественнаго исполненія. Суровый, какъ бы взятый изъ „Прологовъ" мотивъ облекся здѣсь и реальною психологическою правдою, и благоуханной поэзіей. Это—та особенная, толстовская поэзія, въ которой нѣтъ ни капельки романтизма, слова сами по себѣ просты и трезвы, образы взяты изъ знакомой, обыденной дѣйствительности, а все вмѣстѣ—живетъ передъ глазами и остается жить въ нашей душѣ, какъ что-то ею самою испытанное, потрясшее ее—и лишь постепенно раскрывающееся ей во всемъ своемъ духовномъ и поэтическомъ значеніи. Невозможно сразу обнять вниманіемъ все то богатство художественныхъ и психологическихъ мотивовъ, которое заключено въ этой сценѣ, но когда разсказъ прочтенъ до конца и на нѣсколько ча-

совъ отходишь отъ него,—онъ вдругъ встаетъ въ воображеніи со всѣми своими подробностями, преслѣдуетъ почти какъ галлюцинація, волнуетъ, приковываетъ къ себѣ не только чувства, но духъ. Ощущаешь глубокую тишину ночи и святость одинокихъ духовныхъ борсній о. Сергія съ тяжкимъ приступомъ сомнѣній, потомъ—успокоеніе его, легкій чуткій сонъ, отдаленный звонъ колокольчиковъ, стукъ въ дверь и голосъ женщины—„голосъ нѣжный, робкій, милый“. Мягкой русской прелестью дышитъ здѣсь соблазнительный образъ легендарной блудницы—разводной жены Маковкиной, „богачки и чудачки, удивлявшей и мутившей городъ своими выходками“, красавицы, представшей о. Сергію, во мглѣ ночи, за окномъ его кельи, съ „милымъ, милымъ, добрымъ, испуганнымъ лицомъ“. Не простая чувственная страсть ударяетъ въ голову одинокаго монаха, когда онъ, совершивъ молитву послѣ перваго мгновенія испуга и соблазна, „легко поднялъ на сильныхъ нервныхъ ногахъ свое исхудалое легкое тѣло“, заглянулъ въ окно и встрѣтилъ взглядъ красавицы: „Глаза ихъ встрѣтились и узнали другъ друга“. Никогда раньше не встрѣчавшіеся, оба они почувствовали, что знаютъ другъ друга, понятны другъ другу. И сдержанное душевное волненіе томитъ обоихъ въ то время, какъ онъ слушаетъ ту дѣтскую ложь, которой она объясняетъ свое появленіе. „Онъ былъ прекрасенъ въ ея глазахъ; вьющіеся съ просѣдью волосы головы и бороды, правильный тонкій носъ и, какъ угли, горящіе глаза, когда онъ прямо взглядывалъ, поразили ее“...—Да, это человѣкъ,—думала она, въ то время, какъ онъ оставилъ ее и, уйдя за перегородку, ровнымъ голосомъ читалъ молитвы,—и, думая это, тянула съ ноги шлюпающій, промокшій ботикъ и смѣялась, все громче смѣялась—для него—тѣмъ веселымъ, натуральнымъ, добрымъ смѣхомъ, который дѣйствительно волновалъ его такъ, какъ она того хотѣла. Страстное напряженіе растетъ въ тишинѣ ночи, и каждая мелкая реалистическая подробность раздѣванья Маковкиной,—все то, что она, женственно-дерзкая и взволнованная, сама ощущаетъ, какъ соблазнъ,—усиливаетъ это напряженіе, доводя его до боли, до дрожи и лихорадки,—такъ что она уже почти не притворяется, когда кричитъ ему, что больна, стонетъ и зоветъ на помощь... А онъ продолжалъ творить „умную“ молитву, слышалъ каждый шорохъ за перегородкой и, чувствуя, что слабѣетъ, что всякую минуту можетъ погибнуть,—напрягалъ всѣ силы духа, чтобы держаться. Такая сила убѣжденности, такая горящая любовь къ строгому совершенству исходитъ въ эту минуту изъ всей его фигуры, что вмѣстѣ съ нимъ чувствуешь ужасъ при мысли о грѣхѣ, о прорывѣ чувственности, которая затопитъ возникшее въ немъ тонкое, бережное отношеніе къ явившейся ему женщинѣ и всю высокую прелесть этого безкорыстнаго отношенія,—при мысли о паденіи, которое разобьетъ прямую, уходящую въ безконечность линію его

жизни. И страшною, поражающею воображеніе, но понятною правдою дышитъ описаніе его христіанскаго подвига,—моментъ отсѣченія пальца,—сдѣланное натуралистическими чертами, съ толстовской смѣлостью и силою, но оставляющее въ душѣ тихій восторгъ передъ красотою цѣломудрія.

Я не знаю въ міровой литературѣ другой такой сцены,—столь плѣнительной этой красотою цѣломудрія, столь внушительной въ раскрытіи истиннаго смысла воздержанія.

Хочется еще многое сказать объ „Отцѣ Сергіи“,—объ отношеніи нарисованнаго Толстымъ образа къ инымъ типамъ служителей Церкви, болѣе выражающимъ духъ православія, о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ черточкахъ психологіи разсказа, которыя кажутся особенно характерными для Толстого, интимными, почти автобіографическими. Но все это, сравнительно, не такъ важно.

4.

Всѣ остальныя вещи, входящія во второй томъ посмертныхъ произведеній Толстого, нужно разсматривать, какъ матеріалы, какъ документы его внутренней, нравственной и творческой жизни. Это не значитъ, что въ нихъ нѣтъ ничего цѣннаго въ художественномъ отношеніи: даже въ „Дѣтской мудрости“ и „Разсказѣ для дѣтей“, стенографически записанномъ за его словеснымъ повѣствованіемъ внучкѣ и почти не тронутомъ его поправками, есть штрихи, есть слова, которые могли изойти только изъ души Толстого-художника. Въ обоихъ варіантахъ, вѣрнѣе было бы сказать—въ обоихъ, совершенно несходныхъ между собою наброскахъ для широко задуманной имъ повѣсти „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“,—послѣдняго его произведенія, надъ которымъ онъ думалъ, судя по записямъ въ его собственномъ дневникѣ и по записямъ не разъ упомянутаго нами дневника В. Ѳ. Булгакова, еще за нѣсколько дней до ухода изъ Ясной Поляны, особенно же въ первомъ изъ этихъ набросковъ, есть образы новые для Толстого и безподобно намѣченные, есть страницы, изъ которыхъ глядитъ его всевѣдущій художественный геній. Есть отдѣльныя прелестныя жизненныя черточки и въ неразработанной, безпощадно искромсанной по цензурнымъ соображеніямъ драмѣ „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“. Но говорить обо всѣхъ этихъ вещахъ съ художественной стороны все-таки не приходится, особенно, когда подумаешь, что и наиболѣе прославленныя прежнія произведенія Толстого въ сущности до сихъ поръ почти не оцѣнены критикой, не разсмотрѣны ею въ своихъ художественныхъ особенностяхъ съ надлежащей глубиной и полнотой, а цѣлый рядъ его вещей и набросковъ послѣдняго времени, какъ повѣсть „Божеское и человѣческое“, „Корнѣй Васильевъ“, „Ягоды“, „Молитва“, чудесный отрывокъ изъ неоконченной повѣсти „Кто

правъ?", въ которомъ есть что-то общее со вторымъ варіантомъ „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ",—даже совсѣмъ не были отмѣчены нашей печатью.

Но, какъ я уже сказала въ началѣ этой статьи, есть другая сторона въ нѣкоторыхъ изъ вошедшихъ во второй томъ набросковъ, автобіографическая, и мимо нея нельзя пройти молчаніемъ, ибо тутъ не просто черты изъ жизни Толстого, а неожиданный прорывъ въ самую глубь его личной душевной драмы, его страшной борьбы съ семьей и съ самимъ собою за осуществленіе нравственно- и религіозно-должнаго. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ шла эта борьба, то утихая, то вновь обостряясь, а люди, странно сказать, не всѣ даже и догадывались о ней,—хотя, казалось бы, какъ можно было не догадаться, зная и любя Толстого по его произведеніямъ? Но мы слишкомъ привыкли къ грубымъ противорѣчіямъ между словомъ и дѣломъ, мыслью и жизнью,—и когда Сергѣенко въ своей извѣстной книгѣ „Какъ живетъ и работаетъ Толстой" рисовалъ яснополянскую жизнь Толстого, уже написавшаго свои наиболѣе революціонныя вещи, какъ умилительную семейную идиллію,—ему вѣрили. Одни „понимали" Толстого: оправдывали его непослѣдовательность. Другіе осуждали его. Я помню, какъ въ концѣ 90-хъ годовъ одинъ, тогда молодой еще, пылкій поэтъ съ яростью называлъ Толстого, передавшаго имѣніе женѣ и оставшагося жить въ ея имѣніи, „злостнымъ банкротомъ". И кто только не позволялъ себѣ, съ обычною увѣренностью человѣческихъ сужденій, говорить въ этомъ родѣ! Казалось, что Толстой, хотя и не равнодушный къ тому, что онъ самъ называетъ „славой людской", въ своемъ величіи не ощущаетъ боли отъ такихъ нападокъ. Но вотъ, въ наброскахъ къ драмѣ „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ", отражающей почти безъ художественной переработки семейную жизнь Толстыхъ, мы находимъ такія строки въ устахъ главнаго героя ея, названнаго Николаемъ Ивановичемъ Сарынцевымъ: „...Маша! я не нуженъ тебѣ. Отпусти меня... Выходитъ только то, что я мучаю васъ и мучаю себя. Не только мучаю себя, но гублю то, что я дѣлаю. Мнѣ всякій, этотъ же Александръ Петровичъ, имѣетъ право сказать и говоритъ, что я обманщикъ, что я говорю, но не дѣлаю, что я проповѣдую евангельскую бѣдность, а самъ живу въ роскоши подъ предлогомъ, что я отдалъ все женѣ..." И далѣе монологъ Сарынцева, въ одиночествѣ, послѣ примиренія съ женой: „Ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ или хитрая женщина. Да, хитрый ребенокъ. Да, да. Видно, не хочешь Ты, чтобы я былъ Твоимъ работникомъ въ этомъ Твоемъ дѣлѣ; хочешь, чтобы я былъ униженъ, чтобы всѣ могли на меня пальцемъ указывать: говоритъ, но не дѣлаетъ. Ну, пускай. Ты лучше знаешь, что Тебѣ нужно. Смиреніе, юродство. Да, если бы только возвыситься до него..."

Въ данномъ наброскѣ съ самого себя Толстой—менѣе, чѣмъ когда-

либо художникъ и совсѣмъ не драматургъ, хотя онъ способенъ былъ проявлять свой художественный геній и въ области драмы и особенно высоко цѣнилъ эту форму словеснаго искусства. Но, несмотря на то, что онъ не вдохнулъ въ этотъ „самопортретъ“ ни своего могущественнаго темперамента, ни своей природной гордости, что онъ упростилъ здѣсь свою душевную жизнь, свелъ свою внутреннюю борьбу—къ борьбѣ между своимъ религіознымъ убѣжденіемъ и любовью къ женѣ, не показавъ даже сложнаго и мучительнаго характера этой любви,—нельзя безъ волненія читать вышеприведенныя и многія другія строки отсюда: такое въ нихъ чувствуется страданіе. Въ вышедшемъ за два года до смерти Толстого второмъ томѣ „Біографіи“ Бирюкова напечатаны были замѣчательные документы изъ дневниковъ самого Толстого и его семейной переписки, относящіеся какъ разъ къ тому времени, которое здѣсь изображается, т.-е. къ началу 80-хъ годовъ, когда, переѣхавъ, противъ воли, вмѣстѣ съ семьею въ Москву и вновь съ ужасающей силой почувствовавъ внутреннія противорѣчія своей жизни, онъ, по словамъ графини Софьи Андреевны, „не спалъ и не ѣлъ, самъ à la lettre плакалъ иногда“. Но и въ этихъ драгоцѣнныхъ документахъ все же не такъ, какъ въ наброскахъ его автобіографической драмы, чувствуется та сосредоточенная мука, которая грызла его сердце въ борьбѣ съ самимъ собою. Разнообразіе его внѣшней жизни и полнота его духовной и творческой работы какъ бы заслоняютъ отъ насъ, въ документахъ, приведенныхъ у Бирюкова, эту сторону его существованія,—какъ, повидимому, заслоняли ее временами и для него самого.

Проходили годы, десятки лѣтъ—и, кажется, даже тѣ, которые раньше осуждали его, начинали привыкать къ скрытому въ его жизни противорѣчію, примиряться. Оттого такъ потрясла весь міръ вѣсть объ его уходѣ изъ Ясной Поляны. Всѣ почувствовали, хотя и по-разному, необычайность, огромность, легендарную значительность и красоту этого событія, завершившагося величественной и поразительной смертью. Всѣ поняли, въ разной степени и съ разными оттѣнками, что Толстой сдѣлалъ что-то такое, на что у другихъ нехватаетъ силы. Но какъ представить себѣ все, что творилось въ его душѣ! Вѣдь для этого нужно охватить воображеніемъ тѣ безчисленныя, страшно живучія въ немъ чувства, которыя, какъ глубоко вросшіе въ землю корни, связывали его съ Ясной Поляной, учесть все, что онъ любилъ тамъ, страстно любилъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ,—и въ то же время увидѣть и хоть на минуту пережить своимъ сознаніемъ процессъ разрыва со всѣмъ, что составляетъ личную жизнь, во имя безличной истины. Есть люди и въ наше время, совершающіе великіе подвиги нравственнаго убѣжденія. Но чѣмъ богаче, жизненнѣе, разностороннѣе и гибче человѣческая натура, тѣмъ труднѣе дается ей подвигъ разрыва съ

жизнью, и не объ одномъ только матеріальномъ богатствѣ сказано, что скорѣе верблюдъ пройдетъ черезъ игольное ушко, чѣмъ богатый внидетъ въ Царство небесное. Наконецъ, если люди всетаки отрываются во имя идеи отъ того, что держало ихъ въ земномъ плѣну, то все же имѣя впереди нѣчто конкретно-положительное, зажигающее не только духъ, но и воображеніе. Толстой уходилъ изъ Ясной Поляны, которую онъ осудилъ, невѣдомо куда. Это и есть, кажется, то особенное, ни съ чѣмъ несравнимое въ наше время, что есть въ его подвигѣ.

Но о томъ, какъ трудно было и ему рѣшиться на это, какъ далекъ онъ былъ отъ разрыва съ семьей за какой-нибудь мѣсяцъ до своего ухода, мы до сихъ поръ не имѣли представленія и, привыкнувъ постепенно къ тому, что всего годъ тому назадъ поразило насъ, уже переставали видѣть то необыкновенное и чудесное, что было въ его поступкѣ. Второй томъ его посмертныхъ произведеній приноситъ намъ замѣчательный документъ въ этомъ отношеніи: его собственное признаніе, которое вновь переворачиваетъ наши мысли и чувства. Есть что-то неожиданное и особенно хватающее за сердце въ томъ фактѣ, что это интимное, личное признаніе напечатано въ формѣ первой главы послѣдняго варіанта повѣсти „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“. Въ примѣчаніи издателей не сказано, къ сожалѣнію, самъ ли Толстой пронумеровалъ такимъ образомъ главы своего наброска и что означаютъ въ данномъ случаѣ разрывающія текстъ многоточія. Но все это вмѣстѣ взятое производитъ совершенно исключительное впечатлѣніе.

„Какая странная, удивительная моя судьба,—начинаетъ Толстой. Едва ли есть какой бы то ни было забитый, страдающій... бѣднякъ, который бы въ сотой долѣ чувствовалъ, какъ я чувствую теперь, всю ту несправедливость, жестокость, весь ужасъ... подавленности, униженности, бѣдственности положенія большинства людей!... Чувствовалъ я это давно, и чувство это съ годами росло и росло и дошло въ послѣднее время до высшей степени. Мучительно чувствую теперь все это и, несмотря на то, живу въ этой развращенной, преступной средѣ... и не могу, не умѣю, не имѣю силъ уйти изъ нея“. Прямо и опредѣленно говорится здѣсь, что у него уже нѣтъ больше надежды покончить со своимъ внутреннимъ разногласіемъ. „Было время,—говоритъ онъ,—когда я пытался измѣнить явно мое несогласное съ требованіями души положеніе, но сложныя условія прошедшаго, семья и ея требованія не выпускали меня изъ своихъ тисковъ, или, скорѣе, я не умѣлъ и не имѣлъ силъ отъ нихъ освободиться. *Теперь же, на девятомъ десяткѣ, ослабѣвшій тѣлесными силами, я уже и не пытаюсь освободиться,* и, странное дѣло, по мѣрѣ ослабленія тѣлесныхъ силъ, все сильнѣе и сильнѣе сознавая всю преступность своего положенія, я все болѣе и болѣе страдаю отъ этого положенія“... И вотъ, ему приходитъ мысль,

что положеніе это „не даромъ“, что, можетъ быть, сама судьба поставила его въ это странное положеніе, едва ли не самое выгодное для того, чтобы высказать о создавшихся условіяхъ человѣческой жизни „настоящую правду, не затемненную ни желаніемъ оправдать себя, ни завистью бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ богатыхъ и угнетателей“. Онъ хочетъ высказать, что создавшееся положеніе вещей ужасно, что установившіяся между людьми отношенія—преступны, и вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ показать, что сложныя условія прошедшаго „дѣлаютъ почти невмѣняемымъ большинство людей властвующихъ классовъ“, что—„нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“.

Какія-то новыя для Толстого ноты есть въ этой „авторской исповѣди“,—почти гоголевская вѣра въ свое предназначеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкая, скорбная мудрость. Какъ будто бы смирился мятежный духъ, нашелъ въ себѣ равновѣсіе, призналъ и безъ подвига оправданной свою мучительную долголѣтнюю жизнь,—и художникъ можетъ спокойно совершить свой послѣдній, величавый старческій трудъ. Но не было этого спокойствія. 26 сентября 1910 г. Булгаковъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что Толстой говорилъ ему о содержаніи первой главы начатой повѣсти „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“.

— Знаете, такая милая, богатая семья, вотъ какъ у Сухотиныхъ. И тутъ же это противорѣчіе—деревенскія избы... Но сейчасъ не могу писать. Нѣтъ спокойствія...

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ поднялся и ушелъ.

Любовь Гуревичъ.

ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ

продаются письма-**автографы Л. Н. Толстого.**

Цѣна—50 руб. за письмо.

Въ вырученной суммѣ будетъ данъ отчетъ въ печати.

Адресъ: П. о. Береговое, Черноморской губерніи, Ивану Ѳедоровичу Наживину.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Віардо [1]).

(Сообщены И. Д. Гальперинъ-Каминскимъ.)

Баденъ 1867 года.

I.

Баденъ, Шиллерштрассе, 277. Среда, 6 февраля 1867 г., 2 часа.

Теперь вы уже уѣхали изъ Карлсруэ, theuerste, innigst geliebte Freundin [2]), а я сижу за своимъ столомъ и мысленно слѣдую за вами. У насъ отвратительная погода, отъ безпрестаннаго вѣтра дрожатъ стекла, но меня утѣшаетъ мысль, что не холодно, а это самое важное въ дорогѣ, и что вы и Диди комфортабельно расположились въ вагонѣ, гдѣ нѣтъ курящихъ. Шлю вамъ наилучшія пожеланія, а завтра, когда я проснусь, моя первая мысль будетъ о васъ. Я скажу себѣ: ну вотъ, теперь онѣ отдыхаютъ на хорошихъ кроватяхъ отъ утомительнаго путешествія.

Если Богу будетъ угодно, я самъ скоро предприму это путешествіе: мнѣ кажется, что сегодня съ утра у меня меньше болитъ нога. Я хочу полѣчиться основательно, чтобы быть бодрымъ и здоровымъ въ слѣдующій четвергъ.

Господи! Какъ я былъ счастливъ, когда читалъ Вамъ отрывки изъ своего романа [3]). Я буду теперь много писать, исключительно для того, чтобы доставлять себѣ это счастье. Впечатлѣніе, производимое на васъ моимъ чтеніемъ, находило въ моей душѣ стократный откликъ, подобный горному эхо; и это была не исключительно авторская радость. Въ Бер-

---

1) Подлинники—по-французски.

2) Дорогой, глубоко любимый другъ.

3) „Дымъ“.

линѣ я, не щадя васъ, прочту вамъ все до послѣдней строчки и отъ васъ я буду ждать „подписи къ печати“; я измѣню и выпущу все, что вамъ не понравится. O meine Freundin, ich bin so glücklich bei dem Gedanken dass alles, alles in mir mit Ihrem Wesen auf das Innigste verknupft ist, und von Ihren abhängt. Bin Ich ein Baum, so sind Sie zugleich meine Wurzel und meine Krone! [1]).

3¼ часа. Выглянуло солнце. — Теперь вы находитесь между Гейдельбергомъ и Франкфуртомъ—уже такъ далеко, далеко! Сколько горъ и рѣкъ раздѣляютъ насъ.—Ну, чтожъ! нужно утѣшать себя тѣмъ, что это было необходимо. Добраго и счастливаго путешествія.

Я буду писать вамъ завтра и пошлю письмо послѣ завтра. Сегодня вечеромъ я засяду за работу, когда всѣ пойдутъ въ театръ.

До завтра—Ich küsse die lieben schönen Hände. Leben Sie recht wohl. Der Ihrige [2]).

И. Т.

II.

Четвергъ, вечеръ, 7 февраля 1867.

Дорогая госпожа Віардо, theuerste beste Freundin [3]), какъ вы поживаете? Быть можетъ, вы въ эту минуту въ театрѣ... Ваши друзья уже восторженно встрѣтили васъ. Я радуюсь при мысли, что васъ такъ любятъ въ Берлинѣ и что для многихъ ваше пребываніе тамъ —настоящій праздникъ...

Я каждое утро работаю, какъ негръ, надъ тѣмъ маленькимъ разсказомъ, о которомъ я вамъ говорилъ; если такъ будетъ продолжаться, я окончу его ко дню отъѣзда и мнѣ удастся прочесть его вамъ въ Берлинѣ. Только бы моя противная нога не помѣшала этому путешествію или не заставила его отложить!

3 часа. Моей ногѣ лучше.—Простите, что я бесѣдую съ Вами о своихъ конечностяхъ, но дѣло въ томъ, что отъ этого зависитъ мое путешествіе въ Петербургъ, въ Берлинъ и что въ Берлинѣ предстоитъ для меня такъ много пріятнаго и очаровательнаго, чѣмъ мнѣ удастся насладиться слишкомъ короткое время...

Сегодня утромъ я опять работалъ, но не такъ хорошо. Я сталъ немного похожъ на васъ: въ головѣ цѣлый рой замысловъ, которые мѣшаютъ другъ другу выйти наружу. Но я буду упорствовать и не возьмусь ни за что, пока первый не будетъ окончательно разработанъ.—

---

[1]) О мой другъ, я такъ счастливъ мыслью, что все, все во мнѣ, до самой глубины связано съ вашимъ существомъ и зависитъ отъ васъ. Если я—дерево, то вы тогда мои корни и моя вершина!

[2]) Цѣлую милыя, прекрасныя ручки. Будьте счастливы. Вашъ.

[3]) Лучшій, самый дорогой другъ.

Всетаки нѣкоторые изъ нихъ я разскажу вамъ, когда буду въ Берлинѣ; вы должны будете полновластно высказать свое одобреніе, и въ такомъ случаѣ, рано или поздно, вещь будетъ написана... Съ нетерпѣніемъ жду часа, когда отправлюсь къ Віардо: тамъ получено письмо отъ васъ.—То, которое я жду, будетъ въ моихъ рукахъ только вечеромъ, когда я вернусь домой.—Милое письмецо, какъ оно будетъ желанно!

III.

Понедѣльникъ, утро. (11 февраля, 1867.)

Oh theuerste Freundin, welche Freude hat mir heute Ihr grosser schöner Brief gemacht; Ich küsse Ihnen dafür tausend mal die lieben guten Hände [1]). Мнѣ необходимо было это утѣшеніе: я вновь пригвожденъ къ моему дивану,—совсѣмъ больше не могу ходить—даже съ помощью палки. Не стану болѣе говорить ни о моей болѣзни, ни о путешестіи. Вижу, что надо предоставить событія ихъ собственному теченію. Итакъ, я совсѣмъ не знаю, когда мы вновь увидимся.

Я чрезвычайно счастливъ тѣмъ, что вы говорите о моей послѣдней книгѣ: вы знаете, что вы верховный судья и повелитель; я чувствую, конечно, что вы читаете меня доброжелательными глазами или вѣрнѣе глазами, которые заканчиваютъ то, что я лишь намѣтилъ, и все же я знаю, что съ вашимъ тонкимъ и увѣреннымъ чутьемъ вы не поставите мнѣ хорошей „отмѣтки“ за то, что заслуживаетъ только среднюю. Я не знаю, будетъ ли имѣть успѣхъ мой трудъ въ Россіи, но я уже имѣю успѣхъ,—единственный которымъ горжусь,—ваше одобреніе. Разумѣется, я не настолько глупъ, чтобы принимать все, что говоритъ Бегасъ, буквально, но я доволенъ уже тѣмъ, что это, повидимому, вамъ понравилось. Итакъ пользуйтесь вашимъ пребываніемъ въ Берлинѣ, да будетъ оно вамъ на пользу, и осчастливьте тѣхъ, что̀ будутъ близъ васъ и васъ увидятъ.

Вотъ мое мнѣніе о предложеніи Левиреи: я предпочелъ бы другую оперу, несмотря на прекрасный 3-й актъ, но, если другого ничего нельзя сдѣлать,—примите. Въ концѣ-концовъ я увѣренъ, что это васъ позабавитъ, а добрые берлинцы будутъ рады. Только примите мѣры, чтобы съ вами не играли *i cani* [2]). Віардо тоже предпочелъ бы другую оперу, а не *Отелло*.

...Мой дядя пишетъ мнѣ безумныя письма, онъ находитъ, что мною смертельно обиженъ, считаетъ себя „плѣнникомъ“, заперся въ своей

---

[1]) О дорогой другъ, какой радостью было для меня сегодня ваше большое, прекрасное письмо; цѣлую за него тысячу разъ ваши милыя, добрыя ручки.

[2]) Собаки.

комнатѣ и никого не хочетъ видѣть. Вы понимаете, насколько отъ этого дѣла страдаютъ и насколько мое присутствіе въ Спасскомъ необходимо. А моя нога?!!

IV.

Четвергъ, 14 февраля, 1867 г. (День, который былъ мною назначенъ для отъѣзда.)

Дорогая госпожа Віардо, мнѣ сегодня немного лучше, но я еще не могу мечтать ни о томъ, чтобы выйти, ни о томъ, чтобы ходить; къ тому же всѣ прежнія улучшенія, не приведшія ни къ чему, лишили меня всякой увѣренности...

Пользуюсь моимъ небольшимъ досугомъ и работою съ ожесточеніемъ; вчера я провелъ 11 часовъ,—повторяю: одиннадцать часовъ,—за писаніемъ. Я написалъ тотъ причудливый разсказъ, о которомъ вамъ говорилъ и который принялъ болѣе значительные размѣры, нежели я предполагалъ сначала. Я вамъ его прочту,—само собой разумѣется,—но когда? и гдѣ?.. Я способенъ съ сегодняшняго дня засѣсть за третій разсказъ... только бы работа шла хорошо и не было въ ней слѣдовъ той прожитой болѣзни, которая держитъ меня въ своихъ лапахъ.

V.

Пятница, 15 февраля, 1867.

Дорогая госпожа Віардо, theuerste, innigst geliebte Freundin[1]), добрый Віардо только что доставилъ мнѣ величайшее удовольствіе, прочитавъ ваше письмо изъ Бреславля. Я счастливъ, когда думаю, какъ васъ чествовали, привѣтствовали и какимъ васъ окружали обожаніемъ, отсюда вижу ваше милое лицо, сіяющее и улыбающееся...

Что касается меня, я окончательно рухнулъ, насколько только возможно. Я больше не встаю съ дивана, всякое движеніе мнѣ причиняетъ боль... Я попытаюсь заставить довезти себя въ колясочкѣ *до васъ*, ахъ, если бы въ самомъ дѣлѣ безъ метафоры это было возможно... Aber die schönen Tage von Aranjuez sind vorüber. Kommen sie wieder? [2]).

VI.

Понедѣльникъ, 18 февраля 1867 г.

Здравствуйте, дорогая госпожа Віардо, vielgeliebte, theuerste Freundin [3]). Мнѣ со вчерашняго дня немного лучше, хотя все еще не могу

---

[1]) Дорогой, глубоко-любимый другъ.

[2]) Но „прекрасные дни Аранжуэца миновали“. Вернутся ли они?

[3]) Любимый дорогой другъ.

поставить ногъ на полъ. Сообщаю вамъ эту подробность, потому что вы этого хотите и потому что для меня она представляетъ большой интересъ. Я ловлю себя на мечтаніяхъ, которыя въ концѣ-концовъ не такъ ужъ невѣроятны. Если мнѣ удастся отсюда выѣхать 28-го, то когда вы вернетесь въ Бреславль? (Вы вѣдь туда ѣдете 26-го, не правда ли!) Вотъ какъ: еще не могу ходить, а уже замышляю путешествіе. Но нигдѣ же не сказано, что я обреченъ навсегда страдать подагрой! А пока потерпимъ...

Я все это время работалъ такъ, что самъ на себя удивляюсь. Я сгораю отъ нетерпѣнія прочесть вамъ, что̀ я сдѣлалъ. Все мое существо устремлено къ вамъ, какъ воронка. Помнится, я отъ васъ слышалъ это сравненіе, я не могу имъ не воспользоваться, оно слишкомъ точно подходитъ ко мнѣ.—O meine heissgeliebte Freundin, ich denke beständig, Tag und Nacht, an Sie, und mit welcher unendlicher Liebe! Jedes mal, wenn Sie an mich denken, könen Sie getrost sein: „Mein Bild steht jetz vor seinen Augen und er betet mich an“. Das ist buchstablich war [1]).

Воскресенье, 24 февраля 1867 г.

...Ногѣ моей лучше, понемногу, правда, но и это уже что-нибудь. Для меня теперь это „eine Lebensfrage“ [2]). Хотя за послѣднее время мнѣ часто приходилось отказываться отъ почти вѣрныхъ плановъ, но на этотъ разъ, я чувствую, разочарованіе было бы слишкомъ обидно. Ich kann Ihnen gar nicht sagen, wie sehr ich mich nach Ihrer lieben Gegenwart sehne jede Nacht, und die ganze Nacht hindurch sehe ich Sie im Traume; auch kann ich jetzt nicht mehr arbeiten—da meine Gedanken beständig um Sie herum kreisen, und von Ihrer theuren Gestalt schmelzen alle übrigen wie Schnee [3]).

VII.

Среда, утро (27 февраля 1867 г.).

Улучшеніе продолжается, можно сказать, дѣлаетъ большіе шаги, и могу прибавить, что я также запагаю и уѣду въ пятницу въ 12 ч. дня.

---

[1]) О мой горячо любимый другъ, я постоянно, день и ночь, думаю о васъ,—и съ какой безконечной любовью! Каждый разъ, когда вы обо мнѣ думаете, вы спокойно можете сказать: „Мой образъ стоитъ теперь передъ его глазами и онъ поклоняется мнѣ“. Это буквально такъ.

[2]) Вопросъ жизни.

[3]) Я совершенно не могу выразить, какъ страстно каждую ночь я жажду вашего милаго присутствія, и всю ночь напролетъ я вижу васъ во снѣ. Теперь я не могу болѣе работать, потому что мои мысли постоянно блуждаютъ вокругъ васъ, и вашъ дорогой образъ заставляетъ растаять всѣ другіе, какъ снѣгъ.

Въ субботу рано утромъ, si Dios quier [1]), буду въ Берлинѣ, и кто-то изъ моихъ знакомыхъ получитъ записочку между 9 и 10 ч. утра... Говорить вамъ о томъ, что я испытываю, совершенно безполезно—вы должны это знать, вы это знаете такъ же хорошо, какъ я. Но этому я повѣрю лишь черезъ часъ послѣ того, какъ васъ увижу... Вы сегодня въ Бреславлѣ, я мысленно постоянно слѣжу за вами. Я не сомнѣваюсь, что ваши побѣды тамъ должно считать сотнями, заранѣе поздравляю ваши сочиненія съ успѣхомъ. Впрочемъ, на этотъ счетъ у меня есть свой маленькій замыселъ, который я сообщу вамъ. Петербургское предложеніе въ нѣкоторомъ родѣ взволновало меня: мнѣ невольно представилось, что я все еще живу въ Россіи и мнѣ предстоитъ случай опять встрѣтить васъ, совсѣмъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ—больше двадцати лѣтъ. Увѣряю васъ, что чувства, какія я испытываю къ вамъ, нѣчто совершенно новое въ мірѣ, нѣчто, что никогда не существовало и никогда не повторится!

Парижъ 1868 года.

I.

Парижъ. Rue Laffite. Hôtel Vygon. Вторникъ, 26 марта 1868 г.

Дорогая госпожа Віардо, сейчасъ 9 ч., я только что принялъ прекрасную ванну и чувствую себя освѣженнымъ послѣ отвратительной ночи. Я могъ бы вполнѣ отдохнуть, но сна не было. Мы пріѣхали ровно въ пять часовъ. Первое, что я увидѣлъ, входя въ ванную,—было объявленіе добряка Гетцеля о „Дымѣ“ въ Journal des Débats.

Такъ какъ я не былъ въ состояніи заснуть, то вотъ стихи, которые я съ трудомъ произвелъ на свѣтъ (duo изъ 1-го акта и окончаніе словъ Поля):

Lui.

C'est bien vous, vous que j'adore
Je vous trouve.—Oh quel transport!
Et mon âme s'ouvre encore
A l'espoir d'un heureux sort!

Elle.

Si du Tyran que j'abhorre
Ne me sauve vorte effort,
C'est encore vous que j'implore
Pour me sauver par la mort.

[1]) Если Богъ позволитъ.

A deux.

C'est un rêve
Qui nous enivre tous deux.
Qu'il s'achève
Sur la terre ou dans les cieux! [1]).

Считайте эти стихи чудовищными, но на музыку ихъ положите!

Мнѣ сейчасъ кажется, что это не имѣетъ никакого смысла. Я попытаюсь написать лучше. А пока иду метаться по Парижу, письмо же доконч у до 4 ч., чтобы успѣть отправить его. Я нашелъ у себя визитныя карточки: Дюканъ, Вомли, г. Беломельсъ съ дочерью.

3 часа. Возвращаюсь. Для полноты слѣдовало бы умѣть говорить по-негритянски: прекрасный костюмъ людоѣда заказанъ: два парика, двѣ бороды, сапоги и т. д., и т. д. Завтракалъ у Помей, у Жанны гриппъ, у Терезы лицо все покрыто корой. Помей блѣденъ и исхудалъ, но очень доволенъ, что получилъ вѣсти о васъ. Его портреты (вашъ въ мужскомъ) уже отосланы на выставку; говорятъ, что этотъ портретъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ. Болталъ, болталъ! Потомъ у Ашетта; рукопись Шартэна *въ точности передана* (брошюры и письма отосланы по адресу). Затѣмъ у Гетцеля; опять болталъ. Онъ пожелалъ непремѣнно прочесть „*Колибри*“ въ корректурахъ. Вернулся чрезвычайно довольнымъ. Зашелъ къ г-жѣ Тургеневой; вся семья дома. Альбертъ сталъ громаднымъ; Геркулесъ Фарнезскій—игрушка рядомъ съ нимъ. Говорилъ, говорилъ. Купилъ прилагаемую фотографію Нильсонъ, пока еще не въ костюмѣ Офеліи. Обѣдаю вечеромъ въ 7 час. у г-жи Делессеръ. Сейчасъ отправляюсь къ Бюлозу. Фасадъ Большой Оперы разукрашенъ до крайности, маленькій, хорошенькій, ничтожный, не имѣетъ никакого величія. Это—мечта кокотки. Безконечно много противныхъ грязныхъ лицъ на улицахъ.

---

[1])

Онъ.

Лишь вы, лишь вы—моя любовь!
Вы вновь со мной, прошло ненастье!
Моя душа открыта вновь
Надеждѣ на земное счастье!

Она.

Когда изъ рукъ тирана вы
Не вырвете меня,—повѣрьте:
Я буду васъ молить,—увы!—
Меня спасти цѣною смерти.

Оба.

Мы вдвоемъ
Дышимъ радостью въ мечтахъ.
Счастья ждемъ
На землѣ иль въ небесахъ!

Много новыхъ домовъ, одинъ другого пошлѣе. Много, много думалъ о Баденѣ, хотѣлось бы тамъ быть; и, si Dios quier [1]), буду тамъ скоро.

Невозможно писать больше, начну письмо вечеромъ. А пока цѣлую васъ всѣхъ и жму вамъ, theuerste Freundin, обѣ руки какъ только можно крѣпко.

P.S. Костюмъ людоѣда будетъ красный съ чернымъ, камзолъ цвѣта кожи.

II.

Вторникъ, 24 марта 1868 г. $11^1/_2$ час. веч.

Theuerste Freundin, я очень утомленъ и скоро лягу спать. Въ 5-мъ часу я видѣлся съ г. Л. Бюлозомъ; онъ согласился не дѣлать никакихъ измѣненій. Затѣмъ я заглянулъ въ „la Régence“, смотрѣлъ, какъ играютъ въ шахматы. Потомъ я обѣдалъ у г-жи Делессеръ; были тамъ г-жа Надайлакъ и графиня де-Рэмюза. Бесѣдовали о томъ, о семъ: было не слишкомъ весело. Г-жа Делессеръ постарѣла, но она все такъ же добра и мила до крайности. Г-жа Надайлакъ проситъ передать вамъ тысячу любезностей. Вернувшись, я выпилъ стаканъ австрійскаго пива, вотъ и все. Парижъ мнѣ уже надоѣлъ и мнѣ хотѣлось бы вернуться въ милый Баденъ. Эта толчея раздражаетъ меня. Г-жа Делессеръ очень любезно говорила со мной о моей книгѣ. Въ la Librairie nouvelle мнѣ сказали, что книга продается недурно. Завтра утромъ мнѣ предстоитъ 100.000 визитовъ. Вечеромъ я, можетъ, поѣду въ театръ, не знаю въ какой. Гамлетъ меня немного пугаетъ. Но тамъ посмотримъ. А пока добрый вечеръ.

Среда, 9 ч. утра.

Мнѣ только что принесли ваше письмо; оно доставило мнѣ величайшее удовольствіе, за исключеніемъ словъ о вѣроятномъ „сожженіи“ этого самаго письма... Я вынужденъ возмутиться подобнымъ предположеніемъ!! Умоляю васъ, пришлите мнѣ ноктюрнъ (Duo), хотя бы даже только затѣмъ, чтобы поторопить Флаксланда. Въ часъ иду къ Жерару, онъ бы могъ уже переварить ваше посланіе. Г-жа Нелидова говорила вамъ тоже, что и мнѣ, стало быть она повторяется? въ ея годы! Мнѣ особенно непонятны ея слова относительно ея туше на органѣ; почему на третьемъ аккордѣ получается звукъ фальшивый? (она мнѣ это говорила). Понимаете это вы? М-lle Шредеръ сегодня вечеромъ поетъ въ Риголетто. Кажется, я оставляю „Гамлета“. Въ „l'Oeil crevé“ тоже есть своя прелесть. Здѣсь погода великолѣпная, но холодно; не говорите объ этомъ М-lle Бертѣ. Боже, какъ мнѣ хочется вернуться въ Баденъ. Остается еще недѣля—7 дней!

[1]) Если Богъ позволитъ,

III.

Среда, полночь (25 марта 1868 г.).

Дорогая госпожа Віардо, помните ли вы фельетонъ П. де-Сентъ-Виктора о Гамлетѣ? Такъ знайте: то, что онъ говорилъ—истинная правда. Эта музыка—абсолютная пустота. Нѣчто холодное, безсильное, пошлое, ничтожное, безцвѣтное, безжизненное—ничто и только! Только и хороши двѣ шведскія аріи. Спѣшу сказать, что Нильсонъ дѣйствительно мила и что нѣтъ ничего изящнѣе, какъ ея большая сцена въ 4-мъ актѣ. По внѣшности, по манерамъ вообразите г-жу Вольмсенъ, но чрезвычайно идеализированную. У ней тѣ же порывистыя движенія рукъ и головы, то же въ своемъ родѣ отсутствіе гибкости, та же отрывистая рѣчь. Надо думать, это свойственно шведкамъ. Но въ цѣломъ все привлекательно, чисто и дѣвственно, но какой-то почти суровой дѣвственностью,—herb, какъ говорятъ нѣмцы. Голосъ очень красивъ, но боюсь, ему не устоять долго передъ этимъ „urlo francese“ [1]). Форъ все еще великолѣпенъ, съ безупречной внѣшностью и безупречной дикціей, но въ концѣ-концовъ онъ надоѣдаетъ. Это поетъ профессоръ, и я даже скажу вамъ, что въ этомъ поэтическомъ и меланхолическомъ баритонѣ, въ этомъ позерѣ, вѣчно закутанномъ въ облако блаженнаго тщеславія, чувствуется добросовѣстный ученикъ Брара и Омера. Либретто простонапросто нелѣпо: въ послѣднемъ актѣ тѣнь папá появляется передъ всѣми и даже передъ преступнымъ королемъ и приказываетъ Гамлету проткнуть бокъ этого тирана, что Гамлетъ и выполняетъ къ всеобщему удовольствію; тиранъ даетъ себя убить съ покорностью загнаннаго зайца. Призракъ — загонщикъ, а Гамлетъ — охотникъ. Декораціи *чудеснѣйшія*, костюмы тоже, постановка прелестная, никогда не видалъ ничего прекраснѣе картины передъ Дворомъ въ третьемъ актѣ. Въ общей сложности пользуясь выраженіемъ Эньяна, несчастный Тома, желая поддѣлать музыку подъ Шекспира, производитъ впечатлѣніе блохи, силящейся сдвинуть омнибусъ; въ общемъ жалостная неудача. Но Нильсонъ стоитъ посмотрѣть.

Залъ былъ полонъ, въ первомъ ряду Ихъ В. Императоръ и Императрица, которые оставались до конца! Усердно я разсматривалъ въ лорнетъ друга Віардо и нашелъ, что онъ до крайности некрасивъ; едва подъ усами разглядѣлъ я губастый ротъ, отвратительный, того же цвѣта, какъ все лицо. Но улыбка все та же, слегка насмѣшливая, скользящая отъ праваго глаза, или вѣрнѣе отъ угла праваго глаза, вдоль плоской и морщинистой щеки, и да помнитъ В., что умъ у этого человѣка не поколебался, за это, теперь видѣвши его, я готовъ руку

---

[1]) Французскимъ ревомъ.

на огонь положить. Это пресыщенный, утомленный человѣкъ, но отнюдь не больной. При его появленіи среди римлянъ было произнесено съ десятокъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ И только.

У императрицы щеки порядочно отвислыя и вообще у ней видъ кокотки на склонѣ лѣтъ. Но на сегодняшній вечеръ довольно. Иду укладываться въ постель.

Четвергъ, утро, 8 часовъ.

Все же вамъ надо сообщить, что я дѣлалъ вчера утромъ. Былъ съ визитомъ: у г-жи Маржолэнъ, не засталъ; у родителей Брюэръ—не засталъ; у Леонаровъ—засталъ. Г-жа Шитъ очень постарѣла; остальные здоровы и съ виду довольны; у Ланфрэй—его засталъ за работой. У него хорошій видъ; оголенный черепъ ужасно увеличиваетъ его лобъ. Я ему разсказалъ о нашей жизни въ Баденѣ, у него слюни потекли. Самъ онъ, съ горечью, успокоенъ, но видитъ какой-то прогрессъ въ провинціи. У Эньана—бесѣдовали о Баденѣ, объ охотѣ; затѣмъ мы отправились къ Фруадевену покупать для меня прекрасный коверъ съ дорожкой на лѣстницу,—онъ будетъ посланъ сегодня на имя Віардо съ просьбой уплатить пошлины и почтовые расходы. Купилъ 5 экземпляровъ „Апологіи“, она довольно хорошо продается. Обѣдалъ у Бребанъ съ толстякомъ Ханыковымъ, ѣлъ устрицы; вечеромъ былъ въ театрѣ. Встрѣтилъ Робера Таля, не встрѣтилъ Жерара, свиданіе—завтра.

IV.

Четвергъ, 26 марта. 11 ч. вечера.

Theuerste Freundin, около часу тому назадъ я вернулся съ обѣда отъ г-жи Тургеневой. Я встрѣтилъ у нея князя Трубецкого; мнѣ кажется, онъ похудѣлъ и измѣнился, говоритъ, что сильно хвораетъ; отъ него я получилъ свѣдѣнія о Бельфонтенѣ; г-жу Нэйронэ, очень растолстѣвшую; моего переводчика (traditore) [1]); князя Августа Голицына, онъ очень милъ; г-жу Ханыкову, г-жу Моль и бывшаго князя Гагарина, теперь ставшаго католическимъ аббатомъ, о. Гагаринымъ; графа Муравьева-Амурскаго съ женой. Со мной были весьма любезны и говорили объ опереткахъ и о „Дымѣ“. Г-жа Нэйронэ дѣлала мнѣ какіе-то томные упреки, но я сохранилъ ледяную вѣжливость; думаетъ ли эта милая дама, что я ей простилъ?... Не прошло и вѣчности, а ихъ для этого понадобилось бы четыре! И то еще! За столомъ меня посадили съ о. Гагаринымъ; онъ пользуется здѣсь славой умнаго человѣка; мнѣ онъ показался довольно плоскимъ болтуномъ на московскій ладъ, съ оттѣнкомъ непріятнаго іезуитизма, съ жестами умиленнаго священника,

[1]) Предателя.

сводившимися къ тому, что онъ поперемѣнно постукивалъ ладонями по обѣимъ сторонамъ груди. Онъ пилъ и ѣлъ плотно, а его сутана (онъ носитъ сутану) издавала запахъ кислый и жирный. Князь Трубецкой глядѣлъ на него съ умиленіемъ. А я думалъ о Баденѣ.

Я получилъ отъ доктора Фризена огромное письмо по поводу „Дыма“, которымъ онъ очень доволенъ, о чемъ онъ сообщаетъ мнѣ слогомъ, напоминающимъ, по обыкновенію, высокопарные обороты годовъ 93 и 94, но по смыслу все благородно и сильно. Я вамъ покажу его письмо и отвѣчу ему сегодня же, тѣмъ болѣе, что въ post-scriptum онъ очень удивляется, что не получаетъ вѣстей отъ Віардо.

Вѣроятно, я сегодня не увижу ни М-lle Шредеръ, ни Терезы, ни Флобера; съ послѣднимъ я долженъ былъ обѣдать сегодня у Дюкана, но отказался отъ приглашенія. Можетъ быть, увижу его завтра утромъ. М-lle Шредеръ поетъ приблизительно пять разъ въ недѣлю, но все же она вполнѣ третьестепенная актриса.

V.

Пятница, полночь (27 марта 1868 г.).

Theuerste Freundin, вечеромъ сегодня я былъ въ Théâtre Lirique и слушалъ три первыхъ акта изъ Риголетто со Шредеръ. Прежде чѣмъ говорить о ней, не могу воздержаться отъ восклицанія: О, какъ опустился этотъ театръ, театръ, гдѣ прежде раздавались благородные звуки Орфея! Теперь это только провинціальный третьестепенный театръ (у всѣхъ, у женщинъ и у мужчинъ, сидѣвшихъ близъ меня, были грязныя руки и черные ногти, а изящнѣйшіе изъ нихъ чистили свои ногти зубочистками). Теноръ Пюже былъ бы освистанъ и побитъ въ Карпентра. А какіе костюмы! какіе хористы! 20-лѣтній дирижеръ махалъ своей палочкой не въ тактъ, музыканты играли кто какъ. Залъ былъ наполовину пустъ. Что до М-lle Шредеръ, она со сцены недурна: игра ея ничтожна, жестъ неловокъ и однообразенъ, лицо безъ выраженія, произношеніе неточное, голосъ кажется совсѣмъ, совсѣмъ маленькимъ, особенно въ началѣ, но поетъ она очень хорошо, очень вѣрно, съ изяществомъ и съ большимъ вкусомъ. Это было слишкомъ тонко для публики и для горлановъ, окружавшихъ ее. Ее заставляютъ пѣть буквально каждый день съ тѣхъ поръ, какъ всѣ серьезные артисты г-на Кавало перешли въ Ренессансъ. Она, говорятъ, въ отчаяніи, бережетъ себя, сколько можетъ, и думаетъ только о томъ, какъ бы довести дѣло до конца. Чтобы сказать вамъ все—въ третьемъ актѣ она пропустила свою арію.

Мнѣ нельзя было оставаться до конца: я обѣщалъ быть у г-жи Моль, у этой милой и странной столѣтней старушки, которая питаетъ

ко мнѣ такія нѣжныя чувства. Она принимаетъ по пятницамъ. У ней я видѣлъ Ложеля, Ланфрэя, Шерера, Дюпона, Уайта, Ренана. Я не захотѣлъ, чтобы меня представили Ренану. Мнѣ не нравится этотъ „изящный“ семинаристъ. Жена его тоже была здѣсь; она страшно растолстѣла. Оказывается, моя книга положительно имѣетъ успѣхъ, и мнѣ по ея поводу говорили много любезностей. Я познакомился съ Либрейхомъ, знаменитымъ окулистомъ, это одинъ изъ утонченнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Онъ говорилъ со мной съ восхищеніемъ о Гельмгольцѣ, своемъ учителѣ.

Обѣдалъ я у Помэ и разсказывалъ ему подробно сюжетъ вашей оперы; онъ жаждетъ получить скорѣе свою роль и спѣть ее. Но какое впечатлѣніе произвела на меня музыка Верди послѣ музыки Тома! Мнѣ казалось, что я былъ перенесенъ подъ яркіе лучи солнца послѣ блужданій въ какомъ-то густомъ и сыромъ туманѣ. Тутъ передъ вами по крайней мѣрѣ музыкантъ, а не господинъ, умудрившійся не дать ничего, употребляя не мало сомнительнаго. Охъ, ужъ эта наука неспособныхъ людей! Ничего нѣтъ возмутительнѣе и несноснѣе!

VI.

Понедѣльникъ, 29 марта 1869 г. Полдень.

...Могу вамъ сообщить, что я видѣлъ Литрэ, Сентъ-Бева и толстаго Флобера,—самъ онъ красный, одѣтъ въ красное и комната его красная, онъ вѣжливъ, симпатиченъ до крайности. Онъ говорилъ мнѣ, что у него есть ваши рисунки, данные ему г. Зандъ. Этимъ лѣтомъ онъ долженъ быть въ Баденѣ, необходимо, чтобы вы съ нимъ познакомились. Я увѣренъ, что онъ вамъ понравится, только бы не завладѣли имъ эти противные Гюссены; у нихъ я сегодня обѣдаю съ нимъ и съ Флобером, а завтра мы ѣдемъ вмѣстѣ смотрѣть „Patrie“. Затѣмъ я ѣду въ Ружемонъ на одинъ день, а въ пятницу вечеромъ — прррр.... въ Карлсруэ. Воскресенье прррр... въ Веймаръ. А тамъ четвергъ!!

Вчера я обѣдалъ у милаго Николая Тургенева; у него въ домѣ мною гордятся, мои слова принимаются какъ изреченія Евангелія; меня это озадачиваетъ и смущаетъ. Что же! они думаютъ, что я прославляю ихъ имя, наше имя,—оставимъ имъ эту мечту...

Сентъ-Бева можно считать погибшимъ; полагаютъ, что у него ракъ мочевого пузыря. Было очевидно, что онъ страдаетъ; онъ принялся рисовать мнѣ карандашомъ на клочкѣ бумаги мѣсто нахожденія его болѣзни. Оказывается, онъ продѣлываетъ это передъ всѣми гостями. Грустно! Грустно!

Беру обѣ ваши милыя ручки и покрываю ихъ тысячью поцѣлуевъ.

1870—1871 годы.

I.

Лондонъ. Bentinsk street, 4. Manchester Square. Понедѣльникъ, 5 декабря 1870 г., 11 ч. вечера.

Theuerste Freundin, мы провели довольно „дисмольный“ вечеръ. Віардо, узнавъ о всѣхъ послѣднихъ бѣдствіяхъ: о взятіи Орлеана, Руана, объ отступленіи французовъ за Марну, почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ и не раскрывалъ рта; хорошо, что онъ подъ конецъ заснулъ. За это время я читалъ обѣимъ дѣвочкамъ три первыхъ акта „Тюркаре“, ни въ чемъ не оправдывающаго, на мой взглядъ, своей великой славы. Извѣстія изъ Франціи меня не удивили, хотя и огорчили глубоко. Я не вѣрю въ счастливый исходъ борьбы, я вижу въ ней только растущее уничтоженіе Франціи, республики и свободы.

Віардо получилъ отъ Фризена до крайности раздирающее душу письмо. Онъ поселился среди лѣса въ шалашѣ. Въ Куртавенелѣ все погибло. Віардо заявилъ, что завтра не пойдетъ къ Швабе, что больше онъ не хочетъ показываться.

Надѣюсь, что вы доѣхали счастливо и что все обстоитъ благополучно; время безъ васъ идетъ медленно. Будетъ пріятно васъ увидѣть. Къ тѣмъ глубокимъ и неистощимымъ чувствамъ, какія я къ вамъ питаю, присоединилась еще какая-то невозможность оставаться безъ васъ; ваше отсутствіе причиняетъ мнѣ какой-то физическій страхъ, какъ если бы недоставало воздуха. Это тоска, тайная, unwell [1]), отъ которой я не могу отдѣлаться и которую ничѣмъ разсѣять невозможно.

Когда вы со мной, я испытываю тихую радость, я чувствую себя въ своей тарелкѣ, at home [2]),—мнѣ больше ничего не надо. Ахъ, theuerste Freundin, мнѣ приходится беречь все мое драгоцѣнное и прекрасное 27-милѣтнее прошлое. Оно вѣдь представляетъ собой тоже кладъ и внушаетъ мнѣ уваженіе. Будетъ то же, что съ „Joe Anderson my Joe“ [3]) Бернса: мы вмѣстѣ спустимся съ горы. Дорогой, дорогой другъ, да хранятъ васъ всѣ добрые ангелы. Цѣлую ваши руки очень, очень нѣжно.

---

1) Губительная.

2) У себя дома.

3) Жозефъ Андерсонъ, мой Жозефъ!

II.

Кельнъ. Hotel du Dôme. Суббота, 18 февраля 1871 г. Полночь.

„Ecco me alfine in Babi-Co-lonia“ [1]), theuerste Freundin. Все сошло благополучно, море было чудесно! Кельнъ и гостиницу я нашелъ чудовищно переполненными. Сейчасъ въ знакомомъ вамъ Большомъ залѣ распѣваютъ патріотическія пѣсни. Слуга только что сообщилъ мнѣ, что каждое мгновеніе солдаты прибываютъ массами изъ Берлина, изъ глубины Германіи. Въ одномъ Кельнѣ 20.000 солдатъ, а отсюда до Майнца ихъ болѣе 100.000. Здѣсь полагаютъ, что условій Бисмарка французы не примутъ, и готовятся ихъ окончательно раздавить. Откуда вся эта безчисленная толпа? На вокзалѣ были кучи солдатъ: спали на тюфякахъ, стояли здоровенные, толстые, розовые, какъ будто французская кровь, которую они собирались пролить, заранѣе окрасила имъ щеки. Страшно смотрѣть, увѣряю васъ. Одинъ нѣмецъ, съ которымъ я путешествовалъ, сказалъ мнѣ: Vor lauter Siegen gehen wir zu Grunde, aber wenn die Franzosen den Krieg fortsetzen wollen, Gott sei Ihnen gnädig! Frankreich wird ausgerottet“ [2]).

Говорятъ, что Бисмаркъ назначилъ конецъ перемирія на 24 февраля, чтобы именно въ этотъ день войти въ Парижъ. Это въ его духѣ.

1-er Couplet. [3])

Belle aux cheveux de jais,
A l'oeil brillant et noir,
Ne viendras-tu jamais
Sur ton balcon le soir?
Ne veux tu pas me voir?
Un signe seulement,
Un mot que j'attendrai;
Et leste, en un moment
Vers toi je monterai.

2-me Couplet.

Vaincu par ta beauté,
Je sens frémir mon coeur,
Comme au soleil d'été
S'épanouit la fleur!
Sans toi plus de bonheur!
Plus belle que le jour,

---

[1]) Вотъ я, наконецъ, въ Кельнѣ (игра словъ: Babi-lonia—Babi-Co-lonia).

[2]) Однѣ сплошныя побѣды насъ погубятъ, но если французы хотятъ продолжать войну, да будетъ къ нимъ милостивъ Богъ. Франція будетъ истреблена.

[3]) Эти два стихотворенія были приложены въ подлинникѣ къ предыдущему письму.

Plus douce que la nuit,
Réponds à mon amour,
Réponds! le temps s'enfuit! [1])

* * *

De fleurs couronnée
La fille du Roi
Sur sa haquenée
Passe devant moi.

Grand Dieu! qu'elle est belle!
Quel air radieux,
Je n'ose sur elle
Arrêter mes yeux.

Je vois de sa tête
Tomber une fleur...
Pour moi quelle fête,
Quel jour de bonheur!

Es-tu, fleur jolie,
Un gage d'amour?
Je donne ma vie,
Mon âme en retour.

O u.

Serait-ce, Madame,
Un gage d'amour?
Je donne mon âme,
Ma vie en retour! [2])

---

[1]) Тѣ косы—цвѣты агата,
Тотъ взоръ огнемъ зажженъ.
О, выйди въ часъ заката,
Царица, на балконъ!
Я жду тебя, влюбленъ.
Лишь знакъ единый сдѣлай,
Лишь слово мнѣ шепни!
И подымусь я смѣло
Къ тебѣ, въ ночной тѣни.

Твоею красотою
Побѣждены мечты!
Такъ, подъ лучемъ, весною
Вскрываются цвѣты.
Мое все счастье—ты!
Ты безмятежнѣй ночи,
Прекраснѣй ты, чѣмъ день...
Взгляни, взгляни мнѣ въ очи,
Спѣши,—ложится тѣнь!

---

[2]) Въ вѣнкѣ цвѣтовъ душистыхъ
Надъ милой головой
На иноходцѣ ѣдетъ
Царевна предо мной.

О, какъ она прекрасна,
Какъ ей дано сіять!
Не смѣю даже взоры
Я на нее поднять.

И вижу я: цвѣточекъ
Упалъ съ чела ея.
Что для меня за праздникъ!
Вотъ—счастіе мое!

Не правда ли: цвѣточекъ—
Ея любви залогъ.
О, если-бъ жизнь и душу
Отдать въ обмѣнъ я могъ!

III.

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3. Понедѣльникъ,

20 февраля (1871 г.). Полночь.

...Я въ своей спальнѣ и самъ на себя произвожу впечатлѣніе привидѣнія. Какъ, я здѣсь „тѣломъ и костями“, а не на Девонширской площади? Да, я сказалъ „тѣломъ и костями“, потому что душой я знаю, гдѣ я. Все время спрашиваю я себя, что они тамъ дѣлаютъ въ Лондонѣ, я вижу васъ, важу Диди, Маріаму, Віардо, Поля, еще немного, и я услышу ваши голоса. Вчера около 2 часовъ я представилъ себѣ Поля, играющаго передъ Іоахимомъ, и затѣмъ обѣдъ у Шорлей...

IV.

Лондонъ. 16 Reaumont Street. Понедѣльникъ, 7 августа 1871 г.,

11 часовъ вечера.

Дорогая госпожа Віардо, въ $7^1/_2$ ч. я подходилъ къ дому г-жи Картеръ, а она стояла на порогѣ и ждала меня. Торопясь, я поѣлъ и пошелъ затѣмъ на Девонширскую площадь, 30 (всѣ ставни были закрыты... странное впечатлѣніе). Отыскалъ я тамъ славную старушку, она мнѣ передала оба прилагаемыя при семъ письма (одно письмо и визитную карточку я позволилъ себѣ распечатать, чтобы ихъ удобнѣе было переслать) и подписной листъ на памятникъ Баху, съ цѣлымъ рядомъ именъ, хорошо извѣстныхъ въ музыкальномъ мірѣ, среди подписавшихся. Я вамъ не посылаю списка, бумага слишкомъ тяжелая, но я завтра внесу за васъ двѣ гинеи (и Патти дала 10, Кавалло—1, Форъ—2); полагаю, что цифра 2 вполнѣ подходитъ, надѣюсь, вы съ этимъ вполнѣ согласны. Позднѣе я былъ у Роуолстона; онъ передалъ мнѣ и прочелъ, по моей просьбѣ, вслухъ мой speech въ переводѣ. Я уѣзжаю завтра вечеромъ въ Эдинбургъ, пріѣду послѣзавтра въ 9 ч. утра. Сосчитать, сколько разъ я о васъ думалъ, невозможно, или вѣрнѣе я думалъ только одинъ разъ... все время не переставая.

Среда, 8 августа, $10^1/_2$ ч. Питчъ Амброзіанскій завтракалъ у меня. Отправляюсь рыскать по Лондону, чтобы сдѣлать тысячу дѣлъ. Питчъ мнѣ сказалъ, что въ Карлсруэ и Баденѣ на васъ сердятся за то, что вы будто бы бранили королеву, герцогиню и др. Это сплетни, но пусть это служитъ предостереженіемъ и лишней причиной держаться вдали отъ презрѣнной толпы.

V.

Allean House. Pittochry—N. B. 13 августа, 1871 г.

Итакъ, дорогая госпожа Віардо, ужъ это не такъ необычайно, какъ я себѣ представлялъ. 1) До омерзѣнія утомительно: это охота для юношей, а я имъ уже давно пересталъ быть. 2) Пришлось итти рядомъ съ другимъ охотникомъ, молодымъ, проворнымъ и прыткимъ,—какимъ-то чертенкомъ. И это ощущеніе сіамскихъ близнецовъ доставляло мнѣ весьма мало удовольствія; вдобавокъ онъ стрѣлялъ какъ „girlfalter“, я же ужасно плохо. По девяти первымъ „grousses“ [1]) я промахнулся, и чтобы убить 22 штуки, выпустилъ болѣе 50 зарядовъ. А онъ убилъ 76 штукъ. Дичи было въ изобиліи, погода стояла восхитительная. Намъ подали прекрасный завтракъ въ moors [2]). Одна изъ собакъ была чудесная. Охота сама по себѣ показалась немного однообразной, да къ тому же я никогда такъ не уставалъ, какъ вчера, даже плакать хотѣлось. Въ довершеніе всего я ушибъ себѣ ногу. Сегодня воскресенье—охота не состоится. Не думаю, чтобы я завтра вновь отправился. Въ понедѣльникъ, во вторникъ я убѣгаю. Вотъ и законченъ мой „grousse chatting“ [3]). Нѣтъ, положительно, да здравствуютъ тѣ маленькія охоты близъ Бадена, гдѣ не приходится быть прицѣпленнымъ къ безумцу, съ оленьими ногами, который, какъ только остановишься, чтобы перевести дыханіе, кричитъ: come on! come on! [4]) И ко всему этому горы здѣсь очень высокія. Basta così [5]).

Г. Броунингъ приходилъ еще разъ вчера вечеромъ, мнѣ онъ показался скучнымъ, но вѣдь я совсѣмъ засыпалъ и падалъ отъ усталости.

VI.

Allean House, Pittochry—N. B. Среда, 15 августа 1871 г.

Дорогая госпожа Віардо, все же я вчера былъ на охотѣ, несмотря на ушибленную ногу. Г. Бензенъ былъ столь любезенъ и одолжилъ мнѣ лошадь, съ которой я носился по всѣмъ moors; кромѣ того я еще надѣлъ старые сапоги. Погода была прекрасная, я стрѣлялъ лучше, но дичи намъ попадалось меньше. Я убилъ 18 штукъ сорока выстрѣлами.

---

[1]) Тетеревамъ.
[2]) На болотѣ.
[3]) Бесѣда о тетеревахъ.
[4]) Идемте! идемте!
[5]) Довольно этого.

Это не замѣчательно, и я не оставлю по себѣ славы „capital shot“ [1]), но я вѣдь и не могъ имѣть на нее притязанія.

Со мной уже не было моего спутника перваго дня, обладающаго семиверстными сапогами; я былъ съ г. Бензеномъ, менѣе напоминающимъ охотника, чѣмъ сурка, и съ сыномъ Броунинга, который хочетъ имъ казаться (охотникомъ, а не суркомъ), но все же онъ только незначительный дурачокъ, съ постоянно красной бородавкой на носу. Вечеромъ было немного музыки. Г-жа Бензенъ squeaked mit falscher Stimme und wahrem Gefühle—die Lieder Шуберта и Шумана [2]). Все же мнѣ это доставляло удовольствіе по однимъ воспоминаніямъ.

Вамъ уже извѣстенъ результатъ нашего литературнаго банкета, а также о моемъ участіи въ Jechi; „Pall-Mall“ во вчерашнемъ № негодуетъ, что съ такимъ упорствомъ искажали мое имя. Pall-Mall очень добра, но по этому поводу вполнѣ умѣстно замѣтить: имѣетъ ли это для кого-нибудь значеніе?

Передайте всѣмъ мое дружеское расположеніе, начиная съ Віардо, нѣжно цѣлую вамъ руки.

Der Ihrige [3])

И. Т.

Переводъ подъ ред. **В. Б.**

---

[1]) Царь стрѣлковъ.

[2]) Визжала фальшивымъ голосомъ, но съ истиннымъ чувствомъ пѣсни Шуберта и Шумана.

[3]) Вашъ.

Отчетъ редакціи

(о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ).

Въ редакцію журнала *Русская Мысль* съ 1 декабря по 31 включительно поступили пожертвованія въ пользу голодающихъ отъ слѣдующихъ лицъ: отъ В. Я. Брюсова—15 р.,отъ Г. А. К. 1 р., С. В. Л.—1 р., отъ Татариновыхъ—5 р., А. А. Кизеветтера—50 р., отъ О. Ник. Кизеветтеръ—3 р., Евг. Нюниной—1 р., отъ главн. конторы управл. имѣніями Черниг. губ., кн. Ал. С. и Ольги Пет. Долгоруковыхъ—2 р., черезъ Н. М. Величкина—109 р. 50 к., отъ С. Г. Снегиревой—20 р., А. А. Адлеръ—10 р., проф. И. В. Цвѣтаева—9 р., Анаст. Шадриной—50 к., отъ В. В. Шарвина—10 р., черезъ Ев. Ив. Лосеву—23 р.; черезъ М. В. Попову: отъ Г. А. Эмдина—3 р., Я. Грипшпонъ—1 р., Соловейчика—5 р., Ляховскаго—3 р., В. Кальверъ—3 р., Л. Гинстлингъ—2 р., В. К. П.—1 р., А. Л. Фуксъ—1 р., Е. Циммерманъ—3 р., В. И. Голобородько—1 р., Герике—3 р., отъ Гурьина—3 р., отъ Мейерсона—3 р., П. А. Василенко—3 р., отъ Поповыхъ—5 р. Отъ В. И. Рыкова въ память Н. Н. Златовратскаго—10 р., А. И. Бобровниковой въ память сестры—25 р.; черезъ А. М. Величкину: отъ Ю. М. Кожевниковой—6 р., Е. А. Корсаковой—3 р. 50 к., Е. М. Протасовой—2 р., отъ художника Ватагина—5 р., Е. О. Конофъ—5 р., отъ г-жи Грыцевичъ—3 р. Отъ учащихъ и служащихъ Арнольдо-Третьяковскаго училища глухонѣмыхъ—31 р. 6 к., черезъ В. Б. Головацкую: отъ Н. С. Володимеровой—1 р., А. П. Ф.—50 к., Е. А. Калустовой—2 р., отъ М. Г. К.—3 р. Отъ служащихъ Верхнеудинскаго (Забайкал. обл.) отдѣленія т-ва А. Ф. Второва съ с—ми—45 р., отъ С. А. Левицкаго—10 р.; черезъ Бор. Ал. Доброва—20 р. Итого—472 р. 6 к. Съ прежде поступившими—1,142 р. 67 к.

Расходъ: послано земскому врачу О. Н. Шатерниковой—110 р. (Уфимской губ., Уфимскаго уѣзда, село Языково, 10-й медицинск. участокъ) и предсѣдателю уфимской уѣзд. зем. управы—300 р., почтов. расходы—1 р. 15 к., 12 чеков. книжечекъ—1 р. 40 к., итого—412 р. 55 к., съ прежними—1,074 р. 30 к.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь въ Россіи. **А. С. Изгоева.**—2. О „единствѣ и нераздѣльности Россіи". **З. Д. Авалова.**—3. Къ характеристикѣ польско-украинскихъ отношеній. **А. Ѳ. Саликовскаго.**—4. Русская внѣшняя политика за 1911 годъ. **Кн. Гр. Н. Трубецкого.**

II. Литература и искусство.

1. Что пишутъ. **Антона Крайняго.**—2. Александръ Блокъ. **Валерія Брюсова.**—3. Стасюлевичъ и его литературный архивъ. **А. А. Кизеветтера.**—4. Къ юбилею М. В. Ломоносова. **М. О. Гершензона.**—5. О двухъ новыхъ книгахъ по искусству. **К. А. Эрберга.**—6. Письмо о французской поэзіи. **Ренэ Гиля.**

III. Историческая наука.

Опытъ библіографіи всеобщей исторіи. **Д. Н. Егорова.**

IV. Школа и воспитаніе.

Четырехгодичная народная начальная школа или четырехгодичное высшее начальное училище? **А. М. Обухова.**

V. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь въ Россіи.

Думская „работоспособность" и безплодность думскихъ работъ. — Обсужденіе новаго воинскаго устава.—Польскіе законопроекты и польско-еврейская борьба.—Голодъ.

Государственная Дума разошлась до 10 января. Еще четыре—пять мѣсяцевъ, и третья Дума отойдетъ въ исторію и начнется избирательная кампанія, быть можетъ, первая относительно нормальная избирательная кампанія въ Россіи. Въ предвидѣніи этой избирательной кампаніи и работала третья Дума послѣдніе мѣсяцы. Депутаты спѣшили пріобрѣсти „капиталъ", съ которымъ бы они могли предстать передъ избирателями. Какъ болѣе наивные, думскіе крестьяне откровеннѣе другихъ выразили эти свои расчеты и опасенія, предпринявъ знаменитое хожденіе по начальству. Положеніе крестьянскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ дѣйствительно нѣсколько особое. Членъ Государственной Думы, какъ извѣстно, получаетъ въ годъ жалованья 4200 р. Для интеллигентнаго человѣка, особенно при столичныхъ условіяхъ жизни и необходимости поддерживать постоянныя связи съ мѣстомъ избранія, эта сумма не представляетъ ничего особо

привлекательнаго. Нужна спеціальная недобросовѣстность, чтобы кинуть въ лицо интеллигентному человѣку: ты де пошелъ въ Государственную Думу ради жалованья. Каждый, сколько-нибудь талантливый, человѣкъ внѣ Государственной Думы заработаетъ безъ труда во много разъ больше. Интеллигентныхъ депутатовъ можно поэтому обвинять въ честолюбіи, что однако не составляетъ порока для политическаго дѣятеля, но имъ никакъ нельзя бросить упрека въ корыстолюбіи. Иное приходится сказать о крестьянахъ и рабочихъ. Для нихъ 4200 рублей въ годъ—огромныя деньги. Послѣ пяти лѣтъ думской дѣятельности крестьяне при ихъ ничтожныхъ расходахъ въ Петербургѣ, становятся богатыми людьми. Нѣкоторые изъ нихъ скупили не мало земли, другіе скопили кругленькіе капитальцы. Но это же обстоятельсто поставило ихъ въ очень тягостное положеніе на мѣстѣ избранія. Появились завистники и конкуренты. Депутатское мѣсто представляется „людямъ деревни“ очень заманчивымъ и хлѣбнымъ. Къ депутатамъ уже теперь пристаютъ съ допросомъ: что вы сдѣлали для народа, за что получаете деньги? На этотъ допросъ крестьянамъ отвѣчать нечего: для народа они не „сдѣлали“ ничего, не только не дали „земли“, но даже не устроили суда, не упразднили земскаго начальника, не заставили помѣщика платить на мірскія нужды. И вотъ крестьянамъ, ничего не смогшимъ сдѣлать въ Государственной Думѣ, приходитъ въ голову старая мысль: нельзя ли чего-нибудь „выхлопотать“. Они идутъ на поклонъ къ Коковцову, Акимову, Макарову, просятъ ихъ, нельзя ли воздѣйствовать на Государственный Совѣтъ, чтобы онъ „пропустилъ“ крестьянскія реформы, угрожаютъ, что имъ придется „полѣвѣть“. Кое-какимъ общественнымъ дѣятелямъ это крестьянское хожденіе оказалось на руку, и они его поддержали, но по существу, конечно, эти пріемы свидѣтельствуютъ о крайне слабомъ развитіи политической культуры. За четыре года своего пребыванія въ Государственной Думѣ крестьянскіе депутаты поняли, вѣроятно, не мало. Они, надо думать, конкретно уразумѣли ту истину, что дворянско-помѣщичье сословіе стоитъ на дорогѣ всѣмъ реформамъ и ни на какія уступки добровольно итти не хочетъ. Эта дворянская реакція олицетворилась для крестьянскихъ депутатовъ въ образѣ Государственнаго Совѣта, что вполнѣ понятно. Но для сколько-нибудь энергичной борьбы со всѣми этими препятствіями у крестьянскихъ депутатовъ не было никакихъ стимуловъ. Ихъ избирали вѣдь дворяне и этотъ выборъ сильно напоминалъ собою подкупъ. вотъ тебѣ столько денегъ за пять лѣтъ сидѣнія въ Государственной Думѣ, но сиди зато смирно, иначе разгонятъ, какъ первую и вторую Думу. И надо—съ болью—констатировать, что этотъ подкупъ удался. Огромное большинство крестьянъ сѣли на правыя скамьи, получали деньги и, исполняя принятое на себя обязательство, не мѣшали дворянамъ. Но вотъ подходятъ новые выборы и крестьяне убѣждаются въ двойственности своего положенія. Если, съ одной стороны, для прохожденія въ Государственную Думу имъ необходимо заручиться благосклонностью помѣщиковъ въ губернскомъ собраніи выборщиковъ, то для того, чтобы попасть въ выборщики, надо всетаки заручиться симпатіями крестьянъ. Необходимо, слѣдовательно, разыграть роль крестьянскихъ печальниковъ и ходатаевъ. Мы не говоримъ этого про всѣхъ крестьянскихъ депутатовъ, засѣдающихъ въ Государственной Думѣ. Нѣкоторые изъ нихъ съ самаго начала проявили извѣстное гражданское мужество и вступили въ лѣвый лагерь тогда, когда это грозило крупными непріятностями. Но та угроза „полѣвѣть“, которую теперь пришлось услыхать Акимову изъ устъ правыхъ и октябристскихъ крестьянъ, является только лишнимъ штрихомъ къ

той картинѣ политической безнравственности и шантажа, которая пышно расцвѣла на почвѣ акта 3 іюня. Беззаконіе родило политическій развратъ. Оно развратило крестьянское представительство и лишило силы все народное представительство...

Безплодна поэтому и вся та кипучая энергія, которую проявило октябристско-правое большинство въ эти мѣсяцы въ сферѣ законодательствованія. Стремясь развить наибольшую мыслимую работоспособность, думское большинство широко примѣняло методъ параллельнаго законодательствованія, оно играло въ чехарду, какъ замѣтилъ А. И. Шингаревъ. Начинали обсуждать рабочіе законопроекты, прерывали ихъ, брались за городское самоуправленіе въ Царствѣ Польскомъ, дѣлали перерывъ, проводили Холмщину, возвращались снова къ рабочему законопроекту и т. д. Въ результатѣ чрезвычайно кипучая дѣятельность на практикѣ свелась къ нулю: начато множество законопроектовъ, а завершены изъ крупныхъ только три: два финляндскихъ и законопроектъ о борьбѣ съ пьянствомъ. Но главное, конечно, не въ этомъ. Согласимся съ тѣми, кто утверждаетъ, что зато въ январѣ и февралѣ Дума быстро закончитъ всѣ начатыя дѣла и рядъ законопроектовъ выйдутъ совершенно готовыми. Въ ближайшемъ времени страна получитъ отъ Государственной Думы законопроекты объ уравненіи русскихъ въ правахъ въ Финляндіи, о введеніи самоуправленія въ городахъ Царства Польскаго, о медицинской помощи рабочимъ, объ отдѣленіи Холмщины, о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, новый уставъ о воинской повинности и т. д. и т. д.

Объективно говоря, работоспособность, дѣйствительно, поразительная, и едва ли въ Западной Европѣ найдется хоть одинъ парламентъ, который бы могъ похвастаться такими результатами полугодовой работы. А всетаки населеніе не придаетъ никакой цѣны всѣмъ этимъ работамъ и почти совершенно не слѣдило за думскими занятіями. Была въ этомъ, конечно, и частица индиферентизма, того безразличія, которое овладѣло теперь всѣмъ русскимъ обществомъ. Но значительную роль въ этомъ невниманіи къ думскимъ работамъ надо отнести и на долю яснаго сознанія почти полной никчемности всѣхъ этихъ думскихъ преній. Что тамъ въ Думѣ ни говори, а въ концѣ-концовъ будетъ всетаки такъ, какъ пожелаютъ правительство и Государственный Совѣтъ. Несчастная судьба, постигшая скромное улучшеніе бюджетнаго законодательства,—свѣжій примѣръ. За время дѣятельности третьей Государственной Думы произошло крупное политическое событіе: Государственная Дума почти исчезла, какъ реальная политическая сила. Остались только двѣ такихъ силы: правительство, какъ властвующая бюрократическая организація, и Государственный Совѣтъ, какъ бюрократически-дворянская контрольная организація. Въ большинствѣ случаевъ обѣ эти силы работаютъ вполнѣ солидарно. Иногда между ними бываютъ конфликты. Во время одного изъ такихъ конфликтовъ изъ-за западнаго земства П. А. Столыпинъ съ большою мѣткостью и откровенностью охарактеризовалъ установившійся у насъ строй, какъ „гармонически законченную законодательную безпомощность“. Выходъ изъ нея онъ видѣлъ только въ возстановленіи чиновничьяго абсолютизма подъ прикрытіемъ ст. 87-ой Осн. Законовъ. Характерно, между прочимъ, что обращеніе крестьянъ В. Н. Коковцовъ понялъ также, какъ приглашеніе воспользоваться статьей 87-ой, но рѣшительно отклонилъ его, заявивъ, что примѣненіе этой статьи къ волостному земству вызвало бы еще гораздо болѣе сильную оппозицію и недовольство, чѣмъ пользованіе ею при проведеніи западнаго земства. Почему—предсѣдатель совѣта министровъ не объяснилъ,

но оно вполнѣ понятно: законопроектъ этотъ даже въ той формѣ, въ какой онъ прошелъ черезъ третью Думу, вызвалъ сильнѣйшее недовольство среди помѣщиковъ.

Само собою разумѣется, что обращеніе къ ст. 87-ой не выходъ изъ положенія. Но что же дѣлать? Какъ бороться съ этой „гармонически законченной законодательной безпомощностью“? Способъ для этого одинъ. Надо дать возможность странѣ сказать открыто свое слово. Общественное движеніе, совершающееся въ формахъ вполнѣ легальныхъ, произведетъ на Государственный Совѣтъ такое впечатлѣніе, что онъ, не дожидаясь даже проекта реформированія верхней палаты, поспѣшитъ пойти на уступки и доказать „несправедливость“ толковъ о немъ, какъ о „тормозѣ“ всякой реформы. Даже при избирательномъ законѣ 3 іюня свободная избирательная кампанія дастъ такіе результаты, что реакціонеры должны будутъ задуматься надъ своимъ положеніемъ. Но возможна ли такая избирательная кампанія, мыслимо ли, чтобы администрація отказалась отъ давленія на выборы, отъ проведенія угодныхъ ей лицъ? У насъ нѣтъ данныхъ, позволяющихъ питать оптимистическія надежды. Въ печати было оглашено, какъ въ орловской и нижегородской губерніяхъ губернаторы при помощи явнаго обхода закона создавали фиктивные цензы для своихъ чиновниковъ. Неудивительно, что третья Дума, большинство депутатовъ которой всѣ свои надежды возлагаютъ на административное вмѣшательство, признала запросы объ этихъ фиктивныхъ цензахъ не стоящими ея вниманія. Гораздо серьезнѣе и показательнѣе, что и правительство не сочло, повидимому, необходимымъ указать губернаторамъ на неумѣстность ихъ дѣйствій. Это, конечно, плохой признакъ. Нечего скрывать, при административномъ давленіи четвертая Дума можетъ пріобрѣсти такую же физіономію, какъ и третья—съ тѣми же результатами. Тогда у правительства для его реформаторской дѣятельности останется одинъ путь внѣзаконнаго примѣненія ст. 87-ой, а у общества, пріучаемаго къ систематическому беззаконію, тоже, понятно, окрѣпнетъ убѣжденіе, что искать выхода законными путями могутъ только наивные люди...

Изъ всѣхъ разсматривавшихся Государственной Думой законопроектовъ наибольшую важность для населенія представляетъ новый воинскій уставъ. Онъ несомнѣнно сдѣлается закономъ и не залежится въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ какъ на проведеніи его настаиваетъ правительство. Для приниженной роли народнаго представительства характерно, что этотъ законопроектъ разсматривался при закрытыхъ дверяхъ, хотя ничего таинственнаго при его обсужденіи не было сказано и самъ законъ подлежитъ, конечно, всеобщему и самому широкому обнародованію. Пренія тоже публиковались затѣмъ съ разрѣшенія подлежащей власти, которая ничего неподлежащаго огласкѣ въ нихъ не находила. Даже скандалъ, устроенный при его обсужденіи Пуришкевичемъ, былъ съ надлежащаго разрѣшенія оглашенъ, ради чего понадобилось огласить и анти-офицерскую рѣчь трудовика Томилова. Такимъ образомъ ничего секретнаго по существу на этихъ „закрытыхъ“ засѣданіяхъ не было, и само закрытіе понадобилось лишь какъ актъ недовѣрія къ депутатамъ. Въ свое время такой же демонстраціей по отношенію къ лѣвому крылу Государственной Думы было и провозглашенное Гучковымъ закрытіе дверей военной комиссіи, куда не были допущены депутаты лѣвыхъ фракцій. За границей въ парламентахъ существуетъ твердая увѣренность, что депутаты всѣхъ фракцій способны свято хранить военные секреты и никогда не позволятъ себѣ ихъ легкомысленно огласить. Поэтому тамъ не бываетъ такихъ комичныхъ исторій, какъ обсужденіе при закрытыхъ две-

ряхъ вопроса о наборѣ. У насъ октябристы начали съ того, что объявили цѣлую треть членовъ парламента недостойными засѣдать въ военной комиссіи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось, что военный министръ выразилъ недовѣріе всей Государственной Думѣ въ цѣломъ и потребовалъ закрытія дверей...

Наибольшую страстность вызвали польскіе законопроекты. Не только формально, но и по существу два такихъ, казалось бы, мало связанныхъ одинъ съ другимъ вопроса, какъ отдѣленіе Холмщины и введеніе въ городахъ Царства Польскаго самоуправленія, спаялись неразрывно. Выдѣленіе Холмщины явилось какъ бы платой за городское самоуправленіе. Формальнаго такого соглашенія между польскимъ коло и октябристскимъ большинствомъ, вѣроятно, не было, но и въ Польшѣ россійской и въ Польшѣ зарубежной ощутили, что коло „предаетъ“ Холмщину. Съ необыкновенной страстностью польскимъ депутатамъ слали упреки, что они недостаточно энергично протестуютъ противъ „четвертаго раздѣла“, хотя коло и заявило протестъ, ссылаясь даже на акты Вѣнскаго конгресса. Но когда въ Львовѣ мѣстные поляки начали слишкомъ уже энергично протестовать противъ выдѣленія Холмщины, такъ что даже пострадали окна въ русскомъ консульствѣ, то поляки—члены Государственной Думы поспѣшили въ интересахъ Польши успокоить своихъ собратьевъ. Въ отвѣтъ на Львовскія манифестаціи русскіе націоналисты и союзники устроили манифестацію въ Кіевѣ передъ австрійскимъ посольствомъ. Какъ нѣсколько искусственная, кіевская манифестація вышла не особенно внушительной. Съ точки зрѣнія внѣшней политики это была полуребяческая и во всякомъ случаѣ не умная выходка. Но какъ фактъ нашей внутренней политики кіевская демонстрація, встрѣтившая одобрительный откликъ въ правыхъ кругахъ и въ правой печати, заслуживаетъ вниманія. Она показала, что правые ничего не имѣютъ противъ уличныхъ демонстрацій и при посредствѣ своихъ организацій зовутъ учащуюся молодежь на улицу, какъ годъ тому назадъ ее звали на улицу лѣвые требовать по поводу смерти Л. Н. Толстого отмѣны смертной казни.

Проектъ городского самоуправленія всколыхнулъ всю Польшу и вызвалъ въ ней такую внутреннюю борьбу, которой она давно не знала. Какъ извѣстно, городское населеніе въ Польшѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ евреевъ, которые въ иныхъ пунктахъ достигаютъ до 70% всего числа жителей. Поляки и ихъ представительство, націоналъ-демократы, всегда провозглашавшіе принципъ національнаго равноправія, не такъ давно протестовавшіе противъ курій въ западномъ земствѣ и выступившіе противъ выдѣленія Холмщины во имя идеи равенства и свободы, очутились въ весьма непріятномъ положеніи. Націоналисты и октябристы предложили имъ искусительный подарокъ: „мы вамъ дадимъ ограничительный законъ, введемъ куріи польскую, русскую и еврейскую съ тѣмъ, чтобы евреевъ-гласныхъ было не болѣе 10% тамъ, гдѣ ихъ меньше половины, и не болѣе 20% въ тѣхъ городахъ, гдѣ евреевъ больше половины,—хотите?“ Принявъ этотъ проектъ, полякамъ трудно было бы уже говорить о „справедливости“. Нѣкоторое время они колебались, но вскорѣ рѣшились и приняли націоналистическій подарокъ. Сначала хотѣли провести этотъ пунктъ чужими руками, устранившись подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ отъ отвѣтственнаго голосованія. Но затѣмъ рѣшено было выступить открыто и прямо голосовать за куріи и за ограниченіе евреевъ. Параллельно съ этимъ была усилена антисемитская кампанія въ польской прессѣ, и безъ того очень рѣзкая послѣ крушенія революціи. Характерной особенностью польскаго антисемитизма является то, что онъ не только проникъ

въ толщу народной массы, руководимой націоналъ-демократами, но и заразилъ обширные круги польской либеральной и демократической интеллигенціи. Въ Польшѣ антисемитизмъ—широкое національное движеніе, которому евреи могутъ и должны противопоставить тоже національную организацію. Русская власть, какъ государственное начало, должна играть умиротворяющую роль въ этой національной борьбѣ, должна являть собой принципъ справедливости, доставляющій всегда высокій моральный авторитетъ. Къ сожалѣнію, въ польско-еврейскомъ спорѣ изъ-за городского самоуправленія русская государственная власть не оказалась на высотѣ призванія. Она отдала евреевъ всецѣло во власть полякамъ даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ евреевъ подавляющее большинство. Возьмемъ, напр., городъ, въ которомъ евреевъ—70%, русскихъ—10% и поляковъ—20%. Городская дума такого города будетъ имѣть въ своемъ составѣ гласныхъ русскихъ—10%, евреевъ—20% и поляковъ 70%. Конечно,—въ результатѣ евреи будутъ усиленно облагаться налогами, но кварталы, въ которыхъ они живутъ, будутъ лишены всякаго благоустройства, а сами евреи не будутъ ни приниматься на городскую службу, ни допускаться къ подрядамъ и поставкамъ. Какъ бы враждебно ни относились поляки къ русской оппозиціи, но она изъ чисто государственныхъ соображеній не можетъ выдать евреевъ полякамъ, чего они такъ страстно желаютъ.

Польско-еврейскій споръ изъ-за городского самоуправленія пріобрѣтаетъ огромное принципіальное значеніе, какъ доказательство, что старанія покойнаго П. А. Столыпина толкнуть Россію на австрійскій путь развитія увѣнчались успѣхомъ. Въ Польшѣ идетъ теперь такая же національная свара, которую мы наблюдаемъ въ австрійскихъ провинціяхъ между поляками и русинами, нѣмцами и чехами, итальянцами и славянами и т. д. Можно скорбѣть о томъ, что Россію слишкомъ рано погрузили въ этотъ кипящій ненавистью котелъ, можно находить, что все направленіе политики было ошибочное, что Россія могла избѣжать австрійскаго національнаго междоусобія и выйти на ровный широкій путь американскаго имперіализма — но изъ-за этихъ сожалѣній, надеждъ и пожеланій нельзя упускать реальныхъ фактовъ. А факты таковы, что борьба національностей становится мало-по-малу однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ нашей внутренней политики.

Открывшіяся губернскія земскія собранія голодающихъ губерній подтвердили, что постигшій Россію голодъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагали не только при П. А. Столыпинѣ, но даже при В. Н. Коковцовѣ. Нельзя не видѣть своеобразной иронія судьбы въ томъ, что въ Нижегородской губерніи, сравнительно съ юго-восточными пострадавшей слабо, это признаніе долженъ былъ сдѣлать одинъ изъ шуровьевъ покойнаго премьера, гл. Нейдгардтъ. Самарское земство еще осенью исчислило общую нужду по губерніи въ 50 милл. рублей. Администрація признала, конечно, эту цифру преувеличенной, низвела ее до 11 милл. руб. и теперь повышаетъ ее довольно прихотливыми скачками. Уфимское собраніе подсчитало, что для удержанія крестьянскаго хозяйства на его нынѣшней высотѣ нужно 40.800,000 пудовъ, а для предохраненія народа отъ голодовки — 14.300,000 пудовъ. Саратовскіе земскіе дѣятели утверждаютъ, что уже въ настоящее время (въ концѣ декабря) около милліона людей въ губерніи нуждаются въ продовольствіи. По признанію тѣхъ же земцевъ, общественныя работы въ Саратовской губерніи, гдѣ онѣ были организованы раньше и, пожалуй, лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, не оправдали и одной десятой возлагавшихся на нихъ надеждъ. Объ удержаніи крестьянскаго хозяйства на прежней высотѣ нечего и думать. Инвентарь, глав-

нымъ образомъ рабочій скотъ, быстро убываетъ. Напримѣръ, въ Самарской губерніи, по подсчету губернской управы, къ 15 октября количество лошадей и коровъ убавилось уже на 2.200,000 штукъ, въ то время какъ въ прошломъ году къ этому времени наблюдался даже приростъ въ 300,000 штукъ. Тревожныя извѣстія объ убыли скота сообщали и гласные уфимскаго земства.

Около половины населенія, пораженнаго голодовкой, принадлежитъ къ инородцамъ: татары, черемисы, мордва, киргизы, башкиры... Возможно, что нѣкоторый индиферентизмъ, проявляемый русскимъ обществомъ къ настоящей голодовкѣ, объясняется и этимъ преобладаніемъ среди голодающихъ инородцевъ. „Зоологическій національнизмъ“ сказался пониженіемъ чувства милосердія, отзывчивости къ страданіямъ ближняго. Національнистическимъ душкомъ объясняется и отказъ въ помощи изъ обще-имперскаго капитала киргизамъ Уральской области, голодовка среди которыхъ принимаетъ рѣзкія формы...

Отношеніе правительства къ общественной помощи голодающимъ попрежнему остается нецѣлесообразнымъ и непослѣдовательнымъ. Въ этой области царитъ полный хаосъ. Иначе и быть не могло. Правительство ассигновало на помощь голодающимъ огромныя средства (118 милл. руб.), въ сравненіи съ которыми частныя пожертвованія—ничтожная величина. Только правительство въ состояніи спасти населеніе отъ голода и разоренія. Но правительственная машина громоздка и неповоротлива. Она движется съ большими запозданіями. Въ острыхъ случаяхъ нужды, бьющихъ по нервамъ и воображенію, правительственная помощь запаздываетъ. Тутъ нужны кареты скорой помощи, т.-е. общественныя организаціи, но для своей дѣятельности онѣ должны имѣть свободу и просторъ.

Правительство же подъ вліяніемъ реакціонныхъ опасеній мѣстнаго дворянства рѣзко высказалось противъ общественной помощи. Сначала это отрицаніе вылилось въ совершенно категорическія формы. Кромѣ администраціи, земства и Краснаго Креста никто не имѣетъ права ни собирать пожертвованія на голодающихъ, ни оказывать имъ непосредственную помощь. Но отъ такой категоричности скоро отказались, такъ какъ она быстро привела къ сокращенію пожертвованій. Теперь уже разрѣшено нѣкоторымъ общественнымъ организаціямъ собирать пожертвованія, но съ тѣмъ, чтобы онѣ ихъ пересылали только или администраціи, или земству, или Красному Кресту. Основываясь на строгихъ инструкціяхъ начальства, мѣстныя власти въ нѣкоторыхъ губерніяхъ начали уже „пресѣкать“ помощь голоднымъ. Такъ, въ Тетюшскомъ у. Казанской губерніи закрыли столовую Вольно-экономическаго общества для дѣтей. Въ Царевскомъ у. Астраханской губ. уполномоченному того же общества приставъ запретилъ раздавать муку, за что губернаторъ раньше благодарилъ уполномоченнаго.

Моральное чувство не можетъ не протестовать противъ такихъ пріемовъ. Русское общество надо было бы назвать трупомъ, если бы оно отказалось отъ священной обязанности помогать нуждающимся въ бѣдѣ. Самые тяжелые мѣсяцы еще впереди: январь, февраль, мартъ. И если русскихъ людей будутъ преслѣдовать судомъ или административнымъ порядкомъ за то, что они устраиваютъ столовыя для голодающихъ дѣтей, если полицейскіе начнутъ разбивать горшки и выбрасывать хлѣбъ изъ печей—пусть будетъ и это!

Центральное правительство должно понять, на что оно толкаетъ исполнительныя мѣстныя власти и отыскать выходы изъ тупика. Быть можетъ, вятскій губернаторъ, разрѣшившій уполномоченному И. Вольно-экономическаго общества дѣйствовать подъ флагомъ общеземской помощи, и указалъ правительству тотъ компромиссный выходъ, который можетъ избавить его отъ очень непріятныхъ исторій...

Насильственно нельзя внушить ни къ кому довѣрія. И если Красный Крестъ не пользуется среди русскаго общества популярностью, то ограничительныя мѣры этого не поправятъ. Скорѣе наоборотъ. Общеземской организаціи, во главѣ которой стоитъ кн. Г. Е. Львовъ, общество довѣряетъ, и она можетъ поэтому сдѣлаться средоточіемъ общественной помощи.

Серьезная борьба съ голодомъ вѣдь только еще начинается...

А. С. Изгоевъ.

2. О „единствѣ и нераздѣльности Россіи".

1.

На эту огромную тему написана недавно книга или, точнѣе, ей посвящена бо́льшая часть отличной книги, изданной барономъ *Б. Э. Нольде* подъ заглавіемъ: „Очерки русскаго государственнаго права" [1]). Сочиненіе это существенно подкрѣпляетъ уже и раньше пріобрѣтенную его авторомъ репутацію выдающейся, продуктивной ученой силы. Здѣсь широко задуманный изслѣдователемъ планъ осуществляется твердою, увѣренною рукою.

Въ чемъ же заключается этотъ планъ?

Основные законы 1906 года начинаютъ съ торжественнаго утвержденія, что *„Государство Россійское едино и нераздѣльно"* (стр. 1). Однако, напоминаетъ намъ бар. Нольде, древо этого „единства" выросло на почвѣ, обильно удобренной останками цѣлаго ряда такихъ политическихъ образованій — по западнымъ окраинамъ Россіи,—которыя имѣютъ много аналогичнаго съ *единственнымъ* явленіемъ, въ настоящее время какъ бы нарушающимъ полноту россійскаго единства,—съ положеніемъ Финляндіи.

„Мы привыкли думать,—говоритъ авторъ,—что финляндское самоуправленіе или финляндская государственность... является чѣмъ-то, стоящимъ совершенно въ сторонѣ отъ основныхъ линій нашего историческаго развитія. Такое представленіе совершенно ошибочно" (стр. 278). Напротивъ, въ исторіи русской государственности „это исключительное и особенное явленіе повторялось неоднократно, было совершенно обычнымъ. Спрашивается, „какъ и почему оно безслѣдно исчезло".

Во всякомъ случаѣ, подъ современнымъ „единствомъ" нащупывается „какой-то, ранѣе не изученный, важный историческій пластъ въ политическомъ развитіи Россіи; наука обязана узнать его свойство, направленіе, въ которомъ онъ проходитъ, и опредѣлить, каково его воздѣйствіе на сосѣднія историческія образованія" (стр. 279).

Словомъ, бар. Нольде вызываетъ изъ царства политическихъ тѣней призраки былыхъ автономій: украинской, балтійской и другихъ. Передъ нашими глазами протекаетъ сложная работа политика-палеонтолога. Изъ облюбованнаго имъ „пласта" онъ бережно извлекаетъ скрытыя въ немъ кости. Онъ приводитъ въ порядокъ найденную имъ такимъ образомъ коллекцію политическихъ ископаемыхъ; съ чувствомъ удовлетворенности, изобличающимъ настоящаго ученаго, онъ относитъ ихъ къ одному классу—политическихъ организмовъ со слабо развитымъ хребтомъ — и заставляетъ живую еще Финляндію замыкать шествіе этихъ призраковъ.

Въ этомъ обществѣ и въ такой—обратной — перспективѣ, не должна ли Финляндія почувствовать себя... нѣсколько неуютно; почувствовать себя какъ бы государственнымъ ихтіозав-

[1]) Спб. 1911 г. Въ книгѣ собраны три монографіи: „Статья 87 основныхъ законовъ"; „Совѣтъ Министровъ" и, наконецъ, „Единство и нераздѣльность Россіи" (стр. 223—554). Новинкою является послѣдній очеркъ: первые два были напечатаны впервые въ Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института за 1907—1909 гг.

ромъ, случайно уцѣлѣвшимъ, по которому уже готовы и полка, и ученая этикетка въ музеѣ политическихъ древностей? И это несмотря на то, что, по признанію изслѣдователя, *данный* ихтіозавръ обладаетъ „позвонкомъ“,котораго не было у его сосѣдей по „пласту“, именно: конституціей (стр. 552).

Я не думаю здѣсь останавливаться на очень интереснóмъ изложеніи финляндскаго вопроса, сдѣланномъ въ книгѣ бар. Нольде. Не занимаясь собственно ни критикой ея, ни рефератомъ, я бы желалъ всего лишь комментировать немногія изъ заключеній этого, вообще обильнаго и фактами и выводами, труда.

Итакъ, въ немъ признается существованіе особой финляндской конституціи; авторъ, повидимому, считаетъ—таково, впрочемъ, и преобладающее мнѣніе юристовъ—что изданіемъ извѣстнаго акта 1910 года (о порядкѣ *общаго* законодательства) были незаконно „обойдены“ (другой сказалъ бы: попраны) права финляндскаго сейма (стр. 553); онъ, во всякомъ случаѣ, полагаетъ, что на основаніи нормъ, дѣйствовавшихъ до 1910 года, по дѣламъ общаго (т.-е. Россіи со включеніемъ Финляндіи) законодательства требовалось *согласіе*, а не *заключеніе* сейма.

Однако, катастрофа, примявшая въ 1910 году финляндскую конституцію, непосредственнаго интереса въ авторѣ не возбуждаетъ. Финляндія есть лишь конечный пунктъ археологической прогулки по западнымъ окраинамъ имперіи. Начинается эта прогулка — съ Украйны. Между Украйной и Финляндіей—балтійскія земли, провинціи, оторгнутыя отъ Польши, Царство Польское, Бессарабія. Подробный, въ высшей степени интересный отчетъ о томъ, какъ мѣстныя автономіи уничтожались во имя единообразія, доводится до дѣла 1910 года, служитъ ему какъ бы исторической декораціей.

И въ этомъ случаѣ, по словамъ автора, „русскій законодатель шелъ, можно сказать, классическимъ путемъ отмѣны правъ и привилегій автономныхъ русскихъ областей. Договорамъ и грамотамъ всегда и всюду противопоставляется именно имперскій законъ, и всюду онъ выходилъ побѣдителемъ. Аргументы за и противъ подчиненія имперскому праву въ финляндскомъ вопросѣ кажутся, напримѣръ, почти списанными съ аргументовъ за и противъ отмѣны автономіи Украйны или прибалтійскаго края“ (стр. 552).

Здѣсь, несомнѣнно, сжато изложена главнѣйшая мысль всего изслѣдованія. Финляндія—послѣдняя жертва, закланная на алтарѣ россійскаго единства; ей предшествовалъ рядъ другихъ жертвъ, одинаково обреченныхъ все тою же „волею историческихъ судебъ“ на исчезновеніе.

На первый взглядъ можетъ показаться, что такое обобщеніе Украйны и Финляндіи, XVII и XX вѣковъ, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, въ одной формулѣ есть истинное торжество научнаго упрощенія. Затѣмъ, легко отдаешься сомнѣнію.

Баронъ Нольде старается изъ всѣхъ имъ добытыхъ матеріаловъ слѣпить фигуру какой-то „*системы* русскаго мѣстнаго управленія, основанной на автономіи населенія“—постепенно отживавшей свое время; Эзель и Польша, Бессарабія и Финляндія, оказываются экземплярами одного и того же „правового“ *типа*.

Между тѣмъ, всматриваясь пристальнѣе—трудно не замѣтить нѣкоторой искусственности такого обобщенія.

Имперскій законъ всегда и всюду торжествовалъ надъ договорными отношеніями, надъ порядками, установленными по взаимному соглашенію Россіи и данной „автономной“ области? Происходило это „благодаря росту современныхъ государственно-правовыхъ категорій, въ частности понятія закона, какъ односторонняго волеизъявленія центральной государственной власти“ (стр. 463)? Это такъ. Но необходимо оговориться, что эта характеристика

не можетъ быть отнесена къ тѣмъ случаямъ, гдѣ опредѣленный публичный строй, при томъ отвѣчающій „современнымъ категоріямъ“ государственнаго права, такъ или иначе уже сложился и существовалъ.

Несомнѣнно, „договорные“ порядки какой-нибудь Лифляндіи не могли оставаться вѣчно въ неизмѣнности; они уступили мѣсто русскому, „односторонне-му“ закону, коль скоро не образовалось автономной лифляндской или вообще балтійской публичной власти *современнаго* типа, взамѣнъ прежней, договорной сословно-монархической организаціи.

Всюду, гдѣ были *консервированы* особые порядки суда и управленія, на основаніи договоровъ, торжественныхъ обѣщаній и т. д., но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было создано особыхъ центровъ дальнѣйшей созидательной государственной работы, тамъ „автономіи“ фатально превращались въ „раритеты“ въ окостенѣлые „партикуляризмы“ на фонѣ единообразной россійской государственности.

Тамъ же, гдѣ, какъ это было въ конгрессовой Польшѣ или Финляндіи, образовался и существовалъ болѣе или менѣе законченный, публичный правопорядокъ, притомъ автономный, тамъ онъ не нуждался въ ломкѣ имперскимъ закономъ, для того, чтобы дорасти до „современныхъ государственно-правовыхъ категорій“—просто потому, что онъ самъ ихъ въ себѣ воплощалъ, на нихъ строился. Спрашивается: какимъ же образомъ возможно относить къ одному „правовому типу“ режимъ Царства Польскаго на основаніи грамоты 1832 года и балтійскіе порядки, основанные на „аккордныхъ пунктахъ“? Какъ отожествлять вопросъ о поглощеніи украинскихъ „земель гетманскаго регимента“ общероссійской государственностью съ вопросомъ объ отношеніи Россіи къ финляндской конституціи? Относительно Финляндіи, какъ я уже оговорился, самъ авторъ признаетъ, что своей *конституціей* она отличается существенно отъ прочихъ „автономныхъ“ областей, имъ описанныхъ; на мой взглядъ, отличіе это столь рѣзко, что Финляндія выпадаетъ изъ общей схемы. То же приходится сказать и о Царствѣ Польскомъ: крушеніе польской конституціи 1815 года и неудачи автономнаго строя по статуту 1832 года привели къ политическому и административному обезличенію Царства, но эти полныя драматизма событія не имѣютъ ни малѣйшей связи съ исторіей вытѣсненія имперскимъ закономъ различныхъ, болѣе или менѣе старомодныхъ привилегій и порядковъ, основанныхъ не то на милости, не то на обѣщаніи, не то на договорѣ. Это—явленія разныхъ эпохъ государственнаго развитія, разныхъ формацій, если угодно. Однимъ изъ нихъ присущъ характеръ историческихъ курьезовъ—съ точки зрѣнія современнаго пониманія; другія даютъ содержаніе жизненнѣйшимъ вопросамъ нашихъ дней.

2.

Разсказывая о томъ, какъ сложилось полное, одинаковое подчиненіе всѣхъ частей Россіи центральному правительству, бар. Нольде естественно и охотно припоминаетъ примѣръ Франціи, достигшей у себя этого результата въ эпоху Великой Революціи (стр. 464—465). Къ этой эпохѣ относится вѣдь и происхожденіе самаго термина: единство и нераздѣльность; тамъ же найдемъ и полную аналогію тому поглощенію мѣстнаго общимъ, автономнаго имперскимъ, какое произошло въ Россіи.

Можно ли, однако, дѣлать это сближеніе безъ оговорокъ, безъ существенныхъ оговорокъ? Дѣйствительно ли одинаково историческое значеніе и тождествененъ политическій смыслъ упроченія французскаго единства въ концѣ XVIII вѣка и торжества въ Россіи „имперскаго закона“ надъ окраинной особностью?

Французское „единство“ тѣснѣйшимъ

образомъ связано съ оборудованіемъ французскаго народа, какъ національно-культурнаго цѣлаго, въ *одно* политическое общество, построенное на „началахъ 1789 года“. Здѣсь для огромной, мощной струи государственнаго идеализма или, лучше сказать, раціонализма старались проложить русло, которое бы эту струю могло воспріять цѣлостью, всю. Съ точки зрѣнія *такого* единства, до самыхъ краевъ насыщеннаго разнообразнымъ содержаніемъ съ опошленными, но незабываемыми лозунгами „свободы, равенства и братства“, дѣйствительно *могли* казаться ненужными и смѣшными какія-то перегородки, дѣлившія „единый“ тѣломъ и духомъ народъ на случайныя части.

Разумѣется, осуществиться во всей полнотѣ такъ задуманное единство не могло: но было найдено удобное, раціонально цостроенное вмѣстилище для культурно - хозяйственнаго оборота страны, благодаря дѣйствительному объединенію административному и правовому, и, что еще важнѣе, была создана единая рамка для публичной жизни одного, опредѣленнаго — французскаго народа. Государство стало политическимъ обиталищемъ націи.

Спрашивается теперь: насколько сходно объединеніе французское съ процессомъ, обезличившимъ русскія окраины?

Слишкомъ ярко бьетъ въ глаза, что въ Россіи уничтоженіе собственнаго политическаго быта пограничныхъ областей не было связано съ консолидаціей *русской* народности, какъ національнаго цѣлаго. Даже инкорпорація Малороссіи вызываетъ въ этомъ отношеніи сомнѣнія. Что же сказать о балтійскихъ губерніяхъ, о Польшѣ, о Финляндіи? Здѣсь и рѣчи не можетъ быть объ объединеніи національномъ, о включеніи новыхъ членовъ въ интимное единеніе общей народной жизни, объ установленіи культурнаго круговращенія въ предѣлахъ одного и того же общества.

Нѣтъ не только единства культурной среды, но нѣтъ и единства государственной публичной жизни: вѣдь едва-едва первые шаги ея дѣлаются въ послѣдніе годы.

Остается единство центральной власти и вообще всей системы учрежденій, инерція административной рутины и мощь военная; всѣмъ этимъ окраины тѣсно были прикручены къ Россіи—онѣ и срослись съ ней, но именно какъ части Россіи, а не какъ русскія земли.

Добавимъ еще, что и въ самомъ государственномъ центрѣ Россіи, въ средѣ самого русскаго народа не только многаго, очень многаго нехватаетъ для торжества „современныхъ категорій“ публичнаго права, но нѣтъ даже такой элементарной вещи, какъ единство правового строя; не существуетъ общенароднаго гражданскаго права, нѣтъ *нормально* дѣйствующей административной системы, сотни вопросовъ ждутъ рѣшенія цѣлыми десятилѣтіями и т. д. и т. д.,— сколько еще надобно будетъ времени, сколько трудовъ, чтобы создать здѣсь, въ этомъ центрѣ, культурныя условія государственной жизни, создать единство права и закона, верховенство этого закона во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ управленія, и дѣйствительное единство отвѣтственной власти!

Не забудемъ, что если нѣтъ въ Россіи автономныхъ провинцій, зато есть автономныя вѣдомства; что если все безраздѣльно подчинено центральной власти, то она сама способна производить парадоксальное впечатлѣніе какой-то, притомъ, вовсе не устойчивой, „федераціи“ элементовъ: гражданскаго, военнаго и духовнаго.

Тѣмъ не менѣе, сомнѣваться нельзя: „Россія есть государство единое и нераздѣльное“. Только вотъ, какъ связать, какъ объединить въ одномъ порывѣ, въ одномъ чувствѣ Петербургъ и Ригу съ Варшавою и Гельсингфорсомъ?

Въ нынѣшнихъ условіяхъ это вещь немыслимая. А если такъ, то и содержаніе „единства“ сказывается слишкомъ уже бѣднымъ. Народы, лишенные своей собственной публичной жизни и,

въ то же время, жаждущіе ея, являются противъ своей воли политическимъ балластомъ для государства, включающаго ихъ въ желѣзный обручъ своего единства: они даютъ плательщиковъ податей, но одновременно и равнодушныхъ гражданъ; на государство, лишающее ихъ политическаго и культурнаго самоуправленія, они смотрятъ, какъ на силу чуждую, враждебную.

Говорите послѣ этого объ „единствѣ". Конечно, можно приходить въ умиленіе, глядя на карту Россіи: отъ Варшавы до Японіи, отъ Карпатъ до Берингова пролива, отъ Новой Земли до Арарата, всѣ эти земли, горы, воды, тундры и степи, съ принадлежащими къ нимъ народами всякихъ антропологическихъ типовъ и всѣхъ ступеней развитія, все это есть Россія — единая и нераздѣльная. Но если отрѣшиться отъ этого, совершенно дѣтскаго, хотя весьма распространеннаго между взрослыми „чувства великаго", вызываемаго также валовыми цифрами бюджета, разстояніями, количествомъ волостныхъ старшинъ, акцизныхъ чиновниковъ или чиновничьихъ вдовъ, живущихъ на пенсіи, то придется серьзно задуматься надъ огромнымъ несоотвѣтствіемъ между формальнымъ единствомъ русскаго государства и хаосомъ національно-культурныхъ въ немъ отношеній.

И когда вспоминаешь о тѣхъ возможностяхъ культурнаго и политическаго расцвѣта, какія заключались въ особыхъ порядкахъ соединенныхъ съ Россіей земель, когда ясно видишь, что съ крушеніемъ этихъ автономій у нихъ естественно отнимались шансы сколько-нибудь здороваго развитія, а Россія столько же неизбѣжно обрекалась на безплодный, тяжкій для обѣихъ сторонъ трудъ обрусенія и разрушительной замѣны особеннаго общимъ— тогда не только отказываешься отъ умиленія всѣми этими успѣхами объединенія, но думаешь съ досадою о бѣдности чисто политическаго творчества русской государственной власти, при всякомъ удобномъ случаѣ стихійно стремившейся *„прибрать къ рукамъ"*, ту или другую „автономную" окраину.

И побужденіе, выражаемое въ простодушныхъ словахъ: „прибрать къ рукамъ Малую Россію", сказанныхъ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ, не является ли дѣйствительно тѣмъ искомымъ общимъ знаменателемъ, который подойдетъ и къ Финляндіи и къ Украйнѣ?

Если во всемъ этомъ и есть извѣстная фатальность, то лежитъ она именно въ чрезвычайной узости политическаго репертуара, неизбѣжно вытекавшей изъ самыхъ основъ русскаго государственнаго строя,—а никакъ не въ смѣнѣ (замѣтьте, далеко не всегда прогрессивной) разнообразнаго общимъ, мѣстнаго имперскимъ.

Россійское „единство", (а вмѣстѣ съ нимъ и „нераздѣльность") получитъ жизненное государственное значеніе, будетъ питаться духовною силою всѣхъ народовъ Россіи, когда — если только это возможно—будетъ найденъ секретъ такого устройства, при которомъ общеимперская государственность сочеталась бы съ публично-правовой организаціей областей, обезпечивающей имъ самоуправленіе. Углубляться въ эту тему было бы, пожалуй, не къ сезону. Но кто знаетъ; быть можетъ, больше жизненной силы, больше будущности, таится въ идеѣ окраинной автономіи, (конечно, какъ принципа),—чѣмъ въ томъ типѣ управленія, который всюду на окраинахъ, въ лицѣ генералъ-губернатора, долженъ служить одновременно воплощеніемъ и гражданской мудрости и талантовъ военачальника, который приводитъ Туркестанъ и Польшу къ одному административному уровню, и, чего добраго, держитъ насъ на одинаково далекой дистанціи — и отъ „современныхъ категорій" публичнаго права, и отъ современной стратегіи.

О, для палеонтологовъ въ сферѣ политики не всегда необходимо раскапывать глубоко лежащіе пласты: они легко могутъ найти прелюбопытные экзем-

пляры для своихъ коллекцій и въ мірѣ современныхъ явленій. Только отъ этого мало утѣшенія живымъ людямъ.

З. Аваловъ.

3. Къ характеристикѣ польско-украинскихъ отношеній. [1])

Для тѣхъ, кого интересуетъ національная проблема, польско-украинскія отношенія представляютъ въ высокой степени любопытное явленіе. Исторія и современность переплелись здѣсь въ крайне сложную сѣть, и пережитки невозвратнаго прошлаго продолжаютъ бросать свою омрачающую тѣнь на событія сегодняшняго дня, своеобразно преломляясь при этомъ въ условіяхъ классовой борьбы. Послѣдняя, въ свою очередь, протекаетъ въ существенно различной правовой обстановкѣ русской и заграничной жизни.

Въ Галиціи, граничащей съ русской Украйной, поляки въ настоящее время являются во всѣхъ отношеніяхъ господами положенія и, какъ обычно бываетъ съ „господами“, тѣснятъ сожительствующихъ съ ними инородцевъ. Этими инородцами въ данномъ случаѣ являются русины (украинцы). Крайняя обостренность національныхъ отношеній двухъ родственныхъ и почти равныхъ по численности народностей доходитъ въ Галиціи до кровавыхъ эксцессовъ (дѣло Сичинскаго, побоище въ Львовскомъ университетѣ и др.) Въ Россіи положеніе представляется, повидимому, существенно инымъ. Поляки, конечно, не могутъ считаться здѣсь господами положенія. Напротивъ, они являются опальными „инородцами“. Но *когда-то* поляки *были* господами положенія въ правобережной Украйнѣ, и это обстоятельство продолжаетъ налагать свою печать на современныя отношенія ихъ къ украинцамъ. Въ Украйнѣ, во времена своего господства, поляки выступали главнымъ образомъ въ качествѣ немногочисленнаго, но могущественнаго класса душевладѣльцевъ, и отъ давнишняго взгляда на малоросса, какъ на „быдло“, а на его край—какъ на свою собственность, еще и до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться польскіе аграріи и близкіе имъ по духу элементы польскаго общества вмѣстѣ съ своими литературными идеологами. Равенство безправія не создало въ ихъ душѣ чувствъ солидарности и уваженія ко вчерашнимъ рабамъ, стремящимся нынѣ, такъ же какъ и они сами, къ свободѣ національнаго самоопредѣленія.

Все сказанное ни въ какой мѣрѣ, конечно, не можетъ и не должно быть относимо къ польской демократіи. Правда, она очень немногочисленна на украинской территоріи, но тѣмъ не менѣе линія ея поведенія проходитъ въ совсѣмъ иномъ направленіи и вноситъ въ общую картину національныхъ отношеній здѣсь чрезвычайно интересное распредѣленіе свѣта и тѣней. И — что особенно любопытно — мы въ данномъ случаѣ опять-таки имѣемъ дѣло не только съ продуктомъ современнаго соотношенія общественныхъ силъ, но и съ отраженіемъ далекаго прошлаго, съ вліяніемъ такихъ его моментовъ, которые, казалось бы, давно уже сданы въ архивъ исторіи.

Вотъ съ этимъ-то явленіемъ въ жизни польской демократіи, явленіемъ въ высокой степени самобытнымъ и даже, можно сказать, безпримѣрнымъ по своимъ соціально-этическимъ основамъ, а также съ отношеніемъ къ нему нѣкоторой части современной польской печати я хочу познакомить читателей. Такое знакомство является тѣмъ болѣе

---

[1]) Мы печатаемъ настоящую замѣтку въ интересахъ освѣдомленія нашихъ читателей объ интересныхъ процессахъ и фактахъ въ области національныхъ отношеній, отнюдь не присоединяясь, однако, къ „украинской“ позиціи автора.

Ред.

своевременнымъ, что лишь недавно, а именно въ концѣ ноября, въ Варшавскомъ Окружномъ судѣ—какъ это ни странно — должна была развернуться послѣдняя страница изъ исторіи этихъ отношеній. Однако громкій литературный процессъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидали украинцы, не состоялся, и означенная страница прошла почти незамѣченной въ русской печати. Лишь въ лаконическихъ телеграммахъ была отмѣчена неожиданная развязка судебнаго дѣла, появившаяся на страницахъ двухъ польскихъ газетъ.

Эти газеты—„*Goniec Poranny*“ и „*Kurier Warszawski*“—въ своихъ выпускахъ отъ 28 и 29 ноября (нов. ст.) 1911 г. напечатали слѣдующую декларацію:

„*Объясненіе по поводу статьи „Нѣмецкія деньги и украинцы“*. Въ іюнѣ 1910 года въ польской печати появились разоблаченія прусскаго шпіона Болеслава Раковскаго о мнимой поддержкѣ, оказываемой прусскимъ правительствомъ украинскому національному движенію въ антипольскихъ цѣляхъ. Въ этихъ разоблаченіяхъ, среди лицъ, будто бы служившихъ „прусскими агентами“, было названо имя „Венцель Липинскій во Львовѣ“. Это сообщеніе редакція „*Gonca Porannego*“ въ № 273 отъ 17 іюня 1910 г. сопроводила такимъ примѣчаніемъ: „А, г. Венцель Липинскій? Не есть ли это случайно г. Вячеславъ Липинскій, молодой польскій шляхтичъ изъ Украины, уже нѣсколько лѣтъ ведущій „идейную“ агитацію среди польскій шляхты на Руси въ духѣ „возвращенія ея къ украинской національности“, пишущій одновременно на польскомъ и на украинскомъ языкахъ, авторъ брошюры „Polska szlachta na Ukraińie“ и соредакторъ издающагося въ Кіевѣ еженедѣльника „*Przegląd Krajowy*“? Эта догадка требуетъ, конечно, самаго компетентнаго выясненія съ обѣихъ сторонъ, изъ Кіева и Львова одновременно“.

„Это примѣчаніе перепечаталъ дословно „*Kurier Warszawski*“ въ № 166 отъ 18 іюня 1910 г.

„Признавая, что изложенное примѣчаніе поноситъ честь г. Вячеслава Липинскаго, автора брошюры „Szlachta na Ukraińie“ и руководителя журнала *Przegląd Krajowy*“, заявляемъ, что помѣщенное нами и перепечатанное „*Kurier*'омъ *Warszawski*'мъ“ отождествленіе „Венцеля Липинскаго изъ Львова“ съ личностью г. Вячеслава Липинскаго—*совершенно неосновательно, и поэтому мы его беремъ назадъ*.

„Одновременно отмѣчаемъ, что общественная и публицистическая дѣятельность г. Вячеслава Липинскаго, съ которой, правда, мы не соглашаемся, *но которая, однако, исходитъ изъ чисто идейныхъ побужденій, не давала и не даетъ никакого основанія для подобныхъ догадокъ*“.

Напечатаніемъ приведеннаго самоопроверженія редакторы названныхъ газетъ отвели отъ себя суровый судебный приговоръ по обвиненію въ клеветѣ, которое возбудилъ противъ нихъ г. Липинскій; но, конечно, само по себѣ это опроверженіе очень мало говоритъ тѣмъ, кто не знакомъ въ подробностяхъ съ происхожденіемъ дѣла. Между тѣмъ дѣло это представляетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ. Здѣсь передъ нами не личное столкновеніе и не случайный, какъ я уже сказалъ, эпизодъ, а крупный общественный фактъ, пріобрѣтающій, помимо своего основного смысла, еще особый привкусъ, благодаря специфическому отраженію въ немъ современныхъ политическихъ нравовъ съ ихъ неизбѣжнымъ нынѣ аттрибутомъ—провокаціей.

Центръ тяжести лежитъ здѣсь въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстная часть польскаго общества и печати, не могущая равнодушно относиться къ пробужденію въ нѣкогда польскомъ краѣ украинскаго національнаго движенія, столкнулась на этой почвѣ съ совершенно необычайнымъ общественнымъ теченіемъ. Оказывается, что пробужденію національнаго самосознанія въ украинскомъ народѣ не только сочувствуютъ, но и активно ему содѣй-

ствуютъ нѣкоторые представители *польской же интеллигенціи*. Считая себя потомками украинцевъ, оторванныхъ отъ родного народа процессомъ полонизаціи, они, эти „шляхтичи съ Украины“, признаютъ своимъ долгомъ возвращеніе въ родную среду, работу на пользу того края, въ которомъ живутъ, служеніе тому народу, который ихъ вскормилъ и вспоилъ. Ему они несутъ, и другихъ зовутъ несть, свои силы, знанія и трудъ. Такимъ образомъ, отъ національныхъ завоеваній исторической Польши отрывается то, что казалось окончательно и навсегда поглощеннымъ, ассимилированнымъ и закрѣпленнымъ, и это приводитъ въ крайне нервное состояніе нѣкоторыя группы польскаго общества.

Не касаясь здѣсь вопроса о жизнеспособности указаннаго теченія въ средѣ польско-украинской интеллигенціи, относительно чего существуютъ разныя мнѣнія, я отмѣчу только, что это теченіе ошибочно было бы считать явленіемъ послѣднихъ лѣтъ. Начало его относится къ половинѣ прошлаго столѣтія, когда представители передовой польской молодежи на Украинѣ Ѳ. Рыльскій и В. Б. Антоновичъ, знаменитый впослѣдствіи историкъ и археологъ, перешли даже изъ католичества въ православіе, чтобы стать ближе къ своему народу. Исторія пережитаго Антоновичемъ глубокаго внутренняго процесса была съ большою искренностью разсказана имъ въ его замѣчательной „Исповѣди“, напечатанной въ свое время въ извѣстномъ украинскомъ журналѣ Костомарова и Бѣлозерскаго „Основа“. Но и безупречно чистая, стоящая выше всякихъ подозрѣній репутація В. Б. Антоновича, демократа отъ головы до ногъ, не избавила его отъ враждебныхъ выходокъ шовинистовъ изъ враждебнаго лагеря. Его обозвали ренегатомъ и „перевертнемъ“, ему никогда не могли простить „измѣны“.

Тогда, однако, не было провокаторовъ и поневолѣ приходилось ограничиваться голыми словами. Въ худшемъ положеніи оказался г. Липинскій, молодой ученый и публицистъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступившій на литературное поприще съ чрезвычайно интереснымъ трудомъ „Szlachta na Ukrainie“, изданнымъ въ Краковѣ. Въ свое время этотъ трудъ, возрождавшій и укрѣплявшій новыми аргументами старую польско-украинскую идею, произвелъ большое впечатлѣніе и сразу же создалъ автору извѣстность. Г. Липинскій не остановился на немъ. Вскорѣ онъ всталъ во главѣ прогрессивно-демократическаго журнала „*Przegląd Krajowy*“, который издавался въ Кіевѣ и, служа органомъ польско-украинской интеллигенціи, былъ посвященъ выясненію мѣстныхъ національныхъ отношеній въ указанномъ выше духѣ. Разумѣется, идейные преемники тѣхъ элементовъ польскаго общества, которые нѣкогда зачислили проф. В. Б. Антоновича въ измѣнники, не могли остаться равнодушными и къ дѣятельности г. Липинскаго, но въ своихъ выступленіяхъ они на этотъ разъ зашли гораздо дальше. Когда въ заграничной печати появились облыжныя „разоблаченія“ извѣстнаго авантюриста и прусскаго провокатора Раковскаго, нѣкоторыя польскія газеты съ особой радостью ухватились за всю ту грязь, какая лилась изъ этого гнуснаго источника на украинское національное движеніе. Ссылаясь на этотъ источникъ, двѣ изъ нихъ направили потокъ содержащейся въ немъ грязи и на г. Липинскаго. Сейчасъ у меня нѣтъ подъ рукою старыхъ польскихъ газетъ со статьями по этому предмету; но общій смыслъ ихъ былъ тотъ, что г. Липинскій работаетъ на пользу украинскаго національнаго движенія по мотивамъ совсѣмъ особаго свойства. Это движеніе, обезсиливая Польшу, выгодно де Пруссіи, которая будто бы вдохновляетъ его и очень щедро оплачиваетъ своими марками. Насколько помнится, въ газетахъ приводились даже суммы, уплаченныя Липинскому.

Трудно представить себѣ то возмущеніе, которое было вызвано этой клеветнической выходкою политическихъ противниковъ г. Липинскаго. Она глубоко взволновала не только украинскіе литературные круги, но и всѣхъ тѣхъ, кто зналъ г. Липинскаго, какъ глубоко преданнаго своему дѣлу идейнаго работника.

Само собою понятно, что онъ немедленно принялъ мѣры къ защитѣ своей чести, и финалъ дѣла долженъ былъ разыграться въ залѣ Варшавскаго Окружнаго суда. Четыре польскихъ адвоката предложили г. Липинскому свои услуги, и нѣсколько представителей польскаго общества выразили готовность выступить на судѣ въ качествѣ свидѣтелей со стороны обвинителя. Процессъ обѣщалъ быть исключительнымъ по своему значенію и интересу.

Но обвиняемые благоразумно предупредили судебный приговоръ, въ характерѣ котораго, очевидно, не сомнѣвались. Они предложили представителямъ г. Липинскаго прекратить возбужденное дѣло, съ своей же стороны обязались напечатать въ газетахъ приведенное выше заявленіе. Такъ какъ г. Липинскій добивался не уголовной репрессіи для клеветниковъ, а реабилитаціи своего имени и дорогого ему дѣла, то онъ выразилъ согласіе ликвидировать такимъ образомъ процессъ.

Ликвидировано дѣло г. Липинскаго съ двумя польскими газетами, но ликвидирована ли возможность возникновенія въ будущемъ подобныхъ дѣлъ? Ликвидированы ли общія причины и поводы для взаимныхъ „недоразумѣній“? Увы,—совокупность тѣхъ условій, которыя были бѣгло отмѣчены въ настоящей замѣткѣ, остается налицо и, къ сожалѣнію, не оставляетъ сомнѣній, что національная польско-украинская распря далека отъ окончанія. Отмѣчу, между прочимъ, что даже теперь, послѣ появленія въ печати приведеннаго выше заявленія *Gonca Porannego* и *Kuriera Warszawskego*, лишь очень немногія изъ польскихъ газетъ выразили неодобреніе направленной противъ г. Липинскаго клеветѣ, большинство же газетъ уклонилось отъ сообщенія своимъ читателямъ свѣдѣній объ исходѣ дѣла.

На польско-украинскую распрю нельзя и не слѣдуетъ закрывать глаза. Напротивъ, надо напрячь всѣ усилія, чтобы смягчить ее и приблизить время ея ликвидаціи, а для этого прежде всего необходимо широкое и вполнѣ объективное ея освѣщеніе. Страницы русской прогрессивной печати, какъ мнѣ кажется, могутъ представить для такого освѣщенія наиболѣе благопріятныя условія, такъ какъ здѣсь легче избѣжать той страстности и односторонности, которыя всегда сопутствуютъ борьбѣ интересовъ и идей.

А. Саликовскій.

4. Русская внѣшняя политика за 1911 годъ.

Начало и конецъ 1911 года въ области международныхъ отношеній мало походятъ другъ на друга. Въ январѣ ничто не предвѣщало нарушенія мирнаго теченія жизни въ различныхъ частяхъ свѣта. А теперь, за двѣ недѣли до наступленія Новаго года, мы присутствуемъ при затянувшейся войнѣ Италіи съ Турціей, конфликтѣ между Персіей и Россіей и наконецъ при междоусобной войнѣ въ Китаѣ. Если къ этому присоединить опасность общеевропейской войны, которая такъ близко прошла мимо насъ лѣтомъ, то намъ придется признать, что современное международное положеніе далеко не отличается устойчивостью и ставитъ передъ нами цѣлый рядъ сложныхъ проблемъ, которыми открывается наступающій 1912 годъ.

I.

Войну Италіи съ Турціей нельзя не разсматривать, между прочимъ, какъ одинъ изъ отзвуковъ происшедшаго въ

Турціи переворота. За три съ лишкомъ года, прошедшихъ со времени утвержденія младотурецкаго порядка, одна основная черта его успѣла опредѣлиться съ достаточной яркостью: это режимъ воинственнаго національнализма. Движеніе, возникшее вслѣдствіе протеста противъ униженія и слабости государственной власти, не умѣвшей отстоять свою самостоятельность и достоинство отъ давленія иностранцевъ, неизбѣжно поставило передъ его руководителями въ первую очередь задачу укрѣпленія обороны имперіи, иными словами—усиленія арміи и флота. Было ясно, что турки хотятъ обзавестись сильной арміей и сильнымъ флотомъ, чтобы заставить съ собой считаться и упрочить свое владычество даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ихъ власть была расшатана и порою имѣла характеръ только номинальный.

Австрія первая учла опасности военнаго возрожденія Турціи и поспѣшила, пока не поздно, ликвидировать вопросъ о номинальномъ верховенствѣ султана въ двухъ провинціяхъ, занятыхъ австрійскими войсками со времени Берлинскаго трактата.—Для Италіи, давно поставившей цѣлью своей политики завладѣніе Триполи, не представлялось столь же неотложнымъ выказывать поспѣшность. Она полагала, что отстоять Триполи, не имѣя флота, Турція не въ силахъ, а потому выборъ подходящей минуты оставался въ рукахъ римскаго кабинета. Но когда Порта поставила на очередь пріобрѣтеніе сильныхъ боевыхъ судовъ, въ Квириналѣ рѣшили, что довольно медлить. Далеко не исчерпавъ мирныхъ средствъ, чтобы склонить Турцію къ уступчивости, итальянцы даже не постарались подыскать приличный предлогъ для захвата Триполи. Въ этомъ отношеніи итальянской дипломатіи приходится, вѣрно, не мало раскаиваться въ настоящую минуту.—Завладѣніе Триполи оказалось вовсе не столь простымъ и легкимъ дѣломъ. Правда, Турція не могла перебросить достаточно войскъ для его защиты. Тѣмъ болѣе приходится оцѣнивать то серьезное сопротивленіе, какое съ ничтожными средствами турки сумѣли противопоставить многотысячной арміи Италіи. Послѣдней не дешево обойдется ея завоеваніе. Между тѣмъ затраты Турціи весьма ничтожны. Сопротивленіе турокъ важно для нихъ тѣмъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ, которое оно производитъ. Порта доказываетъ на дѣлѣ, что съ ней нельзя не считаться, и тѣмъ самымъ умѣряетъ аппетиты, которые могли бы возникнуть въ случаѣ легкихъ успѣховъ Италіи.

Оцѣнивая войну Италіи съ Турціей съ точки зрѣнія общаго международнаго положенія и косвеннаго отраженія на наши интересы, приходится отмѣтить прежде всего, что Италія въ теченіе довольно продолжительнаго времени, будетъ неминуемо отвлечена триполійскимъ вопросомъ; послѣдній можетъ послужить не только къ внѣшнему, но, можетъ быть, и внутреннему, хотя бы временному, ослабленію, давая готовую пищу для критики и протестовъ соціалъ-демократіи. Все то время, пока Италія занята будетъ триполійскимъ вопросомъ, она не будетъ въ состояніи съ достаточной независимостью отстаивать свое положеніе въ другихъ международныхъ дѣлахъ. Умаленіе политическаго вѣса Италіи, болѣе тяготѣвшей къ державамъ тройственнаго согласія, чѣмъ къ своимъ союзникамъ, едва ли не послужитъ соотвѣтствующему усиленію Германіи.

Война Италіи съ Турціей еще разъ подчеркнула для насъ значеніе вопроса о проливахъ: въ продолженіе нѣкотораго времени Порта воспретила проходъ торговыхъ судовъ черезъ Дарданеллы, и это немедленно отразилось на вывозѣ нашего хлѣба изъ портовъ Чернаго моря. Послѣ энергичныхъ настояній съ нашей стороны запрещеніе было отмѣнено, но вскорѣ возникъ другой вопросъ—о возможной блокадѣ Дарданеллъ итальянскимъ флотомъ и о на-

мѣреніи турокъ поставить на этотъ случай минныя загражденія въ проливѣ. Никогда вопросъ о проливахъ не получалъ для Россіи столь неблагопріятной постановки, и никогда не были столь же ярко подчеркнуты неестественныя стѣсненія, вытекающія для Россіи вслѣдствіе того обстоятельства, что „ключъ“ отъ Чернаго моря не въ нашихъ рукахъ.

Нельзя, однако, не отдать себѣ отчета въ томъ, что такое положеніе создано исторіей и географіей и что отрицательныя его стороны для насъ едва ли могутъ быть устранены мирнымъ дипломатическимъ путемъ. Обезпеченія, что ключъ не защелкнетъ въ любую минуту ворота въ Черное море, нельзя искать ни въ какомъ писанномъ актѣ,— это вопросъ соотношенія силъ гораздо больше, чѣмъ международнаго права. Вотъ почему попытка русскаго посла въ Константинополѣ прійти къ разрѣшенію вопроса путемъ полюбовнаго соглашенія съ Портой не можетъ быть причислена къ удачнымъ ходамъ нашей дипломатіи. Въ настоящее время серьезной заботой для насъ является возможность появленія въ Черномъ морѣ у турокъ такихъ боевыхъ единицъ, какихъ нѣтъ у насъ въ тамошнихъ водахъ. Наше правительство прозѣвало эту несомнѣнную опасность временнаго преобладанія турецкаго флота въ бассейнѣ Чернаго моря. Весной 1911 г. были ассигнованы крупные кредиты для усиленія Черноморскаго флота, но турки имѣютъ полную возможность опередить насъ въ этомъ отношеніи. Если сопоставить морскія вооруженія Турціи съ ея постепенными захватами персидской территоріи въ Урмійскомъ округѣ, чтобы устроить спрямленное сообщеніе между расположеніями войскъ въ Багдадскомъ округѣ и на русской границѣ, то мы не можемъ не призадуматься надъ этими признаками постепеннаго подготовленія Турціи къ возможной войнѣ съ Россіей.

Наша дипломатія въ Константинополѣ думала восполнить ослабленіе русскаго вліянія на берегахъ Босфора установленіемъ исключительно дружественныхъ отношеній съ турками. На самомъ дѣлѣ, слишкомъ легко поступаясь нашимъ исконнымъ покровительствомъ христіанъ на Ближнемъ Востокѣ, она, взамѣнъ этого, не добилась ничего для насъ осязательнаго; вопросъ о „дружбѣ“ съ Турціей является по меньшей мѣрѣ несвоевременнымъ, когда на очереди стоитъ вопросъ о мѣрахъ безопасности и охраны нашей границы.

Въ ноябрѣ 1911 г. посланъ нашъ отрядъ въ Хой, чтобы обезпечить торговое сообщеніе изъ Джульфы въ Урмію. Эту мѣру мы съ своей стороны привѣтствуемъ, ибо надо, наконецъ, создать заслонъ противъ постепеннаго проникновенія турокъ въ Азарбейджанѣ.

II.

Урмійскій вопросъ вводитъ насъ въ кругъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ общимъ положеніемъ вещей въ Персіи. Страна эта за послѣдніе годы не выходитъ изъ состоянія смуты и безсилія власти. Англо-русское соглашеніе 1907 г. весьма своевременно исключило изъ персидскаго вопроса возможность поползновенія на земельные захваты со стороны обѣихъ наиболѣе заинтересованныхъ державъ. Оно устранило также вредное и опасное между ними соперничество. Въ разграниченіи экономическихъ сферъ вліянія Россія несомнѣнно выиграла отъ признанія ея преобладанія въ сѣверной части Персіи. Лордъ Кёрзонъ и его единомышленники до сихъ поръ не могутъ простить либеральному кабинету, что онъ пошелъ на уступку слишкомъ значительнаго района. Тѣмъ не менѣе въ соглашеніи 1907 г. существуетъ значительный пробѣлъ, который даетъ всѣ время себя чувствовать. Дѣло въ томъ, что Англія признала нашъ спеціальный интересъ „въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской

границей", но мы не сохранили за собою никакихъ спеціальныхъ правъ для обезпеченія этихъ интересовъ, и наше положеніе въ этомъ отношеніи гораздо менѣе выгодно того, какимъ пользуется, напримѣръ, Франція въ Марокко. Безпорядки и смута въ Персіи отражаются на нашихъ торговыхъ и пограничныхъ отношеніяхъ съ этой страной гораздо сильнѣе, чѣмъ на интересахъ Англіи, что сама она офиціально признаетъ, какъ это видно изъ недавно опубликованной любопытной переписки между лондонскимъ и петербургскимъ кабинетами въ январѣ 1909 г. [1]). Между тѣмъ всѣ наши политическія выступленія мы вынуждены согласовать съ видами лондонскаго кабинета. Послѣдній настаивалъ на томъ, что въ Персіи все дѣло въ конституціи, и когда она будетъ проведена, порядокъ не замедлитъ самъ собою водвориться. Событія успѣли доказать, что въ такихъ некультурныхъ странахъ, какъ Персія, одна вывѣска того или другого образа правленія вовсе не совпадаетъ съ его сущностью, и что безпорядки и смута могутъ продолжаться при всевластіи меджилиса совершенно такъ же, какъ и при неограниченной власти шаха.

Мы, конечно, можемъ предоставить персамъ установить у себя какой угодно образъ правленія, и этотъ внутренній персидскій вопросъ, на нашъ взглядъ, не стоитъ крови ни одного русскаго солдата и даже ни одного казеннаго рубля. Но совершенно иначе ставится для насъ другой вопросъ,—безопасности нашей торговли и русскихъ предпріятій въ Персіи и охраны нашихъ экономическихъ интересовъ въ странѣ, задолженность коей русскому казначейству превышаетъ 70 милліоновъ рублей.—Все это не можетъ оставлять насъ безучастными къ тому, что происходитъ въ Персіи, и, казалось бы, обосновываетъ наше право принимать дѣйствительныя мѣры обезпеченія порядка въ признанномъ за нами районѣ вліянія. Совершенно недостаточной мѣрой представляется намъ посылка отъ времени до времени отрядовъ, объ отозваніи коихъ возбуждается вопросъ раньше, чѣмъ они достигаютъ мѣста своего назначенія. Съ этой точки зрѣнія мы оцѣниваемъ и послѣдній конфликтъ нашъ съ Персіей, вызвавшій посылку значительной воинской части въ эту страну. Мы не будемъ останавливаться на частичныхъ оплошностяхъ нашей дипломатіи, не показавшей при этомъ особаго искусства. Инцидентъ Шустера—Моргана важенъ не самъ по себѣ, а какъ показатель общаго ненормальнаго положенія въ Персіи. Это сказалось и въ тѣхъ безпорядкахъ, которые возникли въ различныхъ городахъ Персіи въ тотъ самый день, когда Тегеранское правительство изъявило согласіе на русскія требованія. Нельзя не отмѣтить, что самая возможность вѣроломныхъ нападеній на русскіе отряды должна быть отнесена на счетъ непростительной безпечности начальства, раздробившаго наши силы на слишкомъ мелкія части.—Какъ бы то ни было, виновники пролитія русской крови должны были, конечно, подвергнуться заслуженной карѣ. Съ этой цѣлью въ Персію были отправлены новые отряды, ихъ начальникамъ поручено „приступить къ безотлагательному принятію строжайшихъ мѣръ по наказанію виновныхъ въ упомянутыхъ нападеніяхъ и къ устраненію на будущее время причинъ, вызвавшихъ подобныя явленія".

Не ставится ли, однако, начальникамъ нашихъ отрядовъ, которые сегодня въ Персіи, а въ скоромъ времени вернутся въ Россію, задача совершенно для нихъ непосильная? Неужели однѣ кары устранятъ „причины подобныхъ явленій"? Когда уйдутъ наши отряды,

[1]) См. „Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи съ конца 1906 г. по іюль 1909 г." (изд. министерства иностранныхъ дѣлъ). Петербургъ, 1911 г., вып. I и II.

развѣ не возникнетъ вопросъ: а что же дальше?—Вотъ почему передъ русской дипломатіей ставится, какъ намъ кажется, задача склонить Англію къ дружескому пересмотру соглашенія 1907 г. Мы могли бы дать самое полное обезпеченіе противъ нарушенія земельной неприкосновенности Персіи,— взамѣнъ этого Англія могла бы возвратить намъ извѣстную свободу дѣйствій для обезпеченія нашихъ интересовъ въ признанномъ ею районѣ. Въ концѣ-концовъ обѣ державы заинтересованы въ томъ, чтобы Персія оставалась между ними государствомъ-буферомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы тамъ водворился тотъ минимумъ порядка, безъ котораго немыслимы торговыя дѣла.

Мы не можемъ покончить съ Персіей, не сказавъ хотя бы двухъ словъ по поводу русско-германскаго соглашенія 6 августа 1911 г. Прежде всего, мы признаемъ, что неизбѣжно было считаться съ интересами Германіи и ея естественнымъ желаніемъ связать Багдадскую желѣзную дорогу, по ея завершеніи, съ рынками Персіи. Этотъ вопросъ составилъ предметъ особыхъ переговоровъ во время потсдамскаго свиданія въ октябрѣ 1910 г., и тогда обѣ стороны пришли къ устному соглашенію, въ силу коего Россія обязывалась, послѣ завершенія предположенной ею сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Персіи, соединить Тегеранъ съ пограничнымъ пунктомъ Ханекиномъ, куда Германія въ свою очередь провела бы вѣтвь отъ багдадской магистрали. Весьма существеннымъ представлялось то обстоятельство, что постройка соединительной вѣтви ставилась въ зависимость отъ предварительнаго завершенія нами цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Персіи. Это дало бы возможность нашей промышленности воспользоваться значительной отсрочкой, и каждый лишній годъ увеличилъ бы ея шансы на организацію борьбы съ промышленнымъ проникновеніемъ Германіи въ сферу нашего вліянія. Русская дипломатія не сумѣла отстоять своей выгодной позиціи, и соглашеніе 6 августа 1911 г. установило точный срокъ начала и окончанія работъ по сооруженію вѣтки Тегеранъ—Ханекинъ, притомъ въ зависимости отъ завершенія нѣмцами ихъ дороги, а не отъ постройки нами сѣти персидскихъ дорогъ. Такого рода уступка, не вызванная никакими новыми выгодами, которыя мы получили бы взамѣнъ того отъ Германіи, не можетъ не быть отмѣчена, какъ серьезный промахъ со стороны нашей дипломатіи.

III.

Если Новый годъ застаетъ наше положеніе на Ближнемъ Востокѣ и въ Персіи мало устойчивымъ, то несравненно болѣе сложная проблема ставится для насъ на Дальнемъ Востокѣ.

Соглашеніе Россіи съ Японіей 21 іюня 1910 г. фактически разграничило сферы вліянія обѣихъ державъ въ сѣверной и южной Манчжуріи. Оно установило извѣстную общность интересовъ и дѣйствій ихъ по отношенію къ Китаю и дало Россіи возможность приняться за сложную, но необходимую задачу укрѣпленія нашей окраины.

За годъ, прошедшій со времени вступленія въ дѣйствіе этого соглашенія, наша дипломатія пріобрѣла болѣе рѣшительный тонъ по отношенію къ Китаю; послѣдній со времени минувшей войны сталъ было привыкать къ цѣлому ряду поблажекъ, усматривая въ нихъ признаки слабости Россіи. Заигрываніе съ Китаемъ оказалось столь же мало для насъ полезнымъ, какъ и подобная же политика въ Турціи. Вполнѣ признавая желательность и необходимость сохраненія наилучшихъ, по возможности, отношеній съ нашими сосѣдями, мы полагаемъ однако, что долгій опытъ могъ бы научить наше правительство, что спокойная и твердая сдержанность оказываетъ гораздо больше впечатлѣнія на восточные народы, чѣмъ поблажки и расточеніе дружескихъ увѣреній. Для

Россіи, переживавшей временное ослабленіе, такое поведеніе обусловливалось столько же ея интересами, сколько и достоинствомъ. Къ сожалѣнію, вѣдомственная рознь, какъ и всегда, ослабляетъ наши выступленія въ области международныхъ отношеній. На Дальнемъ Востокѣ три министерства—иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военное—никакъ не могутъ спѣться между собой, и наше правительство, представляющее слабую федерацію сильныхъ вѣдомствъ, не могло до сихъ поръ установить здѣсь ни общей программы, ни общаго плана дѣйствій. Между тѣмъ неотложность выясненія вопроса, чего мы хотимъ на Дальнемъ Востокѣ, выдвигается крупными событіями, происходящими въ Китаѣ.

Волненіе, возникшее на югѣ Китая, все больше и больше разрастается. Кто скажетъ съ увѣренностью, присутствуемъ ли мы при распаденіи, или обновленіи Срединной имперіи, или же при одной изъ тѣхъ бурныхъ вспышекъ, которыя такъ же ярко разгораются, какъ и быстро потухаютъ? Одно время можетъ отвѣтить на эти вопросы, если только событія будутъ предоставлены собственному теченію. Но у насъ можетъ явиться соблазнъ выйти изъ роли безучастныхъ зрителей и самимъ выступить, не дожидаясь исхода событій, чтобы использовать нынѣшнее потрясеніе и слабость Китая.

Русско-японское соглашеніе заставляетъ насъ считаться не только съ нашими собственными интересами, но и со взглядами Японіи, и не всецѣло отъ насъ будетъ зависѣть постановка на очередь вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Манчжуріи. Въ виду этого нельзя не задаться предварительнымъ вопросомъ о томъ, насколько желателенъ для насъ дѣлежъ Манчжуріи и присоединеніе сѣверной ея части къ русскимъ владѣніямъ? Мы не имѣемъ возможности подвергнуть здѣсь всестороннему разбору этотъ сложный вопросъ и укажемъ только на трудно разрѣшимый конфликтъ двухъ точекъ зрѣнія: великодержавной, стремящейся присоединить территорію, по которой проходитъ выстроенная на русскія деньги восточная китайская желѣзная дорога, и внутренней, принимающей во вниманіе громадность затратъ, которыя потребовались бы въ случаѣ присоединенія, и малую ихъ производительность. Если бы сѣверная Манчжурія стала русской областью, намъ пришлось бы увеличить государственный бюджетъ на десятки милліоновъ, чтобы завести въ новомъ краѣ гражданскія и военныя установленія, администрацію, судъ, проводить дороги, построить крѣпости, содержать цѣлую армію и въ концѣ-концовъ влить въ населеніе нашего Пріамурья милліоны китайцевъ, которые сдѣлаютъ невозможнымъ соперничество съ собою русскаго труда. Если же отъ новыхъ русскихъ подданныхъ захотятъ отгородиться установленіемъ для нихъ черты осѣдлости, то мы не поздравимъ наше правительство съ такимъ упрощеннымъ разрѣшеніемъ колоніальныхъ задачъ,—оно укажетъ только, что мы беремся за дѣло, совершить которое неспособны. Въ итогѣ отъ присоединенія мы получимъ вмѣсто прежней растянутой новую сокращенную (но все же на протяженіи 1500 верстъ) сухопутную границу, но не со слабымъ Китаемъ, а съ Японіей. Экономическія выгоды отъ обладанія сѣверной Манчжуріи едва ли окупятъ громадныя затраты на установленіе въ ней русской власти, и, въ довершеніе всего, къ многочисленнымъ нашимъ окраиннымъ и національнымъ вопросамъ присоединится еще новый, китайскій, со всѣми тяжелыми сторонами этихъ вопросовъ, являющихся источниками ослабленія, а не укрѣпленія Россіи.

Если таковы возможныя послѣдствія раздѣла Манчжуріи, то нельзя не призадуматься надъ той политикой, которую сочтетъ возможнымъ избрать наше правительство въ ближайшее время, въ связи съ китайскимъ кризисомъ. Быть можетъ, слово „присоединеніе“ не бу-

детъ сразу произнесено, и самыя опасенія, съ нимъ связанныя, будутъ называть преждевременными. Но подъ покровомъ „укрѣпленія“ нашего положенія въ Манчжуріи могутъ быть приняты, совмѣстно съ Японіей, такія мѣры, которыя въ концѣ-концовъ неизбѣжно приведутъ насъ къ тому же присоединенію. Намъ кажется, что въ политикѣ вреднѣе всего предаваться самообману. Нужно ясно ставить себѣ извѣстныя конечныя цѣли и сообразно съ ними выбирать средства. Иначе мы откажемся отъ всякаго руководства событіями, отдаваясь теченію, которое можетъ вѣдь не только причалить насъ къ какому-нибудь берегу, но и посадить на мель или разбить о подводный камень.

IV.

Крупнымъ событіемъ конца года является оповѣщеніе, сдѣланное правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ Петербургскому кабинету, о нежеланіи возобновить торговый договоръ 1832 г.,—черезъ годъ послѣ оповѣщенія договоръ этотъ утратитъ силу. Какъ извѣстно, главной побудительной причиною принятаго президентомъ Тафтомъ рѣшенія послужила агитація, возбужденная въ Америкѣ противъ существующаго у насъ запрещенія свободнаго въѣзда въ Россію иностранныхъ гражданъ еврейскаго вѣроисповѣданія.

По этому поводу нельзя не отмѣтить, что вопросъ этотъ вовсе не такъ простъ, какъ сначала кажется, и въ немъ приходится различать двѣ стороны: нравственную и правовую. Съ точки зрѣнія нравственнаго правосознанія, ограниченія, связанныя у насъ съ принадлежностью къ еврейскому вѣроисповѣданію, естественно вызываютъ въ просвѣщенныхъ государствахъ чувства осужденія и протеста. Въ Америкѣ, гдѣ общественное мнѣніе имѣетъ столь значительное вліяніе на государственныя дѣла, правительство не можетъ съ нимъ не считаться.

Что касается правовой стороны вопроса,—требованіе, предъявляемое Америкой, имѣетъ гораздо болѣе слабое основаніе. Каждое государство, въ томъ числѣ и Соединенные Штаты, признаютъ за собой право ограничивать допущеніе въ свои предѣлы иностранцевъ признаками, опредѣляемыми своими внутренними соображеніями. Помимо того, по нашимъ законамъ, выходъ изъ русскаго подданства обусловливается особымъ на то разрѣшеніемъ, тогда какъ Америка допускаетъ у себя натурализацію, не справляясь съ выполненіемъ этого условія. Слѣдовательно, при въѣздѣ въ Россію, далеко не всѣ американскіе граждане будутъ у насъ признаваться таковыми, а бо́льшую часть лицъ этой послѣдней категоріи составляютъ именно евреи. Плохъ или нѣтъ тотъ или иной законъ,—это другой вопросъ. Измѣненіе его является внутреннимъ нашимъ дѣломъ, и вмѣшательство въ него иностранной державы, конечно, должно быть исключено. Вообще говоря, когда существуетъ конфликтъ интересовъ и законодательныхъ опредѣленій между двумя державами, весьма естественны старанія, путемъ дружественныхъ переговоровъ, прійти къ извѣстному соглашенію. Съ этой точки зрѣнія починъ Америки менѣе всего способенъ привести къ практическому результату, а потому удачнымъ не можетъ быть названъ.

Столь же мало продуманнымъ признаемъ мы выступленіе А. И. Гучкова и другихъ членовъ Государственной Думы, внесшихъ предложеніе съ цѣлью установить таможенныя репрессаліи противъ американскаго ввоза въ Россію. Не мѣшало раньше спросить себя, кто будетъ больше наказанъ въ этомъ случаѣ,—богатая ли Америка, которая можетъ отчасти пострадать въ лицѣ отдѣльныхъ крупныхъ промышленныхъ домовъ, или небогатая Россія, въ лицѣ крестьянства, которому придется платить дороже за хлопчатобумажныя ткани, и въ лицѣ земледѣлія, потребляющаго американскія сельскохозяйственныя машины?

Въ свѣтѣ этихъ соображеній выступленіе членовъ Думы представляется не больше, чѣмъ простая фанфаронада. Въ области международныхъ отношеній едва ли умѣстно бряцать картонными мечами.

Мы не можемъ не высказать сожалѣнія по поводу обострепія нашихъ отношеній съ Америкой и съ общеполитической точки зрѣнія. Въ виду крупныхъ событій, быть можетъ надвигающихся на Дальнемъ Востокѣ, обѣ державы имѣютъ гораздо больше основаній искать почву для сближенія, чѣмъ для взаимнаго раздраженія и разъединенія.

Въ постановкѣ задачъ нашей внѣшней политики мы слишкомъ часто наталкиваемся на отрывочный мѣстный, а иногда на чисто вѣдомственный характеръ ихъ разрѣшенія. Общаго плана мы не улавливаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, направленіе внѣшней политики не исчерпывается такими признаками, какъ союзъ съ Франціей, соглашеніе съ Англіей, и на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей, хорошія отношенія съ Италіей, недурныя съ Германіей и желаніе дружбы съ Турціей. Все это чрезвычайно важныя условія, опредѣляющія обстановку, въ которой Россія можетъ осуществить свои задачи, но только послѣднія могутъ разсматриваться, какъ *содержаніе* самой внѣшней политики. Иначе средства могутъ приниматься за цѣли, и отъ такого перемѣщенія нерѣдко страдаютъ существенные наши интересы. Такъ, „дружба“ съ Турціей намъ нужна не сама по себѣ, а поскольку и въ томъ случаѣ, если она помогаетъ намъ осуществлять наши задачи на Ближнемъ Востокѣ. Соглашеніе съ Англіей крайне важно, но тоже въ той мѣрѣ, какая освобождаетъ насъ отъ соперничества съ этой державой и позволяетъ разсчитывать на ея поддержку для проведенія нашихъ интересовъ. Если же наша дипломатія дорожила бы соглашеніемъ ради него самого и пошла бы на поводу у англичанъ, то передъ нами сталъ бы вопросъ о цѣнности такого „соглашенія“ съ Англіей. Добрыя отношенія съ Японіей для насъ весьма желательны, ибо они помогаютъ намъ укрѣпить наши окраины, но ради нихъ мы не можемъ рисковать авантюрами. Въ той же плоскости приходится разсматривать и другіе подобные вопросы. Мы вовсе не хотимъ неуступчивости со стороны нашей дипломатіи и менѣе всего мечтаемъ для Россіи остаться въ одиночествѣ. Но мы желали бы, чтобъ разумная уступчивость находила предѣлы въ твердомъ опредѣленіи нашихъ задачъ и мы сами знали бы, чего хотимъ. Только такая политика можетъ быть названа національной.

Этимъ послѣднимъ терминомъ стали слишкомъ злоупотреблять за послѣднее время. Во внутренней политикѣ правительство полагаетъ національное русское дѣло въ томъ, чтобы держать въ черномъ тѣлѣ, или даже преслѣдовать невеликорусскія національности. Во внѣшней политикѣ мы не наталкиваемся на столь же ярко очерченный исходный принципъ. „Фобства“ въ ней сейчасъ нѣтъ, зато нерѣдко наталкиваемся на излишнія „фильства“: туркофильство, англофильство, японофильство, въ особенности со стороны отдѣльныхъ мѣстныхъ агентовъ.

На почвѣ національнаго принципа мы видимъ тѣсную связь между внутренней и внѣшней политикой государства. Положеніе Россіи, какъ великой державы, станетъ сильнымъ въ тотъ день, когда укрѣпится ея внутреннее состояніе. А это не можетъ произойти, если вмѣсто умиротворенія мы будемъ сѣять сѣмена горечи и раздраженія на нашихъ окраинахъ и въ милліонахъ русскихъ гражданъ, иначе, чѣмъ мы, вѣрующихъ, и говорящихъ на своемъ родномъ языкѣ. Въ минуту международнаго столкновенія можетъ ли правительство опереться на общерусскій патріотизмъ, основанія для котораго такъ старательно имъ подтачиваются въ мирное время!— Намъ говорятъ про національную по-

литику! — Мы не желаемъ иной и жаждемъ того дня, когда она начнетъ осуществляться, но удостоится этого названія наша политика внутренняя и внѣшняя, только когда въ ней проявятся основныя черты русскаго народнаго характера: терпимость ко всѣмъ вѣрамъ и языкамъ и незатемненная предвзятыми взглядами способность распознавать разумныя цѣли отъ временныхъ средствъ, которыя имъ служатъ.

Кн. Григорій Трубецкой.

19 декабря 1911 г.

P. S. Эта статья была уже набрана, когда появилось правительственное сообщеніе по Монгольскому вопросу. „Провозгласивъ въ Ургѣ свою независимость и избравъ ханомъ своего духовнаго главу Хутухту, монголы обратились къ Россіи за поддержкой. Императорское правительство отвѣтило монголамъ на эту просьбу совѣтомъ дѣйствовать умѣренно и постараться найти почву для соглашенія съ Китаемъ". Вскорѣ послѣ этого, назначенный Пекинскимъ правительствомъ для переговоровъ съ монголами, сановникъ Куэфанъ и, одновременно съ нимъ, монголы обратились къ Россіи съ просьбой о посредничествѣ.

Наше правительство согласилось на эту просьбу, и указало Куэфану на желательность положить въ основу соглашенія актъ, гарантирующій со стороны Китая признаніе самобытнаго строя Монголіи, который, по мнѣнію монголовъ, нарушался въ слѣдующихъ трехъ мѣрахъ: „въ установленіи тамъ китайской администраціи, формированіи тамъ китайскихъ регулярныхъ войскъ и заселеніи монгольскихъ земель китайцами". Вмѣстѣ съ тѣмъ наше правительство считало „соотвѣтствующимъ интересамъ какъ Россіи и Китая, такъ и монголовъ выразить готовность оказывать свое дружеское содѣйствіе при проведеніи въ жизнь въ Монголіи всѣхъ нужныхъ мѣропріятій какъ административнаго, такъ экономическаго и культурнаго характера"... „Отъ доброй воли китайскаго правительства зависитъ — принять или отвергнуть русское посредничество при этихъ условіяхъ". „Не желая вмѣшиваться въ происходящую въ Китаѣ борьбу и не питая агрессивныхъ замысловъ въ Монголіи", Россія заинтересована „установленіемъ прочнаго порядка въ этой сосѣдней съ Сибирью области, гдѣ имѣются крупные торговые русскіе интересы. Вооруженная борьба между монголами и китайцами намъ не желательна". Съ другой стороны „если Монголія порветъ связь съ Китаемъ, то, при всемъ желаніи видѣть прекратившеюся китайско-монгольскую распрю, императорское правительство силою вещей будетъ вынуждено вести съ монгольскимъ правительствомъ дѣловыя сношенія".

Мы пишемъ эти строки въ самый день появленія правительственнаго сообщенія, когда трудно еще разобраться, какъ слѣдуетъ, во всемъ значеніи этого акта. По принятому у насъ обыкновенію, составители его больше заботились о затемненіи, нежели о выясненіи заключающагося въ немъ содержанія. Мы, поэтому, лишены возможности сказать съ увѣренностью, идетъ ли дѣло объ установленіи русскаго протектората надъ Монголіей, или же мы дѣйствительно присутствуемъ только при попыткѣ „посредничества" между Китаемъ и Монголіей. Въ концѣ сообщенія нельзя не усмотрѣть нѣкоторую угрозу Китаю поддержать самостоятельность Монголіи, въ случаѣ если бы Пекинское правительство не пошло навстрѣчу поддержаннымъ нами условіямъ. Что касается этихъ условій, то нельзя упускать изъ виду, что они связаны съ нашей „готовностью" оказать содѣйствіе въ проведеніи реформъ административныхъ, экономическихъ и культурныхъ.

Мы хотѣли бы знать, насколько наше правительство опредѣлило себѣ заранѣе тѣ предѣлы, до которыхъ оно готово пойти въ осуществленіи намѣченной задачи, и насколько согласованы его дѣй-

ствія въ Монголіи съ общей программой нашей на Дальнемъ Востокѣ, если таковая имѣется. Не забудемъ, что территорія Монголіи равняется приблизительно $^3/_4$ Европейской Россіи; на ней разсѣяно кочевое населеніе въ 2.600,000 жителей. [1]) Неужели наши предѣлы настолько тѣсны, и у насъ наблюдается такой избытокъ силъ, что мы можемъ съ легкимъ сердцемъ принять на себя задачу преобразованія и защиты такого огромнаго края? А тутъ еще нерѣшенный вопросъ о Манчжуріи, который неизбѣжно станетъ передъ нами, если мы неосторожно выдвинемъ Монгольскій вопросъ. Невольно возникаетъ сомнѣніе, не хотятъ ли авторы правительственнаго сообщенія создать именно такого рода положеніе, когда разъ сдѣланный шагъ обяжетъ насъ ко второму, и уже не мы будемъ управлять событіями, а послѣднія поведутъ насъ за собою? Такова обычная психологія нерѣшительныхъ людей и слабыхъ правительствъ; они бросаются порою въ рискованныя предпріятія, отдаваясь случаю за недостаткомъ ясной воли. Самый текстъ правительственнаго сообщенія и фактъ его появленія въ настоящую минуту носитъ характеръ скорѣе пробнаго шара, чѣмъ программнаго заявленія. Въ немъ оставлено достаточно лазеекъ, чтобы повернуть дѣло и такъ и этакъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ. Русскому обществу задана загадка на Новый Годъ. Въ Россіи ли будетъ получена премія за ея разгадку?

Г. Т.

28 декабря 1911 г.

II. Литература и искусство.

1. Что пишутъ.

Ищущіе Бога.—Мечты о жизни и мечты о смерти.—Мистика Л. Андреева („Сашка Жегулевъ“).—Ремизовская „свѣчечка“.

Жалуются на „литературный неурожай“ нынѣшняго года. Это невѣрно. Книгъ столько же, сколько всегда, если не больше. Какъ всегда—мало интересныхъ или замѣчательныхъ, но вѣдь это—явленіе обычное. Наши „признанные“ тоже не замолкли: и Купринъ, и Андреевъ, и Арцыбашевъ, — всѣ они продолжаютъ... какъ это говорится?.. дарить насъ плодами своего творчества. Что-то давно не видно Сологуба: конецъ его „Навьихъ чаръ“ еще не напечатанъ.

Но до знаменитостей я дойду, а сначала упомяну о двухъ книжкахъ писателей мало знаменитыхъ, совсѣмъ разныхъ (одинъ даже не беллетристъ) и по-разному меня интересующихъ.

Одна книга—А. Панкратова, „Ищущіе Бога“. Это уже второй томъ. Какъ жаль, что вопросами, имѣющими громадную важность въ дѣлѣ изученія современной Россіи, занимаются писатели-репортеры, писатели съ крайне ограниченными данными,—вродѣ А. Панкратова, Бончъ-Бруевича и т. д. Сколько бы такой писатель ни наблюдалъ, сколько бы онъ даже ни *зналъ*,—онъ не способенъ быть тутъ полезнымъ. Если онъ знаетъ, то какъ разъ то, что неинтересно; если наблюдаетъ, то безсильно, поверхностно. Г. Панкратовъ берется за „религіозные“ очерки вовсе не потому, чтобы тема эта его особенно интересовала, а такъ: лежитъ она праздной, можно и взять. Исполняя репортерскія свои обязанности, г. Панкратовъ былъ, вмѣстѣ съ другими корреспондентами, отъ *Колокола* и *Нов. Времени*, въ кіевскомъ театрѣ 1 сентября. И на страницахъ *Историческаго Вѣстника* онъ описываетъ тамошнее происшествіе съ гораздо большей живостью и воодушевленіемъ, нежели со-

[1]) См. Statesman's Year-Book, 1911; p. 689.

вершенно непроницаемыхъ для него—психологически—сектантовъ или старообрядцевъ. А попытка нѣкотораго историческаго изслѣдованія („Отецъ Матѳей, духовникъ Н. В. Гоголя") кончилась для г. Панкратова уже совершенной неудачей; напрасно было и ѣздить (по репортерской привычкѣ) въ Ржевъ, мѣсто послѣдняго пребыванія о. Матѳея. Мы ровно ничего новаго не узнали отъ г. Панкратова объ этомъ замѣчательномъ пастырѣ. Мы даже не знаемъ, что думаетъ о немъ г. Панкратовъ, да, кажется, онъ и самъ этого не знаетъ. Только твердитъ: о. Матѳей совсѣмъ не то, что о немъ писали. Что же, если не то и не это? Г. Панкратовъ не отвѣчаетъ и, путаясь, (самъ чувствуя, кажется, что путается), обнаруживаетъ крайнюю неопредѣленность взглядовъ на церковь, на православіе, полное смѣшеніе понятій. Чтобы не только проникнуть въ психологію отношеній Гоголя и о. Матѳея, но даже чтобы подойти къ ней, требуются качества иного сорта, а подвижности репортера, ѣдущаго въ Ржевъ и опрашивающаго столѣтнюю старуху, недостаточно.

Любопытнѣе другихъ въ книгѣ г. Панкратова очеркъ „Николай Толстой". Любопытенъ внѣшне, по странности приключеній этого злополучнаго уніатскаго священника и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ даетъ о жизни Вл. Соловьева. Извѣстно, что именно Н. Толстой присоединилъ Соловьева къ уніатству. Мы узнаемъ, кромѣ того, что въ Твери и въ Нижнемъ-Новгородѣ были въ 1898 г. съѣзды послѣдователей соловьевской идеи соединенія церквей, въ Н.-Новгородѣ даже съ первымъ соборнымъ служеніемъ. Санъ грекo-католическаго епископства въ Твери былъ предложенъ В. С. Соловьеву. Онъ отвѣтилъ:

„Я не добивался епископства, но если Богу угодно и римскій престолъ найдетъ это нужнымъ—не откажусь".

Приключенія же самого Толстого прямо сказочны. Онъ разъ даже былъ „почти" съѣденъ на Алеутскихъ островахъ. „Почти"—въ томъ смыслѣ, что при немъ дикари съѣли другого миссіонера.

Вотъ о приключеніяхъ и дикаряхъ г. Панкратовъ разсказываетъ бойко. Онъ, конечно, можетъ сказать, что его сфера — объективное наблюденіе, что онъ, по Достоевскому, „любитъ жизнь прежде смысла ея"; прежде—это ничего; но хоть послѣ—смыслъ все же требуется. А кромѣ того, есть жизненныя явленія, брать которыя внѣ ихъ смысла нѣтъ никакой возможности: они лишаются самой жизни подъ безсмысленно наблюдающимъ взоромъ. Таковы явленія *религіозно*-жизненныя. И они умираютъ въ рукахъ гг. Панкратовыхъ и Бончъ-Бруевичей, которые упорно подходятъ къ нимъ безъ „смысла".

Но Богъ съ ними, съ Панкратовыми. Займемся беллетристикой. Вотъ книга Н. Крашенинникова „Мечты о жизни". Я ее одну выбираю изъ кучи другихъ новыхъ книгъ не потому, что она особенно хороша или замѣчательна, а просто потому, что это книга смутная, мутная, легкая, слабая, тонкая, что авторъ ея до послѣдней степени не опредѣлился, а слѣдовательно, даетъ намъ возможность надѣяться на что угодно, дѣлать всякія предположенія. Хотя странно, что онъ до сихъ поръ не опредѣлился: столько книгъ издалъ, книгъ, должно быть, семь или восемь. И всѣ не одинаково написаны, разной манерой, различнымъ языкомъ. Всѣ онѣ, впрочемъ, даютъ ощущеніе какой-то безпомощной слабости, точно слишкомъ короткаго дыханія. „Мечты о жизни"—необыкновенно удачное заглавіе. Ни капли „жизни" нѣтъ въ этой книгѣ, а только „мечты", чуть слышный вздохъ о жизни. Разсказики безъ концовъ, да и безъ началъ,—паутинные намеки, тихій, робкій шопотъ. Главное—робкій. Врядъ ли авторъ будетъ когда-нибудь „знаменитъ", даже если выработается, опредѣлится въ положи-

тельную сторону (а вѣдь и это—будетъ ли еще?); у насъ теперь знаменитость берется „дерзаніемъ“, въ большинствѣ случаевъ даже только имъ однимъ. Само по себѣ „дерзаніе“—вещь прекрасная, но въ послѣднія времена такъ оно утомило, такъ надоѣло, такъ часто обманывало, что уже нѣтъ къ „дерзающимъ“ никакого довѣрія; робость г. Крашенинникова милѣе, ближе и надеждъ больше возбуждаетъ. Но, конечно, если эта робость, неувѣренность, неустойчивость—коренныя свойства писателя,—дѣло плохо. И нужно сказать правду: опредѣленнаго роста въ г. Крашенинниковѣ пока не замѣчается. „Мечты о жизни“—какъ бы эскизы, замѣтки, наброски отдѣльныхъ главъ для будущей работы. Г. Крашенинниковъ и воспользовался ими въ своемъ романѣ „Барышни“ (*Русская Мысль*): тамъ есть глава (можетъ быть, и не одна), которая въ книгѣ „Мечты о жизни“ напечатана отдѣльнымъ разсказомъ. Однако романъ „Барышни“, хотя это и большая вещь, написанъ такъ же эскизно, отрывочно и робко, какъ „Мечты“. Такъ же, подчасъ, нѣжно, тонко,—но это опять не жизнь, это безсильныя мечтанія о жизни; та же вялость неокрѣпшаго стебля.

Что сказать о продолженіи романа Арцыбашева „У послѣдней черты“? (Альманахъ „Земля“, Московское книгоиздательство). Можетъ быть, лучше вовсе ничего не говорить. Безпросвѣтно скучно, неисцѣлимо старо и пошло,—не хочется, совѣстно доказывать слишкомъ явное, жаль автора. Стоитъ ли бороться со слабымъ? Нужно ли подталкивать падающаго? Нѣтъ, никогда я не держался этого жестокаго и,—надо сказать правду,—глупаго правила. Слѣдовало бороться хотя бы съ Арцыбашевымъ въ пору его силы, тогда, когда онъ могъ соблазнять малыхъ, когда, дѣйствительно, были „студентики Ѳеди“, приходившіе серьезно спрашивать, жить имъ или не жить по „Санину“? Теперь же и Ѳедя подросъ, да если и не подросъ—не придетъ спрашивать, убить ему себя или не убить „по Наумову и Краузе“: слишкомъ ужъ топорно несоблазнительны эти герои „Послѣдней черты“; слишкомъ надорвалъ безсмысленнымъ крикомъ свой голосъ Арцыбашевъ, теперь это уже не голосъ, а сплошной хрипъ.

„Берегись подтолкнуть падающаго...“ Падаетъ ли Л. Андреевъ? Это еще вопросъ; во всякомъ случаѣ паденіе тутъ нѣсколько иное, не арцыбашевское (каждый, впрочемъ, падаетъ по своему). Что есть (или близко) какое-то паденіе, чувствуется все же по знакомой внутренней неохотѣ бороться съ писателемъ, по невольному страху—какъ бы не толкнуть слабаго. Когда Л. Андреевъ воистину былъ „властителемъ думъ“ русской литературной интеллигентщины и русской молодой, не очень культурной, но искренно увлекающейся толпы, когда его до одуренія захваливали журналисты, а въ Финляндію къ нему, точно въ Ясную Поляну, кинулись кинематографщики и юныя овцы,—паломники, съ вопросами: „какъ жить?“—вотъ въ то время жаль, что не нашлось какихъ-нибудь Бѣлинскихъ или Добролюбовыхъ, которые бы трезво и властно сказали свое слово. Оттого, что не случилось этого, вся бѣда и вышла. Бѣда для толпы, по неизмѣримо горшая для самого писателя. Онъ не могъ въ этой передѣлкѣ сохранить способность самокритики; не могъ не стать на учительское мѣсто, и сталъ тогда, когда ему самому еще слѣдовало учиться и учиться. Кромѣ того, преждевременная слава пріуготовляетъ писателю,—если онъ не геній и не сильный умъ, — великія горести впереди, даже отчаяніе: малѣйшая измѣна толпы, чуть-чуть болѣе трезвое отношеніе,—и онъ уже не перенесетъ. Вѣнскій стулъ для того, кто привыкъ сидѣть на тронѣ,—да развѣ не послѣдняя это глубина паденія?

А на мой взглядъ именно вѣнскій-то стулъ и есть настоящее мѣсто Л. Андре-

ева, на немъ онъ всегда сидѣлъ, значитъ, и паденія тутъ пока нѣту. Оно—миражъ, какъ миражемъ былъ королевскій его тронъ.

Передо мной только что написанная большая вещь Л. Андреева, первый романъ, — „Сашка Жегулевъ“ (Альманахъ „Шиповника“, кн. 16). О романѣ, чуть не до выхода его, уже говорили; по старой памяти мелкіе журналисты лепетали что-то смутное, полувосторженное, полуглубокомысленное. Это, молъ, „сдѣлаетъ эпоху... Или не сдѣлаетъ?“ „Л. Андреевъ возвращается къ реализму... Или не возвращается?“

Я бы сказалъ просто, что въ „Сашкѣ“ ни откуда Л. Андреевъ не возвращается и никуда не идетъ, а какъ сидѣлъ, такъ и сидитъ на прежнемъ стулѣ. Паденія нѣтъ, но нѣтъ и подъема. Что же, скрывать не хочу: никуда не итти, не двинуться съ мѣста въ продолженіе многихъ лѣтъ—для писателя дѣло плохое; не итти впередъ — уже почти значитъ итти назадъ. Мѣра ли дарованія писателя исполнилась, или опять злая судьба виновата, кинувшая ему поперекъ дороги глупую толпу, глупую славу,—не разберешь.

Романъ Л. Андреева—длинное повѣствованіе о гимназистѣ-экспропріаторѣ („пошелъ въ разбойники“) и написано оно сплошь въ приподнятомъ тонѣ, что подъ конецъ дѣлается весьма нестерпимо. Торжественность языка кое-гдѣ, къ моему изумленію, напоминаетъ „Навьи чары“ Сологуба, и это странное подражаніе, при отсутствіи *стиля*, почти комично. Первая, коротенькая, глава „Золотая чаша“ уже даетъ полную картину этой безсильной, надрывной торжественности: „Жаждетъ любовь утоленія, ищутъ слезы отвѣтныхъ слезъ... трепещетъ всякій духъ живой, и чистые сердцемъ идутъ на закланіе. Такъ было и съ Сашей Погодинымъ, юношею красивымъ и чистымъ; избрала его жизнь на утоленіе страстей и мукъ своихъ, открыла ему сердце для вѣщихъ зововъ... и жертвенной кровью его наполнила золотую чашу. Печальный и нѣжный, любимый всѣми за красоту лица... былъ испитъ онъ до дна души своей... И былъ онъ похороненъ со злодѣями и убійцами“ и т. д. и т. д. Л. Андреевъ хочетъ нарисовать образъ „чистаго юноши“, „обреченнаго“, „жертву, идущую (или ведомую?) на закланіе, и рядомъ образъ его матери, „вѣчной матери“, „великаго страданія“. Какъ всѣ излюбленные герои Л. Андреева, юноша этотъ роковымъ образомъ глупъ. При всей внимательности, при всемъ добромъ желаніи я не могъ понять, ни *для чего, ни почему, ни отчего, ни зачѣмъ* этотъ чистый юноша пошелъ громить винныя лавки. Мало объясненій даетъ и Колесниковъ, другой герой, тотъ, который какъ будто соблазняетъ Сашу итти въ разбойники. Колесниковъ тоже глупъ. Смутная теорія его такова: 1) убей, 2) непремѣнно неповиннаго, 3) мучайся, 4) земля потрясется, 5) совѣсть народная проснется, 6) неизвѣстно, но, кажется, всеобщая гибель. Врядъ ли это убѣдительно и соблазнительно для обладающаго здравымъ смысломъ; но Сашѣ все равно, къ тому же онъ обреченный, да и разсуждать совершенно не можетъ. Хочу я или не хочу, но долженъ сказать о Сашѣ словами губернатора, самаго умнаго въ романѣ человѣка: „...подумать только. Хорошій мальчикъ—и вдругъ разбой, грабительство, неповинная кровь. Ну пойди тамъ съ бомбой или съ браунингомъ, ну это дѣлается... но... Ничего не понимаю, ничего не понимаю. Стою, какъ послѣдній дуракъ...“

Глуповатая мать Саши, генеральша, старалась вначалѣ „установить въ жизни семьи культъ красоты“, „измѣнила обликъ предметовъ, словно надышала въ нихъ красотою“, и въ квартирѣ у себя даже „нарушила древнія соотношенія, и тамъ, гдѣ человѣкъ наслѣдственно привыкъ натыкаться на стулъ, оставила *радостную пустоту*“. (До чего эта „радостная пустота“ — подъ Сологуба!) Ничто не помогло, Саша

былъ обреченъ и ушелъ въ разбойники. Тогда мать, очевидно понимая больше читателя и умнаго губернатора, превратилась въ „вѣчную мать“, бросила молиться Богу, а начала молиться прямо „Сашенькѣ“: „Стала кричать и съ крикомъ молиться“.

Надо предположить, что у автора были „мистическія“ задачи; мистикой все и должно объясняться... для него, ибо эта мистика слишкомъ субъективная. Постороннему, каковъ бы онъ ни былъ, она кажется просто-напросто фальшью. Вообще, Л. Андреевъ имѣетъ самое ложное представленіе о мистикѣ: она у него какая-то не мистическая. Точно стоитъ двадцать разъ написать: „ужасъ,—ужасъ,—ужаснѣйшее,—ужасное,—кошница страданій, — мучительнѣйшее горе,—жертва,—о ужасъ, страшный предѣлъ, — голое безуміе,—страшно,—холодная каменность“,—написать все это *подъ рядъ, на двухъ страницахъ* (стр. 146 и 147), — и тотчасъ же подымется мистическій ужасъ. Да ничуть не бывало! О, если бы Л. Андреевъ могъ понять, что мистика—вовсе не это! мистика — она проста, тиха, она именно въ самомъ простомъ, почти обыденномъ и тихомъ; и скорѣе въ недоговоренности, чѣмъ въ переговоренности. Когда къ Свидригайлову приходитъ его супруга покойная и новое платье показываетъ, — вотъ это мистика, и, если хотите, *ужасъ*; но лучше бы вовсе никогда этого слова не произносить,—такъ оно безполезно при глубинѣ чувствъ. Я готовъ вѣрить, что душа автора „Сашки“ чувствуетъ и глубину, и мистику; но, какъ писатель, Л. Андреевъ тутъ абсолютно нѣмъ; хуже — злоязыченъ. Вмѣсто огня — у него петербургская оттепель; и шумъ, шумъ,—визгъ полозьевъ по обнаженной мостовой. Еслибъ могъ понять Л. Андреевъ, что мистика (ужъ не буду говорить другого слова)—*въ тишинѣ;* по крайней мѣрѣ перелетъ, передача мистической искры, зараза мистическимъ ощущеніемъ — всегда *черезъ* тишину. Мистика—мгновенное преодолѣніе сложностей, а не пагроможденіе ихъ, безплодно утомляющее вниманіе и только раздражающее умъ.

Невольно фабула „Сашки Жегулева“ заставляетъ припомнить подлинную исторію недавняго гимназиста-экспропріатора, Савицкаго. Читалъ я эту исторію („Ист. Вѣстн.“, дек. 11 г.) и любовался простотой и пугающей правдой жизни. Мистикъ увидитъ и тайную глубину; но и для обычнаго ума, только ума, какъ стекло ясенъ этотъ буйный, талантливый и властный мальчикъ, сынъ полуграмотной сидѣлицы изъ винной лавки, которая ужъ, вѣрно, не „дышала красотой“, какъ генеральша, мать Жегулева. „А, меня выбросили вонъ изъ гимназіи... И брата... И мать лишили послѣдняго заработка... Я же имъ себя покажу!..“ Бывшій революціонеръ, онъ въ природную волю-вольность свою вкладываетъ идею о „народѣ“... „Буду защитникомъ народнымъ... Не мытьемъ, такъ катаньемъ!..“ И этотъ современный „Степанъ Тимофеевичъ“ дѣйствительно исполнилъ то, что хотѣлъ, четыре года жилъ такъ, какъ ему было надо и какъ онъ думалъ, что надо. Онъ былъ, его понимаешь, вѣришь, что да, былъ.

А вотъ въ Сашку Жегулева съ его обреченностью, съ его „сверхъ-равнодушнымъ“ лицомъ, которое (послѣ бѣгства изъ дому)-„въ нѣсколько дней на года скакнуло впередъ“, въ которомъ „блѣдность и мука, холодная твердость камня, суровая отрѣшенность отъ самого себя“ и т. п.,—въ этакаго Сашу не только не вѣришь, но даже и не хочется въ него вѣрить. Даже и не слѣдуетъ.

По краткимъ цитатамъ ясно, мнѣ кажется, какимъ печально-андреевскимъ языкомъ написанъ романъ. Конца краю нѣтъ „тяжелымъ усталостямъ и невѣдомымъ тревогамъ“, далямъ и „голубымъ“, и „манящимъ“, и „загадочнымъ“, „необъяснимымъ печалямъ“, „жестокимъ тьмамъ“, „нѣжнымъ зовамъ“, „вѣчнымъ неразгаданностямъ“, „жуткимъ чув-

ствамъ", „зачарованнымъ спамъ",—даже слышатся „незримые (?) голоса". Романъ преисполненъ (скажу цитатой) „взрывами ненужныхъ словъ, разрывающихъ голову". И рядомъ, чуть сорвется писатель съ деревянныхъ своихъ, „мистическихъ", ходуль, — у него проскальзываетъ и вѣрный образъ („мысли... ложатся плоско, какъ ножъ съ вертящимся черенкомъ"), и красивый, тонкій эпитетъ („теплыя колеи"), даже есть цѣлыя сцены, написанныя съ правдивостью и скромностью. Въ чемъ же дѣло? Нельзя отказать Л. Андрееву въ природной талантливости. Но какая-то злая сила влечетъ его туда, гдѣ онъ безпомощенъ и жалокъ, гдѣ, издѣваясь, обступаютъ его самыя „ужасныя" слова; эта сила заставляетъ его говорить о томъ, чего онъ не знаетъ, учить, когда прежде всего, раньше всего—ему нужно учиться. Большую волю, умъ и зоркость надо имѣть, чтобы не стать вѣчнымъ рабомъ злой силы. Надо измѣнить ей. Надо умѣть *улыбнуться надъ собой*. А даже возможности этой улыбки пока не чувствуется. Точно завѣса передъ глазами „зачарованнаго" (не хочу сказать „обреченнаго") писателя. „Хоть бы на одну линію поднялась завѣса, — и въ изумленіи, подобномъ окаменѣнію страха", увидѣлъ бы писатель опасность своего положенія.

„Но не поднялась завѣса"...—я еще не скажу этого, рано; и жаль, если наступитъ время, когда придется все-таки это сказать.

Два слова о странномъ совпаденіи: въ томъ же 16 Альманахѣ Шиповника, сейчасъ послѣ „Жегулева", напечатанъ маленькій разсказъ А. Ремизова—„Пѣтушокъ". Разсказъ очень милый. То же время, — время революціи, — какъ и у Андреева. Петя (мальчикъ) такъ же мечтаетъ „итти въ разбойники". И тоже убили его. И материнская любовь (у Ремизова бабушка) все перенесла и претерпѣла. Правда, мальчикъ только мечтаетъ о „разбойникѣ" (слишкомъ малъ), но зато мечтаетъ, что онъ „разбойникъ настоящій, черный, голова смазана коровьимъ масломъ, носъ—три носа, одинъ на другомъ, рука скрючена"... „и будетъ разбойничать, и будетъ бой кровавый..." У Жегулева, загадочнаго разбойника съ „красивымъ до боли лицомъ", мать, которая „крича, молится сыну" и „шутя утверждаетъ безсмертіе жизни и безконечность страданія" (см. послѣдн. стр.); у Петьки мать-бабушка тоже „перенесла" все,— и молится она, какъ старая, простая женщина, всякимъ „Чудотворцамъ"; все свѣчки не могла поставить, а тамъ, глядишь, и поставила ее,—„неугасимый огонекъ, сжигающій въ сердцѣ послѣднюю, безвинную, горькую обиду; и глаза ея тихо теплились, это вѣра свѣтилась въ глазахъ ея крѣпкая... доносящая до послѣднихъ дней *свѣчечку*, огонекъ святой черезъ всѣ бѣды, всѣ напасти, когда ужъ все отнято..."

Эта же бабушка, чтобъ не отстать отъ внучка, строила баррикады на улицахъ, всѣ строили! „подняла щепочекъ, стружекъ всякихъ, понесла"...

Сцена эта особенно трогательна.

Конечно, аналогія обоихъ разсказовъ, ремизовскаго и андреевскаго, очень внѣшняя, или ужъ очень глубоко внутренняя. Интересно отмѣтить, какъ далекъ Андреевъ отъ всякаго проникновенія въ психологію русской души, *далекъ отъ народа* въ его мистикѣ, а о ней-то онъ и хочетъ писать. Ремизовъ ближе дѣтскостью своей; дѣтскость вливается въ сердце народное. Оттого-то и фальшива мистика Андреева, что она „интеллигентская" у него насквозь, и никогда бабушка не поставитъ свѣчки ни Жегулеву, ни Анатемѣ, ни даже Невѣдомому въ Сѣромъ.

„Не суйся", сказалъ бы мужикъ „обреченному и зачарованному" Сашѣ, ежели бы такой Саша могъ существовать.

„Не суйся, аредъ", скажетъ тотъ же мужикъ Леониду Андрееву, когда онъ полѣзетъ къ нему съ предложеніемъ поставить „свѣчечку" Великому Сѣрому...

А курсистки... если онѣ по молодости

и наивности еще помолятся „нѣжному Сашѣ“, то, пожалуй, ихъ тоже непадолго хватитъ.

Подымется ли завѣса съ глазъ писателя? Большой нуженъ для этого умъ, большая воля. И жаль, если не подымется.

А. Крайній.

2. Александръ Блокъ.

Александръ Блокъ. Собраніе стихотвореній. Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. К-во „Мусагетъ“ М. 1911. Стр. 208+XVI. Ц. 2 р.—Александръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ. К-во „Мусагетъ“. М. 1911. Стр. 144. Ц. 1 р.

Этапы пути, который прошелъ А. Блокъ за „12 лѣтъ своей сознательной жизни“, намѣчены въ его поэзіи очень опредѣленно, можно сказать обведены черными контурами. Въ своей первой книгѣ, А. Блокъ—поэтъ „Прекрасной Дамы“, божественнаго, вѣчно-женственнаго начала, которое должно, широко проникнувъ въ міръ, возродить, воскресить его. Поэтъ называетъ себя „рабомъ Царицы“, — servus Reginae, — и свое дѣло опредѣляетъ такъ:

Свѣтить въ преддверьи Идеала
Туманнымъ факеломъ своимъ.

Во второй книгѣ А. Блока („Нечаянная Радость“) въ его поэзію вторгается начало демоническое, сначала въ образѣ „тварей весеннихъ“, чертенятъ, „болотныхъ пошиковъ“, колдуновъ,— олицетворяющихъ начало земное, силы, извѣчно влекущія человѣческую душу *отъ* Божества, соблазняющія ее вѣчной прелестью преходящаго. Тогда же появляется въ стихахъ Блока нѣкто „Темнолицый“, неизбѣжно приходящій къ поэту въ часы сумерекъ—томить его страхомъ темныхъ предчувствій. Въ третьей книгѣ А. Блока („Земля въ снѣгу“) это демоническое начало воплощается въ образѣ „Снѣжной маски“, „Незнакомки“, ведущей поэта къ распятію на крестѣ страсти, къ смерти на кострѣ отчаянья. „И погибнуть мнѣ весело“! „Тайно сердце проситъ гибели!“— таковы признанія поэта въ этой его книгѣ. Борьба двухъ началъ, божественнаго и демоническаго, остается, въ поэзіи А. Блока, неразрѣшенной. Въ своихъ послѣднихъ стихахъ онъ ищетъ новыхъсилъ въ отказѣ отъ своихъ юношескихъ, всеобъемлющихъ концепцій, въ обращеніи къ темамъ болѣе узкимъ, но болѣе конкретнымъ, къ заботамъ, радостямъ и печалямъ родной „горестной земли“.

Передъ нами двѣ новыхъ книги А. Блока: переизданіе его перваго сборника, „Стихи о Прекрасной Дамѣ“, и четвертый сборникъ стиховъ, „Ночные Часы“,—начало и конецъ пройденнаго поэтомъ пути.

Сборникъ „Стиховъ о Прекрасной Дамѣ“, въ новомъ изданіи, значительно увеличенъ; въ него включено около 200 стихотвореній, которыхъ въ первомъ изданіи не было. Съ точки зрѣнія чистохудожественной это, можетъ быть, и ошибка, такъ какъ многія впервые напечатанныя стихотворенія довольно слабы по техникѣ, испорчены неудачными стихами, шаблонными образами. Но зато книга пріобрѣла новый психологическій интересъ, стала откровенной исповѣдью юнаго мечтателя-мистика, знакомитъ теперь съ душой ея автора болѣе полно. Ранніе стихи въ этой исповѣди оказываются наиболѣе характерными. Въ нихъ какъ бы совсѣмъ нѣтъ ничего реальнаго, — всѣ чувства, всѣ переживанія перенесены въ какой-то идеальный міръ. „Жизнь“—„мучитъ“ поэта, „земля“ для него — „пустынна“, онъ себя чувствуетъ въ нѣкоей внѣмірной „старинной кельѣ“, на какомъ-то таинственномъ „царственномъ пути“; впереди—„огнистый столпъ“; свои мечты поэтъ опредѣляетъ, какъ „сны раздумій небывалыхъ“, какъ „священный сонъ“, и его завѣтныя мольбы сводятся къ одному: да исчезнетъ „мысль о тѣлѣ“, „воскресни духъ, а плоть усни!“

Вся книга проникнута пафосомъ ожиданія („Предчувствую тебя!..“), жаждою въ земномъ увидѣть не-земное, во всѣхъ событіяхъ дня прозрѣть символъ внѣвременнаго. Все, что совершается, для поэта получаетъ значеніе иносказанія, и въ его стихахъ рѣка уже не просто рѣка, бѣлая церковь вдали, которая утромъ кажется приближенной, уже не просто церковь, и мы, привыкая къ языку поэта, уже безъ труда его понимаемъ, когда, въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, онъ говоритъ намъ:

Падетъ туманная завѣса,
Женихъ сойдетъ изъ алтаря...

Только на послѣднихъ страницахъ книги образы становятся болѣе конкретными, выступаютъ изъ-за ликовъ ангеловъ—облики земныхъ людей, изъ-за куполовъ таинственныхъ храмовъ,—стѣны простыхъ домовъ и даже фабрики...

Какъ все измѣняется, когда мы переходимъ къ послѣдней книгѣ А. Блока! Вотъ „низкій дымъ, стелющійся надъ овиномъ“, вотъ треплются „три истертыхъ шлеи“, вотъ стоитъ жандармъ на желѣзнодорожной платформѣ передъ раздавленной поѣздомъ женщиной, вотъ модный литераторъ „словъ кощунственныхъ творецъ“, „трактирная стойка“, „кабинетъ ресторана“, „Елагинъ мостъ“, быстрый летъ санокъ, когда кто-то „легко заправляетъ медвѣжью полость на лету“ и „лукавитъ, тонкій станъ обнявъ“, вотъ, наконецъ, картины итальянскихъ городовъ, Равенны, Венеціи, Флоренціи... Дѣйствительность, реальность, вошла въ поэзію А. Блока, подчинила ее себѣ. Мистическія предчувствія смѣнились чувствами земными, и мы то читаемъ тихія раздумья „на смерть младенца“, то стихи о „ярости послѣдней страсти“, то горькія признанія:

И стало все равно, какія
Лобзать уста, ласкать плеча,
Въ какія улицы глухія
Гнать удалого лихача!

—то строгія наблюденія надъ кѣмъ-то, „съ заломленными руками“, кого—

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла...

Можетъ быть, иные читатели пожалѣютъ о прежнемъ Блокѣ, поэтѣ ожиданій, видѣній, таинственнаго сумрака. Но врядъ ли А. Блокъ могъ итти впередъ по пути своей ранней поэзіи. Искусство—всегда *воплощеніе;* даже все неопредѣленное, несказанное оно должно сказать и опредѣлить въ образахъ. Обратившись къ жизни, къ явленіямъ реальнымъ, А. Блокъ нашелъ новыя силы для своей поэзіи, и возможно, что въ будущемъ этими новыми средствами ему удастся полнѣе и точнѣе передать все то, что въ его раннихъ стихахъ брежитъ, какъ блѣдная заря.

Стихъ Блока, въ его новой книгѣ, остается столь же пѣвучимъ и нѣжнымъ, какъ въ его лучшихъ прежнихъ стихотвореніяхъ. Меньше въ его новыхъ стихахъ той намѣренной небрежности, которая нѣсколько портила стихи второй поры его дѣятельности (особенно въ „Нечаянной Радости“). Въ „Ночныхъ Часахъ“ многія стихотворенія превосходны по свѣжести образовъ, по непосредственности наблюденій, по глубинѣ проникновенія въ психологію чувства. Меньше намъ нравятся раздумья А. Блока надъ судьбами Россіи и его, нѣсколько надуманные, стихи о итальянскихъ городахъ. Переводы А. Блока стиховъ Гейне—очень хороши.

Валерій Брюсовъ.

3. Стасюлевичъ и его литературный архивъ [1]).

Изданіе переписки М. М. Стасюлевича обѣщаетъ составить крупный

[1]) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке, т. I., Спб., 1911 г., стр. 570, ц. 3 р.

вкладъ въ печатную литературу по исторіи русской общественности. Въ архивѣ Стасюлевича оказалось свыше 12 тысячъ писемъ отъ 1382 лицъ, и кромѣ того нашлись записныя книги самого Стасюлевича, копіи съ различныхъ иногда весьма секретныхъ документовъ и т. п. матеріалы. Хронологически все это драгоцѣнное документальное богатство обнимаетъ періодъ въ 60 лѣтъ.— Печатное изданіе этого обширнаго и глубоко-интереснаго литературнаго архива составитъ 11 томовъ. Первые два тома охватятъ весь періодъ до конца 1868 года. Въ дальнѣйшихъ томахъ матеріалъ будетъ располагаться уже не по хронологическимъ гранямъ, а по личностямъ корреспондентовъ. Такъ, центромъ третьяго тома послужатъ письма Тургенева, къ которымъ присоединятся письма близкихъ къ Тургеневу лицъ—Віардо, Анненкова, Полонскаго, Григоровича, Золя и т. д.; въ четвертомъ томѣ появятся письма Гончарова и Кони; въ пятомъ—Салтыкова, Некрасова, Глѣба Успенскаго, Елисѣева, Левитова; въ шестомъ — письма четырехъ основныхъ сотрудниковъ *Вѣстника Европы*—Пыпина, Арсеньева, Л. Полонскаго и Слонимскаго и т. д. Все изданіе въ совокупности развернетъ, такимъ образомъ, обширную и полную увлекательнаго содержанія панораму русской литературной и общественной жизни болѣе чѣмъ за полвѣка.

Я не знаю болѣе увлекательнаго чтенія, нежели переписка людей, стоявшихъ въ центрѣ литературы и общественной жизни. Вѣдь переписка является своего рода кинематографическимъ изображеніемъ былой дѣйствительности. Только частныя письма, писавшіяся въ свое время не для печати и подъ непосредственными впечатлѣніями отъ текущихъ жизненныхъ явленій, могутъ показать намъ былую дѣйствительность не въ однѣхъ общихъ ея очертаніяхъ, а со всѣми конкретными подробностями въ ихъ живомъ движеніи, со всѣми мелочами, которыя въ своей совокупности нерѣдко въ гораздо большей мѣрѣ обрисовываютъ подлинную атмосферу и подоплеку эпохи, нежели самыя глубокомысленныя обобщающія характеристики.

И вотъ почему изданіе архива Стасюлевича возбуждаетъ въ насъ такія заманчивыя ожиданія. Приведу сейчасъ же два примѣра изъ перваго тома этого изданія, которые, на мой взглядъ, прекрасно подтверждаютъ высказанную выше мысль. Оба примѣра касаются такихъ жизненныхъ „мелочей“, которыя только и могутъ найтись, что въ частной перепискѣ, да и тамъ сообщаются обыкновенно лишь между дѣломъ или въ постскриптумахъ. Но посмотрите, какія драгоцѣнныя черточки былой эпохи вскрываются для насъ въ подобныхъ „мелочахъ“.—Въ августѣ 1858 г. Стасюлевичъ пишетъ своему пріятелю графу Сольскому изъ Берлина о своихъ сборахъ въ обратный путь въ Россію.—Въ письмѣ сообщается о сдѣланныхъ покупкахъ, о ходѣ укладки и отправки вещей и вдругъ встрѣчаемъ такія строки: „вчера я сбрилъ бороду и это было мнѣ досадно; даже было такъ стыдно, что я не пошелъ обѣдать въ тотъ отель, гдѣ до сихъ поръ всегда обѣдалъ“. Ношеніе бороды служащимъ на государственной службѣ въ Россіи тогда воспрещалось. А въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу въ мартѣ 1865 г. Стасюлевичъ пишетъ: „могу сообщить одну новость: разрѣшено курить на улицахъ, собственно разрѣшенія нѣтъ, но, какъ говорятъ, полиціи приказано не препятствовать табачнымъ наслажденіямъ подъ открытымъ небомъ“. Сколько мы читали въ разныхъ мѣстахъ краснорѣчивыхъ характеристикъ удушливости общественной атмосферы въ Россіи при Николаѣ I; но три строки изъ письма молодого русскаго профессора конца 50-хъ годовъ съ указаніемъ на то, какъ одинъ изъ пережитковъ этой эпохи, отсутствіе у русскаго человѣка права на собственную расти-

тельность, угнетающе подѣйствовалъ на него передъ возвращеніемъ на родину,—не стоятъ ли всѣхъ этихъ характеристикъ? Точно также и сообщеніе о разрѣшеніи курить на улицахъ, передаваемое въ письмѣ, въ качествѣ одной изъ важныхъ новостей,—не бросаютъ ли яркаго свѣта на то, какъ взбудоражены были и власть и общество извѣстными петербургскими пожарами 1862 года? Только черезъ три года послѣ пожаровъ куреніе на улицахъ было разрѣшено.

Изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ I томѣ, наибольшее вниманіе привлекаютъ переписка Стасюлевича съ Плетневымъ, Куторгой, Валуевымъ, Головнинымъ, письма Стасюлевича къ женѣ и разнаго рода матеріалы, касающіеся 1) преподаванія Стасюлевичемъ всеобщей исторіи цесаревичу Николаю Александровичу и 2) возникновенія *Вѣстника Европы* и веденія редакціонныхъ дѣлъ этого журнала. Между прочимъ, тутъ напечатаны вырѣзанныя нѣкогда цензурой изъ *Вѣстника Европы* внутреннія обозрѣнія Л.Полонскаго (1879 г.) и К. К. Арсеньева (1889 г.).

Изданіе архива М. М. Стасюлевича введетъ насъ въ общество многихъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Среди этой галлереи извѣстностей и знаменитостей личность самого Стасюлевича выступаетъ съ такими чертами, которыя складываются въ весьма назидательный общій обликъ. Стасюлевичъ глубоко интересенъ, помимо своихъ ученыхъ и редакторскихъ трудовъ и какъ рѣдкій въ условіяхъ русской дѣйствительности общественный типъ.—И по своей внѣшней повадкѣ и по внутреннимъ особенностямъ своихъ духовныхъ стремленій и своей работы это былъ человѣкъ глубокоевропейской складки. Всѣми сторонами своей личности онъ представлялъ собою фигуру, какъ будто умышленно созданную природой для того, чтобы служить поучительною противоположностью наиболѣе распространеннымъ среди русскаго общества слабостямъ и недостаткамъ.

Какъ метрономъ, размѣренно-точный въ работѣ; сдержанно-уравновѣшенный въ проявленіи личнаго темперамента; неослабно-настойчивый въ преслѣдованіи поставленныхъ себѣ цѣлей и задачъ,—Стасюлевичъ всей своей жизнью практически доказывалъ русскому обществу ту столь туго прививающуюся къ нему истину, что скрупулезная аккуратность не только мирится съ многосложностью работы, но и служитъ необходимымъ ея условіемъ; что сдержанная уравновѣшенность духа не только не исключаетъ сильныхъ движеній души, но и можетъ сообщать имъ особенную упругость; что послѣдовательная устойчивость жизненныхъ стремленій порождаетъ гораздо болѣе богатые и плодотворные результаты, нежели бурныя вспышки экстаза, смѣняющіяся продолжительными приступами разочарованія и бездѣятельности.

Любопытно слѣдить по письмамъ Стасюлевича, помѣщеннымъ въ I томѣ интересующаго насъ изданія и относящимся къ самому началу общественной дѣятельности Стасюлевича, какъ опредѣленно проявились всѣ отмѣченныя выше черты его личности уже съ начальныхъ моментовъ его общественной работы. Письма 60-хъ годовъ особенно интересны еще указаніями на то, какъ пережилъ Стасюлевичъ переломъ въ своей судьбѣ, который вопреки его первоначальнымъ намѣреніямъ превратилъ его изъ профессора въ журналиста. Въ 1863 г., онъ, уже вынужденный покинуть каѳедру, все еще—цѣликомъ въ кругу чисто научныхъ интересовъ. Только что выпустивъ I томъ своей „Исторіи среднихъ вѣковъ“, онъ сообщаетъ Плетневу о томъ пріемѣ, который былъ оказанъ этой книгѣ разными журналами и при этомъ даетъ остроумную характеристику партійной журнальной стратегіи. „Наука не журналъ—пишетъ онъ—... Журналъ, какой бы то ни было, хотя бы даже и оппозиціонный,

все же ищетъ покорить себѣ умъ читателя; между тѣмъ, какъ наука стремится освободить его отъ всякаго преходящаго авторитета, является ли онъ въ зеленой обложкѣ или голубой. Я понимаю потому, отчего одна голубая обертка похвалила мой трудъ и въ то же время обругала, находя его „противнымъ здравому смыслу“: она похвалила потому, что мой трудъ направленъ противъ зеленой обертки, но такъ какъ онъ одинаково освобождаетъ человѣка и отъ голубой обертки, то это, разумѣется, показалось ей противнымъ здравому смыслу, хотя бы она вѣрнѣе могла сказать: „противно голубому смыслу“.

Черезъ три года послѣ написанія этихъ строкъ Стасюлевичъ самъ стоялъ уже въ первомъ ряду русской журналистики, и хотя это превращеніе изъ профессора въ журналиста и произошло подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, тѣмъ не менѣе оно отвѣчало и внутреннимъ наклонностямъ и запросамъ его натуры. Дѣло въ томъ, что научные интересы сами по себѣ уже тѣсно сплетались въ его представленіи съ интересами политическими. Еще въ 1857 г., только подготовляясь къ профессорской каѳедрѣ, онъ пишетъ Плетневу: „у меня уже приготовлена leçon d'ouverture... избранный мною предметъ: „о современномъ историческомъ методѣ“ можетъ итти ко всему, что бы мнѣ ни поручили читать; кромѣ того этотъ предметъ даетъ мнѣ возможность съ перваго шага опредѣлить свои убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться самыхъ живыхъ сторонъ общественной жизни, потому что историческій методъ или искусство писать исторію находится въ тѣсной связи съ искусствомъ дѣлать исторію, т.-е. „жить политически“.

Какъ именно то и другое соединялось въ представленіи самого Стасюлевича и отражалось въ его научномъ преподаваніи,—можно видѣть отчасти изъ тѣхъ сообщеній о его урокахъ цесаревичу Николаю Александровичу, которыя онъ включалъ въ свои письма къ женѣ. Эти сообщенія интересны еще и потому, что они показываетъ намъ, какъ послѣдовательно вѣренъ былъ Стасюлевичъ своей просвѣтительно-политической миссіи всюду, гдѣ бы ни приходилось ему выступать. „Я вчера читалъ наслѣднику—пишетъ онъ женѣ 17 іюня 1862 г.—о событіяхъ, приготовившихъ французскую революцію... я убѣждалъ его не вѣрить, что въ революціи нѣтъ ничего кромѣ дурныхъ страстей и просилъ его усвоить себѣ великую истину, что стремленіе къ свободѣ есть не результатъ праздной мысли философовъ, но потребность физіологическаго развитія общества; что задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать себя все болѣе и болѣе излишнимъ и тогда само общество найдетъ для себя такое правительство необходимымъ...“ Выступая съ такими лекціями, Стасюлевичъ сознательно бросалъ этимъ перчатку противоположнымъ вліяніямъ, которыя роились вокругъ его августѣйшаго ученика. Въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу онъ пишетъ: „на дняхъ наслѣдникъ имѣлъ любезность прислать мнѣ вышедшее описаніе прошлогодняго его путешествія по Россіи, сдѣланное Бабстомъ и Побѣдоносцевымъ. Я намѣренъ благодарить его письмомъ, чтобы тѣмъ воспользоваться для опроверженія тѣхъ идей, которыя ему внушали на дорогѣ, какъ то видно изъ разсужденій, помѣщенныхъ въ Описаніи“.

При такомъ пониманіи соотношенія науки и жизни переходъ отъ каѳедры къ журналу былъ для Стасюлевича естественнымъ отвѣтомъ на превратность судьбы, заставившую его покинуть университетъ. Какъ извѣстно, первоначально Стасюлевичъ задумалъ издавать журналъ въ видѣ историческаго альманаха. Однако, прежде чѣмъ остановиться на этомъ планѣ, онъ уже носился съ мыслью объ изданіи газеты. Очевидно, его дѣйствительнымъ же-

ланіемъ было вступить на поприще именно публицистической журналистики. Очень скоро и *Вѣстникъ Европы* былъ имъ превращенъ въ настоящій политическій журналъ. И ставъ на много лѣтъ у руля этого журнала, Стасюлевичъ сразу взялъ опредѣленный и ясно выраженный курсъ наперерѣзъ вѣтрамъ, враждебнымъ истинному либерализму. Этому курсу онъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ среди самыхъ крайнихъ эксцессовъ то правительственной, то общественной реакціи. Литературный архивъ Стасюлевича и развернетъ передъ нами подробную картину и смѣны правительственныхъ и общественныхъ теченій за всю вторую половину XIX столѣтія, и неизмѣнности той политической позиціи, которую среди всѣхъ этихъ смѣнъ послѣдовательно и стойко сохранялъ недавно почившій Несторъ русской пореформенной журналистики.

А. Кизеветтеръ.

4. Къ юбилею М. В. Ломоносова.

Академія Наукъ достойно почтила 200-лѣтнюю годовщину рожденія Ломоносова, издавъ нѣсколько прекрасныхъ книгъ, посвященныхъ исторіи его жизни и дѣятельности. Мы хотѣли бы въ особенности обратить вниманіе публики на одну изъ нихъ—на „Жизнеописаніе“ Ломоносова, составленное *проф. Б. Н. Меншуткинымъ*. Эта книга—въ своемъ родѣ совершенство. Можно иначе написать біографію Ломоносова—подробнѣе въ деталяхъ и шире въ характеристикахъ; можно поставить себѣ цѣлью художественно возсоздать образъ Ломоносова и картину его обстановки, но лучше исполнить ту задачу, которую поставилъ себѣ проф. Меншуткинъ, положительно невозможно. Онъ сумѣлъ сочетать строгую научность съ истинной популярностью въ изложеніи и далъ книгу, которую съ равнымъ удовольствіемъ прочтетъ и юноша, и ученый,—книгу надежную въ каждомъ словѣ, потому что писанную по источникамъ, скупую и сдержанную въ расточеніи словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободную, ясную, стройную въ своей благородной простотѣ. Я хочу сказать, что и помимо своего сюжета книга проф. Меншуткина необыкновенно хороша и привлекательна, просто какъ литературное произведеніе.

Но и сюжетъ ея необыкновененъ. Мы всѣ знаемъ исторію жизни Ломоносова въ ея главныхъ чертахъ, но когда она вся послѣдовательно и быстро проходитъ предъ нашими глазами, какъ въ этомъ краткомъ очеркѣ проф. Меншуткина,—она кажется воплощенной сказкой, чудомъ новѣйшихъ временъ. Превращеніе Бонапарта-прапорщика въ императора-Наполеона, конечно, не болѣе поразительно, нежели карьера Ломоносова, который еще въ 19 лѣтъ былъ неотесаннымъ, полуграмотнымъ парнемъ-деревенщиной, а въ 28—кладетъ основаніе русскому литературному языку и тоническому стихосложенію и въ 33—37 лѣтъ устанавливаетъ механическую теорію теплоты, кинетическую теорію газовъ и законъ сохраненія вещества, на много десятилѣтій опережая тѣмъ европейскую науку. Надо замѣтить, что до послѣдняго времени мы и не знали Ломоносова: только теперь, въ трехъ книгахъ, изданныхъ Академіей Наукъ по случаю ломоносовскаго юбилея, и въ рѣчахъ, произнесенныхъ на академическомъ торжествѣ, впервые выяснена истинная роль Ломоносова въ исторіи развитія естественныхъ наукъ. Ломоносову принадлежитъ мѣсто въ ряду величайшихъ ученыхъ Европы за послѣдніе два вѣка: это говорятъ не только современные русскіе ученые, которыхъ можно было бы заподозрѣть въ патріотическомъ преувеличеніи,—это говорятъ и западные историки науки, какъ показалъ академикъ Вальденъ, собравъ въ своей рѣчи ихъ отзывы о Ломоносовѣ. И вотъ два вывода: Ломоносовъ сдѣ-

лалъ рядъ геніальныхъ естественно-научныхъ открытій, и всѣ эти открытія остались неизвѣстными европейской наукѣ и были снова сдѣланы въ ней чрезъ 50—120 лѣтъ. Какая громадная потеря времени и силъ!

Но вѣдь то же самое повторяется понынѣ. За два вѣка со времени Ломоносова русская наука развилась и окрѣпла, и достаточно засвидѣтельствовала свою самостоятельную цѣнность, но и теперь ея открытія сплошь и рядомъ остаются мѣстными, не попадаютъ въ сокровищницу общечеловѣческаго знанія или попадаютъ туда уже какъ историческій курьезъ, послѣ того какъ сызнова и независимо были сдѣланы на Западѣ. Разумѣется, это явленіе теперь уже не такъ рѣзко выражено, какъ во времена Ломоносова; такое открытіе, какъ кинетическая теорія газовъ, теперь не могло бы долго остаться тайною, прежде всего потому, что въ послѣднее время русскіе ученые, особенно естествоиспытатели, пріучились сами реферировать свои изслѣдованія въ западной спеціальной печати. Но давно ли узнали на Западѣ о замѣчательныхъ открытіяхъ нашего физіолога И. П. Павлова?—они стали извѣстны тамъ только двадцать лѣтъ спустя. А менѣе крупныя открытія до сихъ поръ обречены на полную неизвѣстность, особенно открытія въ области духовныхъ и общественныхъ наукъ—философіи и психологіи, исторіи и соціальной экономіи, фольклора и языкознанія. Много ли знаютъ на Западѣ о работахъ Потебни и Александра Веселовскаго и о ежегодно возрастающихъ въ числѣ русскихъ диссертаціяхъ по исторіи западныхъ народовъ и исторіи западныхъ литературъ? Чрезъ десять лѣтъ послѣ двухъ диссертацій проф. Д. М. Петрушевскаго о возстаніи Уота Тайлера выходитъ по-англійски (и конечно переводится на русскій языкъ) книга о томъ же предметѣ, повторяющая мнѣнія, безповоротно опровергнутыя русскимъ ученымъ,—и такихъ примѣровъ можно было бы привести много.

Читая біографію Ломоносова, невольно обращаешься мыслью на наше время. Многія ненормальности русской жизни, существовавшія тогда, еще и теперь существуютъ. Даровитому простолюдину и теперь почти такъ же трудно добраться до источниковъ знанія; внѣшнія условія и теперь сплошь и рядомъ тормозятъ работу русскихъ ученыхъ, какъ тормозили они научную дѣятельность Ломоносова. Достаточно вспомнить, какъ И. М. Сѣченовъ, шестидесяти лѣтъ, съ европейскимъ именемъ, долго искалъ себѣ ученаго пріюта, и, наконецъ, пристроился благодаря посредничеству одной знакомой дамы: молодой московскій профессоръ предоставилъ ему въ своей лабораторіи комнату для его работъ, почти безъ инструментовъ. Эти недуги, конечно, тяжеле того неудобства, о которомъ я выше говорилъ; но они и труднѣе излѣчимы: внѣшними средствами ихъ не устранить; тутъ мало помогутъ и Ломоносовское общество, какое существуетъ въ Москвѣ для поддержки талантливыхъ мальчиковъ изъ народа, и газетныя статьи объ униженномъ положеніи русской науки. Напротивъ, то меньшее зло можетъ быть устранено безъ большого труда. Слѣдовало бы создать періодическій органъ—ежегодникъ или трехмѣсячникъ—на одномъ изъ европейскихъ языковъ, гдѣ бы систематически, въ видѣ авторефератовъ, статей и библіографическихъ обзоровъ, сообщалось обо всѣхъ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ русскими учеными, для того, чтобы западно-европейскіе спеціалисты могли знать, гдѣ и что имъ слѣдуетъ искать въ текущей русской научной литературѣ. Можно быть увѣреннымъ: узнавъ о русскомъ открытіи по своей спеціальности, западный ученый не успокоится, пока не доберется до источника: онъ достанетъ книгу, добудетъ и заграничнаго русскаго студента, который бы познакомилъ его съ нею,

спишется съ русскимъ ученымъ и такъ далѣе. И можно быть увѣреннымъ, что такое изданіе окупится, такъ какъ ни одинъ университетъ, ни одна академія въ мірѣ не могли бы обходиться безъ него, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ. Этимъ была бы устранена власть случая, которая сейчасъ царитъ въ дѣлѣ ознакомленія западной науки съ результатами русской, и, слѣдовательно, было бы сбережено много драгоцѣнныхъ силъ. Дѣло это не велико и легко осуществимо, а пользу могло бы принести большую—между прочимъ, и самой русской наукѣ, поднявъ ея самосознаніе, которое дома такъ часто подавляется и произволомъ власти, и небреженіемъ общества. И хочется прибавить: это была бы разумная и цѣлесообразная дань памяти величайшаго русскаго ученаго, Ломоносова. Національнаго униженія здѣсь нѣтъ. Патріоты скажутъ, пожалуй: не пристало намъ забѣгать къ иностранцамъ съ нашей наукой; если она имъ нужна, пусть учатся русскому языку и приходятъ за нею.—Это политика провинціальныхъ дамъ, считающихся визитами: если-де такая-то желаетъ знакомства, пусть первая и пожалуетъ ко мнѣ. Въ наукѣ не должно быть мѣста такимъ счетамъ, тутъ должна господствовать одна мысль, одна забота — о благѣ, о прогрессѣ общечеловѣческаго знанія. Разъ налицо есть такой фактъ, что западные ученые не знаютъ русскаго языка и остаются въ невѣдѣніи относительно русскихъ научныхъ открытій, нужно безъ всякаго политиканства и безъ соображеній самолюбія сдѣлать съ своей стороны все, чтобы устранить это явленіе, наносящее ущербъ развитію міровой науки. И развѣ лучше, развѣ меньшее „униженіе“, что всѣ русскіе естествоиспытатели сейчасъ печатаютъ свои изслѣдованія почти безъ исключенія по-нѣмецки? Иностранные ученые пока не чувствуютъ потребности знать русскій языкъ, чтобы слѣдить за успѣхами русской науки; кто знаетъ?—можетъ быть, такое систематическое освѣдомленіе ихъ, о какомъ была рѣчь выше, приведетъ современемъ къ тому, что они убѣдятся въ необходимости активно, *съ своей стороны*, слѣдить за русской научной литературой,—и тогда изданіе спеціальнаго русскаго органа для иностранцевъ само собою упразднится, достигнувъ цѣли.

М. Гершензонъ.

5. О двухъ новыхъ книгахъ по искусству.

Одна книга плохая, другая хорошая. И кажется, что о плохой придется сказать чуть ли не больше, чѣмъ о хорошей. „Краткій курсъ исторіи русской живописи XIX вѣка“ *Евгенія Жураковскаго* изданъ Саблинымъ въ Москвѣ. Книга *Я. Тугендхольда* „Французское искусство и его представители“ вышла въ петербургскомъ изданіи „Просвѣщенія“.

Г. Жураковскій начинаетъ свой „Курсъ“ очень неожиданно: „Два портретиста, Левицкій и Боровиковскій, имѣютъ выдающееся значеніе“. Непосредственно за этимъ слѣдуетъ нѣсколько строкъ біографіи, двѣ-три ссылки на мнѣнія „знатоковъ искусства“ по поводу картинъ этихъ художниковъ, и—первой главѣ конецъ. Вся глава умѣщается вмѣстѣ съ иллюстраціей на трехъ неполныхъ страничкахъ. Начинаешь сомнѣваться. Не слишкомъ ли кратко: вѣдь глава называется „Портретисты XVIII и начала XIX вѣка“? Читаешь дальше. Вторая глава. „Итальянское вліяніе въ русской живописи XIX вѣка. Жанристы и пейзажисты“. Начинается она такъ: „Представителемъ этого вліянія (?) былъ Василій Козьмичъ Шебуевъ“. Далѣе слѣдуютъ даты рожденія и смерти, и опять краткія выписки изъ чужихъ мнѣній. (Въ главу эту между прочимъ включенъ и Александръ Ивановъ вмѣстѣ съ Айвазовскимъ!) Въ главѣ шестой, названной

„Новыя направленія въ живописи XIX вѣка“, говорится только о Саврасовѣ и Гр. Мясоѣдовѣ. Глава седьмая называется: „Развитіе живописи въ XIX вѣкѣ“, и посвящена она Крамскому и почему-то Журавлеву. Начинаешь заинтересовываться книгой: что же будетъ дальше? Подъ заголовкомъ „Новыя фазы эволюціи живописи“ помѣщены свѣдѣнія о „великомъ изобразителѣ картинъ евангелическихъ и Палестины“ Полѣновѣ. Этимъ „изобразителемъ“ всѣ „новыя фазы“ исчерпываются. Становится весело. И веселость эту авторъ умѣло поддерживаетъ въ читателѣ вплоть до послѣдней главы о „Современныхъ новыхъ формахъ живописи“, гдѣ мирно уживаются Врубель съ Пимоненко, Рерихъ съ Ендогуровымъ, Сѣровъ съ Ковальскимъ, Левитанъ съ Богдановымъ-Бѣльскимъ и Сомовъ съ Куреннымъ!

О Левитанѣ здѣсь можно узнать, что онъ „меланхолическій поэтъ элегическихъ настроеній въ матовой живописи“; о Ковальскомъ,—что въ Парижѣ онъ „перенялъ *особый родъ живописи—передачу настроенія*“ и что „*кромѣ живописи* Ковальскій занимается *портретами* и офортомъ“; о Пастернакѣ,—что онъ „волшебникъ карандаша, пастели, *гаши* (sic) *и вообще сухихъ красокъ*, тонкій наблюдатель типовыхъ явленій и правдивый воспроизводитель ихъ въ искусствѣ“ и т. д.

„Курсу“ предшествуетъ „Введеніе“, написанное въ стилѣ всей книжки. Здѣсь все самобытно. Напримѣръ: „Съ эстетической точки зрѣнія индивидуалистическая гармонизація мірового хаоса въ художественномъ ритмѣ философскихъ синтезовъ—вотъ смыслъ искусства“. Просто и ясно! Душу человѣческую уподобляетъ авторъ океану; „взволнованная, она (душа) выбрасываетъ на берегъ жизни“ не только „драгоцѣнный перламутръ, жемчугъ и кораллы“, но еще и „всевозможные перлы“ (кромѣ жемчуга!). Вотъ рядъ жемчужинъ, „выброшенныхъ“ стилемъ автора: „Творческій замыселъ внутренняго построенія фантазіи“, „разумъ души человѣческой“, „проза житейскихъ буденъ“, „прежняя кипучесть дѣятельности“, „умирительное созерцаніе“, „меланхолія по идеалу“, „обладать художественными запросами“... Это все жемчугъ. А вотъ „всевозможные перлы“: „Афродита Книтская“, „островъ Потмосъ“, „Комоэнсъ“, „Льянковалло“, „японовщина“... Закрываешь эту удивительную книгу съ чувствомъ благодарности къ автору: сплина какъ не бывало!

Я извиняюсь передъ читателемъ за не совсѣмъ обычный тонъ моей замѣтки. Но болѣе серьезнаго тона книга г. Жураковскаго не заслуживаетъ. Конечно, можно было бы просто выкинуть книгу за окно и ничего не писать о ней. Думаю однако, что такое замалчиваніе вредно для искусства. Дѣло критики не должно ограничиваться пассивной оцѣнкой. Критика должна быть активной; въ рукахъ своихъ должна она держать не указку, а мечъ. Вѣдь мечомъ можно и указывать, и наказывать,—и тѣмъ охранять искусство отъ вторженія пошлости, недомыслія и недобросовѣстности. Какъ только на рынкѣ ощущается спросъ на книги изъ какой-нибудь опредѣленной области, тотчасъ же, вмѣстѣ съ немногими хорошими изданіями, появляется дешевая, разсчитывающая на сбытъ макулатура. Большая публика охотнѣе, чѣмъ раньше, читаетъ теперь книги по искусству. Этого достаточно для того, чтобы „бывшіе лекторы эстетики“ (такъ называетъ себя самъ г. Жураковскій) стали выпускать свои убогіе по формѣ и пошлые по содержанію „курсы“. Вредъ отъ такихъ книгъ неоспоримъ, ибо онѣ дешевы и легко распространяются. Обходить ихъ молчаніемъ нельзя: ихъ надо высмѣивать.

Совсѣмъ иного отношенія заслуживаетъ книга *Я. Тугендхольда* о французскомъ искусствѣ. Это сборникъ, сводящійся собственно къ двумъ боль-

шимъ статьямъ: „Послѣднія теченія французской живописи“ и „Городъ въ французскомъ искусствѣ XIX вѣка“. Прочія небольшія статьи, преимущественно объ отдѣльныхъ парижскихъ выставкахъ, носятъ временный характеръ и не представляютъ большого интереса. Статья о городѣ, это—интересная, но, быть можетъ, слишкомъ поспѣшно сдѣланная монографія о французской поэзіи, живописи и графикѣ, поскольку онѣ отразили въ себѣ городъ минувшаго столѣтія „въ его соціологической сущности“. Главную же и лучшую часть сборника составляютъ очерки послѣднихъ теченій въ французской живописи. Очерки эти даютъ сжатую, умѣло написанную исторію французскаго импрессіонизма съ его позднѣйшими развѣтвленіями.

Авторъ начинаетъ свое плаванье съ самаго верховья: отъ „предтечи импрессіонизма“ Делакруа, и, миновавъ довольно удачно,—хотя и не безъ риска утонуть,—такіе опасные въ этомъ плаваніи подводные камни, какъ Гюставъ Курбэ и Эдуардъ Манэ,—добирается до Клода Монэ (отъ котораго собственно и слѣдовало бы плыть). Отсюда плаванье идетъ очень благополучно, и лишь въ самомъ устьѣ рѣки французскаго искусства, — тамъ, гдѣ оно впадаетъ въ море современной жизни,—судну автора приходится много лавировать у бурливыхъ перекатовъ и трудныхъ пороговъ Понтъ-Авенской школы. Это, впрочемъ, и не удивительно: вѣдь такіе пороги, какъ Матиссъ, Мангэнъ, Фріезъ или Ванъ-Донгенъ, еще мало изслѣдованы и фарватеръ здѣсь очень измѣнчивъ, какъ измѣнчива и сама жизнь.

Въ своемъ стремленіи установить опредѣленную преемственную связь между двумя смежными художниками г. Тугендхольдъ часто умаляетъ значеніе одного, для того, чтобы тѣмъ убѣдительнѣе представилась значительность другого. И здѣсь авторъ не останавливается даже передъ явными несправедливостями. Вотъ, напримѣръ, что можно прочесть о Гюставѣ Курбэ: „Въ погонѣ за „настоящей правдой“, за „хорошимъ кускомъ“ природы живопись превратилась въ мертвую фотографію“ (стр. 20). „Курбэ изображалъ природу какъ пассивный фотографъ“ (стр. 24).

Какъ ни наивна была идеологія Курбэ, все же онъ былъ значительнѣйшимъ изъ художниковъ своего времени. И не только значительнѣйшимъ, но и необходимѣйшимъ для своего времени художникомъ былъ онъ.

Мало ли что онъ говорилъ: не по словамъ, а по дѣламъ художника должна судить о немъ исторія. Дѣла его,—его картины,—были могучими произведеніями подлиннаго искусства. Позорное имя фотографіи къ нимъ не примѣнимо. И г. Тугендхольдъ прекрасно знаетъ это; въ другой своей статьѣ самъ же онъ причисляетъ Курбэ къ числу „величайшихъ художниковъ XIX вѣка“ (стр. 151). Но здѣсь ему понадобилось выдѣлить значеніе Эдуарда Манэ, какъ перваго изъ художниковъ минувшаго столѣтія, который подошелъ къ природѣ „съ осознанной художественной задачей“. Потому о предшественникѣ Манэ,—Гюставѣ Курбэ,—онъ рубитъ съ плеча: „фотографъ!“

Et semel emissum volat irrevocabile verbum.

Такія вылетѣвшія, ради большей убѣдительности, слова и фразы встрѣчаются въ сборникѣ г. Тугендхольда часто. Вотъ два-три примѣра.—Сезаннъ своей живописью „внушилъ отвращеніе къ эскизно-случайной живописи“ ему предшествовавшихъ художниковъ-импрессіонистовъ (стр. 85).—Импрессіонизмъ въ концѣ-концовъ „фактически свелся къ живописной стенографіи“ (стр. 136).—„Своей поэзіей, своими критическими статьями Верхарнъ утвердилъ право художника трактовать соціальныя темы и показалъ, какъ можно совмѣстить то, что раньше казалось несовмѣстимымъ (?) — глубокую идейность содержанія съ яркой художе-

ственностью формы“ (стр. 194).—„Матиссъ и его послѣдователи продолжаютъ выѣзжать на старомъ и уже никуда не годномъ конькѣ индивидуализма“ (стр. 117) и т. д. Несомнѣнно, что все это слѣдуетъ принимать съ извѣстнымъ учетомъ, относя многое къ художественному темпераменту автора и помня, что этотъ же художественный темпераментъ служитъ причиною иныхъ прекрасно написанныхъ мѣстъ въ книгѣ.

Къ числу послѣднихъ отношу я главы, посвященныя творчеству Ванъ-Гога, Сезанна и Гогэна,—этихъ трехъ великихъ художниковъ-новаторовъ, имена которыхъ извѣстны большой русской публикѣ только по наслышкѣ. Полезна и интересна будетъ для нашей публики и сравнительная характеристика работъ Домье, Гаварни и Гюиса,—художниковъ хотя и старыхъ, однако не менѣе неизвѣстныхъ нашей публикѣ, чѣмъ трое первыхъ.

Въ книгахъ, подобныхъ „Курсу“ г. Жураковскаго, конечно, бываютъ и полезныя свѣдѣнія, напримѣръ, даты рожденія и смерти, и вообще фактическая сторона біографій тѣхъ художниковъ, о которыхъ въ этихъ книгахъ говорится. Но малая капля пользы этой тонетъ въ цѣлыхъ лужахъ пошлости и неосвѣдомленности. Лужи эти не задумываясь надо выплескивать со всѣмъ содержимымъ. Ужъ лучше до поры до времени совсѣмъ не знать года рожденія Левицкаго, чѣмъ узнать о немъ пошлость вродѣ того, что „его портреты *и въ настоящее время* доставляютъ истинное эстетическое наслажденіе всякому любителю искусства“. Однако, если судить съ пристрастіемъ дурныя книги, то почему бы не судить съ такимъ же пристрастіемъ и хорошія? Вѣдь въ сборникѣ г. Тугендхольда, какъ мы видѣли, также есть мѣста, для большой публики опасныя. Но вредъ отъ нихъ заслоняется той большою пользой, какую русскій читатель, не избалованный литературою по новому искусству, извлечетъ изъ этого сборника. Потому-то, судя книгу г. Тугендхольда даже и съ пристрастіемъ, я совѣтую читать ее всѣмъ, кто интересуется современной французской живописью.

Конст. Эрбергъ.

6. Письмо о французской поэзіи.

Въ письмѣ, посвященномъ современнымъ поэтамъ, хочется на первомъ мѣстѣ говорить не о новыхъ стихахъ, а о книгѣ гг. Ф. А. Казальса и Г. Ле-Ружа, озаглавленной „Послѣдніе дни Поля Верлэна“. [1])

Нельзя сказать, чтобы авторы этой книги съ новой точки зрѣнія и болѣе глубоко, чѣмъ ихъ предшественники, оцѣнивали творчество и душу поэта „Романсовъ безъ словъ“, „Мудрости“ и „Параллельно“. Но послѣ сборника Ш. Доно, безпорядочно собравшаго коекакіе, впрочемъ цѣнные, матеріалы для біографіи Верлэна [2]), послѣ тщательно написанной и проникнутой любовью къ умершему другу книги Э. Лепеллетье, обнаруживающей однако полное незнакомство автора съ тѣмъ литературнымъ движеніемъ, къ которому Верлэнъ примыкалъ [3]),—работа Казальса и Ле-Ружа является новымъ и важнымъ вкладомъ въ богатую уже литературу о поэтѣ, мучительная поэзія котораго, можетъ быть, всего лучше вскрываетъ предъ нами психологическія тайны непосредственнаго и наивнаго творчества художника.

Казальсъ и Ле-Ружъ были въ числѣ ближайшихъ друзей Верлэна, можетъ быть, преимущественно товарищи его

---

[1]) *F. A. Cazals et G. Le Rouge:* „Les derniers jours de Paul Verlaine, avec une préface de M. Barrès“. Mercure de France. P. 1912.

[2]) *C. Donos:* „Verlaine intime“. A. Messein. P. 1898.

[3]) *E. Lepelletier:* „Paul Verlaine, sa vie, son oeuvre“. Mercure de France. P. 1907.

попоекъ, но искренно ему преданные, наивно ему поклоняющіеся. Въ предисловіи, которое могло бы быть менѣе поверхностнымъ, М. Барресъ, обращаясь къ авторамъ книги, говоритъ имъ: „Вы замѣтили, что часы, которые вы провели съ этимъ исключительнымъ человѣкомъ, были самыми значительными въ вашемъ существованіи. „Это справедливо: оба они важны для насъ едва ли не исключительно отблескомъ славы Верлэна, и изо всѣхъ рисунковъ Казальса потомство сохранитъ, вѣроятно, только тѣ, гдѣ онъ, шагъ за шагомъ, изображаетъ жизнь Верлэна и, наконецъ, рисуетъ его на смертномъ одрѣ. (Часть этихъ рисунковъ воспроизведена въ книгѣ.)

Не удивительно, что книга этихъ двухъ вѣрныхъ поклонниковъ Верлэна, любившихъ въ немъ *все*,—вплоть до „декадентства“,—исполнена благоговѣйной жестокости. Она жестока тѣми мелочными подробностями, какія сообщаютъ ея авторы о долгой, мучительной нищетѣ поэта, нищетѣ *духовной*, о его жизни и его проповѣдяхъ среди тѣхъ, кого онъ самъ именовалъ „сбродомъ“, среди тѣхъ псевдо-литераторовъ и псевдо-декадентовъ, чьи счета въ кафэ приходилось въ концѣ-концовъ оплачивать бѣдняку Верлэну. Авторы не избавляютъ насъ и отъ подробнаго разсказа о томъ, кто именно были послѣднія любовницы „бѣднаго Леліана“, одну изъ которыхъ онъ дѣлилъ съ профессіональнымъ сутенеромъ, горделиво объяснявшимъ своимъ сотоварищамъ, что Верлэнъ—„великій поэтъ“, и по ночамъ провожавшимъ его, прячась въ тѣни, домой, охраняя отъ уличныхъ воровъ и отъ полицейскихъ!... При чтеніи такихъ подробностей грудь сжимается отъ стыда и горести! И все же эта книга исполнена благоговѣнія, такъ какъ гг. Казальсъ и Ле-Ружъ съ трогательной заботливостью стараются оправдать, извинить своего героя, порой и не совсѣмъ умѣло.

Въ общемъ эта книга,—хотя есть въ ней и кое-какія фактическія ошибки,—представляетъ собой драгоцѣннѣйшее собраніе матеріаловъ, помогающихъ намъ понять душу того Верлэна, который написалъ „Parallèlement“ и особенно сборники „Femmes“ и „Hommes“, двѣ книги, остающіяся пятномъ на памяти поэта. Но, конечно, книга гг. Казальса и Ле-Ружа ничего не говоритъ намъ о Верлэнѣ—поэтѣ „Sagesse“; эту прекрасную и мучительную книгу мы скорѣе всего можемъ понять изъ записокъ самого Верлэна, изданныхъ послѣ его смерти. [1]) Съ ея страницъ встаетъ передъ нами трогательный образъ поэта, мучимаго безнадежнымъ раскаяньемъ и безнадежно порывающагося къ чистотѣ, роковой образъ лирика, съ вѣчно раздвоенной душой, въ которомъ изумительная сила воспріятія постоянно нарушала равновѣсіе его зыбкой и разорванной воли!

Переходя къ новымъ сборникамъ стиховъ, я, прежде чѣмъ говорить о книгахъ, подписанныхъ именами женщинъ (книгахъ, дающихъ надежду, что, наконецъ, въ современной литературѣ явится дѣйствительно значительный поэтъ-женщина), скажу нѣсколько словъ о поэтахъ молодого поколѣнія, сдѣлавшихъ интересныя попытки обновить содержаніе поэзіи.

Таковъ Абель Пеллетье, который въ своей книгѣ „Episodes Passionés“ [2]) старается представить развитіе трехъ кризисовъ души, хочетъ создать *психологическую поэму*. Мы не можемъ здѣсь излагать содержаніе этой поэмы, вѣрнѣе, этихъ трехъ поэмъ; укажемъ только, что одна изъ нихъ, напримѣръ, изображаетъ борьбу въ сознаніи новобрачныхъ, любящихъ другъ друга,—двухъ различныхъ концепцій морали, одной,

---

[1]) „Voyage en France par un Français, d'après le manuscrit inédit de Paul Verlaine“. A .Messein P. 1908.

[2]) *Abel Pelletier:* „Episodes Passionés“. A. Messein. P. 1911.

основанной на религіи, другой—на раціоналистической философіи. Повидимому, поэтъ лишь постепенно овладѣвалъ и своей темой и самой формой, такъ что заключительныя страницы книги выше первыхъ. Ему, однако, можно во всякомъ случаѣ поставить въ упрекъ его пристрастіе къ риторикѣ, излишество картинъ и образовъ, наконецъ, недостаточное знакомство съ данными научной философіи. Попытка г. Пеллетье сама по себѣ интересна, но въ его произведеніи больше живописи, чѣмъ убѣдительности, больше лиризма, чѣмъ глубины психологическаго анализа.

Таковъ еще Эдмонъ Рошэ, который въ предыдущемъ сборникѣ своихъ стиховъ заинтересовалъ насъ нѣсколькими стихотвореніями, посвященными доисторической жизни и происхожденію существъ. Въ его новой книгѣ [1]) цѣлый отдѣлъ посвященъ такого рода вдохновеніямъ. Уже его чисто-лирическія стихотворенія, посвященныя любви и природѣ, заслуживаютъ вниманія изяществомъ стиха и утонченностью настроеній. Но въ стихахъ, темы которыхъ захватываютъ болѣе широкій кругозоръ, Э. Рошэ обнаруживаетъ неожиданную силу и остроту мысли. Въ циклахъ стиховъ „Les Frissons de la Terre“ и „l'Ardent voyage“, гдѣ онъ хочетъ выразить первичную энергію міра, поэтъ достигаетъ какого-то суроваго реализма и создаетъ какую-то новую тоску о безконечно-далекомъ прошломъ. Стиль г. Рошэ достаточно гибокъ и многообразенъ, но должно пожалѣть, что поэтъ пользуется слишкомъ часто отвлеченными научными терминами: это отягчаетъ стихъ и лишаетъ его изобразительности.

Среди сборниковъ стиховъ, подписанныхъ именами женщинъ, на первое мѣсто должно поставить книгу г-жи Сесиль Перэнъ, уже пользующейся извѣстностью въ кругахъ, относящихся къ литературѣ серьезно. Она слагаетъ интимныя пѣсни о своей душѣ, чисто-женственной, о своихъ радостяхъ и печаляхъ,—радостяхъ и печаляхъ жены и матери, о своемъ восторгѣ передъ природой. Новая книга г-жи Перэнъ, самое заглавіе которой изысканно-красиво [1]), посвящена грустнымъ жалобамъ еще молодой женщины о своемъ утерянномъ прошломъ. Она смотритъ на жизнь глазами своей юности, она какъ бы совершаетъ паломничество по своему прошлому, воскрешая его въ легкихъ и страстныхъ строфахъ, и съ горестью чувствуетъ свое настоящее такимъ тяжелымъ и темнымъ, словно черная тѣнь въ лѣтній солнечный день!... Книга г-жи Перэнъ безусловно—книга поэтическая, хотя мы и предпочли бы видѣть въ ней выраженіе чувствъ болѣе общечеловѣческихъ, не столь узко личныхъ. Но жажда свести все многообразіе жизни къ личнымъ переживаніямъ свойственна всѣмъ поэтамъ-женщинамъ, и какъ бы отъ лица ихъ всѣхъ г-жа Перэнъ восклицаетъ:

Chaque instant me fut riche et lourd d'éternité,
Et tu n'emporteras, ô Mort, qu'une étincelle
De mon cœur qui flamba comme un soleil d'été. [2])

Г-жа Маргарита Анри Розье выступила съ первымъ сборникомъ стиховъ „Celle qui passe“. [3]) Это—пѣсня любви, чистой, утонченно-сознательной, за-

---

[1]) *Cécile Périn:* „Variations du coeur pensif“. E. Sansot. Paris. 1911.

[2]) Былъ каждый мигъ богатъ, таилась
вѣчность въ немъ,
Изъ сердца вырвешь ты, о Смерть,
одну лишь искру,
Изъ сердца, жившаго какъ солнце
лѣтнимъ днемъ!

[3]) *Marguerite Henri Rosier:* „Celle qui passe“. Plon-Nourrit. Paris. 1911.

[1]) *Edmond Rocher:* „Les Aspects divins“. E. Figuière. P. 1911.

ключенной въ благородные ритмы, безконечное преклоненіе передъ своимъ возлюбленнымъ. Но въ то же время это страстная религіозная пѣснь, выраженіе священнаго страха предъ Всемогущимъ и глубокой жажды сліянія съ Вѣчнымъ. Излишняя наклонность къ таинственному портитъ эти стихи, но въ книгѣ есть и попытки расширить христіанскія догмы, и философскій темпераментъ автора постоянно порывается къ пантеистическому пониманію міра. Книга г-жи Розье—книга дебютанта, и мы въ правѣ ожидать отъ молодого поэта прекрасныхъ созданій въ будущемъ.

Напротивъ, г-жа Жаннъ Пердріэль-Вессіэръ стремится всѣ свои переживанія свести къ ясности сознанія, обобщить, синтезировать свои чувства. Въ своей новой книгѣ „Et la lumière fut“ [1]), заглавіе которой указываетъ на новый этапъ въ развитіи поэта, она переходитъ отъ поэзіи исключительно чувственной, безсознательно воспринимающей, къ поэзіи мыслящей, къ поэзіи сознательной. Она сама говоритъ намъ о своемъ стремленіи:

Tel le doigt de l'aveugle au relief de ses lettres,
Promener mes deux mains sur vos contours sacrés,
Epuiser leur contact, les savoir, les presser,
Et me hâter par eux vers mon destin: connaître? [2])

Живя въ Бретани, г-жа Пердріэль-Вессіэръ умѣетъ передавать трагическую суровость морского вѣтра, и на ея гу-

[1]) *Jeanne Perdriel-Vaissière:* „Et la lumière fut“. E. Sansot. Paris. 1911.

[2]) Какъ буквы пальцами слѣдитъ слѣпецъ,—нескромно
Къ священнымъ контурамъ упругость рукъ прижать,
Узнать на ощупь ихъ, извѣдать ихъ, и къ темной
Своей судьбѣ спѣшить живой душой: познать!

бахъ какъ бы чувствуется соленое вѣянье моря. Но, изображая смолистые лѣса своей родины, бури океана и груды водорослей на прибрежныхъ скалахъ, она умѣетъ расширить темы своихъ вдохновеній. Таково ея прекрасное стихотвореніе „Огонь“, смѣлый гимнъ стихіи, вызванный восторгомъ и удивленіемъ предъ великими тайнами обще-міровыхъ процессовъ горѣнія, сгоранія и возрожденія.

Рядомъ съ этимъ поэтомъ, для котораго „бысть свѣтъ“, надо поставить г-жу Мари Догэ, душа которой еще болѣе тѣсными узами связана съ жизнью природы. Авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ сборниковъ стиховъ, она, въ своей новой книгѣ [1]), какъ бы превосходитъ самое себя, создавъ поэзію безсознательнаго. Въ новыхъ стихахъ г-жи Догэ выражена гармоническая связь жизни души и жизни природы, таинственное соотношеніе человѣка и вселенной. Поэтъ говоритъ о себѣ:

Je sens la vie
Pleine de désirs et d'attente,
Comme la sentent,
Peut-être, ceux qui vont mourir. [2])

Г-жа Догэ также живетъ вдали отъ большихъ городовъ, въ Вогезахъ, и въ ея стихахъ есть ароматъ дикихъ лѣсовъ, горныхъ озеръ и зеленыхъ пастбищъ, ароматъ осени и весны. Одинъ изъ отдѣловъ книги озаглавленъ „Благоуханія“, и кажется, что именно въ благоуханіяхъ, въ запахахъ всего полнѣе открывается для поэта жизнь природы. Въ запахѣ стоячихъ водъ, въ вѣяньи возрожденнаго лѣса г-жѣ Догэ слышится что-то сладострастное, вѣчный зовъ жизни и творчества. Она восклицаетъ:

[1]) *Marie Dauget:* „L'Essor victorieux“. E. Sansot. Paris. 1911.

[2]) Я ощущаю жизнь,
Полна желаніемъ и ожиданіемъ,
Какъ ощущаютъ жизнь, быть можетъ,
Всѣ тѣ, кто близки къ смерти...

Il me semble que le poids formidable
m'écrase
Des multiples baisers qui créèrent le monde,
Parfums! quand vous montez de remons
de la vase. [1])

Заключаетъ книгу рядъ небольшихъ философскихъ стихотвореній, вызывающихъ образы безсчетныхъ азіатскихъ боговъ,—стихотвореній, проникнутыхъ глубокой мыслью.

Въ стихахъ г-жи Догэ и г-жи Пердріэль-Вессіэръ, какъ и въ стихахъ гг. Пеллетье и Рошэ, мы видимъ стремленія отрѣшиться отъ чисто-личной поэзіи, занятой исключительно эгоистическими радостями и печалями, стремленіе перейти къ выраженію чувствъ обще-человѣческихъ и къ проникновенію средствами поэзіи въ тайны природы и души. Мы думаемъ, что это—тотъ истинный путь, который можетъ обновить современную поэзію.

Ренэ Гиль. [1])

III. Историческая наука.

Опытъ библіографіи всеобщей исторіи.

(Dr. P. Herre. 1910.—Quellenkunde zur Weltgeschichte. pp. 400; Mark 5.)

XIX в. недаромъ характеризуютъ какъ „saeculum historicum“: исторія за этотъ вѣкъ грандіозно выросла и вширь и вглубь. Отъ прежнихъ многотомныхъ трудовъ „полигисторовъ“, обнимавшихъ всю „всемірную“ исторію, не осталось и слѣда, какъ и отъ работъ „эссеистовъ“, разныхъ изящныхъ и остроумныхъ ésprits, révolutions (по пониманію XVIII в. = „эволюція“), considérations и т. п. Настало и для исторіи, какъ и для другихъ наукъ, время лабораторныхъ, точно-кропотливыхъ изслѣдованій. Въ результатѣ получилась колоссальная, дробная литература, охватить которую цѣликомъ не удалось (въ его Weltgeschichte) даже такому гиганту историческихъ знаній, какъ L. v. Ranke. Понятенъ поэтому ростъ библіографическихъ справочниковъ для отдѣльныхъ странъ, эпохъ и крупныхъ явленій. Нѣтъ, можно сказать, на Западѣ ни одной, хотя бы мельчайшей, исторической единицы, которая не имѣла бы своей библіографіи. Вотъ далекіе, давно не привлекающіе вниманіе, острова—Балеары; нѣкогда они имѣли крупное значеніе; силенъ здѣсь былъ элементъ арабской культуры, внесшій и сюда, какъ и въ остальную Европу, огромные свѣжіе запасы знаній и техническихъ навыковъ; процвѣтала здѣсь широкая международная торговля, выросла въ XIV в. единственная въ своемъ родѣ школа картографіи. Словомъ... *fuerunt* Baleares, острова эти *имѣли* крупное историческое значеніе и, разумѣется, вызвали значительную спеціальную литературу, объемъ которой можно опредѣлить хотя бы по двумъ томамъ „Biblioteca de escritores Baleares“ (всего 2106 №№), изданной I. Bover'омъ еще въ 1868 г.

Но чѣмъ больше росли спеціализація и дифференціація, тѣмъ больше чувствовалась и потребность въ *общей*, сводной библіографіи, дабы ориентироваться въ хаосѣ спеціальныхъ и спеціальнѣйшихъ изслѣдованій. Чѣмъ дальше, тѣмъ вопросъ становился острѣе и... неисполнимѣе. Достаточно присмотрѣться къ спеціальнымъ изданіямъ, отмѣчающимъ ежегодныя новинки, къ

---

[1]) Мои мечты порой великимъ гнетомъ
сжаты
Лобзаній міровыхъ, что сотворили
міръ,
Когда прибрежный илъ льетъ въ
сумракъ ароматы...

[1]) Переводъ съ рукописи *В. Б.*

этимъ многотомнымъ Revue critique d'histoire... (съ 1866 г.), Jahresberichte der Geschichtswissenschaft (съ 1878 г.) и т. п., къ библіографическому обзору крупныхъ историческихъ журналовъ, чтобы безпомощно опустились руки. Ясно, что полной, *исчерпывающей* библіографіи дать нельзя; это не только неслыханный трудъ, для котораго нужно бы воскресить работоспособность и аскетическое подвижничество ученыхъ бенедиктинцевъ XVII и XVIII вв., но и трудъ безцѣльный, работа Данаидъ: черезъ 3, 4 года все бы „устарѣло", „отстало", а въ случаѣ періодическихъ „добавочныхъ" томовъ, никто бы не смогъ уже справиться съ этой все растущей справочной библіотекой.

Общей, исчерпывающей библіографіи, поэтому, быть не можетъ (она и не предпринималась ни разу); въ силу вещей возможна лишь библіографія-*выборка*. Но и ея долгое время не было. Отпугивали, разумѣется, не трудности исполненія, а самый типъ предпріятія, необычный и будто „ненаучный". Въ самомъ дѣлѣ, такая *выборка* естественно должна обладать двумя неизбѣжными качествами, недопустимыми въ ученыхъ работахъ—*неполнотой* свѣдѣній и *субъективностью* ихъ подбора. Не случайность поэтому, что *первая* попытка библіографіи-выборки (на *всемъ* протяженіи исторіи) была сдѣлана какъ разъ группой *сецессіонистовъ*-историковъ, участниками переведенной и на русскій языкъ „Weltgeschichte" Helmolt'a (въ послѣднемъ, IX т.), планъ и исполненіе которой вызвали у цеховыхъ историковъ, хранителей строгихъ академическихъ традицій, не мало удивленія и порицанія.

Теперь, въ книгѣ P. Hetge,—*вторая* попытка, исходящая уже изъ „правовѣрныхъ" круговъ, и къ ней нужно отнестись съ полнымъ вниманіемъ, какъ къ крупной новинкѣ въ области нужной, но еще почти неизвѣданной.

Возникаетъ, прежде всего, принципіальный вопросъ о допустимости и желательности такихъ *неполныхъ*, я бы сказалъ—предварительныхъ, библіографій. Отвѣтъ ясенъ: онѣ—необходимы и поэтому *должны* быть. Но—необходимы лишь тогда, когда, отправляясь отъ нихъ, можно перейти къ любой болѣе спеціальной литературѣ любого отдѣла, т.-е., другими словами, если составитель въ достаточной мѣрѣ указываетъ спеціальные справочники. Въ этомъ отношеніи у Hetge значительные пробѣлы, онъ ихъ сознаетъ (см. Vorwort) и обѣщается исправить въ слѣдующемъ изданіи.

Но это лишь одна сторона. Есть и другая, болѣе сложная. Неполная библіографія-*выборка* есть *рекомендація* или, съ другой стороны, запрещеніе, своего рода замаскированный Index librorum prohibitorum, который отличается отъ католическаго индекса лишь тѣмъ, что неугодныя книги указаны не прямо, а обойдены краснорѣчивымъ молчаніемъ. Причины и основанія такого отбора—вотъ главный и рѣшающій моментъ для подобныхъ неполныхъ библіографій, основательность этихъ причинъ опредѣляетъ пригодность всей книги. Въ вопросѣ же отбора громадная роль выпадаетъ на *личность составителя*.

Мы привыкли думать, что именно библіографіи представляютъ наименѣе индивидуальный типъ ученой работы, нѣчто бездушное, почти машинальное; поэтому и истинные ученые, творцы въ своей области, неохотно брались за библіографическую работу, видѣли въ ней тяжелый крестъ (см. признанія G. Lanson'a, *Русская Мысль*, 1911 г. май, Критич. обозр., стр. 194). При библіографіи-*выборкѣ* дѣло мѣняется какъ разъ въ обратное. Индивидуальность составителя выступаетъ необычайно ярко; можно бы, перефразируя, сказать: „укажи мнѣ, что ты предлагаешь другимъ читать, и я скажу, кто ты". Рѣшающее значеніе имѣютъ не только научная физіономія составителя, ака-

демическія симпатіи его самого и его школы, по и общественныя убѣжденія и предубѣжденія его націи и его времени. Въ этомъ смыслѣ опытъ библіографіи-выборки можетъ вырасти въ своего рода публичное „credo“ цѣлаго научнаго поколѣнія опредѣленной страны и пріобрѣсти самый широкій интересъ.

Опредѣляются и особыя задачи для критика: смѣшно и непроизводительно было бы охотиться за проявленіями просто „неполноты“ (a priori уже можно сказать, что не помѣченныхъ книгъ долженъ быть... не одинъ десятокъ тысячъ!), а нужно отмѣтить *специфическую* неполноту, проистекающую въ результатѣ личныхъ или научныхъ дефектовъ составителя, его направленія и его времени.

Здѣсь не мѣсто, конечно, во всей полнотѣ затронуть всѣ тѣ вопросы, которые тревожатъ въ настоящее время академическіе и общественные круги Германіи—ростъ націоналистическаго шовинизма, проникновеніе его въ науку и университетское преподаваніе, споры о необходимости или гибельности сугубой спеціализаціи, досадное противорѣчіе между требованіями науки и архаической программой оффиціальныхъ Staatsexamen'овъ... перекрестное вліяніе всѣхъ этихъ волнующихъ вопросовъ любой представитель нѣмецкой науки долженъ испытать на себѣ и долженъ по отношенію къ нимъ Farbe bekennen, опредѣлить свою позицію. Испытываетъ всѣ эти вліянія и составитель разбираемой Quellenkunde, приватъ-доцентъ Лейпцигскаго университета, гдѣ спорные вопросы приняли, я бы сказалъ, особенно наглядное выраженіе.

Отъ книги, такимъ образомъ, переходимъ къ опредѣленію ея автора. Самъ Herre значительно облегчаетъ намъ задачу. Среди небольшого пока количества его работъ, очень дѣльныхъ, есть одна маленькая популярная книга „Der Kampf um die Herrschaft im Mittelmeer“, 1909 (изъ серіи „Wissenschaft und Bildung“), которая чрезвычайно поучительна для общей характеристики автора. На 10 печатныхъ листахъ пришлось дать разсказъ, оцѣнку и *библіографію* исторіи средиземноморскихъ странъ на протяженіи... 4000 лѣтъ! Задача непосильная, если очеркъ не превратится въ своего рода bibliographie raisonnée, что и получилось на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, въ этой маленькой книжкѣ въ значительной степени данъ, на мой взглядъ, весь библіографическій остовъ будущей Quellenkunde, причемъ пріемы и ошибки автора выступаютъ съ особой наглядностью. Формальность и нѣкоторая сухость изложенія опредѣляетъ его какъ приверженца „старой“, консервативной школы; широкій захватъ новѣйшихъ пріобрѣтеній исторической науки находитъ въ немъ мало отклика, а вызываетъ какой-то недовѣрчивый отпоръ; съ другой стороны, не избѣгъ онъ и „новыхъ“, даже крайнихъ вліяній, что сказывается въ систематическомъ невниманіи (почти игнорированіи) къ старымъ, очень значительнымъ трудамъ; сильна, наконецъ, примѣсь специфически „нѣмецкой“, ультра-національной, въ духѣ Treitschke, точки зрѣнія.

Все это наложило свою печать на *отборъ*, представленный въ Quellenkunde, и въ этомъ смыслѣ нужно отмѣтить крупнѣйшіе недочеты.—*Политическая* исторія—на первомъ планѣ; экономика, культурный бытъ, религіозная жизнь—въ замѣтномъ небреженіи; цѣлые отдѣлы придется вновь переработать. Поражаютъ и нѣкоторые *пробѣлы*. Кто не знаетъ, напримѣръ, кто не интересуется теперь замѣчательными успѣхами археологіи. Вновь открытый „крито-микенскій“ періодъ началъ входить уже въ учебники. Между тѣмъ у Herre (какъ и въ его книжкѣ о „Mittelmeer“) не только нѣтъ *особаго* отдѣла, но, кромѣ *двухъ* книгъ (Ridgeway—№ 794; Dörpfeld—№ 824, помѣщенный въ отдѣлѣ... „искусства“!), вся греческая до-исторія совершенно обойдена

молчаніемъ: *не указаны* работы Шлимана Evans'a, Schuchardt, Tsountas, Hall, Noack, Fimmen, Torr и пр., и пр.

Эта же формальная ограниченность интереса заставляетъ, быть можетъ, игнорировать крупные, почти классическіе, старые труды. Тутъ не просто неполнота библіографическая, но и ошибка исторіографическая; нѣтъ не просто нѣкоторыхъ почтенныхъ именъ, но и многихъ крупныхъ фактовъ. Не указано, напримѣръ, ни одной работы Heeren'a, едва ли не единственнаго историка начала XIX в., уже тогда оцѣнившаго значеніе „колоніальной экспансіи Европы" и лишь нарождавшагося тогда „имперіализма", историка, который исторію „не-европейской Европы" считалъ необычайно существенной. Нѣтъ Heeren'a и... нѣтъ достаточнаго освѣщенія колоній и ихъ исторіи, не исключая „вѣка открытій" или античной грандіозной колонизаціи: не помѣчены нужные и до сихъ поръ Raoul-Rochette, Movers, Kiesselbach, Kottenkamp, даже A. v. Humboldt, нѣтъ собранія Ternaux-Compans, нѣтъ даже извѣстной работы W. Roscher'a („Kolonien, Kolonial-Politik und Auswanderung", хотя соотвѣтствующая работа P. Leroy-Beaulieu указана—№ 1967); преобладаютъ зато чисто-компилятивныя работы Speck'a, Zimmermann'a.

Другой рядъ ограниченій, не менѣе досадныхъ, вытекаетъ изъ національныхъ предубѣжденій, изъ оговореннаго (Vorwort) авторомъ принципа, что онъ преимущество будетъ отдавать *нѣмецкимъ* работамъ. Съ извѣстной сдержкой это, быть можетъ, и правильно, ибо библіографія прежде всего предназначена для *нѣмецкаго* пользователя. Но есть и опредѣленная граница. Нельзя, напримѣръ, давать *полнаго* перечня работъ M. Much'a, своеобразнаго націоналиста на... археологической основѣ, стремящагося доказать, что германцы и въ *археологическое* время всегда „маршировали во главѣ цивилизаціи", а кстати (въ журналѣ Die Flotte), что они—отъ вѣка маритимны; нельзя было вообще давать Much'a: его дилетантское „Trugspiegelung der orientalischen Kultur in der Vorgeschichte Europas" (№ 711) легко было замѣнить неупомянутымъ „Mirage oriental" извѣстнаго S. Reinach'a, который вообще остался въ тѣни у нѣмецкаго библіографа. Не встрѣчаемъ мы и многихъ другихъ „французовъ" — Guiraud, Haussoullier, отчасти Francotte. Изъ многочисленныхъ работъ Ренана взяты 2, 3 и не указаны „Origines du christianisme", „Hist. d'Israel", „Hist. littér. de la France au XIV s." и т. п. Впрочемъ, нѣтъ и „Жизни Іисуса" D. Strauss'a, который представленъ лишь книгой о Гуттенѣ и сборникомъ писемъ.

Ограниченіе только „нѣмецкой" литературой создало, наконецъ, для нѣкоторыхъ важныхъ эпохъ освѣщеніе, совершенно не соотвѣтствующее современной научной ихъ постановкѣ. Вотъ—Крестовые походы. Нѣтъ *ни одной* публикаціи Société de l'Orient Latin, созданной графомъ de-Riant со спеціальною цѣлью противоборствовать цеховой односторонности въ освѣщеніи этого мірового событія; нѣтъ ни одной работы Jorga, de-Rey (нѣтъ, конечно, и Michaud), нѣтъ даже документовъ такой громадной важности, какъ Ассизы Ерусалимскія, Антіохійскія, не указаны „Regesta" Röhricht'a...

Всѣ эти недостатки очень ощутительны и замѣтно понижаютъ цѣнность важнаго и нужнаго справочника. Зависятъ они, въ значительной степени, отъ неудачной *организаціи* всего предпріятія. Осуществить его нужно было менѣе келейно, привлечь значительное количество спеціалистовъ; тогда, несомнѣнно, взаимно сгладилось бы и вліяніе ученой и личной индивидуальности каждаго отдѣльнаго участника, получилась бы бо́льшая полнота и, главное,—*увѣренность* выбора. Но и въ данной, несовершенной формѣ книга можетъ оказать значительныя услуги, и не только „нѣмецкому" читателю, ибо интересъ къ исторіи, къ счастію, интернаціоналенъ.

Д. Егоровъ.

IV. Школа и воспитаніе.

Шестигодичная народная начальная школа или четырехгодичное высшее начальное училище?

Вопросъ этотъ на бывшемъ въ августѣ общеземскомъ съѣздѣ занялъ видное мѣсто и вызвалъ очень горячіе споры, перешедшіе потомъ и въ прессу [1]).

Дѣйствительно, рѣшеніе даннаго вопроса въ ту или другую сторону имѣетъ громадное практическое и принципіальное значеніе. Споръ заключается въ сущности вовсе не въ томъ, какое число лѣтъ въ общемъ надо признать достаточнымъ для завершенія начальнаго образованія или какой долженъ быть курсъ начальнаго обученія—цѣльный 6-лѣтній или же 8-лѣтній, но раздѣленный на 2 ступени. Вѣдь никто, я думаю, не станетъ отрицать, что и восьми лѣтъ обученія мало, что ни о какомъ *завершеніи образованія* говорить при такомъ числѣ лѣтъ обученія не приходится, что здѣсь можетъ быть только одинъ принципъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Никакой точно такъ же общепризнанной естественной и точно установленной границы для дѣленія начальнаго обученія на 2 ступени по 4 года и для отграниченія начальнаго обученія отъ средняго мы не найдемъ ни въ педагогической теоріи, ни въ школьной практикѣ.

Если же и устанавливаются какія-либо однообразныя системы образованія, то преимущественно на основѣ соображеній финансоваго, экономическаго, соціологическаго или даже партійнаго характера. Слѣдовательно ясно, что въ данномъ случаѣ корень разногласія надо искать глубже.

Сторонники 6-годичной начальной школы ставили себѣ цѣлью возможно широкое распространеніе повышеннаго образованія, постепенное расширеніе всѣхъ или большинства народныхъ школъ до 6-лѣтняго курса. Сторонники 4-годичной высшей школы болѣе стремились къ законченности даваемаго образованія, къ продленію послѣдняго и особенно къ возможности перехода учащихся въ среднія и впослѣдствіи въ высшія учебныя заведенія. Хоть немногихъ, но зато довести до конца—вотъ, мнѣ кажется, основная мысль представителей второго мнѣнія.

Въ докладѣ главнаго защитника послѣдняго, Н. Н. Хмѣлева, прямо указано, что высшая начальная школа при настоящихъ условіяхъ можетъ быть разсчитана лишь для обслуживанія меньшинства или наилучше обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи или наиболѣе талантливаго (доклады т. I, стр. 585).

Дѣйствительно, предлагаемое высшее начальное училище является настолько дорогимъ учрежденіемъ, что разсчитывать на устройство значительнаго числа такихъ школъ совершенно невозможно.

Годовое содержаніе училища исчислено, по законопроекту Государственной Думы, въ 7000 руб., да на содержаніе учащихся изъ другихъ селеній

[1]) Какъ извѣстно, на съѣздѣ представители Тверского, Московскаго губернскихъ земствъ, Александрійскаго, Новоторжскаго и многихъ другихъ уѣздныхъ земствъ предлагали признать нормальнымъ типомъ начальной школы шестигодичную и приступить къ постепенному расширенію существующихъ 3- и 4-годичныхъ начальныхъ школъ въ 6-лѣтнія. Другое же теченіе, поддерживаемое Н. Н. Хмѣлевымъ, И. С. Клюжевымъ и др., предлагало оставить начальную школу 4-годичной, а для продолженія образованія окончившихъ курсъ послѣдней учредить сѣть высшихъ начальныхъ училищъ съ 4-годичнымъ курсомъ, такъ что въ общей сложности курсъ обученія равнялся бы 8 годамъ для прошедшихъ обѣ школы.

въ интернатѣ или на частныхъ квартирахъ надо считать самое меньшее 4000 руб., такъ какъ при рѣдкомъ расположеніи училищъ по крайней мѣрѣ $^3/_4$ учащихся будетъ составляться не изъ мѣстныхъ жителей.

По щедрому расчету сторонниковъ высшихъ училищъ, послѣднихъ должно быть, по осуществленіи всей сѣти, по одному на 15 начальныхъ школъ, что вызоветъ на всю Россію ежегодный расходъ значительно болѣе 100 милліоновъ рублей. На одну Московскую губернію потребовалось бы, напримѣръ, ежегодно 1.265.000 руб. (на 1726 начальныхъ училищъ придется 115 высшихъ), не считая единовременныхъ затратъ на постройки и обзаведеніе не менѣе $2^1/_2$ милліоновъ. Конечно, еще очень долгое время мы не сможемъ разсчитывать на такой расходъ, когда у насъ имѣется еще такая масса неудовлетворенныхъ и нарастающихъ потребностей, когда у насъ всѣ силы и средства еще въ теченіе 10—15 лѣтъ будутъ напряжены введеніемъ всеобщаго обученія и школьнымъ строительствомъ.

Насколько, напримѣръ, великъ исчисленный расходъ для Московской губ., можно судить по тому, что въ настоящее время бюджетъ на всѣ потребности по народному образованію всѣхъ уѣздныхъ и губернскаго земствъ Московской губ. равняется $2^1/_2$ милліонамъ, считая вмѣстѣ съ пособіями отъ казны. Очевидно, осуществленіе высшихъ училищъ въ такомъ широкомъ масштабѣ—дѣло такого отдаленнаго будущаго, когда всѣ наши разсужденія о 6 или 8 годахъ обученія окажутся непримѣнимыми вслѣдствіе измѣнившихся условій существованія.

Однако предположимъ, что „по щучьему велѣнію, по нашему хотѣнію“ вся эта уйма денегъ найдется и въ нашей голодающей Россіи. Спрашивается, многіе ли попадутъ и тогда въ эту высшую школу?

Ежегодный пріемъ въ каждой школѣ можетъ быть самое большее 45 человѣкъ [1]). Слѣдовательно, изъ оканчивающихъ начальныя школы ежегодно самое большее 3 счастливца изъ каждой попадетъ въ высшее училище (45 : 15); а на всю Московскую губ., напр., около 5000 чел.

Между тѣмъ при той же затратѣ возможно будетъ устроить 6-ти годичный курсъ при 1200 начальныхъ школахъ, т.-е. при $^2/_3$ всѣхъ школъ, оставляя безъ 5 и 6 отдѣленія только школы, расположенныя на разстояніи 1—3 верстъ отъ сосѣднихъ школъ съ 6-годичнымъ курсомъ. Такимъ образомъ, можно будетъ 6-лѣтнее обученіе *сдѣлать общедоступнымъ*, не отрывая въ то же время дѣтей отъ семьи и сельской обстановки. Число ежегодно поступающихъ дѣтей въ 5 и 6 отдѣленія тогда возможно будетъ довести до 25.000, т.-е. въ 5 разъ болѣе, нежели въ высшихъ училищахъ.

Впрочемъ, лучше оставимъ эти расчеты о томъ, что будетъ, когда ни насъ самихъ, ни нашихъ дѣтей на землѣ уже не будетъ. Возьмемъ расчеты болѣе реальные. Предположимъ, земства Московской губ. смогутъ въ ближайшемъ будущемъ тратить на повышенное начальное образованіе 350.000 руб., на что вполнѣ можно разсчитывать. На эту сумму можно содержать высшихъ народныхъ училищъ 32, т.-е. по 2, по 3 на уѣздъ, съ ежегоднымъ выпускомъ самое большее въ 1280 чел., а 5-хъ и 6-хъ отдѣленій 250 съ выпусковъ въ 5000 чел., т.-е. въ 4 раза больше, при чемъ на каждыя 8 школъ будетъ одна съ 6-годичнымъ курсомъ.

Наконецъ, надо принять еще во вниманіе, что многія начальныя школы съ 3 учащими и болѣе почти безъ всякихъ затратъ могутъ быть превращены въ 6-годичныя, и что такимъ образомъ по мѣрѣ роста числа учащихся въ начальныхъ школахъ число такихъ преобра-

---

[1]) Если не считать параллельныхъ отдѣленій, которыя разрушаютъ даже максимальные приведенные выше расчеты.

зованныхъ школъ будетъ все расти, дѣлая сѣть все гуще и гуще.

Если же опытъ съ неежегоднымъ пріемомъ окажется удачнымъ, то тогда очень многія начальныя школы можно будетъ превратить съ очень небольшими затратами въ 6-годичныя, осуществивъ общедоступность послѣднихъ для ближайшаго сравнительно будущаго.

Изъ сдѣланныхъ расчетовъ мы видимъ, насколько высшія народныя училища будутъ малодоступны сравнительно съ 6-годичными. Однако дороговизна ихъ еще не является главнымъ препятствіемъ къ ихъ широкому распространенію. Есть еще одно не менѣе важное, именно — эти училища будутъ вести обученіе до 16—17-лѣтняго возраста. Многіе ли родители изъ крестьянъ, кустарей, ремесленниковъ, рабочихъ и т. п. могутъ у насъ обойтись безъ помощи или безъ заработка своихъ дѣтей въ этомъ возрастѣ? — Конечно, лишь очень и очень ничтожный процентъ. Вѣдь парень или дѣвушка въ 15—17 лѣтъ въ деревнѣ уже настоящіе работники, а бѣдность заставляетъ использовать ихъ силы.

Стоитъ себѣ только представить картину русской деревни, крестьянской семьи, дорожащей каждымъ работникомъ, каждымъ гривенникомъ, а также представить отдаленность школы, необходимость, слѣдовательно, отдавать дѣтей „въ чужіе люди“ безъ возможности присмотра въ наиболѣе опасномъ возрастѣ, стоитъ только нарисовать ясно себѣ все это, чтобы понять, кого сможетъ обслуживать предлагаемое высшее училище. Дѣти священника, дьякона, псаломщика, учителя, земскаго служащаго, дѣти лавочника, перекупщика, мелкаго владѣльца, арендатора попадутъ въ эти школы, а крестьянство въ своей массѣ попрежнему останется при 3 или 4 годахъ первоначальнаго обученія и будетъ даже еще въ худшемъ положеніи, такъ какъ громадное отвлеченіе средствъ на дорогія высшія училища замедлитъ развитіе другихъ общедоступныхъ средствъ народнаго образованія — библіотекъ, вечернихъ курсовъ, народныхъ чтеній, дополнительныхъ классовъ и т. п. [1]).

Итакъ, получится знакомая намъ картина — на собираемыя со всего крестьянства средства будутъ пользоваться благами немногіе счастливцы болѣе обезпеченныхъ слоевъ деревенскаго населенія.

Далѣе, необходимо обратить вниманіе на положеніе и участь окончившихъ высшее народное училище. Отъ своей семьи, отъ сельской обстановки большинство изъ нихъ уже будетъ оторвано; ихъ стремленія, ихъ привычки будутъ лежать далеко отъ той среды, изъ которой они вышли. Ихъ запросы будутъ уже настолько высоки, что деревня своей обстановкой, своей оплатой труда не прельститъ ихъ. Они уйдутъ изъ деревни, они будутъ служить кому угодно, но только не своему родному мѣсту— деревня попрежнему останется во тьмѣ, въ грязи и невѣжествѣ.

Опытъ даже сельскохозяйственныхъ школъ, которыя, казалось, по своему назначенію должны были бы направлять своихъ питомцевъ въ деревню, показалъ, что очень ничтожное число окончившихъ возвращается домой — 4 года существованія вдали отъ семьи и роднаго угла до 16—18-лѣтняго возраста дѣлаютъ свое дѣло. Нечего этому удивляться, нечего надъ этимъ сокрушаться, безполезно и не нужно ставить этому препятствія. Однако нельзя и закрывать глазъ на то, что лица, окончившія такія школы, требующія продолжительнаго обученія и существованія вдали отъ родной обстановки, обслуживаютъ въ об-

[1]) Примѣръ нѣкоторыхъ земствъ, устраивающихъ такъ называемыя крестьянскія гимназіи и тратящихъ на послѣднія по 5—12 тысячъ ежегодно, но зато отпускающихъ на народныя библіотеки и чтенія лишь по нѣсколько сотъ рублей, служитъ яркимъ прообразомъ могущаго создаться положенія.

щемъ помѣщиковъ, фабрикантовъ, желѣзныя дороги, заводы, всякія конторы, правительственныя учрежденія—однимъ словомъ, кого угодно, но только не потребности крестьянства, сельской жизни, сельской культуры. Слѣдовательно, блага, полученныя немногими изъ народа, не послужатъ на пользу сельской массѣ населенія, а лишь немногимъ счастливцамъ. Но даже и здѣсь позволительно усомниться—дѣйствительно ли прошедшихъ высшія народныя училища можно считать счастливцами?

Вѣдь положеніе небогатыхъ изъ нихъ (а такихъ будетъ всетаки очень значительная часть), которые не будутъ въ силахъ продолжать учиться вплоть до окончанія средняго или, вѣрнѣе, даже высшаго учебнаго заведенія, будетъ очень тяжелое. Отъ стараго они отстали, а итти дальше у нихъ нѣтъ возможности, приходится брать первое попавшееся мѣсто (хорошо еще, если такое найдется) и оставить свои мечты неудовлетворенными.

Конечно, они предъявятъ свои упреки земству — „вы насъ взяли отъ семьи, вы отучили насъ отъ прежней жизни, повели къ лучшему и вотъ на полдорогѣ бросаете насъ“. Упреки въ сущности весьма основательные. Что же можетъ сдѣлать для нихъ земство?

Пока такихъ училищъ мало, пока оканчивающихъ немного, земство сможетъ давать стипендіи, оказывать всякаго рода помощь наиболѣе способнымъ. Но какъ только число такихъ училищъ хоть немного возрастетъ, земство будетъ уже не въ силахъ помогать, кромѣ небольшой части.

Представьте, напр., что въ Московской губерніи будетъ даже не 115 высшихъ училищъ, а только 50, оканчивающихъ ежегодно будетъ 2000. Пусть $^1/_2$ изъ нихъ будутъ нуждаться въ помощи для продолженія образованія, т.е. 1000 чел. Пусть земство будетъ имъ оказывать поддержку только до окончанія средней школы, т.-е. въ продолженіе 4 лѣтъ по 120 руб. въ годъ (сумма ничтожная, если вспомнить, что одна плата за ученіе равняется 50—60 р.). Тогда для земства одной только губерніи получится ежегодный расходъ въ 48,000 руб.

Точно такъ же мало сможетъ имъ помочь земство въ отношеніи предоставленія мѣстъ.

Такимъ образомъ, для большинства останется только два выхода—довольствоваться первымъ попавшимся заработкомъ или вернуться на родину. Однако здѣсь невольно является вопросъ: многіе ли изъ нихъ, вернувшись по нуждѣ съ чувствомъ озлобленія, съ новыми привычками и запросами, отвыкнувъ отъ сельской обстановки, окажутся способными вновь войти въ прежнюю жизнь и сдѣлаться для нея полезными членами?

Совсѣмъ иное положеніе будетъ получаться при расширеніи значительной части обычныхъ начальныхъ сельскихъ школъ до 6-лѣтняго курса по слѣдующимъ причинамъ:

1) Дѣти не будутъ въ данномъ случаѣ отрываться отъ своей родной обстановки, такъ какъ громадное большинство изъ нихъ будетъ жить дома, а остальные каждый праздникъ будутъ проводить дома, такъ какъ школа будетъ самое большее за 5—6 верстъ.

2) Самый характеръ обученія въ такой сельской школѣ легко можетъ быть приспособленъ къ потребностямъ своего небольшого района и вводить учащихся въ интересы родной мѣстности.

3) Дѣти съ самаго начала изъ характера обученія, изъ всей обстановки обычной сельской школы будутъ видѣть назначеніе школы и мысли ихъ не будутъ увлечены *искусственной обстановкой* совсѣмъ въ другую сторону.

4) Окончившіе будутъ жить и работать въ деревнѣ не въ одиночку, а среди значительнаго числа людей, прошедшихъ ту же школу, и поэтому не будутъ такими безсильными и одино-

кими среди моря невѣжества и косности [1]).

Итакъ, сила шестигодичной школы въ томъ, что она разсчитана на массы, а не на единицы, что она себѣ ставитъ цѣлью обслуживать потребности сельской жизни, *ставитъ себѣ задачу культурнаго подъема деревни,* работы на родномъ мѣстѣ и для родного мѣста.

Но противники 6 годичной школы на это говорятъ: ваша цѣль недостижима, такъ какъ населеніе не можетъ учиться до 14-лѣтняго возраста, большинство учащихся не доходитъ даже до IV-го отдѣленія, и устроенныя вами школы будутъ пустовать.

Дѣйствительно, разсчитывать, что все населеніе будетъ теперь посылать своихъ дѣтей учиться 6 лѣтъ, когда оно далеко не все позволяетъ своимъ дѣтямъ учиться даже 2 года, конечно, нельзя. Но изъ этого не слѣдуетъ вывода о непригодности или ненужности 6-годичнаго курса. Мы видимъ, что значительная часть желаетъ и можетъ учиться 6 лѣтъ. *Во всякомъ случаѣ населенію болѣе доступно обученіе въ теченіе 6 лѣтъ въ школѣ близко расположенной, нежели въ теченіе 8 лѣтъ, изъ которыхъ послѣдніе 4 года еще гдѣ-то на сторонѣ.* Когда земства стали открывать IV отдѣленія въ своихъ начальныхъ школахъ, имъ предвѣщали, что эти отдѣленія останутся пустыми. Когда Новоторжское земство стало устраивать 6-годичныя школы, ему предсказывали неудачу по той же причинѣ. Что же показалъ опытъ?—Въ IV отдѣленіяхъ всюду находятся ученики, въ 5 и 6 отдѣленіяхъ новоторжскихъ школъ, несмотря на то, что ихъ въ уѣздѣ уже ровно 24, *т.-е. по одной на каждыя 5 школъ,* въ среднемъ на отдѣленіе приходится по 15 человѣкъ учащихся. Около 2000 двуклассныхъ школъ съ 5—6 годами обученія существуетъ въ земской Россіи, и ни одно изъ нихъ не пустуетъ, а въ очень многихъ существуетъ даже конкурсъ при пріемѣ въ 4 или 5 отдѣленіе. Данныя, полученныя къ общеземскому съѣзду по народному образованію, по 235 школамъ съ 6-ти годичнымъ курсомъ и 33.811 учащимися, показываютъ, что въ послѣднихъ отдѣленіяхъ находится 6,6% учащихся *т.-е.* $^2/_3$ *нормальнаго процента* (16,6). Среди населенія существуетъ вообще большое тяготѣніе въ школы съ 5 и 6-тигодичнымъ курсомъ. Такъ, изъ анкеты учащимъ, произведенной къ общеземскому съѣзду, видно, что въ 27% отвѣтовъ учащихъ зарегистрировано пожеланіе населенія двуклассной школы (т.-е. съ 5 или 6-годичнымъ курсомъ) и лишь въ 2,8% — пожеланіе устройства городского училища (т.-е. соотвѣтствующаго 4-годичному высшему народному училищу). И это вполнѣ понятно.

До 14 лѣтъ мальчикъ или дѣвочка еще не настоящіе работники: въ сельскомъ хозяйствѣ они еще только помощники, и на фабрику или заводъ ихъ часто не берутъ въ виду малой пригодности, а также ограниченія закономъ труда малолѣтнихъ (т.-е. до 14 лѣтъ), и въ отхожій промыселъ боятся отпускать безъ родныхъ. Въ 15 и особенно 16 лѣтъ подростки уже дѣлаются настоящими работниками и почти всѣ заняты настолько, что уже рѣдко кто изъ нихъ сможетъ посѣщать школу. Съ 14 лѣтъ въ организмѣ наступаетъ переломъ, а въ законодательствѣ расширяются рамки примѣненія труда. Поэтому-то такая сильная разница между 14 и 16 годами. Статистическія изслѣдованія, произведенныя въ Московской губерніи въ 1900 году, подтверждаютъ эти соображенія цифрами: въ возрастѣ 13—14 лѣтъ по тремъ изслѣдованнымъ уѣздамъ отъ 32% до 54% мальчиковъ ока-

[1]) Вотъ когда въ деревнѣ наберется много элемента, прошедшаго 6-годичную школу, тогда, быть можетъ, и вернувшійся поневолѣ въ деревню неудачникъ, прошедшій высшее народное училище, окажется въ деревнѣ болѣе полезнымъ и болѣе поддающимся ассимиляціи.

залось занятыми промыслами, а въ возрастѣ 15—17 лѣтъ—уже отъ 68% до 83%. Насколько, слѣдовательно, ограничивается для населенія возможность итти въ высшую народную школу и насколько болѣе такой возможности для 6-годичной школы! Относительно судьбы окончившихъ 5-ти и 6-тигодичныя школы собраны интересныя данныя Херсонскимъ губернскимъ земствомъ. Оказалось, что 66% окончившихъ остались на мѣстахъ и занимаются дома сельскимъ хозяйствомъ—$^2/_3$, значитъ, работаетъ въ деревнѣ и вноситъ въ свою жизнь и жизнь деревни ту культуру и тѣ знанія, которыя дала имъ школа. И эта часть, по мѣрѣ роста числа школъ и удовлетворенія спроса на разнаго рода служащихъ, должна расти. При этомъ необходимо еще принять во вниманіе, что всѣ эти благопріятныя данныя получились, несмотря на схоластичность существующей до сихъ поръ программы и оторванность ея отъ жизни.

Теперь намъ осталось еще сравнить положеніе разбираемыхъ школъ относительно дальнѣйшаго образованія оканчивающихъ. Шестигодичную школу упрекали, что она образуетъ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода для дальнѣйшаго образованія. Однако этотъ тупикъ существуетъ и для высшихъ народныхъ училищъ, *такъ какъ онъ находится въ существующей организаціи средней школы и въ экономическихъ условіяхъ*. Вѣдь если начать приспосабливать къ существующей средней школѣ народную, то это значитъ отказаться отъ удовлетворенія потребностей сельской жизни и требованій педагогики. Съ другой стороны, въ сущности главное препятствіе лежитъ въ экономическихъ условіяхъ, и, слѣдовательно, главное лѣкарство здѣсь не приспособленіе программъ, а стипендіи, пособія и т. п., что одинаково возможно при организаціи и той и другой школы.

Выдержать же экзаменъ въ среднюю школу, конечно, будетъ легче послѣ 6-годичной (въ 3-тій классъ средней), нежели послѣ высшей народной (въ 5 классъ), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ придется по нѣмецкому языку сдавать за 4 года, по-французски—за 3 года и еще по-латыни (если поступаютъ въ гимназію) за 2 года, не считая другихъ всѣхъ предметовъ.

Итакъ, 6-годичная школа по своей доступности, по возможности самаго широкаго распространенія, по своимъ цѣлямъ является школою, предназначаемой для преобладающаго большинства населенія, а въ будущемъ даже для всего населенія. Высшая же народная школа доступна для немногихъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія и ставитъ себѣ цѣлью обслуживаніе интересовъ не сельской жизни, а отдѣльныхъ единицъ. Это не народная школа, а школа служилаго элемента, растущей деревенской буржуазіи, мѣщанскаго класса средней состоятельности. И такая школа, конечно, нужна и даже очень нужна, но только въ тѣхъ болѣе населенныхъ пунктахъ, гдѣ количество, составъ населенія и экономическія условія дадутъ возможность заполнить эти школы мѣстнымъ элементомъ, а окончившимъ дадутъ возможность продолжать свое образованіе или же найти себѣ приложеніе труда и достаточную оплату послѣдняго.

Я вполнѣ понимаю, когда народный учитель Азаровъ на съѣздѣ, возражая противъ 6-годичной школы, говорилъ, что для него это—вопросъ личный, такъ какъ у него есть дѣти, братья, сестры, и для него обидно, если они будутъ садоводами, пчеловодами и огородниками. Точно такъ же мнѣ было понятно, когда И. С. Ключевъ на съѣздѣ указывалъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находится сейчасъ сельское духовенство, земскіе врачи, агрономы и другіе служащіе, такъ какъ имъ негдѣ учить своихъ дѣтей.

Все это—вѣрно. Но не называйте тогда, господа, предлагаемаго вами высшаго начальнаго училища народнымъ, не противопоставляйте его 6-го-

дичной школѣ, которую оно будто бы можетъ замѣнить. Это громадная ошибка. И если сейчасъ это высшее начальное училище начнутъ распространять въ качествѣ школы, предназначенной служить для продолженія образованія кончающихъ обычную сельскую начальную школу, то дѣлу народнаго образованія будетъ нанесенъ громадный вредъ, такъ какъ эти училища вовсе не будутъ обслуживать большинство населенія и его потребности, а между тѣмъ наша начальная школа благодаря этому надолго останется при своемъ 4-лѣтнемъ курсѣ. До 8-лѣтняго курса мы, конечно, не скоро дойдемъ, если до сихъ поръ почти всѣ государства Западной Европы остаются при 6-лѣтнемъ начальномъ обученіи *въ сельскихъ мѣстностяхъ*. Да и большой вопросъ, можно ли сразу перескочить съ 4 до 8 лѣтъ начальнаго обученія. Исторія намъ показываетъ, что увеличеніе срока начальнаго обученія шло очень медленно и лишь шагъ за шагомъ. Между тѣмъ распространеніе 4-годичныхъ высшихъ училищъ именно предполагаетъ такой головокружительный скачокъ съ 4 до 8 лѣтъ обученія сразу, тогда какъ проектъ 6-годичной школы, исходя изъ существующей начальной, ставитъ себѣ болѣе близкій этапъ—общенародное 6-лѣтнее начальное обученіе.

Резюмируя все изложенное, мы можемъ сказать, что въ данномъ вопросѣ встрѣтилось два общественныхъ направленія—одно видитъ сущность демократизаціи въ приспособленіи школы къ потребностямъ и интересамъ преобладающей массы населенія; другое—въ приближеніи народной школы къ тѣмъ типамъ, которые обслуживаютъ привилегированные слои населенія. Одни намѣчаютъ путь къ смягченію современнаго неравенства въ поднятіи образованія, слѣдовательно и культуры, общей массы населенія, хотя бы на небольшую ступень, другіе—въ выведеніи единицъ „въ господа“, т.-е. въ уравненіи съ положеніемъ „верховъ“, хотя и отдѣльныхъ личностей, но зато полномъ.

Кто правъ въ этомъ спорѣ?

Это рѣшитъ дальнѣйшій опытъ. Однако пока нельзя не провести аналогіи съ другими областями культурной работы. Приспособленіе нашей земской медицины къ условіямъ сельской жизни, умѣнье врачей давать совѣты и дѣйствовать примѣнительно къ условіямъ существованія нашего крестьянства создало успѣхъ земской медицины.

И земскіе агрономы, какъ мы видимъ, работаютъ, считаясь съ положеніемъ своихъ кліентовъ. Помѣщику они совѣтуютъ паровую молотилку, крестьянину — конную; крупному владѣльцу рекомендуютъ 14-рядную сѣялку, мелкому—7-рядную. Однако же никому не приходитъ въ голову упрекать ихъ въ стремленіи раздѣлить населеніе по классамъ, въ придумываніи особой „мужицкой“ агрономіи.

Точно такъ же въ экономическихъ мѣропріятіяхъ земствъ мы видимъ стремленіе поднять благосостояніе крестьянства не путемъ возведенія отдѣльныхъ единицъ изъ его среды въ положеніе помѣщиковъ, а путемъ общихъ начинаній, хотя и дающихъ каждому хозяину, быть можетъ, самый небольшой приростъ дохода.

Все это такъ ясно во всѣхъ областяхъ земской работы; но какъ только вопросъ касается школы, положеніе сразу мѣняется, и приспособленіе къ условіямъ жизни и потребностямъ отдѣльныхъ слоевъ населенія ставятъ не въ заслугу, а въ недостатокъ, упрекаютъ въ раздѣленіи населенія на черную и бѣлую кость и т. п.

Неужели же школа является какимъ-то особымъ учрежденіемъ, висящимъ въ воздухѣ, а не коренящимся въ той же почвѣ, берущимъ соки изъ той же окружающей его среды и призваннымъ обслуживать нужды именно этой среды?

А. Обуховъ.

V. Некрологъ.

Памяти Н. Ф. Рихтера. — И. Г. Жуковъ.—К. С. Ермолаевъ.—А. С. Скляръ.— Э. Ф. Горбацевичъ. — Е. И. Кентманъ. — П. Д. Ревуцкій.—П. П. Бобровъ.—Н. Н. Златовратскій. — Я. Ковальчикъ. — Н. К. Шафгаузенъ-Шенбергъ-Экъ-Шауфусъ. — И. Г. Полуэктовъ. — Н. Н. Бекетовъ. — Н. Ѳ. Рихтеръ.—Е. И. Цвѣткова.—С. А. Смирновъ. — А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.— И. П. Боголѣповъ. — В. М. Максимовъ. — В. Н. Черненкова. — П. Топинаръ.— Ланнелонгъ.—В. Пеховскій. — Л. Мюллнеръ. — Г. Ротшильдъ.— Штёръ. — Пичъ.—Е. Калеръ.—В. Грэгемъ.—Г. Люблинеръ.—Л. Пичъ.—М. Іенеке.—Г. Гедекингъ.—І. В. Видманнъ.—А. П. Гилльe.— А. Шилль.—Д. Бигелоу.—Г. Штейнбахъ.— О. Д. ф.-Рихтеръ.—Ф. Ф. Брукъ.— І. Фаленъ.—Ф. Дернбургъ. — Г. Руге.—Э. Герцогъ.—А. Бёмъ.—А. Рандеггеръ.—Д. Гукеръ.—О. Келльнеръ.—Жеро Ришаръ.—Е. Боунесъ.— М. Конратъ (Конъ).— Э. Земперъ.—Ф.-Ф. Цимъ.—А. Клапаредъ.—В. Гадвигеръ.—Б. Френкель.—Р. Дёбнеръ.— А. Виксенбургъ. — М. Клазенъ-Шмидъ. — Н. Христичъ. — Кавакама.

Памяти Н. Ф. Рихтера.

23 ноября скончался предсѣдатель московской губернской земской управы Н. Ф. Рихтеръ. Личность покойнаго надолго останется памятной всѣмъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Н. Ф. Рихтеръ былъ прежде всего работникъ необычайной трудоспособности, любившій свое земское дѣло безпредѣльно, вплоть до самыхъ мелочей. Онъ входилъ во всѣ детали работы всѣхъ многочисленныхъ отдѣловъ губернской управы, онъ просматривалъ лично всю поступающую въ управу переписку, онъ читалъ всѣ доклады и исправлялъ ихъ, онъ приглашалъ всѣхъ новыхъ служащихъ послѣ личной бесѣды съ ними, онъ предсѣдательствовалъ или участвовалъ во всѣхъ безчисленныхъ комиссіяхъ и т. д., и т. д. И что поразительнѣе всего—вездѣ Н. Ф. былъ полезенъ, былъ въ курсѣ дѣла и могъ сказать свое вѣское слово стараго опытнаго земца. Бывало, составляешь какой-нибудь докладъ, работаешь, думаешь надъ нимъ нѣсколько недѣль, все, какъ кажется, предусмотришь и несешь „дѣдушкѣ“ (такъ называли часто Рихтера въ управѣ). На слѣдующій же день, рѣдко-рѣдко черезъ 2—3 дня, возвращая докладъ, „дѣдушка“ сразу открывалъ автору глаза на слабыя мѣста доклада.

Не чуждался Н. Ф. мелочей, хорошо по опыту зная, что часто мелочи могутъ повредить дѣлу не менѣе сильно, чѣмъ ошибки въ основѣ дѣла. Кромѣ того, къ этому Рихтера побуждала также сильно развитая въ немъ недовѣрчивость къ людямъ или, вѣрнѣе, къ ихъ работоспособности и къ тщательности въ выполненіи работы. Зная высокія требованія къ дѣлу Н. Ф., его личную заботливость, прекрасную память, проницательность и трудоспособность и сопоставляя всѣ эти качества съ обычной русской обломовщиной, съ господствомъ у насъ принципа „авось да небось“, со слабымъ развитіемъ чувства отвѣтственности, видя, насколько Рихтеръ стоялъ выше окружающихъ, легко было объяснить это недовѣріе Рихтера ко всему, что не онъ самъ дѣлалъ. Изъ этого же источника, въ соединеніи съ любовью къ дѣлу, мнѣ кажется, проистекала и другая его характерная черта—его властность, его стремленіе рѣшать все самому. Это не была любовь къ власти ради власти, а тѣмъ болѣе ради почета. Это была боязнь, что что-нибудь вдругъ сдѣлаютъ не такъ, какъ надо, что вдругъ какъ-нибудь испортятъ дѣло. Рихтеру, напримѣръ, можно было возражать и даже довольно рѣзко. Онъ тогда вступалъ въ споръ, часто горячился, повышалъ голосъ, но очень часто послѣ

одного или нѣсколькихъ такихъ разговоровъ уступалъ, если соглашался съ выставленными доводами. Мнѣ казалось, что Рихтеру даже нравилась горячность въ возраженіяхъ служащихъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ интересъ и любовь къ дѣлу.

Н. Ф. Рихтеръ былъ чрезвычайно своеобразной личностью. Онъ совершенно не подходилъ подъ какія-либо шаблонныя мѣрки и его взгляды были весьма далеки отъ напѣвовъ грамофонныхъ пластинокъ того или другого лагеря.

Былъ ли Рихтеръ правымъ, лѣвымъ, октябристомъ, прогрессистомъ?

Объ этомъ гадали много и не отгадали, да и не могли отгадать, потому что Рихтеръ могъ принадлежать только къ одной партіи—партіи самого Рихтера. Меня очень интересовалъ вопросъ, почему Н. Ф. оставилъ сторону, такъ называемыхъ, прогрессивныхъ земцевъ и будто бы перешелъ на сторону правыхъ, такъ какъ во всей своей дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя губернской управы Рихтеръ обнаружилъ себя прогрессивнымъ земскимъ дѣятелемъ, стойко отстаивающимъ земское дѣло и земскихъ служащихъ, независимо отъ различій и взглядовъ послѣднихъ, энергично развивающимъ всѣ отрасли земской работы и объединяющимъ земства всѣхъ губерній (наприм., укажу союзъ по желѣзу и общеземскій съѣздъ по народному образованію).

Въ результатѣ всѣхъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что не Рихтеръ оставилъ лѣвыхъ, а лѣвые ушли отъ него подъ вліяніемъ событій, и что Рихтеръ не переходилъ къ правымъ, а октябристы и правые пришли къ нему. Дѣйствительно, когда улеглось увлеченіе и страсти, вызванныя 1905 годомъ, оказалось, что Н. Ф. остался попрежнему самимъ собой, лѣвые вновь подошли къ нему, а значительная часть правыхъ отошла отъ него съ недовольствомъ. Можетъ быть, во время перехода въ губернскую управу при поддержкѣ правыхъ у Н. Ф. была также мысль спасти земство отъ политическаго разгрома, что и было имъ выполнено съ успѣхомъ.

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что Рихтеръ имѣлъ очень мало общаго съ тѣмъ образомъ, который въ пылу полемики и партійныхъ счетовъ, а также по мимолетному впечатлѣнію, изображали нѣкоторые органы печати. На общеземскомъ съѣздѣ мнѣ пришлось отъ многихъ слышать выраженіе самаго искренняго удивленія, что Рихтеръ совсѣмъ не такой, какимъ они себѣ его представляли.

Это чувство удивленія переживалъ и я, какъ и многіе другіе служащіе, при поступленіи на службу въ губернское земство и при болѣе близкомъ ознакомленіи съ личностью его предсѣдателя.

Сорокъ лѣтъ проработалъ Рихтеръ на пользу московскаго земства—то въ качествѣ гласнаго, то члена управъ уѣздной и губернской, то въ качествѣ предсѣдателя уѣздной и, наконецъ, губернской управы—и до самой смерти своей не утратилъ самой живой любви и самаго горячаго интереса къ земскому дѣлу. Насколько Н. Ф. всегда думалъ прежде всего о своемъ любимомъ дѣлѣ, показываетъ слѣдующій любопытный случай. Лѣтомъ 1911 г. на Н. Ф. было произведено въ лѣсу по дорогѣ на дачу нападеніе, причемъ грабители держали надъ головой у него и его дочери револьверы. Когда грабители, забравъ кошельки и портфель, побѣжали въ лѣсъ, Н. Ф. прежде всего вспомнилъ о земскихъ докладахъ, которые были въ портфелѣ, и сталъ кричать убѣгавшимъ: „отдайте назадъ доклады! на что они вамъ?“

Въ теченіе сорока лѣтъ интересъ его и работа не падали, а возрастали. Многіе ли въ Россіи способны на такое не отвлеченное, а реальное служеніе, на такое посвященіе всей долгой жизни одному дѣлу, одной идеѣ?

А. Обуховъ.

Жуковъ, Илья Григорьевичъ (род. въ 1830 г., † въ сентябрѣ 1911 г.), одинъ изъ послѣднихъ дѣятелей революціоннаго движенія 60-хъ годовъ. Бывшій военный, примыкалъ къ „Землѣ и Волѣ“, за что былъ сосланъ на 10 лѣтъ въ каторжныя работы. Въ 1870 г. былъ выпущенъ на поселеніе, а въ 1882 г. возстановленъ въ своихъ правахъ. Въ томъ же году поступилъ секретаремъ царицынской земской управы, а съ 1898 г. завѣдывалъ земской публичной библіотекой, основанной по его же иниціативѣ.

Ермолаевъ, Константинъ Сергѣевичъ († въ ноябрѣ 1911 г.), земскій дѣятель и бывшій мировой судья и земскій учитель. Былъ въ теченіе двухъ трехлѣтій предсѣдателемъ петровской земской управы, пока не произошло въ земской жизни поворота вправо.

Скляръ, Александръ Семеновичъ († въ ноябрѣ 1911 г. 41 г.), присяжный повѣренный, принимавшій въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ дѣятельное участіе въ сословной и общественной жизни прогрессивныхъ группъ московской адвокатуры. Широко образованный юристъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ практикомъ. Покойный много работалъ въ повременной печати: въ теченіе пяти лѣтъ въ самое тяжелое время цензурнаго гнета при Плеве велъ „Внутреннее обозрѣніе“ въ *Русской Мысли*, писалъ передовыя статьи въ *Русскомъ Словѣ* и др. газетахъ. Русская публицистика потеряла въ немъ цѣннаго и преданнаго работника.

Горбацевичъ, Эрастъ Фелиціановичъ († въ ноябрѣ 1911 г.), бывшій окружной военно-медицинскій инспекторъ. Во время войны съ Японіей былъ полевымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ манчжурской арміи.

Кентманъ, Е. И. († въ октябрѣ 35 лѣтъ), преподаватель химіи. Занимался изслѣдованіемъ распада бѣлковыхъ веществъ.

Ревуцкій, Петръ Дмитріевичъ († въ ноябрѣ 1911 г.), общественный и земскій дѣятель Херсонской губерніи. Много поработалъ для распространенія грамотности и сельскохозяйственныхъ знаній.

Бобровъ, Павелъ Павловичъ († въ декабрѣ 1911 г. 55 лѣтъ), извѣстный шахматистъ, организаторъ первыхъ всероссійскихъ шахматныхъ турниpовъ. Издавалъ журналъ *Шахматное Обозрѣніе* и велъ шахматный отдѣлъ во многихъ московскихъ газетахъ и журналахъ.

Златовратскій, Николай Николаевичъ († въ декабрѣ 1911 г. 66 лѣтъ), писатель, почетный академикъ, представитель народническаго направленія въ беллетристикѣ, начавшій свою литературную карьеру въ эпоху увлеченія народомъ въ семидесятыхъ годахъ. Его разсказъ „Крестьяне-присяжные“ появился въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ 1874 г. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этого журнала, и тамъ были напечатаны его главныя произведенія: „Устои“, „Деревенскія будни“ и др. Сотрудничалъ также и въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, а два года назадъ въ *Вѣстникѣ Европы* были напечатаны его воспоминанія, вышедшія потомъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Какъ это было“. Къ характеристикѣ Златовратскаго нашъ журналъ еще вернется.

Ковальчикъ, Янъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г. 78 лѣтъ), извѣстный астрономъ, директоръ обсерваторіи въ Варшавѣ. Онъ былъ членомъ-корреспондентомъ краковской академіи наукъ.

Шафгаузенъ-Шенбергъ-Экъ-Шауфусъ, Николай Константиновичъ (род. въ 1846 г., † въ ноябрѣ 1911 г.), бывшій министръ путей сообщенія, членъ Государственнаго Совѣта, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и въ николаевской инженерной академіи. Постъ министра путей сообщенія занималъ съ 1906 г. по 1909 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ примыкалъ къ группѣ правыхъ. Былъ также членомъ финансовой комиссіи.

Полуэктовъ, Иванъ Григорьевичъ († въ ноябрѣ 1911 г.), земскій и общественный дѣятель, членъ смоленской губернской земской управы. Принадлежалъ къ умѣреннымъ конституціоналистамъ и на выборахъ въ Государственную Думу выступалъ какъ членъ партіи „мирнаго обновленія". Участвовалъ также въ земскихъ съѣздахъ 1904—1905 года.

Бекетовъ, Николай Николаевичъ (род. въ 1826 г., † въ декабрѣ 1911 г.), выдающійся русскій химикъ, академикъ и профессоръ. Главныя его работы относятся къ физической химіи и въ особенности къ области термохиміи. Въ 1887 г. былъ приглашенъ преподавать химію наслѣднику цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору. Въ 1899 г. во время студенческихъ волненій принималъ участіе въ разслѣдованіи ихъ причинъ, и по его ходатайству была назначена для этого спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Ванновскаго.

Рихтеръ, Николай Ѳедоровичъ († въ декабрѣ 1911 г. 67 лѣтъ), предсѣдатель московской губернской земской управы, воспитанникъ московскаго университета. Въ теченіе сорока лѣтъ безпрерывно работалъ въ земствѣ. Предсѣдателемъ губернской управы былъ избранъ въ 1907 году и состоялъ въ ней до самой смерти. Ср. выше замѣтку А. М. Обухова.

Цвѣткова, Елизавета Ивановна († въ декабрѣ 1911 г.), одна изъ старѣйшихъ попечительницъ городскихъ начальныхъ училищъ города Москвы. Въ 1889 г. она устроила первую частную воскресную школу для взрослыхъ работницъ, которая существуетъ и понынѣ. Участвовала также и въ составленіи извѣстнаго сборника „Что читать народу".

Смирновъ, Семенъ Алексѣевичъ († въ ноябрѣ 1911 г.), врачъ, учредитель русскаго бальнеологическаго общества на Кавказѣ и организаторъ химической лабораторіи въ Пятигорскѣ.

Блюменталь-Тамаринъ, Александръ Эдуардовичъ (род. въ 1859 г., † въ декабрѣ 1911 г.), опереточный артистъ и антрепренеръ. Началъ свою карьеру въ драматической труппѣ Александринскаго театра въ 1876 г. Игралъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Боголѣповъ, Иванъ Павловичъ (род. въ 1851 г., † въ декабрѣ 1911 г.), выдающійся земскій статистикъ, сынъ священника, былъ земскимъ учителемъ, а потомъ служилъ въ статистическомъ отдѣленіи московскаго земства, въ изданіяхъ котораго помѣщенъ цѣлый рядъ его трудовъ.

Максимовъ, Василій Максимовичъ (род. въ 1844 г., † въ ноябрѣ 1911 г.), выдающійся русскій художникъ, крестьянинъ по происхожденію, учился въ академіи художествъ, былъ членомъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Большая часть его работъ посвящена воспроизведенію народнаго быта его времени и въ его картинахъ отразилось народническое направленіе семидесятыхъ годовъ.

Черненкова, Вѣра Николаевна († въ ноябрѣ 1911 г.), женщина-врачъ, работала на поприщѣ общественной медицинской дѣятельности въ Казани и Москвѣ.

Топинаръ, Поль († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 81 года), извѣстный французскій ученый, антропологъ. Первоначально занимался медициной, затѣмъ началъ изучать антропологію подъ руководствомъ знаменитаго Брока. Первыя его работы по антропологіи появились въ 60-хъ годахъ; его „Антропологія" переведена на русскій языкъ. Былъ секретаремъ парижскаго антропологическаго общества и редактировалъ журналъ *Revue d'Anthropologie*.

Ланнелонгъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 71 г.), выдающійся французскій хирургъ, занимавшій каѳедру патологіи въ парижскомъ медицинскомъ факультетѣ. Сдѣлалъ множество чрезвычайно важныхъ научныхъ работъ и

участвовалъ почти во всѣхъ международныхъ медицинскихъ конгрессахъ, между прочимъ и въ Московскомъ конгрессѣ 1897 года.

Пеховскій, Войцѣхъ (род. въ 1846 г., † въ ноябрѣ 1911 г.), извѣстный польскій художникъ. Учился въ Мюнхенѣ, въ академіи художествъ. Получилъ золотую медаль на всемірной выставкѣ въ Чикаго за свою картину „Путь и жизнь наша".

Мюллнеръ, Лауренцъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 63 лѣтъ), профессоръ вѣнскаго университета по каѳедрѣ философіи и эстетики. Въ 1894 г. былъ избранъ ректоромъ. Занимался преимущественно изученіемъ итальянскаго искусства и поэзіи.

Ротшильдъ, Густавъ, баронъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 83 лѣтъ), второй сынъ основателя французской линіи Ротшильдовъ, стоялъ, вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, во главѣ парижской фирмы.

Штёръ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 62 лѣтъ), профессоръ анатоміи и гистологіи въ Вюрцбургѣ. Главныя его ученыя работы относятся къ области гистологіи и развитія органовъ. Для компендіума Фика по физіологіи онъ написалъ главу „Исторія развитія". Его учебникъ по гистологіи переведенъ на англійскій, французскій, итальянскій, русскій и японскій языки.

Пичъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 64 лѣтъ), чешскій ученый, профессоръ австрійской и славянской исторіи въ чешскомъ университетѣ, въ Прагѣ. Его имя пользовалось большимъ уваженіемъ въ академическихъ кружкахъ Австріи, какъ историка и археолога. Окончилъ жизнь самоубійствомъ вслѣдствіе научной полемики и отрицанія подлинности одного стариннаго манускрипта не только австрійскими, но и французскими, итальянскими и бельгійскими учеными, тогда какъ Пичъ доказывалъ обратное. Пичъ былъ директоромъ археологическаго отдѣленія чешскаго музея и членомъ чешской академіи наукъ.

Калеръ, Евгеній († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 29 лѣтъ), чешскій художникъ. Учился въ Мюнхенѣ, у Франца Штука, но вслѣдствіе слабаго здоровья долженъ былъ уѣхать въ теплыя страны и долго блуждалъ по Египту, Марокко и Тунису. Выставленныя имъ картины Востока сразу обратили на себя вниманіе и выдвинули молодого художника въ первые ряды.

Грэгемъ, Вилльямъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г.), профессоръ политической экономіи и юриспруденціи въ Дублинѣ, ирландецъ. Изъ его сочиненій особенно обратило на себя вниманіе и возбудило много толковъ въ Англіи „The Creed of Science", вслѣдствіе развиваемыхъ авторомъ взглядовъ, находящихся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ортодоксальными кругами Англіи. Кромѣ этой книги онъ издалъ еще много научныхъ работъ, получившихъ широкое распространеніе, какъ, наприм., „Socialism new and old" (переведено на русскій языкъ), „English Political Philosophy from Hobbes to Maine" и „Free Trade and the Empire".

Люблинеръ, Гуго († въ декабрѣ н. ст., 66 лѣтъ), нѣмецкій драматургъ, начавшій писать въ началѣ семидесятыхъ годовъ комедіи подъ псевдонимомъ „Гуго Бюргеръ". Особенный успѣхъ имѣла его комедія „Die Frau ohne Geist".

Пичъ, Людвигъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 88 лѣтъ), нѣмецкій журналистъ, художественный критикъ и иллюстраторъ. Съ семнадцатилѣтняго возраста пробивался въ Берлинѣ въ качествѣ рисовальщика и иллюстратора. Въ мартѣ 1848 г. былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость Шпандау. Съ 1858 г. сдѣлался журналистомъ и съ 1864 г. до самой смерти былъ сотрудникомъ *Vossische Zeitung*, гдѣ писалъ художественную критику. Въ качествѣ корреспондента этой газеты былъ на войнѣ съ Австріей и Франціей, объѣздилъ много странъ, былъ на коронаціи въ Россіи и на открытіи Суэзскаго канала. Былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Тургенева. Къ почитателямъ Пича принад-

лежитъ и нынѣшній германскій императоръ, наградившій его титуломъ профессора.

Іенеке, Максъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 42 лѣтъ), издатель газеты *Ганноверскій Курьеръ*, глава крупной издательской фирмы и предсѣдатель союза нѣмецкихъ издателей. Принадлежалъ въ политическомъ отношеніи къ лѣвому крылу національ-либераловъ. Былъ членомъ рейхстага съ 1903 по 1904 г. и членомъ палаты депутатовъ съ 1903 по 1908 г. Съ тѣхъ поръ не выставлялъ своей кандидатуры.

Гедекингъ, Генрихъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 73 лѣтъ), выдающійся нѣмецкій архитекторъ.

Видманнъ, Іозефъ Викторъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 69 лѣтъ), швейцарскій журналистъ, бывшій редакторъ бернской газеты *Der Bund*, драматургъ, новеллистъ. Онъ выбиралъ для своихъ драмъ преимущественно классическіе сюжеты или проблемы новѣйшей исторіи, а также сказки и легенды. Писалъ въ стихахъ и прозѣ, и публицистическія статьи. Изъ его драматическихъ произведеній особенный успѣхъ имѣла драма „Jenseits von Gut und Böse“ изъ временъ Ренессанса. Его „Maikäferkomödie“—драматическое произведеніе, въ которомъ онъ высказываетъ въ превосходной формѣ много глубокихъ мыслей.

Гилльс, Альфредъ Петеръ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 54 лѣтъ), англійскій врачъ, членъ парламента. Нѣсколько лѣтъ практиковалъ въ Южной Африкѣ, въ Капской области и въ Трансваалѣ. Писалъ также статьи для Британской энциклопедіи и издалъ нѣсколько книгъ, посвященныхъ вопросамъ южноафриканской политики.

Шилль, Адольфъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 63 лѣтъ), художникъ и архитекторъ, профессоръ академіи художествъ въ Дюссельдорфѣ. По его проекту построены новый мостъ черезъ Рейнъ и зданія для выставки 1902—1904 гг. въ Дюссельдорфѣ, а также актовый залъ въ академіи художествъ.

Бигелоу, Джонъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 94 лѣтъ), американскій писатель, журналистъ и дипломатъ. Издавалъ въ 1850—61 гг. политическую газету *New York Evening Post;* затѣмъ поступилъ на дипломатическую службу, былъ посланникомъ въ Парижѣ и по возвращеніи на родину былъ назначенъ членомъ комиссіи, изслѣдовавшей условія жизни заключенныхъ въ нью-іоркской тюрьмѣ Сингъ-Сингъ. Въ 1905 г. онъ очень старался отговорить президента Рузвельта отъ посредничества между Россіей и Японіей. Недавно онъ издалъ свои воспоминанія подъ названіемъ: „The Retrospections of an Active Life“.

Штейнбахъ, Густавъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 64 лѣтъ), редакторъ газеты *Neue Freie Presse*, докторъ правъ. Написалъ монографію о Франсѣ Деакѣ и о венгерской конституціи. Цѣлый рядъ его историческихъ и юридическихъ статей вышли отдѣльными книгами, между прочимъ и его статьи по исторіи развитія австрійскихъ законовъ о печати.

Ф.-Рихтеръ, Отто Доннеръ († въ ноябрѣ н. ст., 84 лѣтъ), выдающійся историческій живописецъ, профессоръ, уроженецъ Франкфурта. Изъ его историческихъ картинъ особенно извѣстна „Подписаніе франкфуртскаго мира“. Его помпейскія картины находятся въ страсбургскомъ университетѣ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ своими статьями о техникѣ античнаго искусства и объ античныхъ вывѣскахъ.

Брукъ, Феликсъ Фридрихъ († въ ноябрѣ н. ст., 68 лѣтъ), профессоръ уголовнаго права и уголовнаго процесса въ Бреславлѣ. Въ своихъ научныхъ трудахъ онъ посвящалъ много вниманія вопросу о свободѣ воли и уголовной отвѣтственности. Въ 1894 г. онъ написалъ статью „Долой тюрьмы!“, въ которой горячо осуждалъ карательную систему лишенія свободы и предлагалъ замѣнить ее ссылкой въ колоніи. Интересовался также искусствами и напи-

салъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, ставившихся въ бреславльскомъ театрѣ.

Фаленъ, Іоганнесъ (род. въ 1830 г., † въ декабрѣ н. ст. 1911 г.), профессоръ берлинскаго университета и членъ академіи наукъ, старѣйшій изъ германскихъ филологовъ, знаменитый латинистъ, извѣстный своими трудами по классической древности и литературѣ.

Дернбургъ, Фридрихъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 78 лѣтъ), одинъ изъ ветерановъ берлинской публицистики. Національ-либералъ. Въ 1871 г. былъ выбранъ въ рейхстагъ и оставался тамъ въ теченіе десяти лѣтъ, но въ 1887 г. на выборахъ былъ побѣжденъ Либкнехтомъ. Въ 1885 г. сдѣлался редакторомъ *National Zeitung*. Писалъ также повѣсти и романы. Былъ въ Россіи и опубликовалъ свои русскія впечатлѣнія.

Руге, Гансъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 45 лѣтъ), профессоръ, спеціалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ и бальнеологіи. Масса его научныхъ работъ помѣщалась въ Архивѣ Вирхова и въ берлинской клинической газетѣ.

Герцогъ, Эрнстъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 77 лѣтъ), нѣмецкій ученый, профессоръ классической филологіи. Первая его ученая работа, написанная на латинскомъ языкѣ, появилась въ 1864 г. и была удостоена первой награды парижской академіей надписей. Изъ множества ученыхъ трудовъ, оставленныхъ имъ, особенною извѣстностью пользуются „Untersuchungen über die Bildungsgeschichte der griechischen und lateinischen Sprache“ и двухтомное сочиненіе: „Geschichte und System der römischen Staatsverfassung“, которое, несмотря на конкуренцію классическаго труда Моммсена, рядомъ съ нимъ сохраняется. Въ послѣднее время сосредоточился на изслѣдованіи римскаго „рубежа“ (Limes).

Бёмъ, Адольфъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г.), талантливый нѣмецкій композиторъ. Въ берлинской филармоніи, въ концертѣ вагнеровскаго союза было исполнено его произведеніе: „Гашишъ, фантастически-симфоническая мечта“, а также его романсы. Кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Рандеггеръ, Альберто († въ декабрѣ 1911 г.), композиторъ. Кромѣ многочисленной церковной музыки, написалъ два балета, оперу-буффъ „Il Lazerone“ и нѣсколько оперъ. Съ 1854 г. жилъ въ Лондонѣ, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность какъ дирижеръ и учитель пѣнія.

Гукеръ, Джозефъ (въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 95 лѣтъ), извѣстный англійскій ботаникъ, бывшій президентъ королевскаго общества, близкій другъ Дарвина, много помогавшій ему въ его трудахъ. Онъ объѣздилъ антарктическія страны, Австралію, Новую Зеландію, Индію и Марокко съ цѣлью изученія туземной флоры, и разработалъ теорію распредѣленія растеній на земномъ шарѣ.

Келльнеръ, Оскаръ (род. въ 1851 г., † въ сентябрѣ н. ст. 1911 г.), профессоръ, директоръ сельскохозяйственной опытной станціи въ Мёкернѣ (у Лейпцига). Былъ приглашенъ профессоромъ въ университетъ Токіо. Въ 1892 году вернулся изъ Японіи, чтобы стать во главѣ опытной станціи, гдѣ произвелъ много научныхъ экспериментовъ, въ особенности надъ питаніемъ сельскохозяйственныхъ животныхъ. Изъ его сочиненій большимъ распространеніемъ пользуется его учебникъ „Основы ученія о питаніи“ и „Физіологическія изслѣдованія питанія животныхъ и растеній“.

Жеро-Ришаръ (въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 51-го года), депутатъ французской палаты, соціалистъ, пользовавшійся извѣстностью особенно въ 90-хъ годахъ, когда онъ игралъ выдающуюся роль въ соціалистической печати. За свои рѣзкія нападки на президента республики Казиміра Перье онъ былъ приговоренъ въ 1894 году къ тюремному заключенію. Онъ принадлежалъ къ фракціи независимыхъ соціалистовъ.

Боунесъ, Елизавета († въ декабрѣ н. ст. 1911 г.), нѣмецкая писательница,

писавшая подъ псевдонимомъ „Рутъ Бре“, извѣстная своею пропагандой идеи защиты материнства. Ея агитація заставила отмѣнить смертный приговоръ, произнесенный въ Глацѣ по дѣлу о дѣтоубійствѣ.

Конратъ (иначе Конъ), Максъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 63-хъ лѣтъ), историкъ права, членъ академіи наукъ въ Амстердамѣ и профессоръ тамошняго университета. Въ 1907 году оставилъ каѳедру и переселился въ Гейдельбергъ. Первоклассный спеціалистъ по исторіи римскаго права въ средніе вѣка. Въ этой области особенно извѣстна его „Geschichte der Quellen und Litteratur des römischen Rechts in früheren Mittelalter“. Общій интересъ представляетъ его работа: „Die Christenverfolgungen im römischen Reich von Standpunkt des Juristen“.

Земперъ, Эманюэль († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 63-хъ лѣтъ), нѣмецкій художникъ, профессоръ и скульпторъ. Считался выдающимся портретистомъ.

Цимъ, Франсуа-Филиберъ († въ ноябрѣ н. ст., 91 года), извѣстный художникъ, произведенія котораго разсѣяны по всѣмъ картиннымъ галлереямъ Европы и Америки.

Клапаредъ, Артуръ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 59 лѣтъ), извѣстный швейцарскій географъ и историкъ, по профессіи юристъ, занимавшій постъ швейцарскаго посланника въ Вѣнѣ. Впослѣдствіи онъ исключительно посвятилъ себя географической наукѣ и былъ первымъ въ Европѣ, опубликовавшимъ очень подробное изслѣдованіе Японіи. Въ 1891 г. онъ былъ избранъ президентомъ знаменитаго женевскаго географическаго общества.

Гадвигеръ, Викторъ († въ октябрѣ н. ст. 1911 г., 32 лѣтъ), нѣмецкій писатель, журналистъ, бывшій сотрудникъ *Vossische Zeitung*. Его послѣдній романъ „Абрагамъ Абтъ“ скоро выйдетъ изъ печати.

Френкель, Бернгардъ († въ ноябрѣ н. ст. 1911 г., 75 лѣтъ), профессоръ берлинскаго университета, выдающійся ларингологъ. Онъ ввелъ новые методы лѣченія горловыхъ и носовыхъ болѣзней и изобрѣлъ множество инструментовъ, которыми пользуются всѣ врачи, спеціалисты по этимъ болѣзнямъ. Число его научныхъ трудовъ очень велико.

Дѣбнеръ, Рихардъ († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 60-ти лѣтъ). Бывшій директоръ государственнаго архива въ Ганноверѣ, стяжавшій извѣстность какъ историкъ и изслѣдователь своими работами по исторіи Ганновера.

Викенбургъ, Альбрехтъ, графъ († въ декабрѣ н. ст., 73 лѣтъ), австрійскій поэтъ и переводчикъ Шелли, Свинберна и Теннисона. Онъ обработалъ для сцены старинный французскій фарсъ „Maître Pathelin“.

Клазенъ-Шмидъ, Матильда († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 77 лѣтъ), писательница. Основала лейпцигскій союзъ писательницъ и была въ теченіе многихъ лѣтъ его предсѣдательницей.

Христичъ, Никола († въ декабрѣ н. ст. 1911 г., 92-хъ лѣтъ). Одинъ изъ старѣйшихъ сербскихъ государственныхъ дѣятелей, другъ и приверженецъ короля Милана, бывшій его секретаремъ, а потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ министромъ. Въ Сербіи онъ былъ очень нелюбимъ, такъ какъ всегда былъ сторонникомъ и даже иниціаторомъ антиконституціонныхъ мѣропріятій. Онъ былъ лидеромъ немногочисленной, но могущественной консервативной партіи. Въ бытность свою первымъ министромъ Христичъ ознаменовалъ свое правленіе безпримѣрными эксцессами власти и нарушеніями законовъ. Въ февралѣ 1884 г. Христичъ сталъ во главѣ сербскаго національнаго банка. По совѣту Милана король Александръ назначилъ его послѣ государственнаго переворота (т.-е. послѣ отмѣны конституціи 1889 г.) сначала предсѣдателемъ государственнаго совѣта, а затѣмъ—первымъ министромъ. Съ воцареніемъ Карагеоргіевичей его политическая карьера закончилась.

Каваками († въ декабрѣ н. ст. 1911 г.), извѣстный японскій актеръ. Онъ поступилъ на сцену 24-хъ лѣтъ и скоро сдѣлался реформаторомъ японскаго драматическаго искусства, отказавшись отъ старыхъ традицій и начавъ ставить на японской сценѣ современныя европейскія драмы, но съ сохраненіемъ японскихъ костюмовъ. Онъ основалъ въ Токіо современную школу драматическаго искусства и тамъ образовалъ небольшую группу молодыхъ актеровъ для постановки Шекспира. Помощницей въ его работѣ была его жена, бывшая гейша, талантливая артистка Сада Якко, съ которой онъ совершилъ артистическія поѣздки по Европѣ и Америкѣ. Онъ былъ съ нею также и въ Россіи. Послѣ войны съ Россіей, вернувшись изъ своего второго турне, Каваками построилъ свой собственный театръ въ Осакѣ. Онъ былъ кромѣ того писателемъ и переводчикомъ драматическихъ произведеній.

Отъ Музыкально-Историчеекаго Общеества

имени графа А. Д. Шереметева.

Въ сонмѣ великихъ сыновъ великой Россіи **Петръ Ильичъ Чайковскій** занимаетъ исключительное мѣсто. Ему былъ данъ въ удѣлъ дивный даръ звуками говорить отъ сердца къ сердцу и нѣтъ въ мірѣ мѣрила, способнаго измѣрить и оцѣнить ту богатую сокровищницу высокихъ наслажденій, которыя доставляютъ намъ звуки его музы.

Народъ, среди котораго созрѣлъ и расцвѣлъ геній Чайковскаго, не можетъ не гордиться имъ и не чтить съ благодарностью память его, какъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ,—ибо только умѣнье чтить память своихъ великихъ людей дѣлаетъ народъ достойнымъ названія великаго.

Вотъ почему Музыкально-Историческое Общество имени графа А. Д. Шереметева, открывая съ Высочайшаго на то соизволенія Всероссійскую подписку на постановку отъ лица всей русской земли въ С.-Петербургѣ памятника П. И. Чайковскому, твердо увѣрено, что тѣ милліоны русскихъ сердецъ, которыхъ звуки генія Чайковскаго заставляли и продолжаютъ заставлять горѣть, радостно откликнутся на настоящій призывъ; каждый принесетъ свою посильную лепту на памятникъ тому, кто оставилъ намъ неизсякаемое сокровище рѣдкихъ наслажденій и прославилъ русское музыкальное искусство далеко за предѣлами нашей родины.

Пожертвованія принимаются: 1) Въ канцеляріи Почетнаго Предсѣдателя Общества гр. А. Д. Шереметева—Спб., Шпалерная ул., д. № 18. 2) Во всѣхъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка. 3) Во всѣхъ Казначействахъ. 4) Во всѣхъ Сберегательныхъ кассахъ. 5) Во всѣхъ Почтово-телеграфныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ и въ конторахъ газетъ и журналовъ. Жертвователямъ выдаются особо установленныя квитанціи, а имена лицъ, приславшихъ пожертвованія непосредственно въ канцелярію гр. А. Д. Шереметева своевременно публикуются въ „Бюллетеняхъ“ Муз.-Ист. О-ва имени послѣдняго и въ распространеннѣйшихъ газетахъ Россійской Имперіи.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь 1912 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Исторія литературы. — Философія. — Исторія. — Правовѣдѣніе. — Публицистика. — Политическая экономія. — Народное образованіе и педагогика. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе декабря 1911 г.**

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Полное собраніе сочиненій *И. В. Кирѣевскаго* въ двухъ томахъ.—*А. А. Кондратьевъ.* Гр. А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества.—Изъ родной литературы послѣгоголевскаго періода.

Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго въ двухъ томахъ. Подъ ред. М. Гершензона. М., 1911 г. Т. I. Стр. V + 287. Т. II. Стр. 300 + II. Цѣна 4 рубля.

Первое изданіе сочиненій Кирѣевскаго, изданное также въ двухъ томахъ А. И. Кошелевымъ въ 1861 г., подъ ред. братьевъ Кирѣевскаго по матери, В. А. и Н. А. Елагиныхъ, давно составляетъ библіографическую рѣдкость (въ каталогахъ букинистовъ цѣна его обозначалась въ 10 руб.).

Новое, весьма изящное изданіе въ общемъ, какъ признаетъ самъ редакторъ, воспроизводитъ текстъ перваго, отличаясь отъ него: 1) тѣмъ, что въ немногихъ мѣстахъ возстановлены цензурные пропуски; 2) тѣмъ, что *добавлены:* статья о Баратынскомъ, стихотворенія и нѣкоторыя письма Кирѣевскаго; 3) тѣмъ, что исключены вошедшія въ I изд. выдержки изъ автобіографіи Стеффенса, переведенныя въ 1844 г. матерью Кирѣевскаго А. П. Елагиной для „Москвитянина“; наконецъ 4) тѣмъ, что текстъ, напечатанный въ 1-мъ изданіи въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, теперь раздѣленъ на 3 отдѣла: философскій, литературно-критическій и беллетристическій; письма же составляютъ собственно четвертый отдѣлъ (въ 75 стр.), напечатанный вслѣдъ за беллетристикой во II томѣ. На неудобство такого распредѣленія текста въ печати уже было указано. Но г. Гершензонъ защищалъ его (въ отвѣтѣ своемъ П. Н. Сакулину въ „Русск. Вѣд.“), указывая на то, что въ каждомъ отдѣлѣ имъ соблюденъ хронологическій порядокъ и что подъ каждой статьей напечатанъ годъ ея написанія или появленія въ печати. Признавая съ своей стороны несомнѣнныя преимущества хронологическаго расположенія матеріала въ полныхъ собраніяхъ сочиненій писателей, я полагаю, что въ данномъ случаѣ порядокъ этотъ уже потому былъ особенно необходимъ,

что распредѣленіе статей между двумя первыми отдѣлами, принятыми г. Гершензономъ, сдѣлано имъ довольно произвольно и по признакамъ, далеко не безспорнымъ.

Въ предисловіи г. Гершензонъ ссылается на главу о Кирѣевскомъ въ своей книгѣ „Историческія записки“. Тамъ онъ анализируетъ ученіе Кирѣевскаго и сводитъ его къ одному основному пункту—къ стремленію „собрать всѣ отдѣльныя части души въ одну силу“ и жить не разумомъ, но всѣми совокупными силами духа, а затѣмъ указываетъ тѣ предвзятыя пристрастія Кирѣевскаго (къ православію и къ отечеству), которыя сбили его съ пути, какъ только онъ попытался приложить основную свою мысль къ исторіи народовъ. Но все, что г. Гершензонъ говоритъ объ этомъ, относится, въ сущности, ко второму періоду жизни и дѣятельности Кирѣевскаго (послѣ закрытія „Европейца“ и въ особенности послѣ женитьбы).

Въ примѣчаніяхъ къ I тому г. Гершензонъ сообщаетъ чрезвычайно важный для біографіи Кирѣевскаго и пониманія исторіи его мышленія документъ, подъ названіемъ „Исторія обращенія Ивана Васильевича“. Самъ онъ, повидимому, не придаетъ этой своей находкѣ той важности, которую она, какъ мнѣ кажется, имѣетъ. Этотъ документъ хорошо объясняетъ тотъ переворотъ, какой произошелъ во взглядахъ Кирѣевскаго послѣ его женитьбы,—переворотъ, который нетрудно замѣтить и изъ сличенія его статей, писанныхъ до 1834 года, съ писанными послѣ того, напримѣръ, знаменитой статьи „XIX вѣкъ“ (1832) и „Въ отвѣтъ А. С. Хомякову“ (1838). Въ первой изъ нихъ Кирѣевскій является врагомъ націонализма, въ сущности единомышленникомъ Чаадаева (хотя впослѣдствіи и отрекся отъ написаннаго Чаадаевымъ отъ имени редакціи „Европейца“ письма Бенкендорфу) и *прямымъ предшественникомъ Бѣлинскаго;* а въ отвѣтѣ Хомякову содержатся уже всѣ элементы позднѣйшаго славянофильскаго ученія. Распредѣленіемъ отдѣльныхъ статей Кирѣевскаго по отдѣламъ, по-моему, безъ нужды затемняется этотъ ходъ его развитія.

Нельзя не пожалѣть также, что г. Гершензонъ не далъ болѣе новой біографіи Кирѣевскаго и поскупился на включеніе въ свое изданіе новыхъ біографическихъ матеріаловъ. Въ противность его мнѣнію (изложенному въ отвѣтѣ г. Сакулину) я, между прочимъ, думаю, что письмо къ Бенкендорфу, написанное отъ имени Кирѣевскаго — и, конечно, не безъ его согласія—Чаадаевымъ, необходимо было привести въ этомъ изданіи. Г. Гершензонъ, правда, объяснялъ, что не включилъ различныхъ біографическихъ матеріаловъ, полагая, что такіе матеріалы нужны только для спеціалистовъ, а онъ хотѣлъ дать изданіе популярное. Но если такъ, то не лучше ли было бы соединить оба изданные (въ количествѣ 1500 экземпляровъ) тома (всего менѣе 600 стр.) въ одинъ, напечатанный въ два столбца, включить въ него всѣ желательные матеріалы и, давъ изданію болѣе скромный видъ, удешевить значительно цѣну? Я думаю, что Кирѣевскій интересенъ довольно широкимъ кругамъ читателей, и, при болѣе дешевой цѣнѣ, всякая библіотека сочла бы необходимымъ его выписать. Спеціалисты же и любители русской литературы, конечно, могутъ быть благодарны издателю и за то изданіе, которое дано теперь.

А. Корниловъ.

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. (Съ 3 портретами и воспроизведеніемъ автографа.) **Спб., 1912 г. Стр. 118. Ц. 1 р.**

Книга г. Кондратьева принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ, къ сожалѣнію, книгъ, въ которыхъ авторъ предоставляетъ говорить за себя фактамъ. У насъ есть много „характеристикъ“ и „оцѣнокъ“ различныхъ поэтовъ, но изъ этихъ характеристикъ и оцѣнокъ мы узнаемъ только, какъ тотъ или иной критикъ смотритъ на того или иного поэта. Напротивъ, до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ полной біографіи даже Пушкина и сколько-нибудь обстоятельныхъ очерковъ жизни такихъ выдающихся лириковъ, какъ Баратынскій, Тютчевъ, Фетъ и многіе другіе; изданія ихъ сочиненій также полны всякаго рода ошибками и крайне неполны. Конечно, характеристики творчества поэта могутъ представлять большой интересъ, но лишь въ томъ случаѣ, если за нихъ берется человѣкъ съ сильнымъ, оригинальнымъ умомъ и острымъ критическимъ взглядомъ, какимъ былъ, напр., Вл. Соловьевъ,—большинство же нашихъ критиковъ оказали бы гораздо бо̀льшую услугу родной литературѣ, если бы не гнушались „черной работой“ и вмѣсто того, чтобы давать свой „взглядъ и нѣчто“, занялись добросовѣстнымъ собираніемъ фактовъ.

Г. Кондратьевъ не написалъ біографіи гр. А. К. Толстого, но сдѣлалъ сводъ всего, что мы знаемъ о его жизни, какъ по печатнымъ даннымъ, такъ частью и по неизданнымъ матеріаламъ. Даже тотъ, кто спеціально занимался біографіей гр. А. К. Толстого, найдетъ въ этой книгѣ не мало для себя новаго и неожиданнаго. Нѣкоторые періоды жизни гр. А. К. Толстого впервые освѣщены г. Кондратьевымъ. Такъ, напримѣръ, его книга съ несомнѣнностью устанавливаетъ, что авторъ „Іоанна Дамаскина“ всю жизнь сознавалъ свое поэтическое призваніе, въ годы своей службы не прерывалъ своихъ литературныхъ отношеній и своего художественнаго творчества. Къ числу недостатковъ книги мы должны отнести не всегда достаточно критическое отношеніе ея автора къ источникамъ (напримѣръ, его излишнюю довѣрчивость къ показаніямъ „Воспоминаній“ А. Фета и мемуаровъ А. И. Кривскаго). Въ концѣ книги приложенъ рядъ стихотвореній гр. А. К. Толстого (извлеченныхъ изъ тетради, принадлежащей Е. А. Ляцкому), дающихъ много интереснѣйшихъ варіантовъ и цѣлый рядъ впервые появляющихся въ печати строфъ.

Отмѣтимъ, что авторъ ссылается на разысканія профессора лилльскаго университета г. Лиронделя: какъ извѣстно, г. Лирондель, дѣйствительно, сдѣлалъ для изученія жизни и творчества русскаго поэта едва ли не больше, чѣмъ всѣ его соотечественники, и въ настоящее время готовитъ книгу о гр. А. К. Толстомъ (на французскомъ языкѣ), изъ которой русскимъ историкамъ литературы придется многому поучиться.

Валерій Брюсовъ.

Изъ родной литературы послѣгоголевскаго періода. Изданіе 2-е., И. Д. Сытина. М. 1911 г. Стр. 956. Ц. 2 руб. Съ портретами.

Хотя эта книга выходитъ вторымъ изданіемъ, мы считаемъ не лишнимъ напомнить о ней читателямъ. Въ ней, въ общедоступной формѣ хрестоматіи, собраны образцы послѣгоголевской литературы, заключающіе въ себѣ произведенія наиболѣе замѣчательныхъ писателей шести-

десятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Хотя не разъ указывалось на то, что форма хрестоматіи, т.-е. сборника отрывковъ, во многихъ отношеніяхъ нецѣлесообразна, но въ настоящей книгѣ она не порождаетъ всѣхъ соединенныхъ съ нею неудобствъ, потому что образцы литературныхъ произведеній представленныхъ въ ней писателей взяты по возможности въ цѣльномъ видѣ, изрѣдка лишь съ немногими сокращеніями, почти не измѣняющими общаго впечатлѣнія. Правда, книга въ общемъ своемъ составѣ все-таки не даетъ вполнѣ вѣрной характеристики литературы избраннаго періода. Съ одной стороны, количество образцовъ, взятыхъ изъ произведеній избранныхъ писателей, въ особенности наиболѣе выдающихся, не соотвѣтствуетъ значенію каждаго изъ нихъ; такъ, напр., Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій представлены лишь въ очень немногихъ образцахъ. Съ другой стороны,—что еще важнѣе,—избранныя произведенія часто мало характерны для даннаго писателя. Такъ, напр., для Герцена наиболѣе характерна, конечно, не „Сорока-воровка“; даже оставаясь въ предѣлахъ исключительно беллетристики, можно было выбрать вещь болѣе типичную, напримѣръ, „Кто виноватъ“. Но составители хрестоматіи вовсе не задавались цѣлью выбирать исключительно беллетристическія произведенія: изъ Писарева, напр., взята статья „Мыслящій пролетаріатъ“, изъ Щедрина—одно изъ наиболѣе публицистическо-сатирическихъ произведеній: „О ташкентцахъ“. При такихъ условіяхъ, Герцена лучше было представить отрывками изъ „Былого и думъ“ или „Съ того берега“. Изъ многихъ авторовъ, напр., изъ Алексѣя Толстого, взяты совершенно случайныя вещи. Еще болѣе случайно то, что взято изъ Льва Толстого; напр., „Плоды просвѣщенія“ было бы лучше замѣнить такой глубокой по замыслу и по исполненію вещью, какъ „Власть тьмы“. Такихъ примѣровъ несоотвѣтствія выбранныхъ отрывковъ общему складу того или другого писателя можно набрать много. Но несмотря на то, что въ настоящей книгѣ нельзя найти точной картины русской литературы за данный періодъ, свою цѣнность эта хрестоматія все же имѣетъ, уже по одному тому, что въ ней собрано не мало интересныхъ произведеній такихъ писателей, хотя и второстепенныхъ, но въ свое время обращавшихъ на себя общее вниманіе, которые не находятъ себѣ мѣста въ обычномъ курсѣ русской литературы нашихъ учебныхъ заведеній и сочиненія которыхъ въ настоящее время почти забыты. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и заключается главное значеніе настоящей хрестоматіи.

В. Линдъ.

ФИЛОСОФІЯ.

И. И. Лапшинъ. Вселенское чувство.—*Николай Бердяевъ.* Философія свободы.—*Сергѣй Булгаковъ.* Два града.

И. И. Лапшинъ, прив.-доц. С.-Петербургскаго университета. **Вселенское чувство. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ (Серія „Свободное знаніе“). Спб. (безъ обозначенія года). Стр. 89. Цѣна 60 коп.**

Брошюра И. И. Лапшина представляетъ изъ себя статью, первоначально изданную въ видѣ приложенія къ извѣстной книгѣ автора „Законы мышленія и формы познанія“.

По глубокому убѣжденію П. И. Лапшина, всякія попытки привести въ систему и понимать буквально повторяющіяся съ большимъ однообразіемъ на всемъ протяженіи исторіи человѣческой мысли описанія мистическаго воспріятія должны кончиться полнѣйшей неудачей: всѣ представленія мистиковъ, черпаемыя ими изъ „сверхразумнаго“ познанія Бога, содержатъ по взгляду И. И. Лапшина, роковое внутреннее противорѣчіе. Наиболѣе характерной чертой мистиковъ И. И. Лапшинъ считаетъ присущее имъ стремленіе разсматривать Абсолютъ „какъ нѣчто, лежащее выше всѣхъ конечныхъ опредѣленій мысли, выше не только множественности, пространства и времени, но также и законовъ мышленія, напримѣръ, закона противорѣчія“ (стр. 25). Мистики допускаютъ сліяніе субъекта съ объектомъ, т.-е. уничтоженіе пространственныхъ и временныхъ условій нашего существованія, а пространство и время, по коренному убѣжденію И. И. Лапшина, являются логически необходимыми формами всякаго существованія. Такимъ образомъ, идеи мистиковъ, понимаемыя буквально, въ глазахъ автора „Вселенскаго чувства“ оказываются совершенной безсмыслицей. Но все же И. И. Лапшинъ полагаетъ, что подобная оцѣнка мистики была бы односторонней: въ описаніи такъ называемаго „мистическаго воспріятія“, по воззрѣнію И. И. Лапшина, мы имѣемъ неточное, аллегорическое изображеніе широко распространеннаго и весьма возвышеннаго душевнаго состоянія, которое И. И. Лапшинъ называетъ „универсальнымъ аффектомъ“ (по примѣру Дюринга) или „вселенскимъ чувствомъ“ и которое, говоря коротко, сводится будто бы къ окрашенному радостнымъ аффектомъ переживанію „высшихъ цѣнностей“ (интеллектуальныхъ, моральныхъ и эстетическихъ) и связанному съ нимъ „самозабвенію“, т.-е. мысленному, а отнюдь не реальному, какъ учатъ мистики, возвышенію надъ пространственными и временными условіями бытія испытывающаго подобный аффектъ существа. „Вселенское чувство“ по убѣжденію И. И. Лапшина, является подлинной основой всякаго философскаго паѳоса, и въ доказательство этой мысли онъ дѣлаетъ рядъ сопоставленій относящихся къ интересующему его вопросу взглядовъ, принадлежащихъ философамъ самыхъ разнообразныхъ направленій, начиная отъ такихъ мистиковъ, какъ Шеллингъ и Вл. С. Соловьевъ, и кончая столь прозаическимъ реалистомъ, какъ Авенаріусъ.

Брошюра И. И. Лапшина представляетъ значительный интересъ прежде всего удачнымъ подборомъ типическихъ тирадъ изъ произведеній очень большого числа авторовъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ на ряду съ Платономъ, Аристотелемъ и Плотиномъ даже такія имена, какъ Башкирцева и Вересаевъ. Въ высшей степени спорными являются выводы автора и вся его классификація. Утверждаемая И. И. Лапшинымъ невозможность сліянія (или даже реальнаго соединенія) съ абсолютнымъ коренится не только въ его антипатіи къ предположеніямъ метафизическаго характера, но, главнымъ образомъ, имѣетъ свое основаніе въ своеобразномъ признаніи И. И. Лапшинымъ реальной пространственной протяженности психическаго бытія,—признаніи, съ которымъ И. И. Лапшинъ стоитъ почти совсѣмъ одиноко въ философіи новаго времени (сходные взгляды можно найти развѣ что у Чольбе и Ибервега). Относительно классификаціи И. И. Лапшина надо прежде всего замѣтить, что самое противопоставленіе „мистическаго воспріятія“ „вселенскому чув-

ству“ у него очень произвольно: многія тирады, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ свою характеристику „космическаго аффекта“, по существу ровно ничѣмъ не отличаются отъ самыхъ типичныхъ разсужденій мистиковъ; таковъ, напримѣръ, приводимый на стр. 47 отрывокъ изъ произведенія психіатра Бёкке и еще нѣсколько другихъ. Вообще надо сказать, что гносеологическія воззрѣнія И. И. Лапшина помѣшали ему дать болѣе положительную оцѣнку мистики, живой интересъ и подчасъ даже сочувствіе къ которой у него какъ будто не гармонируютъ съ тѣми чисто-позитивистическими выводами, къ которымъ онъ приходитъ.

А. Огневъ.

Николай Бердяевъ. **Философія свободы. Книгоиздательство „Путь“. Москва, 1911 г. 280 стран. Ц. 2 руб.**

Основной темой книги Н. А. Бердяева является проблема познанія съ точки зрѣнія христіанства, — христіанская гносеологія сказали бы мы, если бы терминъ „гносеологія“ не имѣлъ для самого автора столь одіознаго смысла. Въ разрѣшеніи этого вопроса Бердяевъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Фр. Баадера, о преобладающемъ вліяніи котораго свидѣтельствуютъ многія мѣста книги. Эту точку зрѣнія слѣдуетъ признать по существу совершенно необычной для современной философской мысли,—противорѣчащей всѣмъ ея многовѣковымъ навыкамъ. Если современный интеллектъ съ большимъ трудомъ можетъ допустить, что философія, какъ научное знаніе, можетъ приводить къ религіи и оправдывать тѣ или иныя истины религіозной метафизики, то мысль о томъ, что не философія оправдываетъ религію, а религія философію, что не отъ разума надо исходить для постиженія высшей истины, но, обратно, интуитивное познаніе религіозной истины нисходитъ къ разуму, его оправдываетъ и дѣлаетъ своимъ орудіемъ, — эта мысль принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ не можетъ посчастливиться на философскихъ нивахъ нашего отечества. И надо признать извѣстную смѣлость въ авторѣ, рѣшившемся стать на такую точку зрѣнія, рѣшившемся призвать на скамью подсудимыхъ нынѣ всесильную гносеологію, которая, какъ онъ говоритъ, слишкомъ привыкла къ роли судьи, слѣдователя и прокурора. Въ этомъ освобожденіи отъ опеки и авторитета по существу низшихъ инстанцій человѣческаго духа и заключается то основаніе, въ силу котораго авторъ называетъ свою точку зрѣнія философіей свободы. Кромѣ смѣлости мы видимъ въ послѣднемъ философскомъ предпріятіи автора его прежній писательскій талантъ и темпераментъ. Но, къ сожалѣнію, видимъ и прежнее отсутствіе „педагогическаго“ такта. Тѣмъ, кто привыкъ думать, что солнце обходитъ вокругъ земли, нельзя противопоставлять простое утвержденіе, что земля обращается вокругъ солнца. Необходимы же и аргументы. Кто бы ни оказался въ концѣ-концовъ судьей—религіозное сознаніе или гносеологія, но право быть судьей должно быть доказываемо и притомъ нѣкоторыми общими и для той, и для другой стороны средствами. И лишь по обоснованіи этого права судья можетъ произносить краткія и выразительныя резолюціи. Но для доказательства этого права необходимо обратиться и къ помощи того „малаго“ разума, который, по взгляду Бердяева, есть лишь вторичное начало въ метафизической эволюціи человѣка. Эта метафизическая вторичность, которой въ извѣстномъ смыслѣ нельзя не

признать, нисколько не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ надежнѣйшихъ путей для того, чтобы возвратиться въ свое отечество—„большой“ разумъ. Вообще основной ошибкой Бердяева въ разсматриваемомъ сочиненіи мы считаемъ то, что онъ не уяснилъ себѣ, къ какой аудиторіи онъ обращается. Если къ „иновѣрцамъ“, то зачѣмъ же онъ отвергаетъ тотъ единственный путь, черезъ который они только и могли бы съ нимъ вступать въ общеніе, т.-е. путь чисто раціоналистической философіи; если же къ „своимъ“, то многія страницы его книги являются излишними, какъ излагающія и обосновывающія уже безъ того принятый религіозный базисъ. Наилучшими главами книги мы считаемъ посвященныя вопросу о вѣрѣ и знаніи (гл. II), разбору интуитивизма Лосскаго (гл. IV), о мистикѣ и церкви (гл. VII) и посвященное Гюисмансу приложеніе „Утонченная Ѳиваида“.

С. Аскольдовъ.

Сергѣй Булгаковъ. **Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Томы I и II. Книгоиздательство „Путь“,—Москва, 1911. Цѣна 3 руб. за оба тома (I т.—XXI + 303 стр. II т.—313 стр.).**

Статьи С. Н. Булгакова, объединенныя вышеприведеннымъ заглавіемъ, служатъ выясненію принциповъ и психологіи двухъ противоположныхъ видовъ общественности — одного построеннаго на религіи человѣкобожества и другого на религіи богочеловѣчества. Человѣчество, какъ таковое, является общимъ началомъ этихъ двухъ культуръ, двухъ строящихся градовъ, которые въ своихъ конечныхъ стадіяхъ стремятся къ противоположнымъ цѣлямъ — соединенію съ Богомъ и окончательному отпаденію отъ Него. Гуманизмъ есть та средняя область, гдѣ начала Христово и антихристово наиболѣе смѣшиваются между собою, наиболѣе легко подмѣняютъ одно другое и гдѣ является наибольшая возможность для всякаго рода обмановъ и самообмановъ. Вотъ почему изслѣдованіе гуманизма въ томъ, что его наиболѣе характеризуетъ и куда направляются его основныя силы, т.-е. въ общественности, является одной изъ важнѣйшихъ религіозныхъ задачъ современности. Этой именно задачѣ посвящаетъ большую часть своихъ работъ Булгаковъ. Въ разрѣшеніи относящихся къ этой области вопросовъ авторъ, несомнѣнно, является прямымъ послѣдователемъ и продолжателемъ Вл. Соловьева. Для него такъ же, какъ и для Соловьева, въ гуманистическихъ началахъ общественности заключается нѣкоторая правда, которая, однако, съ религіозной точки зрѣнія является лишь внѣшней правдой, нуждающейся въ проникновеніи ея религіозной истиной и волей. И на изслѣдованіе этой внутренней стороны культурно-общественныхъ явленій направляетъ авторъ главное вниманіе. Чѣмъ движимы основныя общественныя тенденціи современной и прошлыхъ культурныхъ эпохъ человѣчества, какой внутренній религіозный смыслъ скрывается въ той или иной общественной идеологіи, иногда по внѣшности какъ будто чуждой религіи, — вотъ вопросы, къ которымъ по преимуществу обращается Булгаковъ. И здѣсь имъ безспорно сдѣлано очень много. Одною изъ счастливыхъ особенностей Булгакова, какъ изслѣдователя, является способность схватывать самое характерное и давать необычайно четкую и ясную картину изслѣдуемой эпохи, настроенія или ученія. Такъ какъ къ этому присоединяется весьма обширная эрудиція автора, какъ спеціалиста по экономическимъ вопросамъ, а за послѣднее время и въ

области исторіи христіанства, то его очерки представляютъ двоякую цѣнность: и какъ чисто объективное изслѣдованіе, и какъ своего рода религіозное водительство въ запутанномъ лабиринтѣ общественныхъ идей и стремленій. Въ первомъ отношеніи особое значеніе представляетъ статья „О первохристіанствѣ“, дающая чрезвычайно всестороннюю и мѣткую характеристику внутренней жизни первохристіанства. При легкости смѣшать многія черты первохристіанства съ нѣкоторыми тенденціями современности изслѣдованіе Булгакова о томъ, „что было и чего не было“ въ первохристіанствѣ, является очень нужнымъ и своевременнымъ. Но въ этой же статьѣ намѣчается рѣшеніе и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, тревожащихъ современное религіозное сознаніе, напр., вопроса объ аскетизмѣ, объ отношеніи христіанства къ соціализму. Статьей по преимуществу руководящей въ религіозно-общественномъ смыслѣ мы считаемъ перепечатанную изъ „Вѣхъ“—„Героизмъ и подвижничество“. Въ ней есть много горькой правды по адресу русской интеллигенціи и притомъ правды, до сихъ поръ еще не признанной и не живущей въ общемъ сознаніи.

С. Аскольдовъ.

ИСТОРІЯ.

П. Г. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи.—*Ю. Кулаковскій.* Исторія Византіи. Т. I и II.—*О. Пирлингъ.* Димитрій Самозванецъ.—*L. Collas et E. Driault.* Histoire de l'Empire ottoman jusqu'à la révolution de 1909.

П. Г. Виноградовъ. **Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб., 1911 г. Стр. 360. Цѣна не обозначена.**

Въ 1905 г. подъ заглавіемъ *Growth of the manor* появилась въ Лондонѣ книга одного оксфордскаго профессора. Но имя его, P. Vinogradoff, было русское имя, и среди его ученыхъ титуловъ былъ русскій титулъ—„бывшій профессоръ московскаго университета“. Въ 1908 г. авторъ книги, четверть вѣка (1877—1902 г.) славно послужившій московскому университету, вернулся въ дорогую ему Москву и снова сталъ тамъ „ординарнымъ профессоромъ“, хотя сохранилъ за собою каѳедру въ Оксфордѣ. Въ 1911 г. подъ заглавіемъ „*Средневѣковое помѣстье въ Англіи*“ книга *Growth of the manor* вышла въ русскомъ переводѣ съ нѣкоторыми, впрочемъ, немногочисленными, измѣненіями и дополненіями. На обложкѣ перевода не перечислены ученые титулы автора, сильно умножившіеся за шесть лѣтъ и сразу указывающіе на чрезвычайно почетное положеніе автора въ западно-европейскомъ и американскомъ ученомъ мірѣ. Но если бы титулы перечислялись, мы снова прочли бы „бывшій профессоръ московскаго университета“.—Книга *Growth of the manor* есть одна изъ четырехъ книгъ, написанныхъ П. Г. Виноградовымъ по-англійски. Изъ трехъ другихъ книгъ переведенъ на русскій языкъ только короткій курсъ лекцій о рецепціи римскаго права. Большія работы объ англійскихъ вилланахъ (1892 г.) и объ англійскомъ обществѣ XI вѣка (1908 г.) доступны только знающимъ англійскій языкъ, и я ничего не слышалъ о томъ, чтобы подготовлялся ихъ переводъ. А между тѣмъ, эти работы посвящены очень важнымъ вопросамъ средневѣковой исторіи, отличаются очень высокими научными

достоинствами и вмѣстѣ съ книгою *Growth of the manor* и съ рядомъ статей, написанныхъ по-англійски и по-нѣмецки, доставили автору завидное мѣсто въ тѣсномъ кругу самыхъ выдающихся медіевистовъ нашего времени; что же касается англійской соціальной исторіи среднихъ вѣковъ, то здѣсь авторъ не знаетъ себѣ соперниковъ, есть facile primus.

Подлинный, искренній патріотъ, задумывающійся надъ судьбами русскаго просвѣщенія, не можетъ не переживать тяжелыхъ часовъ глубокой тревоги. Но хочется вѣрить, что „Средневѣковому помѣстью въ Англіи“ предстоитъ большой и прочный успѣхъ, что русскій образованный читатель, интересующійся исторіей, доросъ до такихъ книгъ. „*Помѣстье*“ есть прежде всего университетскій курсъ, содержаніе котораго шире его заглавія; книга могла бы зваться „аграрною исторіей средневѣковой Англіи“. Она открывается характеристикою родового быта въ средневѣковомъ Уэльзѣ, отводитъ много мѣста аграрному строю римской имперіи (несмотря на то, что авторъ отрицаетъ сколько-нибудь глубокое воздѣйствіе римскаго завоеванія на послѣдующую жизнь англійской деревни), но главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на англо-саксонскомъ періодѣ и заканчивается сжатымъ очеркомъ аграрной исторіи XI—XIII вѣка. Широкіе круги читателей получаютъ возможность познакомиться съ твердо установленными выводами обширной спеціальной литературы, которымъ авторъ подводитъ итоги со свойственнымъ ему мастерствомъ. Но книга есть нѣчто большее, чѣмъ подведеніе итоговъ. Въ ней весьма силенъ элементъ изслѣдованія, который дѣлаетъ ее очень интересною и очень важною для ученыхъ историковъ и для людей, желающихъ стать учеными историками. Соціальная исторія среднихъ вѣковъ полна темныхъ вопросовъ и ученыхъ споровъ и легко приводитъ изслѣдователя къ скептическимъ настроеніямъ. П. Г. Виноградовъ считаетъ сомнѣніе и отказъ отъ рѣшительныхъ выводовъ мало плодотворнымъ выходомъ изъ трудностей и при всей осторожности и строгости своихъ изысканій стремится дать стройное, законченное построеніе средневѣковой исторіи. Поэтому читатель найдетъ въ книгѣ много чрезвычайно любопытныхъ оцѣнокъ различныхъ ученыхъ теорій и много собственныхъ теорій автора, которыя, конечно, обладаютъ очень высокимъ авторитетомъ, хотя при скудости и темнотѣ источниковъ нѣкоторыя изъ нихъ оспаривались и, конечно, будутъ оспариваться. Авторъ остается убѣжденнымъ сторонникомъ мнѣнія о долгомъ преобладаніи свободныхъ людей и общинныхъ организацій въ средневѣковой англійской деревнѣ. Обладая рѣдкимъ по своей широтѣ и глубинѣ знаніемъ источниковъ по соціальной исторіи континентальнаго средневѣковья, авторъ все время имѣетъ въ виду судьбы континентальной деревни; особенно любопытны его сопоставленія англійскихъ отношеній съ судьбами скандинавскаго сѣвера. П. Г. Виноградовъ отнюдь не сторонникъ ярко соціологическаго направленія въ исторической наукѣ и всегда настаивалъ на томъ, что изученіе индивидуальнаго является основною задачею историка. Тѣмъ поучительнѣе частыя въ его книгѣ указанія на наличность важныхъ совпаденій и сходствъ въ исторіи различныхъ европейскихъ странъ, на плодотворность сравнительнаго метода при осторожномъ его примѣненіи

А. Савинъ.

Ю. Кулаковскій. **Исторія Византіи. I (395—518). Кіевъ, 1910. Стр. 533. Ц. 3 р.; II (518—602). Кіевъ, 1911. Стр. 512. Ц. 3 р.**

Громоздкость работы кіевскаго профессора Ю. Кулаковскаго сама по себѣ не должна отпугивать. Исторія Византіи стóитъ самаго широкаго и тщательнаго вниманія: на ней вѣдь съ особой наглядностью сказался прогрессъ исторической науки, ея рѣшительный переходъ отъ общихъ, хотя бы и колоритныхъ, „сужденій“ (и осужденій) къ *изученію,* къ исторической правдѣ, отказъ отъ шумной риторики и предвзятой публицистики. Пресловутый „живой мертвецъ“, какой-то историческій кащей, излюбленный устрашающій примѣръ Вольтера, Монтескье и Гиббона, „исторія безъ народа“, творимая администраторами-евнухами, неслышными, льстивыми стопами скользившими по дворцу, по странѣ же проходившими желѣзной поступью истыхъ временщиковъ,— *эта* Византія отошла въ область прошедшаго, ушла безвозвратно. Византію уже не будутъ отождествлять съ „византинизмомъ“. Ее реабилитировали, возродили; вмѣсто прежней ея особливости все болѣе выдвигаются сходство и аналогіи съ историческими судьбами остального средневѣковья; и не послѣднее мѣсто принадлежитъ трудамъ нашихъ, русскихъ, ученыхъ. Съ понятнымъ интересомъ поэтому мы будемъ искать въ новомъ большомъ трудѣ именно эту *возрожденную* Византію, *Византію въ средѣ другихъ народовъ.* Но этого нѣтъ [1]). Для проф. Кулаковскаго Византія все еще должна имѣть не обще-историческій, а специфически національный интересъ для насъ, русскихъ, ибо „на этой основѣ опредѣлилось наше русское національное самосознаніе“ и „теперь, въ виду совершившагося перелома въ нашемъ политическомъ строѣ, наше народное самосознаніе особенно нуждается въ просвѣтленіи своихъ основъ“...

Наврядъ ли съ такой суженной постановкой помирится современный русскій читатель, не говоря уже объ историкахъ. И невольно присматриваешься пристальнѣе, — для *кого* же, главнымъ образомъ, писалъ проф. Кулаковскій. „Я писалъ свою исторію Византіи *предъ лицомъ ученаго міра* (курсивъ мой) для всѣхъ тѣхъ, *кто хочетъ проникнуть въ уразумѣніе исторіи* тѣхъ временъ, и *не* опредѣляя заранѣе круга моихъ читателей“ (Ж. М. Н. Пр. 1911, X, 388). Указаніе — не очень ясное, и лишь на основаніи цѣлаго ряда мѣстъ, гдѣ авторъ высказываетъ надежду на „второе“ изданіе, мы можемъ заключить, что имѣется въ виду *широкій* читатель.

Удовлетворится ли *этотъ* читатель?—Авторъ правильно настаиваетъ, что, помимо научности, необходима еще литературность, изобразительность изложенія, онъ хочетъ, *на основаніи источниковъ,* возсоздать „событія живой дѣйствительности“, „дать чувствовать духъ и настроеніе тѣхъ давнихъ временъ“. Такую же задачу ставитъ себѣ и Шарль Діль, лучшій, послѣ недавно скончавшагося Крумбахера, знатокъ Византіи, въ своей большой и увлекательной книгѣ о Юстиніанѣ, *русскій переводъ* которой (Спб., 1908) почему-то не указанъ проф. Кулаковскимъ,

---

[1]) Нѣтъ у автора и указаній на любопытныя перипетіи византійской исторіографіи, хотя въ перечнѣ литературы и фигурируетъ особый отдѣлъ „Наука XVII и XVIII вв.“. Кстати, извѣстная Hist. du Bas-Empire указывается дважды (I р. IX; II р. VII) почему-то въ *разныхъ* изданіяхъ (1764; *нужно* 1757—1811; и 1829 г.) и съ неодинаковымъ начертаніемъ автора (Le Beau, Lebeau).

хотя онъ всюду тщательно отмѣчаетъ русскіе и нѣмецкіе переводы даже первоисточниковъ, хотя трудъ Диля почти вполнѣ соотвѣтствуетъ II-му тому его работы. Но Диль „не безъ нѣкотораго страха“ выпускаетъ въ свѣтъ свою книгу: богатство матеріала ставитъ передъ нимъ, признаннымъ знатокомъ, сложную и отвѣтственную задачу—дать живыя иллюстраціи, но не сдѣлать свою книгу архивомъ цитатъ. Проф. Кулаковскій этого „страха“ передъ источниками не вѣдаетъ; и въ результатѣ получилось, что *источники осилили автора*, а читатель не сможетъ осилить книги, ежеминутно спотыкаясь въ циклопической грудѣ сырого „колоритнаго“ матеріала [1]). Источникъ всецѣло властвуетъ, порабощаетъ; онъ создалъ и стиль, и типъ книги: въ видѣ средневѣковыхъ res gestae, въ порядкѣ отдѣльныхъ царствованій, въ нарочито архаически-лѣтописной формѣ распластана предъ нами длинная византійская исторія; историкъ замѣтитъ рядъ весьма любопытныхъ чертъ (еще лучше онъ найдетъ ихъ въ самыхъ первоисточникахъ), „широкій“ же читатель несомнѣнно утомится отъ головокружительной массы именъ, титуловъ, послужныхъ списковъ и т. п. [2]).

Источникъ—не сказочный коверъ-самолетъ, переносящій насъ въ какія-угодно „давнія времена“; нужны еще хорошій *выборъ* и соотвѣтствующій случаю *комментарій*. Вотъ примѣръ. Въ очень подробномъ описаніи одного (пятаго по счету!) посольства Аттилы въ Византію мы читаемъ (I, 271): „Посольство исправлялъ вѣрный слуга Аттилы, германецъ Эдеконъ, а спутникомъ и переводчикомъ его былъ Орестъ: то былъ римлянинъ, женатый на знатной гражданкѣ Петовіона“... Навряд ли читатель хоть на мигъ остановится на этихъ лицахъ, а вѣдь передъ нами рѣдкостное сочетаніе отцовъ тѣхъ лицъ, которыя сыграли крупнѣйшую роль при паденіи Западной имперіи: Эдеконъ—отецъ Одоакра, Орестъ—отецъ Ромула Августула! Соотвѣтственная ремарка историка [3]) не только подняла бы интересъ къ указаннымъ персонажамъ, но и заставила бы читателя глубже вдуматься въ положеніе дѣлъ: при ставкѣ варвара Аттилы жили и дѣйствовали не просто „римляне, женатые на знатныхъ гражданкахъ Петовіона“.

Таковы нѣкоторыя особенности новаго труда съ точки зрѣнія его пригодности къ потребностямъ и запросамъ „широкаго“ читателя. Детальный, чисто-ученый разборъ еще предстоитъ. Правда, вокругъ Византіи проф. Кулаковскаго разгорѣлся уже немалый споръ, но пока это еще великая полемика о маломъ, а нѣкоторые эристическіе пріемы автора не могутъ не вызывать недоумѣнія [4]). Во всякомъ случаѣ, спеціальной

---

[1]) Авторъ думаетъ иначе. „Зачѣмъ мнѣ... толковать о томъ, что такое исторія Византіи, когда я веду читателя въ самый templum historiae byzantinae“ (Ж. М. Н. Пр. 1911, X, 379).

[2]) Напр., насчетъ шута Зеркона (I, 270). „Уродъ, родомъ изъ Египта, *по племени Маврусій* (? См. Wietersheim-Dahn „Gesch. d. Völkerwanderung“ II, 236—der *Mohr* Zerco). Будучи взятъ въ плѣнъ Аспаромъ, онъ былъ подаренъ Ардабурію; опять попалъ въ плѣнъ къ гуннамъ... и пользовался большимъ расположеніемъ Бледы. По смерти Бледы былъ подаренъ Аэцію, который подарилъ его Аспару“...

[3]) Ср., напримѣръ, Amedée Thierry, „Hist. d'Attila“, I, 62: „C'était ce même Oreste qui vint, quelques années plus tard, clore, par le nom de son fils, la liste des empereurs d'Occident..., circonstance qui lui mériterait à elle seule une mention particulière dans ce recit“...

[4]) Настойчиво, напримѣръ, проф. Кулаковскій уличаетъ своего рецензента, проф. Васильева, въ незнаніи... русскаго языка! Предварительно же слѣдовало бы исправить

критикѣ предстоитъ еще сказать свое слово, данная же замѣтка преслѣдовала не интересы науки, а интересы читателя.

Д. Егоровъ.

О. Пирлингъ. **Димитрій Самозванецъ. Полный перев. съ франц. В. П. Потемкина. Изданіе т-ва „Сфинксъ". М., 1912 г. Стр. 504. Ц. 2 р. 75 коп.**

Первый Самозванецъ „былъ только испеченъ въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ". Эти слова Ключевскаго даютъ совершенно опредѣленную программу для изслѣдованія исторіи перваго Лжедимитрія. Только подѣливъ свое вниманіе поровну между Москвой и Польшей, изслѣдователь получитъ возможность представить исторію Самозванца со всей той полнотой, которая вообще пока намъ доступна при современномъ состояніи историческихъ источниковъ. Пирлингъ сознательно отстраняетъ отъ себя всю *московскую* половину названной задачи. И потому его трудъ никакъ нельзя признать полной исторіей названнаго Димитрія. Московская закваска этой исторіи остается совершенно незатронутой въ его трудѣ. Весьма поверхностно изображена въ немъ и ея московская развязка. Интересъ Пирлинга устремленъ въ другую сторону. Для него исторія Лжедимитрія важна не какъ эпизодъ изъ исторіи московскаго государства, даже не какъ эпизодъ изъ исторіи отношеній Москвы и Польши. Въ его глазахъ это прежде всего—страница изъ исторіи отношеній между Москвой и Ватиканомъ, между православнымъ русскимъ востокомъ и римской куріей. Съ этой точки зрѣнія должна и критика подходить къ труду Пирлинга, не упуская изъ виду, что отмѣченные выше пробѣлы въ изложеніи исторіи Лжедимитрія допущены авторомъ сознательно и въ полномъ согласіи съ существомъ его основной задачи. Значеніе трудовъ Пирлинга въ литературѣ этого вопроса состоитъ именно въ томъ, что онъ впервые пустилъ въ научный оборотъ весьма важныя данныя, почерпнутыя имъ изъ ватиканскаго архива и въ особенности изъ архива инквизиціи. На основаніи этихъ матеріаловъ Пирлингъ утверждаетъ, что римская курія держалась все время въ высшей степени осторожной политики по отношенію къ авантюрѣ Лжедимитрія и отнюдь не брала на себя роли подстрекательницы. Напротивъ, самъ Лжедимитрій усиленно старался втянуть римскую курію въ свое дѣло и съ этою цѣлью расточалъ широкія обѣщанія, повидимому заранѣе рѣшивъ не выполнять ихъ. Чувствуется, что именно ради этого вывода написана вся книга Пирлинга. Однако, благодаря обширной эрудиціи въ области данной эпохи, автору удается попутно представить важныя документальныя разъясненія и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ исторіи Лжедимитрія. Очень хорошо прослѣживается Пирлингомъ судьба вопроса о помощи Лжедимитрію на польскомъ сеймѣ, причемъ особенно рельефно оттѣняется, какую важную роль сыграли

и собственныя погрѣшности, вродѣ: „*цѣльныя* обработки (т.-е., очевидно, *общія* работы) исторіи Византіи" (I р. XII), „держава гунновъ... *имѣла* свою исторію" (I, 129; къ указанной въ данномъ случаѣ литературѣ слѣдовало бы еще прибавить—Иностранцевъ, „Хунъ-ну и гунны", 1900), „проданъ *какъ рабъ*" (I, 149); „много случаевъ самоубійствъ голодомъ или петлей" (I, 268; повидимому *переводъ* изъ Приска: Multi sibi violentas manus attulerunt, aut aptato collo laqueo vitam finierunt...); или (II, 269) загадочная фраза: „императоръ выражалъ надежду, что... въ случаѣ нашествія гдѣ-либо врага, *раньше придетъ вѣсть о дарованной Богомъ побѣдѣ, чѣмъ о битвѣ* (??).

въ этомъ дѣлѣ личные честолюбивые замыслы короля Сигизмунда. Съ безповоротной ясностью устанавливается далѣе фактъ принятія католичества первымъ Самозванцемъ. Наконецъ, большой интересъ представляетъ тонкій и остроумный разборъ вопроса о личности Самозванца. Какъ извѣстно, Пирлингъ склоняется къ отождествленію Самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Вопросъ этотъ, повидимому навсегда останется открытымъ, но нельзя не признать, что аргументація Пирлинга отличается разнообразіемъ и силою доводовъ. И въ данномъ случаѣ занятія въ архивѣ инквизиціи доставили въ распоряженіе Пирлинга нѣкоторые документы, существенно расширяющіе область нашихъ сужденій по этому спорному пункту. Таково письмо Лжедимитрія къ папѣ Клименту, мастерски проанализированное Пирлингомъ.

Итакъ, въ общемъ книга Пирлинга не представляетъ полной исторіи Лжедимитрія. Но въ тѣхъ предѣлахъ, которые авторъ самъ себѣ поставилъ, его изслѣдованіе отличается содержательностью и документальной обоснованностью. Оно производитъ также пріятное впечатлѣніе объективностью тона и литературной живостью изложенія. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что русскій переводъ этой книги обращаетъ на себя вниманіе литературными достоинствами, что̀ составляетъ такую рѣдкость въ нашей переводной исторической литературѣ. Подстрочныя примѣчанія и ссылки автора проредактированы въ русскомъ переводѣ не совсѣмъ тщательно.

А. Кизеветтеръ.

L. Collas et E. Driault. **Histoire de l'Empire ottoman jusqu'à la révolution de 1909. 4-e édition. „Bibliothèque utile.“ F. Alcan. Paris. Стр. 190.**

Въ виду разыгрывающейся теперь въ Триполи кровавой драмы между Италіей и Турціей, особливый интересъ представляетъ для читателя небольшая книжка двухъ названныхъ выше авторовъ, излагающая вкратцѣ исторію Турціи вплоть до 1909 г.

Книжка раздѣлена на двѣ неравныя части. Въ первой—большей—излагается періодъ расцвѣта Турціи (до 1566 г.) и ея паденія (до 1878 г.), во второй—исторія Турціи и всѣхъ связанныхъ съ нею балканскихъ государствъ отъ Санъ-Стефанскаго и Берлинскаго трактатовъ до нашихъ дней.

Однако напрасно читатель будетъ искать въ этой книжкѣ разсказа о томъ, чѣмъ жилъ и живетъ подлинный турецкій народъ и другіе народы, имѣющіе несчастіе жить подъ эгидой Высокой Порты. Авторы совершенно не удѣляютъ мѣста даже изображенію экономической жизни страны. Говорится очень кратко и объ исламѣ, силою своего вдохновляющаго вліянія на характеръ самой націи сыгравшемъ такую крупную роль въ исторіи Турціи. Все вниманіе авторовъ обращено на политическія событія и на роль въ нихъ европейскихъ державъ. Для европейскаго читателя книжка особенно интересна разоблаченіемъ той роли, которую играли нѣкоторыя европейскія державы въ турецкихъ событіяхъ.

Роль эта въ изложеніи авторовъ выступаетъ весьма ярко.

И. Книжникъ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Dr. Théophil Becker. Врожденное слабоуміе и его отношеніе къ военной службѣ.—*П. Г. Виноградовъ.* Господство права.—Дѣйствующее законодательство о евреяхъ. По своду законовъ съ разъясненіями. Сост. *Е. В. Вайнштейнъ.*

D-r Theophil Becker. **Врожденное слабоуміе и его отношеніе къ военной службѣ. Спб. 1911 г. Стр. 191.**

Въ видѣ безплатнаго приложенія къ „Военно-медицинскому журналу“ издана указанная работа ученика извѣстнаго физіолога и психіатра Цигена (его лекціи о физіологической психологіи вышли вторымъ изданіемъ и на русскомъ языкѣ), военнаго врача Беккера. Докторъ Беккеръ не новичокъ въ психіатрической литературѣ: лейпцигское изданіе его „Введенія въ психіатрію“ вышло уже 4-мъ изданіемъ, затѣмъ имъ напечатанъ цѣлый рядъ работъ по вопросамъ психіатріи въ „Klinik für psychische und nervöse Krankheiten“ Зоммера. Начиная съ 1894 года, когда д-ръ Беккеръ защищалъ диссертацію на тему „о психозахъ среди военныхъ“, его не переставалъ интересовать вопросъ о врожденномъ слабоуміи. Будучи въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1901 по 1906 г., завѣдующимъ нервнымъ отдѣленіемъ Страсбургскаго гарнизоннаго лазарета, онъ наблюдалъ среди 999 больныхъ свыше 200 душевно-больныхъ, въ томъ числѣ около 100 случаевъ врожденнаго слабоумія. Сравнивая результаты своихъ наблюденій съ наблюденіями своихъ предшественниковъ, а также сопоставляя матеріалъ, полученный въ прусской арміи, съ наблюденіями психіатровъ въ другихъ арміяхъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что „половину или, можетъ быть, еще большее число среди увольняемыхъ изъ арміи, какъ душевно-больные, составляютъ врожденно-слабоумные“ (стр. 11). Въ виду этого спеціальный вопросъ о врожденномъ слабоуміи пріобрѣтаетъ особый интересъ, такъ какъ важно прежде всего предупредить самую возможность принятія на военную службу врожденно-слабоумныхъ, а если послѣдніе ужъ приняты и впадаютъ въ какіе-либо проступки, а порой и въ преступленія, то важно, въ виду строгости военныхъ наказаній, установить ихъ невмѣняемость, дабы предупредить совершенно безцѣльное и жестокое примѣненіе наказаній. Авторъ рекомендуетъ, чтобы училищные совѣты и представители духовенства, наставляющіе дѣтей, представляли въ воинскія присутствія еще до набора свѣдѣнія объ особенно неспособныхъ и тупыхъ ученикахъ, дабы при освидѣтельствованіи въ воинскихъ присутствіяхъ на нихъ было обращено спеціальное вниманіе съ точки зрѣнія психіатрической, чего обыкновенно во время пріема рекрутъ не дѣлаютъ за спѣшностью и неотложностью работы. При этомъ, въ сомнительныхъ случаяхъ или въ виду возможнаго притворства д-ръ Беккеръ указываетъ (въ главѣ „распознаваніе и дифференціальная діагностика врожденнаго слабоумія“), по слѣдамъ Цигена и Зоммера, цѣлый рядъ схемъ для изслѣдованія испытуемаго. Здѣсь разсматриваются его школьныя и жизненныя знанія, его разсудочная дѣятельность вообще и, въ частности, комбинаторская способность. Пріемы изслѣдованія очень просты и заключаются въ томъ, что испытуемому задаютъ рядъ элементарныхъ вопросовъ изъ школьнаго и жизненнаго обихода, заставляютъ его разсказать о видѣнномъ на обыкновенной картинкѣ или дополнить недостающія слова въ цѣломъ рядѣ связныхъ фразъ.

Особенно разработаны главы: о пограничныхъ случаяхъ пригодности къ службѣ; о случаяхъ врожденной душевной слабости, осложненныхъ нервнымъ и острымъ психическими припадками, и о врожденномъ слабоуміи въ войскахъ *въ судебно-медицинскомъ отношеніи*. Приводится 69 исторій болѣзни съ подробнымъ описаніемъ слабоумія. Книгу можно особенно рекомендовать различнымъ представителямъ администраціи, участвующимъ въ операціяхъ „набора“; но ее съ интересомъ прочтетъ всякій, кто интересуется вопросомъ о врожденномъ слабоуміи.

И. Книжникъ.

П. Г. Виноградовъ, проф. **Господство права. Изданіе московскаго общества народныхъ университетовъ. Стр. 35. Ц. 10 к.**

Извѣстный знатокъ англійской исторіи поставилъ себѣ цѣлью изложить въ популярной лекціи развитіе господства права въ классическихъ правовыхъ государствахъ: Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Прочное господство права въ частной и публичной жизни достигается медленнымъ, вѣковымъ историческимъ процессомъ, стойкой борьбой личности за свое достоинство и воспитаніемъ народнаго правосознанія,—вотъ основная идея разсматриваемой брошюры. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ весьма удачно изображаетъ главныя перипетіи борьбы англійскаго народа за власть закона и противъ королевской прерогативы (т.-е. личнаго усмотрѣнія короля) и столкновенія законной воли цѣлаго сѣверо-американскаго государства съ упорнымъ сопротивленіемъ закону отдѣльныхъ штатовъ. Во второй половинѣ брошюры (послѣднія двѣ главы) разсказывается о томъ, какъ обезпечивается прочность сѣверо-американской конституціи подчиненіемъ законодательной дѣятельности контролю судебной власти, и какъ развилась въ Англіи лучшая гарантія личной свободы отъ произвола исполнительной власти—такъ наз. право habeas corpus. Брошюра заканчивается горячимъ пожеланіемъ, чтобы и Россія дожила до того времени, когда русскіе могли бы, наравнѣ съ древними римлянами и съ современными британцами и сѣверо-американцами, съ гордостью сказать: „Мы—русскіе граждане!“

І. Геллеръ.

Дѣйствующее законодательство о евреяхъ. По Своду Законовъ съ разъясненіями. Изд. неофиціальное. Составилъ пом. прис. пов. Е. В. Вайнштейнъ. Кіевъ, 1912 г. Стр. VI + 480. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о евреяхъ пріобрѣли уже огромные количественные размѣры и образуютъ собою въ настоящее время сложную сѣть правилъ и ограниченій, часто весьма запутанныхъ; къ тому же разрослась въ этой области и „разъяснительная“ дѣятельность сената и иныхъ административныхъ учрежденій. Настоятельная необходимость въ систематизаціи этой отрасли русскаго законодательства вызвала уже появленіе разныхъ сборниковъ и руководствъ (напр., Гессена и Фридштейна, Мыша, Сліозберга). Навстрѣчу этой же практической потребности идетъ и составитель разсматриваемой книги. Въ ней содержатся всѣ узаконенія о евреяхъ, согласно офиціальному тексту и въ порядкѣ Свода, вмѣстѣ съ приведенными въ систему разъясненіями текста; послѣднее обстоятельство выгодно отличаетъ книгу отъ аналогичнаго ей руководства Сліозберга, въ которомъ приводится лишь текстъ Свода Законовъ. Для удоб-

ства справокъ къ концу книги приложены алфавитно-предметный и постатейный указатели. Разъясненія къ законамъ изложены съ достаточною полнотою, на основаніи многочисленныхъ источниковъ (перечисляемыхъ самимъ составителемъ на стр. I—V). Слѣдуетъ отмѣтить, однако, чисто-внѣшніе недостатки книги, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и огромную массу замѣченныхъ самимъ составителемъ опечатокъ и сдѣланныхъ имъ въ концѣ книги добавленій (ихъ всего насчитывается свыше 100!). Вообще внѣшній видъ книги отнюдь не является безукоризненнымъ. Между прочимъ страннымъ является отсутствіе въ алфавитно-предметномъ указателѣ такихъ словъ, какъ „право жительства“ или „жительство“, между тѣмъ какъ ограниченія въ правѣ жительства занимаютъ весьма видное мѣсто въ законодательствѣ о евреяхъ.

Въ общемъ однако книгу слѣдуетъ признать весьма удобнымъ справочнымъ пособіемъ.

І. Геллеръ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Третья Государственная Дума. Сессія 4-я. Фракція народной свободы. Отчетъ и рѣчи депутатовъ.—Поляки и евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ спорѣ по поводу законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ.

Третья Государственная Дума. Сессія 4-я. Фракція народной свободы. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. Спб. 1911 г. Стр. 197. Цѣна 50 коп.

Отчетъ начинается съ перепечатанныхъ статей и воспоминаній П. Петрункевича, П. Милюкова, Н. Морозова и др. о скончавшемся членѣ фракціи В. А. Карауловѣ. Въ нихъ помѣщены краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ политическомъ дѣятелѣ и охарактеризована его замѣчательная и своеобразная личность.

Характеристика общаго политическаго положенія, какъ и въ предъидущихъ отчетахъ, сдѣлана П. Н. Милюковымъ. Авторъ выясняетъ сущность и причины разлада между центромъ и кабинетомъ, создавшагося въ 4-й сессіи и выразившагося въ рядѣ непривычныхъ думскихъ пораженій Столыпина и другихъ членовъ кабинета. Завершеніемъ этого разлада явился конфликтъ Думы съ правительствомъ по поводу нарушенія покойнымъ премьеромъ 87 ст. Осн. Зак. Эти обстоятельства дали поводъ автору болѣе оптимистически, чѣмъ въ прошломъ отчетѣ, представить дальнѣйшій ходъ политической жизни. Выводы его таковы: союзъ Столыпина съ Гучковымъ распался; націоналистическая политика исчерпана и завела правительство въ тупикъ; верхняя палата усвоила принципъ конституціонализма, противопоставивъ его произволу кабинета. Далекій отъ вѣры въ близость политическаго поворота, авторъ всетаки полагаетъ, что „конецъ четвертой сессіи окончательно обнажилъ искусственность той комбинаціи, на которой основывалось временное и неустойчивое равновѣсіе народнаго представительства и кабинета, и выдвинулъ, какъ очередную и неотложную задачу, созданіе болѣе нормальныхъ условій для правильнаго функціонированія конституціоннаго строя въ Россіи. Какъ мы уже знаемъ, въ самомъ началѣ 5-й сессіи картина рѣзко измѣнилась. Послѣ убійства Столыпина центръ и націоналисты сблизились тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, и союзъ Думы съ кабинетомъ на почвѣ реакціоннаго націонализма возродился во всей силѣ.

Въ рядѣ главъ излагается дѣятельность фракціи по вопросамъ конституціоннаго права, самоуправленія, внутренней и внѣшней политики и проч.

Усиленную дѣятельность фракція проявила по предъявленію запросовъ, видя въ этомъ одну изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ. Она энергично боролась съ тенденціей большинства противодѣйствовать наиболѣе непріятнымъ для правительства запросамъ, каковыми, напр., были запросы объ университетскихъ событіяхъ, о закрытіи обществъ обывателей и избирателей и др. Наиболѣе сильнымъ и яркимъ было выступленіе В. А. Маклакова въ запросѣ о введеніи западныхъ земствъ на основаніи 87 ст.

Во второй части отчета помѣщены наиболѣе выдающіяся рѣчи членовъ фракціи. Таковы рѣчь Милюкова о внѣшней политикѣ правительства, рѣчь Маклакова о нарушеніи 87 ст., рѣчь Караулова о церковно-приходскихъ школахъ, рѣчь Родичева о роли дворянства въ начальной школѣ и др.

Л. Шифъ.

Поляки и евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ спорѣ по поводу законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ. Книгоизд. М. С. Козмана, Одесса, 1911 г. Стр. 70. Ц. 25 к.

Въ брошюрѣ собраны наиболѣе характерные отзывы и статьи по поводу польско-еврейскаго конфликта въ вопросѣ о городскомъ самоуправленіи. Представлены воззрѣнія выдающихся русскихъ, еврейскихъ и польскихъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей. Идейный споръ, возгорѣвшійся въ связи съ борьбой между поляками и евреями въ Царствѣ Польскомъ, представляетъ большой интересъ для каждаго, кто понимаетъ всю важность и общегосударственное значеніе польско-еврейскаго вопроса. Читателю легко будетъ составить себѣ опредѣленное, болѣе или менѣе безпристрастное отношеніе къ вопросу изъ сопоставленія различныхъ точекъ зрѣнія, нашедшихъ себѣ выраженіе въ брошюрѣ.

Точку зрѣнія еврейскаго націонализма защищаетъ В. Жаботинскій въ двухъ талантливо написанныхъ статьяхъ. Онъ протестуетъ противъ польскаго антисемитизма, который онъ находитъ тѣмъ болѣе оскорбительнымъ и несправедливымъ, что сами поляки также жалуются на угнетеніе и надѣются и вѣрятъ въ конечное торжество своихъ національныхъ чаяній. Польскій антисемитизмъ „октроируетъ для евреевъ новое, величайшее изъ ограниченій,—что и справедливость не для нихъ“ (стр. 11).

Польскій антисемитизмъ осуждается также Ник. Дубровскимъ въ его „Письмѣ изъ Польши“ („Од. Лист.“). Еврейскій націонализмъ—есть націонализмъ самообороны, польскій же націонализмъ—болѣзненный и носитъ агрессивный характеръ. Евреи больше тяготѣютъ къ русскому обществу, чѣмъ къ польскому, ибо русская интеллигенція болѣе прогрессивна, болѣе проникнута общечеловѣческими идеалами (стр. 42).

Выразителемъ польскихъ націоналистическихъ идей является Дмовскій. По его мнѣнію, „еврейскій вопросъ—это та почва, на которой національный интересъ и либеральные принципы не дадутъ себя примирить“ (стр. 44). Для поляковъ нужды націи должны быть дороже принциповъ либерализма. Нельзя сравнивать національныя требованія поля-

ковъ съ таковыми же претензіями евреевъ: „между польскимъ и еврейскимъ вопросомъ нѣтъ никакой аналогіи“ (стр. 47). „Евреи—это евреи, совершенно специфическое соціальное образованіе, не подходящее ни подъ какія европейскія категоріи“ (стр. 48). „Это—нація-секта, играющая среди человѣческаго общества роль чужого тѣла, замкнутаго, обособленнаго, связаннаго узами спеціальной солидарности, руководящагося чужой и намъ враждебной этикой, конспирирующаго противъ среды, въ которой живетъ“ (стр. 51).

Другой польскій общественный дѣятель, депутатъ Думы Грабскій, „считаетъ концентрацію еврейскаго населенія въ польскихъ городахъ явленіемъ непріятнымъ“ (стр. 53). Евреевъ слѣдуетъ вытѣснять изъ ихъ экономическихъ позицій и по возможности ассимилировать.

И по мнѣнію Свѣнтоховскаго, „ассимиляція (евреевъ) есть непоколебимый, принципіальный лозунгъ. Ассимиляція можетъ быть только абсолютной... „Національно-еврейская солидарность вообще исключаетъ изъ польскаго общества“ (стр. 61).

Совершенно иначе относится къ польско-еврейскому кризису И. И. Петрункевичъ. Для него это—„больной вопросъ, свидѣтельствующій о наличности въ человѣческой жизни *не только многихъ элементовъ наслѣдственной некультурности, но и глупости*“ (стр. 66).

І. Геллеръ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ип. Гливицъ. Желѣзная промышленность Россіи.—*Н. А. Бородинъ.* Рыболовство и рыбоводство въ Россіи.—*Raphael-Georges Lévy.* Banque d'emission et trésors publics.—Докладъ о результатахъ работъ по составленію инвентаря городскихъ имуществъ.—*Prof. dr. Julius Wolf.* Vorschläge zur Hebung der Kurse der deutschen Staatsanleihen.

Ип. Гливицъ. **Желѣзная промышленность Россіи. Экономическо-статистическій очеркъ. Спб. 1911 г. Стр. X + 147 + 101 + IX. Ц. 1 р. 80 к.**

Книга г. Гливица даетъ весьма сжатый, но интересный и рельефный очеркъ нашей желѣзной промышленности. Авторъ послѣдовательно разсматриваетъ различныя стадіи производства желѣза, начиная съ добычи сырья и кончая производствомъ готоваго продукта. Особыя главы посвящены вопросамъ о мѣропріятіяхъ правительства въ отношеніи желѣзной промышленности (VI), внѣшней торговлѣ и внутреннемъ сбытѣ и потребленіи (VII—VIII), цѣнахъ и финансовомъ положеніи металлургическихъ предпріятій (IX—X), концентраціи производства (XI) и концентраціи сбыта (XII).

Давая преимущественно сводку накопившагося весьма обширнаго матеріала о положеніи русской желѣзной промышленности, авторъ попутно приводитъ и нѣкоторые неопубликованные матеріалы и дѣлаетъ не лишенные интереса выводы. Большой интересъ представляетъ, напр.,—въ виду ходячихъ взглядовъ объ искусственности насажденія нашей желѣзной промышленности, основанной на казенныхъ заказахъ—приводимая авторомъ на стр. 48 таблица, показывающая процентное отношеніе производства рельсовъ, какъ главнаго продукта „казеннаго“ (= желѣзнодорожнаго) спроса ко всему производству готовыхъ продуктовъ за послѣднія 20 лѣтъ. Оказывается, что по всей Имперіи этотъ процентъ понизился съ 27% въ 1882 г. до 22% въ 1900 г. и 16% въ 1910 г. Если

же взять одинъ только Югъ Россіи, то это пониженіе обнаружится еще ярче, а именно съ 60% въ 1882 г. до 39% въ 1900 г. и до 23% въ 1910 г. Такимъ образомъ—замѣчаетъ авторъ по поводу этихъ цифръ—„роль, которую теперь среди другихъ производствъ играетъ производство рельсовъ, уже близко подходитъ къ относительному значенію этого продукта въ странахъ Запада“ (стр. 49). Бо́льшая роль производства предметовъ желѣзнодорожнаго—въ нашихъ условіяхъ казеннаго—спроса въ желѣзной промышленности представляетъ собою—добавимъ мы отъ себя—нормальное явленіе въ промышленной исторіи молодыхъ капиталистическихъ странъ.

Далѣе, заслуживаютъ быть особо отмѣченными, какъ основанныя отчасти на новыхъ матеріалахъ, тѣ части рецензируемой книги, которыя касаются экспорта продуктовъ русской желѣзной промышленности (стр. 68—78), анализа районнаго распредѣленія спроса на желѣзо по Имперіи на основаніи данныхъ „Продаметы“ (стр. 89—9) и организаціи и дѣятельности нашихъ желѣзныхъ синдикатовъ—„Продаметы“ и „Кровли“ (стр. 132—140). Приложенныя къ книгѣ многочисленныя статистическія таблицы и діаграммы, занимающія около половины ея объема, дѣлаютъ ее весьма полезнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для всякаго интересующагося положеніемъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности.

В. Гефдингъ.

Н. А. Бородинъ. **Рыболовство и рыбоводство въ Россіи. 12 діаграммъ. С.-Петербургъ. 1911 г. Стр. 16. Ц. 25 к.**

Тѣмъ, кто регулярно слѣдитъ за нашей экономической печатью, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ названной брошюры, не скажутъ ничего новаго. Они уже были предметомъ доклада его III съѣзду рыбопромышленниковъ. Но для широкой публики, при извѣстной скудости данныхъ по вопросу о рыболовствѣ и рыбоводствѣ въ Россіи, такое повтореніе дѣйствительно нужно признать полезнымъ. Съ этой точки зрѣнія иниціативу автора можно привѣтствовать. Приложенныя къ брошюрѣ діаграммы значительно увеличиваютъ ея освѣдомительную цѣнность. Но брошюра имѣетъ и одинъ крупнѣйшій недостатокъ, значительно понижающій ея цѣнность, — это масса опечатокъ въ цифровыхъ данныхъ. Во множествѣ случаевъ цифры текста совсѣмъ не совпадаютъ съ соотвѣтствующими цифрами діаграммъ. Такая небрежность совершенно не допустима даже и въ популярной брошюрѣ.

А. Бабковъ.

Raphael-Georges Lévy. **Banque d'émission et trésors publics. Paris, 1911. Librairie Hachette et C-ie. XXIV+628 pages.**

Какъ-то непривычно встрѣтить во французской литературѣ, особенно экономической, работу, и внѣшнимъ своимъ видомъ, и до нѣкоторой степени внутреннимъ содержаніемъ напоминающую нѣмецкій Handbuch. Такой именно работой и является вышеназванная книга R.-G. Lévy. Это обстоятельный, детальный до мелочей обзоръ отношеній эмиссіонныхъ банковъ и государственныхъ казначействъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ. Несмотря на то, что тема, такимъ образомъ, сильно ограничена и ясно отграничена, автору въ описаніяхъ банковаго устройства всѣхъ странъ приходится, разумѣется, касаться и другихъ сторонъ дѣятельности эмиссіонныхъ банковъ и въ изложеніи авторъ, въ

сущности, отвѣчаетъ не на свою тему, а даетъ чрезвычайно подробный и интересный историческій очеркъ развитія эмиссіонныхъ банковъ въ каждой странѣ въ отдѣльности. На этомъ основывается и значеніе работы: она является обстоятельнымъ, очень удобнымъ для справокъ обзоромъ развитія и современнаго положенія эмиссіонныхъ банковъ во всѣхъ странахъ міра, написаннымъ съ точки зрѣнія финансовыхъ отношеній банковъ къ государству.

Авторъ различаетъ государства, въ которыхъ циркулируютъ *банковые билеты,* и такія, въ которыхъ циркулируютъ *государственные билеты.* Къ первымъ относятся страны, въ которыхъ монополія выпуска банкнотъ принадлежитъ: 1) одному частному банку (Франція, Австро-Венгрія, Бельгія, Голландія и др.), 2) ограниченному числу учрежденій (Англія, Германія, Италія и друг.), 3) неограниченному числу банковъ, связанныхъ нормативными предписаніями (національные банки въ Соед. Штатахъ); ко второй группѣ принадлежатъ страны, въ которыхъ 4) либо правомъ эмиссій обладаетъ лишь одинъ государственный банкъ (Россія и Финляндія, Болгарія, Швеція, Уругвай), либо 5) государственныя казначейства сами выпускаютъ билеты (союзное казначейство въ Соед. Штатахъ, въ Канадѣ и др.). Сообразно съ этимъ дѣленіемъ и работа вся распадается на 5 книгъ. Авторъ не ограничивается разсмотрѣніемъ въ каждой книгѣ наиболѣе типичныхъ для данной группы странъ, а даетъ исчерпывающій обзоръ, останавливаясь и на внѣевропейскихъ странахъ, не опуская даже такихъ центральныхъ эмиссіонныхъ банковъ, какъ, наприм., на островахъ Гаити, Формозѣ и т. д. Эта полнота и обиліе матеріала не искупаютъ, однако, отсутствія въ работѣ вдумчивости, глубины. Обсуждая самыя различныя системы организаціи эмиссіонныхъ банковъ въ различныхъ странахъ, какъ можно было не остановиться на причинахъ этихъ различій? Авторъ этого не сдѣлалъ. Вся его работа носитъ чисто описательный характеръ.

Въ заключеніе авторъ констатируетъ ту эволюцію, которую продѣлали эмиссіонные банки. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза послѣдовавшее, если можно такъ выразиться, отдѣленіе банковъ отъ государства; не подлежитъ уже больше сомнѣнію, что не дѣло государства распредѣлять кредитъ, не дѣло банка оказывать долгосрочные займы государству. Опытъ русско-японской войны, по мнѣнію автора, показалъ, что времена, когда можно было въ случаѣ нужды располагать банковыми средствами, прошли безвозвратно. Государство теперь лишь регулируетъ дѣятельность эмиссіонныхъ банковъ, опредѣляетъ условія выпуска банкнотъ, устанавливаетъ способы покрытія, размѣры металлическихъ резервовъ, стремится обезпечить размѣнность банкнотъ и т. д. Съ другой стороны, и банки оказываютъ теперь совершенно иныя услуги государству на почвѣ веденія государственной кассы. Эта сторона вопроса авторомъ мало затронута. [1])

И. И. Левинъ.

---

[1]) О центральныхъ банкахъ и кассовомъ устройствѣ государствъ см. новое изданіе книги *Philippovich*'а: „Die Bank von England im Dienste dem Staate", Leipzig, 1911. Мой рефератъ объ этой и другихъ работахъ по тому же вопросу въ *Вѣстникѣ Финансовъ,* № 37, за 1911 г.

— Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Земля обѣтованная. Романъ. Ч. II. Един. разр. авторомъ пер. съ польскаго П. К. Левицкаго. М., 1912. Изд. к-ва „Соврем. пробл.“. 452 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сандъ, Ж. Замокъ Пиктордю. Перев. съ франц. Н. Кранихфельдъ. (Универс. б-ка, № 471.) М., 1911. Изд. к-ва „Польза“. 95 стр. Ц. 10 к.

Серао, М. Собран. сочин. Т. V. Возмездіе. Романъ. (Продолженіе романа „Прощай любовь!“) Пер. съ итал. І. Маевскаго. М., 1911. Изд. к-ва „Атенеумъ“. 358+2 нен. стр. Ц. 1 р.

Сетэлэ, Х. Дитя горя. Перев. съ финск. М. П. Благовѣщенской. (Унив. б-ка, № 355.) М., 1911. Изд. к-ва „Польза“, 2-е. 76+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Стриндбергъ, А. Пепелище. Драма. Пер. со шведскаго Ю. Балтрушайтиса. Унив. б-ка, № 88. М., 1911. Изд. „Польза“, 2-е. 62 стр. Ц. 10 к.

Соссей В., де. Великосвѣтская гетера. Романъ. Перев. съ франц. Спб. Изд. 2-е. 175 стр. Ц. 1 р.

Твэнъ, М. Янки при дворѣ короля Артура. Перев. съ англ. З. Журавской. Ч. I. Собр. сочиненій. Т. III. Б-ка „Сатирикона“. Спб., 1911. Изд. М. Г. Корнфельда. 192 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Тетмайеръ, К. Собран. сочиненій. Т. I. Ангелъ смер... Романъ. Пер. Г. Павловича. Изд. 2-е. 431 стр. Т. III. На горныхъ уступахъ. Пер. В. Высоцкаго. 287+1 нен. стр. Т. IV. На горныхъ уступахъ. Бездна. Переводы Алсуфьевой, В. Высоцкаго, Тучапской и др. 286 стр. Т. V. Стихотворенія въ прозѣ. Панна Мэри. Переводы В. Высоцкаго, Алсуфьевой, Тучапской и др. М., 1911. Изд. В. М. Саблина, 2-е. 272+1 нен. стр.

Тома, Л. Общество улучшенія нравовъ. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Перев. съ нѣм. С. Д. Карлинъ. Спб., 1911. 72 стр.

Уайльдъ, О. De profundis. Epistola; in carcere et vinculis. Авториз. дополн., пер. съ англ. М. Ликіардопуло, съ пред. Р. Росса. Унив. б-ка, № 182. М., 1911. Изд. 2-е, к-ва „Польза“. 74+2 нен. стр. Ц. 10 к.

— Полное собран. сочин. Т. I. Сказки и разсказы, Пер. С. З. Изд. 3-е. 328+1 нен. стр. Т. III. Стихотворенія въ прозѣ. Сказки. De Profundis (тюрьма). Саломея. Изд. 3-е. 305+1 нен. стр. Т. V. Исканія. Пер. съ англ. М. Языковой. Изд. 2-е. 294+1 нен. стр. Т. VI. Идеальный мужъ. Женщина безъ всякаго значенія. Перев. Ю. Балтрушайтисъ и В. Ф. Коршъ. Изд. 3-е. 378+1 нен. стр. Т. VII. Преступленіе лорда Артура Сэвиля. Сфинксъ безъ загадки. Натурщикъ. La sainte courtisane. Портретъ М-ра W. H. Возрожденіе искусствъ въ Англіи. Афоризмы и парадоксы. Пер. и пред. М. Ликіардопуло. М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 287+1 нен. стр.

Фибихъ, К. Грѣхъ (Absolvo te!). Романъ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. М., 1912. Изд. А. Вербицкой. 172+2 нен. стр. Ц. 85 к.

Фогаццаро, А. Вѣра. Новеллы. Перев. съ англ. І. А. Маевскаго. М., 1912. Изд. к-ва „Атенеумъ“. 224+5 нен. стр. Ц. 60 к.

Франсъ, Анатоль. Собраніе сочин. Т. IX. Аметистовый перстень. Перев. Е. Оршанской. 220 стр. Т. III. Валтасаръ. Перев. Н. Петровой. Изд. 2-е. 166 стр. Т. X. Подъ придорожнымъ вязомъ. Пер. А. Смирнова. М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 184 стр.

Френцель, К. Равноправіе женщинъ. Романъ. Пер. съ нѣм. Е. Е. Харьковъ, 1911. 173 стр.

Хаггардъ, Р. Дочь Марана. Романъ. Пер. съ анг. Б. Пегелау. М., 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 342 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Хёрнъ, Л. Японскія сказки. Кванданъ. Перев. съ англ. С. Лоріе. (Унив. б-ка, № 469—470.) М., 1911. Изд. к-ва „Польза“. 159 стр. Ц. 20 к.

Шницлеръ, А. Сказка. Драма въ 3-хъ дѣйств. Пер. съ нѣм. З. М. Мейеровича. Унив. б-ка, № 16. М. 1911. Изд. к-ва „Польза“, 3-е. 96 стр. Ц. 10 к.

Шоломъ-Алейхемъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. „Похожденіе неудачника“ (Менахемъ-Мендель.) Единственно разрѣш. и одобр. авторомъ пер. съ еврейскаго Ю. І. Пинуса. М., 1912. Изд. к ва „Современ. пробл.“. 227+28 стр. Ц. 1 р.

Шоу, Б. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Профессія г-жи Ворренъ (пьеса непріятная.) Шоколадный солдатикъ (пьеса пріятная.) Пер. Л. Экснера. Спб., 1911. Изд. В. М. Саблина. 237+1 нен. стр. Ц. 1 р.

§ 2. **Овсянико-Куликовскій, Д. Н.**, проф. Синтаксисъ русскаго языка. Спб., 1911. Изд. Н. Л. Овсянико-Куликовской, 2-е испр. и допол. XXXV+322 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 3. **Соболевскій, А. И.** Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. А. Наукъ 8 ноября 1911 г. Спб., 1911. Изд. Акад. Наукъ. 11 стр.

§ 4. Краткій очеркъ исторіи славянскихъ литературъ и языковъ. Перев. съ нѣм. слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. В. Поржезинскаго и М. Сперанскаго. М., 1911. Изд. Москов. высш. женск. курсовъ. 156 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

§ 5. **Гершензонъ, М.** Образы прошлаго. (А. С. Пушкинъ, П. В. Кирѣевскій, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ.) М., 1912. Изд. изд-ва „Окто“. 545+VII стр. Ц. 3 р.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собр. сочин. Т. V. Гейне, Гёте, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Спб., 1911. Изд.

т-ва „Обществ. Польза“ и к-ва „Прометей“. 239+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи русскаго слова. Сборники крит. и биограф. статей для средней школы и самообразованія. Гоголь. Жизнь и творчество. Вып. VIII. 179 стр. Ц. 80 к. Вып. XV. Левъ Толстой. Жизнь и творчество. 246 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вып. X. Тургеневъ. Жизнь и творчество. Спб.—Варшава. Изд. т-ва „Оросъ“. 192 стр. Ц. 80 к.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XV. Спб., 1911. Изд. Акад. Наук. 187 стр.+1 табл.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Т. I. Древняя письменность. Спб., 1911. Изд. 4-е. XI+537 стр. Ц. 3 р.

Сиповскій, В. В. Литературная дѣятельность Ломоносова. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи II. Акад. Наукъ 8 ноября 1911 г. Спб., 1911. Изд. Академіи Наукъ. 25 стр.

Слово о Полку Игоря. Текстъ памятника съ прим., прозаическій и поэтическій его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Спб., 1912. Изд. И. Глазунова, 10-е, безъ перемѣнъ. X+82 стр. и 1 рис. Ц. 30 к.

§ 6. **Бибиковъ, И.** Вскрытіе Живого трупа Л. Н. Толстого. Этюдъ. Спб., 1911. 40 стр. Ц. 1 р.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Т. II. (1840—1842.) Спб., 1911. Изд. 4-е, Павленкова. 988 стр. (въ 2 ст.). Ц. 1 р. Т. IV. (1844—1848.) Изд. 4-е. 900+452 столб. (въ 2 ст.). Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлый, А. Трагедія творчества. Достоевскій и Толстой. М., 1911. Изд. книг. „Мусагетъ“. 46+8 нен. стр. Ц. 40 к.

Венгеровъ, С. А. Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка? Рѣчь, сказанная въ Москвѣ 22 октября 1911 г. на празднованіи столѣтняго юбилея Общества Любителей Россійской Словесности. Спб., 1912. Изд. к-ва „Прометей“ Н. И. Михайлова. 16 стр. Ц. 15 к.

Добролюбовъ, Н. А. Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Е. В. Аничкова. Т. IV. Литературная критика. Ч. II. Спб., 1911. Изд. Русское книжн. товарищ. „Дѣятель“. 439 стр.

— Собр. сочин., подъ ред. Вл. П. Кранихфельдъ. Т. III и V. Спб., 1911. Изд. „Просвѣщеніе“. 416+440 стр. Ц. по 1 р. Т. II и IV. 415+387 стр. Ц. по 1 р. Т. I и VI. LXXVII+342+407 стр. Ц. по 1 р. Т. VII. 402 стр. Ц. 1 р.

Ивановъ-Разумникъ. Т. II. Творчество и критика. 211 стр. Ц. 1 р. 25 к. Т. III. Великія исканія. Спб., 1911. Изд. „Прометей“. Н. И. Михайлова. 167 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Кранихфельдъ, Вл. П. Въ мірѣ идей и образовъ. Т. I. Спб., 1912. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. VI+304 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Мережковскій, Д. С. Полное собр. сочин. Т. X. Не миръ, но мечъ. Лермонтовъ, Гоголь. Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 334 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Писаревъ, Д. И. Полное собр. сочин. въ 6-ти томахъ. Съ портр. автора и статьей Евг. Соловьева (автора біографіи Писарева). Т. III. Содержаніе тома. Наша университетская наука. Историческіе эскизы. Цвѣты невиннаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Историческое развитіе европейской мысли. Спб., 1912. Изд. Ф. Павленкова, 5-е. 576 стр. (въ 2 ст.). Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Бергсонъ, А,** Матерія и память. Изслѣдованіе объ отношеніи тѣла къ духу. Пер. съ франц. А. Баулеръ. Спб., 1911. Изд. Д. Е. Жуковскаго. VIII + 268 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Д. В. Религія и нравственность. М., 1911. Изд. к-ва „Вѣрность“. 16 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

Глаголевъ, С. С., проф. Три пути жизни. М., 1911. Изд. московск. женск. богословск. курсовъ. 32 стр. Ц. 10 к.

Дейссенъ, П. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. М. Сизова. М., 1911. Изд. к-ва „Мусагетъ“. 42+8 нен. стр. Ц. 40 к.

Езерскій, Ѳ. В. Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. I. Семья. Спб., 1911. 36 стр. Ц. 20 к.

Желтовъ, Ф. О зеленой палочкѣ. Л. Н. Толстой. Зеленая палочка. Книги свободомыслящихъ христіанъ. № 18. Спб., 1911. 23 стр. Ц. 4 к.

Кантъ, И. Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ. Пер. Л. Д. Б. Подъ ред. В. М. Хвостова. Труды московск. психолог. о-ва. Вып. VII. М., 1911. Изд. моск. психолог. о-ва. 99 стр. Ц. 70 к.

Менстровъ, М., свящ. Свѣтъ Христовъ въ жизни людей. Рядъ статей на евангельскія темы. Спб., 1912. Изд. И. Л. Тузова. 438+10 стр. Ц. 1 р.

Н. С. Жизнь въ будущемъ. Очеркъ о безсмертіи человѣческой личности. М., 1912. 60+4 нен. стр. Ц. 25 к.

Соловьевъ, В. С. Собран. сочин. Съ 3-мя портр. и автографомъ. Подъ ред. и съ прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. II. (1873—1877.) Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", 2-е. XVI+413 стр. Ц. 2 р.

Чаннингъ, В. О самовоспитаніи. О самостоятельности. О духовной свободѣ. Съ англ. перев. Д. А. Буланже. (Великіе мыслители Америки. Кн. II.) М., 1911. Изд. „Посредникъ". 131 стр. Ц. 50 к.

§ 2. Родоначальники позитивизма. Вып. III. Сенъ-Симонъ. Перев. І. А. Шапиро. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб., 1911. Изд. акц. об-ва „Брокгаузъ—Эфронъ". 162+IV стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ройтманъ, Д. Евгеній Дюрингъ—основатель новаго жизнедѣятельнаго духовнаго руководительства. Систематическое изложеніе всѣхъ его основныхъ ученій, изслѣдованій и открытій. Къ 50-лѣтію литературной работы реформатора, мыслителя и изслѣдователя (1861—1911.) Спб., 1911. Изд. к-ва „Цѣнность жизни". 336 стр. Ц. 2 р.

§ 4. **Вигуру, А. и Жукелье.** Психическая зараза. Перев. съ франц. Л. К—гъ. Съ предисл. проф. Ѳ. Е. Рыбакова. М., 1912. Изд. к-ва „Современ. пробл.". 192 стр. Ц. 1 р.

Прейсъ, В. Душа ребенка. Наблюденіе надъ духовнымъ развитіемъ человѣка въ первые годы жизни. Пер. съ посл. (7 г.) нѣм. изд. Подъ ред. В. Ф. Динзе. Спб., 1912. Изд. О. Богдановой. XV+298 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Ухачъ-Огоровичъ, Н. А. Психологія толпы и арміи. Кіевъ, 1911. 54 стр.

Фрейдъ, С., проф. Психологія сна. Пер. съ нѣм. М., 1912. 64 стр. Ц. 40 к.

§ 5. **Деккеръ, Г.,** д-ръ. Исторія развитія ребенка. Популярно-научный очеркъ для родителей и воспитателей съ многоч. иллюстраціями. Пер. съ 8-го нѣм. изд. Е. С. Дедюлиной, подъ ред. И. Е. Румянцева. „Научно-популярн. педологическая б-ка". Вып. II. Спб., 1911. IV + 132 стр. Съ 37 рис. Ц. 60 к.

Ельницкій, К. Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Спб., 1911. Изд. 2-е, М. М. Гутзаца. 176 стр. Ц. 65 к.

Кайданова, О. В. Сиротскій домъ Прево и его создатель Поль Робенъ. (Передовыя школы и воспитательныя учрежденія Европы и Америки. Кн. V.) (Б-ка свободн. воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. LXVIII.) М.. 1912. 26 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Порѣцкая, М. Школа, полная жизни (Янъ Лихтгартъ и его школа въ Гаагѣ въ Голландіи.) (По Э. Петерсу. Съ французскаго.) Передовыя школы и воспитательныя учрежденія Европы и Америки. Кн. 6. Б-ка свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. LXXV. М., 1912. Изд. И. Горбунова-Посадова. 20 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Раевскій, Н. П. Бесѣды по методикѣ русскаго языка съ приложеніемъ примѣрныхъ уроковъ. Для учительскихъ семинарій, педагог. курсовъ, педагог. классовъ, начальныхъ училищъ. М., 1912. Изд. к-ва К. И. Тихомирова, 2-е. 183+1 нен. стр. Ц. 60 к.

Сосновскій, А. Методика учебныхъ предметовъ начальной школы. Екатеринославъ, 1912. Изд. 7-е. 2 нен.+II+240+30 стр. Ц. 1 р.

Stoeving, Р., проф. Школа Шевчика и ея цѣль. Крит. очеркъ Adler, Max. Планъ преподаванія по школѣ Шевчика. Пер. съ нѣм. Н. Бурлакова. Одесса, 1911. 31 стр. Ц. 30 к.

Толстой, Л. Н. Педагогическія сочиненія. Со вступ. статьей проф. С. А. Венгерова и очеркомъ педагог. дѣятельности Толстого и библіографич. указаніями А. Г. Фомина. Спб., 1912. Изд. издат. газеты „Школа и Жизнь". 411 + 2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Чада, Ф., проф. Педагогическое значеніе дѣтскихъ рисунковъ. Перев. съ чешскаго Н. Н. Бахтина. Спб., 1911. 43 стр. Съ 15 рис.

Штрюмпель, А., фонъ, проф. Нервность и воспитаніе. Лекція для воспитателей, врачей и лицъ, страдающихъ нервностью. Авториз. пер. д-ра Ц. А. Шабадъ. М., 1912. Изд. к-ва „Современ. проблемы". 53+2 нен. стр. Ц. 30 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Кастанье, І. А.** Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края. Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXII. Оренбургъ, 1910. XVII+332 стр.+XXI таб. рис.+1 карта. Ц. 5 р.

§ 2. **Бебель, А. Мемуары.** Ч. II, Вып. II.

Перев. съ рукописи Н. Рязанова. М., 1912. Изд. Н. Н. Клочкова. 217 + 6 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Боровой, А. Исторія личной свободы во Франціи. Отвѣтъ рецензентамъ моск. унив. проф. Тарасову и проф. Елистратову. М., 1911. 54 стр. Ц. 50 к.

Вагнеръ, Р. Моя жизнь. Мемуары. Т. II. Спб., 1911. Изд. „Грядущій день". 229 стр.

Вандаль, А. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. II. Второй бракъ Наполеона. Упадокъ союза. Перев. съ 5-го франц. изд. В. Шиловой. Спб., 1911. Изд. т-ва „Знаніе". 590 стр. + 2 портр. Ц. 3 р.

Исторія новаго времени (1500—1910 гг.). Подъ ред. проф. І. Пфлугъ-Гартунга. Т. І. Вып. 1. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", 64 стр. Съ рис. Съ 7 таб. Ц. 60 к.

Карѣевъ, Н. Парижскія секціи временъ французской революціи (1790 — 1795). Спб. 1911. 105 стр. + 6 таб. Съ рис. Ц. 80 к.

Кубаловъ, Б. Церковь и революція (1789—1802). Иркутскъ, 1911. 33 стр. Ц. 20 к.

Павловъ, Н. Г. Исторія Туркестана въ связи съ историческимъ очеркомъ сопредѣльныхъ странъ (Персіи, Авганистана, Белуджистана, Индіи и Восточнаго Туркестана). Ташкентъ, 1911. Изд. автора. IV + 235 + II нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная исторія отъ эпохи великихъ открытій до Вестфальскаго мира (1500—1650). Перев. подъ ред. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго, отдѣлъ русской исторіи написанъ Н. П. Василенко. Спб., 1911. Изд. Брокгаузъ—Эфронъ. 468 стр. Съ 62 рис.

§ 3. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. II. Письма и дневникъ Александра Ивановича Тургенева геттингенскаго періода (1802—4 гг.) и письма его къ А. С. Кайсарову и братьямъ въ Геттингенъ (1805—11). Съ введеніемъ и прим. В. М. Истрина. Спб., 1911. Изд. Академіи наукъ. IV + 134 + 526 стр. Съ 1 рис. Ц. 3 р.

Ассоновъ, В. 1812 годъ въ Калужской губерніи. Калуга, 1911. 1 нон. + 64 стр. Ц. 20 к.

Булгаковскій, Д. Г. Съ нами Богъ. Религіозныя чувства русскаго народа въ Отечественную войну. Спб., 1911. 8 стр. Ц. 7 к.

Е. В. Государственная дѣятельность предсѣдателя совѣта министровъ Петра Аркадьевича Столыпина. Въ III ч. Ч. II. Отвѣтств. ред. Д. И. З.-Д. Спб., 1911. 323 стр. Съ рис. Ц. 5 р. за 3 части.

Витмеръ, А. Генералъ Левицкій. (Столкновеніе его со Скобелевымъ.) („Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ".) (Воспоминанія.) Севастополь, 1911. 147 стр. Ц. 45 к.

Гаденко, А. П. Наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Николай Александровичъ (1843—1865 гг.). Воспоминанія очевидцевъ болѣзни и кончины цесаревича. Часовня и новый храмъ въ Ниццѣ, на мѣстѣ кончины цесаревича. М. 59 нен. стр. Съ рис. + 7 лист. рис. и портр. + 9 табл.

Глѣбовъ, С. И. (Гнѣдичъ). Жизнь и казнь Стеньки Разина (волжскаго атамана). Легенда. Мое историческое изслѣдованіе по преданіямъ калмыковъ Астраханской губ. Спб., 1911. Изд. М. Холмушина. 159 стр. Ц. 50 к.

Дипломатъ при арміи князя Багратіона. Воспоминанія А. П. Бутенева 6.1812 годъ, изданныя его сыномъ. М., 1911. 63 стр. Ц. 50 к.

Жерве, В. В. Генералъ-фельдмаршалъ великій князь Николай Николаевичъ старшій. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. 1831—1891 гг. Спб., 1911. Изд. Комитета по сооруж. въ Спб. памятника. 248 стр. Съ 114 рис. Ц. 3 р.

Записки княгини Екатерины Дашковой. Перев. съ англ. Спб., 1911. Изд. Лит.-науч. книгоизд. 250 стр. Съ 1 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Знаменитый русскій путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Подъ ред. Ѳ. А. Тарапыгина. Спб., 1911. Изд. 4-е, Постоянной комиссіи народныхъ чтеній. 62 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Кайданова, О. В. Первый русскій ученый Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. М., 1912. 48 стр. съ портр. Ц. 10 к.

Коваленскій, М. Смутное время. Триста лѣтъ назадъ. 1611—1911 гг. М., 1911. Изд. Моск. о-ва грамотн. 61 стр. Ц. 12 к.

Кочергинъ, В. А. Наброски по исторіи города Дубосаръ и прилежащаго приднѣстровья (Херсонской губ.) (1648—1870 гг.). Одесса, 1911. XII + 93 + VIII стр. + 1 портр.

Меншуткинъ, Б. Н. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. Жизнеописаніе. Спб. 1911. Изд. Академіи наукъ. 1 + 160 стр. Съ 20 рис. Ц. 75 к.

Михайловъ, В. А. Отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ. Историко-литературный очеркъ. Популярная б-ка № 102. М., 1911. Изд. к-ва „Звѣзда" Н. Орфанова. 84 стр. Ц. 10 к.

Описаніе русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Т. VII. Военныя дѣйствія съ 22 октября до 1 декабря 1877 г. Ч. I. Общій очеркъ событій и дѣйствія на западномъ фронтѣ. 6-й вып. Подъ ред. ген. штаба полковника Геруа I. Спб., 1911. Изд. Военно истор. ком. гл. упр. генер. штаба. VII + 515 стр.

Пирлингъ, О. Димитрій Самозванецъ. Конецъ дома Рюриковичей. Легенда объ

17141/c

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1912:1
Russkaia mysl.
3 0112 089165069